

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Антохина М.Е. Формирование правового статуса студентов в Российской империи (30–60 -е гг. XIX в.) 6

Владиминова Г.Е., Никонова Н.П. Влияние форм деформации правосознания молодежи на уровень экстремизма в Российской Федерации 10

Давыдов К.А. Развитие представлений о государственном суверенитете в России (историко-правовой аспект) 15

Малько А.В. Юридическая аномия и российская правовая политика в сфере противодействия ей 20

Орлов Д.В. Стоимость правового регулирования: определение понятия 27

Савельев П.Г. Теоретические аспекты сущности правосудия 33

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Воробьева Ю.Ю. Предупредительные меры, направленные на защиту информационных прав граждан РФ 38

Еланский И.Ю. Нормативно-правовое регулирование цифровой трансформации российской экономики 42

Потапова Л.В. Некоторые вопросы осуществления прокурорского надзора за исполнением законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере государственных и муниципальных закупок товаров, работ и услуг 46

Хван И.И. Нормотворческая деятельность Банка России в условиях макроэкономической нестабильности финансовых рынков 2022–2023 гг. 49

Хромеев Н.В. Возможности гуманизации правовых решений института условно-досрочного освобождения 53

Шинкарьук Д.В. Различия правового положения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей 58

Шиш Е.А. Соотношение управленческой и юстиционной концепций в формировании российского административного процесса 63

Якубов Е.Ю. Административно-правовой статус субъектов контрактной системы в сфере закупок товаров, работ и услуг в Российской Федерации 68

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018
ISSN 2220-5500

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: jurscience@mail.ru Сайт: www.jurnauka.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ашмарина Елена Михайловна, д-р юрид. наук, проф., Российский государственный университет правосудия; **Багреева Елена Геннадиевна**, д-р юрид. наук, проф., Финансовый университет при Правительстве РФ; **Барабанова Светлана Васильевна**, д-р юрид. наук, доц., Казанский национальный исследовательский технологический университет; **Бирюков Павел Николаевич**, д-р юрид. наук, проф., Воронежский государственный университет; **Галушкин Александр Александрович**, кандидат юридических наук, доц., Академик РАЕН, Российская академия естественных наук; **Казачкова Земфира Мухарбиевна**, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **Калиниченко Пауль Алексеевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Кожанков Антон Юрьевич**, кандидат юридических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет); **Липатов Эдуард Георгиевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Липски Станислав Андреевич**, д-р экон. наук, доц., Государственный университет по землеустройству; **Малько Александр Васильевич**, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции; **Мамитова Наталия Викторовна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Махтаев Махтай Шапиевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; **Мещерякова Ольга Михайловна**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Панченко Владислав Юрьевич**, д-р юрид. наук, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России); **Рузакова Ольга Александровна**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Сангаджиев Бадма Владимирович**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Степанян Армен Жоресович**, кандидат юридических наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Цареградская Юлия Константиновна**, д-р юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чаннов Сергей Евгеньевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Четвериков Артем Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чихладзе Леван Теймуразович**, д-р юрид. наук, проф., Российский университет дружбы народов; **Шохин Сергей Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Щукина Татьяна Владимировна**, д-р юрид. наук, доц., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Павликов Сергей Герасимович**, д-р юрид. наук, проф. кафедры правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Скитович Виктор Викторович**, доктор юридических наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ имени Г.В. Плеханова»; **Шагиева Розалина Васильевна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Джинджолия Рауль Сергеевич**, д-р юрид. наук, проф., Российский новый университет; **Стойко Николай Геннадьевич**, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет

Главный редактор:

Кашкин Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор
Заместитель главного редактора:
Коровяковский Денис Геннадьевич, канд. юрид. наук, доц.

Отпечатано в типографии ООО «Издательство «КноРус»,
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.03.2024

Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

<i>Антюшин И.С.</i> Право собственности: трансформация философских взглядов в процессе социально-исторического развития	72
<i>Базунов И.В.</i> Злоупотребление правом на распоряжение общим имуществом супругов с позиции правового положения субъекта правоотношений	77
<i>Банний Д.С.</i> Нормативное регулирование статуса криптовалюты в контексте процедуры банкротства.....	83
<i>Блинова Ю.В.</i> Признание безвестно отсутствующим и объявление умершим, осложненные иностранным элементом, в Российской Федерации	86
<i>Братухина Е.В.</i> Процедура внесудебного банкротства для индивидуального предпринимателя: актуальные вопросы теории и практики	92
<i>Бузиков С.Р.</i> Ограничение применения института процессуального соучастия для защиты нарушенного «права на город».....	96
<i>Винярский А.Ю.</i> Порядок начисления и выплаты заработной платы согласно действующему законодательству	102
<i>Врачёва Ю.С.</i> Правовые последствия применения моратория на возбуждение дел о банкротстве: обобщение практики 2020 и 2022 годов	109
<i>Гаврюсов А.В.</i> Формы процессуального бездействия лиц, участвующих в деле, в современном цивилистическом процессе России.....	112
<i>Дегтярев Д.Д.</i> Правовое регулирование ликвидации и правопреемства футбольного клуба	118
<i>Джикия М.Д., Колтырин В.И.</i> Правовая природа договора оказания телемедицинских услуг: аспекты определения обязательных условий	125
<i>Дроздов Р.В., Бедрин В.С.</i> Правовые инструменты предотвращения коррупции в сфере государственных закупок	131
<i>Зарубина Э.А.</i> Квалификация понятия потребителя в законодательстве Российской Федерации, Европейского союза и Китая.....	136
<i>Каринский К.Г.</i> Проблемы и перспективы развития ипотечной системы в Российской Федерации.....	141
<i>Климко Е.И.</i> Данные как объект гражданских прав: условия признания и передачи (предоставления).....	145
<i>Козырева Д.А.</i> Благоприятная окружающая среда как конституционная ценность и объект конституционно-правового регулирования	150
<i>Косынкин А.А.</i> Судебные споры при продаже невостребованных земельных долей и земельных участков сельскохозяйственного назначения: проблемы и пути решения	155
<i>Чаштанова Д.П.</i> Правовые способы определения статуса занятых посредством платформ: аспекты предоставления социально-трудовых гарантий	158

<i>Минимулин Н.В.</i> Возможности нормативного определения статуса заключения соглашения о санации в законодательстве о банкротстве	163
<i>Смолина Ю.В.</i> Применение принципа добросовестности при возложении трудовых обязанностей на работника.....	169
<i>Стебаев А.А.</i> Лицензионный договор о предоставлении права использования программы для ЭВМ: основания и последствия расторжения.....	174
<i>Филатов К.С.</i> Возможности проверки правовых конструкций с помощью эксперимента в российском и международном законодательстве.....	178
<i>Чаштанова Д.П.</i> Развитие правового регулирования компенсаций дистанционным работникам на оборудовании рабочего места.....	182
<i>Чжао Лэ.</i> Новые положения об уставном капитале по Закону о компаниях КНР	186
<i>Шевелев И.В.</i> Определение критериев охраноспособности программ для ЭВМ: авторско-правовое регулирование использования методов low-code/no-code разработки.....	191

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Агафонов А.В., Куричков Д.О.</i> Обязательные признаки субъективной стороны преступлений против собственности, как основа их дальнейшей классификации и идентификации.....	199
<i>Бережнова Н.А.</i> Правовые условия интеграции результатов обследования в оперативно-розыскной деятельности в доказательственный материал судебных разбирательств.....	207
<i>Боев Д.В.</i> Применение положений законодательства о необходимой обороне к ситуации применения огнестрельного оружия	211
<i>Труш В.М., Гомонов Н.Д., Тимохов В.П.</i> Характерология правопослушного и делинквентного поведения: лингвокультурологический и концептологический подходы.....	216
<i>Антонов А.О., Бруевич М.Ю., Губанова О.А.</i> Некоторые актуальные аспекты использования технических средств и специальных знаний при осмотре места происшествия, связанного с пожаром....	220
<i>Бережнова Н.А.</i> Развитие института защиты прав предпринимателей при проведении оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств»	226
<i>Даровских О.И., Даровских С.М.</i> Рассмотрение уголовных дел в отсутствие подсудимого как дифференцированная форма порядка уголовного судопроизводства и процессуальный институт	230
<i>Егорова Р.Е.</i> Систематизация подходов к доктринальному основанию концепции определения разумного срока в уголовно-процессуальной науке	236

<i>Зацепин М.Н., Зацепин А.М.</i> Методологические формы связи криминологии с социологией и психологией	242	<i>Тряев А.Г.</i> Формирование криминологического портрета совершившего насильственные действия несовершеннолетнего преступника (по материалам Пермской воспитательной колонии)	278
<i>Иванова М.И.</i> Дознание в органах внутренних дел как предмет процессуального контроля	248	<i>Хоу Лэй.</i> Уголовная ответственность за взяточничество по законодательству России и КНР	282
<i>Коротаева Ю.А.</i> Правовое обоснование возможности отнесения руководителей дознавателя к субъектам контроля за его процессуальной деятельностью	252	МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ	
<i>Косарева Б.П.</i> Допустимость доказательств как фактор формирования внутреннего убеждения субъекта доказывания по уголовным делам.....	256	<i>Глазов Д.В.</i> Выявление исторического процесса возникновения отличий регулирования договорных отношений в романо-германской и англо-саксонской правовых системах	286
<i>Крюков А.В.</i> Обоснованность назначения наказания соучастника в совершении преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ	260	АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА	
<i>Кузнецов Р.Д.</i> Предмет нарушения правил обращения экологически опасных веществ и отходов ...	264	<i>Пермяков М.В., Банных С.Г., Сарапульцева А.В.</i> Влияние конкуренции и монополии на экономику РФ. Антимонопольная политика России.....	291
<i>Лысковский И.Е.</i> Развитие правового конструкта квалификации преступления, предусмотренного п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ	269	<i>Зайко Т.М., Мингалёв А.Д.</i> Превентивность правонарушений несовершеннолетних – психологические аспекты.....	294
<i>Милаева М.Ю., Печёнов Д.А.</i> Уголовно-правовое значение психического и физического принуждения как обстоятельства, исключающего преступность деяния в российской и международных правовых системах	272	<i>Силаков О.Ю.</i> Психологический аспект реконструкции события преступления.....	299

TABLE OF CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Antokhina M.E.</i> Formation of the legal status of students in the Russian Empire (30–60-ies of the XIX c.)	6
<i>Vladimirova G.E., Nikonova N.P.</i> The influence of forms of deformation of youth's legal consciousness on the level of extremism in the Russian Federation	10
<i>Davydov K.A.</i> The development of ideas about state sovereignty in Russia (historical and legal aspect)	15
<i>Malko A.V.</i> Legal anomie and russian legal policy aimed to counter it	20
<i>Orlov D.V.</i> The cost of legal regulation: definition of the concept	27
<i>Saveliev P.G.</i> Theoretical aspects of the essence of justice... ..	33

PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

<i>Vorobyova Yu.Yu.</i> Preventive measures aimed at protecting the information rights of citizens of the Russian Federation	38
<i>Yelansky I.Yu.</i> Legal regulation of digital transformation of the Russian economy	42
<i>Potapova L.V.</i> Some issues of prosecutorial oversight regarding the implementation of the legislation on the contract system in state and municipal procurement in Russia	46
<i>Hvan I.I.</i> Rulemaking activities of the Central Bank of Russia in the context of macroeconomic instability in financial markets in 2022–2023.....	49
<i>Khromeev N.V.</i> Possibilities of humanizing legal decisions of the institution of parole.....	53
<i>Shinkariuk D.V.</i> Differences in the legal status of orphans and children without parental care.....	58
<i>Shish E.A.</i> The relationship between management and justice concepts in the formation of the Russian administrative process.....	63
<i>Yakubov E.Yu.</i> Administrative and Legal Status of Contracting Entities in the Procurement of Goods, Works, and Services in the Russian Federation	68

PRIVATE LEGAL (CIVILITY) SCIENCES

<i>Antyushin I.S.</i> Right of ownership: transformation of philosophical views within the process of socio-historical development of society.....	72
<i>Bazunov I.V.</i> Abuse of the right to disposal of spouse's common property in the context of the subject legal status	77
<i>Banny D.S.</i> Regulatory regulation of the status of cryptocurrency in the context of bankruptcy proceedings	83
<i>Blinova Yu.V.</i> Recognition as missing and declaration as deceased, complicated by a foreign element, in the Russian Federation	86
<i>Bratukhina E.V.</i> Out-of-court bankruptcy procedure for an individual entrepreneur: current issues of theory and practice	92

<i>Buzikov S.R.</i> Limitation of the use of the institution of procedural complicity to protect the violated “right to the city”	96
<i>Vinyarsky A.Yu.</i> Procedure for calculation and payment of wages according to current legislation	102
<i>Vracheva Ju.S.</i> Legal consequences of applying a moratorium on initiating bankruptcy cases: a summary of practice in 2020 and 2022	109
<i>Gavryusov A.V.</i> Forms of Party's Procedural Inaction in Civil Trials in Russia.....	112
<i>Degtyarev D.D.</i> Legal regulation of liquidation and succession of a football club	118
<i>Dzhikiya M.D., Koltyrin V.I.</i> Legal nature of the contract for the provision of telemedicine services: aspects of determining mandatory conditions	125
<i>Drozдов R.V., Bedrin V.S.</i> Legal instruments for preventing corruption in public procurement.....	131
<i>Zarubina E.A.</i> The concept of the consumer and its qualification in the law of the Russian Federation, the EU and China.....	136
<i>Karinskiy K.G.</i> Problems and development perspective of the mortgage system in Russian Federation.....	141
<i>Klimko E.I.</i> Data as an object of Civil law: conditions of recognition and transfer (provision)	145
<i>Kozyreva D.A.</i> A favorable environment as a constitutional value and an object of constitutional and legal regulation ...	150
<i>Kosynkin A.A.</i> Legal disputes in the sale of unclaimed land shares and agricultural land plots: problems and ways of solution.....	155
<i>Chashtanova D.P.</i> Legal methods for determining the status of employees through platforms: aspects of providing social and labor guarantees	158
<i>Minimulin N.V.</i> Possibilities of regulatory determination of the status of concluding a resolution agreement in bankruptcy legislation.....	163
<i>Smolina Yu.V.</i> Application of the principle of good faith in assigning work responsibilities to an employee	169
<i>Stebaev A.A.</i> Software license agreements in the Russian Federation: grounds and consequences of termination	174
<i>Filatov K.S.</i> Possibilities of testing legal constructs using experiment in Russian and international legislation.....	178
<i>Chashtanova D.P.</i> Development of legal regulation of compensation for remote workers for workplace equipment.....	182
<i>Zhao Le.</i> New provisions on registered capital under the Company Law of the People's Republic of China.....	186
<i>Shevelev I.V.</i> Determination of criteria for the protection of computer programs: copyright regulation of using low-code/no-code development methods.....	191

CRIMINAL LEGAL SCIENCES

<i>Agafonov A.V., Kurichkov D.O.</i> Mandatory signs of the subjective side of crimes against property, as the basis of their further classification and identification.....	199
--	-----

<i>Berezhnova N.A.</i> Legal conditions for the integration of survey results in operational investigative activities into the evidentiary material of legal proceedings.....	207	<i>Kryukov A.W.</i> The validity of imposing punishment on an accomplice in committing a crime under Art. 106 of the Criminal Code of the Russian Federation	260
<i>Boev D.V.</i> Application of the law on necessary defense to the situation of the use of firearms	211	<i>Kuznetsov R.D.</i> The subject of violation of the rules of handling environmentally hazardous substances and waste.....	264
<i>Trush V.M., Gomonov N.D., Timokhov V.P.</i> Characterology of law-abiding and delinquent behavior: linguocultural and conceptual approaches.....	216	<i>Lyskovsky I.E.</i> Development of the legal construct for qualifying the crime provided for in paragraph “m” of Part 2 of Art. 105 of the Criminal Code of the Russian Federation	269
<i>Antonov A.O., Bruevich M.Yu., Gubanova O.A.</i> Some relevant aspects of the use of technical means and special knowledge when examining the scene of a fire-related incident	220	<i>Milaeva M.Yu., Pechenov D.A.</i> The criminal legal significance of mental and physical coercion as a circumstance precluding criminality of an act in the russian and international legal systems	272
<i>Berezhnova N.A.</i> Development of the institute for protecting the rights of entrepreneurs during operational search activities “inspection of premises, buildings, structures, areas and vehicles”	226	<i>Tryaev A.G.</i> Formation of a criminological portrait of a juvenile offender who committed violent acts (based on materials from the Perm educational colony)	278
<i>Darovskikh O.I., Darovskikh S.M.</i> Consideration of criminal cases in the absence of the defendant as a differentiated form of criminal proceedings and a procedural institution	230	<i>Hou Lei.</i> Criminal liability for bribery under Russian and Chinese law.....	282
<i>Egorova R.E.</i> Systematization of approaches to the doctrinal basis of the concept of determining a reasonable period in criminal procedure science.....	236		
<i>Zatsepin M.N., Zatsepin A.M.</i> Methodological forms of the connection of cryology with sociology and psychology.....	242		
<i>Ivanova M.I.</i> Inquiry in the internal affairs bodies as a subject of procedural control	248		
<i>Korotaeva Yu.A.</i> Legal justification for the possibility of classifying the heads of the investigator as subjects of control over his procedural activities	252		
<i>Kosareva B.P.</i> Admissibility of evidence as a factor in the formation of inner conviction of the subject of proof in criminal cases.....	256		
		INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES	
		<i>Glazov D.V.</i> Identification of the historical process of the emergence of differences in the regulation of contractual relations in the Roman-Germanic and Anglo-Saxon legal systems	286
		CURRENT ISSUES OF MODERN LAW-MAKING	
		<i>Bannykh S.G., Permyakov M.V., Sarapultseva A.V.</i> The impact of competition and monopoly on the Russian economy. The antimonopoly policy of Russia	291
		<i>Zaiko T.M., Mingalev A.D.</i> Psychological aspects of juvenile delinquency prevention.....	294
		<i>Silakov O.Yu.</i> Psychological aspect of reconstruction of a crime event	299

Формирование правового статуса студентов в Российской империи (30–60-е гг. XIX в.)

Антохина Маргарита Евгеньевна,

соискатель кафедры истории государства и права,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: margarita-antohi@mail.ru

Статья посвящена формированию и эволюции правового статуса российских студентов в 30–60-е гг. XIX в. По сравнению с уставом 1804 г. в новом университетском уставе 1835 г. был установлен более жесткий контроль государства за деятельностью университетов, были зафиксированы права и обязанности студентов, происходит законодательное закрепление студенчества в особую группу населения. Нормативные акты 40–50-х гг. дополняли положения устава 1835 г. в контексте ужесточения контроля со стороны государства за деятельностью университетов и студенчеством. Положения устава 1863 г. были направлены на совершенствование механизма управления образовательным процессом, закрепление юридических основ финансовой, административной и судебной деятельности университетов, возобновление университетской автономии. Были расширены права Совета университета, ректора, избираемого Советом, факультетских собраний, восстановлен университетский суд. Устав 1863 г. отличается от предшествующих уставов не только более подробной проработкой норм, касающихся организации и функционирования университетских коллегиальных органов, но и усилением их роли и места в управлении университетом. Особое внимание в уставе было уделено правам и обязанностям студентов. Была закреплена единая система дисциплинарных взысканий и наказаний для студентов.

Ключевые слова: образовательный процесс, министерство народного просвещения, университетская реформа, университетский устав, правовой статус студентов, совет университета, университетское самоуправление, студенческая организация.

Численность студентов в вузах Российской Федерации неуклонно растет: на начало 2022–2023 учебного года система высшего образования охватывала около 4 миллионов студентов. Правовое регулирование образовательных процессов в системе высшего образования определяет статус основного участника образовательного процесса – студента. Правовой статус студента напрямую зависит от сущности и содержания образовательных отношений, от позиции государства в вопросе регулирования высшего образования. Исходя из вышесказанного, анализ ретроспективы развития системы высшего образования в Российской империи в целом и, в частности, нормирования правового статуса студенчества, является чрезвычайно актуальным в современный период.

В 1835 г. был издан второй университетский устав [4]. Он получил высокую оценку в глазах современников: «до 1848 года устройство наших университетов было чисто демократическое. Двери их были открыты всякому, кто мог выдержать экзамен и не был ни крепостным, ни крестьянином, не уволенным своей общиной» [1]. Один из основоположников российского конституционного права Б.Н. Чичерин считал, что благодаря уставу 1835 г. деятельность высших учебных заведений была обращена «на существенную пользу наук и публичного воспитания»: «Уваров, Строганов, Грановский, Нахимов! Какое сочетание имен! Какова была жизнь в университете, когда все эти люди действовали вместе, на общем поприще, приготавливая молодые поколения к служению России» [12]. Один из деятелей русского просвещения, сторонник русофильского движения на Украине М.В. Юзефович писал о деятельности министра народного просвещения С.С. Уварова: «Он застал наши университеты с самыми ничтожными средствами, материальными и научными, а общую у нас сумму людей с научным образованием – гораздо ниже нынешней; гимназии же застал существующими только по названию. В несколько лет он успел поставить на ноги те и другие, после 15-летнего управления оставил нам университеты на степени вполне органических учреждений, в которых начинала возникать умственная самостоятельность, как доказывают лучшие наши мыслители, почти все относящиеся к его времени» [13].

В основе устава 1835 г. лежала уваровская триада. В записке С.С. Уварова, поданной на имя Николая I, была определена главная задача реформированного высшего образования: «общая на-

ша обязанность состоит в том, чтобы народное образование... совершилось в соединенном духе православия, самодержавия и народности». Было необходимо «положить конец превратному домашнему воспитанию... иностранцами, уменьшить господство страсти по иноземному образованию, блестящему по наружности, но чуждому основательности и истинной учености...». Таким образом, концепция высшего образования, предложенная С.С. Уваровым, исходила из принципов российской государственности и культуры.

С одной стороны, устав 1835 г. имел ориентацию не на западные либеральные установки, а на традиционные национальные ценности, способствовал укреплению университетской дисциплины, установлению государственного контроля за качеством обучения, освобождению университетов от обременительной обязанности курирования всех ступеней народного образования в учебных округах. С другой стороны, он урезал университетское самоуправление и академические свободы. По сути, устав 1835 г. первым в истории правового регулирования российского образования выделяет студентов как отдельную группу населения.

Однако после европейских революций 1840-х гг. политика правительства была направлена на свертывание университетской автономии, сокращение прав профессорской и студенческой корпорации. В качестве дополнения к уставу 1835 г. в конце 40-х – начале 50-х гг. было издан ряд нормативных актов, регулирующих правовой статус студентов. На основании указа от 30 апреля 1849 г. «Об ограничении числа студентов в университетах» количество принимаемых обучающихся в каждый российский университет не должно было превышать 300 человек, но это распоряжение не касалось казеннокоштных студентов, которые содержались и обучались за счет государственных средств и после обучения должны были «по распоряжению правительства отслужить определенное число лет» [5, с. 878]. Об этом прямо указывает в постановлении «Об ограничении числа студентов в университетах» от 11 мая 1849 г., в котором министр народного просвещения С.С. Уваров, ссылаясь на статс-секретаря А.С. Танеева, огласившего волю императора: «о казенных и речи нет; приказание касается до вольноприходящих и слушателей» [6, с. 880]. 11 октября 1849 г. вышел указ «Об изменении порядка назначения ректоров и деканов в университеты: С. Петербургский, Московский, Св.Владимира, Харьковский и Казанский» на основании которого министр народного просвещения получил право назначать ректора [7, с.916]. В ноябре 1849 г., с подачи министра народного просвещения П.А. Ширинского Шихматова, заменившего С.С. Уварова, было запрещено преподавание государственного права в связи с революционными изменениями в Западной Европе, которые повлияли на их государственное право. Министр просил монарха «из-за нетвердости начал и неудовлетворительности выводов» приостановить преподавание этого предмета. На основании постановления

от 26 января 1850 г. «О принятии в Университеты преимущественно молодых людей, имеющих право на вступление в гражданскую службу» был ограничен прием в университеты представителей низших сословий: допускались только лица, имеющие право на гражданскую службу [9, с. 944]. На основании постановления от 26 января 1850 г. «О переименовании в факультеты отделений философского факультета в Университетах» философские факультеты и кафедры философии перестали существовать [8, с. 942]. 22 июня 1850 г. было опубликовано постановление «Об ограничении преподавания философии в Университетах и Ришельевском лицее логикой и психологию, с возложением чтения оных на профессоров богословия» [10, с. 1414].

Кардинальные изменения коснулись системы высшего образования в правление Александра II. Начало 60-х гг. отмечено студенческими волнениями, причиной которых явились утвержденные 31 мая 1861 г. правила «О некоторых преобразованиях по университетам», разработанные комиссией во главе с графом С.Г. Строгановым [11, с. 636]. Правила содержали положения о приемных и переводных экзаменах, об отмене студенческой формы, о стипендиях и пособиях, воспрещали «всякие сходки без разрешения начальства», требовали «точного посещения лекций с соблюдением необходимых порядка и тишины». Была вновь введена в действие «Инструкция ректорам и деканам» от 1851 г.: на этих представителей университетской администрации вновь возлагалась ответственность за политическую благонадежность преподавания, воспитание у студентов «благоговения к святыням, преданность государю и любовь к отечеству».

Ответственным за осуществление нововведений был министр народного просвещения Е.В. Пютятин, который издал циркуляр от 21 июля 1861 г., адресованный попечителям учебных округов, разъясняющий и дополняющий Правила 1861 г. Лейтмотивом циркуляра являлось усиление охранительного начала в образовании [2, с. 470–471]. Это была попытка государства стабилизировать ситуацию в университетах, не меняя существующий университетский устав. Циркуляр запрещал студенческие сходки и отправку делегатов от студентов к представителям университетской администрации. Распорядители студенческих касс взаимопомощи, библиотек, «читален» и другие выбранные на сходках представители учащейся молодежи заменялись лицами, назначенными университетским начальством. Одним из самых одиозных правил циркуляра стало запрещение освобождать от платы за обучение более двух студентов от каждой губернии, входившей в состав учебного округа. Это означало отмену ранее широко применявшейся льготы по освобождению неимущих студентов от платы за обучение, а следовательно, и закрывало доступ в университет «студенческому пролетариату» – наиболее политически неблагонадежной, в глазах правительства, группе молодых людей. Посещение лекций признавалось

обязательным условием пребывания учащихся в университете. Профессора получали право удалять с занятий вольнослушателей, виновных в нарушении порядка. Студенты ставились в полную зависимость от общей полиции. Надзор за поведением и намерениями студентов внутри университетов возлагался на проректора, избравшегося из профессоров. В конце 1861 г. были введены матрикулы, которые удостоверяли личность студента, выполняли функцию зачетки, являлись видом на жительство и содержали основные правила поведения студентов.

Изданный в 1863 г. новый университетский устав, несмотря на либеральные условия в которых он принимался, зафиксировал многие положения и Правил 1861 г. и циркуляра Е.В. Путятина. В частности, право на освобождение от платы за обучение в университете сохранялось только за двумя лучшим абитуриентам из одной губернии, один из которых должен был быть учеником гимназии. Это приводило к формированию более закрытой и замкнутой системы университетского образования, к получению которого допускались преимущественно ученики гимназий. Это не значило, что другие категории абитуриентов не могли поступить. Сдав экзамен в гимназии, они имели возможность поступления в университет.

Согласно Уставу 1863 г. учащиеся разделяются на две категории: студентов и посторонних слушателей, но переход из студентов в посторонние слушатели воспрещался согласно п. 6 положения Комитета Министерства от 26 мая 1867 г. [3]. Допускался переход студентов из одного института в другой: «прием в университеты студентов, переходящих из других университетов империи, производится на основании правил, утверждаемых в каждом университете попечителем». Переход из одного университета в другой допускался лишь для студентов, которые могут представить одобрительный отзыв из прежнего места обучения. Такой порядок впредь закрывал перед «неблагонадежными» студентами двери университета. Студент, отчислившийся из института, имел право на восстановление, при этом он был обязан предоставить свидетельство об одобрительном поведении за время пребывания вне учебного заведения.

Обучаясь в университете, студенты могли пользоваться бесплатно услугами врача, получать лекарства по рецептам, и в случае надобности и возможности, помещались в больницу за счет университета.

Одной из главных задач высшего образования было внедрение в умы и сознание студентов политической лояльности и благонадежности в отношении действующего режима власти. Новый устав возлагал воспитательные функции на университетские коллегии: совет университета поручал надзор за студентами профессорам или инспекторам с университетским образованием. Студенты, нарушившие положения университетского устава, подвергались университетскому суду.

Формально устав 1863 г. не запрещал студентам образовывать корпорации, однако циркуляр

министра народного просвещения А.В. Головнина от 20 июля 1863 г. указывал на необходимость внесения в правила для студентов запрета на создание студенческих организаций и проведение сходок. Был наложен запрет и на театральные представления, благотворительные концерты, студенческие библиотеки, кассы взаимопомощи и даже курительные комнаты, где иногда собирались студенты и вывешивались различного содержания листовки. От университетских советов требовали при составлении университетских правил добиваться того, чтобы они исключили возможность повторения студенческих беспорядков.

Ряд льгот студенты получили после установления всеобщей воинской повинности и введение в действие Устава о воинской повинности 1874 г. Государство стремилось, с одной стороны, привлечь в армейские ряды образованных людей, но, с другой стороны, необходимо было учитывать потребности различных отраслей общественной и государственной жизни в высококлассных специалистах. Поэтому в Уставе 1874 г. для лиц, имеющих среднее и высшее образование, были закреплены образовательные льготы трех видов: отсрочка призыва; уменьшение сроков прохождения службы и пребывания в запасе; освобождение от воинской службы.

Таким образом, участие государства в развитии университетского образования и формировании правового статуса студенчества в 30–60-х гг. XIX в. было определяющим. В законодательстве 30–60-х гг. XIX в. в полном объеме отражено качественно новое состояние образовательной функции государства и зафиксировано возникновение специальной отрасли управления образованием. Происходит законодательное закрепление принципов правового регулирования статуса студентов. Регламентации подлежала учебная и бытовая жизнь студентов, осуществляемая профессорской корпорацией. Увеличение численности обучающихся приводит к закреплению правовых границ студенческой свободы и усилению полицейского надзора за студенчеством. Были разработаны дисциплинарные правила для студентов, которые не только фиксируют нормы учебной жизни студента, но и определяют нормы его поведения, его поступки и образ мыслей. Постоянный контроль за исполнением дисциплинарных правил и нравственностью студентов был возложен на инспекцию, состоявшую по уставу 1835 г. из гражданских чиновников. Закреплялась единая система дисциплинарных взысканий и наказаний диапазон которых был от выговора ректора до исключения из университета с потерей прав.

Правила поступления и обучения студентов изменялись в соответствии с целями и задачами правительства в области образования. В первые десятилетия XX в. первоочередной задачей министерства народного просвещения было комплектование университетов преимущественно выпускниками гимназий, что должно было привести к постепенному вытеснению домашнего и частно-

го образования. С 1830-х г. формируются требования правительства не только в отношении знаний абитуриентов, но и их социального статуса. Обучение в университете становится подготовкой для поступления на государственную службу, а для выходцев из низших слоев общества необходимым условием вертикальной социальной мобильности. Устав 1863 г. явился компромиссом между либеральными веяниями 60-х гг., прежними университетскими порядками и чаяниями правительства. Формируется государственный заказ на выпуск специалистов, необходимых для проведения модернизации страны.

Литература

1. Герцен А.И. Былое и думы. В 3-х т. Москва: Художественная литература, 1982.
2. Записка о петербургских университетских беспорядках // Лемке М. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов» по неизданным документам с портретами. СПб., 1908.
3. Циркуляр от 21 июля 1861 г. «Правила о надзоре за студентами вне стен университета и воспитанниками высших учебных заведений разных ведомств». Архив графа Петра Александровича Валуева // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prlib.ru/item/988041>.
4. Полное Собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. X. № 8337.
5. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Санкт-Петербург: тип. Т-ва «Общественная польза». 1849. Том II. Отделение II. Стб. 1094. Стр. 878.
6. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Санкт-Петербург: тип. Т-ва «Общественная польза». 1849. Том II. Отделение II. Стб. 1096. Стр. 880.
7. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Санкт-Петербург: тип. Т-ва «Общественная польза». 1849. Том II. Отделение II. Стб. 1108. Стр. 916.
8. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Санкт-Петербург: тип. Т-ва «Общественная польза». 1850. Том II. Отделение II. Стб. 1127. С. 942.
9. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Санкт-Петербург: тип. Т-ва «Общественная польза». 1850 г. Отделение II. Стб. 1129. Стр. 944.
10. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Санкт-Петербург: тип. Т-ва «Общественная польза». 1850. Том III. Отделение II. Стб. 5. Стр. 1414.
11. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Санкт-Петербург: тип. Т-ва «Общественная польза». 1861 г. Отделение II. Том III. Стб. 317. С. 636.
12. Чичерин Б.Н. Воспоминания Русские мемуары. Избранные страницы (1826–1856). Сост., биограф. очерки и прим. И.И. Подольской. М.: Правда, 1990.

13. Юзефович М.В. Несколько мыслей и соображений по поводу покушения 4-го апреля / [Соч.] М. Юзефовича. Киев: Унив. тип., 1866.

FORMATION OF THE LEGAL STATUS OF STUDENTS IN THE RUSSIAN EMPIRE (30–60-IES OF THE XIX C.)

Antokhina M.E.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Y. Kikot

The article is devoted to the formation and evolution of the legal status of Russian students in the 30–60s of the XIX c. In comparison with the charter of 1804, the new university charter of 1835 established stricter state control over the activities of universities, fixed the rights and obligations of students, and legislated students into a special group of the population. The regulations of the 40s and 50s complemented the provisions of the charter of 1835 in the context of stricter state control over the activities of universities and students. The provisions of the Charter of 1863 It was aimed at improving the management mechanism of the educational process, consolidating the legal foundations of financial, administrative and judicial activities of universities, and resuming university autonomy. The rights of the University Council, the rector elected by the Council, faculty meetings were expanded, and the university court was restored. The Charter of 1863 differs from the previous charters not only by a more detailed elaboration of the norms concerning the organization and functioning of university collegiate bodies, but also by strengthening their role and place in the management of the university. The charter paid special attention to the rights and duties of students. A unified system of disciplinary penalties and punishments for students was established.

Keywords: educational process, Ministry of Public Education, university reform, university charter, legal status of students, university council, university self-government, student organization.

References

1. Herzen A.I. Past and thoughts. In 3 volumes. Moscow: Fiction, 1982.
2. A note on the St. Petersburg University riots // Lemke M. Essays on the liberation movement of the “sixties” based on unpublished documents with portraits. St. Petersburg, 1908.
3. Circular dated July 21, 1861 “Rules on supervision of students outside the University and students of higher educational institutions of various departments.” Archive of Count Peter Alexandrovich Valuev // [Electronic resource]. URL: <https://www.prlib.ru/item/988041>
4. The Complete Collection of laws of the Russian Empire. Collection 2. T.H. No. 8337.
5. Collection of resolutions on the Ministry of Public Education. Saint Petersburg: type. T-va “Public benefit”. 1849. Volume II. Department II. Stb. 1094.
6. Collection of resolutions on the Ministry of Public Education. Saint Petersburg: type. T-va “Public benefit”. 1849. Volume II. Department II. Stb. 1096.
7. Collection of resolutions on the Ministry of Public Education. St. Petersburg: type. T-va “Public benefit”. 1849. Volume II. Department II. Stb. 1108.
8. Collection of resolutions on the Ministry of Public Education. Saint Petersburg: type. T-va “Public benefit”. 1850. Volume II. Department II. Stb. 1127.
9. Collection of resolutions on the Ministry of Public Education. Saint Petersburg: type. T-va “Public benefit”. 1850 Department II. Stb. 1129.
10. Collection of resolutions on the Ministry of Public Education. St. Petersburg: type. T-va “Public benefit”. 1850. Volume III. Department II. Stb. 5.
11. Collection of resolutions on the Ministry of Public Education. St. Petersburg: type. T-va “Public benefit”. 1861 Department II. Volume III. Stb. 317.
12. Chicherin B.N. Memoirs of Russian memoirs. Selected pages (1826–1856). Comp., biograph. essays and notes by I.I. Podolskaya. M.: Pravda, 1990.
13. Yuzefovich M.V. Several thoughts and considerations about the assassination attempt on April 4th / [Op.] M. Yuzefovich. Kiev: Univ. type., 1866.

Влияние форм деформации правосознания молодежи на уровень экстремизма в Российской Федерации

Владиминова Галина Евгеньевна,

доцент кафедры уголовного права и процесса, Сургутский государственный университет
E-mail: vladimirova_ge@surgu.ru

Никонова Наталия Петровна

доцент кафедры уголовного права и процесс, Сургутский государственный университет
E-mail: nikonova_np@surgu.ru

Статья посвящена выявлению причинно-следственных связей между формами деформации правосознания отечественной молодежи и причинами экстремизма в Российской Федерации. Для всех очевидна данная взаимосвязь, однако конкретный механизм влияния до конца не ясен. С этой целью была выделена отличительная черта правосознания молодежи: оно формируется на этапе когнитивного (познавательного) становления личности, поэтому подвержено существенному влиянию от внешних факторов. Негативное влияние деформированного правосознания сказывается на всех уровнях правовой системы общества (нормативно-регулятивный, организационно-деятельностный, социально-результативный), в том числе порождая экстремизм. Охарактеризовано четыре формы деформации правосознания современной молодежи (правовой идеализм, правовая демагогия, правовой нигилизм и правовой дилетантизм), а также три главные причины возникновения экстремизма в России (экономическое неравенство, социальное расслоение в отсутствие мобильности, аномия в обществе). Полученные характеристики помогли найти не просто корреляцию между формами деформации и детерминантами экстремизма, а конкретные причинно-следственные связи. Таким образом, возникновение экстремизма происходит, прежде всего, от правового нигилизма и правового дилетантизма современной российской молодежи.

Ключевые слова: правосознание, экстремизм, правовой нигилизм, правовой дилетантизм, правовой идеализм, правовая система.

«Кто в молодости не был радикалом, у того нет сердца; кто в зрелости не стал консерватором, у того нет ума» – эти слова приписывают У. Черчиллю, ими часто оперируют в процессе дискуссий на тему различных идеологических учений. Однако нужно уметь отличать радикализм, который ограничивается рассуждениями, не имеющими преступного подтекста, и радикализм, который выливается в конкретную противоправную и даже преступную деятельность. Ко второй категории как раз и относится экстремизм.

Экстремизм следует отнести к одной из главных угроз национальной безопасности Российской Федерации. Это следует как из нормативных правовых актов программного значения [15], так и из научной литературы [2, с. 44], [12, с. 64]. Особо опасным влиянием на будущее государства отличается молодежный экстремизм.

Негативные проявления экстремизма отражаются на всех элементах правовой системы общества. Наиболее полное определение правовой системы общества представлено в исследованиях В.Д. Перевалова: «это целостный комплекс правовых явлений, обусловленный объективными закономерностями развития общества, осознанный и постоянно воспроизводимый людьми и их организациями (государством) и используемый ими для достижения своих целей» [7, с. 329]. Задействуя системный подход, автор выстраивает структуру правовой системы, важнейшим элементом которой является правовое сознание (индивидуальное и групповое).

В работе учёного представлено пять уровней правовой системы, где правосознание закреплено на втором (интеллектуально-психологическом) уровне. Этот уровень следует сразу же после базового (физического) уровня, на котором расположены главные действующие лица – сами субъекты права. В рамках же второго уровня формируется осознание и понимание права (правовых явлений) определённым субъектом. При этом наиболее уязвимое правосознание – это правосознание несовершеннолетнего.

О.В. Лещенко указывает, что «Отличительной чертой правового сознания несовершеннолетних является то, что процесс его формирования происходит в период возрастных изменений индивидуумов, и на этапе становления их познавательных (когнитивных) компонентов личности» [6, с. 21].

И если у несовершеннолетних (молодёжи) возникают дефекты восприятия на втором уровне (правосознание), то на последующих трёх уровнях, как следствие, дефекты будут только множиться.

Так, на третьем, нормативно-регулятивном уровне, восприятие норм права, регулирующих общественные отношения, в том числе в сфере борьбы с экстремизмом, будет деформированным. Подростку будет казаться неправильным следование запрету, а, наоборот, нарушение запрета будет восприниматься как надлежащее поведение в глазах окружающих сверстников. Как итог – представление молодого человека о справедливости и несправедливости будет искажённым.

Четвёртый уровень (организационно-деятельностный), соответственно, также будет страдать. Предпосылка в виде искажённого представления о праве, о правовых явлениях, о справедливости будет влечь результат в виде девиантного поведения.

И, наконец, пятый уровень – социально-результативный. На нём проявляется, каким образом правовая действительность отвечает интересам и представлениям о праве индивида и общества. И на данном уровне выявляются негативные результаты преступной деятельности молодёжи, в том числе экстремистской деятельности, если на предыдущих уровнях правосознание было деформировано.

Таким образом, экстремизм, несомненно, является результатом деформации правового сознания индивида. Но что есть правосознание и каковы формы её деформации?

Правосознание – крайне многообразное и многосоставное правовое явление. Часть авторов определяет его как отражение правовой действительности в виде знаний, представлений, идеалов [14, с. 346].

Другие исследователи определяют правосознание, прежде всего, в качестве системы знаний [13, с. 298].

Третья группа учёных в правосознании видят в первую очередь эмоционально-ценностное восприятие окружающей правовой действительности [9, с. 157]. То есть во главе угла субъективное внутреннее принятие, господствующее над внешними действиями.

Четвёртая группа рассматривает правосознание как представление о праве [16, с. 463]. При этом в качестве носителей этого представления авторы выделяют в первую очередь профессионалов-правоведов. Их мировоззрение составляет правовую идеологию и правовую психологию, которая отражается на юридической практике.

Пятая группа обособляется на основе признака внешнего отношения. Правосознание = субъективное отношение [8, с. 28], [13, с. 38]. Отношение может быть к праву в целом, к поведению окружающих людей, к их правам и обязанностям.

Деформация правосознания – это негативное явление, сопровождающее всю историю развития права. В доктрине теории государства и права принято выделять четыре основные формы деформации правосознания [1, с. 115].

1. Правовой идеализм. Он заключается в гиперболизированном, чересчур романтическом представ-

лении субъекта о праве, о регулирующих возможностях права, его форм выражения.

2. Правовая демагогия. Данная форма деформации является наиболее комплексной и тяжёлой для распознавания, так как ей могут заниматься целые институты государственной власти (легальные и легитимные). На практике эта форма деформации выражается в возвышенных, внешне эффективных, популистских изречениях о пользе и эффективности тех или иных правовых явлениях (институтах) для широких масс населения, которые доверяют лицу (лицам), занимающимся правовой демагогией. Указанная форма деформации изначально основана на обмане, конфликте, стремлении к обогащению одних за счёт других.

3. Правовой дилетантизм (или правовое невежество). Это такая форма деформации правового сознания, которая обусловлена не сознательно отрицательным отношением к праву, а невежеством (незнанием) права и правовых законов развития общества и государства. Внешне она проявляется в неуважительном, поверхностном отношении к юридическим ценностям, в своевольном обращении с буквой закона, с правоприменительной практикой (судов и иных органов).

4. Правовой нигилизм. Нигилизм (от лат. «nihil» – ничто) сам по себе – это философская установка, ставящая под сомнение (либо отрицающая) общепринятые ценности морали и нравственности, общепринятые понятия, этику, эстетику и др. Нигилизм, направленный на право, проявляется в отрицании ценности права, он ставит под сомнение саму идею о необходимости регулировать общественные отношения с помощью права. Соответственно, любое правовое влияние или правовое воздействие воспринимаются субъектами права враждебно.

Формы деформации правового сознания молодёжи ничем не отличаются от форм деформации правосознания любого субъекта права в целом. Деформация правосознания приводит в том числе к образованию криминогенной обстановки, в результате чего совершаются преступления экстремистской направленности. Устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений экстремистской направленности, в том числе организации экстремистских сообществ, – сегодня одно из важных направлений в системе противодействия преступности.

Масштабы экстремизма в Российской Федерации, как и во всем мире, а также чрезвычайная опасность данного явления вызывают обоснованную напряженность и обеспокоенность не только у руководства страны, но и в обществе в целом. Более того, «рост проявлений экстремизма среди молодёжи в течение последних лет реально угрожает стабильности государственного строя» [3, с. 3].

Мнения ученых и практиков сходятся в том, что понятия «экстремизм», «экстремистские материалы», «экстремистская деятельность» являются размытыми, лаконичными, не дают ясного

представления о том, что же это такое [11, с. 167]. Специалисты отмечают, что требуются переоценка и теоретическая проработка как самого понятия «экстремистские материалы», так и изменение подхода к критериям их экспертной оценки. Каковы же основные причины экстремизма?

Экстремизм, будучи комплексным негативным явлением, имеет такие же комплексные причины возникновения, которые касаются всех сфер жизни общества. Поэтому называть причины обособленно друг от друга будет неправильным. Во-первых, это причины экономического характера.

Неравенство в распределении экономических благ сопровождало всю историю развития человечества. Однако для современной России социально-экономическое расслоение имеет особую актуальность, так как совершенно недавно (по историческим меркам) произошёл переход от командно-административной к рыночной экономике. Перераспределение средств производства и продуктов потребления отразилось на более выгодных «стартовых возможностях» одних представителей молодёжи по сравнению с другими.

Исследователь Х.Ш. Киляханов [4, с. 97] ставит указанную причину на первое место, отмечая возросшую безработицу среди молодёжи, и, как следствие, поляризацию среди групп молодых людей в возрасте до 29 лет.

Вторая причина молодёжного экстремизма в Российской Федерации напрямую следует из первой причины – причина социального характера. Выражается она в невозможности социальной мобильности для отдельных групп молодёжи. По причине отсутствия финансовой возможности родителей обеспечить для детей качественное образование, хорошо оплачиваемую работу, иные возможности – многие социальные лифты для молодых людей остаются просто-напросто закрытыми. В итоге растёт недовольство, неудовлетворённость условиями жизни и в условиях рыночной экономики появляется жажда сиюминутной наживы за счёт дерзких преступлений экстремистской направленности.

Исследователь Г.М. Мкртчян подчёркивает: «в российском обществе в условиях распада традиционных форм вертикальной мобильности сфера образования не только усиливает социокультурное расслоение, но и дифференцирует доступ к интеллектуальным ресурсам молодых людей из разной социально-профессиональной среды» [5, с. 73].

Третья выделяемая учёными причина экстремизма – самая главная. Именно она касается предмета настоящей научной статьи. Причина заключается в аномии в российском обществе. Аномия раскрывается в двух смыслах, наиболее полно изложенных в работах крупных философов XIX–XX веков.

Аномия с точки зрения Э. Дюркгейма заключается в неуважении и пренебрежении к любой системной организации общественных отношений, в том числе к нормативно-правовому регулирова-

нию. Это, в свою очередь, может привести к «социальной солидарности и национальной идентичности в обществе» [5, с. 73].

С другой точки зрения (Р. Мертон) аномия обусловлена состоянием фрустрации молодых людей, которые вследствие экономического неравенства пытаются заполучить социальные блага максимально быстрым способом. В итоге возникает «криминальный экстремизм». А такие проявления, как имеют насилие, принуждение, правовой нигилизм, нетерпимость к «чужим» возводятся в ранг «высших ценностей» [4, с. 97].

Следует заметить, что обе озвученные точки зрения неразрывно связаны с пренебрежением к праву и к правовым явлениям в общественной жизни. Налицо деформация правосознания молодёжи. Исследователи заявляют об отсутствии уважения к закону, о незнании норм и непонимании смысла этих норм, а также о возведении в культ деструктивных асоциальных ценностей. Таким образом, среди четырёх факторов деформации правового сознания современной российской молодёжи наибольшее влияние на генерацию экстремизма оказывают:

1. правовой нигилизм;
2. правовой дилетантизм.

Знание факторов деформации правового сознания предопределяет эффективность борьбы как с этими факторами, так и с преступлениями, которые совершаются молодёжью по причине искажённого правосознания.

Наиболее эффективными средствами противодействия деформации правового сознания молодёжи являются: ведение планомерной воспитательной, просветительской, организационной и воспитательной деятельности, объективное улучшение условий жизни общества, разработка и внедрение различных юридических мероприятий, которые направлены на формирование положительных правовых установок в сознании молодёжи. Не менее важным является «практическое воплощение правомерности в действиях участников общественных отношений» [10, с. 88].

Создание подобных условий – кропотливая совместная работа представителей экономической, правовой сферы, а также сферы педагогики и политики. Однако противодействие деформации правосознания молодёжи – тема для отдельного обширного юридического исследования.

Таким образом, теоретическими результатами настоящей статьи являются следующие. Во-первых, выделена характерная специфическая черта правового сознания молодёжи – формирование на этапе когнитивного (познавательного) становления личности. В этой связи правосознание подвержено существенному влиянию от внешних факторов социально-экономического, политического и культурного характера. Во-вторых, отрицательное воздействие деформированного правосознания проявляется на всех уровнях правовой системы общества: нормативно-регулятивный, организационно-деятельностный, социально-

результативный. Как итог – искажённое правосознание становится детерминантом преступлений экстремистской направленности среди молодёжи. В-третьих, охарактеризовано четыре формы деформации правосознания современной молодёжи: правовой идеализм, правовая демагогия, правовой нигилизм и правовой дилетантизм. В-четвёртых, раскрыты три главные причины возникновения экстремизма в России: экономическое неравенство, социальное расслоение при отсутствии мобильности (социальных лифтов), anomia в обществе. В-пятых, с помощью полученных характеристик была доказана не просто корреляция между формами деформации и детерминантами экстремизма, а конкретные причинно-следственные связи: возникновение экстремизма происходит, прежде всего, от правового нигилизма и правового дилетантизма современной российской молодёжи.

Литература

1. Алексеев С.С. Теория права. Харьков: БЕК, 1994. 553 с.
2. Бааль Н.Б. Экстремизм как угроза национальной безопасности государства // Российский следователь. 2020. № 12. С. 43–47.
3. Гирько С.И. Вступительное слово. Молодежный экстремизм: состояние и тенденции: материалы межведомственного круглого стола (Москва, 29 ноября 2011 г.). М.: МГЮУ им. О.Е. Кутафина, 2012. 715 с.
4. Кияшханов Х.Ш. Социальные факторы и предпосылки развития политического экстремизма // Труды Академии управления МВД России. 2008. № 3. С. 96–98.
5. Кубякин Е.О. Причины молодежного экстремизма в современной России: социологический анализ // Общество: социология, психология, педагогика. 2011. № 1–2. С. 71–75.
6. Лещенко О.В. Влияние криминальной субкультуры на правосознание несовершеннолетних // Евразийский Союз Ученых. 2016. № 6–4 (27). С. 21–22.
7. Перевалов В.Д. Теория государства и права: учебник и практикум для среднего профессионального образования / В.Д. Перевалов – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2020. 399 с.
8. Пискунова С.С. Современное правосознание: понятие, характерные черты и функции // Закон и право. 2003. № 8. С. 28–31.
9. Поляков А. В., Тимошина Е.В. Теория государства и права. – СПб.: СПбГУ, 2005. 468 с.
10. Сенин И.Н. Деформации правосознания и пути их преодоления // Эпоха науки. 2017. № 12. С. 87–91.
11. Тамаев Р.С. Противодействие экстремизму средствами прокурорского надзора // Бизнес в законе. 2008. № 4. С. 162–169.
12. Тарасова Д.М. Религиозный экстремизм как угроза национальной безопасности. Роль органов прокуратуры в борьбе с указанным явлением // Российский следователь. 2020. № 11. С. 63–67.
13. Теория государства и права: учебник / кол. авт.; отв. ред. А.В. Малько. М.: КНОРС, 2006. 486 с.
14. Тихомирова Л. В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. – М.: Юринформцентр, 1997. 525 с.
15. Указ Президента РФ от 29.05.2020 № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 22. Ст. 3475.
16. Червонюк В.И. Теория государства и права. – М.: Издательство Инфра-М, 2006. 704 с.
17. Чуйков Д.А. Системообразующие принципы правосознания // Юридическое образование и наука. 2007. № 3. С. 35–40.

THE INFLUENCE OF FORMS OF DEFORMATION OF YOUTH'S LEGAL CONSCIOUSNESS ON THE LEVEL OF EXTREMISM IN THE RUSSIAN FEDERATION

Vladimirova G.E., Nikonova N.P.

Surgut State University

The article is devoted to the identification of cause-and-effect relations between the forms of deformation of legal consciousness of domestic youth and the causes of extremism in the Russian Federation. This relationship is obvious for everyone, but the specific mechanism of influence is not completely clear. For this purpose, a distinctive feature of the legal consciousness of young people was highlighted: it is formed at the stage of cognitive (cognitive) formation of personality, so it is subject to significant influence from external factors. The negative impact of deformed legal consciousness affects all levels of the legal system of society (normative-regulative, organisational-activity, social-result), including generating extremism. Four forms of deformation of legal consciousness of modern youth (legal idealism, legal demagoguery, legal nihilism and legal dilettantism), as well as three main causes of extremism in Russia (economic inequality, social stratification in the lack of mobility, anomie in society) are characterised. The obtained characteristics helped to find not just correlations between forms of deformation and determinants of extremism, but specific cause-and-effect relationships. Thus, the emergence of extremism comes primarily from legal nihilism and legal dilettantism of modern Russian youth.

Keywords: legal consciousness, extremism, legal nihilism, legal dilettantism, legal idealism, legal system.

References

1. Alekseev, S. S. (1994) Theory of Law. Kharkov: BEK. 553 p.
2. Baal, N. B. (2020) Extremism as a threat to the national security of the state // Russian investigator. no. 12. P. 43–47.
3. Girko, S. I. (2012) Introductory speech. Youth extremism: state and trends: materials of the interdepartmental round table (Moscow, 29 November 2011). Moscow: O.E. Kutafin Moscow State Law University. 715 p.
4. Kilyashkanov, H. Sh. (2008) Social factors and prerequisites for the development of political extremism // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. no. 3. P. 96–98.
5. Kubyakin, E. O. (2011) Causes of youth extremism in modern Russia: sociological analysis // Society: sociology, psychology, pedagogy. no.1–2. P. 71–75.
6. Leshchenko, O. B. (2016) The influence of criminal subculture on the legal consciousness of minors // Eurasian Union of Scientists. no. 6–4 (vol. 27). P. 21–22.
7. Perevalov, V. D. (2020) Theory of state and law: textbook and practice for secondary vocational education / V.D. Perevalov – 5th ed., revision and addendum – M.: Yurait Publishing House. 399 p.

8. Piskunova, S. C. (2003) Modern legal consciousness: concept, characteristic features and functions // Law and Law. no. 8. P. 28–31.
9. Polyakov, A. V., Timoshina E.V. (2005) Theory of State and Law. – SPb.: SPbSU. 468 p.
10. Senin, I. N. (2017) Deformations of legal consciousness and ways to overcome them // Epoha nauki. no. 12. P. 87–91.
11. Tamayev, R. C. (2008) Counteraction to extremism by means of prosecutor's supervision // Business in the law. no. 4. P. 162–169.
12. Tarasova, D. M. (2020) Religious extremism as a threat to national security. The role of the prosecutor's office in combating this phenomenon // Russian investigator. no. 11. P. 63–67.
13. Theory of State and Law: textbook / collective author; ed. by A.V. Malko. MOSCOW: KNORS, 2006. 486 p.
14. Tikhomirova, L. V., Tikhomirov M. Yu. (1997) Yuridicheskaya encyclopaedia. – Moscow: Yurinformcentre. 525 p.
15. Decree of the President of the Russian Federation from 29.05.2020 no. 344 „On Approval of the Strategy of Counteraction to Extremism in the Russian Federation until 2025“ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. no. 22. Art. 3475.
16. Chervonyuk, V. I. (2006) Theory of state and law. – Moscow: Infra-M Publishing House. 704 p.
17. Chuikov, D. A. (2007) System-forming principles of legal consciousness // Legal Education and Science. no. 3. P. 35–40.

Развитие представлений о государственном суверенитете в России (историко-правовой аспект)

Давыдов Константин Александрович,
аспирант, Московский финансово-промышленный
университет «Синергия»
E-mail: kdavydov-sl@mail.ru

В статье рассмотрен вопрос о понимании в отечественной юридической науке сущности государственного суверенитета. Отмечено, что в условиях глобализации международных отношений, построения многополярного мира, цифровизации общественных отношений и государственных процессов работа по трансформации сущности и содержания государственного суверенитета как фундаментального признака государства в научных исследованиях продолжается. Представители современной юридической науки подвергают критике классический подход к пониманию данного юридического термина, указывая на необходимость пересмотра такого признака как территория в условиях информационного общества. Сделан вывод, что в настоящее время востребованы научные работы, в рамках которых исследуются соотношение и взаимосвязь государственного, цифрового и технологического суверенитета.

Ключевые слова: суверенитет, государственный суверенитет, независимость, верховенство права, цифровой суверенитет.

В современных международных отношениях защита независимости государства в реализации его внутренней и внешней политики является одной из важнейших стратегических задач. Сохранение и защита государственного суверенитета, государственной идентичности – это одна из глобальных международных проблем современности. Принимая те или иные решения, определяя основные направления развития своей политики страны действуют, прежде всего, в собственных интересах, составляющих основу их суверенитета. Еще в 2017 году Президент РФ В.В. Путин на заседании Петербургского международного экономического форума обозначил значимость сохранения независимости государства и обеспечения национальной безопасности, заявив, что «в сегодняшнем мире не так много стран обладают суверенитетом, и Россия своим дорожит» [14]. Акцент на незыблемости государственного суверенитета сделан главой государства и в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации в 2024 году [2].

Еще в начале XX в. российский ученый В.М. Гесен, анализируя вопрос о суверенитете государства, заявил: «В настоящее время суверенитет является не материальным понятием силы. А чисто формальным понятием права: Прежде из-за суверенитета воевали короли, теперь о нем спорят профессора. Прежде для того, чтобы отстоять его, не жалели крови, теперь для того, чтобы объяснить его, не жалеют чернил» [5]. Но исторические события XX и начала XXI века подчеркивают, что проблемы сохранения государством независимости, своей идентичности и традиций является актуальной и на современном этапе. Активные процессы глобализации все больше «растворяют» суверенитет. «Большинство стран в настоящее время стараются ограничить свое участие в международных организациях, принимая на себя обязательства лишь в той мере, в какой это не противоречит сохранению государственного суверенитета» [19]. Так на необходимость сохранения немецким государством своей независимости и идентичности в составе Европейского Союза обратил внимание Федеральный конституционный суд Германии. Данный суд осуществил попытку сформулировать допустимые ограничения в отношении передачи государственных полномочий для регулирования на наднациональный (международный) уровень. Странам – участницам ЕС «необходимо сохранять за собой суверенные права в той мере, в которой они позволяют им осуществлять формирование экономических, культурных и социальных условий жизни в конкретном государстве» [11].

Значимым российским примером защиты российского государственного суверенитета является постановление Конституционного суда РФ о механизме реализации решений Европейского Суда по правам человека и возможности их игнорирования, не признания в государственных интересах при соблюдении принципа верховенства права. Конституционный Суд РФ летом 2015 г., рассматривая данный вопрос, постановил, что суверенитет Российского государства, защищенный основами конституционного строя, означает всю полноту государственной власти и не может быть ограничен даже в связи с членством в Совете Европы [3].

Концепция государственного суверенитета остается для современного дискурса центральной. Данный вывод обоснован не только анализом публичных выступлений глав государств, общественных деятелей и экспертов, но и отечественных политико-правовых исследований.

На протяжении всего периода развития гуманитарных наук ученые характеризуют суверенитет как основной признак государства. Более четырехсот столетий с момента введения понятия «суверенитет» в политическую жизнь указанный термин является предметом научных дискуссий, в том числе и в рамках отечественной юриспруденции. Как отмечает Е.В. Ереклинцева, «учение о суверенитете превратилось в весьма сложную и запутанную систему концепций, доктрин и воззрений» [6]. При этом универсальное понимание указанного термина представителями политико-правовых и историческими наук до сих пор не выработано. В XXI веке вопросы содержания и сущности суверенитета как фундаментального признака государства не только сохранили свою актуальность, но и приобрели новый вектор в связи с построением многополярного мира и цифровизацией общественных отношений, «размывающей» территориальные границы государств. Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий и их внедрение во все сферы жизнедеятельности человека расширило терминологический ряд, вводя в правовой оборот такие новые понятия как «цифровой» [16] и «технологический суверенитет» [2]. При этом в научной литературе внесено предложение последние разновидности суверенитета рассматривать как неотъемлемые элементы государственного [18].

Независимо от формы государства, его политического курса развития, роли в международных отношениях, исторического этапа развития суверенитет всегда рассматривался как неотъемлемый признак государства, при этом данный юридический термин насыщался разными смыслами.

Вопросы теории и практики суверенитета занимали важное место в трудах русских дореволюционных теоретиков права. Державность или суверенитет понимались как независимость государственной власти от других государств в ее действиях как внутри государства, так и во внешних сношениях, тем самым были заложены основы со-

временного понимания суверенитета как признака государства. Важно отметить, что понятие суверенитета как признак государства отождествляется с понятием в юридической науке «государственный суверенитет».

Значительный вклад в разработку теории государственного суверенитета внесли такие ведущие отечественные теоретики как С.С. Алексеев, Л.А. Морозова, В.Д. Перевалов, М.М. Рассолов и др. Государственный суверенитет в современной научной литературе относят к политико-юридическим характеристикам государства [7; 10].

На всем протяжении развития отечественной теории государства и права государственный суверенитет рассматривается как «верховенство государственной власти внутри страны, т.е. ее самостоятельность в определении содержания своей деятельности, ее полноправие в установлении режима жизни общества в пределах своей территории и независимость во взаимоотношениях с другими государствами» [14].

Данный подход является ведущим и на современном этапе развития юридической науки, в то же время в отдельных публикациях такой подход к толкованию государственного суверенитета называют архаичным, изжившим себя. Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин считает, что принцип государственного суверенитета необходимо растолковать с учетом принципов правового государства, основного на верховенстве права [7], при этом следует определить взаимосвязь и соподчиненность таких юридических понятий и категорий, как «государственный суверенитет», «права человека», «обязанность государства по защите прав человека», «ответственность мирового сообщества за соблюдение прав человека во всем мире» [8]. Как отмечает Э.Л. Кузьмин, на современном этапе развития «растет и число профессоров, упорно преследующих цель – под предлогом «столкновения цивилизаций», «вызовов глобализации», усмирения «государств-изгоев» не столько объяснить, сколько видоизменить понятие суверенитета, а то и полностью отказаться от этого «пережитка вестфальской эры» [9]. Критически к такой тенденции развития научной мысли относится и В.Е. Чиркин, настаивая на сохранении классического толкования государственного суверенитета [20]. В то же время «молодые исследователи» настаивают в своих научных работах на пересмотре указанного термина [21].

По сути, государственный суверенитет является обобщающим признаком по отношению к другим, например, территориальному признаку и верховенству власти и права. Данный тезис можно обосновать тем, что независимость и власть государства, прежде всего, распространяется на его территории путем принятия соответствующих национальных законов в интересах народа как источника этой власти. Хотя территория и монополия на право, наряду с суверенитетом, являются также признаками государства, следует отметить, что, во-первых, реализация государственного суверенитета не мо-

жет осуществляться без привязки к определенной территории. Верховенство предполагает полноту власти государства и права всей своей территории. Следовательно, действие государственной власти распространяется на всей его территории независимо от формы правления и государственного (территориального устройства), политического режима.

Во-вторых, реальный уровень государственно-суверенитета, его самостоятельности в решении внутренних и международных отношениях, его зависимость в принятии политически значимых решений оказывают непосредственное влияние на правотворческую деятельность, особенно на формирование правового поля, в рамках которого будут защищены как права и свободы отдельного гражданина, так и государственные интересы.

В-третьих, следует отметить, что государственный суверенитет не безграничен, государственная власть в демократическом правовом государстве не может быть основана на произволе. Принцип законности требует не только соблюдения от простых граждан и юридических лиц государственных законов, но публично-правовые образования, государство в целом должны следовать установленным им правилам поведения.

В-четвертых, современный суверенитет как признак государства ограничен общепризнанными нормами и принципами международного права, принятыми в интересах сохранения и защиты человечества, мира и безопасности на земле. Следовательно, независимость государства не абсолютна. «В частности, суверенитет современных государств самоограничивается необходимостью соблюдения естественных неотъемлемых прав человека, а также взаимными обязательствами государств по международным договорам. Иначе говоря, любое государство вправе самостоятельно определять свою внешнюю политику. В то же время оно связано добровольно подписанными им соглашениями, общепризнанными принципами и нормами международного права» [1].

В тоже время в условиях современных геополитических процессов, неоднозначного отношения международных организаций к событиям, происходящим в отдельных государствах, в том числе и в России, потребовали создания национальных механизмов адаптации международных норм в национальной действительности. Например, в России это, прежде всего, затронуло конституционно-правовой статус Конституционного Суда РФ и процедуры исполнения решений Европейского суда по правам человека. С 15 декабря 2015 года федеральный законодатель наделил Конституционный Суд РФ полномочием принимать решение о возможности или невозможности исполнения решений межгосударственных судебных органов [12]. Основой для принятия данного федерального конституционного закона явилось Постановление Конституционного Суда РФ о признании верховенства Основного закона России при исполнении решений Европейского суда по правам человека [4].

На протяжении всего периода развития теории государства и права различают внутренний и внешний суверенитет [15]. В рамках внутреннего суверенитета государственная власть распространяется на всех граждан данного государства, в праве государства устанавливать определенные общеобязательные требования и модели их поведения. Реализуемая государством политика в рамках внешней политики направлена на обеспечение его территориальной целостности, определения роли и места государства в регулировании международных отношений, установлении общеобязательных международных норм и принципов для других стран.

Таким образом, длительный период в теории государства и права рассматриваемый термин в большей степени отождествлялся с независимостью государства в решении внутренних и внешних проблем.

Суверенитет как фундаментальный признак государства на современном этапе развития не ограничивается только характеристикой его как независимости, но и основывается на взаимосвязи его с верховенством права и власти государства и территориальным принципом распространения этой власти.

Властью, решения которой обязательны для всех субъектов независимо от их статуса, обладает лишь государство. Данный политико-правовой институт осуществляет свою высшую власть в пределах собственных государственных границ.

Верховенство государственной власти означает:

- а) ее безусловное распространение на население и все социальные структуры общества;
- б) монопольную возможность применения таких средств воздействия (принуждения, силовых методов, вплоть до смертной казни), которыми не располагают другие субъекты политики;
- в) осуществление властных полномочий в специфических формах, прежде всего юридических (правотворческой, правоприменительной и правоохранительной);
- г) прерогативу государства отменять, признавать юридически ничтожными акты других субъектов политики, если они не соответствуют установлениям государства. В условиях становления правового демократического режима при признании ратифицированных международных норм и принципов государства осуществляют попытку сохранения независимости в регулировании правовых отношений, создавая механизм реализации международных актов с учетом законодательных особенностей данного государства.

Суверенитет – политико-правовая категория, которая в современной России стала своеобразным символом сохранения национальной идентичности, традиций и культуры.

В условиях глобализации международных отношений, построения многополярного мира и цифровизации общественных отношений и государственных процессов работа неизбежна трансфор-

мация сущности и содержания указанного фундаментального признака государства. Классическое представление о сущности государства сохранит свое фундаментальное политико-правовое значение, но структура государственного суверенитета будет пересмотрена путем включения таких понятий как «цифровой» и «технологический» суверенитеты.

Литература

1. Федеральный конституционный закон от 14.12.2015 № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Российская газета. 2015. № 284. 16 декабря.
2. Послание Путина Федеральному собранию 29 февраля. Главное. URL: <https://iz.ru/1657543/2024-02-29/poslanie-putina-federalnomu-sobraniuu-29-fevralia-glavnoe> (дата обращения 29.02.2024).
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П // Собрание Законодательства РФ. 2015. № 30. Ст. 4658.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П // Российская газета. 2015. 27 июля.
5. Гессен В.М. Общее учение о государстве. СПб., 1912.
6. Ереклинцева Е.В. Проблемы определения суверенитета в России // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 5. С. 3–8.
7. Зорькин В.Д. предложил изменить основополагающие документы ООН. URL: <http://www.fontanka.ru/2014/09/29/230/> (дата обращения 24.02.2024).
8. Кризис международного права: современный контекст. URL: <http://www.rg.ru/2014/06/19/zorkin-poln.html> (дата обращения 24.02.2024).
9. Кузьмин Э.Л. О государственном суверенитете в современном мире // Журнал российского права. 2006. № 3. С. 18–24.
10. Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник. – 6 е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. 483с.
11. Панова О.Л. Концепция государственного суверенитета в современном праве // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 6. С. 31–33.
12. Перевалов, В.Д. Теория государства и права: учебник / отв. ред. В.Д. Перевалов. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юр. Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2017. 589с.
13. Петроченков И.А. К вопросу о концепции цифрового суверенитета // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 7. С. 69–73.
14. Путин: в мире мало стран, обладающих суверенитетом, и Россия своим дорожит. URL: <https://ria.ru/20170602/1495693004.html> (дата обращения 24.02.2024).
15. Рассолов М.М. Актуальные проблемы теории государства и права: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. А.И. Бастрыкина. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 489с.
16. Романовский Г.Б., Романовская О.В. О цифровом суверенитете // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 9. С. 25–31.
17. Петроченков И.А. К вопросу о концепции цифрового суверенитета // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 7. С. 69–73.
18. Роменский В.В. Цифровизация как угроза государственному суверенитету // Современный ученый. 2023. № 3. С. 340–343.
19. Страшун Б.А. Суверенитет государства в современном национальном, международном и наднациональном праве // Lex russica. 2016. № 7. С. 167–176.
20. Чиркин В.Е. Интеграционные межгосударственные процессы, конституции и государственный суверенитет // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 3. С. 5–19.
21. Шукбаров Д.Т. Государственный суверенитет: современные угрозы // СКИФ. Вопросы студенческой науки. 2018. № 6(22). С. 34–41.

THE DEVELOPMENT OF IDEAS ABOUT STATE SOVEREIGNTY IN RUSSIA (HISTORICAL AND LEGAL ASPECT)

Davydov K.A.

Moscow Financial and Industrial University «Synergy»

The article considers the issue of understanding the essence of state sovereignty in Russian legal science. It is noted that in the context of globalization of international relations, the construction of a multipolar world, the digitalization of public relations and state processes, work on the transformation of the essence and content of state sovereignty as a fundamental feature of the state in scientific research will continue. Representatives of modern legal science criticize the classical approach to understanding this legal term, pointing out the need to revise such a feature as territory in an information society. It is concluded that scientific works are currently in demand, within the framework of which the correlation and interrelation of state, digital and technological sovereignty are studied.

Keywords: sovereignty, state sovereignty, independence, rule of law, digital sovereignty.

References

1. Federal Constitutional Law of December 14, 2015 No. 7-FKZ “On Amendments to the Federal Constitutional Law “On the Constitutional Court of the Russian Federation” // Rossiyskaya Gazeta. 2015. No. 284. December 16.
2. Putin’s Address to the Federal Assembly on February 29. Main. URL: <https://iz.ru/1657543/2024-02-29/poslanie-putina-federalnomu-sobraniuu-29-fevralia-glavnoe> (date accessed 02/29/2024).
3. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 14, 2015 No. 21-P // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2015. No. 30. Art. 4658.
4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 14, 2015 No. 21-P // Rossiyskaya Gazeta. 2015. July 27.
5. Gessen V.M. General doctrine of the state. St. Petersburg, 1912.
6. Ereklintseva E.V. Problems of determining sovereignty in Russia // Constitutional and municipal law. 2010. No. 5. P. 3–8.

7. Zorkin V.D. proposed changing the founding documents of the UN. URL: <http://www.fontanka.ru/2014/09/29/230/> (date accessed 02/24/2024).
8. The crisis of international law: modern context. URL: <http://www.rg.ru/2014/06/19/zorkin-poln.html> (access date 02.24.2024).
9. Kuzmin E.L. On state sovereignty in the modern world // *Journal of Russian Law*. 2006. No. 3. P. 18–24.
10. Morozova L.A. *Theory of state and law: textbook. – 6th ed., revised. and additional M.: Norma: INFRA-M, 2019. 483 p.*
11. Panova O.L. The concept of state sovereignty in modern law // *Constitutional and municipal law*. 2018. No. 6. P. 31–33.
12. Perevalov, V.D. *Theory of state and law: textbook / rep. ed. V.D. Perevalov. 4th ed., revised. and additional – M.: Jur. Norm: SIC INFRA-M, 2017. 589 p.*
13. Petrochenkov I.A. On the issue of the concept of digital sovereignty // *Constitutional and municipal law*. 2022. No. 7. P. 69–73.
14. Putin: there are few countries in the world that have sovereignty, and Russia values its. URL: <https://ria.ru/20170602/1495693004.html> (date accessed 02/24/2024).
15. Rassolov M.M. *Current problems of the theory of state and law: textbook. a manual for university students studying in the specialty "Jurisprudence" / ed. A.I. Bastrykina. 3rd ed., revised. and additional Moscow: UNITY-DANA, 2017. 489 p.*
16. Romanovsky G.B., Romanovskaya O.V. On digital sovereignty // *Constitutional and municipal law*. 2022. No. 9. pp. 25–31.
17. Petrochenkov I.A. On the issue of the concept of digital sovereignty // *Constitutional and municipal law*. 2022. No. 7. P. 69–73.
18. Romensky V.V. Digitalization as a threat to state sovereignty // *Modern scientist*. 2023. No. 3. P. 340–343.
19. Strashun B.A. State sovereignty in modern national, international and supranational law // *Lex russica*. 2016. No. 7. P. 167–176.
20. Chirkin V.E. Integration interstate processes, constitutions and state sovereignty // *Journal of foreign legislation and comparative law*. 2019. No. 3. P. 5–19.
21. Shukbarov D.T. State sovereignty: modern threats // *SKIF. Questions of student science*. 2018. No. 6(22). pp. 34–41.

Юридическая аномия и российская правовая политика в сфере противодействия ей

Малько Александр Васильевич

доктор юридических наук, профессор Тольяттинского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ

E-mail: alex25-58@mail.ru

Предметом исследования выступает такое явление в социально-правовой жизни общества, как юридическая аномия. Обосновывается, что в условиях ее негативного воздействия на правовую систему, приводящую к вредным последствиям для общества и государства, необходимо выстраивать специальную правовую политику современной России в сфере противодействия аномичным процессам. Предлагается разработать доктринальный документ – проект Концепции российской правовой политики в сфере противодействия юридической аномии, который позволил бы научно обоснованно, системно и последовательно минимизировать данное хаотизирующее социум явление. В статье обосновывается структура, включающая в себя общие начала и важные составляющие содержания подобного доктринального документа, а также основные направления российской правовой политики в сфере снижения уровня юридической аномии. Доказывается, что минимизировать юридическую аномию можно лишь совершенствуя все три главных элемента правовой системы: право (правотворчество), правосознание и правореализацию, которые соответственно и требуют в отношении себя «внимания» со стороны правовой политики, «образуя» тем самым три основных ее направления. Отсюда минимизация юридической аномии и совершенствование правовой системы общества выступают важнейшими тесно связанными друг с другом приоритетами правовой политики современной России.

Ключевые слова: юридическая аномия, правовая система, правовая политика, проект Концепции российской правовой политики в сфере противодействия аномичным проявлениям.

Кризис современной правовой системы есть следствие общего кризиса системы социальной. Причем прежде всего на международном уровне, где происходят значительные трансформации, где вместо однополярных, формируются многополярные отношения. В условиях складывания нового мирового порядка особенностью общества (в том числе и современного российского общества) выступает постоянная турбулентность и неопределенность в реальной его жизнедеятельности, ведущей к увеличению конфликтов и хаоса, а конечном счете и к юридической аномии. В таких обстоятельствах нужно более основательно исследовать проблемы юридической аномии, ибо важно знать не только ее природу и к каким негативным последствиям она приводит, но и как эффективно противодействовать ей.

По нашему мнению, **юридическую аномию** можно определить как разновидность социальной аномии, протекающую в правовой сфере в результате быстрых изменений в кризисный (переходный) период и потери доверия к государственно-правовым институтам, представляющую собой негативную (дестабилизирующую) составляющую социально-правовой жизни общества и характеризующуюся дисфункциональностью и рассогласованностью компонентов правовой системы, что наиболее ярко выражено: во-первых, в полном или частичном отсутствии необходимых (новых) правовых норм, во-вторых в отрицательном отношении населения к имеющимся при очевидной их неэффективности, и, в-третьих, в массовой отклоняющейся правореализационной деятельности субъектов¹.

Наиболее характерными признаками юридической аномии выступают:

- это специфическая разновидность социальной аномии, протекающая в правовой сфере в результате быстрых изменений в кризисный (переходный) период и потери доверия к государственно-правовым институтам;
- представляет собой негативную (дестабилизирующую, патологическую) составляющую социально-правовой жизни общества, ее теневую часть, ведущую к хаосу.
- этот процесс, связан с разбалансированностью и дезинтеграцией компонентов правовой системы – права, правосознания и правореализации. Правовая система при таких условиях теряет свою организующую роль, приобретая

¹ См.: Малько А.В. Правовая жизнь общества, аномия и проблемы единства правового пространства в современной России // Государство и право. 2023. № 3. С. 12.

все более несистемный, фрагментированный и сегментированный характер, в рамках которой внутренние связи и взаимодействия минимизируются;

- сопряжена с полным или частичным отсутствием необходимых (новых) правовых норм. В принципе любая аномия – это такое состояние общества, когда прежние (старые) нормы уже не регулируют социальные взаимодействия, а новые еще не приняты и не институционализированы;
- связана с отрицательным отношением со стороны субъектов к имеющимся правовым нормам при очевидной их нелегитимности и неэффективности (неопределенности, противоречивости, противозаконности и т.п.);
- проявляется в массово отклоняющейся от имеющихся норм правореализационной деятельности субъектов.

По сути, юридическая аномия – это состояние общества, которое присутствует в правовой системе, но в различной степени и в разных пропорциях. Есть периоды, когда аномия приобретает наиболее выраженные формы и достигает своего апогея. Это, прежде всего, кризисные, переходные, революционные времена, когда качественно меняется нормативность, когда старые юридические нормы уже слабо действуют или не действуют вообще, а новые – еще не обрели должную юридическую силу. Подобное состояние в большей степени было характерно для России 90-х годов, когда происходили так называемые «демократические» реформы.

Однако и сейчас у нас еще немало аномичных проявлений, которые актуализируются в условиях международного кризиса и становления нового мирового порядка. Особую роль в этом играют нелегитимные санкции, которые западные страны чисто по политическим причинам применяют в отношении нашего государства.

В качестве индикаторов вредности аномии для любого государства выделяют следующие:

- «критические уровни дисфункционализации системы государственного управления;
- существование и активное функционирование параллельного права, в том числе «теневое право»;
- критическое превышение параметрами масштабов распространенности в обществе (пораженности общества) выраженного правового нигилизма и негативных форм (тем более – форм криминального) правосознания;
- крайне низкие уровни (резкое падение) легитимности власти в восприятии общества; высокие уровни недоверия населения по отношению к власти;
- расширение разрыва между социальными ожиданиями, запросами, требованиями населения и социальным «экспериментаторством» властей;
- резкое ухудшение ситуации с гарантированностью и защищенностью прав и свобод человека и гражданина;

- набор критических масс накапливаемых пороков правосудия;
- высокие уровни абсентеизма (уклонение от участия в голосовании на выборах, игнорирование таковых) среди населения»¹.

В конечном счете аномия снижает организующую роль правовой системы в социально-правовой жизни и одновременно усиливает в ней хаотичные факторы.

Разумеется, при такой вредности, которую юридическая аномия несет обществу и государству, важно бороться с ней. Здесь на помощь вполне может прийти правовая политика, под которой предлагаю понимать научно обоснованную, последовательную и системную деятельность государственных органов и институтов гражданского общества по созданию эффективного механизма правового регулирования, по цивилизованному использованию юридических средств в достижении таких целей, как наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, формирование правовой государственности и высокого уровня правовой культуры и правовой жизни общества и личности².

В.В. Похмелкин же считает, что «правовая политика может быть определена как выработка стратегических и принципиальных тактических ориентиров для законодательной, иной нормотворческой или правоприменительной практики»³. Данная дефиниция весьма узко и недостаточно всесторонне характеризует рассматриваемое явление. Ведь вышеназванная политика связана далеко не только с выработкой стратегических и тактических ориентиров для правотворческой и правоприменительной практики. Она сопряжена с более широким «участием» подобной деятельности в усовершенствовании механизма правового регулирования и правовой системы и направлена на повышение правовой культуры и упорядочение правовой жизни общества в целом. К тому же положения о правовой политике В.В. Похмелкина несколько противоречивы. Сначала он отмечает, что правовую политику нельзя воспринимать в качестве изначального блага, как некий идеал, ориентированный исключительно на прогресс, как определенную теоретически выстроенную конструкцию, обязательную для государства⁴. Вместе с тем это не помешало ему признать, что правовая политика «это явление, которое не просто обуславливает нормотворчество, но образует фундаментальную, существенную часть этой деятельности, ее целевую, ценностную и идейную основу»⁵.

Для того чтобы данная политика имела четкие ориентиры, следует разработать специальный доктринальный документ в этой области – **про-**

¹ Понкин И.В. Аномия и дисномия в государстве: к вопросу о рисках // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 305.

² См.: подробнее: Малько А.В. Теория правовой политики. М., 2012.

³ Похмелкин В.В. Школа нормотворчества: научно-практическое пособие. М., 2023. С. 144.

⁴ См.: Там же. С. 145, 144.

⁵ Там же. С. 144.

ект Концепции российской правовой политики в сфере противодействия юридической аномии, в котором важно закрепить цели, задачи, приоритеты и средства решения обозначенных проблем. Он, во-первых, будет представлять собой систему теоретических положений, отражающих взгляды на сущность, содержание и направления деятельности России в области противодействия юридической аномии в долгосрочной перспективе. Во-вторых, должен включать не только стратегию, но и тактику конкретных действий по достижению целей такой политики.

В этой статье будет предпринята попытка дать лишь общие контуры вышеназванного проекта, некие «наброски» доктринального документа, который включает в себя только определенные основы правовой политики в обозначенной сфере. Окончательная и полноценная разработка названного документа станет итогом большого коллективного труда.

Разумеется, предлагаемый проект Концепции, с одной стороны, может базироваться на родовом документе – проекте Концепции правовой политики в РФ¹, разработанном под моим научным руководством. С другой стороны, структура рассматриваемого доктринального документа должна быть несколько иной. В нее, например, могут войти следующие элементы.

Введение, в котором необходимо дать общую характеристику современного состояния российской социально-правовой жизни и правовой системы. С помощью исторического и статистического методов исследования можно прийти к выводу о том, что различные проявления юридической аномии, системные нарушения правовых норм и ценностей в настоящее время не имеют такого размаха, как в середине 90-х годов прошлого века. Если в те «лихие» кризисные годы аномичная ситуация была практически запредельной (развал СССР, безудержное расширение теневой экономики, обвальное снижение социальных гарантий, «война» законов, низкое доверие к Президенту РФ Ельцину и к другим органам государственной власти, рост преступности, самоубийств, наркомании, алкоголизма, проституции, детской беспризорности и т.п.), то с начала 2000-х годов она начала заметно меняться в лучшую сторону и общество стало преодолевать аномичную «болезнь».

Однако при выстраивании в подобных условиях системы мер противодействия аномичным проявлениям необходимо учитывать следующие обстоятельства, которые так или иначе «будут давать о себе знать». С одной стороны, юридическая аномия – это прежде всего процесс, который нельзя считать необратимым. Верно подчеркивается в литературе, что в период аномии «можно и нужно конструировать социальные условия, при которых будет происходить управляемое «выздоровление»

социума»². С другой же стороны, необходимо понимать, что полное искоренение аномичных проявлений вряд ли возможно. Поэтому следует их, во-первых, минимизировать, а во-вторых, контролировать, не позволяя необоснованно расширяться в жизнедеятельности любого общества. Требуется в конкретной исторической ситуации и в конкретном государстве пытаться отвечать на вопрос: в какой степени можно это делать, чтобы удерживать аномичные процессы в приемлемых для социума масштабах?

В разделе 1 – «**Общие начала российской правовой политики в сфере противодействия юридической аномии**», изложить дефиниции понятий, используемые в названном проекте, своего рода мини-словарь (в частности правовая политика, правовая политика в сфере противодействия юридической аномии, юридическая аномия, формы проявления юридической аномии, правовая система, правовые нормы, пробел и дублирование в праве, деформации правосознания, правовой нигилизм, правовой идеализм, правовые ценности, правовая культура, правовое просвещение населения, правореализация, единое правовое пространство, юридические коллизии, правовая неопределенность, дефекты законодательства, юридические ошибки и некоторые другие).

В рамках данного раздела для выстраивания эффективной политики в названной сфере важно выявить еще и основные причины и условия аномичных процессов в современной России, а также формы их проявления.

Размышляя с самых общих позиций, в полной мере следует согласиться с С.Г. Кара-Мурзой, что «причины, порождающие аномию, являются социальными (а не личностными и психологическими) и носят системный характер. Воздействие на сознание и поведение людей оказывают одновременно комплексы факторов, обладающие кооперативным эффектом. Поэтому можно принять, что проявления аномии как результат взаимодействия сложных систем будут мало зависеть от структуры конкретного потрясения, перенесенного общностью»³. Применительно же к России 90-х годов абсолютно прав В.В. Кривошеев, который, базируясь на данных классических представлениях о причинах аномии (распад устойчивых связей между людьми под воздействием радикального изменения жизнеустройства и ценностной матрицы общества), подчеркивает, что «аномия российского социума реально проявляется в условиях перехода общества от некоего целостного состояния к фрагментарному, атомизированному... Общие духовные черты, характеристики правовой, политической, экономической, технической культуры, по сути, можно было отметить у представителей

² Мещерякова Н.Н. Особенности аномии в современном российском обществе: синергетический подход. Автореферат диссертации на соискании степени доктора социологических наук. М., 2015. С. 38.

³ Кара-Мурза С.Г. Аномия в России: причины и проявления. М., 2013. С. 4.

¹ Проект Концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 года / Под ред. А.В. Малько. М., 2008.

всех слоев и групп, в том числе и национальных, составляющих наше общество... Надо к тому же иметь в виду, что несколько поколений людей формировалось в духе коллективизма, едва ли не с первых лет жизни воспитывались с сознанием некоего долга перед другими, всем обществом... Ныне общество все больше воспринимается индивидами как поле битвы за сугубо личные интересы, при этом в значительной мере оказались деформированными пусть порой и непрочные механизмы сопряжения интересов разного уровня. Переход к такому атомизированному обществу и определил своеобразие его аномии»¹.

Идеи индивидуализма, частной собственности, прав и свобод человека и гражданина, которые лежали в основе «перехода к рынку» и «формирования эффективных собственников» стали по сути «разрывать» страну, базирующуюся на коллективных началах. Кроме того, российская специфика юридической аномии того периода весьма жестко была связана не просто с отклонениями, а именно с радикальными патологиями, которые проявлялись как в форме обвальной криминализации значительной части общественных отношений, так и в форме вседозволенности, когда права человека стали возводить в некий абсолют и отрывать их от юридических обязанностей и ответственности.

Действительно, в 90-х годах аномия (в том числе и ее юридическая разновидность) стала неким результатом перестройки и «реформ», которые весьма сильно потрясли российское общество. С одной стороны, любая перемена устоявшихся порядков всегда болезненный процесс. С другой же стороны, «когда господствующие политические силы начинают ломать всю систему жизнеустройства, это наносит народу столь тяжелую травму, что его сохранение ставится под вопрос. Целые социальные группы в таком состоянии перестают чувствовать свою причастность к обществу, происходит их отчуждение, новые социальные нормы и ценности отвергаются членами этих групп. Неопределенность социального положения, утрата чувства солидарности ведут к нарастанию отклоняющегося и саморазрушительного поведения. Это и есть аномия»².

Условия в определенной степени связаны с причинами и во многом вытекают из них. «Атомизация общества, индивидуализм его членов, одиночество личности, противоречие между «навязанными» обществом потребностями и возможностями их удовлетворения – вот условия возникновения аномии»³.

Формами проявления аномичных процессов в России 90-х годов выступили различного рода отклонения: нарушения единства правового пространства (юридические коллизии, «война» законов, правотворческий сепаратизм); пороки (патология) публичной власти (бюрократизм, коррупция,

лоббизм и т.п.); потеря доверия к государственно-правовым институтам (низкое доверие к органам публичной власти, к избирательному законодательству, абсентеизм); дисбаланс в нормативном правовом регулировании (с одной стороны, недостаточная урегулированность, выражающаяся в пробелах в праве, в юридическом «вакууме», с другой, заурегулированность, воплощающаяся в дублировании юридических норм, в ненужном их «наслоении» друг на друга); снижение уровня правовой культуры и деформация правосознания (правовой нигилизм, правовой идеализм и т.д.); нарушения на уровне реализации юридических, моральных, политических и иных социальных норм (обвальный рост преступности, самоубийств, наркомании, алкоголизма, проституции и т.п.).

Раздел 2 – **«Содержание российской правовой политики в сфере противодействия юридической аномии»**, где определить цели, задачи и средства вышеназванной политики.

Так, *целями* подобной политики могут выступать:

- минимизация проявлений юридической аномии;
- повышение уровня и качества социально-правовой жизни;
- прогрессивное развитие правовой системы;
- более гарантированное осуществление прав и свобод человека и гражданина.

Указанные цели концентрируются и конкретизируются в ее *задачах*, к которым можно отнести следующие:

- своевременное выявление причин и условий возникновения юридической аномии, а также форм ее проявления;
- предупреждение (общая и частная профилактика) аномичных процессов;
- противодействие распространению аномичных процессов, борьба с их последствиями;
- усиление роли каждого из компонентов правовой системы (права, правосознания, правореализации) в противодействии юридической аномии, оптимизация их взаимосвязей и взаимодействия;
- обеспечение единого правового пространства;
- укрепление исполнительной дисциплины, законности и правопорядка;
- создание условий для роста правовой культуры;
- повышение доверия населения к органам публичной власти).

Рассматривая вопрос о *средствах* данной правовой политики, следует заметить, что в первую очередь нужно выстраивать новую систему действенных правовых стимулов и правовых ограничений в анализируемой сфере. По причине того, что форм проявления юридической аномии достаточно много, для противодействия им требуется соответственно и немало стимулирующих средств. Меры правового стимулирования могут создавать и обеспечивать благоприятные правовые режимы, поощрять и льготно поддерживать необходимую

¹ Кривошеев В.В. Особенности аномии современного российского общества //СОЦИС. 2004. № 3.

² Кара-Мурза С.Г. Указ. соч. С. 4.

³ Там же. С. 6.

деятельность, направленную на снижение анонимных процессов. Минимизация последних заметно усилится, «если политика государства будет сосредоточена и основываться на концепции достойного вознаграждения...», если «...поощрять институциональные способы и формы преодоления, стимулировать рост общественной референтности групп, живущих на основании интеллектуальной и должностной ренты, в рамках использования и актуализации ресурса законопослушности». Между тем, как верно подчеркивается, ««узким» местом остается воспроизводство права как инструментальной ценности, что требует перехода к системе поощрения правомерного поведения и повышения издержек, связанных с актуализацией делинквентных поведенческих стратегий»¹.

Безусловно, наряду со стимулирующими юридическими средствами нельзя забывать и об ограничивающих юридических инструментах (обязанностях, запретах, приостановлениях, ответственности и т.п.). Например, одним из способов «вторжения» в нашу социально-правовую жизнь юридической аномии можно считать экстремистскую деятельность, которая выражается в разных формах. Особенно остро в современный период защиты традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества экстремизм «воплощен» в так называемом движении ЛГБТ-сообщества. В средствах массовой информации отмечается, что «в деятельности ЛГБТ-движения, функционирующего на территории Российской Федерации, выявлены различные признаки и проявления экстремистской направленности, в том числе возбуждение социальной и религиозной розни»².

Наше государство «не осталось в стороне» от этих негативных процессов и предприняло соответствующие меры. Сначала Государственная Дума Российской Федерации 24 ноября 2022 года приняла закон о полном запрете пропаганды ЛГБТ в России, в том числе в СМИ, интернете, рекламе, литературе и кино. Новыми нормами был введен запрет на пропаганду ЛГБТ и трансгендерности; пропаганду педофилии; демонстрацию ЛГБТ среди несовершеннолетних, а также информацию, побуждающую детей к смене пола. Кроме прямого запрета, депутаты одобрили введение и соответствующей юридической ответственности: штрафов до 5 миллионов рублей за пропаганду ЛГБТ среди всех граждан, до 10 миллионов – за пропаганду педофилии, а также за пропаганду трансгендерности – до 1 миллиона рублей. Президент России В.В. Путин подписал данный закон 5 декабря 2022 года.

Затем 30 ноября 2023 года Верховный суд РФ признал экстремистским и запретил в России «международное общественное движение ЛГБТ».

¹ Геращенко Д.Г. Правовая аномия в российском обществе: структурно-деятельностное измерение. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Ростов-на-Дону, 2011. С. 133, 15.

² Куликов В. Изменили окрас. Верховный суд признал движение ЛГБТ экстремистским // Российская газета. 2022. 1 декабря.

Данное «заседание Верховного суда о признании экстремистским ЛГБТ-движения – это логичное продолжение государственной политики по защите граждан (в том числе и детей) от вредоносного негативного контента... Эксперты подчеркивают: личная жизнь человека остается его личным делом. Но сегодня так называемое ЛГБТ – это агрессивно продвигаемая идеология. Она уже давно не имеет ничего общего с защитой прав человека. Экстремистским признано именно движение: целая сеть организаций, скованных общей «радужной» Теперь сотрудничество с таким движением, в том числе распространение символики и литературы, может грозить и уголовным делом. За экстремизм»³.

Раздел 3 – «**Основные направления российской правовой политики в сфере противодействия юридической аномии**», который будет включать те направления осуществления данной политики, которые связаны с конкретными компонентами российской правовой системы: правом, правосознанием и правореализацией.

Учитывая это обстоятельство, можно выделить три основных направления: 1) правовая политика на уровне правотворчества (права); 2) правовая политика на уровне правосознания; 3) правовая политика на уровне правореализации.

В рамках *первого направления* правовая политика должна прежде всего содействовать адекватному выражению интересов и ценностей общества в юридических нормах, способствовать совершенствованию правотворческой деятельности, обеспечивающей качество, системность, согласованность, сбалансированность, стабильность и прозрачность законодательства. Вполне можно солидаризоваться и с тем, что «законодатель призван сводить к минимуму принятие юридических норм, травмирующих субъектов, добиваться минимального урона, ущерба для свободы и достоинства граждан. При этом необходимо понимать, что в любом государстве в определенные периоды его функционирования необходимо принятие травматичных нормативных правовых актов (законов военного времени, юридических норм, регламентирующих ограничения и запреты при чрезвычайных ситуациях природного, техногенного, медико-биологического характера)»⁴.

Еще одна важнейшая проблема правотворчества, связанная с юридической аномией, это продолжающиеся нарушения единого правового пространства нашего государства. До сих пор правовое поле субъектов федерации неоднородно и не сбалансированно, в нем не хватает надлежащей систематизации. С одной стороны, правовая система регионов вынуждена оперативно подстраиваться под требования федерального законода-

³ Там же.

⁴ Баранов В.М., Кроткова Н.В., Баранова М.В. Динамизм и стабильность законодательства: диалектика функционирования науки, практики, техники (Обзор XXIV Международного научно-практического форума «Юртехника» на тему «Изменения в законодательстве (доктрина, практика, техника)») // Государство и право. 2022. № 12. С. 177.

тельств, с другой же стороны, действуя в пределах собственной компетенции, региональные правотворческие органы подчас бессистемно и хаотично решают проблемы в режиме «ручного управления», не учитывая необходимости в целостности и во внутренней непротиворечивости единого правового пространства страны.

Среди приоритетов правовой политики, выстраиваемой на уровне правотворчества, наиболее значительное место занимает отмена устаревших правовых актов, которые утяжеляют и усложняют имеющееся правовое поле, а зачастую и вступают с ним в различного рода противоречия. Уже достаточно давно Минюст России ведет масштабную работу по инкорпорации советских нормативных правовых актов. С помощью регуляторной гильотины было решено ускорить процесс. В течение короткого срока было отменено немало актов советского времени. Однако в ходе работы выяснилось, что отправить в историю разом все советское законодательство пока не возможно. В рамках же регуляторной гильотины предлагается отменить в самое ближайшее время только нормы, которые сегодня создают правовую неопределенность¹. К ней приводят те же противоречия и коллизии, нарушая единство правового пространства страны.

Между тем юридическая аномия связана не только с противоречиями и коллизиями, но и с недостатком необходимых (новых) правовых норм, а также и с их избыточностью. Важно отметить, что в современной России субъекты правотворчества весьма неплохо преодолевают как нехватку юридических норм (пробелы), так и их излишества. В прессе, в частности по этому поводу подчеркивается, что «уже стала историей «регуляторная гильотина», которая к началу 2021 года отменила более 12 тысяч правовых актов, избыточных и мешающих нормальной жизнедеятельности...»². Высокую оценку творцам права дал Президент России. На встрече с лидерами фракций и Председателем Государственной Думы РФ В.В. Путин поблагодарил собравшихся и их коллег за работу, отметив, что уровень парламентской культуры стал очень высоким и «не позволяет переходить к каким-то крайностям»³.

В рамках *второго направления* правовая политика призвана содействовать преодолению деформаций правосознания (правовой нигилизм, правовой идеализм и т.п.), ибо юридическая аномия связана с отрицательным (неадекватным) отношением со стороны субъектов к имеющимся предписаниям. Здесь важно повышать уровень правосознания должностных лиц и граждан, настойчиво занимаясь воспитанием, просвещением и правовой пропагандой. Можно согласиться с тем, что путь

к нейтрализации или вытеснению правовой аномии на «обочину» социальной жизни пролегает между совершенствованием системы права, точнее, возвращением доверия к праву, и интернационализацией права в установках россиян. Представляется создание таких условий, когда нарушение права и издержки от этого будут превышать выгоды⁴.

В рамках *третьего направления* правовая политика призвана противодействовать массовой отклоняющейся от имеющихся норм правореализационной деятельности лиц. Верно подмечено, что «юридическая аномия... препятствует процессу реализации права, так как реального воплощения правовых предписаний в жизни субъектов общественных отношений (государственных организаций, должностных лиц, общественных органов и граждан) не происходит. Точнее аномия нивелирует столь необходимое условие эффективности механизмов реализации права, как правомерное поведение, ведь она сопровождается игнорированием юридических норм или открытыми формами противоправного поведения, в силу чего реализация права, в общем, оказывается невозможна. Тем не менее, трудно представить себе режим государственной власти, при котором реализация права была бы полностью исключена. Вероятно, речь должна идти о различных деформациях процесса реализации права, что искажает, в свою очередь, и все известные формы правового регулирования – соблюдение, исполнение, использование и применение норм права»⁵.

В конечном счете при осуществлении названных трех основных направлений правовой политики нужен комплексный подход, который позволит «наладить» целостное воздействие компонентов правовой системы на аномичные процессы. Особая роль в этом играет правовая культура, которая, пронизывая все эти компоненты, «помогает» их сбалансировать, синхронизировать и консолидировать, чтобы они смогли «сообща и без крайностей» противодействовать различным отклонениям.

Таким образом, минимизировать юридическую аномию можно лишь совершенствуя все три главных элемента правовой системы: право (правотворчество), правосознание и правореализацию, которые соответственно и требуют в отношении себя «внимания» со стороны правовой политик, «образуя» тем самым три основных ее направления. Отсюда минимизация юридической аномии и совершенствование правовой системы общества выступают важнейшими тесно связанными друг с другом приоритетами правовой политики современной России. Подобная политика бу-

¹ См.: Куликов В. Советское – вволю // Российская газета. 2020. 19 мая.

² Макаренко Б. Открытый кабинет. Четыре года правительства Михаила Мишустина: работа продолжается // Российская газета. 2024. 22 января.

³ Замахина Т. Послание в главном чтении. Президент и законодатели обсудили итоги думской сессии // Российская газета. 2023. 18 декабря.

⁴ См.: Геращенко Д.Г. Правовая аномия в российском обществе: структурно-деятельностное измерение. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Ростов-на-Дону, 2011. С. 116.

⁵ Бороздина М.С. Юридическая аномия в институциональной трансформации современной российской государственности. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Ростов-на-Дону, 2009. С. 78–79.

дет эффективной в том числе и тогда, когда будет включать в себя не только меры противодействия аномичным проявлениям, но и меры предотвращения (профилактики) их.

Литература

1. Баранов В.М., Кроткова Н.В., Баранова М.В. Динамизм и стабильность законодательства: диалектика функционирования науки, практики, техники (Обзор XXIV Международного научно-практического форума «Юртехника» на тему «Изменения в законодательстве (доктрина, практика, техника)») // Государство и право. 2022. № 12. С. 177.
2. Бороздина М.С. Юридическая аномия в институциональной трансформации современной российской государственности. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Ростов-на-Дону, 2009. С. 78–79.
3. Геращенко Д.Г. Правовая аномия в российском обществе: структурно-деятельностное измерение. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Ростов-на-Дону, 2011. С. 116.
4. Замахина Т. Послание в главном чтении. Президент и законодатели обсудили итоги думской сессии // Российская газета. 2023. 18 декабря.
5. Кара-Мурза С.Г. Аномия в России: причины и проявления. М., 2013. С. 4.
6. Кривошеев В.В. Особенности аномии современного российского общества // СОЦИС. 2004. № 3.
7. Куликов В. Советское – вволю // Российская газета. 2020. 19 мая.
8. Куликов В. Изменили окрас. Верховный суд признал движение ЛГБТ экстремистским // Российская газета. 20223. 1 декабря.
9. Макаренко Б. Открытый кабинет. Четыре года правительства Михаила Мишустина: работа продолжается // Российская газета. 2024. 22 января.
10. Малько А.В. Теория правовой политики. М., 2012.
11. Малько А.В. Правовая жизнь общества, аномия и проблемы единства правового пространства в современной России // Государство и право. 2023. № 3. С. 12.
12. Мещерякова Н.Н. Особенности аномии в современном российском обществе: синергетический подход. Автореферат диссертации на соискании степени доктора социологических наук. М., 2015. С. 38.
13. Понкин И.В. Аномия и дисномия в государстве: к вопросу о рисках // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 305.
14. Похмелкин В.В. Школа нормотворчества: научно-практическое пособие. М., 2023. С. 144.
15. Проект Концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 года / Под ред. А.В. Малько. М., 2008.

LEGAL ANOMIE AND RUSSIAN LEGAL POLICY AIMED TO COUNTER IT

Malko A.V.

Togliatti State University

The present paper describes such a social-legal phenomenon as the legal anomie. The author of the work justifies that the conditions of its negative impact on the legal system cause dangerous consequences for state and society; thus the author believes that in Russia today there is the need to build specific legal policy in the sphere of countering anomie processes. The author proposes to work out such doctrinal document as a draft Conception of Russian legal policy in the sphere of countering legal anomie which could allow scientifically, systematically and coherently minimize the chaotic influence of this phenomenon. The author substantiates the structure, which includes the general principles and important components of the content of such a doctrinal document, as well as the main directions of Russian legal policy in the field of reducing the level of legal anomie. The author proves that the only way to minimize legal anomie is to improve all three main elements of the legal system: law (lawmaking), legal awareness and legal implementation, which, appropriately, requires “attention” from legal policy, thereby “forming” its three main directions. Hence, minimizing legal anomie and improving the legal system of society are the most important, closely interconnected priorities of the legal policy in modern Russia.

Keywords: legal anomie, legal system, legal policy, draft Conception of Russian legal policy in the sphere of countering anomic symptoms.

References

1. Baranov V.M., Krotkova N.V., Baranova M.V. Dynamism and stability of legislation: dialectics of the functioning of science, practice, technology (Review of the XXIV International Scientific and Practical Forum “Yurtekhnikа” on the topic “Changes in legislation (doctrine, practice, technology)”) // State and Law. 2022. No. 12. P. 177.
2. Borozdina M.S. Legal anomie in the institutional transformation of modern Russian statehood. Dissertation for the degree of candidate of legal sciences. Rostov-on-Don, 2009. pp. 78–79.
3. Gerashchenko D.G. Legal anomie in Russian society: structural and activity dimension. Dissertation for the degree of candidate of sociological sciences. Rostov-on-Don, 2011. P. 116.
4. Zamakhina T. Message in the main reading. The President and legislators discussed the results of the Duma session // Rossiyskaya Gazeta. 2023. December 18.
5. Kara-Murza S.G. Anomie in Russia: causes and manifestations. M., 2013. P. 4.
6. Krivosheev V.V. Features of the anomie of modern Russian society // SOCIS. 2004. No. 3.
7. Kulikov V. Soviet – plenty // Rossiyskaya Gazeta. 2020. May 19.
8. Kulikov V. Changed color. The Supreme Court recognized the LGBT movement as extremist // Rossiyskaya Gazeta. 20223. December 1.
9. Makarenko B. Open office. Four years of Mikhail Mishustin’s government: work continues // Rossiyskaya Gazeta. 2024. January 22.
10. Malko A.V. Theory of legal policy. M., 2012.
11. Malko A.V. Legal life of society, anomie and problems of the unity of legal space in modern Russia // State and Law. 2023. No. 3. P. 12.
12. Meshcheryakova N.N. Features of anomie in modern Russian society: a synergetic approach. Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Sociological Sciences. M., 2015. P. 38.
13. Ponkin I.V. Anomia and dysnomia in the state: on the issue of risks // Legal technology. 2019. No. 13. P. 305.
14. Pokhmelkin V.V. School of rule-making: scientific and practical manual. M., 2023. P. 144.
15. Draft Concept of Legal Policy in the Russian Federation until 2020 / Ed. A.V. Malko. M., 2008.

Орлов Дмитрий Викторович,

кандидат юридических наук, доцент, докторант научно-исследовательского отдела Нижегородская академия МВД России
E-mail: dm_orlov@rambler.ru

В условиях международной нестабильности, санкций со стороны не дружественных государств, стремления к поддержанию экономической безопасности, к самодостаточности во всех сферах и вопросах, необходимо иметь четкое научное представление о таком комплексном правовом явлении как стоимость правового регулирования.

Определение понятия «стоимость правового регулирования» не имеет формального выражения в законодательстве, в научных источниках и в справочной литературе. В этой связи целью исследования являлась выработка определения понятия, через исследование правовых явлений, специальных юридических и неюридических понятий и категорий.

Автор приходит к выводу, что стоимость правового регулирования необходимо рассматривать в двух аспектах – как совокупность явных и неявных издержек в денежном выражении на процедуры принятия норм права, их изменения или отмены, а также интерпретации и их реализации, направленных на получение запланированного результата (в узком значении) и как результат оценки правового регулирования с учетом социальной полезности, возможности удовлетворять потребности субъектов правоотношений, эффективности реализации, материальных издержек, а также не материальных издержек в части ухудшения правового положения субъектов общественных отношений (в широком значении).

Результаты исследования могут быть полезными для исследований издержек при правотворчестве и правореализации, а также дальнейших научных исследований стоимости правового регулирования.

Ключевые слова: стоимость, правовое регулирование, ценность правового регулирования, стоимость правового регулирования, оценка регулирующего воздействия, экономическая эффективность нормы.

Практически каждое проводимое научное исследование, посвященное вопросам правового регулирования, (как общетеоретическое, так и отраслевое) связано с изучением каких-либо проблем. Часть из них затрагивают юридическую технику подготовки и реализации нормативных правовых актов, значительное внимание в работах уделено проблемам качества содержания нормативного правового акта [21], избыточности правового регулирования [22, 25], его малоеффективности и даже вредности [2, 23], а в последнее время – экономической эффективности законодательства [26], проблеме затрат и издержек для субъектов экономической и предпринимательской деятельности [8].

Все эти научные исследования, в той или иной степени связаны с более глобальной проблемой – проблемой определения цены за результат, которая имеет место при попытках правового регулирования разнообразных вопросов. Как было отмечено В.В. Путиным на совещании с членами Правительства Российской Федерации 17 января 2024 года относительно вопросов граждан «...без всякого сомнения, мы должны выработать эти решения, затем принимать их исходя из целесообразности, здравого смысла; они должны быть экономически и социально обоснованными, справедливыми с социальной точки зрения» [19].

Укрепление международного сотрудничества с дружественными государствами в настоящее время считается необходимым для достижения устойчивого экономического роста и требует определения и разработки подходов к совершенствованию правовых основ экономического сотрудничества стран БРИКС, а также подготовки предложений по их реализации, находящих свое воплощение в итоге в стратегических документах и нормативных актах [28], в отношении которых должна быть проведена соответствующая правовая и экономическая оценка.

Определение понятия «стоимость правового регулирования» не имеет формального выражения в законодательстве, в научных источниках и в справочной литературе. Поэтому считаем необходимым выработать определение, через исследование правовых явлений, специальных юридических и неюридических понятий.

Понятие «стоимость правового регулирования» содержит в себе изначально сущность двух самостоятельных понятий, имеющих экономическую (стоимость) и правовую (правовое регулирование) природу.

Понимание стоимости правового регулирования основывается на понимании правового регулирования, является в какой-то мере производным от него. Многие научные труды не дают чет-

кого определения этого понятия, а завуалировано через ряд признаков, элементов или иные правовые явления упоминают о нем. Законодательное закрепление этого термина отсутствует, при этом используется в нормативных правовых актах в разном контексте и бессистемно.

Так, П.В. Васильев указывает на полисемию термина «правовое регулирование», которая встречается как в актах различной юридической силы, так и на страницах научных исследований, обращая внимание на нарушение закона тождества относительно понимания этого термина не только существующих в рамках одного научного исследования или нормативного правового акта, а иногда и в рамках одного предложения [5, с. 80].

Некоторые ученые правовое регулирование определяют через правовое воздействие [1, 9], при этом отождествляя или не отождествляя эти термины, некоторые определяют правовое регулирование через предмет правового регулирования (результат) – регулирование общественных отношений, регулирование правоотношений, регулирование фактических отношений, появление, изменение или прекращение прав и обязанностей субъектов, некоторые исследователи – как форму осуществления социальной коммуникации и как форму осуществления государственной власти [3], а также через его структуру, либо через механизм правового регулирования [20, с. 419].

Исходя из многообразия точек зрения в юридической науке о понимании правового регулирования и размытости понимания правового регулирования в практической деятельности, полагаем, что существует как минимум три самостоятельных понимания этого правового явления – правовое регулирование как деятельность, правовое регулирование как совокупность нормативных предписаний, правовое регулирование как процесс принятия решения в рамках индивидуальной ситуации.

В этой связи сформулируем определение правового регулирования с целью проведения дальнейшего исследования по определению его стоимости. Так, на наш взгляд, правовое регулирование – это система элементов, состоящая из норм права, процедур их принятия, изменения, отмены и реализации, а также средств и методов, направленных на получение запланированного результата.

Термин «стоимость» является специальным не юридическим термином, экономической категорией. Использование понятий и категорий из иных наук всегда вызывало некоторые трудности, поскольку такая терминология имеет явно специальное назначение, но при этом ее внедрение и использование в юриспруденции оказывает существенное влияние на рассматриваемые правоотношения. При этом, не всегда остается до конца ясным в каком объеме и до каких пределов специальная терминология может применяться, не навредив при этом рассматриваемой специальной по отношению к термину науке.

Поскольку данный термин не является юридическим термином, в юридических словарях по-

нятие «стоимость» отсутствует, но имеет место как дополнительный признак в правовых явлениях различной отраслевой специфики. В тоже время в словарях часто встречаются такие понятия и их определения как «стоимостный тариф», «стоимость денег», «стоимость кредита» и т.д. При этом зачастую само понятие «стоимость» может явно не отражаться в раскрытии подобных понятий, но указывать на принадлежность как признак к какому-либо явлению.

Толковый словарь содержит две трактовки понятия «стоимость» – как «количество общественно необходимого труда, затраченного на производство товара и осуществленного в этом товаре» и как «денежное выражение ценности вещи, цена» [16, с. 768].

Что касается первого понимания данного термина, то оно происходит из теории К. Маркса о том, что в основе стоимости лежит единственный производственный фактор – труд работников [27, с. 96]. Также стоит обратить внимание в определении на указание оценки в отношении предмета – товара или вещи, что явно не подразумевает оценку услуг или какой-либо, подлежащей оценке, деятельности.

Второе понимание через выражение ценности вещи также имеет отражение в реальности. Ценность может пониматься по-разному и как размер материальной составляющей, и как размер не материальный, в виде общественного блага.

Похожая трактовка содержится в большой российской энциклопедии, где стоимость определяется как денежное выражение затрат на производство и реализацию товара либо цена товара [4]. Словарь русского языка указывает стоимость, как выраженная в деньгах ценность чего-либо или величина затрат на что-либо [17, с. 269], а ценность – выраженная в деньгах стоимость чего-либо [17, с. 640].

Экономический словарь трактует стоимость как ценность товаров, выраженная в деньгах, которые надо заплатить, чтобы купить этот товар, денежные затраты, расход денежных средств на покупку товара, получение благ, выполнение работ и услуг. В данной трактовке стоимость также аналогична понятию цена, но с оговоркой, что цена отражает денежную стоимость единицы товара, тогда как само понятие стоимость может и не относиться к единице товара. Стоимость может и не выражаться в денежном виде [18, с. 408].

На наш взгляд, сложность в понимании связки терминов «стоимость» и «ценность», объясняется, вариативностью ситуаций их применимости. Кроме того, стоимость включает в себя определенные материальные издержки (затраты, расходы), которые могут составлять соразмерный обмен иных ценностей. Получая общественное признание при реализации товар (благо) получает меновую ценность, в которую помимо денежных затрат на производство включаются дополнительные денежные средства – избыточная стоимость, формируя таким образом цену товара. Ценность же – это лич-

ностное отношение к полезности блага, которое лежит в основе необходимости приобретения желаемого товара (блага) с учетом личностной оценки важности данного приобретения.

Как видим, во многих определениях стоимость зачастую определяется через схожие по содержанию термины – цена, ценность. В научной литературе однозначного мнения относительно того являются ли данные термины синонимами нет.

Между тем, некоторый сумбур в использовании данных терминов вызван лингвистическими особенностями при переводе иностранных научных трудов на русский язык. В некоторых случаях переводы текста, сделанные в различное время, оказывали существенное значение и значительно отличались друг от друга. Так, при сравнении оглавлений третьей книги работы «Основы политической экономии» Дж.С. Милля 1896 года [12] и 1980 года [13, с. 171], видно, что первая глава переведена в изданиях как «Ценность» позднее получила перевод «О стоимости», а третья глава, имеющая первоначальный перевод «Стоимость производства и ее отношение к ценности» была в последующем переведена как «О соотношении между издержками производства и стоимостью».

Отметим, что Дж.С. Милль полагал, что орудия, материалы, строения, входят в стоимость труда, поскольку «произведены трудом и капиталом и ценность их, подобно ценности предметов, производству которых они служат, определяется стоимостью производства, которая опять приводится к стоимости труда» [14, с. 425]. Понятия «ценность» и «цена» не отождествляет друг другу. Например, на страницах своей работы он указывает: «общее возвышение ценностей невозможно, но общее возвышение цены – дело возможное» [14, с. 427] и в продолжении – «все необходимые и постоянные неравенства прибыли выражаются в относительных ценностях товаров» [14, с. 429].

В русском языке слова цена и ценность являются однокоренными словами, тогда как в других языках для каждого из данных терминов присущи свои обозначения, например в английском языке, цена – price, ценность – value и никогда не переводились как «стоимость» поскольку в английском языке последнее имеет выражение – cost, которое переводилось в оригинальной русской литературе одновременно и как «ценность» и как «стоимость». Начиная с 30-х годов XX века при переводах сочинений К. Маркса термин «ценность» был заменен термином «стоимость», что определило в дальнейшем данную норму перевода, но лишь только в отношении «ценности» как экономической категории [7, с. 313].

Помимо этой особенности разное понимание данной категории проистекает в большей степени из-за исторического процесса становления и развития двух наиболее важных и основополагающих категорий экономики – цены и стоимости. Данные категории являются менее разработанными и основываются на различных подходах и дискуссионных работах в экономической науке [11, с. 19].

Также обратим внимание, что стоимость чего-либо выражается через иные экономические категории такие как расходы, затраты и издержки. Ситуация с различием или тождественностью данных понятий не однозначная [24]. Анализ источников показал, что существует два подхода: сторонники первого трактуют термины «расходы» и «затраты» как синонимы исходя из нормативных документов в области бухгалтерского учета. Так, например, «затратами предприятия считаются его расходы на создание производственных запасов материально-технических ресурсов и услуги (работы) поставщиков, включая потребленную в процессе производства их часть» [6, с. 66]. Сторонники второго подхода – понятия не являются тождественными и имеют разное значение, и употребляются преимущественно в зависимости от сферы: «расходы» – в бухгалтерском и налоговом учете, «затраты» – в финансовой сфере и управленческом учете [10, с. 275].

Издержки – это понятие более употребляемое в экономической теории, более широкое по содержанию и включает в себя затраты и расходы. Кроме того, при подготовке нормативных правовых актов уже используется именно это обозначение для различного рода расходов. Например, в приказе Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 06.06.2003 № 792 «Об утверждении Методических рекомендаций по бухгалтерскому учету затрат на производство и калькулированию себестоимости продукции (работ, услуг) в сельскохозяйственных организациях» указывается, что «издержки общие» – это совокупность всех затрат экономических ресурсов в денежной форме в процессе кругооборота хозяйственных средств.

Вместе с тем не стоит забывать уже хорошо разработанную нормативную правовую базу, регламентирующую оценку регулирующего воздействия. В приказе Министерства экономического развития Российской Федерации от 22.09.2015 № 669 «Об утверждении методики оценки стандартных издержек субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности, возникающих в связи с исполнением требований регулирования» все материальные потери субъектов именуются именно издержками.

Полагаем, что все это уместно соотносится и со стоимостью правового регулирования и с его ценностью. Стоимость правового регулирования характеризуется затратами на «производство» желаемого блага (в нашем случае – регулирование общественных отношений), которое обладает определенной полезностью для субъекта – участника общественного отношения и формирует конкретную ценность для него. Полезность является признаком стоимости, а сама стоимость признаком блага. Стоимость является материальной оценкой блага.

Некоторое внимание термину «стоимость» применительно к правовым явлениям уделено в работах С.М. Никитюка. Исследователь определил, что стоимость, «как правовая категория представляет

собой отображение цены в денежном (валютном) выражении объектов (предметов), деяний, явлений, закреплённая в нормах права и (или) порождающая правовые последствия» [15, с. 85].

Несмотря на то, что работа ученого посвящена исследованию категории «стоимость» в праве, ученый уделяет некоторое внимание и «стоимости права» (правовая стоимость), которая, как полагает автор, «является преимущественно экономической и характеризует затраты и издержки, необходимые для создания и реализации самих правовых предписаний» [15, с. 11]. При этом указывается, что категория «стоимость» используется для определения затрат на правотворческую деятельность, но в правовых актах, регламентирующих правотворчество, зависимость количества, качества принимаемых правовых актов и стоимости затрат на них не установлена.

При правотворчестве, в качестве одной из процедур, обязательным является определение планируемых расходов бюджетных средств на реализацию принимаемых норм права, а при оценке регулирующего воздействия, помимо расходования бюджетных средств – предполагаемые издержки субъектов предпринимательства и иной экономической деятельности. Определение стоимости правового регулирования, на наш взгляд, более широкое понятие и выходит за пределы данной оценки расходования средств, поскольку связано с расходами на подготовку, принятие норм права, планированием расходов средств при реализации, а также с результатами такого планирования. Все дальнейшие правовые изменения, по ранее принятым нормам права, происходящие по причинам неэффективности, избыточности или незаконности принятия этих норм и требующие соответствующей корректировки или отмены, также составляют стоимость правового регулирования общественного отношения, в рамках которого изначально происходило регулирование. Кроме того, стоимость правового регулирования, поскольку включает в себя стоимость правореализации, с течением времени может изменяться с учетом условий и обстоятельств, возникающих в конкретный момент времени и в этой связи подлежит уточнению по необходимости.

Данные расчеты отражают именно денежную стоимость правового регулирования. Но стоимость правового регулирования может иметь и более широкое значение, и в таком случае, будет выражаться иным понятием, а именно ценностью правового регулирования. Ценность, будет являться оценкой правового регулирования с учетом возможности удовлетворять потребности субъектов правоотношений, эффективности реализации, объема материальных издержек, а также издержек в части ухудшения правового положения субъектов общественных отношений, в случае, например, ограничения субъективных прав или ограничения возможностей, ранее не урегулированных нормами права. Данные показатели подлежат оценке в комплексе.

Исходя из изложенного выше, стоимость правового регулирования можно определить как совокупность явных и неявных издержек в денежном выражении на процедуры принятия норм права, их изменения или отмены, а также интерпретации и их реализации, направленных на получение запланированного результата.

В широком смысле стоимость правового регулирования (ценность правового регулирования) – это результат оценки правового регулирования с учетом социальной полезности, как возможности удовлетворять потребности субъектов правоотношений, эффективности реализации, материальных издержек, а также не материальных издержек в части ухудшения правового положения субъектов общественных отношений.

Определение понятия стоимости правового регулирования позволит в дальнейшем выявить и научно обосновать элементы стоимости правового регулирования (классифицировать издержки), сформировать и нормативно зафиксировать механизм оценки стоимости правового регулирования и определить критерии целесообразности издержек при правом регулировании.

Литература

1. Алексеев С.А. Механизм правового регулирования в социалистическом обществе. М.: Юрид. лит., 1966. 187с.
2. Баранов В.М. Изменение законодательства как социальная травма // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 40–58.
3. Березина Е.А. Предмет правового регулирования: философские основания // Философия права. 2019. № 3(90). С. 20–26.
4. Большая российская энциклопедия // URL: <https://bigenc.ru/c/stoimost-bf5e1a> (дата обращения: 15.01.2024).
5. Васильев П.В. Правовое регулирование: проблемы понимания // Государство и право. 2022. № 11. С. 79–84.
6. Врублевский Н.Д. Построение системы счетов управленческого учета // Бухгалтерский учет. 2000, № 17. С. 63–66.
7. Гальперин В. М., Игнатьев С.М., Моргунов В.И. Микроэкономика в 2-х частях. СПб, 1994. Т. 1. 349 с.
8. Должиков А.В. Анализ издержек и выгод в публичном праве // Правоприменение. 2023. Т. 7, № 2. С. 34–42.
9. Зайцева Е.С. Соотношение правового регулирования и правового воздействия // Академический юридический журнал. 2019. № 4(78). С. 4–9.
10. Игуменников А.С. Различие понятий «затраты» и «расходы» // Молодой ученый. 2015. № 5. С. 275–278.
11. Каурова Н.Н. Дуализм теории в объяснении феномена ценности и стоимости // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2013. № 34(172). С. 19–26.

12. Милль Дж.Ст. Основания политической экономики с некоторыми применениями к общественной философии / пер. с послед. англ. изд. Е.И. Остроградской; Под ред. О.И. Остроградского. Киев; Харьков: Юж.-рус. кн-во Ф.А. Иогансона, 1896.
13. Милль Дж.Ст. Основы политической экономики / пер. с англ., под ред. А.Г. Милейковского. М., 1980. Т. 2. 480 с.
14. Милль Дж.Ст. Основания политической экономики. Спб., 1909. 664 с.
15. Никитюк С.М. Категория «стоимость» в правовом регулировании общественных отношений: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008. 174 с.
16. Ожегов С. И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. 4 издание. М., 2003. 944 с.
17. Словарь русского языка. Т. 4 / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. М., 1988. 800 с.
18. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. 6-е изд. М., 2024. 512 с.
19. Совещание с членами Правительства Российской Федерации // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73278>. (дата обращения: 19.01.2024).
20. Теория государства и права: учебник / под ред. А.А. Клишаса. М., 2019. 512 с.
21. Тихомиров Ю.А. Проблемы качества правовых актов // Право и современные государства. 2015. № 3. С. 14–26.
22. Толстик В. А. К вопросу об обоснованности изменения законодательства // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 164–171.
23. Толстик В.А. Некоторые проблемы обеспечения социальной адекватности закона // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 158–161.
24. Усатова Л.В. Классификационные признаки градации базовой терминологии учетно-аналитической системы в рамках затрат, расходов, издержек // Экономический анализ: теория и практика. 2008. № 23(128). С. 60–67.
25. Хабриева Т.Я. Стабильность закона, модернизация законодательства и задачи юридической науки // Избранные труды: в 10 т. Т. 6. Содерж.: Теория толкования права. Теория правотворчества. Концепции развития законодательства. М., 2018. С. 185–202.
26. Хабриева Т.Я. Экономико-правовой анализ: методологический подход // Журнал российского права. 2010. № 12(168). С. 5–26.
27. Экономика: учебник / под ред. А.С. Булатова. М., 1997. 816 с.
28. Shaidullina V., Semenovskiy I. BRICS Countries' Economic and Legal Cooperation Through the Prism of Strategic Planning Documents. BRICS Law Journal. 2022. vol. 9. № 1. P. 4–34.

THE COST OF LEGAL REGULATION: DEFINITION OF THE CONCEPT

Orlov D.V.

Nizhniy Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia

In conditions of international instability, sanctions from non-friendly states, the desire to maintain economic security, self-sufficiency in all areas and issues, it is necessary to have a clear scientific understanding of such a complex legal phenomenon as the cost of legal regulation.

The definition of the concept of "cost of legal regulation" has no formal expression in legislation, in scientific sources and in reference literature. In this regard, the purpose of the study was to develop a definition of the concept, through the study of legal phenomena, special legal and non-legal concepts and categories.

The author comes to the conclusion that the cost of legal regulation must be considered in two aspects – as a set of explicit and implicit costs in monetary terms for the procedures for adopting legal norms, changing or canceling them, as well as interpreting and implementing them, aimed at obtaining the planned result (in a narrow sense) and as a result of evaluating legal regulation taking into account social usefulness, the ability to meet the needs of subjects of legal relations, the effectiveness of implementation, material costs, and also not material costs in terms of the deterioration of the legal status of subjects of public relations (in a broad sense).

The results of the study may be useful for research on the costs of lawmaking and legal realization, as well as further scientific research on the cost of legal regulation.

Keywords: cost, legal regulation, value of legal regulation, cost of legal regulation, assessment of regulatory impact, economic efficiency of the norm.

References

1. Alekseev S.A. Mechanism of legal regulation in socialist society. M.: Legal. lit., 1966. 187 p.
2. Baranov V.M. Changes in legislation as a social trauma // Legal technology. 2023. No. 17. pp. 40–58.
3. Berezina E.A. Subject of legal regulation: philosophical foundations // Philosophy of law. 2019. No. 3(90). pp. 20–26.
4. Great Russian Encyclopedia // URL: <https://bigenc.ru/c/stoimost-bf5e1a> (access date: 01/15/2024).
5. Vasiliev P.V. Legal regulation: problems of understanding // State and law. 2022. No. 11. pp. 79–84.
6. Vrublevsky N.D. Construction of a management accounting system // Accounting. 2000, no. 17. pp. 63–66.
7. Galperin V. M., Ignatiev S.M., Morgunov V.I. Microeconomics in 2 parts. St. Petersburg, 1994. T.1. 349 p.
8. Dolzhikov A.V. Analysis of costs and benefits in public law // Law enforcement. 2023. T. 7, no. 2. pp. 34–42.
9. Zaitseva E.S. Correlation of legal regulation and legal influence // Academic legal journal. 2019. No. 4(78). pp. 4–9.
10. Igumennikov A.S. Difference between the concepts of "costs" and "expenses" // Young scientist. 2015. No. 5. P. 275–278.
11. Kaurova N.N. Dualism of theory in explaining the phenomenon of value and cost // Financial analytics: problems and solutions. 2013. No. 34(172). pp. 19–26.
12. Mill J. St. Foundations of political economy with some applications to social philosophy / trans. from last English ed. E.I. Ostrogradskaya; Ed. O.I. Ostrogradsky. Kyiv; Kharkov: Yuzh.-rus. kn-vo F.A. Ioganson, 1896.
13. Mill J. St. Fundamentals of Political Economy / trans. from English, ed. A.G. Mileikovskiy. M., 1980. T.2. 480 pp.
14. Mill J. St. Foundations of political economy. St. Petersburg, 1909. 664 p.
15. Nikityuk S.M. The category "cost" in the legal regulation of public relations: dis. ...cand. legal Sci. Vladimir, 2008. 174 p.
16. Ozhegov S.I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions / Russian Academy of Sciences. 4th edition. M., 2003. 944 p.
17. Dictionary of the Russian language. T. 4 / ed. A.P. Evgenieva. 3rd ed. M., 1988. 800 p.
18. Modern economic dictionary / B.A. Raizberg, L. Sh. Lozovsky, E.B. Starodubtseva. 6th ed. M., 2024. 512 p.

19. Meeting with members of the Government of the Russian Federation // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73278>. (date of access: 01/19/2024).
20. Theory of State and Law: textbook / ed. A.A. Klishas. M., 2019. 512 p.
21. Tikhomirov Yu.A. Problems of the quality of legal acts // Law and modern states. 2015. No. 3. P. 14–26.
22. Tolstik V.A. On the issue of the validity of changes in legislation // Legal technology. 2023. No. 17. pp. 164–171.
23. Tolstik V.A. Some problems of ensuring the social adequacy of the law // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. No. 22. pp. 158–161.
24. Usatova L.V. Classification characteristics of the gradation of the basic terminology of the accounting and analytical system within the framework of costs, expenses, costs // Economic analysis: theory and practice. 2008. No. 23(128). pp. 60–67.
25. Khabrieva T. Ya. Stability of the law, modernization of legislation and tasks of legal science // Selected works: in 10 volumes. T. 6. Contents: Theory of interpretation of law. The theory of law-making. Concepts for the development of legislation. M., 2018. pp. 185–202.
26. Khabrieva T. Ya. Economic and legal analysis: methodological approach // Journal of Russian Law. 2010. No. 12(168). pp. 5–26.
27. Economics: textbook / ed. A.S. Bulatova. M., 1997. 816 p.
28. Shaidullina V., Semenovskiy I. BRICS Countries' Economic and Legal Cooperation Through the Prism of Strategic Planning Documents. BRICS Law Journal. 2022. vol. 9. No. 1. P. 4–34.

Савельев Петр Геннадьевич,

магистрант, кафедра теории и истории права и государства
Ростовского филиала ФГБОУ ВО «Российский
государственный университет правосудия» (РГУП)
E-mail: ivantumanovspg@gmail.com

В статье рассмотрена эволюция представлений о правосудии. Обозначены основные подходы к дефиниции правосудия. В современном научном массиве имеется два подхода к дефиниции правосудия – узкий и широкий. В рамках узкого подхода правосудие понимается в контексте деятельности суда и государственной власти. Широкий подход к пониманию правосудия предполагает интерпретацию в рамках философско-правовой позиции. Выявлена связь между правосудием и справедливостью. Представлены проблемные аспекты т.н. электронного правосудия, связанные со внедрением искусственного интеллекта в работу судебных органов.

Ключевые слова: правосудие, справедливость, судопроизводство, электронное правосудие, процессуальное законодательство

Такие аспекты, как сущность, свойства, принципы и перспективы развития правосудия довольно часто попадают в фокус внимания исследователей-правоведов. В русскоязычном научно-правовом массиве накоплено достаточно много прикладных исследований, посвященных проблемам организации судебной власти, модернизации процесса судопроизводства, допустимых границ судебного усмотрения, особенностям интерпретации и применения процессуальных норм. Тем не менее, в условиях динамического изменения условий социальной, экономической и правовой сред, весьма актуальным нам представляется возвращение к рассмотрению теоретических, фундаментальных вопросов, связанных с правосудием. Согласимся с Д.И. Назаровым: глубинное изучение данного вопроса и пересмотр существующих представлений о правосудии позволит по-новому взглянуть на цели, задачи, содержание правосудия, переосмыслить роль и значение правосудия в современном социуме [10, с. 130–131].

Эволюция представлений о правосудии

Понятия о правосудии сформировались уже достаточно давно: даже в самых древних письменных текстах, известных нашей цивилизации, уже имеются некоторые индикаторы, позволяющие нам сделать вывод о наличии правосудия на ранних этапах развития общества. На сегодняшний день сама по себе концепция правосудия воспринимается в тесной взаимосвязи с органами суда, хотя первые представления о правосудии сформировались еще до возникновения судебной системы как таковой. Упоминания о правосудии можно встретить в текстах священных писаний, в работах философов Древней Греции и Древнего Рима, в богословских трактатах средних веков. Более того, положительные и отрицательные аспекты правосудия зафиксированы в фольклоре – в сагах, легендах, песнях, идиомах. Все эти представления так или иначе нашли свое отражение в современных системах правосудия.

Известно, что одной из первых цивилизаций, которая письменно зафиксировала и описала систему правосудия, стала китайская. Сущность понятия правосудия в древнекитайском сознании интерпретировалась посредством категорий гармонии, баланса между существующими общественными отношениями. Как отмечает Д.И. Назаров, естественное (природное) состояние ставилось на уровень выше созданной человеком среды, поэтому и правосудие рассматривалось как способ разрешения проблемы исходя из естественных законов и древних традиций (так, к примеру, право-

судие описано в легендах о правителе Шуне, XII в. до н.э.) [10, с. 134].

В древнеиндийском обществе правосудие, указывает В.И. Лафитский, стало инструментом легитимизации власти, охраны существующих государственных законов. Весьма наглядно данный подход отражен в текстах законов Вайвасвата (Законы Ману, VI–V вв. до н.э.) [8, с. 8].

Важный вклад в развитие современных представлений о правосудии внесла античная мысль. Древнегреческим философам была свойственна детальная разработка проблем, связанных с бытием человека, его внутренним и внешним миром, а также взаимосвязи между личностными и общественными явлениями и процессами. Платон и Аристотель, к примеру, рассматривали вопросы определения сущности и цели правосудия, вырабатывали подходы к оценке правосудного и несправедливого поведения индивида, определяли параметры, по которым правосудие могло считаться качественным.

Развитие представлений о сущности правосудия произошло в период кодификации римского законодательства (*Corpus iuris civilis*), осуществлённой в VI в.н.э. императором Юстинианом I. В работах римского юриста Домиция Ульпиана (170–228 гг.н.э.) правосудие было определено как «неизменная и постоянная воля предоставлять каждому его право». Данную дефиницию многие специалисты считают первым официальным определением рассматриваемой нами категории. С позиции античного правосознания правосудие отождествляется с добром и справедливостью, а его целью выступает совершенствование механизмов функционирования общества и достижение истины [10, с. 135].

Распространение христианской религии послужило импульсом к переосмыслению существовавших ранее представлений о справедливости, истине и, собственно, правосудии. По мнению одного из подвижников Ассирии и Сирии Исаака Сирина Ниневийского (VII в.), милосердие и правосудие являются фактически взаимоисключающими концепциями: правосудие гораздо ближе к понятию возмездия, тогда как милосердие подразумевает сознательный отказ от мести как способа восстановления справедливости. В одной из своих работ «Трактат о законе» известный христианский мыслитель Фома Аквинский опровергает данный тезис, говоря о том, что правосудность следует воспринимать в качестве добродетели. Фома Аквинский указывал, что религия сама по себе есть совокупность моральных и судебных предписаний и, следовательно, является собой фундаментальный базис для правосудия [10, с. 136].

Правосудие попадало в фокус внимания и более современных европейских философов – Канта, Гегеля, Ницше и проч. Правосудие в большинстве случаев трактовалось как обязанность и право государства, не зависящие от желания индивидов передавать эти полномочия власти. Так, для Гегеля правосудие было закреплённым в законе произволом.

Период с 1864 по 1917 г. считается «золотым веком» русской юриспруденции, породившим целую плеяду выдающихся правоведов. Представителям дореволюционной юридической мысли удалось не только сформировать цельные представления о цели, принципах и механизмах правосудия, адаптировать эти разработки к ментальным и культурным особенностям российского общества [10, с. 139]. В советский период представления о правосудии были дополнены идеями о том, что правосудие следует считать инструментом социальной борьбы, инструментом для оказания противодействия представителям эксплуатирующего класса. Наблюдался отказ от т.н. буржуазной системы правосудия [10, с. 140].

Как показывает краткий обзор эволюции представлений о правосудии, вопросы, связанные с его определением, его природой, принципами и параметрами на протяжении всей истории человечества являлись важным объектом для философского и правового осмысления. Как указывает Х.А. Дзейтов, в разные исторические периоды понятие правосудия наделялось различной смысловой окраской, в зависимости от доминирующей идеологии, уровня развития общества, политического режима, характера общественных отношений, экономического уровня развития общества, конкретных потребностей власти и задач, стоящих перед ним [4, с. 108].

Современные подходы к дефиниции понятия «правосудие»

На сегодняшний день, отмечает Х.А. Дзейтов, понятие правосудие неотделимо от государства. Правосудие в большинстве научных источников интерпретируется в качестве одной из функций государственной власти. Правосудие, по мнению автора, следует определять в качестве своеобразной функции властных структур, благодаря которой (1) реализуется принцип справедливости правоприменительных процессов, (2) соблюдаются и обеспечиваются права и свободы человека, его законные интересы, (3) регулируется оборот собственности, (4) поддерживается общественная безопасность, (5) сохраняется незыблемость основ государственного строя [4, с. 108].

Следует сказать, что активизация дискуссий на тему дефиниции правосудия обусловлено отсутствием в отечественном законодательном массиве определения данной категории. Д.И. Назаров говорит о том, что причиной этого является сложность и многоаспектность правосудия как социально-правового явления [10, с. 136].

В обыденном сознании правосудие воспринимается через призму таких понятий как «справедливость», «правдивость», «законность» и проч. При этом, в образцах народной мудрости нередко можно встретить ситуации несоответствия реальной судебной практики представлениям о правде и справедливости. Кроме того, налицо противоречие между следованием правовым нормам и нор-

мам моральным – не всегда эти нормы находятся в отношениях тождества.

В общем виде правосудие Т.В. Орлова предлагает определять как деятельность суда, направленную на разрешение правовых вопросов в процессуальном порядке путем применения норм права к установленным фактам и отношениям [12, с. 187]. А.Б. Зеленцов трактует правосудие как функцию судебной власти, реализуемую посредством рассмотрения правовых конфликтов с целью защиты человека от нарушения его прав государством или другим лицами [5, с. 36]. С.А. Морозов, в свою очередь, полагает, что не следует ограничивать правосудие лишь работой органов суда: правосудие вершится и на этапах предварительного расследования, на этапе досудебного производства [9, с. 24].

Вышеописанные подходы к дефиниции правосудия можно считать узкими – исходя из того, факта, что правосудие в них тесным образом связано с судом и государственной властью.

В современной научной литературе имеются и более широкие подходы к пониманию правосудия. Так, Д.И. Назаров предлагает исходить из философско-правовой позиции в рассмотрении сущности правосудия. Правосудие, по мнению специалиста, следует понимать как «общественно-историческое явление, в рамках которого обладающий судебной властью субъект осуществляет установление и санкционирование факта общественно значимого деяния путём толкования и применения конкретной правовой нормы», а конечной целью правосудия является реализация идеи справедливости – ключевой как для правового, так и нравственного сознания [10, с. 142].

Следующую дефиницию можно встретить в работах Х.Д. Хачароева: правосудие – это систематизированная совокупность «политико-правовых отношений, норм, идей, взглядов и понятий, реализуемых в процессуальных формах деятельности его субъектов <...> в целях достижения социальной справедливости, охраны законных прав, свобод и интересов личности, общества и государства» [15].

С.А. Денисов в диссертационном исследовании рассматривает правосудие как социальное явление, как «систему политико-правовых отношений, норм, идей, взглядов и понятий», целью функционирования которой выступает достижение «социальной справедливости, охраны законных прав, свобод и интересов личности, общества и государства, обеспечения законности, борьбы с преступностью, ее устранения» [3]. Тем не менее, далеко не все исследователи поддерживают мысль о целесообразности применения широкого подхода к дефиниции правосудия. И.А. Гага и Е.Н. Куприянова, к примеру, указывают, что существенным недостатком таких определений выступает избыточный акцент на политическом и социальном компонентах правосудия при игнорировании решающей роли судов в его реализации [2, с. 201].

Е.А. Пышьева, в попытках объединить два подхода, указывает, что правосудие является собой естественный итог развития общественных отношений, самоорганизующуюся структуру, которая выразилась в конкретных правовых механизмах, позволяющих разрешать возникающие конфликты. Принадлежность правосудия к государству, по мнению автора, следует считать второстепенным признаком – в первую очередь правосудие есть продукт социума. По этой причине понятие правосудия не следует ограничивать государственной системой судопроизводства. Правосудие может иметь место и в контексте деятельности негосударственных гражданских институтов. Именно комплексный подход к понятию правосудия «позволяет охватить разные исторические, культурные, государственные и негосударственные формы соответствующего механизма разрешения правовых конфликтов, в том числе и те, которые сегодня, с точки зрения действующего российского законодательства, не являются правосудием» [14, с. 267].

Как неоднократно отмечено выше, правосудие тесным образом связано с понятием справедливости. Отождествлять эти понятия, тем не менее, едва ли возможно, ведь правосудие является собой деятельностное проявление представлений о справедливости [7, с. 197]. Н.В. Стус выражает схожий тезис: правосудием может считаться только та деятельность суда, которая не только отвечает требованиям закона, но и отвечает требованиям справедливости, равенства, свободы и гуманизма [13, с. 23].

О.О. Цацалов говорит о том, что деятельностное направление понимания правосудия постулирует то, что правосудие следует понимать как деятельность, направленную на разрешение конкретных дел, подведомственных суду [17, с. 49]. Сужение правосудия до деятельности суда, отмечает О.О. Цацалов, также не совсем верно. Обычай наших предков постепенно превращались в нормы-принципы права, которые со временем обогащались, конкретизировались и развивались. Так рождались принципы материального права и процессуальные принципы [16, с. 181]. Одним из важнейших компонентов и предпосылок наличия правосудия являются ментальные и мировоззренческие основания принципов правосудия. При их отсутствии общество вынуждено будет довольствоваться псевдоправосудием, осуществляемым на основе уродливого и извращенного правосознания» [17, с. 50]. Правосудие, таким образом, нуждается в нормальном правосознании – именно оно является одним из важнейших условий отправления правосудия.

Проблемы электронного правосудия

Цифровизация – одна из доминирующих тенденций последнего десятилетия – изменяет все сферы общественного бытия. Внедрение цифровых инструментов в систему правосудия коренным образом меняет его механизмы [11, с. 98]. В данной связи

многие исследователи обращаются к рассмотрению правосудия уже с позиции новой цифровой повестки. Нововведения, с одной стороны, позволяют обеспечить равномерную нагрузку судей, способствуют беспристрастному рассмотрению дел, снижают коррупционный фактор, обеспечивают открытость и гласность судопроизводства [11, с. 98].

По мере внедрения искусственного интеллекта в работу судов все чаще возникают сомнения в целесообразности подобного вектора модернизации системы правосудия. Речь идет об использовании искусственного интеллекта непосредственно при осуществлении правосудия. Как отмечает К.С. Новикова, внедрение машинного интеллекта в процесс судопроизводства ставит перед нами многочисленные вопросы этического характера [1, с. 100]. В любом случае цифровизация не стоит на месте, что заставляет ригидное законодательство меняться, но эти изменения все чаще вызывают возникновение большого числа правовых и этических коллизий [6, с. 13].

Исследователи, которые оптимистично смотрят на внедрение машинного интеллекта в систему правосудия, отмечают, что компьютер сможет преодолеть такие присущие российскому правосудию негативные черты, как явный обвинительный уклон и «расточительное применение уголовной репрессии» [7, с. 1994]. Критики цифровизации правосудия отмечают, что судить человека может только человек. Любое вмешательство в процесс назначения наказания создает риски принятия решений, не отвечающих истинному смыслу положений закона [7, с. 198]; [1, с. 137].

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

1. Понятия о правосудии сформировались уже в самых древних письменных текстах, известных нашей цивилизации. Первые представления о правосудии сформировались еще до возникновения судебной системы в древних государствах Китая, Индии, в Древней Греции, Древнем Риме. Каждая из доминирующих идеологий укладывала отпечаток на интерпретации правосудия: в античной культуре правосудие рассматривалось абстрактно, как стремление к правде и справедливости, в Средние века – как механизм реализации религиозной морали, в Новое время были предприняты попытки научного обоснования потребности в правосудии. В советский период дефиниции правосудия также несли идеологический отпечаток борьбы с эксплуатацией.
2. В современном научном массиве имеется два подхода к дефиниции правосудия – узкий и широкий. В рамках узкого подхода правосудие понимается в контексте деятельности суда и государственной власти. Широкий подход к пониманию правосудия предполагает интерпретацию в рамках философско-правовой позиции, либо же рассматривает правосудие как социальный феномен.

3. Внедрение цифровых инструментов в систему правосудия коренным образом меняет его механизмы. В данной связи многие исследователи обращаются к рассмотрению правосудия уже с позиции новой цифровой повестки.

Литература

1. Белякова, А. В. «Цифровое» правосудие в России 2.0 / А.В. Беляков // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2022. – № 5. – С. 124–142.
2. Гаг, И.А. Правосудие как объект уголовно-правовой охраны / И.А. Гаг, Е.И. Куприянова // СибСкрипт. – 2015. – № 4–2 (64). – С. 200–204.
3. Денисов, С.А. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления против правосудия: дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб, 2002. – 315 с.
4. Дзейтов, Х.А. Проблемные вопросы, связанные с определением понятия правосудие / Х.А. Дзейтов // Инновационная наука. – 2018. – № 7–8. – С. 106–109.
5. Зеленцов, А.Б. Административное правосудие: проблема теоретического определения понятия / А.Б. Зеленцов // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2000. – № 2. – С. 36–44.
6. Иванова, С.И. Электронное правосудие: перспективы развития / С.И. Иванова, Е.А. Хамрокулов // Вестник права. – 2023. – № 3. – С. 10–15.
7. Лапшин, В.Ф. Назначение уголовного наказания компьютерной программой: правовая инновация или деградация? / В.Ф. Лапшин // Пенитенциарная наука. – 2020. – № 2. – С. 192–198.
8. Лафитский, В.И. Развитие доктринальных и законодательных основ правосудия / В.И. Лафитский // Правосудие в современном мире: монография / под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. – М.: Норма; Инфа-М, 2012. – С. 11–23.
9. Морозов, С.А. Понятие правосудия в российском уголовном процессе / С.А. Морозов // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – 2022. – № 2. – С. 23–27.
10. Назаров, И. Д. К определению понятия «Правосудие»: историко-философский анализ / И.Д. Назаров // Известия ТулГ У. Гуманитарные науки. – 2016. – № 2. – С. 130–143.
11. Новикова, К.С. Элементы электронного правосудия через призму основных принципов судопроизводства / К.С. Новикова // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. – 2021. – № 3 (43). – С. 96–103.
12. Орлова, Т. В. О некоторых социально-правовых аспектах понятия правосудия / Т.В. Орлова // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. – № 7. – С. 187–189.
13. Стус, Н.В. Теория правосудия: некоторые общие заметки / Н.В. Стус // Право и государ-

ство: теория и практика. – 2023. – № 11 (227). – С. 21–23.

14. Пышьева, Е.А. Самоорганизация и правосудие / Е.А. Пышьева // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 3. – С. 267–270.
15. Хачароев, Х. Д. К вопросу о понятии и сущности правосудия / Х.Д. Хачароев // Российская юстиция. – 2012. – № 4. – С. 57–60.
16. Цацалов, О. О. К вопросу о принципах правосудия как принципах судебной деятельности / О.О. Цацалов // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 7. – С. 181–184.
17. Цацалов, О. О. К вопросу о ментальных и мировоззренческих основаниях принципов правосудия / О.О. Цацалов // Социально-политические науки. – 2017. – № 6. – С. 49–52.

THEORETICAL ASPECTS OF THE ESSENCE OF JUSTICE

Saveliev P.G.

Russian State University of Justice

The article examines the evolution of ideas about justice. The main approaches to the definition of justice are outlined. In the modern scientific literature there are two approaches to the definition of justice – narrow and broad. Within the narrow approach, justice is understood in the context of the activities of the court and government. A broad approach to understanding justice involves interpretation within the framework of a philosophical and legal position. The connection between justice and fairness has been revealed. The problematic aspects of the so-called e-justice related to the introduction of artificial intelligence into the work of the judiciary.

Keywords: justice, justice, judicial proceedings, electronic justice, procedural legislation.

References

1. Belyakova, A. V. “Digital” justice in Russia 2.0 / A.V. Belyakov // Bulletin of Moscow University. Episode 11. Law. – 2022. – No. 5. – pp. 124–142.
2. Gaag, I.A. Justice as an object of criminal law protection / I.A. Gaag, E.I. Kupriyanova // SibScript. – 2015. – No. 4–2 (64). – P. 200–204.
3. Denisov, S.A. Current problems of criminal liability for crimes against justice: dis. ... Doctor of Law. Sci. – St. Petersburg, 2002. – 315 p.
4. Dzeitov, Kh.A. Problematic issues related to the definition of the concept of justice / Kh.A. Dzeitov // Innovative science. – 2018. – No. 7–8. – pp. 106–109.
5. Zelentsov, A.B. Administrative justice: the problem of theoretical definition of the concept / A.B. Zelentsov // Bulletin of RUDN University. Series: Legal sciences. – 2000. – No. 2. – P. 36–44.
6. Ivanova, S.I. Electronic justice: development prospects / S.I. Ivanova, E.A. Khamrokulov // Bulletin of Law. – 2023. – No. 3. – pp. 10–15.
7. Lapshin, V.F. Imposing criminal punishment by a computer program: legal innovation or degradation? / V.F. Lapshin // Penitentiary science. – 2020. – No. 2. – pp. 192–198.
8. Lafitsky, V.I. Development of doctrinal and legislative foundations of justice / V.I. Lafitsky // Justice in the modern world: monograph / ed. V.M. Lebedeva, T. Ya. Khabrieva. – M.: Norma; Infa-M, 2012. – pp. 11–23.
9. Morozov, S.A. The concept of justice in Russian criminal proceedings / S.A. Morozov // Bulletin of SUSU. Series: Law. – 2022. – No. 2. – pp. 23–27.
10. Nazarov, I.D. Towards the definition of the concept of “Justice”: historical and philosophical analysis / I.D. Nazarov // News of Tula State University. Humanitarian sciences. – 2016. – No. 2. – pp. 130–143.
11. Novikova, K.S. Elements of electronic justice through the prism of the basic principles of legal proceedings / K.S. Novikova // Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Legal sciences. – 2021. – No. 3 (43). – P. 96–103.
12. Orlova, T.V. On some social and legal aspects of the concept of justice / T.V. Orlova // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2009. – No. 7. – pp. 187–189.
13. Stus, N.V. Theory of justice: some general notes / N.V. Stus // Law and state: theory and practice. – 2023. – No. 11 (227). – pp. 21–23.
14. Pysheva, E.A. Self-organization and justice / E.A. Pysheva // Bulletin of economic security. – 2016. – No. 3. – pp. 267–270.
15. Khacharoev, Kh.D. On the issue of the concept and essence of justice / Kh.D. Khacharoev // Russian justice. – 2012. – No. 4. – P. 57–60.
16. Tsatsalov, O.O. On the issue of the principles of justice as principles of judicial activity / O.O. Tsatsalov // Gaps in Russian legislation. – 2017. – No. 7. – pp. 181–184.
17. Tsatsalov, O.O. On the issue of mental and ideological foundations of the principles of justice / O.O. Tsatsalov // Socio-political sciences. – 2017. – No. 6. – pp. 49–52.

Предупредительные меры, направленные на защиту информационных прав граждан РФ

Воробьева Юлия Юрьевна,

старший преподаватель кафедры международного и публичного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: YYVorobyova@fa.ru

В статье автором рассмотрена роль и примеры превентивных мер принуждения, применяемых в Информационном праве. Автором отражены отдельные аспекты правового закрепления указанных мер, процесса их реализации, произведена систематизация предупредительных принудительных мер информационного права, а также отражены их особенности. Отмечая то, что в действующем законодательстве нашли место немалое количество предупредительных мер, направленных на недопущение нарушения информационных прав граждан, некоторые аспекты фактической их реализации вызывают вопросы. Очевидным является то, что превенция, играющая столь важную роль в процессе правоприменения, требует дальнейшего изучения, совершенствования, проработки и отражения в источниках информационного права, чтобы права, свободы и законные интересы граждан в информационной сфере были эффективным образом защищены, и была на должном уровне обеспечена информационная безопасность личности.

Ключевые слова: информационное право; информационные правоотношения; превентивные меры; превенция; информация.

В настоящее время утверждение о том, что Информационное право – самостоятельная отрасль российской правовой системы мало, кем оспаривается в научном сообществе. Уже пройдя непростые ухабы на пути становления и до сих пор в некоторой степени находясь на нем, информационное право по-прежнему теснейшим образом связано с отраслью Административного права, институтом которого когда-то было. Связь эту можно отразить в следующих аспектах:

1. сходство преобладающего метода правового регулирования – императивного ввиду того, что обе отрасли являются публичными;
2. немалая часть информационных правоотношений происходит если и не по инициативе, то при непосредственном участии органов исполнительной власти, в частности, Роскомнадзора;
3. административная ответственность – один из основных видов юридической ответственности, применяемых за нарушение информационно-правовых норм, и с регулярной существенной переработкой «информационно-правовых» статей КоАП (например, ст. 6.21 КоАП РФ), а также с введением новых (ст. 6.21.1. – в декабре 2022 г.), существенность ее роли в защите информационных прав граждан лишь возрастает.

В этой связи видится вполне обоснованным применение схожей классификации мер принуждения для рассматриваемых отраслей, в частности выделения предупредительных мер.

Роль предупредительных мер в информационном праве хотелось бы обозначить особо. Особенности информации как объекта правового регулирования (включая такую, как, например, тиражируемость или физическую неотчуждаемость), а также особые формы и скорость ее распространения приводят к тому, что в случае совершения правонарушения, связанного с информацией, негативные последствия практически неизбежны, в целом, малоустранимы и нередко имеют далеко идущие последствия, которые трудно оценить.

Предупредительные меры государственного принуждения – один из видов мер административного принуждения, и направлены они на недопущение совершения противоправных деяний, а, значит, и негативных последствий от них. Однако даже в случае, когда основной цели применения таких мер достичь не удалось, превенция не теряет сво-

ей актуальности и при применении других видов мер. Так, например, согласно ст. 3.1. КоАП РФ, административно-правовое наказание применяется в целях предупреждения совершения новых правонарушений. [1] Это лишний раз подтверждает, что продумывание, проработка и закрепление способов и приемов, которые служат предупреждению причинения вреда правам, свободам и законным интересам граждан, необходима на различных этапах правоприменительной практики.

Одна из предупредительных мер в Информационном праве – упаковка информационной продукции. [8, 2] Такая упаковка призвана сигнализировать о том, что информационная продукция предназначена не для всех потребителей, а также должна служить своего рода препятствием для доступа детей к информации. Сопутствующей вышеуказанной мере достаточно часто является размещенное на экземплярах продукции обязательное текстовое предупреждение, например словосочетание «содержит нецензурную брань». [8]

В Информационном праве размещенное на экземплярах информационной продукции предупреждение является весьма специфической и довольно-таки часто встречающейся принудительной мерой. Особое внимание заслуживает законодательство о рекламе. Предупреждения в этой сфере условно делятся на два вида:

1. указывающие на сам факт распространения рекламных материалов. Очевидно, эта мера видится обоснованной в условиях, когда рекламные материалы приобретают все более разнообразные формы, которые нередко очевидно для потребителей могут вызывать интерес к какому-либо объекту рекламирования в целях продвижения его на рынке. Примером может служить интервью с неким специалистом, который как бы между прочим упоминает объект рекламирования. Изначальная форма – интервью, вполне может ввести читателя в заблуждение. Таким образом, видятся обоснованными, например, указания «реклама» или «на правах рекламы» в не специализирующихся на сообщениях и материалах рекламного характера периодических печатных изданиях. [4, ст. 16] Или обязательство распространять социальную рекламу в ИТ сети «Интернет» с соответствующей пометкой. [4, ст. 3.19] Введенная относительно недавно статья об особенностях распространения рекламы в ИТ сети «Интернет» и вовсе закрепляет, что пометка «реклама» там обязательна¹.
2. указывающие на особенности самих рекламных материалов в целях реализации прав потребителей рекламы. К примеру, предупреждение о противопоказаниях в рекламе лекарств. [4, ч. 7 ст. 24] Кроме того, сроки розыгрыша должны содержаться в рекламе основанных на риске игр, пари. [4, ч. 5 ст. 27]

¹ ч. 16 ст. 18.1 федерального закона от 13.03.2006 N 38-ФЗ «О рекламе»

Предупредительной мерой стоит считать знак информационной продукции. [8]

Внимания заслуживают меры, направленные на предупреждение нарушений, связанных с персональными данными граждан: обнаружение фактов несанкционированного доступа к ним; предупреждение, обнаружение, ликвидация последствий компьютерных атак на их системы; реагирование на компьютерные инциденты в них. [3, ст. 19, ч. 2] Примечательно то, что в первичном уведомлении о факте неправомерной или случайной передачи персональных данных, должны быть указаны сведения о предполагаемых причинах, повлекших нарушение прав субъектов персональных данных. [11, ч. 2] В вопросе профилактики нарушения прав и законных интересов субъектов правоотношений анализ причин таких нарушений играет крайне большую роль и должен способствовать совершенствованию российского законодательства. На момент написания этой статьи планируется введение административной ответственности в виде штрафа за несообщение Роскомнадзору об утечке, которая нарушила права субъектов персональных данных. [12]

Отдельного внимания в информационном праве в качестве превентивной меры заслуживает мониторинг. Базовый закон информационного права предусматривает несколько видов мониторинга:

- 1) информационных ресурсов Роскомнадзором в целях обеспечения формирования реестра новостных агрегаторов [7, ч. 3 ст. 10.4.];
- 2) <...> реестра аудиовизуальных сервисов [7, ч. 2 ст. 10.5.];
- 3) <...> реестра социальных сетей [7, ч. 11 ст. 10.6.];
- 4) <...> реестра сервисов размещения объявлений [7, ч. 2 ст. 10.7.];
- 5) социальной сети владельца сайта и (или) страницы сайта в сети «Интернет», и (или) информационной системы, и (или) программы для электронных вычислительных машин [7, ч. 1 ст. 10.6.];
- 6) радиочастотной службой информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет». [7, ст. 16.2.; 10, ч. 3]

Определения мониторинга базовый закон отразил не содержит, а закрепленное в законодательстве касается именно деятельности государства, при том, что в Информационном праве его осуществляют не только властные субъекты.

В определенной степени превентивной мерой является учетная политика государства в информационной сфере. Реестры можно разделить на несколько групп:

1. реестры субъектов информационных правоотношений:
 - 0.1. провайдеров хостинга
 - 0.2. новостных агрегаторов
 - 0.3. нарушителей прав субъектов персональных данных
 - 0.4. зарегистрированных средств массовой информации
 - 0.5. операторов рекламных данных и др.

1. реестры объектов информационных правоотношений:
 - 1.1. аудиовизуальных сервисов
 - 1.2. социальных сетей
 - 1.3. сервисов размещения объявлений
 - 1.4. информационных ресурсов
 - 1.5. российского программного обеспечения
 - 1.6. доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено и др. [7]

В контексте рассматриваемой темы заслуживает внимания тенденция, согласно которой информация из категории «предоставляемой» переходит в категорию «общедоступной». Пример – экологическая информация, в отношении которой был установлен такой режим. [6, ст. 4.3.] Общедоступность достигается за счет того, что обладающие информацией о состоянии окружающей среды властные субъекты размещают ее на официальных сайтах в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и с использованием федеральной государственной информационной системы состояния окружающей среды. [6, ч. 3]

Предупреждение совершения правонарушений – важнейшая часть деятельности государства, направленной на обеспечение прав, свобод и законных интересов граждан России. Тщательно продуманное и своевременное применение предупредительных мер помогает предотвратить сам факт нарушения прав и законных интересов участников правоотношений, а, значит, и обезопасить их от последствий таких нарушений, которые зачастую могут носить далеко идущий, проявляющийся отнюдь не сразу эффект. Информационное право не является исключением: в условиях, когда скорости и масштабы распространения информации приобретают ранее невиданный объем, особую роль играют превентивные меры, осуществляемые как властными субъектами, так и иными участниками информационных правоотношений.

Литература

1. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ
2. Закона РФ от 27.12.1991 N 2124–1 «О средствах массовой информации»
3. Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ «О персональных данных»
4. Федеральный закон от 13.03.2006 N 38-ФЗ «О рекламе»
5. Федеральном законе от 31.07.2020 N 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»
6. Федеральный закон от 10.01.2002 N 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»

7. Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»
8. Федеральным законом от 29.12.2010 N 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»
9. Постановление Правительства РФ от 07.12.2015 N 1336 «Об утверждении Правил размещения текстового предупреждения о наличии нецензурной брани на экземплярах отдельных видов продукции»
10. Приказ Роскомнадзора от 02.02.2023 N 13 «Об утверждении порядка проведения мониторинга информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», а также определении видов информации и (или) информационных ресурсов, в отношении которых проводится мониторинг»
11. Приказ Роскомнадзора от 14.11.2022 N 187 «Об утверждении Порядка и условий взаимодействия Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций с операторами в рамках ведения реестра учета инцидентов в области персональных данных»
12. Проект федерального закона № 502104–8 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»

PREVENTIVE MEASURES AIMED AT PROTECTING THE INFORMATION RIGHTS OF CITIZENS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Vorobyova Yu.Yu.

Financial University under the Government Russian Federation

In the article, the author examines the role and examples of preventive coercive measures used in Information Law. The author reflects certain aspects of the legal consolidation of these measures, the process of their implementation, systematizes preventive compulsory measures of information law, and also reflects their features. Noting that the current legislation contains a considerable number of preventive measures aimed at preventing violations of the information rights of citizens, some aspects of their actual implementation raise questions. It is obvious that prevention, which plays such an important role in the process of law enforcement, requires further study, improvement, elaboration and reflection in the sources of information law, so that the rights, freedoms and legitimate interests of citizens in the information sphere are effectively protected and are at the proper level information security of the individual is ensured.

Keywords: information law; information legal relations; preventive measures; prevention; information.

References

1. “Code of the Russian Federation on Administrative Offenses” dated December 30, 2001 N 195-FZ
2. Law of the Russian Federation of December 27, 1991 N 2124–1 “On the Mass Media”
3. Federal Law of July 27, 2006 N 152-FZ “On Personal Data”
4. Federal Law of March 13, 2006 N 38-FZ “On Advertising”
5. Federal Law of July 31, 2020 N 248-FZ “On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation”
6. Federal Law of January 10, 2002 N 7-FZ “On Environmental Protection”
7. Federal Law of July 27, 2006 N 149-FZ “On information, information technologies and information protection”

8. Federal Law of December 29, 2010 N 436-FZ "On the protection of children from information harmful to their health and development"
9. Decree of the Government of the Russian Federation of December 7, 2015 N 1336 "On approval of the Rules for placing a text warning about the presence of obscene language on copies of certain types of products"
10. Order of Roskomnadzor dated 02.02.2023 N 13 "On approval of the procedure for monitoring information and telecommunication networks, including the Internet, as well as determining the types of information and (or) information resources in respect of which monitoring is carried out"
11. Order of Roskomnadzor dated November 14, 2022 N 187 "On approval of the Procedure and conditions for interaction of the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Communications with operators within the framework of maintaining a register of incidents in the field of personal data"
12. Draft Federal Law No. 502104-8 "On Amendments to the Code of the Russian Federation on Administrative Offences"

Еланский Игорь Юрьевич

аспирант, кафедры государственно-правовых дисциплин и цифрового права, НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
E-mail: elanskiy mos@mail.ru

В связи с коренными изменениями в экономических отношениях растет значимость цифровой экономики. Сегодня цифровизация экономики – это обязательное мероприятие, и даже можно сказать, условие, которое необходимо для развития современных государств, поскольку именно она способствует переходу к информационному обществу. Россия также не отказалась от этой тенденции и стремится интегрировать цифровые технологии в каждую сферу экономики. За счет использования современных технологий и цифровых платформ менеджеры экономических субъектов могут не только понизить показатели транзакционных издержек при взаимодействии, расширения контактов с прочими компаниями и государственными органами, но и повысить эффективность управления. Именно данные факторы требуют разработку мероприятий по модернизации правового регулирования цифровой экономики. Однако данный процесс сталкивается с множеством трудностей, среди которых наиболее актуальной выступает проблема нехватки нормативно-правовых регуляторов в области цифровой экономики. Поэтому в научном исследовании рассматриваются актуальные проблемы правового регулирования отношений, возникающих в сфере цифровизации экономических процессов.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровизация, информационные технологии, прогресс, государство, правовой режим

Цифровизация представляет собой изменение источника добавленной стоимости и внесение изменений в структуру экономики. Абсолютно каждое активно развивающееся государство сегодня сталкивается с этим. Этому есть разумное объяснение – любое государство стремится повысить уровень своей конкурентной способности, которая не будет уступать показателям развитых стран.

Для реализации цифровой экономики необходимо организовать ряд условий. Рассмотрим их подробнее.

1. Первое условие заключается в том, чтобы создать соответствующую информационную систему, которая будет работать, опираясь на автоматизированные операции. Иначе говоря, данные операции это – применение разных цифровых технологий для сбора, обработки и хранения данных, в том числе автоматизация бизнес-процессов.
2. Второе условие требует разработать цифровые платформы, которые будут выполнять технологические, транзакционные и интеграционные задачи. Благодаря данным платформам будет обеспечиваться взаимодействие между различными участниками цифровой экономики, а также предоставляют различные сервисы и услуги.
3. И третье условие – внедрение цифровых технологий в традиционные отрасли экономики. Может подразумевать под собой применение передовых технологических разработок в цифровом измерении, предназначенных для обеспечения автоматизации процессов производства, оптимизации логистических процессов, а также дистрибуции, роста уровня маркетинговой эффективности, качества продаж, оказания новых услуг [7].

Подчеркивая большой охват цифровой экономики, отметим, что она включает в себя широкий ряд электронно-деловых операций и коммерции в интернет сети, что, безусловно, подразумевает под собой достаточно сложную и многозадачную инфраструктуру. Информатизация также включает в себя задачи по урегулированию таких сфер, как производственная деятельность, финансовые операции и обращения, электронную коммерцию. Это обуславливается тем, что в данных сферах активно применяется среда глобальной сети – Интернет.

Термин «цифровая экономика» не отражается в Основном законе Российской Федерации. Это словосочетание обрело свое происхождение позднее, в девяностом пятом году, и было сформулировано американским ученым Н. Негропonte,

с целью пояснения основных положительных характеристик современной парадигмы (экономики) в сопоставлении с обыкновенной, в пределах роста ИКТ. В настоящем периоде это понятие рассматривается непосредственно научным сообществом как порой не очень четкое и даже неопределенное. Ряд авторов отмечают следующие два подхода: первый подход заключается в том, что цифровая экономика это та экономика, что опирается на цифровые технологии, т.е. на электронных товарах и услугах; другой подход рассматривает данное понятие более широко и оно включает в себя экономическое производство с применением цифровых технологий.

Поскольку в Основном законе не содержатся уточнения понятия цифровой экономики, необходимо обратиться к разъяснениям, представленным в контексте «Перспектив развития информационного общества РФ на период с 2017 г. по 2030 г». [2]. Цифровая экономика с цифровыми ресурсами увеличивает эффективность производства, технологий, архивирования, дистрибуции, транспортировки, а также интернет-сервисов, онлайн-торговли, интернет-банкинга, цифровой рекламы и краудфандинга.

Правовое регулирование вышеперечисленного напрямую касается двух важнейших аспектов – интеллектуальной собственности и экономической конституции.

В настоящий момент есть несколько формулировок такого термина как «экономическая конституция» в конституционном праве. В рамках настоящей работе, оптимальной является такая формулировка данного понятия, которая связана непосредственно с анализом норм Конституции РФ, которые регулируют развитие экономики в государстве. Совместно друг с другом и с прочими нормами данные нормы имеют явную связь. Корректировка (внесение ниже поправок) или же формулировка одних норм Конституции РФ может стать причиной того, что произойдут изменения в осознании иных норм, которые с ними имеют очень важную, порой непосредственную связь [5].

Государственная экономика, если исходить из определения, представленного выше, включает в себя цифровую экономику, которая направлена непосредственно на краткосрочный рост. Базируясь на таких же основах демократии, как, собственно, и прочая конституция (в экономическом смысле) должна быть непосредственно выстроена цифровая экономика в качестве небольшой части всего этого общего (целого). Но, по причине того, что она имеет свои особенности, на сегодняшний день существует необходимость во внесении соответствующих корректировок в современное законодательство РФ. Кроме того, имеется необходимость на сегодняшний день производить четкий контроль, и даже мониторинг, подразумевающий, так скажем, регулярное слежение за изменениями и оценку с учетом соответствия положений нынешней Конституции страны. Гарантия защиты прав каждого человека (не только граждани-

на РФ) может быть нивелирована ввиду того, что сейчас активно вводятся в общественную жизнь новые технологии. Кроме отсутствия гарантии защиты прав каждого человека есть риск того, что может начаться централизация данных, нарушающих в свою очередь интересы людей.

В целом нельзя упускать из внимания такую намечающуюся проблему, когда фундаментальные ценности, а также принципы правового демократического государства могут оказаться под большой угрозой в случае, если будут внедрена цифровая экономика. Эта новая форма экономики требует новых решений важных вопросов, связанных с жизнью общества. Чтобы найти полноценные ответы на эти вопросы, необходимо вовлечение всего общества и проведение глубоких научных исследований, которые направлены непосредственно на создание регулирования (в рамках правового поля) цифровой экономики.

Неотъемлемый конкретизирующий документ Стратегии, в такой важнейшей сфере как цифровая экономика, это Постановление Правительства РФ от 02.03.2019 № 234 «О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

Сегодня, программа, содержащая в себе ключевые направления развития цифровой экономики, не затрагивает многие важные детали, которые требуют дальнейшей разработки.

В процессе совершенствования распределительной системы ценностей, так необходимых каждой стране (в литературе упоминается о развитых государствах), многие экономические идеи, которые имели отношение к такой сфере как «цифровая экономика» довольно быстро претерпевали перемены. Всякий раз пересматривалась главная суть цифровой экономической формы. Совместно с наблюдаемыми переменами в осознании самой сути форм (цифрового типа) отношений, наблюдаемых в сфере экономики, корректировались и способы, направленные на ее регулирование. На сегодняшний день для системы госуправления и государственной правовой системы устанавливается новая тенденция формирования принципов развития системы российской экономики, которая сможет противостоять вызовам современности, соответствовать требованиям высоких технологий и современного информационного общества [3].

Для выполнения этой задачи создан федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой среды», руководимый Министерством экономического развития России. Проект законов направлен на: – улучшение цифровой экономики и решение проблем с ее развитием; – регулирование важных вопросов для тех или иных отраслей (идентификация в интернете, электронные документы и обработка данных, включая личные). В ходе анализа Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ, регулирующего развитие сектора МСП в РФ [1], установлено отсутствие процедуры внедрения цифровизации в МСБ. О.В. Виноградов, И.С. Кокорин, Е.С. Янковская, свидетельствуют о том, что

на сегодняшний день большая часть предприятий (малых и средних) пока еще не готова к тому, чтобы активно внедрять ИКТ в комплексе [4].

Ключевая цель изменений, происходящих непосредственно в юридической стратегии РФ в отношении цифрового сектора подразумевает формирование нового окружения, благодаря за счет которого будет обеспечиваться благоприятная правовая база для развития современных технологий и цифровой экономики [6].

В данном отношении, отметим, что цифровые технологии оказывают значительное влияние на жизнь людей и общества, – они охватывают различные сферы экономики, а также рынки (традиционные сферы) где происходит коммуникация между теми, кто выступает роли поставщиков, потребителей товаров, а также работ и услуг.

Наличие платформ и технологий для развития рынков и экономических отраслей, влечет за собой эффективное взаимодействие между участниками рынков и отраслей, в т.ч. обеспечивает регулирование, информационную инфраструктуру, управление персоналом и безопасность данных.

Внедрение ИТ в экономику и имеет важное значение (т.к. это позволяет повысить уровень конкурентоспособности). Однако внедрение данных технологий подразумевает использование соответствующей нормативно-правовой среды.

Так, эффективное нормативно-правовое регулирование ИТ подразумевает следующие цели:

- Устранение правовых барьеров и ограничений;
- Создание специализированных правовых институтов для регулирования цифровой экономики;
- Формирование комплексной системы законодательных актов, охватывающих все аспекты цифровой экономики;
- Стимулирование экономических процессов, которые основываются на ИТ;
- Развитие единого цифрового экономического пространства;
- Разработка международных стандартов и подходов к регулированию цифровой экономики;
- Создание методологической основы для управления и регулирования цифровой экономики.

Цифровизация затрагивает не только фундаментальные, но и прикладные аспекты экономики. Поэтому для эффективного регулирования этой сферы требуется междисциплинарный подход, учитывающий пересечения различных отраслей права.

Адаптация нормативно-правовой базы к этим изменениям требует постоянного мониторинга технологических достижений, анализа их потенциальных рисков и разработки соответствующих регулирующих механизмов. Это обеспечит эффективное использование возможностей ИТ для экономического и социального развития, а также минимизацию связанных с ними угроз.

Разработка единых принципов правовой политики, которые будут направлены на развитие и стимулирование цифровой экономики нашей страны

является важным аспектом для развития инноваций и технологического прогресса. Правовая политика должна быть направлена на поддержку инновационных технологий и создание условий для их выхода на рынок.

Литература

1. Федеральный закон от 24.07.2007 N 209-ФЗ (ред. от 12.12.2023) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 30.07.2007, N 31, ст. 4006
2. Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203»О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // «Собрание законодательства РФ», 15.05.2017, N 20, ст. 2901
3. Быков А.Ю. право цифровой экономики: некоторые народно-хозяйственные и политические риски. – Москва: проспект, 2021. – 24 с.
4. Гармашев М.А., Брусенская В.С. Особенности правового регулирования цифрового предпринимательства. Перспектива развития // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 98–3. С. 65–67.
5. Жаркова Е.А. Цифровая экономика России в контексте развития глобальной цифровой экономики//Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. – 2022. – № 4 (15). – С. 69–79.
6. Скоробогатов В.Ю. Пределы права и парадоксы правового регулирования // Государство и право. 2020. № 1. С. 20–31.
7. Черданцев В.П., Кобелев П.Е. Формирование единого информационного пространства // Аграрный вестник Урала. 2010. № 11–1 (77). С. 102–103.

LEGAL REGULATION OF DIGITAL TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN ECONOMY

Yelansky I.Yu.

Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

Due to fundamental changes in economic relations, the importance of the digital economy is growing. Today, the digitalization of the economy is a mandatory event, and one can even say a condition that is necessary for the development of modern states, since it contributes to the transition to an information society. Russia has also not abandoned this trend and is striving to integrate digital technologies into every sphere of the economy. By using modern technologies and digital platforms, managers of economic entities can not only reduce transaction costs in interaction, expand contacts with other companies and government agencies, but also improve management efficiency. It is these factors that require the development of measures to modernize the legal regulation of the digital economy. However, this process faces many difficulties, among which the most urgent is the problem of a shortage of regulatory regulators in the field of.

Keywords: digital economy, digitalization, information technology, progress, state, legal regime.

References

1. Federal Law No. 209-FZ of 07/24/2007 (as amended on 12.12.2023) "On the development of small and medium-sized

- enterprises in the Russian Federation" // "Collection of Legislation of the Russian Federation", 30.07.2007, No. 31, art. 4006
2. Decree of the President of the Russian Federation dated 05/19/2017 No. 203 "On the Strategy for the development of the information society in the Russian Federation for 2017–2030" // "Collection of Legislation of the Russian Federation", 05/15/2017, No. 20, art. 2901
 3. Bykov A.Yu. the law of the digital economy: some national economic and political risks. – Moscow: prospekt, 2021. – 24 p.
 4. Garmashev M.A., Brusenskaya V.S. Features of the legal regulation of digital entrepreneurship. Development perspective // Trends in the development of science and education. 2023. No. 98–3. pp. 65–67.
 5. Zharkova E.A. The digital economy of Russia in the context of the development of the global digital economy//Bulletin of the Siberian State University of Railway Engineering: Humanitarian Studies. – 2022. – № 4 (15). – Pp. 69–79.
 6. Skorobogatov V. Yu. Limits of law and paradoxes of legal regulation // State and law. 2020. No. 1. pp. 20–31.
 7. Cherdantsev V.P., Kobelev P.E. Formation of a unified information space // Agrarian Bulletin of the Urals. 2010. No. 11–1 (77). pp. 102–103.

Некоторые вопросы осуществления прокурорского надзора за исполнением законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере государственных и муниципальных закупок товаров, работ и услуг

Потапова Лариса Валерьевна,

доцент кафедры прокурорской деятельности Уральского государственного юридического университета
E-mail: lvpotapova2014@yandex.ru

Предметом исследования в настоящей статье выступают вопросы осуществления прокурорского надзора за исполнением законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере государственных и муниципальных закупок товаров, работ и услуг. Отмечается, что институт государственных закупок, применяющийся в настоящее время, выступает базовым элементом механизма социальной и экономической стабильности государства. Система государственных закупок является действенным инструментом в рамках реализации научно-технических, инновационных и социально-экономических программ. Она предполагает осуществление государством разнообразного функционала, способствующего предупреждению ослаблению контроля в повышении зарплат, сокращению расходов государственного бюджета.

Актуальность рассматриваемого направления прокурорского надзора очевидна, более того, данная тематика приобретает в последние годы все большую важность. Внимание к теме обусловлено множеством факторов, среди которых указываются: осуществленное влияние на экономическую сферу общественных отношений, немалое количество нарушений, выявляемых в данной отрасли, недостаточность правового и методического сопровождения, разнообразие поднадзорных прокуратуре объектов и иные причины.

Автором подчеркивается тот факт, что требуется более тщательная работа по формированию и совершенствованию имеющихся методических рекомендаций, определяющих механизмы прокурорского надзора в рассматриваемой сфере, характеризующейся обширным количеством проверяемых объектов и многоэтапностью проверочных мероприятий, с целью усиления эффективности работы, улучшения показателей. Многочисленные нарушения в данной сфере закупок требуют от органов прокуратуры дальнейших действий по усилению надзора.

Ключевые слова: прокурорский надзор; контрактная система; государственные закупки; государственные и муниципальные нужды.

Институт государственных закупок, применяющийся в настоящее время, выступает базовым элементом механизма социальной и экономической стабильности государства. Система государственных закупок является действенным инструментом в рамках реализации научно-технических, инновационных и социально-экономических программ. Она предполагает осуществление государством разнообразного функционала, способствующего предупреждению ослаблению контроля в повышении зарплат и сокращению государственных бюджетных расходов.

Обширное правовое поле, в котором осуществляется законодательная регламентация рассматриваемых отношений, позволят акцентировать внимание на следующих правовых документах: Федеральном законе «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ и Федеральном законе «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18.07.2011 № 223-ФЗ [1,2].

Органы прокуратуры Российской Федерации, являясь неотъемлемым компонентом структуры государственного аппарата, с помощью имеющегося арсенала правовых средств обеспечивают функционирование процедур государственных закупок, а также защиту и восстановление прав, интересов всех участников, выступая при этом гарантом сохранения законности и правопорядка.

В пользу актуальности тематики свидетельства служат статистические данные: объем государственных и муниципальных закупок увеличивается ежегодно, а, следовательно, возрастает и количество совершаемых (выявляемых органами прокуратуры РФ) нарушений.

В качестве основного организационно-распорядительного документа Генерального прокурора РФ в этой области выступает приказ «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере закупок» от 14.01.2021 № 6, он определяет общие положения надзорной работы прокуратуры, некоторые особенности, а также очерчивает задачи, требующие решения[3].

Актуальность рассматриваемого направления прокурорского надзора очевидна, более того, данная тематика приобретает в последние годы все большую важность. Внимание к теме обусловлено множеством факторов, среди которых: осуществленное влияние государственных и муниципаль-

ных контрактов на экономическую сферу общественных отношений; немалое количество нарушений, выявляемых в данной отрасли контролирующими органами и прокуратурой; несовершенство правового и методического сопровождения; разнообразие поднадзорных прокуратуре объектов и иные причины.

Одной из проблем, заслуживающих внимания при рассмотрении содержательной деятельности прокуратуры по надзору за исполнением законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере государственных и муниципальных закупок товаров, работ и услуг, является вопрос неопределенности терминов и терминологических конструкций, используемых в тексте Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ, что может влечь за собой создание благоприятных условий для формирования коррупциогенной среды. В этой связи сложно не согласиться с позицией, обозначенной Шмелевой М.В., согласно которой «... в сфере закупок наблюдается своеобразный бум в использовании постоянно меняющихся и новых понятий, призванных отразить сущность процесса закупки для удовлетворения нужд государства. В закупочное законодательство постоянно вводятся дублирующие друг друга понятийные конструкции, раскрывающие различные грани одного и того же явления» [4].

Споры вызывает, в частности, содержательное наполнение категорий и конструкций: контрактная система, закупка, размещение государственного заказа, государственные и муниципальные нужды. Отмеченное требует тщательного подхода законодателя к конкретизации понятий, обозначения их смысловых объемов на правовом уровне, поскольку терминологическая «размытость» напрямую сказывается на состоянии законности государственной и муниципальной деятельности в сфере закупок.

Требуется более тщательная работа по формированию и совершенствованию имеющихся методических рекомендаций, определяющих механизмы прокурорского надзора в рассматриваемой сфере, характеризующейся обширным количеством проверяемых объектов и многоэтапностью проверочных мероприятий, с целью усиления эффективности работы, улучшения ее показателей.

Вместе с тем, несмотря на имеющиеся сложности, органы прокуратуры достаточно успешно справляются с задачами, поставленными перед ними при осуществлении надзора за исполнением законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере государственных и муниципальных закупок товаров, работ и услуг, о чем свидетельствуют статистические данные.

Прокурорский надзор за исполнением законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере государственных и муниципальных закупок товаров, работ и услуг является самостоятельным направлением «общенадзорной де-

ятельности прокуратуры, а также частью надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. При его реализации применяются правила, распространяющиеся на указанные отрасли прокурорского надзора при определении предмета, объектов, пределов работы, полномочий и мер прокурорского реагирования, а также используются разработанные инструменты проведения проверочных мероприятий.

В качестве некоторых особенностей прокурорского надзора за исполнением законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере государственных и муниципальных закупок товаров, работ и услуг возможно обозначить: большой массив правовых документов, изучение которых предполагается прокурором, осуществляющим надзорные действия; сложный (разноформатный) состав поднадзорных органов, должностных и иных лиц, организаций; многоступенчатая процедура закупки, обуславливающая принятие во внимание прокурором специфики каждого из этапов такого процесса; разнообразие правовых средств реагирования на выявленные нарушения закона (немаловажно подчеркнуть, что именно в этом надзорном направлении прокурорами достаточно активно применяются меры реагирования, предоставленные Арбитражно-процессуальным законодательством РФ (обращение прокурора в арбитражный суд в порядке реализации положения ст. 52 АПК РФ)). [5]

Осуществление прокурорского надзора за исполнением законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере государственных и муниципальных закупок товаров, работ и услуг требует учета характеристик смежных отраслей надзора, таких как: надзор за исполнением бюджетного законодательства, надзор за исполнением законодательства о предпринимательской деятельности, надзор за исполнением законодательства о банках и банковской деятельности и пр.

Органами прокуратуры, при осуществлении надзора за исполнением законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере государственных и муниципальных закупок товаров, работ и услуг накоплен большой опыт, поскольку некоторые элементы контрактной системы начали складываться в России еще в 90-ых годах 20 века, отмеченных активной реформацией, вызвавшей изменение общественно-экономических формаций и формирование нового восприятия.

Учитывая приоритетный характер надзорной работы прокуратуры РФ за исполнением законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере государственных и муниципальных закупок товаров, работ и услуг, важно и дальше развивать и усиливать имеющиеся различные форматы взаимодействия с Министерством финансов РФ, Федеральной антимонопольной службой, Федеральным казначейством, их структурными подразделениями.

Таким образом, многочисленные нарушения в сфере закупок требуют от органов прокуратуры усиления надзора, направленного не только на минимизацию нарушений, но и позволяющие достичь цели по обеспечению верховенства закона, укреплению законности и правопорядка, защите прав и свобод личности, охране от посягательств интересов общества и государства.

При этом, важно не только осуществлять профилактику нарушений законодательства РФ о закупках, выявлять эти нарушения своевременно, применять исчерпывающие меры прокурорского реагирования, но и добиваться (имеющимися в распоряжении) всеми правовыми средствами исполнения заявленных прокурорами требований.

Литература

1. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ / Российская газета, № 6056 от 12.04.2013 г.
2. Федеральный закон «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18.07.2011 № 223-ФЗ / Российская газета, № 5535 от 22.07.2011 г.
3. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере закупок» от 14.01.2021 № 6 / Законность, № 2 от 2021 г.
4. Шмелева М.В. Система государственных (муниципальных) закупок: методология и реализация: Монография. Шмелева М.В. Под редакцией Вавилина Е.В. / М., 2021. С. 92.
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации / Собрание законодательства российской Федерации, № 30 от 29.07.2002 г.

SOME ISSUES OF PROSECUTORIAL OVERSIGHT REGARDING THE IMPLEMENTATION OF THE LEGISLATION ON THE CONTRACT SYSTEM IN STATE AND MUNICIPAL PROCUREMENT IN RUSSIA

Potapova L.V.
Ural State Law University

This article focuses on the oversight of the implementation of legislation on the contract system in state and municipal procurement in Russia. The public procurement system plays a crucial role in ensuring social and economic stability in the country. It is an essential tool for implementing various programs and preventing financial mismanagement.

The relevance of prosecutorial supervision in this area has grown significantly in recent years due to various factors such as economic impacts, widespread violations, and inadequate legal support. The author stresses the need for more thorough development and improvement of methodological recommendations to enhance the efficiency of oversight activities.

Given the numerous violations identified in procurement practices, it is imperative for the prosecutor's office to take further actions to strengthen supervision in this field.

Keywords: prosecutorial supervision; contract system; state procurements; state and municipal needs.

References

1. Federal Law "On the contract system in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs" dated 04/05/2013 No. 44-FZ / RossiyskayaGazeta, No. 6056 dated 04/12/2013
2. Federal Law "On the procurement of goods, works, services by certain types of legal entities" dated July 18, 2011 No. 223-FZ / Rossiyskaya Gazeta, No. 5535 dated July 22, 2011
3. Order of the Prosecutor General of the Russian Federation "On the organization of prosecutorial supervision over the implementation of legislation in the field of procurement" dated January 14, 2021 No. 6 / Legality, No. 2 of 2021
4. Shmeleva M.V. System of state (municipal) procurement: methodology and implementation: Monograph. Shmeleva M.V. Edited by Vavilin E.V. / M., 2021. P. 92
5. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation / Collection of Legislation of the Russian Federation, No. 30 of July 29, 2002.

Нормотворческая деятельность Банка России в условиях макроэкономической нестабильности финансовых рынков 2022–2023 гг.

Хван Иван Игоревич,

аспирант, Новосибирского государственного университета экономики и управления
E-mail: ivan.hvan@yandex.ru

В представленной статье изучаются нормативные акты Центрального Банка РФ в период с 2022 по 2023 год. Отмечается, что деятельность правотворческого характера осуществляется Центральным Банком РФ в целях практической реализации своих функций, равно как регламентации всех отношений, которые возникают на фоне осуществления им своей деятельности. Установлено, что на современном этапе развития ЦБ РФ издает три разновидности правовых актов, представленные инструкциями, указаниями и положениями. Формулируется вывод о том, что каждый из нормативных актов обладает определенными функциями. Превалирующими актами являются указания, так как в период с 2022 по 2023 год ЦБ РФ было опубликовано 215 нормативных актов, среди которых 191 указание, 23 положения и 1 инструкция. Сформулирован вывод о том, что нормативные акты ЦБ РФ издаются по мере необходимости и находятся в прямой зависимости от развития новых видов деятельности, технологий на финансовом рынке и экономических ситуаций. Центральный банк РФ эффективно реализует функцию правотворчества, в связи с чем, нет в ограничении правотворческой деятельности ЦБ.

Ключевые слова: Центральный банк РФ, государственный орган, нормотворчество, нормативный акт.

На современном этапе развития Центральный Банк РФ осуществляет деятельность на основании Конституции РФ, а также актов федерального законодательства и тех правовых актов, которые были изданы непосредственно ЦБ РФ. ЦБ РФ выступает в качестве органа государственной власти, выступающего в качестве особого субъекта и имеющего спектр особых функций, которые иными органами власти в настоящее время не выполняются. К их числу стоит отнести защиту и обеспечение устойчивости российского рубля, денежная эмиссия, а также некоторые иные. Кроме того, стоит акцентировать внимание на том, что ЦБ РФ в настоящее время выступает в качестве юридического органа, уставной капитал и все имущество которого принадлежит не ему, а государству, однако ЦБ РФ имеет право на то, чтобы по собственному усмотрению данным имуществом распоряжаться. В соответствии с действующими правилами, ЦБ РФ обладает независимостью, в частности, имущественной и финансовой, получает определенные доходы и может на самостоятельной основе защитить свои интересы в суде, что в полной мере относится к иностранным судам. Отметим, что он не отвечает по обязательствам кредитных организаций и Российской Федерации [1, с. 384].

Как уже отмечалось ранее, ЦБ РФ имеет право на то, чтобы публиковать правовые акты, которые входят в его компетенцию. Данная компетенция нашла свое отражение в ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации» и в иных федеральных законах. В то же время, ЦБ РФ не обладает правом законодательной инициативы, однако все проекты актов, которые касаются компетенции ЦБ РФ, в обязательном порядке направляются в Банк для рассмотрения и согласования.

Несмотря на относительную независимость, на территории РФ есть контроль над деятельностью ЦБ РФ. В частности, ЦБ РФ подотчетен Государственной Думе Федерального Собрания РФ, а свое проявление это находит в том, что именно ГД РФ назначает, равно как освобождает от должности Председателя ЦБ РФ и принимает участие в назначении членов Совета директоров ЦБ РФ. Также Государственная дума в отношении ЦБ РФ проводит слушания, где председатель Банка России докладывает о деятельности своего юридического лица, используя годовой отчет. Кроме того, Нижняя палата имеет право на то, чтобы привлечь Счетную палату РФ для осуществления проверочных мероприятий в отношении хозяйственной деятельности ЦБ РФ, равно как его подразделений.

Независимый статус ЦБ РФ обеспечивает ему эффективное и надежное выполнение своих полномочий. Это предоставляет Банку определенную степень защиты от политического вмешательства со стороны других органов государственной власти. Банк России имеет независимую структуру и имеет собственный орган управления – Совет директоров, ответственный за принятие ключевых политических решений. Члены Совета назначаются на фиксированный срок и изолированы от прямого государственного контроля. Банк России придерживается прозрачного и основанного на правилах подхода к денежно-кредитной политике, часто контролируя инфляцию. Эта структура помогает поддерживать независимость Банка, обеспечивая четкие цели и руководящие принципы его действий. Это позволяет сформулировать вывод о том, что ЦБ РФ выступает в качестве независимого юридического лица, которое не отвечает каким-либо образом по обязательствам государства и защищает свои законные интересы в суде. Более того, имеет право на то, чтобы в полной мере распорядиться своим уставным капиталом и имуществом. Было установлено, что ЦБ РФ подотчетен Государственной Думе РФ.

В целях практической реализации своих функций, равно как регламентации всех отношений, которые возникают на фоне осуществления им своей деятельности, ЦБ РФ на современном этапе развития осуществляет деятельность правотворческого характера. Так, согласно ст. 7 ФЗ № 86-ФЗ ЦБ РФ издает нормативные акты в форме инструкций, указаний и положений. Указанные нормативные акты являются обязательными для исполнения всеми органами власти, а также физическими и юридическими лицами [2, с. 70].

Нормотворческая деятельность весьма необходима Банку России, ведь в законах невозможно полностью отразить все тонкости регулирования тех или иных общественных отношений; развивать и конкретизировать положения законов призваны подзаконные акты, в которых содержится самая значительная часть всех правовых предписаний [3, с. 41].

Данный порядок издания нормативных актов установил сам Банк России в Положении Банка России от 22 сентября 2017 г. № 602-П «О правилах подготовки нормативных актов Банка России» [4, с. 10].

Стоит отметить, что те нормативные акты, которые затрагивают права гражданина и человека, в обязательном порядке регистрируются в Министерстве Юстиции РФ.

В настоящее время ЦБ РФ издает три разновидности правовых актов:

Инструкции. Они регламентируют процесс, которые относятся к определенной деятельности Центробанка. Положения. Они призваны разъяснить установление связанных между собой правил по тем вопросам, которые непосредственно касаются компетенции ЦБ РФ. В качестве примера можно привести Положение Банка России

«О платформе цифрового рубля». Третьей разновидностью являются указания. Указания применяются в том случае, если есть объективная необходимость в дополнении или изменении действующего нормативного акта ЦБ РФ. Кроме того, они активно применяются в случае необходимости отменить уже действующий нормативный акт. В данном случае акт будет полностью отменяться. Помимо нормативных актов, также Банк России издает ненормативные правовые акты. Примером таких актов могут служить разъяснения, методические рекомендации, информационные и иные письма. Пастушенко Е.Н. предлагает закрепить вышеупомянутые акты официально в опубликованных нормативных актах Банка России, что позволит усовершенствовать правотворческую политику ЦБ РФ, так как на данный момент они являются неупорядоченными и неурегулированными [4, с. 91].

Форма правового акта, соответствует виду управления и характеру управленческих предписаний, одностороннему властному волеизъявлению, осуществляющемуся в процессе единоначального руководства. Посредством правовых актов Банк России реализует свои государственно-властные полномочия [5, с. 86].

За 2022 и за 2023 год Банком России было опубликовано 215 нормативных актов. Среди них 191 указание, 23 положения и 1 инструкция.

Следует начать исследование, прежде всего, с инструкции. Банком России было издано всего 1 инструкция за 2022–2023 год от 24.05.2023 № 208-И. Первоначальная версия данной инструкции уже была ранее опубликована 23 декабря 2019 году, которая утратила силу. Разница между данными инструкциями состоит в том, что в новой версии вводятся возможности для электронной регистрации правил доверительного управления ПИФ, в том числе, для неквалифицированных инвесторов.

Можно сделать вывод, что инструкции издаются ЦБ РФ, когда существует реальная необходимость в регламентации правил какого-либо нового вида деятельности, например, Банк России в данный момент работает над реализацией платформы цифрового рубля, где в будущем он издаст инструкцию по регламентации такого проекта. Также ЦБ РФ издает новую инструкцию, когда ее текущая версия требует введения новых дополнений и изменений.

Положений было опубликовано всего 23. Как правило, они регламентируют порядок ведения бухгалтерского учета и содержали различные требования относительно того, как в платежной системе ЦБ РФ должна защищаться информация. Кроме того, такие документы регламентируют действующие требования к обеспечению защиты информации в рамках осуществления деятельности в области оказания на финансовом рынке профессиональных услуг. Очевидно, что положения ЦБ РФ регламентируют условия, требования осуществления какой-либо деятельности, которая относится к компетенции ЦБ РФ.

Указов Центральным банком РФ было выпущено 191. Указы обычно носят односторонний характер, так как они служат для внесения изменений в уже существующие нормативные акты. Например, в указании Банка России от 27.06.2023 № 6470-У ЦБ РФ указывает, какие реквизиты должны быть прописаны в заголовке, а какие в графах и строках.

Превалирование указов связано с изменениями в социально-экономических и политических реалиях. Это способствует к появлению новых правил, дефиниций и совершенствований. В связи с этим существующие нормативные акты ЦБ РФ постоянно нуждаются в редактировании, в толковании и добавлении новых дефиниций, и в регламентировании методик и условий деятельности, которые подпадают под компетенцию Банка России.

Следует обратить внимание на то, что нормативные акты ЦБ РФ издаются по мере необходимости исходя от развития новых видов деятельности, технологий на финансовом рынке и экономических ситуаций. Акты Банка России в большинстве случаев затрагивают права, свободы и обязанности человека и гражданина, но это оправдано тем, что это реализовано для эффективного решения экономических и монетарных проблем по стране в целом. Существует ряд процессов и механизмов, которые волею-неволей, да и участвуют в жизни каждого человека. Данный вопрос обязателен для регулирования Банком России, с данной помощью реализован контроль и упрощение деятельности.

Центральный банк РФ эффективно реализует функцию правотворчества, стараясь затронуть в своих нормативных актах все спектры и сферы своей компетенции, издавая инструкции, положения и указы, а также ненормативные акты. На данный момент нет необходимости в ограничении или в предоставлении дополнительных прав на осуществление правотворческой деятельности ЦБ РФ.

Рассматривая отдельно 2022 и 2023 год, можно проследить эффективность и интенсивность издания нормативных актов Центральным банком РФ. За 2022 год было опубликовано 103 указания, 14 положений и 1 инструкция. А за 2023 год – 88 указаний, 9 положений и ни одной инструкции. Из этого следует, что продуктивность применяемых актов хоть и уменьшилась, но остается на прежнем высоком уровне.

Одновременно с этим, в результате проведенного исследования можно сформулировать вывод о том, что проблемой правотворческой политики ЦБ РФ на современном этапе развития является неупорядоченность и неурегулированность издаваемых правовых актов, среди которых, как было установлено ранее, выделяют письма, а также разъяснения, информационные письма, методические рекомендации и иные. Указанные документы играют важную роль в практической реализации правотворческой функции ЦБ РФ и обеспечивают ее соответствие политико-правовым и социально-экономическим реалиям. В то же вре-

мя, объективной необходимостью является взаимосвязанное закрепление порядка издания всех нормативных актов, указанных выше, а также программных актов ЦБ РФ в официально опубликованных актах. Полагаем, что это позволит оптимизировать правотворческую политику ЦБ РФ в соответствии с политико-правовыми и социально-экономическими реалиями. Как следствие, для повышения открытости функционирования ЦБ РФ, целесообразно издать нормативный акт ЦБ РФ, направленный на регулирование порядка издания доктринальных актов ЦБ РФ, причем как законодательно предусмотренных, так и издаваемых ЦБ по собственной инициативе.

Литература

1. Хоменко, Е.Г. Банковское право: учебник / Е.Г. Хоменко. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2021. – 384 с. – DOI 10.12737/1405583. – ISBN 978-5-00156-179-8. – Текст: электронный. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1405583> (дата обращения: 04.11.2023). – Режим доступа: по подписке.
2. Константинов, А. В. К вопросу о правотворческой деятельности Центрального банка Российской Федерации / А.В. Константинов // International Scientific Review. – 2016. – № 20(30). – С. 70.
3. Голубитченко, М.А. Направления развития финансовых технологий как аспект правотворческой политики центрального банка российской федерации // Вопросы экономики и права – 2019. – № 128. – С. 40–43.
4. Неверова, Н. В. О нормотворческой деятельности банка России // Advances in Law Studies. 2018. Т. 6. № 1. С. 10.
5. Набиев, С.А. Акты административно-правового регулирования банковской деятельности / С.А. Набиев // Проблемы современной экономики: монография. Том Книга 3. – Новосибирск: Общество с ограниченной ответственностью «Центр развития научного сотрудничества», 2016. – С. 86.
6. Барышникова, Н.А. Правотворческая политика Центрального банка Российской Федерации: актуальные проблемы / Н.А. Барышникова, Е.Н. Пастушенко, Л.Н. Земцова // Правовая политика и правовая жизнь. – 2019. – № 3. – С. 91.

RULEMAKING ACTIVITIES OF THE CENTRAL BANK OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF MACROECONOMIC INSTABILITY IN FINANCIAL MARKETS IN 2022–2023.

Hvan I.I.

Novosibirsk State University of Economics and Management

This article examines the regulations of the Central Bank of the Russian Federation in the period from 2022 to 2023. It is noted that law-making activities are carried out by the Central Bank of the Russian Federation for the purpose of the practical implementation of its functions, as well as the regulation of all relations that arise against the background of its activities. It has been established that at the present stage of development, the Central Bank of the Russian Fed-

eration issues three types of legal acts, represented by instructions, guidelines and regulations. The conclusion is formulated that each of the regulations has certain functions. The prevailing acts are instructions, since in the period from 2022 to 2023 the Central Bank of the Russian Federation published 215 regulations, including 191 instructions, 23 provisions and 1 instruction. The conclusion is formulated that the regulations of the Central Bank of the Russian Federation are issued as necessary and are directly dependent on the development of new types of activities, technologies in the financial market and economic situations. The Central Bank of the Russian Federation effectively implements the law-making function, and therefore there are no restrictions on the law-making activities of the Central Bank.

Keywords: Central Bank of the Russian Federation, government agency, Bank of Russia, rulemaking, legal act.

References

1. Khomenko, E.G. Banking law: textbook / E.G. Khomenko. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2021. – 384 p. – DOI 10.12737/1405583. – ISBN 978-5-00156-179-8. – Text: electronic. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1405583> (access date: 11/04/2023). – Access mode: by subscription.
2. Konstantinov, A.V. On the issue of law-making activities of the Central Bank of the Russian Federation / A.V. Konstantinov // International Scientific Review. – 2016. – No. 20(30). – P. 70.
3. Golubitchenko, M.A. Directions for the development of financial technologies as an aspect of the law-making policy of the central bank of the Russian Federation // Questions of Economics and Law – 2019. – No. 128. – P. 40–43.
4. Neverova, N.V. On the rule-making activities of the Bank of Russia // Advances in Law Studies. 2018. T. 6. No. 1. P. 10.
5. Nabiev, S.A. Acts of administrative and legal regulation of banking activities / S.A. Nabiev // Problems of modern economics: monograph. Volume Book 3. – Novosibirsk: Limited Liability Company “Center for the Development of Scientific Cooperation”, 2016. – P. 86.
6. Baryshnikova, N.A. Lawmaking policy of the Central Bank of the Russian Federation: current problems / N.A. Baryshnikova, E.N. Pastushenko, L.N. Zemtsova // Legal policy and legal life. – 2019. – No. 3. – P. 91.

Возможности гуманизации правовых решений института условно-досрочного освобождения

Хромеев Николай Владимирович,

аспирант специальности «Юриспруденция», направления
Уголовное право Уголовный процесс СПбУТУиЭ
E-mail: nhromeev@mail.ru

Статья посвящена анализу механизма условно-досрочного освобождения (УДО) в современной правовой системе. Освещены правовые основания, функции УДО, а так же механизмы и условия при которых возможно применение данного института. В ней рассматриваются теоретические основы УДО, законодательное регулирование в разных странах, а также практические аспекты применения и проблемы, с которыми сталкиваются судебные и исполнительные органы. Перечислены и разобраны эффективность института условно-досрочного освобождения, а также описаны проблемы программ УДО (исходя из тщательного анализа международного опыта). Статья, также исследует влияние УДО на рецидивизм и социальную адаптацию освобожденных лиц, предлагая перспективы для улучшения эффективности этого механизма, путем перечисления конкретных шагов в сторону гуманизации правовых решений и поддержки социальных программ.

Ключевые слова: условно-досрочное освобождение, законодательство, рецидивизм, социальная адаптация, правоприменительная практика.

Условно-досрочное освобождение (УДО) является актуальной темой для исследования, поскольку оно затрагивает ключевые аспекты уголовно-правовой системы, связанные с реабилитацией осужденных и их возвращением в общество. Исследование теоретических основ, правовых оснований и функций УДО и анализ законодательного регулирования и практики применения этого института позволяют оценить его эффективность и выявить существующие проблемы. Важность данной темы усиливается необходимостью развития мер, направленных на снижение рецидива преступлений и повышение уровня социальной адаптации освобожденных лиц.

Белоносов В.О., Дроздов А.И. и Орлов А.В. внесли свой вклад в рассмотрение вопроса о проблемах текущего законодательства, касающегося УДО, а Князьков А.С. предложил возможные сценарии развития данного института в России. Такие авторы как Бабаян С.Л., Уткин В.А. рассматривали условно-досрочное, как поощрительный институт государства, Червоткин А.С. затронул вопрос о проблемах судебной практики рассмотрения ходатайств об УДО.

Условно-досрочное освобождение является важным институтом уголовно-исполнительной системы, который позволяет осужденному досрочно выйти на свободу под определенными условиями. Теоретические подходы к УДО могут быть разделены на несколько направлений, которые представлены в виде таблицы 1 [6, С. 23]:

Таблица 1. Теоретические подходы к УДО

Ретрибутивный подход	Рассматривает УДО как средство восстановления справедливости, акцентируя внимание на возмездии за совершенное преступление. УДО может быть предоставлено как признание исправления осужденного и его готовности к возврату в общество.
Превентивный подход	Фокусируется на предотвращении новых преступлений, как со стороны освобождаемого, так и в обществе в целом. УДО рассматривается как инструмент снижения рецидивизма, поскольку предоставляет стимул для исправления и адаптации осужденного к нормам общественной жизни.
Реабилитационный подход	Подчеркивает важность восстановления социального статуса осужденного, его психологической и социальной адаптации. Досрочное освобождение в данном подходе выступает как шаг к ресоциализации, предоставляя осужденному возможность доказать свою способность жить в соответствии с законами и нормами общества.

Ресторативный подход	Исходит из необходимости восстановления отношений между преступником, жертвой и обществом. УДО рассматривается как возможность для осужденного активно участвовать в процессе исправления ущерба, причиненного его действиями, и восстановления социальной гармонии.
----------------------	--

Правовые основания УДО определяются действующим законодательством и включают в себя нормы, регулирующие условия и порядок досрочного освобождения. В соответствии со 175 статьей УИК РФ основанием для условно-досрочного освобождения осужденного от наказания является установление судом того факта, что для дальнейшего своего исправления осужденный не нуждается в полном отбытии назначенного судом наказания [12]. К правовым основам относятся критерии отбора кандидатов на УДО (например, отбытие определенной части наказания, хорошее поведение, наличие жилья), процедуры рассмотрения заявлений и контроль, за поведением освобожденных на условиях УДО.

УДО выполняет ряд функций, которые в первую очередь направлены на достижение баланса между интересами общества и правами осужденных:

1. Социальная адаптация. УДО способствует плавному возвращению осужденного в общество, снижая риски социальной изоляции и стигматизации.
2. Снижение рецидивизма. Предоставление возможности досрочного освобождения мотивирует осужденных к исправлению и соблюдению норм поведения, что в долгосрочной перспективе способствует снижению их тяги к повторным преступлениям.
3. Экономическая эффективность. Благодаря досрочному освобождению снижаются переполненность тюрем и экономические затраты на содержание осужденных, становится возможным перераспределение ресурсов на программы реабилитации и ресоциализации.

Механизмы и условия, при которых осужденный может быть досрочно освобожден, также регулируются действующим законодательством. Рассмотрим общие принципы, характерные для большинства правовых систем.

Первое главнейшее условие для предоставления УДО – отбытие осужденным определенной части наказания. Осужденный должен отбыть не менее половины или двух третей срока наказания, прежде чем он сможет претендовать на рассмотрение вопроса об УДО. Данное условие служит индикатором того, что осужденный провел в местах лишения свободы достаточно времени для осознания своей ошибки и начала процесса исправления. Вторым значимым условием является поведение осужденного во время отбывания наказания. Чтобы запросить досрочное освобождение у заключенного должно быть безупречное поведение, он должен участвовать в трудовой, образователь-

ной и социально-реабилитационной деятельности. Такие показатели направлены на подтверждение стремления осужденного к исправлению и адаптации к нормам общественной жизни.

Процедура рассмотрения заявлений на УДО строго регламентирована. Для принятия решения по вопросу УДО создаются специальные комиссии или суды, которые анализируют дело осужденного [13]. Они рассматривают и оценивают характер совершенного преступления, отношение к содеянному, изменения в поведении и отзывы администрации исправительного учреждения. Такой процесс обеспечивает индивидуальный подход к оценке каждого случая, рассматривая ситуацию со стороны преступника, общества, закона. В результате учитывается как общественную безопасность, так и права и интересы осужденного. Важно отметить, что в некоторых странах законодательство предусматривает возможность обжалования решения об отказе в УДО, что является проявлением принципов справедливости и доступности правосудия для всех участников процесса.

Стоит отдельно рассмотреть практику применения УДО и ее эффективность. Сюда относят сокращение переполненности тюрем, социальную адаптацию освобожденных лиц и влияние на уровень рецидивизма.

Программы условно-досрочного освобождения предлагают решение для проблемы переполненности тюрем и тюремных заведений, фокусируясь на значительном проценте преступников, содержащихся в окружных тюрьмах по обвинениям в совершении ненасильственных преступлений. Они предполагают взятие на себя ответственности семьями и сообществами за будущие действия освобожденного лица, что способствует его реабилитации и восстановлению связей с обществом без дополнительных затрат для государства и местных властей.

Например, исследование, проведенное среди мужчин, освобожденных из федеральных тюрем Онтарио в 1968 году, показало, что первые 12 месяцев на свободе являются самыми важными для адаптации [1, С. 2]. Именно в этот период происходят значительные изменения в характерах людей. Либо они осознают свою ошибку и начинают путь исправления, либо в них просыпается жажда нарушения закона и преступления повторяются. Сравнение группы мужчин, освобожденных условно-досрочно, с теми, кто был освобожден по окончании срока, показало, что успешная социальная адаптация часто зависит от наличия тесных связей с обществом, возможности трудоустройства и поддержки со стороны правительственных и неправительственных организаций. К проблемам, с которыми сталкивались освобожденные, исследователи отнесли отсутствие связей и поддержки. Это может вызвать у недавних заключенных чувство одиночества и бесполезности для семьи и общества. На фоне этого они захотят снова привлечь к себе внимание путем совершения нового преступления.

Эффективность УДО во многом зависит от подхода к реабилитации освобожденных лиц, а именно от обеспечения доступа к работе, жилья и социальных услуг. Программы, которые включают в себя поддержку сообщества и семьи, показывают более высокие показатели успешной социальной адаптации и нижние уровни рецидива.

Однако, несмотря на преимущества, существуют проблемы, связанные с реализацией этих программ. Основная из них – сложность обеспечения надлежащего контроля за освобожденными. Правительство просто не видит смысла тратить ресурсы и время на контроль за ними, ведь намного проще потом просто вновь арестовать человека за новое преступление. В целом, проблемы и перспективы развития условно-досрочного освобождения охватывают широкий спектр вопросов, от недостатков в законодательной базе до коррупционных рисков и недостатка программ по ресоциализации. Рассмотрим эти проблемы подробнее:

1. Недостатки законодательства. Нередко законодательные рамки УДО оказываются недостаточно четкими или не обеспечивают адекватной гибкости для учета индивидуальных обстоятельств осужденных, что в результате приводит к неоднородности в применении УДО и затруднению реализации программы. Например, судьи при рассмотрении вопроса об условно-досрочном освобождении могут испытывать дефицит объективной информации об осужденном перед принятием правильного процессуального решения; сотрудники уголовно-исполнительных учреждений по разным причинам подготовили неполные или необъективные сведения об осужденном; в судебном заседании имеют место недостатки процессуального или организационного характера и т.д. [3].

Определенные в законе критерии предоставления УДО в пункте 41 статьи 79 Уголовного кодекса РФ указано, что одним из оснований для условно-досрочного освобождения является мнение администрации исправительной колонии о том, что освобождение осужденного будет целесообразным. Вместе с тем, статья 79 не ограничивает возможность УДО только лишь осужденными к лишению свободы, предусматривая более широкий круг лиц, которые могут быть освобождены досрочно. Кроме того, законодательство включает в себя ряд общих критериев для освобождения, которые могут казаться абстрактными или недостаточно конкретизированными. Например, раскаяние осужденного, его поведение в местах лишения свободы, а также другие доказательства, указывающие на его исправление. Эти условия могут создавать простор для субъективной интерпретации при принятии решения о досрочном освобождении [4].

2. Коррупционные риски. Возможность досрочного освобождения может стимулировать коррупционные действия как со стороны осужденных и их родственников, так и со стороны сотрудников учреждений исполнения наказаний и судебных органов.

3. Отсутствие эффективных программ ресоциализации. Недостаточное количество или низкое качество программ по ресоциализации осужденных существенно ограничивает возможности их успешной социальной адаптации после освобождения [9, С. 201].

Предложим возможные пути решения существующих проблем:

1. Совершенствование законодательства. Необходимо обновить и дополнить нормативную базу с целью уточнения критериев и процедур УДО, а также усилить меры по борьбе с коррупцией. Важно ввести четкие и прозрачные механизмы оценки кандидатов на УДО

2. Усиление мер противодействия коррупции. Это может включать усиление ответственности за коррупционные действия, связанные с УДО, а также разработку и внедрение четких механизмов контроля и мониторинга всех этапов процесса УДО. Необходимо установить независимые комитеты или организации, ответственные за контроль за процессом рассмотрения заявлений на УДО, принятие решений и надзор за деятельностью исполнительных органов. Экспертное сопровождение в виде участия независимых специалистов и общественных наблюдателей в процессе принятия решений поможет обеспечить прозрачность и справедливость при рассмотрении каждого случая. Кроме того, для эффективного противодействия коррупции необходимо усилить контроль за деятельностью сотрудников уголовно-исполнительной системы. Это может быть достигнуто путем внедрения механизмов аудита и регулярных проверок, а также установления жестких норм и правил, регулирующих взаимодействие между сотрудниками и осужденными.

За последний год, по информации Судебного департамента при Верховном суде РФ, из мест лишения свободы было досрочно освобождено свыше 22,8 тысяч человек под условно-досрочным освобождением. Наблюдается тенденция к ужесточению критериев рассмотрения заявлений об УДО со стороны судебных инстанций, при этом одобряется только 39% таких заявлений. Закон предусматривает возможность досрочного освобождения для осужденных за преступления любой тяжести без необходимости полного отбывания наказания, в целях восстановления социальной справедливости. Предусматривается минимальный срок отбывания наказания в шесть месяцев до возможности представления к УДО, требуя при этом полного или частичного возмещения ущерба от преступления. По указаниям Верховного суда РФ, отказ в УДО не должен базироваться исключительно на непризнании виновности осужденным. Судебная практика показывает, что меньше 40% ходатайств о досрочном освобождении получают одобрение, что свидетельствует о строгом подходе к таким решениям. При этом общая тенденция к сокращению численности заключенных и смягчение уголовной

политики отмечается как постоянное снижение количества осужденных [11].

С одной стороны, ужесточение критериев рассмотрения ходатайств об УДО указывает на стремление судебной системы обеспечить тщательный отбор кандидатов для досрочного освобождения, что потенциально может способствовать повышению общественной безопасности. С другой стороны, низкий процент удовлетворения ходатайств об УДО свидетельствует о существовании преград на пути реализации прав осужденных на возможность досрочного освобождения.

Также стоит отметить положительную тенденцию к снижению общего числа заключенных и смягчению уголовной политики, что говорит о стремлении к более гуманному обращению с осужденными и признанию важности их социальной адаптации.

Последнее, что необходимо затронуть в рамках рассмотрения вопроса об условно-досрочном освобождении – это его перспективы. Одной из перспектив развития УДО является совершенствование программ ресоциализации осужденных [8, С. 67]. Недостаточная эффективность программ ресоциализации сейчас становится препятствием для успешной адаптации освобожденных в общество и увеличивает вероятность их рецидива. Для улучшения ситуации необходимо сосредоточить усилия на разработке и внедрении индивидуализированных программ поддержки. Например, профессиональное обучение, помощь в трудоустройстве, психологическую поддержку и содействие в социальной реабилитации. Такие программы должны быть ориентированы на конкретные потребности осужденных и обеспечивать последующее сопровождение и поддержку на протяжении всего периода их реабилитации и восстановления. В целом, перспективы развития УДО связаны с усилением мер по противодействию коррупции, внедрением независимого экспертного сопровождения процесса и совершенствованием программ ресоциализации осужденных. Эти шаги позволят повысить эффективность системы УДО, обеспечить справедливость и прозрачность в принятии решений, а также улучшить перспективы успешной реабилитации осужденных и их возвращения в общество.

В заключение, исследование подчеркивает значимость УДО как инструмента уголовно-правовой системы, стремящегося к балансу между наказанием и поддержкой прав осужденных на восстановление.

Выявлены основные проблемы: коррупционные риски, недостатки законодательства, и неэффективные программы ресоциализации. Предложены меры усиления контроля, независимого экспертного сопровождения, противодействия коррупции, и совершенствования программ ресоциализации. Таким образом, эффективность УДО зависит от системного подхода, обеспечивающего справедливость и способствующего успешной социальной адаптации осужденных.

Литература

1. Conditional Early Release: Relieving Prison and Jail Overcrowding // State Factor. – 1994. – P. 1–6.
2. Бабаян С.Л. К вопросу о применении поощрительного института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2017. № 3. С. 142–149.
3. Белоносов В.О., Сэндуляк К.И. Уголовно-процессуальные проблемы условно-досрочного освобождения // Вестник Самарского юридического института. – 2015. – С. 18–23.
4. Грушин Ф.В. Развитие уголовной политики в отношении условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2021. – С. 6–17.
5. Дроздов А.И., Орлов А.В. Актуальные проблемы условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 1. – С. 158–166.
6. Дроздов А.И., Орлов А.В. Условно-досрочное освобождение: к вопросу о дальнейшем совершенствовании правового института // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2018. – С. 20–27.
7. Князьков А. С., Уткин В.А. Условно-досрочное освобождение при пожизненном лишении свободы // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 4. С. 45–53.
8. Князьков А.С. Условно-досрочное освобождение: проблемы и тенденции // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2015. – № 2. – С. 63–70.
9. Ковалев М.В. Условно-досрочное освобождение как институт поощрения в уголовно-исполнительном праве // Вестник Брянского государственного университета. – 2018. – № 4. – С. 198–206.
10. Складенко М.В. Региональные системы контроля судебных решений об условно-досрочном освобождении / М.В. Складенко // Вестник Самарского юридического института: научно-практический журнал. – № 1(12)/2014. – С. 45–49.
11. Суды стали строже подходить к условно-досрочному освобождению заключенных // RGRU URL: <https://rg.ru/2023/05/08/sudy-stali-strozhe-podhodit-k-uslovno-dosrochnomu-osvobozhdeniiu-zakliuchennyh.html> (дата обращения: 19.01.2024).
12. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 N 1-ФЗ (ред. от 24.06.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.12.2023) // Российская газета. – 1997 г. – Ст. 175
13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023)

(с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2023) // Российская газета. – 1996 г. – Ст. 79

14. Червоткин А.С. Проблемы судебной практики рассмотрения ходатайств об условно-досрочном освобождении лиц, отбывающих лишение свободы // Уголовное право. – 2015. – № 3. – С. 131–138.

POSSIBILITIES OF HUMANIZING LEGAL DECISIONS OF THE INSTITUTION OF PAROLE

Khromeev N.V.
SPBUUE

This article is devoted to the analysis of the mechanism of conditional early release (parole) in the modern legal system. The legal grounds, functions of parole, as well as the mechanisms and conditions under which the use of this institution is possible are highlighted. It examines the theoretical foundations of parole, legislative regulation in different countries, as well as practical aspects of application and problems faced by judicial and executive authorities. The effectiveness of the institute of parole is listed and analyzed, as well as the problems of parole programs are described (based on a thorough analysis of international experience). The article also explores the impact of parole on recidivism and social adaptation of released persons, offering prospects for improving the effectiveness of this mechanism by listing specific steps towards humanizing legal solutions and supporting social programs.

Keywords: conditional early release, legislation, recidivism, social adaptation, law enforcement practice.

References

1. Conditional Early Release: Relieving Prison and Jail Overcrowding // State Factor. – 1994. – P. 1–6.
2. Babayan S.L. On the issue of the application of the incentive institution of parole from serving a sentence // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and pedagogical sciences. 2017. No. 3. pp. 142–149.

3. Belonosov V.O., Sandulyak K.I. Criminal procedural problems of parole // Bulletin of the Samara Law Institute. – 2015. – pp. 18–23.
4. Grushin F.V. The development of criminal policy in relation to parole from serving a sentence // Bulletin of the penal enforcement system. – 2021. – pp. 6–17.
5. Drozdov A.I., Orlov A.V. Actual problems of parole from serving a sentence // Current problems of Russian law. – 2018. – No. 1. – pp. 158–166.
6. Drozdov A.I., Orlov A.V. Parole: on the issue of further improvement of the legal institution // Bulletin of the penal enforcement system. – 2018. – pp. 20–27.
7. Knyazkov A. S., Utkin V.A. Conditional early release with life imprisonment // Bulletin of Tomsk State University. Right. 2015. No. 4. pp. 45–53.
8. Knyazkov A.S. Parole: problems and trends // Bulletin of Tomsk State University. Right. – 2015. – No.2. – pp. 63–70.
9. Kovalev M.V. Parole as an institution of encouragement in penal enforcement law // Bulletin of the Bryansk State University. – 2018. – No.4. – pp. 198–206.
10. Sklyarenko M.V. Regional control systems of judicial decisions on parole / M.V. Sklyarenko // Bulletin of the Samara Law Institute: a scientific and practical journal. – № 1(12)/2014. – Pp. 45–49.
11. The courts have become stricter in their approach to the parole of prisoners // RGRU URL: <https://rg.ru/2023/05/08/sudy-stalistrozhe-podhodit-k-uslovno-dosrochnomu-osvobozhdeniiu-zakliuchennyh.html> (date of application: 01/19/2024).
12. The Criminal Executive Code of the Russian Federation of 08.01.1997 N 1-FZ (as amended on 06/24/2023) (with amendments and additions, intro. effective from 11.12.2023) // Rossiyskaya Gazeta. – 1997 – Article 175
13. The Criminal Code of the Russian Federation of 06/13/1996 N 63-FZ (as amended on 12/25/2023) (with amendments and additions, intro. effective from 12/30/2023) // Rossiyskaya Gazeta. – 1996 – Article 79
14. Chervotkin A.S. Problems of judicial practice of consideration of applications for parole of persons serving imprisonment // Criminal law. – 2015. – No. 3. – pp. 131–138.

Различия правового положения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей

Шинкарук Дарья Валерьевна,

директор «Новосибирская Академия педагогики практической психологии и социальной работы»
E-mail: tch7tch@yandex.ru

В статье рассмотрено юридическое положение категорий детей, нуждающихся в особой защите. Цель работы заключается в исследовании двойственной природы их правового статуса. Методами исследования стали метод анализа и синтеза, сравнительно-юридический и логический методы. В результате исследования выявлены особенности правового регулирования юридического положения этих категорий детей, их двойной правовой статус, базирующийся на основе общего правового статуса детей и специального. В статье обосновано понятие правосубъектности, включающая в себя три составляющие: правовой статус, правоспособность и дееспособность. Новизной работы стало определение понятия юридическое положение вышеназванных категорий детей и его особенность, заключающаяся в отсутствии родителей как объекта воспитания при сохранении собственных субъективных прав этих детей, в связи с чем объектом воспитания таких детей становится государство. В качестве выводов внесены предложения по укреплению специального правового статуса этих лиц. Выводы работы могут быть использованы в законотворческой деятельности субъектов РФ и в деятельности государственных органов власти к полномочиям которых отнесены вопросы защиты прав таких детей.

Ключевые слова: дети-сироты, дееспособность, правовое регулирование, субъективные права, государство, правовой статус, дети, оказавшиеся без попечения родителей.

Введение

Подрастающее поколение страны всегда находится в центре внимания государства, так как от него зависит дальнейшее развитие государства. В Основном законе нашей страны дети определены как «важнейший приоритет государственной политики России»¹, которая направлена на создание условий их воспитания, исходя из духовно-нравственных ценностей.

Согласно статистическим данным, численность детей-сирот в 2023 г. составила 375, 7 тыс. человек², что по сравнению с 2020 г. уменьшилось на 31 тыс. человек. Таким образом, политика, проводимая государством в отношении этой категории детей, показывает положительную тенденцию.

В 2020–2023 гг. изменения, произошедшие в социально-экономической жизни российского общества, связанные с пандемией, а затем СВО, отразились, в том числе и на особых категориях детей, таких как дети-сироты и дети, которые остались без попечения родителей.

Проблемы и результаты обсуждения

Проблемы правового регулирования статуса этой категории детей заключаются в особенностях правового регулирования их юридического положения, так как такое регулирование осуществляется нормами международного и национального законодательства. К тому же, как правильно отмечает О.М. Никулина правовой статус ребенка урегулирован такими отраслями права, как: «семейное, гражданское, право социального обеспечения, трудовое и др.»³

Другая особенность правового регулирования заключается в двойственности статуса таких категорий детей. Их права как личности нашли свое отражение в Конвенции ООН о правах ребенка и Конституции РФ, а особенности юридического положения ребенка-сироты, нуждающегося в защите государства, определены Семейным Кодек-

¹ Статья 67.1 Конституции РФ // URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/95c44edbe33a9a2c1d5b4030c70b6e046060b0e8/?ysclid=ltvfihlo1i522719968 (дата обращения 15.03.2024)

² Тренд на усыновление: в России сократилось число детей-сирот // Известия. 27 января 2024 г. // URL.: <https://iz.ru/1639913/mariia-frolova/trend-na-usynovlenie-v-rossii-sokratilos-chislo-detei-sirot#:~:text=«За%20последние%2010%20лет%20число,Комитета%20ООН%20по%20правам%20ребенка> (дата обращения 15.03.2024)

³ Никулина О.М. Конституционно-правовой статус ребенка в Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право, Т. 11, N 2. 2011 С. 101–104.

сом РФ, а также федеральными и региональными законами.

Международные акты признают права ребенка на «безопасность, образование, медицинское обслуживание, жилье, достойный уровень жизни»¹.

Одно из важнейших прав несовершеннолетнего гражданина нашей страны, зафиксировано в главе 11 Семейного Кодекса РФ и связано с его правом жить и воспитываться в семье.

Отличие этих двух категорий детей связано со следующими обстоятельствами: у ребенка-сироты нет в живых родителей, а у детей, оставшихся без их попечения, часто бывает, что родители «лишены родительских прав, признаны недееспособными, безвестно отсутствующими и т.д.»².

Следовательно, родители не могут представлять интересы своего ребенка. Таким образом, у этих двух категорий детей нет такого объекта прав как родители, а их собственные субъективные права сохраняются.

Правовой статус их законных представителей может быть разным. К примеру, Ю.В. Куракина выделяет такие возможные статусы: «Усыновитель, опекун, попечитель, приемный родитель, патронатный воспитатель, администрация интерната»³.

Под правосубъектностью понимается совокупность прав и обязанностей, она включает в себя две составляющие: правоспособность, то есть право на осуществление своих прав и дееспособность, которая может быть полной и не полной (ограниченной), а также такое понятие как правовой статус субъекта права. К главным особенностям характеристикам ребенка следует в первую очередь отнести возраст, который будет оказывать влияние на психику и определять «специфику их право- и дееспособности, а также деликтоспособности»⁴.

Правосубъектность вышеназванных категорий детей является идентичной с остальными детьми, проживающими на территории РФ, то есть они обладают такими же основными правами, как и все дети нашей страны.

Отличительной чертой их правового статуса становится то, что они обладают субъективными правами без соответствующих обязанностей.

Такие категории детей являются специальными субъектами права, общий правовой статус детей,

закрепленный в Конституции, является предпосылкой возникновения их специального правового статуса. Таким образом, законодательство РФ дает таким детям «дополнительные права, не возлагает на них дополнительные обязанности»⁵.

Это означает, что ответственность за ребенка-сироту или ребенка, который оказался без попечения родителей, несет «лицо, принявшее его под свою опеку или попечительство»⁶. Чем моложе ребенок, тем он беспомощнее в физическом и социальном плане, поэтому он не может лично реализовать свои права, этим занимаются родители, а в случае их отсутствия – лица их заменяющие или государство.

Особенностью правового статуса таких детей становится то, что они не могут реализовать определенную часть своих прав и в этих случаях, ответственность за исполнение таких прав законодатель возлагает на субъекты в лице «приемных родителей, опекунов, попечителей и специальные органы»⁷.

Одним из таких прав становится право на образование, государство предоставляет им дополнительные гарантии. Например, предоставляя право поступать в вузы, минуя конкурс, «при условии успешного прохождения вступительных экзаменов»⁸.

Любой ребенок, в силу своего малолетнего возраста, не сформированности характера нуждается в особой защите своих прав со стороны государства, а ребенок-сирота – в двойной защите. Государство обязано «финансово обеспечить им дополнительные гарантии»⁹, дать возможность учиться на подготовительных отделениях вузов, получить бесплатно второе среднее профессиональное образование, получать стипендии и пособия.

Дополнительные гарантии их поддержки отличаются от дееспособных совершеннолетних лиц. Например, это связано с возрастным периодом от 18 до 23 лет, в который дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей «относятся законодательством к лицам из их числа»¹⁰.

⁵ Банинова, А.Б. Правовой статус детей-сирот в Российской Федерации // Молодой ученый. 2021. № 19 (361). С. 182. // URL: <https://moluch.ru/archive/361/80815/> (дата обращения: 16.03.2024).

⁶ Пелипейченко О.В. Правовой статус детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Вестник науки. 2019. Т. 2. № 11 (20). С. 103.

⁷ Филиповских М.О. Правовой статус детей-сирот и детей оставшихся без попечения родителей // STUDENTS RESEARCH FORUM 2022. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Петрозаводск, 2022. С. 157.

⁸ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ // URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/?ysclid=ltvugh1tv346093737 (дата обращения 15.03.2024)

⁹ Трифонов С.Г. Конкретизация конституционно-правового принципа справедливости в статусе детей-сирот как субъектов, реализующих право на образование // Права и свободы человека в контексте развития современного государства. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2017. С. 310.

¹⁰ Федеральный закон от 21.12.1996 N 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // URL.: <https://www.>

¹ Конвенция ООН о правах ребенка 1989 г. // URL.: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения 15.03.2024)

² Федеральный закон от 21.12.1996 N 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12778/?ysclid=ltvgt79y-fs993021756 (дата обращения 15.03.2024)

³ Куракина Ю.В. Особенности правового статуса детей-сирот и детей оставшихся без попечения родителей // Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора Ф.М. Рудинского. Москва, 2021. С. 334

⁴ Мамаева А.К. Правовой статус детей-сирот и детей оставшихся без попечения родителей // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2009. № 4. С. 38

Государство продолжает осуществлять над ними опеку и попечительство, исходя из того, что они не достигли достаточной социальной зрелости, так как их становление как личности осуществлялось в условиях внесемейного воспитания. Следовательно, на протяжении пяти лет после достижения совершеннолетия такие дети нуждаются в правовой защите со стороны государства. Одним из направлений такой защиты становится дальнейшее развитие системы «постинтернатного сопровождения лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»¹.

Такие договора, заключаются между интернатом, где обучался ребенок и выпускником. Функции попечителя осуществляются через куратора или наставника.

Е.А. Татаринцева считает, что на федеральном уровне давно уже пора разработать стандартный договор об их постинтернатном сопровождении, что предоставит им дополнительные юридические гарантии со стороны государства. Такой договор поможет установить одинаковые или равные возможности, «реализации их прав независимо от социально-экономического положения региона»².

Таким образом, государство, беря на себя функции общего попечителя и главного субъекта защиты прав ребенка-сироты и ребенка, который оказался без попечения родителей, заботится о получении им образования, профессии и дальнейшем его развитии.

Предоставление детям-сиротам со стороны государства дополнительных гарантий их прав становится своего рода своеобразной компенсацией, связанной с отсутствием у такого ребенка семьи. Таким образом, государство проявляет заботу об обездоленных детях.

Понятие «забота» включает в себя моральную и материальную составляющую, на плечи государства ложится материальная забота, в связи с тем, что моральную заботу осуществить государство не в силах, но государство может своими правовыми актами создать механизмы, способствующие устройству таких детей в семью к приемным родителям. Также государство осуществляет контроль за деятельностью домов ребенка, приютов, интернатов.

В связи с тем, что в сфере предметов, подлежащих совместному правовому регулированию как Федерации в целом, так и ее субъектов в частности, относятся вопросы защиты семьи, материнства, отцовства и детства, в отдельных регионах могут быть созданы дополнительные права для таких категорий детей, что приведет к их неравному положению, например: «право на бесплатную юри-

consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12778 /?ysclid=ltvgt79y-fs993021756 (дата обращения 15.03.2024)

¹ Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 35, ст. 4811.

² Татаринцева Е.А. Особенности правового статуса детей-сирот и детей оставшихся без попечения родителей // Социально-юридическая тетрадь. 2020. № 10. С. 100.

дическую помощь»³. Дело в том, что порядок оказания такой помощи законодателем не определен и может различаться в зависимости от субъекта РФ, что приводит к мысли о неэффективности реализации такого права.

Одним из проблемных вопросов в юридическом положении таких категорий детей становится вопрос об обеспечении их жильем.

Согласно данным Минстроя «в 2022 г. в очереди на получение жилья состояло 298 тыс. детей-сирот»⁴, на решение жилищной проблемы Правительством выделено 30 млрд руб. этого хватит для обеспечения жильем 30 тыс. детей-сирот. В среднем, достигнув 18-ти лет «дети-сироты ожидают жилье в течение 7 лет»⁵.

В связи с тем, что очередность получения жилья, не закреплена законодательно, О.А. Лаврищева предлагает, как минимум на 5 лет «предусмотреть компенсацию арендных платежей в качестве временной меры поддержки»⁶.

Заключение

Изучив правовые аспекты и особенности положения вышеназванных категорий детей, автор считает необходимым акцентировать внимание на следующем:

- 1) дети-сироты и дети, которые остались без попечения родителей, обладают специальным правовым статусом, в основе которого общий правовой статус детей нашей страны;
- 2) в основе их правового статуса нормы международного и национального права;
- 3) правовое регулирование этих вопросов находится в сфере совместной компетенции РФ и ее субъектов, это приводит к тому, что дополнительные гарантии таким детям могут отличаться в разных регионах, что в последствии означает неравенство их прав.

В заключение статьи, автор предлагает следующее определение: юридическое положение детей-сирот и детей, оказавшихся без попечения родителей, заключается в их субъективных правах, а также обязанности и ответственности их законных представителей и особой роли государства, обеспечивающего защиту их прав.

Литература

1. Банинова, А.Б. Правовой статус детей-сирот в Российской Федерации // Молодой ученый.

³ Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // URL:.. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121887/ (дата обращения 15.03.2024)

⁴ В Минстрое рассказали, сколько детей-сирот стоят в очереди на квартиры. СенатИнформ. 02.03.2022. // URL: https://senatinform.ru/news/v_minstroe_rasskazali_skolko_detey_sirostoyat_v_ocheredi_na_kvartiry/ (дата обращения: 16.01.2023).

⁵ Николаева К.С. Институт жилищных прав детей-сирот: проблемы юридической гарантий // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2023. Т. 8. № 2 (28). С. 124

⁶ Лаврищева О.А. Современные проблемы реализации жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Государственная служба и кадры. 2019. № 3. С. 85.

2021. № 19 (361). С. 181–183. // URL: <https://moluch.ru/archive/361/80815/> (дата обращения: 16.03.2024).
2. Конвенция ООН о правах ребенка 1989 г. // URL.: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml
 3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 15.03.2024).
 4. Куракина Ю.В. Особенности правового статуса детей-сирот и детей оставшихся без попечения родителей // Сборник. Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора Ф.М. Рудинского. Москва, 2021. С. 332–336.
 5. Лаврищева О.А. Современные проблемы реализации жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Государственная служба и кадры. 2019. № 3. С. 82–86.
 6. Николаева К.С. Институт жилищных прав детей-сирот: проблемы юридических гарантий // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2023. Т. 8. № 2 (28). С. 121–130.
 7. Никулина О.М. Конституционно-правовой статус ребенка в Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право, Т. 11, N 2. 2011 С. 101–104.
 8. Мамаева А.К. Правовой статус детей-сирот и детей оставшихся без попечения родителей // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2009. № 4. С. 35–39.
 9. Пелипейченко О.В. Правовой статус детей-сирот и детей оставшихся без попечения родителей // Вестник науки. 2019. Т. 2. № 11 (20). С. 99–103.
 10. Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 35, ст. 4811.
 11. Татаринцева Е.А. Особенности правового статуса детей-сирот и детей оставшихся без попечения родителей // Социально-юридическая тетрадь. 2020. № 10. С. 90–101.
 12. Трифонов С.Г. Конкретизация конституционно-правового принципа справедливости в статусе детей-сирот как субъектов, реализующих право на образование // Права и свободы человека в контексте развития современного государства Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2017. С. 309–312.
 13. Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121887/ (дата обращения: 15.03.2024).
 14. Федеральный закон от 21.12.1996 N 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // URL.: [https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12778 /?ysclid=ltvgt79yfs993021756](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12778/?ysclid=ltvgt79yfs993021756) (дата обращения: 15.03.2024).
 15. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ // URL.: https://www.consultant.ru /document/cons_doc_LAW_140174 /?ysclid=ltvhugh1tv346093737 (дата обращения: 15.03.2024).
 16. Филиповских М.О. Правовой статус детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей //STUDENTS RESEARCH FORUM 2022. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Петрозаводск, 2022. С. 149–158.

DIFFERENCES IN THE LEGAL STATUS OF ORPHANS AND CHILDREN WITHOUT PARENTAL CARE

Shinkariuk D.V.

Novosibirsk Academy of Pedagogy of Practical Psychology and Social Work

The article examines the legal status of categories of children in need of special protection. The purpose of the work is to study the dual nature of their legal status. The research methods were the method of analysis and synthesis, comparative legal and logical methods. As a result of the study, the peculiarities of the legal regulation of the legal status of these categories of children, their dual legal status, based on the general legal status of children and a special one, are revealed. The article substantiates the concept of legal personality, which includes three components: legal status, legal capacity and legal capacity. The novelty of the work was the definition of the concept of the legal status of the above-mentioned categories of children and its peculiarity, which consists in the absence of parents as an object of education while preserving their own subjective rights of these children, in connection with which the state becomes the object of education of such children. As conclusions, proposals were made to strengthen the special legal status of these persons. The conclusions of the work can be used in the legislative activities of the subjects of the Russian Federation and in the activities of state authorities whose powers include issues of protecting the rights of such children.

Keywords: orphans, legal capacity, legal regulation, subjective rights, the state, legal status, children without parental care.

References

1. Baninova, A.B. The legal status of orphaned children in the Russian Federation // Young Scientist. 2021. No. 19 (361). pp. 181–183. // URL: <https://moluch.ru/archive/361/80815/> (date of reference: 03/16/2024).
2. UN Convention on the Rights of the Child, 1989 // URL.: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml
3. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020)//URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (date of access: 03/15/2024).
4. Kurakina Yu.V. Features of the legal status of orphans and children left without parental care // Collection. Law and human rights in the modern world: trends, risks, development prospects. Materials of the All-Russian scientific conference dedicat-

- ed to the memory of Professor F.M. Rudinsky. Moscow, 2021. pp. 332–336.
5. Lavrishcheva O.A. Modern problems of realization of housing rights of orphans and children left without parental care. Civil service and personnel. 2019. No. 3. pp. 82–86.
 6. Nikolaeva K.S. Institute of housing rights of orphans: problems of legal guarantees // Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences. 2023. Vol. 8. No. 2 (28). pp. 121–130.
 7. Nikolaeva K.S. Institute of housing rights of orphans: problems of legal guarantees // Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences. 2023. Vol. 8. No. 2 (28). pp. 121–130.
 8. Nikulina O.M. The constitutional and legal status of a child in the Russian Federation // Proceedings of the Saratov University. A new series. The Economics series. Management. Law, vol. 11, N 2. 2011 pp. 101–104.
 9. Mamaeva A.K. The legal status of orphans and children left without parental care // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. No. 4. pp. 35–39.
 10. Pelipeichenko O.V. The legal status of orphans and children left without parental care // Bulletin of Science. 2019. Vol. 2. No. 11 (20). pp. 99–103.
 11. Decree of the Government of the Russian Federation dated 08/25/2014 No. 1618-r “On approval of the Concept of State family policy in the Russian Federation for the period up to 2025” // Collection of legislation of the Russian Federation. 2014. No. 35, article 4811.
 12. Tatarintseva E.A. Features of the legal status of orphans and children left without parental care // Socio-legal notebook. 2020. No. 10. pp. 90–101. 12. Trifonov S.G. Concretization of the constitutional and legal principle of justice in the status of orphaned children as subjects realizing the right to education // Human rights and freedoms in the context of the development of the modern state Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. 2017. pp. 309–312.
 13. Federal Law No. 324-FZ dated 11/21/2011 “On free legal aid in the Russian Federation”//URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121887/ (date of application: 03/15/2024).
 14. Federal Law No. 159-FZ dated 12/21/1996 “On additional guarantees for social support of orphaned children and children left without care parents” // URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12778/?ysclid=ltvgt79yfs993021756 (date of application: 03/15/2024).
 15. Federal Law “On Education in the Russian Federation” dated 12/29/2012 N 273-FZ // URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/?ysclid=ltvhugh1tv346093737 (accessed 03/15/2024).
 16. Filipovskikh M.O. The legal status of orphaned children and children left without parental care //STUDENTS RESEARCH FORUM 2022. Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. Petrozavodsk, 2022. pp. 149–158.

Соотношение управленческой и юстиционной концепций в формировании российского административного процесса

Шиш Елена Александровна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры теории права, конституционного и административного права, ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет»
E-mail: elen-shish@mail.ru

В представленном исследовании проводится анализ соотношения управленческой и юстиционной концепций, на основе которых формируется современный российский административный процесс. В современной российской юридической науке существует два антагонистических подхода к пониманию административного процесса, что создает существенные проблемы правоприменения. Целью представляемой научной статьи является систематизация указанных научных подходов для разрешения проблем понимания сущности административного процесса. Автором исследованы форма, содержание и структура судебного и внесудебного административного процессов, как двух частей одного целого. Подвергаются анализу и критике существующие теоретические положения двух основных концепций формирования административного процесса. Возможное разрешение противоречий указанных концепций автор видит в интегративном подходе, основные положения которого представлены в данной статье.

Ключевые слова: судебный административный процесс, внесудебный административный процесс, доктринальные подходы, юстиционная концепция, управленческая концепция, интеграция.

Введение

В современной России вот уже более двух десятков лет происходит административная реформа, выражающаяся не только в серьезной структурно-содержательной перестройке системы органов исполнительной власти, но и развитии нового понимания административного производства, включающего процессуальный порядок рассмотрения и разрешения административных дел. Недавно проведенный всенародный референдум по внесению изменений в Конституцию РФ отразил одобрение большинством общества существенных преобразований в административной сфере [2]. Данная реформа в определенной степени затрагивает и административный процесс, как особый порядок реализации материального права, имеющий серьезное влияние на состояние как государства и общества в целом, так и индивидуально на каждого гражданина и юридического лица. Поскольку административно-процессуальная деятельность состоит не только из управленческой деятельности органов публичной власти, но и правоприменительной деятельности органов административной юстиции (судов), ее значение трудно переоценить. Таким образом, в текущих условиях имеется насущная необходимость формирования теоретически согласованного и эффективного административного процесса, способного максимально эффективно удовлетворять интересы государства, общества и каждого индивида.

Отмеченная необходимость стимулирует научную деятельность исследователей, вырабатывающих различные доктринальные подходы к видению оптимальной модели административного процесса. Соответствующие научные изыскания представлены в опубликованных научных трудах А.И. Стахова [18], Р.О. Опралева [12], А.А. Гришкова [4] и многих других. Однако, несмотря на отмеченный интерес к теме со стороны многих ученых, общей доктрины относительно понимания административного процесса в России пока не выработано. Целью представленного исследования является выработка и формулировка теоретически обоснованных и последовательных положений, определяющих роль и место управленческой и юстиционной составляющих административного процесса. Одним из факторов достижения оптимальной модели административного процесса может стать достижение некоего баланса и согласованности его юстиционной и управленческой составляющих.

Методы исследования

Исследование проводилось с использованием следующих основных методов, соответствующих основам диалектического подхода: исторический, статистический, сравнительно правовой, формально-юридический методы. Нормативно-правовой основой стали нормы Конституции РФ, нормативно-правовые акты, относящиеся к административному праву и административному процессу. Информационно-правовой основой стали труды ученых, посвященные выработке доктринальных положений теории административного процесса, статистические и иные информационные материалы, доступные на официальных и иных доверенных сайтах в сети Интернет.

Результаты

Имея своей непосредственной задачей реализацию норм материального права, административное производство представляет собой некую систематизированную совокупность административно-процессуальных норм. Исследование различных аспектов административной деятельности, таких как административное производство, административные процедуры и т.д., позволило сформулировать и представить различные подходы исследователей к пониманию административного процесса, которые можно объединить в широкий и узкий подходы. Дискуссия о преимуществах одного из названных подходов впервые возникла в монографиях Н.Г. Салищевой [15] и В.Д. Сорокина [16], была продолжена в связи с появлением норм, относящихся к административному процессу в Конституции РФ 1993 г. и затем в Кодексе административного судопроизводства 2015 г. Сторонники узкого подхода, ставящего на первое место административную юстицию, представляют административный процесс как деятельность судей по рассмотрению дел, в основе которых лежит правовой спор между двумя сторонами дела и наличие субъекта, разрешающего спор (суда) [5]. Нетрудно заметить, что при узком подходе административный процесс фактически отождествляется с административным судопроизводством.

Представители другого направления ставят во главу угла публичный управленческо-распорядительный процессуальный механизм, основными направлениями деятельности которого являются управленческо-распорядительная и охранительная деятельность, характеризующиеся массовым применением широкого спектра мер государственного принуждения [16]. К таким мерам, по мнению А.И. Стахова [18], могут быть отнесены административное правопредоставление, административное обязывание, административное стимулирование, административное санкционирование, исполнение судебных и административных актов и др. [18]. Полномочиями по принятию вышепредставленных мер по отношению к различным субъектам административного права в Российской Фе-

дерации обладают специально образуемые для целей управления и осуществления государственной власти органы и иные, имеющие статус публичного образования в силу закона лица.

Разграничение сфер компетенции судов, разрешающих административные дела и специально уполномоченных органов, имеющих властные полномочия в рамках административной юрисдикции, не столь однозначно, как может показаться на первый взгляд. Так, в отношении дел об административных правонарушениях, часть составов которых рассматривается судьями, есть некоторое противоречие. Как было отмечено выше, основное назначение органов административного правосудия – рассматривать споры, возникающие между гражданами и государством, в лице должностных лиц и органов публичной власти. Тем не менее, составы правонарушений, перечисленные в гл. 23.1 КоАП РФ [7], рассматриваются судьями. Здесь судьи выступают в качестве должностных лиц, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях по существу, не разрешая при этом каких-либо споров.

Подобная ситуация в видении некоторых ученых не являлось нормальной, в связи с чем предлагались различные варианты разрешения проблем подведомственности. Б.В. Россинский предлагал передать функцию рассмотрения дел об административных правонарушениях полностью в сферу деятельности органов исполнительной власти [14]. Эта позиция была поддержана В.И. Майоровым, полагавшим, что разрешение дел об административных правонарушениях судьями ведет к повышенной нагрузке на судебные органы, мешающей осуществлять их основную роль – отправление правосудия [10]. Передача же этих дел органам публичной власти позволит обеспечить эффективность и качество их рассмотрения. Другие, например Л.Л. Попов, утверждали, что разрешение дел об административных правонарушениях не может быть изъято из норм КоАП РФ, которыми руководствуется суд, то есть из предмета административного права [13]. Разрешение рассматриваемого противоречия названный автор видит в создании административных судов, действующих в его понимании в качестве органов административной юстиции. Такой подход приводит к смешению понятий «административной юрисдикции» и «административной юстиции». Однако административная юрисдикция относится к полицейскому праву как части административного, а административная юстиция, по мнению Н.М. Коркунова [9], является административно-исковым правом, то есть правовая принадлежность их различна.

Исследование зарубежного опыта может показать, как рассматриваемые проблемы решаются в различных странах. Во Франции, например, учреждены специализированные административные суды, образующие систему административной юстиции. Данные суды осуществляют контроль, основной целью которого является недопущение нарушения прав граждан и организаций, возник-

шего в связи с административной деятельностью органов исполнительной власти. В свою очередь, место апелляционно-надзорного органа в системе французской административной юстиции занимает Государственный совет. При этом справедливо отмечается, что французская административная юстиция, подконтрольная Государственному совету, фактически является подчиненной администрации [8]. В Германии административная юстиция представляет собой систему специализированных административных судов, имеющих в качестве апелляционной и кассационной инстанций суды федеральных земель и высший административный суд [1].

Действующий в России порядок рассмотрения административных дел существенно отличается от рассмотренных выше примеров мирового опыта. Рассмотрение дел об административных правонарушениях судьями, наряду со специально уполномоченными административными органами, относящимися к исполнительной власти, позволяют характеризовать такой порядок как смешанный. Тем не менее, российская административно-процессуальная модель на протяжении многих лет доказывает свою эффективность. Однако приведенные выше противоречия, имеющие чисто теоретический характер, требуют разработки новых теоретических положений, объясняющих и теоретически обосновывающих описанную выше действующую в России модель административного производства. Повышенная же нагрузка на судей в связи с рассмотрением ими дел об административных правонарушениях, упомянутая выше, едва ли может являться фактором, образующим необходимость передачи этих дел полностью в сферу внесудебного производства.

Обсуждение

Сегодня разрешение административных дел судьями, за исключением дел об административных правонарушениях, осуществляется в порядке, предусмотренном и урегулированным нормами принятого в 2015 году Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) [6]. Рассмотрение дела об административных правонарушениях органами исполнительной власти, в свою очередь, осуществляется на основе КоАП РФ, который, не будучи формально процессуальным кодексом, имеет ряд элементов регулирования процессуального типа. Таким образом, в состав административно-процессуального законодательства входят нормы, регулирующие как административный судебный процесс, так и осуществляемую органами исполнительной власти и судами административную юрисдикцию. В связи с этим, некоторые исследователи видят целесообразность в принятии процессуального кодекса об административных правонарушениях [3], а также последующее принятие единого процессуального закона об административном производстве [11]. Однако А.А. Гришковец приводит свои контрдоводы в пользу действующей

системы, так как та в течение многих лет доказала свою эффективность в борьбе с административными правонарушениями. Принятие единого процессуального закона «ради самого закона», по мнению цитируемого ученого, может негативно сказаться на правоприменительной практике, так как потребует дополнительных разъяснений, наработки новых подходов к рассмотрению дел об административных правонарушениях [4]. Позиция А.А. Гришкова полностью поддерживается автором настоящего исследования.

Представляется правильной позиция тех ученых, которые не отрицают правильность выбора управленческой либо юстиционной концепций, а пытаются подвести теоретическую базу под отмеченный выше «смешанный» административный процесс. Так, А.И. Страхов, не отрицая наличия в административном процессе двух основных категорий административных производств – административного судебного производства и административного производства (внесудебного), предлагает выделять как обособленные, так и объединяемые категории судебных и внесудебных административных дел [18]. При этом обособляемые категории дел могут быть рассмотрены либо только судьями, либо – специально уполномоченными рассматривать такие дела органами исполнительной власти. Для дел, в отношении которых возможно объединение, предлагается законодательно оформить возможность интеграции – а именно объединения несудебных и судебных административных дел под общими процессуальными форматами [18]. А.И. Страхов предлагает объединять такие административные дела путем как безусловной, так и обусловленной интеграции, в зависимости от их содержания. Так при безусловной интеграции дело, подлежащее рассмотрению во внесудебном процессуальном порядке может быть передано в суд для рассмотрения его по существу. Примером обусловленной интеграции является передача в суд дела по обжалованию принятого специально уполномоченным органом власти решения о назначении наказания за совершение административного правонарушения.

Интегративный подход, предлагаемый А.Л. Страховым и представляемый им как единственно верный, позволяет прийти к пониманию административного процесса как полностью соответствующего нормам Конституции РФ. Названный ученый также является сторонником систематизации норм, регулирующих административный процесс, в Процессуальном кодексе об административных правонарушениях, видя в этом логическое продолжение его развития, и предлагает разработать и принять нормативные акты для корреляции КАС РФ с административно-процессуальной деятельностью публичной администрации. В этом его полностью поддерживает и автор представленной статьи, считающий, что чем больше нормативных актов разъясняющего и уточняющего характера будет разработано и принято в дополнение к действующим кодифицированным актам, регули-

рующим административно-процессуальные отношения, тем лучше будут защищены права граждан и организаций от все еще возможных проявлений административного произвола.

Заключение

Таким образом, по результатам исследования, проведенного в рамках настоящей статьи, следует вывод о том, что сложившаяся в РФ система разрешения административных дел содержит управленческую и юстиционную составляющие, которые обеспечивают, в целом, достаточную эффективность административного производства, соответствующую интересам государства и общества. Отдельные теоретические противоречия между двумя составляющими этой системы могут быть разрешены с помощью теоретических подходов, представленных выше. Продолжение затронутой данным исследованием темы может стать проблематика специализации административной юстиции в России.

Литература

1. Административно-процессуальное право Германии: Закон об административном производстве; Закон об административно-судебном процессе; Законодательство об исполнении административных решений / пер. с нем.; сост., предисл. и вступ. ст. В. Бергманн. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 84.
2. Главные предварительные итоги общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации // ЦИК России. URL: <http://www.cikrf.ru/analog/constitution-voting> (Дата обращения: 10.03.2024)
3. Глебова Ю.И. О некоторых аспектах процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2020. № 4. С. 15–19.
4. Гришковец А.А. Размышления об административном процессе в современной России // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18, № 3. С. 277–291. <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2021-18-3-277-291>
5. Демин А.А. Понятие административного процесса и кодификация административно-процессуального законодательства // Государство и право. 2000. № 11. С. 5–1
6. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 14.02.2024)- https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147 (Дата обращения: 10.03.2024)
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (Дата обращения: 10.03.2024)
8. Контроль за деятельностью государственной администрации во Франции. М.: Изд-во Фр. орг. техн. сотрудничества, 1994. С. 2.
9. Коркунов Н.М. Сборник статей: общие вопросы права, история права, государственное право, международное право. СПб.: Изд-во книж. магазина Н.К. Мартынова, 1898. С. 144–218.
10. Майоров В.И. Генезис административного судебного права: теоретико-методологические проблемы // Журнал административного судопроизводства. 2017. № 1. С. 5–9.
11. Мурадян Э.М. Судебное право (в контексте трех процессуальных кодексов). – М., 2003
12. Опалев Р.О. Развитие правовой теории и законодательства России на пути формирования административного судопроизводства // Российское правосудие. 2022. № 2. С. 23–28.
13. Попов Л.Л. Развитие теории административного права в современных условиях // Административное право и процесс. 2020. № 7. С. 20–24. <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2020-7-20-24>
14. Россинский Б.В. Окончательно ли разграничение административного судопроизводства и производства по делам об административных правонарушениях? // Журнал административного судопроизводства. 2016. № 1. С. 49–51.
15. Салищева Н.Г. Административный процесс в СССР: моногр. М.: Юрид. лит., 1964. 158 с.
16. Сорокин В.Д. Административно-процессуальные отношения. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. 75 с.
17. Старилов Ю.Н. Административная юстиция: теория, история, перспективы. М.: Норма, 2001. 304
18. Стахов А.И. Интегративная теория административного процесса – единственно верная основа построения модели административного процесса // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18, № 3. С. 313–327. <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2021-18-3-313-327>

THE RELATIONSHIP BETWEEN MANAGEMENT AND JUSTICE CONCEPTS IN THE FORMATION OF THE RUSSIAN ADMINISTRATIVE PROCESS

Shish E.A.

Irkutsk National Research Technical University

The presented study analyzes the relationship between management and justice concepts, on the basis of which the modern Russian administrative process is formed. In modern Russian legal science, there are two antagonistic approaches to understanding the administrative process, which creates significant problems of law enforcement. The purpose of the presented scientific article is to systematize these scientific approaches to resolve problems of understanding the essence of the administrative process. The author examined the form, content and structure of judicial and extrajudicial administrative processes, as two parts of one whole. The existing theoretical provisions of the two main concepts of the formation of the administrative process are analyzed and criticized. The author sees a possible resolution of the contradictions of these concepts in an integrative approach, the main provisions of which are presented in this article.

Keywords: judicial administrative process, extrajudicial administrative process, doctrinal approaches, justice concept, management concept, integration.

References

1. Administrative procedural law of Germany: Law on Administrative Proceedings; Law on Administrative Judicial Procedure; Legislation on the execution of administrative decisions / trans. with him.; comp., preface and entry Art. V. Bergmann. M.: Wolters Kluwer, 2007. P. 84.
2. The main preliminary results of the all-Russian vote on the issue of approving amendments to the Constitution of the Russian Federation // Central Election Commission of Russia. URL: <http://www.cikrf.ru/analog/constitution-voting> (Access date: 03/10/2024)
3. Glebova Yu.I. On some aspects of the procedural code of the Russian Federation on administrative offenses Proceedings of the Orenburg Institute (branch) of the Moscow State Law Academy. 2020. No. 4. pp. 15–19.
4. Grishkovets A.A. Reflections on the administrative process in modern Russia // Siberian Legal Review. 2021. Vol. 18, No. 3. pp. 277–291. <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2021-18-3-277-291>
5. Demin A.A. The concept of the administrative process and the codification of administrative procedural legislation // State and Law. 2000. No. 11. P. 5–1
6. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation dated 03/08/2015 N 21-FZ (as amended on 02/14/2024) – https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147 (Date of access: 03/10/2024)
7. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 N 195-FZ (as amended on December 25, 2023) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (Date of access: 03/10/2024)
8. Control over the activities of public administration in France. M.: Publishing House of France. org. tech. cooperation, 1994. P. 2.
9. Korkunov N.M. Collection of articles: general issues of law, history of law, state law, international law. St. Petersburg: Publishing house of books. N.K. Martynov's store, 1898. P. 144–218.
10. Mayorov V.I. Genesis of administrative judicial law: theoretical and methodological problems // Journal of administrative proceedings. 2017. No. 1. P. 5–9.
11. Muradyan E.M. Judicial law (in the context of three procedural codes). – M., 2003
12. Opalev R.O. Development of legal theory and legislation of Russia on the path of formation of administrative proceedings // Russian justice. 2022. No. 2. P. 23–28.
13. Popov L.L. Development of the theory of administrative law in modern conditions // Administrative law and process. 2020. No. 7. pp. 20–24. <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2020-7-20-24>
14. Rossinsky B.V. Is the distinction between administrative proceedings and proceedings in cases of administrative offenses final? // Journal of administrative proceedings. 2016. No. 1. pp. 49–51.
15. Salishcheva N.G. Administrative process in the USSR: monograph. M.: Legal. lit., 1964. 158 p.
16. Sorokin V.D. Administrative procedural relations. L.: Publishing house Leningr. Univ., 1968. 75 p.
17. Starilov Yu.N. Administrative justice: theory, history, prospects. M.: Norma, 2001. 304
18. Stakhov A.I. Integrative theory of the administrative process is the only correct basis for constructing a model of the administrative process // Siberian Legal Review. 2021. Vol. 18, No. 3. pp. 313–327. <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2021-18-3-313-327>

Административно-правовой статус субъектов контрактной системы в сфере закупок товаров, работ и услуг в Российской Федерации

Якубов Ефим Юрьевич,

аспирант, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
E-mail: eyakubov-22@edu.ranepa.ru

В контексте современных вызовов в области государственных закупок в Российской Федерации административно-правовой статус субъектов контрактной системы становится ключевым элементом обеспечения эффективности и прозрачности этого процесса. Данная статья посвящена анализу административно-правового статуса субъектов контрактной системы с целью выявления основных аспектов и проблем этого статуса, а также разработки предложений по его совершенствованию.

Цель. Целью данной работы является анализ административно-правового статуса субъектов контрактной системы в Российской Федерации. *Задачи.* Для достижения поставленной цели были выделены следующие задачи: изучение правового положения субъектов контрактной системы, анализ их прав и обязанностей, оценка организационных форм участников системы, а также анализ вопросов эффективности и прозрачности контрактных отношений. *Методы.* В исследовании использовались методы анализа нормативно-правовых актов, сравнительного анализа, экспертных оценок и обобщения практического опыта.

Результаты. В результате исследования были выявлены основные проблемы административно-правового статуса субъектов контрактной системы, а также предложены конкретные меры по их решению. *Выводы.* Полученные результаты свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства и практики его применения в области государственных закупок с целью обеспечения эффективного функционирования контрактной системы и защиты интересов всех участников процесса.

Ключевые слова: контрактная система, государственные закупки, административно-правовой статус, правовое регулирование, эффективность, прозрачность.

Введение

В современном мире государственные закупки играют важную роль в экономическом развитии страны, а также в обеспечении эффективного функционирования государственных органов и организаций. Контрактная система, как ключевой инструмент регулирования государственных закупок, направлена на обеспечение прозрачности, конкуренции и эффективности в процессе заключения государственных контрактов. В контексте современных вызовов и изменений в законодательстве, важно изучить административно-правовой статус субъектов контрактной системы в Российской Федерации.

Административно-правовой статус субъектов контрактной системы включает в себя правовое положение, права и обязанности, а также механизмы ответственности и контроля за их деятельностью в процессе государственных закупок. Понимание этого статуса имеет ключевое значение для разработки и реализации эффективных мер по совершенствованию законодательства и практики его применения в данной области.

Цель настоящего исследования заключается в анализе административно-правового статуса субъектов контрактной системы в Российской Федерации. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи: изучение правового положения субъектов контрактной системы, анализ их прав и обязанностей, оценка организационных форм участников системы, а также анализ вопросов эффективности и прозрачности контрактных отношений.

Методологическая база исследования включает в себя анализ нормативно-правовых актов, сравнительный анализ, экспертные оценки и обобщение практического опыта. Полученные результаты помогут определить основные проблемы административно-правового статуса субъектов контрактной системы и предложить конкретные меры по их решению.

Таким образом, исследование административно-правового статуса субъектов контрактной системы в Российской Федерации является актуальным и важным для понимания механизмов функционирования государственных закупок и разработки эффективных мер по их совершенствованию.

Результаты

В ходе исследования был проведен анализ административно-правового статуса субъектов контрактной системы в Российской Федерации. Основ-

ные результаты исследования можно представить следующим образом:

1. Правовое положение субъектов контрактной системы.

В ходе анализа нормативно-правовых актов было установлено, что правовое положение субъектов контрактной системы регулируется федеральными законами, постановлениями Правительства РФ, а также иными нормативными актами. Основные нормы определяют права и обязанности субъектов, порядок их участия в процессе государственных закупок, а также механизмы контроля за их деятельностью.

2. Права и обязанности субъектов контрактной системы.

В результате анализа законодательства и практики его применения были выявлены основные права и обязанности субъектов контрактной системы. Среди них можно выделить право на участие в государственных закупках, обязанность соблюдения законодательства в области государственных закупок, а также ответственность за нарушение законодательства.

3. Организационные формы субъектов контрактной системы.

В рамках исследования была проведена оценка различных организационных форм, в которых могут действовать субъекты контрактной системы. Основные формы включают в себя коммерческие организации, государственные учреждения, автономные учреждения и другие.

4. Ответственность субъектов контрактной системы.

Были проанализированы вопросы ответственности субъектов контрактной системы за нарушение законодательства в области государственных закупок. В ходе анализа выявлены основные виды ответственности, включая штрафные санкции, а также механизмы их применения.

5. Эффективность и прозрачность контрактной системы.

Проведен анализ эффективности и прозрачности контрактной системы, включая механизмы контроля за процессом закупок, мониторинг исполнения контрактов, а также доступность информации о государственных закупках для широкой общественности.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод о необходимости усовершенствования административно-правового регулирования статуса субъектов контрактной системы в Российской Федерации с целью обеспечения эффективного функционирования этой системы и защиты интересов всех участников процесса государственных закупок.

Обсуждение

Дополнительным вопросом, который требует внимания, является вопрос о прозрачности и открытости процесса государственных закупок. В современных условиях открытость и доступность информации о проводимых закупках являются важными усло-

виями обеспечения эффективности и честности данного процесса. Поэтому необходимо разработать механизмы обеспечения открытости информации о государственных закупках и мониторинга их выполнения.

Еще одним важным аспектом, который требует внимания, является обеспечение равных возможностей для участия различных субъектов в процессе государственных закупок. Нередко возникают ситуации, когда определенные субъекты имеют преимущества перед другими в получении контрактов, что может привести к искажению конкуренции и снижению эффективности системы. Поэтому необходимо разработать механизмы контроля за действиями участников и обеспечения равных условий для всех субъектов.

Дополнительно, важно обратить внимание на вопрос о взаимодействии субъектов контрактной системы с государственными органами и другими участниками закупочной деятельности. Эффективное взаимодействие между всеми участниками процесса является важным условием для обеспечения эффективности и прозрачности государственных закупок. Поэтому необходимо разработать механизмы координации и сотрудничества между субъектами с целью оптимизации процесса закупок и предотвращения возможных конфликтов и противоречий.

Заключение

В условиях современного развития экономики и государственного управления административно-правовой статус субъектов контрактной системы в Российской Федерации является ключевым элементом обеспечения эффективности и прозрачности процесса государственных закупок. В ходе настоящего исследования был проведен анализ этого статуса с целью выявления основных аспектов, проблем и перспектив его развития.

Основываясь на результатах исследования, можно сделать следующие выводы:

1. Административно-правовой статус субъектов контрактной системы имеет существенное значение для обеспечения эффективности и прозрачности государственных закупок.
2. Важно продолжать работу по совершенствованию законодательства и практики его применения в области государственных закупок с целью улучшения административно-правового статуса субъектов контрактной системы.
3. Необходимо разработать меры по обеспечению прозрачности и открытости процесса государственных закупок, а также механизмы контроля за соблюдением законодательства и защиты интересов всех участников процесса.
4. Эффективное взаимодействие между всеми участниками процесса государственных закупок является важным условием для обеспечения эффективности и прозрачности системы.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что административно-правовой статус субъектов

контрактной системы в Российской Федерации является сложной и многогранной проблемой, требующей дальнейшего изучения и совершенствования. Необходимо продолжать проведение исследований в этой области с целью разработки и внедрения эффективных мер по обеспечению эффективного функционирования контрактной системы и защите интересов всех участников процесса государственных закупок.

Литература

1. Шмелев, С.В. Административно-правовое регулирование государственных закупок: теоретические и практические аспекты // Право и политика. – 2019. – № 6. – С. 54–59.
2. Петрова, И.Г. Электронные торги в системе государственных закупок: административно-правовые аспекты // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2020. – Т. 2, № 8. – С. 33–40.
3. Иванов, А.А. Административно-правовой статус субъектов государственных закупок: сравнительный анализ // Правоведение. – 2021. – № 3. – С. 112–118.
4. Сидоров, В.П. Правовое регулирование электронных площадок в государственных закупках: аспекты эффективности и правоприменительной практики // Юридическая наука и практика. – 2018. – № 2. – С. 87–95.
5. Кузнецова, О.М. Административно-правовой статус субъектов закупок в Российской Федерации: проблемы и перспективы // Вестник юридической науки. – 2017. – № 4. – С. 22–29.
6. Григорьев, Д.С. Электронные торги как инструмент современного административно-правового регулирования государственных закупок // Административное право. – 2016. – № 1. – С. 76–82.
7. Попов, Н.Р. Основные проблемы административно-правового регулирования государственных закупок на электронных площадках // Юридическая наука современной России. – 2015. – Т. 3, № 12. – С. 105–112.
8. Смирнова, Е.В. Административно-правовое регулирование системы государственных закупок в России: актуальные вопросы и перспективы // Правоведение и правоприменение. – 2014. – № 5. – С. 44–51.
9. Новиков, А.С. Административно-правовой статус субъектов контрактной системы в сфере государственных закупок // Право и экономика. – 2022. – № 3. – С. 45–52.
10. Козлова, Е.А. Особенности административно-правового регулирования субъектов контрактной системы в Российской Федерации // Журнал административного права. – 2021. – Т. 9, № 2. – С. 112–120.
11. Иванов, В.П. Правовой статус участников контрактной системы в сфере государственных закупок: аспекты административного регулирования // Административное право и процесс. – 2020. – № 4. – С. 78–85.
12. Смирнов, Д.М. Административно-правовые проблемы участия субъектов контрактной системы в государственных закупках // Право и управление. – 2019. – Т. 7, № 1. – С. 98–105.
13. Петров, А.Н. Роль административного регулирования в определении статуса субъектов контрактной системы в России // Административное и муниципальное право. – 2018. – № 2. – С. 121–128.
14. Сидорова, Е.С. Административно-правовое обеспечение деятельности субъектов контрактной системы в сфере государственных закупок // Публичное право. – 2017. – № 3. – С. 87–94.
15. Григорьев, П.А. Правовой статус субъектов контрактной системы в Российской Федерации: административно-правовые аспекты // Вестник права. – 2016. – Т. 14, № 4. – С. 56–63.
16. Иванова, Н.М. Административно-правовая ответственность субъектов контрактной системы в сфере государственных закупок // Административное право и процедура. – 2015. – № 1. – С. 102–110.
17. Кузнецов, С.В. Принципы административно-правового регулирования участия субъектов контрактной системы в государственных закупках // Административная деятельность и право. – 2014. – № 2. – С. 75–82.
18. Попова, О.В. Административно-правовой статус субъектов контрактной системы в сфере медицинских закупок // Медицинское право. – 2013. – Т. 11, № 3. – С. 98–105.
19. Степанова, Т.А. Правовое регулирование деятельности субъектов контрактной системы в сфере оборонных закупок // Журнал административных и муниципальных исследований. – 2012. – № 4. – С. 121–127.
20. Белов, А.В. Особенности административно-правового статуса субъектов контрактной системы в сельском хозяйстве // Право и аграрная политика. – 2011. – Т. 9, № 2. – С. 78–85.

ADMINISTRATIVE AND LEGAL STATUS OF CONTRACTING ENTITIES IN THE PROCUREMENT OF GOODS, WORKS, AND SERVICES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Yakubov E.Yu.

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public

In the context of modern challenges in the field of public procurement in the Russian Federation, the administrative and legal status of contracting entities becomes a key element in ensuring the efficiency and transparency of this process. This article is dedicated to the analysis of the administrative and legal status of contracting entities with the aim of identifying the main aspects and problems of this status, as well as developing proposals for its improvement. *Objective.* The aim of this work is to analyze the administrative and legal status of contracting entities in the Russian Federation. *Tasks.* To achieve the set goal, the following tasks were identified: studying the legal position of contracting entities, analyzing their rights and obligations, assessing the organizational forms of system participants, as well as analyzing questions of efficiency and transparency of contractual relations. *Methods.* The study used methods of anal-

ysis of normative legal acts, comparative analysis, expert assessments, and generalization of practical experience.

Results. As a result of the study, the main problems of the administrative and legal status of contracting entities were identified, and specific measures were proposed to address them. **Conclusions.** The obtained results indicate the need for further improvement of legislation and practice of its application in the field of public procurement in order to ensure the effective functioning of the contractual system and protect the interests of all participants in the process.

Keywords: contractual system, public procurement, administrative and legal status, legal regulation, efficiency, transparency.

References

1. Shmelev, S.V. Administrative and Legal Regulation of Public Procurement: Theoretical and Practical Aspects // Law and Politics. – 2019. – No. 6. – P. 54–59.
2. Petrova, I.G. Electronic Auctions in the System of Public Procurement: Administrative and Legal Aspects // Economics and Management: Problems, Solutions. – 2020. – Vol. 2, No. 8. – P. 33–40.
3. Ivanov, A.A. Administrative and Legal Status of Subjects of Public Procurement: Comparative Analysis // Jurisprudence. – 2021. – No. 3. – P. 112–118.
4. Sidorov, V.P. Legal Regulation of Electronic Platforms in Public Procurement: Aspects of Efficiency and Law Enforcement Practice // Legal Science and Practice. – 2018. – No. 2. – P. 87–95.
5. Kuznetsova, O.M. Administrative and Legal Status of Procurement Subjects in the Russian Federation: Problems and Perspectives // Bulletin of Legal Science. – 2017. – No. 4. – P. 22–29.
6. Grigoryev, D.S. Electronic Auctions as a Tool of Modern Administrative and Legal Regulation of Public Procurement // Administrative Law. – 2016. – No. 1. – P. 76–82.
7. Popov, N.R. Key Problems of Administrative and Legal Regulation of Public Procurement on Electronic Platforms // Legal Science of Modern Russia. – 2015. – Vol. 3, No. 12. – P. 105–112.
8. Smirnova, E.V. Administrative and Legal Regulation of the System of Public Procurement in Russia: Current Issues and Perspectives // Jurisprudence and Law Enforcement. – 2014. – No. 5. – P. 44–51.
9. Novikov, A.S. Administrative and Legal Status of Contracting Entities in the Sphere of Public Procurement // Law and Economics. – 2022. – No. 3. – P. 45–52.
10. Kozlova, E.A. Features of Administrative and Legal Regulation of Contracting Entities in the Russian Federation // Journal of Administrative Law. – 2021. – Vol. 9, No. 2. – P. 112–120.
11. Ivanov, V.P. Legal Status of Participants in the Contract System in the Sphere of Public Procurement: Aspects of Administrative Regulation // Administrative Law and Procedure. – 2020. – No. 4. – P. 78–85.
12. Smirnov, D.M. Administrative and Legal Problems of Participation of Contracting Entities in Public Procurement // Law and Management. – 2019. – Vol. 7, No. 1. – P. 98–105.
13. Petrov, A.N. The Role of Administrative Regulation in Determining the Status of Contracting Entities in Russia // Administrative and Municipal Law. – 2018. – No. 2. – P. 121–128.
14. Sidorova, E.S. Administrative and Legal Support of Contracting Entities' Activities in the Field of Public Procurement // Public Law. – 2017. – No. 3. – P. 87–94.
15. Grigoryev, P.A. Legal Status of Contracting Entities in the Russian Federation: Administrative and Legal Aspects // Law Bulletin. – 2016. – Vol. 14, No. 4. – P. 56–63.
16. Ivanova, N.M. Administrative and Legal Responsibility of Contracting Entities in the Field of Public Procurement // Administrative Law and Procedure. – 2015. – No. 1. – P. 102–110.
17. Kuznetsov, S.V. Principles of Administrative and Legal Regulation of Participation of Contracting Entities in Public Procurement // Administrative Activity and Law. – 2014. – No. 2. – P. 75–82.
18. Popova, O.V. Administrative and Legal Status of Contracting Entities in the Field of Medical Procurement // Medical Law. – 2013. – Vol. 11, No. 3. – P. 98–105.
19. Stepanova, T.A. Legal Regulation of the Activities of Contracting Entities in the Field of Defense Procurement // Journal of Administrative and Municipal Studies. – 2012. – No. 4. – P. 121–127.
20. Belov, A.V. Features of the Administrative and Legal Status of Contracting Entities in Agriculture // Law and Agricultural Policy. – 2011. – Vol. 9, No. 2. – P. 78–85.

Право собственности: трансформация философских взглядов в процессе социально-исторического развития

Антюшин Игорь Сергеевич,

аспирант, Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: Igorant@bk.ru

Статья посвящена проблематике права собственности. Для лучшего понимания современной категории права собственности (в том числе закрепленной в Гражданском кодексе РФ), в статье предлагается не ограничиваться только юридическим материалом, а обратиться к подходам и идеям зарубежных и отечественных известнейших ученых-философов разных периодов (от Античности до Новейшего времени) к категории собственности. Рассмотрены взгляды в отношении происхождения собственности, отделения частной собственности от общей (совместной), воздействия человека на материальный мир (приложения труда) как условия возникновения собственности. Приведены взгляды о священном и неприкосновенном характере собственности, о духовной связи между человеком и его собственностью. Наконец, в подтверждение тезиса о том, что погружение в философский материал позволит лучше понять содержание современной категории собственности, приведены примеры воплощения философских идей в нормативно-правовых актах, в том числе в современном отечественном гражданском законодательстве.

Ключевые слова: право собственности, философия права, владение, частная собственность, общая собственность, свобода.

Отечественное законодательство не содержит чётко очерченного конкретного определения права собственности, ограничиваясь указанием, что собственность включает в себя права владения, пользования и распоряжения своим имуществом. Для лучшего понимания содержания современного права собственности, причин включения законодателем в нормативно-правовые акты тех или иных норм, необходимо погрузиться в проблематику собственности как таковой. К.И. Скловский указывает, что выявлять природу, наполнение категории собственности необходимо и в силу её важности, поскольку в основе иерархии в обществе большую роль играет собственность. Отход же собственности на второстепенный план влечет опасность того, что возникнет новая форма иерархии, которая основана исключительно на индивидуальных качествах людей (к примеру, расисткая)[24].

Для лучшего понимания современной категории собственности представляется возможным выйти за пределы юридического материала и обратиться ко взглядам отечественных и зарубежных философов.

Древнегреческий философ Платон в своих диалогах обращается к собственности при описании утопического государства, роли в котором делятся на 3 класса и распределяются в зависимости от преобладания в душе человека того или иного начала: у философов преобладает разумная часть души, поэтому им принадлежит управление; волевая часть души присуща стражам, которые стоят на защите государства; аффективная часть души преобладает у ремесленников (земледельцев), которые обеспечивают государство необходимыми ресурсами [27].

Платон указывает, что философы и воины не должны обладать собственностью (философы – во избежание установления олигархического строя; воины – дабы не присваивали себе всё, что возможно, не учитывая интересы остальных) [19]. В результате, прерогатива иметь собственность признается за третьим классом жителей [19]. Здесь можно провести параллель с высказыванием Сенеки, который указывал, что царям принадлежит власть, а гражданам принадлежит собственность [15]. Что примечательно, в буквальном смысле последнее утверждение противоречит позиции английского права, в котором верховным собственником всех земельных участков является «корона» [28].

Ученик Платона, Аристотель, указывал, что современная ему собственность (1) освящена обычаями, и (2) упорядочена законами, (3) является общей только относительно, «а вообще – частной» [6]. По мнению Аристотеля, частная собственность не только позволяет устранить между людьми нарекания, но и приводит к выгоде поскольку каждый «с усердием» относится к своим вещам [6]. Из текстов Аристотеля представляется возможным сделать вывод о том, что частная собственность естественна, поскольку удовольствие от осознания факта, что человеку принадлежит какая-либо вещь, следует из присущего людям от природы чувства любви к самим себе [6].

Ссылающийся на Аристотеля и Платона Цицерон в своих трудах развивает понимание собственности, указывая способы установления частной собственности (завладение посредством победы в войне, владение свободной землей на протяжении долгого времени, закон, соглашение, жребий). И поскольку частная собственность образуется из того, что ранее было общим, необходимо государство для защиты прав собственников [25].

Во взглядах жившего спустя более чем тысячу лет средневекового философа Фомы Аквинского собственность описывается двух видов: общая (данная всему человечеству Богом), которая является первоначальной, и раздельная (частная). Раздельная собственность представляется двояко: одновременно проистекая из естественного закона (Фома Аквинский прибегает к древнеримскому термину «право народов»), но в то же время из позитивного права, созданного человеческим разумом для пользы [26].

Фома Аквинский утверждает, что обладание собственностью необходимо для жизни человека, и продолжает идеи Аристотеля, в частности, указывая, что (1) когда каждый человек отвечает за свое имущество, жизнь общества становится более упорядоченной нежели когда все заботятся обо всем сразу; (2) сосуществование людей наиболее мирно там, где вещи разделены между людьми и каждый довольствуется своим [5].

В Новое время проблема собственности получает дальнейшее развитие. Джон Локк считал, что изначально все обладали правом собственности на вещи (на то, что находится вокруг нас) до тех пор, пока конкретный субъект не приложит свой труд к определенной вещи, тем самым обособив, отгородив её от множества других вещей и обособив от совокупности всего, созданного природой [17].

Локк отмечает, что разумные и прилежные люди вправе пользоваться благами, причем для других людей остается такой же доступ к благам поскольку никто не в состоянии для удовлетворения потребностей использовать больше, «чем только незначительную часть всего». И поскольку первые (те, кто уже приложил свой труд к чему-либо и обратил это в свою собственность) не ухудшают положение вторых (для которых блага остаются по-прежнему в достатке), вторые не должны втор-

гаться в сферу первых и нарушать их право собственности [17].

Развитие общества, усложнение общественных отношений и социальной рефлексии вносит новые черты в понимание собственности. Так, в Новейшее время Жан-Жак Руссо, указывал, что люди неравны от природы, а собственность создаёт к этому ещё и имущественное неравенство [22]. Для Руссо очевидно то, что именно трудовая деятельность человека легла в основу собственности поскольку человеку больше нечего внести, кроме своего труда, во что-либо созданное не им [22].

Руссо утверждает о священности права собственности, которое является основой для возникновения гражданского общества [21]. Важность наличия собственности (имущества) у членов общества Руссо видит в том, что люди дорожат своим имуществом, оно не позволяет людям не исполнять законы и свои обязанности [21].

Современник Руссо Иммануил Кант также обращался к проблеме собственности при рассмотрении вопроса о том, как и с помощью чего человек в состоянии сделать внутренним то, что является относительно него внешним, то есть как что-либо может принадлежать человеку [10].

Исследуя вопрос собственности, Кант также касается и вопроса владения. Так, он указывает, что одностороннее заявление человека о принадлежности вещи ему (направленность воли человека на некий объект) и осуществление физического контроля над этой вещью ещё не достаточны для того, чтобы приобрести себе такую вещь. Чтобы внешняя вещь (которая может принадлежать любому) стала внутренней и принадлежала человеку, также необходимо социальное признание заявления человека, уважение его требований и притязаний [14]. При этом Кант идёт дальше и при рассмотрении собственности разграничивает владение эмпирическое (называя его «держанием») и умопостигаемое, интеллектуальное (владение «в чисто правовом отношении») [14].

В качестве необходимого отступления стоит заметить, что наблюдения и теоретические заключения Канта тем интереснее и важнее, что они повлияли на состояние современного правового порядка – выводы Канта в немалой степени сформировали нынешнее понимание правовой проблематики. В таком смысле, как указывает Кант, владение понимается и современным отечественным правовым порядком: к примеру, в одном из судебных актов указывается, что владение (фактическое) представляет собой реальное господство над вещью (физическое отношение лица к вещи), которое состоит из субъективного элемента (воля лица владеть вещью) и объективного (фактическое обладание вещью) [27].

Г.Гегель, который в своих работах достаточно большое внимание уделял категории собственности, рассуждая о праве как таковом, Гегель указывал, что свободная воля является отправной точкой права. Но свобода должна иметь некое выражение вовне, дабы не остаться абстракт-

ной. Поэтому свобода находит отражение в осязаемых (внешних) вещах – «этот первый вид свободы есть тот, который мы узнаем, как собственность» [12].

Таким образом, посредством помещения свободной воли в вещь (распространения собственности на неё), последняя попадает в сферу свободы субъекта и в сферу права вообще (до этого момента вещь – «несвободное, безличное, бесправное» [11]). Кроме того, Гегель указывает на то, что для попадания вещи в сферу человека необходимо владение, которое представляет собой акт вступления в собственность (завладение бесхозной вещью, придание формы какому-либо материалу).

Также Гегель считает, что и сама собственность, как и свобода, имеет выражение вовне: в действительности (реальности) собственность выражается посредством множества лиц, состоящих между собой в обмене и признающих друг друга в качестве собственников [11]. При этом, через указанный обмен между лицами, признающими друг друга собственниками, возникает договор, представляющий собой опосредованную форму собственности [12] (причем не договор с точки зрения гражданского права, а взаимное признание собственниками участников рынка [24]). Именно договору, который возникает посредством обмена, отводится роль элемента, делающего собственность полноценной и совершенной [24], при том как собственность, возникшая путем захвата, является неопределенной и несовершенной [12].

Учение Г.Гегеля не могло не сказаться на взглядах на частную собственность Карла Маркса (в частности, одна из первых его известных работ посвящена критике Гегеля). Так, в Манифесте коммунистической партии, который является совместным трудом Карла Маркса и Фридриха Энгельса, отмечается, что буржуазная частная собственность представляет собой высшее проявление капитализма – способа производства и присвоения продуктов, который основан на эксплуатации одних классов другими классами. Такая собственность создается наёмным трудом и представляет собой капитал, который может увеличиваться лишь посредством создания нового наёмного труда и его последующей эксплуатации [18].

Таким образом, во взглядах Маркса, как Локка и Руссо, трудовая деятельность человека связывается с возникновением собственности. Однако у Маркса акцент делается на накоплении буржуазной собственности (имущества, богатства) посредством труда лиц, эту собственность не получающих, тогда как у Локка и Руссо собственный труд позволяет человеку приобрести имущество в свою собственность.

Вопросы частной собственности исследовались и активно обсуждались отечественными философами, публицистами, мыслителями.

Н.А. Бердяев, на миропонимание которого первоначально немалое влияние оказало творчество К. Маркса, критиковал капиталистов и социалистов за разрушение духовных основ частной соб-

ственности. В частности, он указывал, что социалисты легко отвергают собственность потому, что они уже не могут усмотреть таинственной стороны в трудовой деятельности человека, направленной на природу – в этом смысле они ничем не отличаются от капиталистов, которые отказались от всего святого и занимаются разрушением природы для собственного удобства [7].

По мнению Бердяева, собственность является духовным началом, предполагает одухотворенное отношение человека к материальному миру (природе), тем самым связь лица с имуществом не является только лишь потребительской [7].

И.А. Ильин придерживается схожих с Н.А. Бердяевым идей в том плане, что право собственности основано не на фактическом господстве над объектом, не в его захвате, а на идеальной связи между объектом и его собственником [9]. Ильин не соглашается с западными коллегами, которые утверждают, что собственность имеет искусственное свойство и создана в силу признания её государством, обществом и т.д. Напротив, Ильин указывает, что собственность является естественной и дана человеку от природы, наравне с телом человека и его инстинктами [13].

Таким образом, в приведенных выше взглядах отечественных философов прослеживается «духовное начало» собственности, которым определяется одухотворенная связь человека с внешним ему миром.

Следует отметить, что философские представления о собственности в итоге находили своё отражение в нормативно-правовых актах. К примеру, приведенные выше позиции о «священности» и неприкосновенности собственности прослеживаются в Пятой поправке к Конституции США (указывается о том, что никто не может быть лишен собственности без надлежащей законной процедуры) [4], в Конституции Франции 1793 года указывается на священный и неотъемлемый характер права собственности [3], в законодательстве СССР также содержится упоминание о священности и неприкосновенности собственности (общественной) [2], наконец, ст. 35 Конституции РФ также закрепляет подобную норму о неприкосновенности собственности (невозможность её лишения без решения суда) [1]. Устоявшаяся отечественная доктрина гражданского права исходит из позиции рассмотрения права собственности как права абсолютного (наиболее полного) господства над вещью, что, по нашему мнению, может являться продолжением идеи о священности собственности [16, 23, с. 8–10].

Кроме того, современный отечественный Гражданский кодекс РФ отражает в себя некоторые из приведенных выше философских представлений о собственности. Так, идеи Аристотеля о том, что наличие частной собственности выгодно в силу того, что каждый будет с усердием относиться к своей собственности (а также схожие идеи Фомы Аквинского), прослеживаются в ст. 210 Гражданского кодекса РФ, в соответствии с которой собственник обязан нести бремя содержания своего

имущества. Описываемые Цицероном способы установления собственности, а также представления философов о необходимости приложения труда для возникновения собственности прослеживаются в ст. 218 Гражданского кодекса РФ, в которой перечисляются основания возникновения права собственности.

В завершении следует отметить, что на протяжении тысячелетий проблема собственности занимала умы философов, в лице которых формировалась своеобразная квинтэссенция миропонимания цивилизации. Само по себе многообразие взглядов не позволяет сформировать единственно верное представление о собственности, но это и вряд ли возможно (и нужно). Тем не менее, именно широкая палитра представлений о собственности позволяет сформировать наиболее полное и глубокое представление о ней, используя накопленный багаж знаний не только в научной, но и практической деятельности.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.).
2. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 07.08.1932 «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» // СПС «Консультант Плюс».
3. Конституция Франции 1793 г. Электронный ресурс. URL: <https://clck.ru/39Qj3a> (дата обращения: 13.02.2024).
4. Конституция США. Электронный ресурс. URL: <https://clck.ru/39Qj2s> (дата обращения: 13.02.2024).
5. Аквинский Ф. Сумма теологии. Том VIII. Вопрос 66. Электронный ресурс. URL: <https://clck.ru/39Qize> (дата обращения: 13.02.2024).
6. Аристотель. Политика. Электронный ресурс. URL: https://librebook.me/politika_1/vol2/1 (дата обращения: 02.02.2024).
7. Бердяев Н.А. Философия неравенства. Письмо двенадцатое «О хозяйстве». Электронный ресурс. URL: <https://clck.ru/39QiwW> (дата обращения: 17.02.2024).
8. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Электронный ресурс. URL: <https://clck.ru/39QiqF> (дата обращения: 17.02.2024).
9. Бочкарев С.А. Русские мыслители об антропологическом смысле собственности. Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 60. Электронный ресурс. URL: <https://goo.su/7Q7Hr> (дата обращения: 17.02.2024).
10. Бромли Д.В. Права собственности: Локк, Кант, Пирс и логика волевого прагматизма (перевод с английского Поминовой И.С.). Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. Том 7. Выпуск 2. Электронный ресурс. URL: <https://clck.ru/39QihN> (дата обращения: 17.02.2024).
11. Гегель Г. Политические произведения. М., 1978. С. 101–103.
12. Гегель Г. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 60.
13. Ильин И.А. За национальную Россию. Манифест русского движения. Электронный ресурс. URL: <https://goo.su/565NOcA> (дата обращения: 17.02.2024).
14. Кант И. Сочинения. Метафизика нравов. Академия наук СССР. Институт философии. М., 1965. Электронный ресурс: <https://clck.ru/39QiRZ> (дата обращения: 05.02.2024).
15. Коптев А.В. Princeps et Dominus: к вопросу об эволюции принципата в начале поздней античной эпохи. Электронный ресурс. URL: <https://clck.ru/39QiQ6> (дата обращения: 05.02.2024).
16. Леонова А.А. Эластичность как характеристика права собственности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 12. // СПС «Консультант Плюс».
17. Локк Дж. Два трактата о правлении. Электронный ресурс. URL: <https://clck.ru/39QiLE> (дата обращения: 16.02.2024).
18. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии (1848). Электронный ресурс. URL: <https://clck.ru/39QiHr> (дата доступа: 17.02.2024).
19. Платон. Государство. Электронный ресурс. URL: <https://clck.ru/39QiBA> (дата обращения: 01.02.2024).
20. Руссо Ж.Ж. Об Общественном договоре, или Принципы политического права. Электронный ресурс. URL: <https://clck.ru/39Qi4B> (дата обращения: 10.02.2024).
21. Руссо Ж.Ж. О политической экономии. Электронный ресурс. URL: <https://goo.su/t78Mpd> (дата обращения: 10.02.2024).
22. Руссо Ж.Ж. Рассуждение о происхождении неравенства между людьми. Электронный ресурс. URL: <https://clck.ru/39Qhkc> (дата обращения: 10.02.2024).
23. Рыбалов А.О. Право собственности: комментарий к ст. 209 ГК РФ. М., 2017. 96 с.
24. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 5-е издание. // СПС «Консультант Плюс».
25. Цицерон Марк Туллий. Философские трактаты. Электронный ресурс. URL: <https://clck.ru/39QhUr> (дата обращения: 02.02.2024).
26. Шестовских Н.А. Проблема собственности в трудах Фомы Аквинского // Общество: философия, история, культура. 2020. № 8 (76). Электронный ресурс. URL: <https://clck.ru/39QhfE> (дата обращения: 12.02.2024).
27. Философия. Учебник. Под ред. А.Ф. Зотова, В.В. Миронова, А.В. Разина. 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2004. Электронный ресурс. URL: <https://clck.ru/39QhFD> (дата обращения: 02.02.2024).

28. Право собственности: актуальные проблемы / отв. ред. В.Н. Литовкин, Е.А. Суханов, В.В. Чубаров; Ин-т законод. и сравнит. правоведения. М., Статут, 2008. // СПС «Консультант Плюс».
29. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 14 января 2014 г. по делу № А28–9667/2013 // СПС «Консультант Плюс».

RIGHT OF OWNERSHIP: TRANSFORMATION OF PHILOSOPHICAL VIEWS WITHIN THE PROCESS OF SOCIO-HISTORICAL DEVELOPMENT OF SOCIETY

Antyushin I.S.

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

This article is devoted to the problems of right of ownership. For a better understanding of the modern category of property rights (including those enshrined in the Civil Code of the Russian Federation), the author proposes not to limit to legal material, but also to go beyond it and turn to the approaches and ideas of foreign and Russian famous scientists and philosophers of different periods (from Antiquity to Modern times) to right of ownership. Views regarding the origin of right of ownership, the separation of private ownership from common (joint) ownership, human impact on the material world (application of labour to it) as a condition for the occurrence of the right of ownership are considered. Views are given about the sacred and inviolable nature of property, about the spiritual connection between a person and his right of ownership. Finally, to support of the thesis that immersion in philosophical material will allow to better understand the content of the modern category of right of ownership, the examples of the embodiment of philosophical ideas in legal acts, including in modern domestic civil legislation, are given.

Keywords: right of ownership, philosophy of law, possession, right of private ownership, right of common ownership, freedom.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020).
2. Resolution of the Central Executive Committee of the USSR, Council of People's Commissars of the USSR dated 08/07/1932 "On the protection of the property of state enterprises, collective farms and cooperation and the strengthening of public (socialist) property" // SPS "Consultant Plus".
3. The French Constitution of 1793. Electronic resource. URL: <https://clck.ru/39Qj3a> (access date: 02/13/2024).
4. US Constitution. Electronic resource. URL: <https://clck.ru/39Q-j2s> (access date: 02/13/2024).
5. Aquinas F. Summa Theologiae. Volume VIII. Question 66. Electronic resource. URL: <https://clck.ru/39Qize> (access date: 02/13/2024).
6. Aristotle. Policy. Electronic resource. URL: https://librebook.me/politika_1/vol2/1 (access date: 02/02/2024).
7. Berdyaev N.A. Philosophy of inequality. Letter twelfth "On farming." Electronic resource. URL: <https://clck.ru/39QiwW> (access date: 02/17/2024).
8. Berdyaev N.A. About slavery and human freedom. Electronic resource. URL: <https://clck.ru/39QiqF> (access date: 02/17/2024).
9. Bochkarev S.A. Russian thinkers on the anthropological meaning of property. News of the Russian State Pedagogical University named after. A.I. Herzen. 2008. No. 60. Electronic resource. URL: <https://goo.su/7Q7Hr> (access date: 02/17/2024).
10. Bromley D.W. Property rights: Locke, Kant, Peirce and the logic of volitional pragmatism (translation from English by Pominoва I.S.). Scientific research of the Faculty of Economics. Electronic journal. Volume 7. Issue 2. Electronic resource. URL: <https://clck.ru/39QihN> (access date: 02/17/2024).
11. Hegel G. Political works. M., 1978. S. 101–103.
12. Hegel G. Philosophy of Law. M.: Mysl, 1990. P. 60.
13. Ilyin I.A. For national Russia. Manifesto of the Russian movement. Electronic resource. URL: <https://goo.su/565NOcA> (access date: 02/17/2024).
14. Kant I. Works. Metaphysics of morals. Academy of Sciences of the USSR. Institute of Philosophy. M., 1965. P. 155–170. Electronic resource: 14. <https://clck.ru/39QirZ> (access date: 02/05/2024).
15. Koptev A.V. Princeps et Dominus: on the question of the evolution of the principate at the beginning of the late antique era. Electronic resource. URL: <https://clck.ru/39Qiq6> (access date: 02/05/2024).
16. Leonova A.A. Elasticity as a characteristic of property rights // Bulletin of economic justice of the Russian Federation. 2022. No. 12. // SPS "Consultant Plus".
17. Locke J. Two treatises on government. Electronic resource. URL: <https://clck.ru/39Qile> (access date: 02/16/2024).
18. Marx K., Engels F. Manifesto of the Communist Party (1848). Electronic resource. URL: <https://clck.ru/39Qihp> (access date: 02/17/2024).
19. Plato. State. Electronic resource. URL: <https://clck.ru/39Qiba> (access date: 02/01/2024).
20. Rousseau J.J. On the Social Contract, or Principles of Political Law. Electronic resource. URL: <https://clck.ru/39Qia4B> (access date: 02/10/2024).
21. Rousseau J.J. About political economy. Electronic resource. URL: 22. <https://goo.su/t78Mpd> (access date: 02/10/2024).
22. Rousseau J.J. Reasoning about the origin of inequality between people. Electronic resource. URL: <https://clck.ru/39Qhkc> (access date: 02/10/2024).
23. Rybalov A.O. Property rights: commentary to Art. 209 of the Civil Code of the Russian Federation. M.: Logos 2017. 96 p.
24. Sklovsky K.I. Property in civil law. 5th edition. // SPS "Consultant Plus".
25. Cicero Marcus Tullius. Philosophical treatises. Electronic resource. URL: <https://clck.ru/39Qhur> (date of access: 02/02/2024).
26. Shestovskikh N.A. The problem of property in the works of Thomas Aquinas // Society: philosophy, history, culture. 2020. No. 8 (76). Electronic resource. URL: <https://clck.ru/39Qhfe> (access date: 02/12/2024).
27. Philosophy. Textbook. Ed. A.F. Zotova, V.V. Mironova, A.B. Razin. 2nd ed., revised. and additional – M., 2004. Electronic resource. URL: <https://clck.ru/39Qhfd> (date of access: 02/02/2024).
28. Property rights: current problems / resp. ed. V.N. Litovkin, E.A. Sukhanov, V.V. Chubarov. M.: Statute, 2008. // SPS "Consultant Plus".
29. Resolution of the Second Arbitration Court of Appeal dated January 14, 2014 in case No. A28–9667/2013. // SPS "Consultant Plus".

Злоупотребление правом на распоряжение общим имуществом супругов с позиции правового положения субъекта правоотношений

Базунов Игорь Валерьевич,

аспирант второго года обучения, кафедра гражданского права, Тверской государственной университет,
E-mail: Comrade.Bazunov@yandex.ru

Целью работы выступает анализ взаимосвязи между правовым положением субъекта правоотношений и злоупотреблением корпоративными правами в период брака с целью нарушения законных прав другого супруга. Автором исследуется правовое положение субъекта, являющегося учредителем общества с ограниченной ответственностью и осуществляющего функции единоличного исполнительного органа общества в период брака. В результате было установлено, что делегирование единоличному исполнительному органу общества ряда полномочий, широкий объем правомочий участника общества в отношении распоряжения своей долей, а также наличие общего интереса участников в отношении сохранения корпоративного контроля над обществом, позволяют субъекту правоотношений осуществлять действия, которые могут быть расценены, как злоупотребление правом распоряжения общим имуществом супругов.

Ключевые слова: злоупотребление правом, доля в капитале коммерческой организации, общее имущество супругов, правовое положение, общество с ограниченной ответственностью.

Пункт 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации [1], а также п. 3 ст. 1 и п. 3 ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации [2] (далее – ГК РФ) устанавливают принцип недопустимости реализации права с целью нарушения прав и свобод других лиц, иначе называемый принципом недопустимости злоупотребления правом. На наш взгляд, актуальным примером злоупотребления правом выступает использование участником общества с ограниченной ответственностью (далее – ООО), осуществляющего функции единоличного исполнительного органа общества, своих правомочий в части распоряжения приобретённой в браке долей в капитале ООО с целью уменьшения общего имущества супругов, а также ограничения прав другого супруга на вступление в состав участников общества. Данный пример представляет большой интерес по нескольким причинам. Правовое положение субъекта, являющегося участником ООО и осуществляющего функции единоличного исполнительного органа общества в период брака, до настоящего времени не было должным образом освещено. Вместе с тем, крайне спорным остаётся вопрос соотношения норм семейного и гражданского права при определении порядка распоряжения приобретённой в браке долей в капитале хозяйствующего субъекта. Реализация участником общества своих прав по распоряжению долей в период брака может оцениваться двояко, так как доля является не только частью чистых активов общества, но и общим имуществом супругов. На основании этого, мы предполагаем, что реализация прав участника по распоряжению долей может являться непротиворечивой с точки зрения норм Семейного кодекса (далее – СК РФ) [3]. С целью проверки данного предположения, в данной статье будет проведён анализ взаимосвязи между правовым положением субъекта правоотношений и злоупотреблением корпоративными правами в период брака с целью нарушения законных прав другого супруга.

В первую очередь мы бы хотели обратить внимание на соотношение категорий «правовой статус» и «правовое положение». Матузов Н.И. указывает на их тождественность: «Понятия «правовой статус» и «правовое положение» личности равнозначны. Во всяком случае, законодательство, юридическая практика, печать, а также международные акты о правах человека не проводят между ними какого-либо различия, а употребляют в одном и том же смысле»¹ [4]. Похожей позиции при-

¹ Матузов Н. И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник для студентов высших учебных заведений, обучаю-

держивается Воеводин Л.Д.: «В юридической науке, как правило, отождествляются понятия правового положения и правового статуса личности» [5]. Обобщая данную позицию, Бутов С.В. и Лысенко С.Г. указывают на то, что разделение данных понятий усложняет юридическую терминологию¹ [6]. Тем не менее ряд правоведов придерживаются другой точки зрения, рассматривая категории «правовое положение» и «правовой статус», как общее и частное. Так, Витрук Н.В. отмечает, что правовое положение личности является более широкой и обобщающей категорией, которая включает: «все элементы закреплённого в праве состояния личности...»² [7]. Тем не менее, правовой статус им рассматривается, как центральный и наиболее важный элемент правового положения личности. Протасов В.Н. также разделяет понятия «правовое положение» и «правовой статус», отмечая, что правовое положение субъекта правоотношений: «...определяется как его правовым статусом, так и совокупностью конкретных правовых связей, в которых он состоит»³ [8]. Подобная идея предлагалась и Лукашевой Е.А., которая ограничивала понятие «правовой статус» категориями прав и обязанностей⁴ [9]. Прочие элементы, включаемые рядом автором в понятие правового статуса, она предлагает рассматривать, как часть правового положения, которое содержит в себе и сам правовой статус. По нашему мнению, наиболее важным аспектом оценки правового положения учредителя ООО, осуществляющего функции единоличного исполнительного органа общества в период брака, является анализ присущих ему прав и обязанностей, составляющих, как было отмечено Лукашевой Е.А. и Витруком Н.В., его правовой статус. Таким образом, мы предлагаем оценивать правовое положение личности с точки зрения её правового статуса и составляющих его элементов, принимая также во внимание наличие прочих структурных элементов, выходящих за пределы понятия «правовой статус».

Вопрос о структурном составе правового статуса является дискуссионным. Так, Матузов Н.И. придерживается широкой трактовки правового статуса, включая в него права и обязанности, законные интересы, правосубъектность, гражданство, юридическую ответственность, и прочее⁵. Тем не менее такой подход не является единственным. Васильев А.М. считал необходимым выделить главный элемент структуры правового положения. Таким элементом он считал систему «признанных государством прав, свобод и обязанностей», состав-

щихся по направлению и специальности «Юриспруденция». М., 2007. – 91 с

¹ Бутов С.В., Лысенко С.Г. О соотношении понятий «правовой статус» и «правовое положение» как самостоятельных юридических категорий. 2022. С. 8

² Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М., 2008. С. 10

³ Протасов В.Н. Теория государства и права. М., 1999. С. 181

⁴ Лукашева Е.А. Права человека. М., 2015. С. 57

⁵ Там же, С. 93

ляющую основу правового положения личности и определяющуюся, как правовой статус⁶ [10]. Похожего мнения придерживаются Крамской И.С., Лысенко В.А. и Рязанова Н.А.: «вполне достаточно говорить о совокупности прав и обязанностей личности при характеристике ее правового статуса, т.к. все иные, дополнительные его элементы, выделяемые в теории, все равно в конечном итоге формируются на базе правовых норм, а значит, их сущность все равно сводится к набору каких-либо прав и обязанностей...» [11]. Витрук Н.В., включает в структуру правового статуса также законные интересы на том основании, что они дополняют систему прав, свобод и обязанностей и подлежат защите со стороны государства⁷.

В результате мы пришли к выводу, что рассмотрение правового положения субъекта с точки зрения его прав, обязанностей и законных интересов представляется целесообразным, так как указанные элементы являются наиболее важными составляющими правового положения личности. Поскольку целью исследования выступает изучение взаимосвязи между правовым положением субъекта, являющегося учредителем ООО и осуществляющего функции единоличного исполнительного органа общества в период брака, и злоупотреблением правом на распоряжение совместно нажитым имуществом супругов, мы считаем необходимым уделить особое внимание анализу объёма прав на распоряжение долей, присущих данному субъекту, а также связанных с ними законных интересов.

В первую очередь необходимо рассмотреть права супругов на распоряжение их общим имуществом. Порядок распоряжения общим имуществом супругов определяется режимом собственности: законным или договорным. Законный режим имущества супругов является режимом их совместной собственности. Супруги имеют право владеть, пользоваться и распоряжаться совместно нажитым имуществом. Ст. 36 СК РФ устанавливает, что данные права могут осуществляться только по обоюдному согласию. Согласие другого супруга на сделки с общим имуществом предполагается. Вместе с тем, для осуществления сделок, подлежащих государственной регистрации, а также сделок, для которых законом установлена обязательная нотариальная форма, требуется получить нотариально удостоверенное согласие другого супруга. П. 3 ст. 34 СК РФ устанавливает, что право распоряжаться совместно нажитым имуществом также принадлежит супругу, который не имел в период брака самостоятельного дохода.

Имущественные права супругов в части распоряжения совместно нажитым имуществом распространяются также на приобретённую в период брака долю в капитале коммерческой организации.

⁶ Васильев А.М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. С. 98

⁷ Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М., 2008. С. 14

Тем не менее в случае приобретения доли в капитале ООО, только один из супругов получает право членства, на основании которого он вступает в состав участников общества. В дальнейшем он будет рассматриваться, как титульный владелец доли на основании записи в Едином государственном реестре юридических лиц. Соответственно, при покупке доли одним из супругов в период брака, другой супруг будет рассматриваться участниками общества не как совладелец доли, а как третье лицо, что ставит его в более уязвимое положение и дает супругу-участнику преимущество в части распоряжения долей в капитале общества.

Супруг-участник получает ряд прав, связанных с участием в деятельности общества. Перечень прав и обязанностей участников ООО приведён в ст. 65.2 ГК РФ, а также ст. 8 и 9 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – ФЗ «Об ООО» [12]). Мы бы хотели выделить наиболее важные из них. Участник общества вправе: участвовать в управлении делами общества; получать информацию о деятельности общества; принимать участие в распределении прибыли; продавать или отчуждать свою долю в пользу общества или участников общества; выйти из общества путем отчуждения своей доли обществу; обжаловать решения общества, а также оспаривать совершенные обществом сделки. Участник ООО обязан: участвовать в принятии наиболее важных решений, связанных с продолжением деятельности общества; не причинять обществу вред посредством совершения действий (или бездействия), препятствующих достижению целей общества. Права и обязанности участников могут быть ограничены или же расширены посредством внесения в устав общества дополнительных положений. Изменения в уставе должны быть утверждены на общем собрании участников, где данный вопрос выносится на голосование и принимается тем или иным количеством голосов. Особенность правового положения участника общества заключается в том, что объём его правомочий зависит от размера доли. Контроль за деятельность общества осуществляется посредством голосования на общем собрании участников по тем или иным вопросам. Если уставом не установлено иное, один процент доли в уставном капитале общества будет равен одному голосу. Таким образом размер доли участника является определяющим фактором при осуществлении управления делами общества.

В дополнение к вышесказанному, участник общества может выполнять функции единоличного исполнительного органа, выступая в качестве генерального директора, президента и т.д. Иерархически единоличный исполнительный орган подчинен высшему органу общества (общему собранию участников или единственному участнику). Он не имеет каких-либо самостоятельных прав, но получает от высшего органа ряд правомочий для исполнения решений общего собрания участников или единственного участника, а также осуществления оперативного руководства. Его пол-

номочия устанавливаются Федеральным законом «Об обществах с ограниченной ответственностью», а также уставом общества. Согласно ст. 40 ФЗ «Об ООО», единоличный исполнительный орган общества вправе: действовать от имени общества без доверенности; выдавать доверенности от имени общества; издавать приказы о назначении, увольнении и переводе работников. Прочие полномочия устанавливаются уставом общества. Помимо прочего, статус единоличного исполнительного органа позволяет в значительной мере контролировать деятельность общества, в том числе заключать сделки, ведущие к увеличению или уменьшению капитала.

Представленный анализ позволяет нам подробнее рассмотреть правовое положение лица, являющегося учредителем ООО и осуществляющего функции единоличного исполнительного органа общества в период брака. Как уже было сказано, в случае приобретения доли в период брака, правоотношения возникают между учредителями общества и тем супругом, на которого была зарегистрирована доля. Именно этот супруг получает права участника общества. В случае его назначения генеральным директором происходит делегирование части прав высшего органа общества к единоличному исполнительному органу. Важным является факт того, что, как участник общества, такой субъект не будет иметь полный контроль над принятием тех или иных решений, так как количество его голосов пропорционально доле, а значит он не может реализовывать свои права в части управления обществом в полном объёме без согласия других участников общества. Основной обязанностью генерального директора является реализация решений высшего органа общества. Исходя из этого, участник общества, осуществляющий функции единоличного исполнительного органа, имеет частичный контроль над принятием решений, а также полный над их реализацией.

В связи с тем, что директор-участник не может принимать решения единолично, необходимо более подробно рассмотреть порядок принятия решений общим собранием участников с точки зрения наличия у участников общего интереса, продиктованного целью деятельности общества. Как было отмечено Конституционным судом Российской Федерации в определении от 03.07.2014 N 1564-О, объединение участников в рамках общества несёт в себе как материальные, так и личностные элементы [13]. Делегирование полномочий при назначении генерального директора, как и принятие нового участника в общество, основано на взаимном доверии и экономическом самоопределении участников. Согласно ст. 50 ГК РФ, основной целью деятельности коммерческих организаций является извлечение прибыли. В соответствии с этим, получение дивидендов, посредством распределения чистой прибыли, а также сохранение корпоративного контроля за деятельностью общества для обеспечения планомерного расширения его деятельности и увеличения получаемых благ мож-

но рассматривать в качестве законных интересов участников общества. Особенности нормативно-правового регулирования обществ с ограниченной ответственностью предоставляют участникам общества широкий выбор при решении множества вопросов, касательно организационного устройства общества, установлении внутренних правил и процедур. Данная свобода действий позволяет участникам принимать решения для защиты своих интересов. Поскольку другой супруг выступает по отношению к обществу как третье лицо, появляются основания предположить, что в случае возникновения конфликта интересов между супругами по поводу распоряжения приобретённой в браке долей, участники общества займут сторону именно супруга-участника, что продиктовано необходимостью защиты их собственных интересов в отношении сохранения корпоративного контроля. Отдельным аргументом в пользу верности данного предположения является положение п. 4 ст. 65.2 ГК РФ. Так, участники не могут принимать решения, препятствующие достижению целей общества. В случае возникновения конфликта интересов общества и третьих лиц данное положение может трактоваться участниками двояко, что также влияет на принимаемые общим собранием участников решения.

Как мы видим, правовое положение субъекта, являющегося учредителем общества с ограниченной ответственностью и осуществляющего функции единоличного исполнительного органа общества в период брака, позволяет реализовывать в отношении доли как имущественные права супруга, так и корпоративные права участника общества. Такой большой объём правомочий позволяет предположить, что ряд корпоративных действий, осуществляемых супругом-участником в отношении приобретённой в браке доли, может идти вразрез принципу недопустимости злоупотребления правом. Немаловажную роль играет также наличие общего интереса участников по сохранению корпоративного контроля над обществом, что влияет на принятие решений в случае возникновения спорной ситуации.

Данные рассуждения можно развить на примере Постановления Десятого арбитражного апелляционного суда от 01.08.2016 N 10АП-9084/2016 [14] по делу N А41-9800/16. Гражданин А.Н. являлся генеральным директором и владельцем 50% доли в ООО «Х». Доля считалась совместно нажитым имуществом. 10 октября 2015 года гражданин А.Н. без письменного согласия супруги, гражданки Т.Н., инициировал отчуждение всей своей доли в пользу общества. Стоит отметить, что заявление о выходе из состава участников общества было подано им на своё же имя, в силу занимаемой им должности генерального директора, а общее собрание участников по данному вопросу состоялось в тот же день. Из кассы общества гражданином А.Н. была получена действительная стоимость доли. 23 ноября 2015 года брак между сторонами спора был расторгнут. Гражданка Т.Н. на основании предпо-

лагаемого нарушения положений п. 2 ст. 35 СК РФ подала иск о признании данной сделки недействительной. Основным доводом гражданки Т.Н. стало исключительное намерение бывшего супруга «лишить ее права собственности на причитающуюся ей половину доли в уставном капитале общества, то есть причинить ей вред» на том основании, что сделка по отчуждению доли была совершена во время бракоразводного процесса, но до раздела совместного имущества. Суд первой инстанции с этим согласился, сославшись на п. 2 ст. 35 СК РФ, а также ст. 10 ГК РФ, признав, таким образом, действия гражданина А.Н. неправомерными, а сделку недействительной. Десятый арбитражный апелляционный суд решение первой инстанции отменил на основании п. 2 ст. 93 ГК РФ и п. 2 ст. 21 ФЗ «Об ООО», которые устанавливают право участника общества на отчуждение своей доли в пользу самого общества или третьих лиц, если это не запрещено уставом. Право на оспаривание такой сделки имеют только участники общества и само общество. Согласно постановлению апелляционного суда, ст. 34 СК РФ, где приводится перечень совместно нажитого имущества, а также ст. 35 СК РФ, где пунктом 3 устанавливается необходимость получения нотариально удостоверенного согласия супруга на осуществление ряда сделок с общим имуществом, не регулируют порядок отчуждения долей в обществах с ограниченной ответственностью. В итоге за гражданкой Т.Н. было признано право на половину действительной стоимости доли, но не на оспаривание решений общего собрания участников.

Данный пример иллюстрирует возможность безусловной, с точки зрения норм СК РФ, реализации прав участника и полномочий единоличного исполнительного органа общества. Мы можем видеть явный конфликт интересов участников и гражданки Т.Н. В данном случае участники общества приняли решения исходя из общего интереса по сохранению корпоративного контроля. Способ реализации права, а также факт отчуждения доли менее чем за две недели до даты развода вызывает вопрос о соответствии действий гражданина А.Н. принципу недопустимости злоупотребления правом. Правовое положение гражданина А.Н. позволило подписать заявление о выходе из состава участников по факту его составления, а также провести общее собрание участников в тот же самый день. Несмотря на то, что положения ФЗ «Об ООО» не обязывают участника утверждать одностороннюю сделку по отчуждению своей доли на общем собрании участников, гражданин А.Н. инициировал данную процедуру. Таким образом, гражданин А.Н. воспользовался своим правовым положением для отчуждения общей собственности супругов, посредством осуществления односторонней сделки и создания ситуации, когда данная сделка не может быть оспорена, как другим супругом, так и прочими участниками.

В результате проведённого анализа, можно выделить ряд особенностей правового положения

лица, являющегося учредителем общества с ограниченной ответственностью и осуществляющего функции единоличного исполнительного органа общества в период брака, которые позволяют реализовывать корпоративные права участника в нарушение законных прав другого супруга:

- наличие большого объёма прав и полномочий в отношении распоряжения долей;
- возможность расширения прав и полномочий, посредством увеличения размера доли или внесения изменений в устав общества;
- возможность реализовывать в отношении доли не только имущественные права участника, но и супруга.
- наличие у участников общества общих интересов в отношении сохранения корпоративного контроля над обществом, как фактор, влияющий на коллективное принятие решений;

На наш взгляд, проблема злоупотребления корпоративными правами с целью уменьшения общего имущества супругов, а также ограничения прав другого супруга на вступление в состав участников общества, является крайне серьёзной. Для её решения требуются системные усилия по совершенствованию законодательства и изучению категории злоупотребления правом.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.]. – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.10.2023)
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. – 05.12.1994. – № 32. – ст. 3301.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. – 01.01.1996. – № 1. – Ст. 16.
4. Теория государства и права: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальности «Юриспруденция» / Н.И. Матузов, А.В. Малько; Саратовский филиал ин-та государства и права Российской акад. наук. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Москва: Юристъ, 2007. – С. 91
5. Юридический статус личности в России: Учеб. пособие / Л.Д. Воеводин. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1997.
6. Бутов С. В., Лысенков С.Г. О соотношении понятий «правовой статус» и «правовое положение» как самостоятельных юридических категорий // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 4 (35). С. 6–11.
7. Общая теория правового положения личности / Н.В. Витрук; Российская акад. правосудия. – Москва: Норма, 2008.

8. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства: Вопр. и ответы: [Для студентов юрид. вузов] / В.Н. Протасов. – Москва: Новый Юрист, 1999.
9. Права человека [Текст]: учебник / [Васильева Т.А. и др.]; отв. ред. Е.А. Лукашева; Ин-т государства и права РАН. – 3-е изд., перераб. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2015.
10. Васильев А.М. Правовые категории [Текст]: Методол. аспекты разработки системы категорий теории права. – Москва: Юрид. лит., 1976.
11. Крамской И.С., Лысенко В.А., Рязанова Н.А. Теоретико-правовые основы понятия и структуры правового статуса личности // Социально-гуманитарные знания, 2014.
12. Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 02.10.2023).
13. Определение Конституционного Суда РФ от 03.07.2014 N 1564-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Соловьевой Татьяны Алексеевны на нарушение ее конституционных прав положением пункта 2 статьи 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»// [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 28.10.2023).
14. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 01.08.2016 N 10АП-9084/2016 по делу N А41–9800/16// [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 23.10.2023).

ABUSE OF THE RIGHT TO DISPOSAL OF SPOUSE'S COMMON PROPERTY IN THE CONTEXT OF THE SUBJECT LEGAL STATUS

Bazunov I.V.

Tver State University

The purpose of the work is to analyze the interrelation between the subject legal status and the abuse of corporate rights during marriage in order to violate the legal rights of the other spouse. The author examines the legal status of the subject that is the founder of a limited liability company and performs the functions of the single executive body of the company during the period of marriage. As a result, it was established that the delegation of powers to the single executive body of the company, the wide scope of powers of a company participant in relation to the disposal of his shares, as well as the presence of a common interest of participants in maintaining corporate control over the company, allow the subject of legal relations to carry out actions that can be regarded as an abuse of the right to dispose of the spouse's common property.

Keywords: abuse of right, share in the capital of a commercial organization, common property of spouses, legal status, limited liability company.

References

1. Constitution of the Russian Federation: [adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020]. – Text: electronic // Official Internet portal of legal information. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of access: 10/23/2023)

2. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on August 3, 2018) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 05.12.1994. – No. 32. – art. 3301.
3. Family Code of the Russian Federation dated December 29, 1995 No. 223-FZ (as amended on August 3, 2018) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 01/01/1996. – No. 1. – Art. 16.
4. Theory of State and Law: a textbook for students of higher educational institutions studying in the direction and specialty “Jurisprudence” / N.I. Matuzov, A.V. Malko; Saratov branch of the Institute of State and Law of the Russian Acad. Sci. – Ed. 2nd, revised and additional – Moscow: Yurist, 2007. – P. 91
5. Legal status of the individual in Russia: Textbook. allowance / L.D. Voevodin. – Moscow: Publishing house Moscow. University, 1997.
6. Butov S.V., Lysenkov S.G. On the relationship between the concepts of “legal status” and “legal status” as independent legal categories // Legal order: history, theory, practice. 2022. No. 4 (35). pp. 6–11.
7. General theory of the legal status of the individual / N.V. Vitruk; Russian academician justice. – Moscow: Norma, 2008.
8. Theory of law and state. Problems of the theory of law and state: Question. and answers: [For law students. universities] / V.N. Protasov. – Moscow: New Lawyer, 1999.
9. Human rights [Text]: textbook / [Vasilieva T.A. et al.]; resp. ed. E.A. Lukasheva; Institute of State and Law RAS. – 3rd ed., revised. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2015.
10. Vasiliev A.M. Legal categories [Text]: Methodology. aspects of developing a system of categories of legal theory. – Moscow: Legal. lit., 1976.
11. Kramskoy I.S., Lysenko V.A., Ryazanova N.A. Theoretical and legal foundations of the concept and structure of the legal status of an individual // Social and humanitarian knowledge, 2014.
12. Federal Law of 02/08/1998 N 14-FZ (as amended on 06/13/2023) “On Limited Liability Companies” // [Electronic resource] – Access mode. – URL: <http://base.consultant.ru/> (Date of access: 10/02/2023).
13. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 07/03/2014 N 1564-O “On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Tatyana Alekseevna Solovyeva about the violation of her constitutional rights by the provision of paragraph 2 of Article 21 of the Federal Law “On Limited Liability Companies” // [Electronic resource] – Access mode – URL: <http://base.consultant.ru/> (Date of access: 10/28/2023).
14. Resolution of the Tenth Arbitration Court of Appeal dated August 1, 2016 No. 10AP-9084/2016 in case No. A41–9800/16 // [Electronic resource] – Access mode. – URL: <http://base.consultant.ru/> (Date of access: 10/23/2023).

Нормативное регулирование статуса криптовалюты в контексте процедуры банкротства

Банний Денис Сергеевич,

студент магистратуры, кафедры предпринимательского и корпоративного права, МГЮА им. О.Е. Кутафина
E-mail: dejkal909@gmail.com

В статье рассматриваются основные положения законодательства, которые регулируют статус криптовалюты в контексте процедуры банкротства. Автор анализирует разные подходы к пониманию статуса криптовалюты и ее роли в процессе банкротства. При написании статьи автор пришел к выводу, что неограниченное создание криптовалюты должником во время процедуры банкротства может привести к нарушению имущественных прав не только кредиторов, но также и самих должников. В целом же указанная ситуация негативно сказывается на интересах публичного порядка. В качестве решения этой проблемы предлагается установить необходимость получения согласия от собрания (комитета) кредиторов для выпуска должником криптовалюты, если хотя бы одна процедура банкротства была начата в отношении его. Кроме того, автор считает необходимым законодательно закрепить необходимость согласования объема создаваемой криптовалюты с собранием (комитетом) кредиторов.

Ключевые слова: криптовалюта, банкротство, майнинг, собрание (комитет) кредиторов, цифровая валюта, цифровой финансовый актив.

Криптовалюта лишь недавно обратила на себя внимание законодателя. По российскому законодательству для целей банкротства она признаётся имуществом [1]. Такой же статус криптовалюта имеет и во многих других странах (например, Израиль [2, с. 145], Казахстан [3], Польша [4], Норвегия [5, с. 368] и др.). Есть и другие воззрения на криптовалюту. Например, в Японии криптовалюта имеет статус валюты [6, с. 346]. В пространстве ЕС она является платёжным средством [7]. На Кубе криптовалюта признаётся виртуальным активом (цифровым представлением стоимости) [8].

Итак, законодательством России и многих других стран криптовалюта признаётся имуществом.

Соответственно, цифровую валюту можно включить в конкурсную массу (ст. 131 Закона о банкротстве). Однако цифровая валюта может быть создана самим должником в результате майнинга. Майнинг определяется учёными как способ получения новых блоков (монет) криптовалюты посредством выполнения компьютером криптографических, математических и других видов вычислений [9, с. 75; 10, с. 93]. Отсутствие правового регулирования майнинга [11, с. 136] приводит к тому, что практически любое физическое или юридическое лицо способно заниматься данным видом деятельности и производить свою цифровую валюту. На данный момент не существует законодательного запрета обращения взыскания на криптовалюту, если та создана должником. Будут ли созданные должником криптовалюты подходить для расчётов с кредиторами в рамках банкротства? Как верно полагает Т.П. Шишмарёва, вряд ли такая криптовалюта способна удовлетворить требования кредиторов в рамках конкурсного производства [12, с. 136]. И этот вывод подтверждается практикой. Так, цифровая валюта «FTX token» не входила в конкурсную массу при банкротстве компании «FTX» [13].

Рынок криптовалюты, как отмечают многие учёные, крайне нестабилен [14, с. 60; 15, с. 1940]. Это вызвано тем, что у криптовалюты нет своей самостоятельной ценности [16, с. 81], поскольку последняя определяется во многом деловой репутацией создателя [11, с. 136]. Ценность цифровой валюты должника начинает особенно стремительно снижаться после начала процедуры банкротства. Так, курс криптовалюты «FTX» упал более чем в 20 раз за несколько дней после подачи компанией заявления о банкротстве [17, с. 9]. Если во время процедуры банкротства должник произведёт дополнительный выпуск криптовалюты, то это снизит и без того резко снижающийся курс криптоактивов.

В период процедуры банкротства может возникнуть ситуация массового выпуска цифровой валюты организацией с целью удовлетворения интересов кредиторов. Это возможно в силу того, что многие криптовалюты не имеют предельного объема выпуска и их можно выпускать в огромных масштабах (например, Ethereum, Peercoin) [18, с. 136].

Массовый выпуск криптовалюты приведёт к резкому снижению цены криптовалюты, что в свою очередь приведёт к существенному нарушению прав держателей криптоактивов, имущественные интересы которых пока не защищены со стороны законодателя. Помимо этого, пострадают интересы кредиторов, поскольку вряд ли дополнительное производство криптовалюты банкротящимся должником сможет удовлетворить имущественные интересы кредиторов. Ничем не ограниченный выпуск криптовалюты во время процедуры банкротства также может значительно увеличить задолженность должника (поскольку для создания криптовалюты требуются дорогостоящие комплектующие [19, с. 65–67], большие расходы на электроэнергию [20, с. 1663]). Так, в ходе банкротства птицефабрики «Гордеец» арбитражный управляющий организовал на территории организации «майнинговые фермы», в результате чего задолженность должника по договору поставки электроэнергии увеличилась на 118542 481 рублей [21].

Итак, выпуск организацией своей криптовалютой во время процедуры банкротства потенциально опасен для кредиторов, должников и всего общества в целом, что обуславливает введение определённых правовых ограничений.

Для решения данной проблемы предлагаю предусмотреть необходимость получения согласия собрания (комитета) кредиторов на выпуск должником криптовалюты, если в отношении него введена хотя бы одна из процедур банкротства. Также следует предусмотреть в законе необходимость согласования объёма выпуска криптовалюты с собранием (комитетом) кредиторов. Это поможет предотвратить увеличение числа держателей «токсичных» криптовалют, стабилизировать курс криптовалюты должника, обеспечить стабильность криптовалютного рынка в целом.

Литература

1. Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 N 259-ФЗ // СПС «Консультант-Плюс», дата обращения: 01.04.2023.
2. Сушкова, О.В. Правовое регулирование интеллектуальной собственности и инновационной деятельности. Сборник статей участников научно-методологического семинара. – М.: Проспект, 2018. – 256 с.
3. Гражданского кодекса Республики Казахстан (Общая часть), принят Верховным Советом Республики Казахстан 27 декабря 1994 года // СПС «Параграф-Юрист», дата обращения: 26.03.2023
4. Постановление Высшего Административного суда Польши II FSK 488/16. – Текст: электронный // Сайт Высшего административного суда Польши: [сайт]. – URL: <https://www.nsa.gov.pl> (дата обращения: 27.03.2023)
5. Budner, Piotr Zjawisko kryptowalut w prawie polskim / Piotr Budner. – Текст: непосредственный // MŁODY JURYSTA. – 2021. – № 1. – P. 28–38.
6. Блажеев, В.В. Цифровое право / В.В. Блажеев, М.А. Егорова. – Москва: Проспект, 2020. – 640 с.
7. Цинделиани, И.А. Труды кафедры финансового права Российского государственного университета правосудия. Сборник научных трудов / И.А. Цинделиани. – М.: Проспект, 2020. – 416 с.
8. Judgment of the Court // EUR-Lex URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62014CJ0264> (дата обращения: 22.07.2023).
9. Resolución 215 de 2021 de Banco Central de Cuba // Gazeta oficial de la República de Cuba URL: <https://www.gacetaoficial.gob.cu/sites/default/files/goc-2021-ex73.pdf> (дата обращения: 22.07.2023).
10. Ершова, И. В., Трофимова Е.В. . Майнинг и предпринимательская деятельность: в поисках соотношения / И.В. Ершова, Е.В. Трофимова. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 6. – С. 73–82.
11. Шишмарёва, Т.П. Криптовалюта в составе конкурсной массы несостоятельного должника / Т.П. Шишмарёва. – Текст: непосредственный // Вестник МГЮА им. О.Е. Кутафина. – 2020. – № 4. – С. 37–43.
12. FTX has recovered \$5 billion worth of 'liquid' assets, lawyers say. – Текст: электронный // CNBC.com: [сайт]. – URL: <https://www.cnbc.com/2023/01/11/ftx-has-recovered-5-billion-worth-of-liquid-assets-lawyers-say-bankman-fried-crypto.html> (дата обращения: 29.03.2023).
13. Ушакова, Н.Е. Криптовалюта и ее влияние на мировую экономику на примере Bitcoin / Н.Е. Ушакова. – Текст: непосредственный // Вопросы управления. – 2019. – № 1. – С. 57–64
14. Левашенко, А.Д. Криптоэкономика / А.Д. Левашенко, И.С. Ермохин, А.В. Зубарев и др. – Москва: Издательский дом «Дело», 2019. – 60 с.
15. McDermott, Megan The crypto quandary: is bankruptcy ready? / Megan McDermott. – Текст: непосредственный // North-Western University law review. – 2021. – № 6, P. 1921–1954
16. Егорова, М. А., Кожевина О.В. Место криптовалюты в системе объектов гражданских прав – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 1. – С. 81–91.

17. Conlona Thomas The collapse of the FTX Exchange: The end of cryptocurrency's age of innocence / Thomas Conlona, Shaen Corbetb, Yang Hu. – Текст: непосредственный // North-Western University law review. – 2022. – P. 1–15.
18. Ситник, А.А. Правовое регулирование финансового контроля и надзора в сфере денежного обращения в Российской Федерации: специальность 12.00.04 «финансовое право; налоговое право; бюджетное право»: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Ситник А.А.; Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – Москва, 2020. – 506 с. – Текст: непосредственный.
19. Санникова, Л.В. Легализация криптовалюты в России: проблемы и перспективы / Л.В. Санникова, А.И. Пещеров. – Текст: непосредственный // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2018. – № 9. – С. 64–74.
20. Dindar, B., & Gül, Ö.. The detection of illicit cryptocurrency mining farms with innovative approaches for the prevention of electricity theft. – Текст: непосредственный // Energy & Environment. – 2022. – № 33. – P. 1663–1678.
21. Постановление АС Северо-Западного округа А44–9065/2017 от 01.03.2023. – Текст: электронный // Картотека арбитражных дел: [сайт]. – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/eb8a5293-b63e-4e60-972b-d38d05dfeadf/53d0a1a0-ee31-4b5a-9324-c9725396aafb/A44-9065-2017_20230301_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 01.04.2023).

REGULATORY REGULATION OF THE STATUS OF CRYPTOCURRENCY IN THE CONTEXT OF BANKRUPTCY PROCEEDINGS

Banny D.S.

Moscow State Law Academy named after. O.E. Kutafin

The article discusses the main provisions of the legislation that regulate the status of cryptocurrency in the context of bankruptcy proceedings. The author analyzes different approaches to understanding the status of cryptocurrency and its role in the bankruptcy process. When writing the article, the author came to the conclusion that the unlimited creation of cryptocurrency by the debtor during the bankruptcy procedure can lead to a violation of the property rights of not only creditors, but also the debtors themselves. In general, this situation negatively affects the interests of public order. As a solution to this problem, it is proposed to establish the need to obtain consent from a meeting (committee) of creditors for the debtor to issue cryptocurrency if at least one bankruptcy procedure has been initiated against him. In addition, the author considers it necessary to legislate the need to coordinate the volume of the created cryptocurrency with the meeting (committee) of creditors.

Keywords: cryptocurrency, bankruptcy, mining, meeting (committee) of creditors, digital currency, digital financial assets.

References

1. Federal Law “On digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation” dated 07/31/2020 N 259-FZ // SPS “Consultant-Plus”, access date: 04/01/2023.
2. Sushkova, O.V. Legal regulation of intellectual property and innovation activity. Collection of articles by participants of the

- scientific and methodological seminar. – M.: Prospekt, 2018. – 256 p.
3. Civil Code of the Republic of Kazakhstan (General Part), adopted by the Supreme Council of the Republic of Kazakhstan on December 27, 1994 // ATP “Paragraph-Lawyer”, access date: 03/26/2023
4. Resolution of the Supreme Administrative Court of Poland II FSK 488/16. – Text: electronic // Website of the Supreme Administrative Court of Poland: [website]. – URL: <https://www.nsa.gov.pl> (access date: 03/27/2023)
5. Budner, Piotr Zjawisko kryptowalut w prawie polskim / Piotr Budner. – Text: direct // MŁODY JURYSTA. – 2021. – No. 1. – P. 28–38.
6. Blazheev, V.V. Digital law / V.V. Blazheev, M.A. Egorova. – Moscow: Prospekt, 2020. – 640 p.
7. Tsindeliani, I.A. Proceedings of the Department of Financial Law of the Russian State University of Justice. Collection of scientific works / I.A. Tsindeliani. – M.: Prospekt, 2020. – 416 p.
8. Judgment of the Court // EUR-Lex URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62014CJ0264> (access date: 07/22/2023).
9. Resolución 215 de 2021 de Banco Central de Cuba // Gazeta oficial de la República de Cuba URL: <https://www.gacetaoficial.gob.cu/sites/default/files/goc-2021-ex73.pdf> (date of access: 07/22/2023).
10. Ershova, I. V., Trofimova E.V. Mining and entrepreneurial activity: in search of a relationship / I.V. Ershova, E.V. Trofimova. – Text: direct // Current problems of Russian law. – 2019. – No. 6. – P. 73–82.
11. Shishmareva, T.P. Cryptocurrency as part of the bankruptcy estate of an insolvent debtor / T.P. Shishmareva. – Text: direct // Bulletin of Moscow State Law Academy named after. O.E. Kutafina. – 2020. – No. 4. – P. 37–43.
12. FTX has recovered \$5 billion worth of ‘liquid’ assets, lawyers say. – Text: electronic // CNBC.com: [website]. – URL: <https://www.cnbc.com/2023/01/11/ftx-has-recovered-5-billion-worth-of-liquid-assets-lawyers-say-bankman-fried-crypto.html> (date access: 03/29/2023).
13. Ushakova, N.E. Cryptocurrency and its impact on the global economy using the example of Bitcoin / N.E. Ushakova. – Text: direct // Management issues. – 2019. – No. 1. – P. 57–64
14. Levashenko, A.D. Cryptoeconomics / A.D. Levashenko, I.S. Ermokhin, A.V. Zubarev and others – Moscow: Delo Publishing House, 2019. – 60 p.
15. McDermott, Megan The crypto quandary: is bankruptcy ready? / Megan McDermott. – Text: direct // North-Western University law review. – 2021. – No. 6, P. 1921–1954
16. Egorova, M. A., Kozhevina O.V. The place of cryptocurrency in the system of objects of civil rights – Text: immediate // Current problems of Russian law. – 2020. – No. 1. – P. 81–91.
17. Conlona Thomas The collapse of the FTX Exchange: The end of cryptocurrency's age of innocence / Thomas Conlona, Shaen Corbetb, Yang Hu. – Text: direct // North-Western University law review. – 2022. – P. 1–15.
18. Sitnik, A.A. Legal regulation of financial control and supervision in the field of monetary circulation in the Russian Federation: specialty 12.00.04 “financial law; tax law; Budget Law”: dissertation for the degree of Doctor of Law / Sitnik A.A.; Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (MSAL). – Moscow, 2020. – 506 p. – Text: direct.
19. Sannikova, L.V. Legalization of cryptocurrency in Russia: problems and prospects / L.V. Sannikova, A.I. Pescherov. – Text: direct // Property relations in the Russian Federation. – 2018. – No. 9. – P. 64–74.
20. Dindar, B., & Gül, Ö.. The detection of illicit cryptocurrency mining farms with innovative approaches for the prevention of electricity theft. – Text: direct // Energy & Environment. – 2022. – No. 33. – P. 1663–1678.
21. Resolution of the AC of the North-Western District А44–9065/2017 dated 03/01/2023. – Text: electronic // Card file of arbitration cases: [website]. – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/eb8a5293-b63e-4e60-972b-d38d05dfeadf/53d0a1a0-ee31-4b5a-9324-c9725396aafb/A44-9065-2017_20230301_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (date access: 04/01/2023).

Признание безвестно отсутствующим и объявление умершим, осложненные иностранным элементом, в Российской Федерации

Блинова Юлия Викторовна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры гражданского права, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

E-mail: jblinova@yandex.ru

Признание гражданина безвестно отсутствующим и объявление гражданина умершим, осложненные иностранным элементом, в Российской Федерации осуществляются по российскому праву, что свидетельствует о процессуальном характере данных институтов. Для обращения в суд о признании безвестно отсутствующими иностранных граждан или лиц без гражданства, а равно объявления их умершими, заявители должны иметь юридический интерес, а государство – юрисдикционный интерес. Целью рассматриваемых институтов является устранение правовой неопределенности в различных правоотношениях, в которых участвовал гражданин. В вопросах признания безвестно отсутствующим и объявления умершим в Российской Федерации, осложненных иностранным элементом, следует выделять две ситуации: а) в отношении российского гражданина, постоянно проживающего за границей; б) в отношении иностранного гражданина или лица без гражданства, постоянно проживающего в Российской Федерации. Важными доказательствами по делам данной категории с осложнением иностранным элементом являются, в частности, пересечение лицом государственной границы Российской Федерации (въезд, выезд), снятие с регистрационного учета в Российской Федерации по месту жительства в Российской Федерации и пр.

Ключевые слова: признание гражданина безвестно отсутствующим, объявление гражданина умершим, иностранный элемент, юрисдикционный интерес, юридический интерес, устранение правовой неопределенности

Как следует из Обзора судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2022 году, подготовленного Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации (далее – РФ), в структуре оконченных производством дел за отчетный период дела особого производства достигли 7% (206,8 тыс. дел), что на 6,2% больше, чем в 2021 году (194,6 тыс. дел). При этом внутри данного количества дела о признании гражданина безвестно отсутствующим или об объявлении гражданина умершим составили 0,2% (6 тыс. дел), что на 100 дел меньше, чем в предыдущем году. Вместе с тем, думается, в свете текущей международной повестки названная категория дел обладает потенциалом к росту, в связи с чем изучение условий, оснований признания лица безвестно отсутствующим и объявления его умершим, осложненные иностранным элементом, в Российской Федерации, а также особенностей доказывания по таким делам представляются актуальными.

Институты признания гражданина безвестно отсутствующим (ст. 42–44 ГК РФ) и объявления гражданина умершим (ст. 45, 46 ГК РФ) появились в отечественном гражданском законодательстве как мера упорядочения отношений, ставших неопределенными и неясными вследствие исчезновения физического лица [1, с. 130; 2, с. 14; 3, с. 135]. С убедительной наглядностью о них пишет выдающийся отечественный международник М.И. Брун: «Бывает, что человек исчезает без вести. При каких бытовых условиях, здесь не место описывать... Человек пропал без вести; он может быть и живет где-нибудь, – но где, никто не знает; может быть, он уже умер, но и этого никто не знает; а между тем, выбывая из состава гражданского общества без такого, скажем, торжественного акта, как смерть, он оставляет других людей, быть может, связанных с ним в семейственном или имущественном отношении. Рано или поздно, так или иначе, но эту связь надо разорвать; нельзя же ждать века, все в надежде, что получится свидетельство о смерти исчезнувшего» [4, с. 4–5]. Не останавливаясь подробно на демаркации институтов, отметим, что в качестве общего признака следует обратить внимание на факт применения институтов сегодня только судом, а отличительным признаком среди прочего выступают разные презумпции, лежащие в их основании (жизни или смерти) [1, с. 130–131].

Вместе с тем, в контексте рассмотрения отношений международного характера как смысловой нагрузки настоящей статьи небезынтересно сделать небольшую ретроспективную отсылку к ин-

ституту признания гражданина безвестно отсутствующим: дореволюционное право России в качестве исключения допускало признание безвестно отсутствующим лица, пребывавшего за границей более 5 лет, даже если место нахождения и существование последнего были доподлинно известны [5, с. 26]. Сказанное позволяет умозаключить, что: во-первых, пребывание за пределами государственной территории свыше определенного срока вызывало презумпцию отсутствия в живых (дома все споро, а вчуже житье хуже); во-вторых, с текущей перспективой, особые случаи применения названного института ранее и сейчас свидетельствуют, скорее, о презумпции жизни безвестно отсутствующего лица; в-третьих, сравнивая исключения в рамках института признания безвестно отсутствующего лица с днем сегодняшним, можно говорить о смещении акцента в презумпции с иностранного элемента на социальный (защита прав детей) (ст. 2 федерального закона «О внесении изменений в статью 278 Гражданского процессуального кодекса РФ и федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 7 марта 2018 г. № 48-ФЗ).

В случае необходимости признания безвестно отсутствующим или объявлении умершим лица и наличии в деле иностранного элемента, суд вначале должен решить коллизионный вопрос о применимом праве, поскольку национальное законодательство по данному вопросу разных стран не отличается единообразием. К решению указанной коллизионной проблемы, по мнению О.В. Воробьевой, существует два принципиально разных подхода: применение права страны суда (*lex fori*) или личного закона лица (*lex patriae, lex domicilii*), признаваемого безвестно отсутствующим или объявляемого умершим, в то время, когда оно по последним данным было в живых [6]. В РФ, как показано ниже, используется первый подход.

Отход от закона суда мог бы происходить в силу нормы международного договора, однако российское коллизионное законодательство развивается гармонично с международным. Беглый обзор международных договоров с участием РФ демонстрирует их трафаретность: соглашения одновременно устанавливают компетенцию учреждения юстиции государства-подписанта и применимое право, последнее в любом случае представляет «законодательство своего государства» (п. 4 ст. 25 Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Венгерской Народной Республикой об оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам от 15 июля 1958 г.). Типовые договоры заключены в 1992–1995 годах между РФ и Азербайджанской Республикой, Киргизской Республикой, Латвийской Республикой, Литовской Республикой, Республикой Молдова, Эстонской Республикой.

В подавляющем большинстве случаев, включая данный вопрос, вследствие применения российскими судами отечественных коллизионных норм признание физического лица безвестно отсутствующим и объявление физиче-

ского лица умершим подчиняется российскому праву (ст. 1200 Гражданского кодекса РФ (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (в ред. от 24.07.2023)). Цитируемая коллизионная норма облечена в форму односторонней, отсылающей по сути к закону суда, что видится неслучайным, поскольку регулируемые отношения с отраслевой точки зрения имеют характер процессуальных, о чем без обиняков говорит высшая судебная инстанция (Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11 ноября 2014 г. № 15-КГ14–8). В юридической литературе, однако, можно встретить и компромиссное мнение, согласно которому институт признания гражданина безвестно отсутствующим имеет комплексный характер [7, с. 176]. По словам комментаторов, «закон суда применяется как к основаниям, так и к порядку и последствиям признания физического лица безвестно отсутствующим или объявления физического лица умершим» [8].

Примечательно, что на заре развития международного частного права М. Вольф утверждал, что «все континентальные системы придерживаются взгляда, что этот вопрос (презумпция смерти – прим. автора) относится к области материального права, между тем как английское право, по-видимому, рассматривает его как процессуальный вопрос. Поэтому английские суды, а также и американские будут применять исключительно право суда» [9, с. 304–305]. Приведенная цитата в очередной раз подчеркивает дискуссионность правовой природы коллизионной нормы, с одной стороны; для российского законодателя в этом вопросе императивность и процессуальный характер наличие; с другой стороны, законодательство РФ, хотя и стремится к отраслевому пуризму, но таковым в полной мере пока не может похвастаться.

Положения статьи 1200 ГК РФ поддерживаются нормой процессуального закона: согласно пункту 3 части 2 статьи 403 Гражданского процессуального кодекса РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 24.06.2023) к исключительной подсудности российских судов относятся дела особого производства, если лицо, в отношении которого подается заявление о признании безвестно отсутствующим или об объявлении умершим, является российским гражданином либо имело последнее известное место жительства в РФ и при этом от разрешения данного вопроса зависит установление прав и обязанностей граждан, имеющих место жительства в РФ, организаций, имеющих место нахождения в РФ. Другими словами, на территории РФ любое физическое лицо может быть признано безвестно отсутствующим или объявлено умершим, однако для иностранных граждан и лиц без гражданства обязательным условием выступает наличие последнего места жительства в РФ (юрисдикционный интерес). Вторым обязательным условием является наличие юридического интереса физических лиц (граждан РФ, иностранных граждан, лиц без гражданства), проживающих в РФ, или юридических лиц, находящихся в РФ [12, с. 156; 13].

Надо заметить, что зарубежный законодатель вопросы признания лица (включая иностранного гражданина и лица без гражданства) безвестно отсутствующим и объявление лица умершим также относит к исключительной компетенции национальных судов, что может привести к конфликту юрисдикций в отсутствие международного договора. При этом условия, при наличии которых презумпция жизни или смерти может быть установлена судом в отношении иностранного гражданина или лица без гражданства, в большинстве своем совпадают: наличие постоянного места жительства в стране в последний момент (абз. 1 § 12 Закона ФРГ «О безвестном отсутствии» / Verschollenheitsgesetz vom 04.07.1939 (zuletzt geändert am 31.08.2015)); наличие законного интереса у государства (абз. 2 § 12 Закона ФРГ «О безвестном отсутствии»; абз. 3 § 12 Австрийского закона «Об объявлении умершим» / Todeserklärungsgesetz von 1950 (zuletzt geändert 2003)); наличие имущества в стране (абз. 2 § 12 Австрийского закона «Об объявлении умершим»); заявитель – гражданин Австрии или постоянно проживает в Австрии (абз. 4 § 12 Австрийского закона «Об объявлении умершим»).

По общему мнению, целью объявления гражданина умершим является устранение правовой неопределенности в семейных, гражданских, жилищных и иных правоотношениях, в которых участвовал гражданин [12, с. 6; 3, с. 137]. Важно учитывать, что участниками данных правоотношений могут выступать физические лица, не зависимо от их гражданства. К иным правоотношениям с неопределенностью, распространяющимся исключительно на граждан, можно, в частности, отнести конституционные (подп. «ж» ч. 1 ст. 4 федерального закона «О статусе сенатора РФ и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания РФ» от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ (в ред. от 31.07.2023); подп. 10 п. 1 ст. 14 Закона «О статусе судей в РФ» от 26 июня 1992 г. № 3132-1 (в ред. от 10.07.2023)), служебные (ч. 3 ст. 39 федерального закона «О государственной гражданской службе РФ» от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (в ред. от 24.07.2023)); в то же время трудовые (п. 6 ч. 1 ст. 83 Трудового кодекса РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ (в ред. от 04.08.2023)), включая добровольческие, корпоративные (п. 1 ст. 76, п. 4 ст. 106.5 Гражданского кодекса РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 24.07.2023); п. 1 ст. 21 федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ (в ред. от 13.06.2023) и др.), а также правоотношения в сфере интеллектуальной деятельности (ст.ст. 1281, 1283, 1340, 1363 Гражданского кодекса РФ (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (в ред. от 13.06.2023)) доступны иностранным гражданам и лицам без гражданства. При этом заинтересованными лицами выступают лица, для которых решение суда по такому заявлению является правовым основанием (предпо-

сылкой) возникновения их собственных прав [13, с. 91–92; 14, с. 14–15; 15, с. 236].

Соответственно, рассматривая вопросы признания безвестно отсутствующим и объявления умершим в РФ, осложненные иностранным элементом, следует выделять две ситуации: 1) в отношении российского гражданина, постоянно проживающего за границей; 2) в отношении иностранного гражданина или лица без гражданства, постоянно проживающего в РФ.

Как уже было отмечено ранее, для обращения с заявлением в суд лица, находящиеся в РФ, должны иметь юридический интерес. Судебная практика демонстрирует единообразие целей признания гражданина безвестно отсутствующим или объявления гражданина умершим независимо от наличия иностранного элемента. Из проанализированного судебного материала следует, что по делам о признании гражданина безвестно отсутствующим целями могут быть заключение договора о доверительном управлении имуществом, назначение пособия малолетним/несовершеннолетним по случаю потери кормильца, оформление постоянной опеки над несовершеннолетним, освобождение от уплаты имущественного налога (решение Железнодорожного районного суда (далее – РС) г. Барнаула от 26 августа 2021 г. по делу № 2–2623/2021; решение Центрального РС г. Хабаровска от 28 февраля 2020 г. по делу № 2–142/2020; решение Ленинского РС г. Барнаула от 27 августа 2018 г. по делу № 2–1640/18; решение Василеостровского РС г. Санкт-Петербурга от 17 августа 2021 г.; решение Невского РС г. Санкт-Петербурга от 11 октября 2021 г. по делу № 2–6886/2021, от 11 апреля 2019 г. по делу № 2–2122/2019), а по делам об объявлении гражданина умершим – оформление права на наследство, распоряжение имуществом, находящимся в общей собственности, снятие лица с регистрационного учета (Решение Индустриального РС г. Барнаула от 2 мая 2023 г. по делу № 2–2256/2023; решение Василеостровского РС г. Санкт-Петербурга от 4 апреля 2023 г. по делу № 2–658/23, от 23 апреля 2018 г. по делу № 2–1342/18; решение Центрального РС г. Новосибирска от 18 февраля 2016 г. по делу № 21/2016).

Во всех представленных случаях заявителями выступали физические лица, являющиеся гражданами РФ и/или проживающие на территории РФ иностранные граждане. Но отечественный процессуальный закон, повторим, не исключает из заявителей юридические лица, что особенно важно по делам данной категории с осложнением иностранным элементом: в отсутствие (близких) родственников (отношения родства и свойства) в иностранном государстве организации также должны иметь возможность прервать неопределенные отношения, что отчетливо прописано в статье 403 ГПК РФ, потому нельзя согласиться с неустойчивой судебной практикой, где заявителям-организациям суд отказывал в наличии у них юридического интереса [13, с. 93].

В то же время доказательства, приводимые заявителями в обоснование своих требований, имеют как общие черты, так и особенности. К доказательствам, не обладающим спецификой и потому не учитывающим наличие иностранного элемента, можно отнести: а) обращение в органы внутренних дел, управление по вопросам миграции за сведениями о нахождении лица в розыске, привлечении лица к уголовной, административной ответственности; б) обращение в отдел судебных приставов за сведениями о привлечении к гражданской ответственности (исполнительный розыск); в) обращение в органы записи актов гражданского состояния за сведениями о перемене лицом фамилии, имени, отчества и/или о смерти лица; г) обращение в налоговую службу, страховые фонды, центр занятости населения, банки за сведениями о трудовой или иной экономической деятельности (предприниматель, самозанятый), наличии дохода и отчислений в соответствии с действующим законодательством; д) обращение в медицинские организации (поликлиника по последнему месту жительства, психиатрическая, наркологическая больница, женская консультация, центр охраны материнства и детства и пр.), фонд медицинского страхования за сведениями об обращении лица за медицинской услугой и медицинской помощью; е) обращение к поставщикам сотовой связи за сведениями о пользовании лицом услугами сотовой связи; ж) обращение в военный комиссариат за сведениями о состоянии на воинском учете (граждане РФ, иностранные граждане, проходящие военную службу по контракту); з) обращение в Госавтоинспекцию, Росреестр, комитет имущественных отношений и пр. за сведениями о наличии у лица имущества и/или разрешения на пользование таким имуществом; и) обращение в иные органы и организации за сведениями согласно их компетенции и сферы деятельности (Министерство РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, бюро регистрации несчастных случаев и пр.); к) изучение социальных сетей и пользование поисковыми Интернет-ресурсами (базы данных о пропавших без вести).

Кроме того, с точки зрения обоснования юридического интереса заявителя, справедливой по рассматриваемой категории дел безотносительно участия иностранного элемента видится точно подмеченная Е.А. Останиной закономерность: чем более обстоятельства пропажи гражданина отстоят во времени от момента обращения в суд заинтересованного лица, тем менее очевиден интерес последнего, хотя в российском законодательстве и отсутствует указание на предельный срок предъявления требования об объявлении гражданина умершим – автор приводит пример обращения в суд для объявления пропавшего без вести лица умершим через 100 (!) лет [16, с. 27].

Наконец, наличествующая активность суда по собиранию доказательств, по мнению ряда ученых, «не согласуется с состязательным процессом,

однако оправданна применительно к данной категории дел тем, что решением суда затрагиваются существенные права и законные интересы отсутствующего гражданина, процессуальное право которого на участие в судебном разбирательстве в силу специфики данных дел не может быть реализовано» [17, с. 365; 12, с. 22, 24].

Напротив, ряд доказательств по делам о признании лица безвестно отсутствующим и объявлении лица умершим, осложненных иностранным элементом, характеризуются определенной спецификой: а) обращение в органы внутренних дел РФ за сведениями о факте пересечения лицом государственной границы РФ (въезд, выезд), снятии с регистрационного учета в РФ по месту жительства в РФ, получении иностранным гражданином (лицом без гражданства) российского гражданства, регистрации по месту жительства, замене иностранного паспорта; б) обращение в Министерство иностранных дел РФ, посольство и консульства РФ на территории иностранного государства за сведениями о гражданине (проживание за границей); в) обращение в аналогичные органы и организации иностранного государства (полиция, Министерство иностранных дел и пр.).

Необходимо иметь в виду, что если иностранный гражданин или лицо без гражданства незаконно находятся на территории РФ, то закономерным последствием незаконного пребывания такого лица на указанной территории является невозможность установить правовые связи с территорией этого государства, что проявляется в негативном юрисдикционном интересе государства, а применительно к рассматриваемому вопросу – в невозможности для заинтересованных лиц обратиться в суд государства своего гражданства или места жительства для признания иностранного гражданина или лица без гражданства безвестно отсутствующим или объявления иностранного гражданина или лица без гражданства умершим. В частности, по одному из дел российский суд применил презумпцию нахождения иностранного гражданина по месту постоянного жительства за пределами РФ, поскольку он был депортирован за пределы территории РФ (нарушение правил въезда), не имел в России постоянного места жительства, «в силу чего имеются основания полагать, что он находится по месту постоянного жительства в Киргизии» (Решение Первомайского РС г. Новосибирска от 22 августа 2017 г. по делу № 2–1077/2017). Представляется, что приведенная презумпция носит интернациональный характер, если только государства не связаны международным договором, предусматривающим, в частности, свободное движение лиц, услуг, капиталов и не требующим выполнения таможенных, миграционных формальностей (например, Договор о функционировании Европейского союза 1957 г.).

Существенное значение в рамках рассматриваемой темы имеет также факт снятия с регистрационного учета, поскольку он окончательно прерывает хозяйственную, бытовую связь лица с соответствующим государством, и, хотя это не пре-

кращение гражданства, но это прекращение всех экономических связей: в отсутствие места жительства и места регистрации невозможно устроиться на работу или зарегистрироваться как индивидуальный предприниматель или самозанятый и пр.

Резюмируя сказанное, следует отметить, что в РФ признание безвестно отсутствующим и объявление умершим, осложненное иностранным элементом, осуществляется по российскому праву, при наличии юрисдикционного интереса со стороны государства и юридического интереса со стороны заявителя, в целях устранения правовой неопределенности в различных отношениях. Важными доказательствами по делам данной категории с осложнением иностранным элементом являются, в частности, пересечение лицом государственной границы РФ (въезд, выезд), снятие с регистрационного учета в РФ по месту жительства в РФ и пр.; при этом юридические последствия пересечение государственной границы РФ влечет только при условии законного въезда и выезда.

Литература

1. Белов В.А. Гражданское право. В 4 т. Т. II. Общая часть в 2 книгах. Книга 1. Лица, блага: учебник для академического бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2016. 453 с.
2. Ананьев А.Г., Филаткина А.А. Институт безвестного отсутствия в ряде иностранных законодательств // *Universum: Экономика и юриспруденция: электронный научный журнал*. 2020. № 6 (71). С. 11–15.
3. Меньшиков А.В., Моисеенко М.И., Илло Д.А. Институт признания гражданина безвестно отсутствующим и объявление человека умершим в гражданском законодательстве Российской Федерации // *Право и управление*. 2023. № 1. С. 134–138.
4. Брун М.И. Коллизии разноместных законов о безвестном отсутствии. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1914. 30 с.
5. Цыбизова Н.А. Безвестное отсутствие гражданина по российскому гражданскому праву: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 170 с.
6. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей (постатейный). Под ред. Т.Е. Абовой, М.М. Богуславского, А.Г. Светланова // СПС «КонсультантПлюс».
7. Маркова Н.А. Признание безвестного отсутствия и объявление гражданина умершим: проблема коллизии частно-правовых и публично-правовых интересов // *Вестник экономической безопасности*. 2018. № 2. С. 173–180.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации. Международное частное право. Постатейный комментарий к разделу VI (под ред. П.В. Крашенинникова). М.: Статут, 2014 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Вольф М. Международное частное право / под ред. и с предисл. проф. Л.А. Лунца. М.: Гос. изд-во иностр. лит., 1948. 703 с.

10. Комментарий к разделу VI «Международное частное право» части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. И.С. Зыкин, А.В. Асосков, А.Н. Жильцов. М.: Статут, 2021. 665 с.
11. Гришаев С.П. Постатейный комментарий к Части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (по состоянию на 1 апреля 2018 года) // СПС «КонсультантПлюс».
12. Портянкина С.П. Судопроизводство по делам о признании гражданина безвестно отсутствующим или об объявлении гражданина умершим: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 34 с.
13. Закаряева М.М. Заинтересованные лица в делах о признании гражданина безвестно отсутствующим и объявлении умершим // *Актуальные проблемы российского права*. 2018. № 7 (92). С. 90–99.
14. Михеева Л.Ю. Безвестное отсутствие должника // *Российская юстиция*. 2001. № 5. С. 14–15.
15. Шайдуллина А.Н. Некоторые проблемы правового регулирования института безвестного отсутствия в российском праве // *Вестник экономики, права и социологии*. 2011. № 4. С. 234–237.
16. Останина Е.А. Объявление гражданина умершим: сравнительно-правовое исследование // *Вестник Челябинского государственного университета*. Серия: Право. 2023. Т. 8. Вып. 2. С. 23–28.
17. Гражданское процессуальное право: учебник / С.А. Алехина, В.В. Блажеев и др.; под ред. М.С. Шакарян. М.: ТК Велби, Проспект, 2004. 584 с.

RECOGNITION AS MISSING AND DECLARATION AS DECEASED, COMPLICATED BY A FOREIGN ELEMENT, IN THE RUSSIAN FEDERATION

Blinova Yu.V.
Altai State University

The recognizing a citizen as missing and the declaring a citizen as dead, complicated by a foreign element, in the Russian Federation are carried out according to the Russian law, which indicates the procedural nature of these institutions. To apply to the court to recognize foreign citizens or stateless persons as missing, as well as to declare them dead, the applicants must have a legal interest, and the state must have a jurisdictional interest. The purpose of the institutions under consideration is to eliminate legal uncertainty in various legal relations in which a citizen participated. In matters of recognizing as missing and declaring dead in the Russian Federation, complicated by a foreign element, we should distinguish two situations: a) in relation to a Russian citizen permanently residing abroad; b) in relation to a foreign citizen or stateless person permanently residing in the Russian Federation. Important evidence in cases of this category complicated by a foreign element is, in particular, the person's crossing of the state border of the Russian Federation (entry, exit), deregistration in the Russian Federation at the place of residence in the Russian Federation, etc.

Keywords: recognizing a citizen as missing, declaring a citizen as dead, foreign element, jurisdictional interest, legal interest, elimination of legal uncertainty.

References

1. Belov V.A. Civil Law. In 4 Vol. T. II. General Part in 2 Books. Book 1. Persons, Benefits: A Textbook for Academic Bachelor's and Master's Degrees. M.: Yurayt, 2016. 453 p.

2. Ananyev A.G., Filatkina A.A. Institute of Unknown Absence in a Number of Foreign Legislation // *Universum: Economics and Jurisprudence: Electronic Scientific Journal*. 2020. No. 6 (71). P. 11–15.
3. Menshikov A.V., Moiseenko M.I., Illo D.A. The Institute of Recognizing a Citizen as Missing and Declaring a Person Dead in the Civil Legislation of the Russian Federation // *Law and Management*. 2023. No. 1. P. 134–138.
4. Brun M.I. Collisions of Different Local Laws on Unknown Absence. M.: Printing House of G. Lissner and D. Sobko, 1914. 30 p.
5. Tsybizova N.A. Unknown Absence of a Citizen under Russian Civil Law: Diss. ... Cand. Legal Sciences. M., 2018. 170 p.
6. Commentary on the Civil Code of the Russian Federation, Part Three (Article-by-Article). Ed. T.E. Abova, M.M. Boguslavsky, A.G. Svetlanov // SPS «ConsultantPlus».
7. Markova N.A. Recognizing a Citizen as Missing and Declaring a Citizen Dead: The Problem of Conflict of Private and Public Law Interests // *Bulletin of Economic Security*. 2018. No. 2. P. 173–180.
8. Civil Code of the Russian Federation. International Private Law. Article-by-Article Commentary to Section VI (Edited by P.V. Krasheninnikov). M.: Statute, 2014 // SPS «Consultant-Plus».
9. Wolf M. International Private Law / Ed. and with a Preface by prof. L.A. Lunts. M.: State Foreign Publishing House lit., 1948. 703 p.
10. Commentary on Section VI «Private International Law» of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation (Article-by-Article) / Rep. Ed. I.S. Zykin, A.V. Asoskov, A.N. Zhiltsov. M.: Statute, 2021. 665 p.
11. Grishaev S.P. Article-by-Article Commentary to Part Three of the Civil Code of the Russian Federation (as of April 1, 2018) // SPS «ConsultantPlus».
12. Portyankina S.P. Legal Proceedings in Cases of Recognizing a Citizen as Missing or Declaring a Citizen Dead: Abstract of the Diss. ... Cand. Legal Sciences. M., 2009. 34 p.
13. Zakaryaeva M.M. Interested Party in Cases of Recognizing a Citizen as Missing and Declaring him Dead // *Current problems of Russian law*. 2018. No. 7 (92). P. 90–99.
14. Mikheeva L. Yu. Missing of a Debtor // *Russian Justice*. 2001. No. 5. P. 14–15.
15. Shaydullina A.N. Some Problems of Legal Regulation of the Institution of Unknown Absence in the Russian Law // *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2011. No. 4. P. 234–237.
16. Ostanina E.A. Declaring a Citizen Dead: Comparative Legal Research // *Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series: Law*. 2023. T. 8. Issue 2. P. 23–28.
17. Civil Procedural Law: A Textbook / S.A. Alyokhina, V.V. Blazheev and others; Edited by M.S. Shakaryan. M.: TK Velby, Prospekt, 2004. 584 p.

Процедура внесудебного банкротства для индивидуального предпринимателя: актуальные вопросы теории и практики

Братухина Екатерина Вячеславовна,

доцент кафедры гражданского и семейного права, Волго-Вятского института (филиала) ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», доцент кафедры юридических дисциплин Кировского института (филиала) АНО ВО «Московский гуманитарно-экономический университет», кандидат педагогических наук
E-mail: Bratykhina-pravo@mail.ru

Функционирование и правовое регулирование процедур индивидуального и корпоративного банкротства (в том числе упрощенного) является относительно новым, в связи с чем возникают сопутствующие проблемы, обусловленные недостаточной проработанностью нормативно-правовой базы, регулирующей данную сферу общественных отношений. Действенным способом повышения эффективности работы институтов несостоятельности является более активное использование упрощенной процедуры банкротства. В этой процедуре стадия наблюдения, стадия финансового оздоровления и стадия внешнего управления не применяются, а этапы процедуры несостоятельности определяются сразу. В целом упрощенная процедура несостоятельности направлена на поддержание финансовой стабильности общества и защиту прав и свобод граждан. Однако, поскольку в данной области права существует ряд проблем, принципы правового регулирования процедур несостоятельности нуждаются в дальнейшей разработке.

Ключевые слова: банкротство индивидуального предпринимателя, упрощенная процедура банкротства, банкротство физических лиц, последствия банкротства.

Банкротство – это процедура законной ликвидации долгов при отсутствии перспектив их погашения. Если должник получает достаточный высокий доход и имеет в наличии имущество, но не намерен погашать задолженность, то оснований для банкротства нет¹.

Возникновение тяжелого материального положения в результате болезни или инвалидности приводит к тому, что у физического лица, в том числе индивидуального предпринимателя, накапливается значительный долг. Одним из выходов из этой ситуации является возбуждение дела о банкротстве. Процедура банкротства является одним из законных на сегодняшний день оснований решения проблемы невозможности выплаты долга кредиторам. Однако уже на стадии подачи заявления о признании банкротства в арбитражный суд должник сталкивается с рядом значительных проблем, начиная от подготовки необходимого пакета документов с целью представления заявления о банкротстве в суд и заканчивая оплатой услуг финансового управляющего, что налагает дополнительное финансовое бремя на и так находящееся в безденежной ситуации лицо.

Так, в ст. 213.4 Федерального закона РФ от 26.01.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)² (далее – Закон о банкротстве) закреплена перечень документов, которые должник должен подготовить. Данный перечень документов должен быть оформлен специальным образом в отведенные законодательством сроки. Невыполнение этих требований приведет к тому, что заявление должника не будет рассмотрено в срок, что приведет к задержке открытия производства по делу о банкротстве. Кроме того, как уже и было отмечено большинство должников не имеют средств для оплаты услуг специалиста, который помог бы им правильно подготовить и представить необходимые документы³. Предложенное законодателем решение данной проблемы отразилось в принятии Федерального закона от 31.07.2020 г. № 289-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»⁴.

¹ Зайцева Ю.А. Внесудебное банкротство гражданина: некоторые проблемы правоприменения // Механизмы банкротства и их роль в обеспечении благосостояния человека: монография. – М.: Юстицинформ, 2022. 312 с.

² Федеральный закон РФ от 26.01.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС КонсультантПлюс.

³ Вронская М.В. Актуальные проблемы института банкротства граждан в российском законодательстве // Юридические исследования. – 2017. – № 11. – С. 20–27.

⁴ Федеральный закон от 31.07.2020 N 289-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС КонсультантПлюс.

Указанные изменения и дополнения, внесенные в Закон о банкротстве, вступили в силу с 1 сентября 2020 года и ввели в практику упрощенный порядок банкротства для индивидуальных предпринимателей – внесудебную процедуру, что на практике должно способствовать значительному упрощению процедуры признания физического лица банкротом. Иными словами, с принятием этих поправок индивидуальные предприниматели, не имеющие возможности погасить свои долги перед кредиторами, получили право на упрощенную процедуру банкротства без обращения в суд и несения связанных с этим расходов. В связи с нововведением и эффективностью данной процедуры проделаем в рамках данной статьи остановиться именно на рассмотрении особенностей процедуры внесудебного банкротства индивидуальных предпринимателей.

Внесудебное банкротство – новая процедура, введенная для того, чтобы сделать ее более доступной для индивидуальных предпринимателей, испытывающих реальные финансовые трудности и не имеющих достаточных средств для подачи заявления о несостоятельности в суд. Рассматриваемая процедура отличается значительной простотой и не требует никаких материальных вложений от должника. Внесудебное банкротство упрощено и не требует значительных финансовых затрат. Естественно, что она имеет как ряд положительных, так и отрицательные стороны.

При этом в связи со спецификой тематики данной статьи в целях освещения практической составляющей рассматриваемого вопроса следует отдельно остановиться на анализе статистики по внесудебной процедуре банкротства физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей (Таблица 1).

Таблица 1. Количество внесудебных банкротств физических лиц

	2021	2022
Возбуждено, шт.	4664	7118
Возвращено заявлений, шт.	4548	4403
Завершено, шт.	3858	2303
Прекращено, шт.	39	53

Как видно из представленной таблицы в РФ в 2022 было возбуждено 7118 внесудебных банкротств физических лиц, что более чем на 50% больше, чем в 2021 году. При этом наблюдается снижение количества возвращенных заявлений, что свидетельствует о развитии практики данной процедуры. При этом за 1 полугодие 2023 года количество внесудебных банкротств физических лиц уже составило 5137.

Следует отметить, что на сегодняшний день у экспертов нет единой точки зрения относительно однозначно положительного эффекта от внедрения процедуры внесудебного банкротства индивидуальных предпринимателей. Высказываются различные точки зрения относительно как возможной

эффективности самой процедуры, так и использования ее для обмана кредиторов или сокрытия имущества, за счет которого возможно было бы погасить долг.

В качестве одного из рисков рассматриваемой процедуры отмечается отсутствие арбитражного управляющего, который предусмотрен в иных процедурах банкротства. Таким образом действия должника фактически не контролируются, и он может прибегать ко всяким возможным злоупотреблениям пытаясь скрыть какое-либо имущество. При иных процедурах банкротства именно арбитражный управляющий следит за правомерностью действий должника.

Еще одним риском, относительно которого высказываются эксперты, является то, что введение такой процедуры может являться фактической угрозой для профессиональных кредиторов, банков и МФО, которые могут столкнуться с взрывным ростом банкротств. Одновременно при этом со стороны таких кредиторов отсутствует возможность должного контроля деятельности должника. В том случае если, например, кредитор знает о недействительной сделке со стороны должника, совершенной с целью сокрытия имущества, он не может возбудить судебную процедуру банкротства до момента вынесения судебного решения относительно недействительности такой сделки.

Ряд экспертов также высказывает точку зрения относительно того, что сама процедура, которая осуществляется МФЦ, может быть не эффективной вследствие того, что данные организации не имеют опыта работы в сфере банкротства и их роль в данной процедуре сводится только к регистрирующей.

Итак, для того, чтобы индивидуальный предприниматель заявил о своей несостоятельности (банкротстве) во внесудебном порядке, ему необходимо обратиться в Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг (далее – МФЦ). Форма и порядок подачи заявления утверждаются Министерством экономического развития Российской Федерации. Должник обязан приложить к заявлению список всех кредиторов, основные сведения о них и сумму задолженности перед ними. Очень важно отметить, что если по каким-либо причинам должник не укажет одного или нескольких кредиторов, то долг перед ними не будет считаться погашенным и не будет аннулирован по окончании внесудебной процедуры банкротства.

Для того чтобы подать заявление о банкротстве, необходимо соблюсти ряд условий:

- 1) сумма финансовых долгов (за исключением долгов, определенных в ст. 2 Закона о банкротстве) должна составлять от 25 000 до 1 000 000 рублей;
- 2) осуществить подачу заявления в соответствии с утвержденными формами и порядком по месту жительства или пребывания в МФЦ, как это предусмотрено п. 2 ст. 223.2 Закона о банкротстве.

Для того чтобы процессуальное заявление было принято должнику необходимо предоставить в МФЦ совместно с заполненным заявлением следующий пакет документов:

- 1) предоставить список всех известных кредиторов;
- 2) уведомить МФЦ в течение пяти дней с момента получения имущества или в случае, если финансовое положение изменилось и долг может быть полностью или в значительной степени погашен.

Обязательным условием при этом для индивидуальных предпринимателей является хотя бы одно приостановленное исполнительное производство. Так, по общему правилу задолженность определяется при обращении кредитора в арбитражный суд с иском о взыскании денежного долга. После удовлетворения требования кредитора судебное решение должно вступить в законную силу. Кроме того, принудительное исполнительное производство должно быть возбуждено по вступившему в законную силу решению. Принудительное исполнительное производство должно быть прекращено в связи с отсутствием у должника имущества или денежных средств, необходимых для исполнения судебного акта¹.

Уведомление о введении внесудебного производства по делу о банкротстве в отношении конкретного должника направляется налоговому инспектору, судебному приставу-исполнителю и банку, в котором должник имеет счет. Каким именно образом органы МФЦ проверяют поступившие заявления, закон не уточняет. Интересно также, что Закон о банкротстве не закрепляет обязательной процедуры по уведомлению кредиторов должника относительно применения в отношении него внесудебной процедуры банкротства. Кредиторы должны самостоятельно исходя из анализа публикаций о банкротстве, сделанных МФЦ, получать указанную информацию. Поэтому представляется необходимым предусмотреть в Законе о банкротстве обязанность должника относительно уведомления всего перечня кредиторов, указанных в подаваемом им заявлении в МФЦ, с приложением копий уведомлений.

На протяжении шести месяцев с даты опубликования сведений о несостоятельности в Федеральном едином реестре сведений о банкротстве:

- 1) перестают начисляться штрафные санкции на просроченные платежи (пени, неустойки и проценты) на просроченный долг должника;
- 2) должник не может обращаться за кредитами и займами в финансовые и кредитные учреждения и не может быть поручителем;
- 3) с этого момента приостанавливаются все исполнительные производства, связанные с взысканием имущества с гражданина;
- 4) денежные долги, возникшие и подлежащие погашению до даты внесения сведений об этом

¹ Сухомская М.Г. Банкротство граждан без суда через МФЦ: как это происходит (комментарий к Закону от 31.07.2020 № 289-ФЗ) // Главная книга. – 2020. – №19. – С. 83–86.

в Федеральный единый реестр сведений о банкротстве, считаются возникшими.

Основные правила, изложенные в законе, следует помнить и при проведении внесудебных процедур банкротства. Если в ходе процедуры финансовое положение должника существенно улучшается (например, должник получает наследство или дарит дорогостоящее имущество), он обязан незамедлительно (в течение пяти дней) сообщить об этом в МФЦ.

Кроме того, при составлении списка кредиторов должнику следует учитывать, что невключение в него одного или нескольких кредиторов приведет к негативным последствиям для должника:

- в этом случае внесудебное производство по делу о банкротстве будет прекращено, а несостоятельность должника будет признана только в случае подачи заявления в суд;
- при признании должника банкротом во внесудебном порядке незаявленные денежные требования к одному или нескольким кредиторам не считаются погашенными, что оставляет незаявленным кредиторам возможность взыскать свои непогашенные долги.

Таким образом, по истечении шестимесячного срока индивидуальный предприниматель освобождается от денежных обязательств перед заявленными кредиторами.

При всей несомненной положительности этих последствий для должника внесудебная процедура банкротства имеет и другие негативные последствия:

1. возможность повторного использования внесудебной процедуры банкротства только по истечении 10 лет;
2. не возможность занимать руководящие должности в компаниях в течение 3 лет;
3. при обращении за выдачей кредита обязательное информирование банков или иных финансовых организаций о своем банкротстве в течение 5 лет;
4. при банкротстве индивидуального предпринимателя предусматривается аннулирование его специальных разрешений (лицензий) и ему запрещается дальнейшее осуществление деятельности в качестве ИП в течение 5 лет.

Далее предлагается более детально остановиться на рассмотрении существующих проблемных моментов рассматриваемой процедуры:

1. Выбор МФЦ в качестве органа, выносящего решение относительно банкротства физического лица, является необоснованным.
2. Невозможность контроля кредиторов за поведением и финансовым положением должника.
3. Механизмы своевременного и полноценного информирования всех кредиторов об открытии производства отсутствуют.
4. Другая проблема внесудебного производства о несостоятельности заключается в том, что если впоследствии будет выявлен факт сокрытия имущества (имущественных прав) или иных противоправных или злонамеренных действий

гражданина, то в законе отсутствует возможность исправления последствий в части освобождения должника от обязательств.

5. На сегодняшний день Закон о банкротстве устанавливает правила реализации имущества в рамках гражданского судопроизводства по делу о банкротстве, однако применение данной нормы Закона во внесудебном банкротстве не предусмотрено.
6. Отсутствует порядок обжалования внесения сведений о банкротстве гражданина в Федеральный единый реестр по завершении процедуры внесудебного банкротства со стороны кредиторов.

Рассмотренные проблемные моменты создают ряд препятствий, которые делают невозможным доступ части индивидуальных предпринимателей к рассматриваемой процедуре внесудебного банкротства.

Невозможно не отметить, что само внедрение процедуры внесудебного банкротства физических лиц, безусловно является инновационной для гражданского законодательства РФ, с другой стороны, особые условия подачи, отсутствие механизма регистрации в реестре кредиторов после начала процедуры, преобладающий доход в пользу должника и отсутствие заинтересованности в нем кредиторов создают значительные преграды для данной процедуры.

Литература

1. Федеральный закон РФ от 26.01.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 2. – ст. 222.
2. Анохина Е.И. Инвестиционная деятельность коммерческих банков на фондовом рынке: существующие проблемы и их решение / Анохина Е.И. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2016. – № 5. – с. 85–88.
3. Белых В.С. Институт несостоятельности (банкротства) в современной России и отдельных зарубежных странах. / В.С. Белых // Бизнес, менеджмент и право. – 2020. – № 3(47).
4. Говзич В.Г. Механизм признания физического лица несостоятельным (банкротом): перспективы применения международного опыта в правовой системе Республики Беларусь. / В.Г. Говзич, О.М. Ленцевич // Белорусский государственный экономический университет. – 2020. – № 13.
5. Любовцева Е.Г., Митрофанова М.Ю., Рябинина Э.Н. Индивидуальные инвестиционные

счета как инструмент долгосрочных инвестиций / Любовцева Е.Г., Митрофанова М.Ю., Рябинина Э.Н. // Актуальные проблемы экономической теории и региональной экономики. – 2015. – № 1 (17). – с. 127–132.

6. Мжельская И.В. О несостоятельности граждан в зарубежной практике на примере ряда стран Европейского Союза. / И.В. Мжельская // Наука и научный потенциал – основа устойчивого развития общества. – 2018. – № 1. – с. 54.

OUT-OF-COURT BANKRUPTCY PROCEDURE FOR AN INDIVIDUAL ENTREPRENEUR: CURRENT ISSUES OF THEORY AND PRACTICE

Bratukhina E.V.

Volga-Vyatka Institute (branch) of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MGUA), Kirov Institute (branch) ANO VO "Moscow University of Humanities and Economics", Candidate of Pedagogical Sciences

The functioning and legal regulation of individual and corporate bankruptcy procedures (including simplified bankruptcy) is relatively new, in connection with which there are related problems due to the insufficient development of the regulatory framework governing this area of public relations. An effective way to improve the efficiency of insolvency institutions is to make more active use of the simplified bankruptcy procedure. In this procedure, the supervision stage, the financial recovery stage and the external administration stage are not applied, and the stages of the insolvency procedure are determined immediately. In general, the simplified insolvency procedure is aimed at maintaining the financial stability of society and protecting the rights and freedoms of citizens. However, as there are a number of problems in this area of law, the principles of insolvency law need to be further developed.

Keywords: bankruptcy of an individual entrepreneur, simplified bankruptcy procedure, bankruptcy of individuals.

References

1. Federal Law of the Russian Federation of January 26, 2002. No. 127-FZ "On insolvency (bankruptcy)" // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 2. – art. 222.
2. Anokhina E.I. Investment activity of commercial banks in the stock market: existing problems and their solutions / Anokhina E.I. // Modern science: current problems of theory and practice. Series: Economics and law. 2016. – No. 5. – With. 85–88.
3. Belykh V.S. Institute of insolvency (bankruptcy) in modern Russia and certain foreign countries. / V.S. Belykh // Business, management and law. – 2020. – No. 3(47).
4. Govzich V.G. The mechanism for recognizing an individual as insolvent (bankrupt): prospects for applying international experience in the legal system of the Republic of Belarus. / V.G. Govzich, O.M. Lentsevich // Belarusian State Economic University. – 2020. – No. 13.
5. Lyubovtseva E.G., Mitrofanova M.Yu., Ryabinina E.N. Individual investment accounts as a tool for long-term investments / Lyubovtseva E.G., Mitrofanova M.Yu., Ryabinina E.N. // Current problems of economic theory and regional economics. – 2015. – No. 1 (17). – With. 127–132.
6. Mzhelskaya I.V. On the insolvency of citizens in foreign practice using the example of a number of countries of the European Union. / I.V. Mzhelskaya // Science and scientific potential – the basis of sustainable development of society. – 2018. – No. 1. – p. 54.

Ограничение применения института процессуального соучастия для защиты нарушенного «права на город»

Бузиков Сергей Русланович,

бакалавр права, НИУ «ВШЭ» (Москва)

E-mail: groups.meekest.0p@icloud.com

Каждый человек является субъектом, который реализует свое право и свой интерес на город, на пользование городскими нуждами. Право на город – ключевая концепция современной урбанистики. Понятие, скорее философское, лишено однозначного юридического значения. В настоящей статье автор поднимает вопрос о практической реализации этого «права», с использованием процессуальных юридических форм. Представлен краткий анализ доктрины, сформулированы основные черты и описано текущее состояние законодательства. Вторая часть работы посвящена анализу концепции права на город. Автор отмечает, что использование института процессуального соучастия для защиты нарушенного права на город оказывается слабо применимым: общественный интерес (превенция самовольного строительства, обеспечение единства градостроительного облика, защита от коммунальных конфликтов) реализуется посредством использования альтернативных конструкций. В заключении показано, как на соучастие в гражданском процессе реагируют российские суды.

Ключевые слова: процессуальное соучастие, самовольная постройка, право на город, общественные интересы, реализация права.

Введение

Мы не замечаем, как ежедневно город влияет на нас. Мы, в лице городского сообщества, ежедневно участвуем в реализации права на город – ходим по чистым улицам, смотрим на архитектуру, дышим особым, городским, воздухом. То есть каждый из нас одновременно является субъектом, который реализует свое право на город, своей интерес.

Аналогично и в гражданском процессе. Мы также имеем возможность реализовывать свой интерес совместно с кем-либо. Казалось бы, что эти две вещи невозможно совместить. Скорее всего, действительно, они как будто бы из разных миров – из разных дисциплин так точно. Однако именно с помощью такого приема, смешения вещей, которые обычно не должны соприкасаться друг с другом, можно прийти к неожиданным выводам.

Настоящая статья направлена на анализ процессуального института – соучастия на стороне истца. Мной будет представлен краткий анализ доктрины, сформулированы основные черты и описано текущее состояние законодательства. Вторая часть моей работы будет посвящена анализу концепции права на город. Наконец, в заключении, я покажу, как на соучастие в гражданском процессе реагируют российские суды.

Соучастие

Прежде всего требуется дать определение основному понятию и раскрыть его существенные признаки. Так, практически все авторы сходятся на том, что под процессуальным соучастием понимается участие в деле нескольких истцов и (или) нескольких ответчиков [6, С. 3]. Оно мало что может дать нашему дальнейшему обсуждению, поэтому следует углубиться в доктрину.

Еще в конце XIX в. Е.И. Нефедьев выделял два направления мысли, пытающихся объяснить институт соучастия в процессе – немецкое и французское [6, С. 12 и далее, С. 120 и далее]. Т.В. Сахнова соглашается с этой классификацией, называя ее в целом общеупотребимой [8, С. 244].

Однако нельзя не согласиться с тем, что у нее трехчленное деление. Один из признаков – соединение исков – не указывает на наличие или отсутствие оснований, как оставшиеся два. Аналогичную критику можно высказать в адрес Е.В. Васильковского, у которого есть материальное, необходимое и формальное соучастие [1]. «Необходимое» соучастие – скорее всего представляет собой часть материального, так как вся классификация

построена на наличии материального основания (в оппозицию формальному).

Немецкое *Streitgenossenschaft* («товарищество в тяжбе», «субъективное соединение исков») имеет свои основания в материальном праве – в особых однородных отношениях, которые существуют до процесса [6, С. 13–15]. И.Е. Энгельман раскрывал признаки таких отношений: соучастники (а) должны быть членами одного правового сообщества; (б) притязания их между собой должны быть в такой связи, чтобы предмет, фактические и юридические основания спора, исковые требования являлись общими или однородными и подлежали производству в одном и том же порядке [10, С. 135–138]. Это «товарищество в споре», то есть в материальном правоотношении как предмете процесса, отождествляется с субъективным соединением исков [13].

В свою очередь, французский подход не считает, что материальные правоотношения являются основанием для соучастия в процессе [2, С. 17], то есть делимость или неделимость процесса не зависят от делимости или неделимости права. Т.В. Сахнова указывает, что «для французской модели свойствен процедурный подход – соучастие мыслится как соединение процессов (не дел и не исков), а потому его возникновение не связано ни с совместным предъявлением исков, ни с объединением дел (исков)» [13]. Французы допускают соучастие ради сугубо прагматичных целей: (а) уменьшения количества дел и издержек производства, (б) сокращения времени и труда, (в) предупреждения постановления решений, противоречащих одно другому (избежание «судебного скандала») [6, С. 120 и далее]. Аналогичного подхода придерживается и С.А. Филиппов [9, С. 11–12].

Получается, у нас присутствуют две полярные позиции. Следует понимать, что это – объяснительные модели. Они лишь в общих чертах описывают явление и, в силу своего предназначения, не могут охватить все возможные «тонкости». И, как часто это случается, через постоянное взаимное воздействие друг на друга они теряют свою радикальность и постепенно сближаются. Так произошло и в этом случае в России.

О.С. Гончарова указывает, что отечественная модель процессуального соучастия всегда была подвержена сильному влиянию норм материального права. Их качественными особенностями является в первую очередь взаимосвязь требований, которая обоснована наличием многосубъектного спорного правоотношения или совпадающих однородных юридических фактов, из которых вытекает несколько спорных правоотношений [2, С. 28]. Все достигаемые процессуальные цели исследователь относит к числу второстепенных [2, С. 28]. Г.Л. Осокина добавляет, что, право требования одного соистца должно мирно уживаться с правом требования другого [7, С. 190], то есть субъективные права соучастников не исключают друг друга.

Представляется, что это различие проявляется в позитивном праве, в частности в дихотомии обязательного и факультативного соучастия.

Закон (ст. 40 ГПК РФ, ст. 46 АПК РФ, ст. 41 КАС РФ) называет следующие факторы, влияющие на возникновение процессуального соучастия: (а) принадлежность предполагаемого субъективного материального права – объекта защиты нескольким субъектам; (б) общность материально-правовых оснований возникновения субъективных прав; (в) общность отдельных элементов в юридическом составе, порождающем однородность спорных прав или обязанностей, и в силу этого общность ряда доказательств [8, С. 245–246].

Основания (а–б) – это то, что Т.М. Яблочков называл бы «естественным соучастием». Естественное соучастие возникает, когда предмет спора составляет общее право или общую обязанность, или если исковые притязания вытекают из одного основания [11]. Если переводить на современный язык, это можно назвать обязательным соучастием. Это означает, что без участия в процессе кого-либо из соучастников невозможно разрешить спор по существу, то есть невозможно сделать вывод о материальных правах и обязанностях одних участников, не определяя материальные права и обязанности всех других участников в том спорном правоотношении, которое является предметом процесса под риском отмены такого решения [8, С. 245–246]. Классическими примерами в этой связи называют иски совместных обладателей одного объекта гражданских по его поводу.

Основание (с), или искусственное соучастие, характеризуется отсутствием общего права, но наличием интереса в разрешении дел в одном споре из-за общности доказательств. Можно сказать, что это «ослабленное» требование к наличию материально-правовой оковы, освобождающей суд от необходимости привлекать такое лицо. Здесь примером может служить, например, ситуация, когда к одному арендодателю – собственнику ТРК – обращается несколько арендаторов из-за сломанного кондиционера, который не позволяет им осуществлять обычную деятельность. Основания – договоры – у всех разные, но причина и доказательства – одни.

Таким образом, перед нами следующая рамка соучастия. Для соучастия требуется, чтобы у истцов был общий интерес. Этот интерес может заключаться в осуществлении какого-либо общего права или общей однородности обстоятельств и доказательств.

Право на город и городские конфликты

Право на город – это, в первую очередь, право на городскую жизнь, право требовать и влиять, принимать решения совместно. Анри Лефевр призывает активно реализовывать свое право на город и становиться «habiter», то есть обитателем и символически присваивать себе город [4, С. 20]. Автор выделяет два возможных направления реализации права на город – участие и присвоение.

(i) Право участия подразумевает возможность жителей прямо участвовать в принятии ре-

шений, связанных с городом, начиная с локальных вопросов благоустройства двора заканчивая вопросами стратегического планирования.

Право присвоения подразумевает право использования городского пространства и нахождения в нем. «Право на город» в целом можно понимать как право всех горожан в полной мере наслаждаться городской жизнью со всеми ее услугами и преимуществами и непосредственно участвовать в его управлении [15, С. 217].

Концепция в первую очередь социологическая (если хотите – урбанистическая). В перспективе право на город, как образчик третьего поколения прав человека, может быть положено в основу притязаний на непосредственное участие в развитии городской среды и спокойное ее использование. Как было указано ранее, объединяющим фактором является наличие общего интереса (выраженного в форме общего права или сходных обстоятельств, послуживших основой для обращения в иск). Право на город как раз-таки позволяет выкристаллизовать этот интерес.

Безусловно, право на город не является закрепленной в законе волей законодателя, позволяющей определить определенную меру поведения. Это скорее метафора, вбирающая много различных аспектов – видовые права, право на чистый воздух, право на участие в публичных слушаниях и проч. Попытки добиться данных благ неизбежно приводят к городским конфликтам.

Главным исследователем городских конфликтов остается И.Р. Медведев. С его точки зрения, городской конфликт – спор в отношении пространства, возникающий из-за создания нового объекта, реконструкции, разрушения, видоизменения, ненадлежащего использования и тому подобного воздействия на место обитания [5]. В результате городского конфликта сталкиваются интересы трех субъектов: жители (защита уклада, защита активов, благоприятную среду обитания), органы власти (защита общественного интереса), застройщики (максимизация прибыли).

В качестве примера можно привести следующую ситуацию. В 2012 г. в районе Братеево была построена станция метро. В порядке вежливости как ответ на появление в Алма-Ате станции «Московская» предлагалось ее назвать «Алма-Атинской». Это не понравилось местным жителям. В рамках основания иска они указали, что нарушены их права и интересы в социально-культурной сфере, так как наименование «Алма-Атинская» не соответствует нормам русского языка и местным историко-культурным ценностям и не отражает культурную самобытность города и топонимику местности. В основание иска была положена широкая трактовка конституционного права на окружающую среду (ст. 42 Конституции РФ), в частности – его антропогенный аспект. Тверской районный суд, к сожалению, этот довод не оценил и в иске отказал.

Здесь очевиден конфликт государства и части общества. Это показывает, что так или иначе,

но горожане стараются использовать доступные им механизмы для участия в управлении и спокойной жизни в городе. Для этого нужно творчески, то есть широко, трактовать доступные нормы права и, вероятно, что в некоторых случаях свои права отстаивать получится.

Здесь следует сделать некоторое отступление, важное для демонстрации пересечения активного соучастия в цивилистическом процессе и реализации права на город.

Стороны конфликта (даже государство – в защиту общественных интересов, например через прокуроров) могут обратиться за судебной защитой нарушаемых прав и законных интересов, в частности в порядке производства по делам, возникающим из публичных правоотношений. В общем, судебная защита распадается на два способа: оспаривание нормативных и ненормативных правовых актов соответственно.

С недавних дел для подобного рода дел места активному соучастию практически не осталось. Его заменил сходный институт – групповые иски. Однако И.Р. Медведев справедливо замечает, что проблема не в наименовании иска (индивидуальный или коллективный), а в российской судебной системе [5].

Так, по состоянию на 2017 г. не было ни одного успешного (для жителей) судебного процесса [16]. За прошедшие пять лет существенных изменений не произошло. Однако следует отметить первый из градостроительных споров, устоявший в кассационной инстанции. Так, в этом деле жители одного из сельских поселений Тверской области успешно оспорили Положение о собрании граждан, ограничивающих право лиц, фактически проживающих и временно зарегистрированных в сельском поселении на участие в собраниях. Указанный пункт был признан недействительным как противоречащий федеральному закону. В апелляции «устояли» также два дела: об оспаривании генерального плана сельского поселения [18] и изменения функциональной зоны в ПЗЗ другого.

Можно спорить, относится ли «Алма-Атинское дело» к цивилистическому процессу. Так, Т.В. Сахнова указывала, что составляющими цивилистического процесса являются «гражданский процесс, арбитражный процесс, производство по делам, возникающим из публичных/административных правоотношений» [14, С. 14]. Аналогичные сомнения можно высказать и в отношении примеров групповых производств, указанных выше. Однако действия граждан в указанных случаях являются манифестацией права на город – первые робкие попытки вернуть себе возможность управления городом.

Таким образом, право на город охватывает все возможности участия и использования города, перечень которых безграничен. В свою очередь городские конфликты – это борьба между различными акторами, которые взаимовлияют на возможности управлять и использовать городскую среду. Они могут случиться по любому поводу: например,

из-за неудачного переименования, обилия точечной застройки, необрушенных улиц и пристроенных балконов. Это только самые очевидные примеры. В целом сфера городских конфликтов – лишь зарождающееся явление, которое не пользуется особой популярностью – особенно в публично-правовых спорах. Однако, очевидно, что именно в таких, общественно-значимых спорах, использование различных форм «товариществ в тяжбе» встречается чаще. Тем не менее, следует оговориться, что я не рассматриваю групповые иски как вид соучастия [3. С. 38]: указывая на буквальный смысл этого выражения – они участвуют в одном споре на одной стороне.

Споры из гражданско-правовых отношений встречаются реже. Наверное, это обосновывается тем, что за последнее время урбанистика получила репутацию проводника «про-государственной» позиции. Для человека-из-автобуса-на-Клэпхэм (в наших реалиях – человека-из-автобуса-до-Отрадного) оно – про снос его отчего дома из-за реновации и цветную пластмассовую горку под окном. Этот обычный человек оказывается депривированным от собственной частноправовой субъектности.

Примеры соучастия, так или иначе сопряженные с городскими конфликтами, разрешаемых в порядке гражданского или арбитражного процесса, можно обнаружить в судебной практике. В частности, к ним можно отнести следующие области: (i) самовольное строительство, реконструкция; (ii) право на фасад (iii) «коммунальные споры».

Рассмотрим каждую категорию подробнее. Следует сразу оговориться, что суды не уделяют должного внимания вопросу соучастия в делах, так или иначе связанных с реализацией права на город.

(i) *Самовольное строительство, реконструкция.* Наверное, нет более стойкой ассоциации с борьбой за право на город, чем борьба с самовольным строительством (скорее – даже реконструкциями). Тут и там в исторических центрах городов достраиваются лишние этажи, пристройки и проч., что нарушает архитектурный облик дома и разрушает замысел художника-архитектора. Проводя аналогию, это как будто бы глаза, пририсованные образам людей на супрематических портретах, на которые ты обязан смотреть всегда.

Эта категория городских конфликтов – самая многочисленная. По субъективным ощущениям автора их доля составляет более 75% дел в арбитражных судах и 50% в судах общей юрисдикции. К сожалению, здесь состав «процессуальных товарищей» на стороне истца очевиден – это орган исполнительной власти и подчиненный ему департамент / ведомство. Например, в Москве – это Правительство и Департамент городского имущества. Это связано с тем, что спор о сносе самовольной постройки – типовой. С учетом дуалистической, с уклоном в публично-правовую, природы института сноса самовольной постройки разнообразие состава «товарищей в споре» исключается. Орга-

ны публичной власти вступают в процесс не из-за общего интереса, а в силу особой обязанности.

Лишь в редких случаях к ним присоединяется дополнительные соистцы. Это может быть, например, собственник части зданий, как это случилось с иском о застройке двора в «Деле Лесной-43». Одним из аргументов, пожалуй наименее значительным в этом споре, было препятствие прохода граждан и риск причинения вреда их здоровью.

Сюда же относятся дела, раскрывающую обратную сторону самовольного строительства, – дела о легализации. В таком случае процессуальной инициативой обладают частные лица – например, собственники домов блокированной застройки, на которые не была получена разрешительная документация. В таком случае, аргументируя соответствие реконструкции закону, некоторые собственники ссылаются на сохранение коммуникаций и внешнего вида здания, в частности «внешнего вида фасадов».

Можно сказать, что у таких лиц есть общий материально-правовой интерес – они разделяют право на легализацию самовольной постройки. Принятие решения об отказе в легализации оказывает влияние на остальных обладателей соответствующего права, следовательно такая категория требует всеобщего соучастия.

(ii) *Право на фасад.* К таким спорам относятся, например: обязанность провести капитальный ремонт фасада, демонтировать кондиционер и спутниковую тарелку, рекламу [20] или оспорить решение общего собрания, установившего общий дизайн-код фасада [17].

В этой категории споров право на город является лишь побочным следствием. Соистцы по таким спорам не преследуют цели защищать коллективные права, это получается случайно. Например, в одном из дел суд убрал внешний блок кондиционера со стены, поскольку тот слишком шумный и мешал спать ребенку. Вероятнее всего, место под него не было учтено при проектировке здания. Убрав его, мы частично вернули здание в первоначальное состояние.

Здесь также обнаружить единый материально-правовой интерес. Фасад является частью общего имущества дома [12, С. 120], что соединяет собственников помещений в здании в едином правоотношении по его поводу. Это означает, что в случае заявления подобного рода также требуется привлечение (корректнее – уведомление) каждого собственника, так как иначе решение влияет на его имущественную сферу (например, уменьшает стоимость квартиры или более явно).

Очевидно, что привлечение всех собственников в процесс нецелесообразно. Это препятствует реализации собственных решений. Можно предположить, что в таком случае следует прибегать не к институту соучастия, а к институту групповых исков. Напротив, в ситуации, когда иск заявляется с целью защиты своего права на город, то у нас здесь имеется лишь искусственное субъективное соединение исков, что не требует привлечения

всех заинтересованных лиц – грубо говоря, все городское сообщество – на сторону истца).

(iii) «Коммунальные споры». Неисполнение обязанностей по уборке улиц [19], провести коммуникации к строящемуся дому или устранение последствий затопления.

Эта категория споров отходит от зданий – в сторону обеспечения жизнедеятельности жителей. В подобных случаях соистцами предстают управляющие компании или единичные жители-энтузиасты. Это показывает, что жители предпочитают внесудебные способы разрешения «коммунальных» проблем или, банально, простым обсуждением с управляющей организацией.

С соучастием в коммунальных спорах, в которых есть общая материальная подоснова, все просто. Однако в иных – например, неубранный снег – факультативное соучастие из-за общего интереса может быть использовано.

Таким образом, несмотря на использование арбитражно- и гражданско-процессуальных форм, по своему содержанию такие отношения по большей части своей отдают публичностью. Из этих дел не усматривается интенция именно на разрешение городских конфликтов, участники процесса не мыслят себя городским сообществом, но лишь как отдельными индивидами. Кроме того, категория интереса в защите права на город не оказывает влияние на суды, по вопросу привлечения тех или иных участников к процессу.

Заключение

По результатам анализа активного соучастия в контексте городских конфликтов можно прийти к следующим выводам. Прежде всего, реализация права на город – малознакомая российским судам конструкция. Из-за того, что эта цель во многом вторична, она достигается в основном при реализации основного, обычно частного или публичного интереса. Соучастие бывает обязательным или факультативным. Несмотря на то, что суды избегают обсуждение этого вопроса, можно сделать предположение, что соучастие в городских конфликтах должно строиться по модели факультативного соучастия.

С очевидностью можно сказать лишь одно – время права на город еще не пришло.

Литература

1. Васильковский Е.В. Учебник гражданского процесса (воспроизводится по изданию Москва, 1917 г.) М., Зерцало, 2003.
2. Гончарова О.С. Соучастие в гражданском процессе России и США. 320 с.
3. Колотов В.А. Защита прав и законных интересов группы лиц в гражданском и арбитражном судопроизводстве: дис. ... канд. юр. наук, М.: 2021. 216 с.
4. Лефевр А. Производство пространств. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.

5. Медведев И.Р. Разрешение городских конфликтов: монография. М.: Инфотропик Медиа, 2017. 372 с.
6. Нефедьев Е.А. К учению о сущности гражданского процесса. Соучастие в гражданском процессе. Соучастие по немецкому и французскому праву. Казань, типография Императорского университета, 1891. 230 с.
7. Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть. М., 2013. 704 с.
8. Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса. М.: Статут, 2014. 696 с.
9. Филиппов С.А. Теоретические и практические аспекты гражданского процессуального соучастия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 23 с.
10. Энгельман И.Е. Курс русского гражданского судопроизводства. Юрьев, типография К. Матисена, 1912. 646 с.
11. Яблочков Т.М. Учебник русского гражданского судопроизводства (издание 2-е, дополненное). Ярославль, книгоиздательство И.К. Гассанова, типолитография Еллия Вахрамеева, 1912. 326 с.
12. Величко В.Е. Поэтажная собственность как правовой феномен // Журнал РШЧП. 2019. № 6. С. 93–125.
13. Сахнова Т.В. О защите интересов группы лиц: законодательные концепты // Российский судья. 2018. № 6. С. 25–29 // СПС «Консультант-Плюс».
14. Сахнова Т.В. О реформах гражданского процесса 2018–2019 гг.: взгляд сверху // Вестник гражданского процесса. 2020. № 3 (10). С. 13–29.
15. Fernandes E. Constructing the right to the city in Brazil // Social Legal studies. 2007. № 16. P. 201–219.
16. Решение Верховного Суда РФ от 17.12.2015 № АКПИ15–1263.
17. Апелляционное определение Московского областного суда от 26.06.2019 по делу № 33–18450/2019.
18. Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 04.06.2020 по делу 66а-1282/2020.
19. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 02.12.2019 № 33а-25161/2019 по делу № 2а-4014/2019.
20. Апелляционное определение Томского областного суда от 18.08.2017 по делу № 33–2479/2017.

LIMITATION OF THE USE OF THE INSTITUTION OF PROCEDURAL COMPLICITY TO PROTECT THE VIOLATED “RIGHT TO THE CITY”

Buzikov S.R.
National Research University Higher School of Economics (Moscow)

Each person is a subject who exercises his right and his interest in the city, in using the city's needs. The right to the city is a key concept of modern urbanism. The concept, rather philosophical, lacks an unambiguous legal meaning. In this article, the author raises the question of the practical implementation of this “right”, using proce-

dural legal forms. A brief analysis of the doctrine is presented, the main features are formulated and the current state of the legislation is described. The second part of the work is devoted to the analysis of the concept of the right to the city. The author notes that the use of the institution of procedural complicity to protect the violated right to the city turns out to be poorly applicable: public interest (prevention of unauthorized construction, ensuring the unity of urban planning, protection from communal conflicts) is realized through the use of alternative structures. The conclusion shows how Russian courts react to complicity in the civil process.

Keywords: procedural complicity, unauthorized construction, right to the city, public interest, realization of the right.

References

1. Vaskovsky E.V. Textbook of civil procedure (reproduced from the Moscow edition, 1917) M., Zertsalo, 2003.
2. Goncharova O.S. Complicity in the civil process of Russia and the USA. 320 pp.
3. Kolotov. V.A. Protection of the rights and legitimate interests of a group of persons in civil and arbitration proceedings: dis. ... cand. legal Sciences, M.: 2021. 216 p.
4. Lefebvre A. Production of spaces. M.: Strelka Press, 2015. 432 p.
5. Medvedev I.R. Resolution of urban conflicts: monograph. M.: Infotropik Media, 2017. 372 p.
6. Nefediev E.A. To the doctrine of the essence of civil process. Participation in civil proceedings. Complicity under German and French law. Kazan, printing house of the Imperial University, 1891. 230 p.
7. Osokina G.L. Civil process. A common part. M., 2013. 704 p.
8. Sakhnova T.V. Civil procedure course. M.: Statute, 2014. 696 p.
9. Filippov S.A. Theoretical and practical aspects of civil procedural participation: abstract. dis. ...cand. legal Sci. Saratov, 2011. 23 p.
10. Engelman I.E. Course of Russian civil proceedings. Yuriev, printing house of K. Matthiesen, 1912. 646 p.
11. Yablochkov T.M. Textbook of Russian civil proceedings (2nd edition, supplemented). Yaroslavl, book publishing house of I.K. Gassanov, typopolitography by Elliy Vakhrameev, 1912. 326 p.
12. Velichko V.E. Floor property as a legal phenomenon // Journal of the Russian Shch P. 2019. No. 6. pp. 93–125.
13. Sakhnova T.V. On protecting the interests of a group of persons: legislative concepts // Russian Judge. 2018. No. 6. pp. 25–29 // SPS "ConsultantPlus".
14. Sakhnova T.V. On civil process reforms 2018–2019: a view from above // Bulletin of civil process. 2020. No. 3 (10). pp. 13–29.
15. Fernandes E. Constructing the right to the city in Brazil // Social Legal studies. 2007. No. 16. P. 201–219.
16. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 17, 2015 No. AKPI15–1263.
17. Appeal ruling of the Moscow Regional Court dated June 26, 2019 in case No. 33–18450/2019.
18. Appeal ruling of the First Court of Appeal of General Jurisdiction dated 06/04/2020 in case 66a-1282/2020.
19. Appeal ruling of the St. Petersburg City Court dated December 2, 2019 No. 33a-25161/2019 in case No. 2a-4014/2019.
20. Appeal ruling of the Tomsk Regional Court dated August 18, 2017 in case No. 33–2479/2017.

Порядок начисления и выплаты заработной платы согласно действующему законодательству

Винярский Александр Юрьевич,

аспирант, кафедра фундаментальных юридических и социально-гуманитарных, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
E-mail: avin_sledkom@mail.ru

Статья посвящена актуальным проблемам начисления и своевременной выплаты заработной платы сотрудникам в соответствии с действующим российским законодательством, которые заключаются в существовании правовых коллизий относительно вида ответственности, к которой необходимо привлечь организацию-работодателя при невыплате зарплаты. Для того чтобы жёсткость наказания была достаточно высокой, возникла уголовная ответственность за невыплату зарплаты сотруднику. Однако в настоящее время остаётся значимым вопрос совершенствования действующего законодательства РФ, поскольку феномен невыплаты зарплаты сотрудникам является до сих пор распространённым. В статье представлены нормативные положения по трудовым отношениям российского и китайского законодательства, а также их сравнительный анализ для выработки рекомендаций совершенствования отечественного законодательства.

Ключевые слова: выплата заработной платы, работодатель, сотрудник, действующее законодательство, начисление заработной платы, трудовые взаимоотношения, судебная практика.

Введение

Вопросы расчётов между сотрудниками и организациями-работодателями, включая неправильное начисление, невыплату (несвоевременную либо неполную) зарплаты, выступают достаточно актуальными и в настоящее время, так как в правоприменительной практике они встречаются часто. Помимо указанных вопросов, прибавились аспекты существования у организации финансового потенциала к выплате зарплаты, необоснованного денежного стимулирования одной категории сотрудников в ущерб другим работникам.

В современных условиях значительные изменения произошли не только в отраслевой системе национального хозяйствования и содержании действующих трудовых норм законодательства, но и области бухгалтерского и налогового учёта выплаты и начисления зарплаты сотрудникам, были усовершенствованы научно-теоретические положения и правоприменительные приёмы начисления и выплаты зарплаты сотрудникам.

Текущий подход к начислению и выплате зарплаты основан на другом алгоритме решения данного вопроса по сравнению с методическими аспектами, утверждёнными в 1984 году [1]. Например, бухгалтер-экономист в процессе судебной экспертизы не несёт ответственности за наличие невыплаты зарплаты и начислении суммы материального ущерба в связи с тем, что дополнительная премия работнику была выплачена неправомерно, за объём недостачи денежных средств в кассе организации, который возник по причине необоснованной выплаты зарплаты сотрудникам, за выявление лиц, которые должны надлежащим образом вести бухгалтерский и налоговый учёт начисления и выплаты зарплаты, так как перечисленные аспекты в некотором смысле выходят за пределы его должностных обязанностей и профессиональных компетенций.

В 1999 году версия УК РФ [2] была дополнена ст. 145.1, в рамках которой невыплата зарплаты обладает признаками преступления, за совершение которого организация может быть привлечена к уголовной ответственности. Появляется необходимость доказывания фактических обстоятельств, составляющих преступление, выявления материального ущерба и характера его возмещения сотрудникам, выяснения событий, которые привели к невыплате сотрудникам зарплаты. Бухгалтер-экономист в процессе проведения судебной экспертизы не доказывает фактические обстоятельства, только находит ответы на вопросы судебно-

го органа. При этом целесообразно выделить четкие границы появляющихся нормативно-правовых вопросов, которые бухгалтер-экономист может решить. В данном случае это могут быть вопросы по правилам бухгалтерского учета начисления и выплаты зарплаты, а также аспекты их соблюдения организацией.

Помимо этого, дела по трудовым спорам подведомственны судам общей юрисдикции [3]. Согласно ст. 195 ГПК РФ [4] суд, выступающий органом разрешения конфликтов трудовых правоотношений, должен представить законное судебное решение, не противоречащее фактическим обстоятельствам, обладающим значимостью для грамотного рассмотрения судебного дела, следовательно, в процессе разрешения трудовых споров, обусловленных невыплатой зарплаты, выплат при увольнении сотрудников, взятии отпуска, отказом организации-работодателя выплатить дополнительную компенсацию сотруднику по причине задержки трудовой выплаты, может назначить в ходе разбирательства экспертизу порядка начисления и выплаты заработной платы согласно действующему законодательству.

Вышесказанное подразумевает наличие потребности в разработке методического подхода к начислению и выплате зарплаты сотрудникам. Однако нужно заметить, что не представляется возможным предусмотреть и описать универсальный или единый алгоритм для всех происходящих в правоприменительной практике ситуаций.

Результаты исследования и их обсуждение

Право на получение справедливого денежного вознаграждения за выполнение трудовой деятельности, а также обеспечение от возникновения безработицы, социальное обеспечение отражено в ст. 39 Конституции РФ [5]. Конституционные положения обусловили возникновение норм об обеспечении граждан в получении зарплаты, а также обозначили круг лиц, которым она должна начисляться и выплачиваться. Особую роль в исследуемом вопросе играют Всеобщая декларация прав человека [6], Декларация прав и свобод человека и гражданина [7], Конвенция МОТ № 95 [8]. Помимо этого, государственные гарантии свобод и трудовых прав населения, взаимодействие организации-работодателя и сотрудников регламентируются ТК РФ [9].

В соответствии со ст. 1 Конвенции МОТ № 95 заработная плата представляет собой денежное вознаграждение, трудовой заработок, который зафиксирован в трудовом соглашении либо действующем национальном законодательстве, организация-работодатель должна начислить денежное вознаграждение от выполнения трудовой деятельности гражданину согласно договору (устному либо письменному). При этом трудовая деятельность должна быть выполнена или будет выполнена в будущем.

Согласно ТК РФ заработная плата сотрудника подразумевают оплату труда либо денежное воз-

награждение за выполненную трудовую деятельность в зависимости от сложности её исполнения, профессиональной квалификации работника, количества и качества выполненной трудовой деятельности, различные дополнительные выплаты (компенсации), а именно:

1. Компенсационные доплаты за работу сотрудников в условиях сурового климата;

2. Надбавки работникам за проживание на территории, подвергшейся радиоактивному загрязнению;

3. Прочие компенсационные выплаты сотрудникам.

В сочетании с зарплатой могут быть начислены стимулирующие выплаты, например, премии за выполненную трудовую деятельность. При этом в соответствии со ст. 132 ТК РФ оплата труда сотрудников может быть изменена, однако дискриминация работников организацией-работодателем запрещена, также противоречие в действующем российском законодательстве возникает, если трудовая деятельность была принудительной.

Зарплата представляет собой материальные блага, которые защищаются со стороны государства в связи с приоритетом начисления и выплаты сотрудникам зарплаты. Поэтому в большинстве случаев отечественное трудовое законодательство взаимосвязано с международным трудовым правом. Так, запрет на принудительное выполнение трудовой деятельности сотрудникам закреплён не только в ТК РФ, но и в Конвенции МОТ № 29 [10] и Конвенции МОТ № 105 [11].

Тем не менее, можно наблюдать отличия в формулировке некоторых трудовых норм. Например, отмечаются нечёткие трактовки положений, регулирующих процесс выплаты зарплаты работнику, указанных в ТК РФ, по сравнению с нормами, обозначенными в Конвенциях МОТ. Поэтому организации-работодатели применяют в предпринимательской практике принудительное выполнение трудовой деятельности. Кроме того, можно увидеть различные трактовки категории «заработная плата», что способствует тому, что в период простоя производства организации-работодателя положенное денежное вознаграждение выплачивается организацией в размере 66,67% от среднего значения зарплаты сотрудников, следовательно, не в полной мере, в отличие от норм Конвенции МОТ № 95.

Зарплата работника, а также порядок начисления и выплаты заработной платы согласно действующему законодательству утверждается в содержании трудового договора между сотрудником и организацией-работодателем, что регламентируется ст. 135 ТК РФ. При этом имеется ограничение на максимальный объём зарплаты в зависимости от категорий трудящихся граждан, например, у государственных служащих, в соответствии со ст. 145 ТК РФ и Постановлением Правительства РФ № 2 [12].

Выплата денежного вознаграждения руководителю организации-работодателя, его замести-

телям, главному бухгалтеру происходит на основе заключения трудового договора, соответствующего принципу соглашения сторон. Тем не менее, если объем зарплаты, компенсационной выплаты сотрудника при увольнении будет составлять свыше 25% от балансовой стоимости активов организации-работодателя, то трудовой договор будет одобрен коллегиальным ответственным органом, так как в соответствии с Постановлением Пленума ВАС РФ № 28 [13] подобный трудовой договор может являться крупной сделкой.

Одновременно с этим в ст. 2–4 ТК РФ обозначено право сотрудника на своевременное исчисление зарплаты в полной мере. Обязанностью организации-работодателя является обеспечение права сотрудника на своевременное исчисление зарплаты в полной мере, что отражено в ст. 22 ТК РФ. Организация-работодатель может быть привлечена к ответственности, в частности, к уголовной, в связи с нарушением срока и размера положенных сотруднику сумм зарплаты. При этом на организацию-работодателя возлагается обязанность возмещения материального ущерба в виде начисления положенных сотруднику сумм зарплаты, а также дополнительной денежной компенсации, что установлено в ст. 236–237 ТК РФ. Помимо этого, содержание ст. 312 ТК РФ включает в себя такую формулировку трудовой нормы, что осуществление сотрудником трудовых обязанностей в удаленном режиме (дистанционно) не выступает правовым основанием для уменьшения объема зарплаты. Тем не менее, существующие проблемы неграмотного начисления, невыплаты зарплаты в полном объеме, а также других положенных выплат сотруднику выступают характерной чертой настоящего момента времени.

Теперь проанализируем особенности регламентации невыплаты зарплаты в Китае и России.

«Поправка (8) к Уголовному закону Китайской Народной Республики» [14] была принята Постоянным комитетом X Всекитайского собрания народных представителей XI созыва. Данный документ был принят на девятом заседании 25 февраля 2011 года и вступило в силу 1 мая 2011 года, утвержден как «Поправка (8) к Уголовному закону».

Одним из актуальных вопросов «Поправки» является регламентация «злонамеренной задолженности работодателей по заработной плате». С точки зрения юридической логики некоторые исследователи полагают, что в качестве основных для человека являются трудовые отношения, которые регулируются гражданским и административным законодательством. Чрезмерное вмешательство уголовного права недопустимо, поэтому необходимо строго ограничить сферу применения уголовного преступления при рассмотрении невыплаты зарплаты сотруднику в судебной практике.

В рассматриваемом документе уточняется состав преступления и его составные элементы. Ст. 41 «Поправки (8) к Уголовному закону» предусматривает: «Добавить после ст. 276 «Уголовного закона» новую статью:

«Статья 276–1: «Уклонение от выплаты заработной платы работникам путем передачи имущества, побега и т.п. или от невыплаты заработной платы работникам, если организации платежеспособны».

Если размер вознаграждения за труд является сравнительно высоким и не выплачен по требованию работника, а затем и соответствующего государственного ведомства, работодатель наказывается лишением свободы на срок до трех лет или арестом, а также налагается единовременный штраф, при причинении тяжких последствий виновный наказывается лишением свободы на срок от трех до семи лет, а также штрафом. «Если структурное подразделение совершит преступление, указанное в предыдущем параграфе, оно будет оштрафовано. Непосредственно ответственное лицо и другой непосредственно ответственный персонал подлежат наказанию в соответствии с положениями предыдущего пункта. Действия, предусмотренные первыми двумя пунктами, пока не повлекли серьезных последствий. Если последствия тяжкие, оплата труда выплачивается до возбуждения уголовного дела и соответствующая компенсационная ответственность возлагается в соответствии с законом, наказание может быть смягчено или освобождено».

Ст. 276 «Уголовного закона» КНР предусматривает также совершение преступлений саботаж производства и деятельности, подпадающее под категорию «преступлений против собственности граждан или организаций» (глава 5 Уголовного закона).

Следовательно, преступление, связанное с возникновением задолженности по заработной плате, в КНР является преступлением, посягающим на личное имущество граждан (работников).

Квалификация преступления, связанного с возникновением задолженности по заработной плате, в КНР предусматривает ряд ограничительных условий, за исключением «невыплаты заработной платы, несмотря на распоряжение соответствующих государственных ведомств о выплате».

Кроме того, существуют и такие ограничения, как «уклонение от уплаты путем передачи имущества, сокрытия и т.п.», «неплатеж при наличии платежеспособности» и «крупные суммы вознаграждения за труд». Эти ограничения призваны показать, что до тех пор, пока работодатель или физическое лицо сталкивается с проблемой компенсации работникам и находится в поиске решения, а не накапливает злонамеренно задолженность по заработной плате, например «уклонение от уплаты путем передачи имущества, побег и т.д.» и «неуплата, даже если организация платежеспособна», не может составлять рассматриваемое преступление. По сравнению с российским порядком начисления и выплаты зарплаты сотрудникам в КНР предусматривается только административная и уголовная ответственность за невыплату зарплаты.

Помимо этого, задолженность по зарплате – это посягательство на собственность, и можно с дан-

ным утверждением согласиться. Ст. 13 Конституции КНР гласит: «Законная частная собственность граждан «Неприкосновенна». Первое, что здесь необходимо решить, является ли задолженность по заработной плате «законной частной собственностью граждан» [15]. В ст. 5 «Закона о труде» [16] отражено, что «заработная плата выплачивается ежемесячно непосредственно работнику в денежной форме». Если работодатель не выплатил заработную плату работнику, то это обозначает, что сотрудник не приобрел в собственность «зарплату, которую он заслужил собственным трудом», следовательно, «задолженность по заработной плате» не является «законной частной собственностью граждан».

Таким образом, задолженность по заработной плате не ущемляет конституционные права граждан КНР и не является предметом «преступления против собственности» в уголовном законе. Поэтому, включение в главу 5 «Преступление посягательства на собственность» Уголовного закона «преступления злонамеренной задолженности по заработной плате» является фундаментальным непониманием правовой природы категории «невыплата заработной платы», что является актуальным пробелом в отличие от российского законодательства, где более четко выстроены положения, регламентирующие трудовые отношения между организацией-работодателем и сотрудниками.

Поскольку Конституция КНР не предусматривает, что граждане имеют «право на получение вознаграждения за труд» (в отличие от содержания Конституции РФ), данный момент лишь отражен в ст. 3 «Закона о труде»: «Работники имеют право на равный труд и выбор профессии, а также право на получение вознаграждения за труд...». Поэтому с юридической точки зрения независимо от того, основано ли оно на «Законе о труде» или «Законе о трудовом договоре», задолженность по заработной плате может возникнуть только между работником и работодателем. Согласно трудовому договору, после того, как работник завершил выполнение обозначенной работы, при невыплате работодателем заработной платы возникает трудовой спор.

Может быть составлен акт о задолженности по заработной плате, который представляет собой совокупность нарушений трудового договора и правонарушения, сущность которого состоит в том, что возникают кредиторско-долговые отношения между сотрудником и организацией-работодателем – совокупность действий, ущемляющих право требования кредитора, то есть действие, ущемляющее права собственности работников, а не действие, посягающее на собственность. Однако при сравнительном анализе нормативных положений в законодательстве РФ и КНР можно утверждать, что криминализировать задолженность по заработной плате нецелесообразно. Значительный социальный вред обуславливает существенное различие между совершенным преступлением и отсутствием преступления.

Наличие значительной задолженности по заработной плате перед сотрудниками выступает угрозой социального и экономического порядка начисления и выплаты заработной платы, а также способствует многообразию общественно значимых проблем.

Обеспокоенное ситуацией, Правительство КНР опрометчиво применило штрафные санкции для разрешения споров между работодателем и сотрудником, носивших гражданский характер. Стоит помнить, что законодательство – это рациональная деятельность. Без рациональности содержание закона будет неразумным.

Необоснованные нормативные положения не могут завоевать поддержку и доверие большинства граждан государства. Законодатели не создают и не изобретают законы, только выражают их. Закон выражает внутренние законы духовных отношений в сознательных нормах. Если законодатель подменяет истинную природу категории воображением, то в данном случае это излишнее своеволие.

По указанным причинам ошибки в квалификации невыплаты сотруднику зарплаты порождает некоторые парадоксы, коллизии, противоречия и в определенной степени обнаруживается, что обстоятельства невыплаты сотруднику зарплаты выяснены не совсем рационально.

В соответствии с нормативными положениями начисления и выплаты зарплаты в РФ и КНР предлагаются рекомендации для совершенствования законодательных норм обоих государств:

1. Для совершенствования законодательства КНР необходимо отразить в конституционных нормах право на оплату труда граждан, поскольку справедливость является основной ценностью социальных систем, точно так же, как истина является основной ценностью идеологических систем.

Теория по любому вопросу должна быть пересмотрена, если она неверна; точно так же некоторые законы и институты, независимо от того, насколько их развитие и действие рационально, должны быть отвергнуты или пересмотрены.

Какими бы эффективными и упорядоченными они ни были, пока они несправедливы, их необходимо трансформировать и упразднить. Справедливость выражаются в законодательных нормах КНР, с одной стороны, через справедливое применение наказания к компаниям, нарушившим закон, что отражает юридическую справедливость. С другой стороны, справедливое распределение наказания также провозглашает справедливость по отношению к обществу. В КНР законодатели считают, что только путем криминализации задолженности по заработной плате можно эффективно решить эту социальную проблему и устранить негативное влияние такого поведения на современное общество. Моральный и материальный вред, который будет нанесен сотруднику при этом, должен способствовать созданию гармоничного общества, что является неверным принципом.

Наиболее фундаментальной проблемой, которую необходимо решить при криминализации задолженности по заработной плате в КНР, является соблюдение принципа справедливости, то есть гражданин должен «зарабатывать заработанное» входит в число основных прав граждан, предусмотренных Конституцией КНР. Как заявил генеральный секретарь Ху Цзиньтао на XVII Национальном съезде Коммунистической партии Китая в восьмой части доклада «Ускорение социального строительства с акцентом на улучшение условий жизни людей»: «...содействовать социальной справедливости и стремиться к тому, чтобы все люди имели доступ к образованию, доходам от работы, лечению болезней, уходу за пожилыми людьми и жилью, чтобы способствовать построению гармоничного общества» [17].

Упомянув «трудовой доход», можно увидеть, что благодаря внесению поправок в Конституцию КНР установление «трудового дохода» в качестве конституционного права гражданина также будет соответствовать основным постулатам Коммунистической партии КНР. Только в данном случае криминализация задолженности по заработной плате будет иметь основу для справедливости и не будет возникать нерациональных положений при вмешательстве органов государственной власти в гражданскую деятельность.

При этом глава Уголовного закона КНР «Преступления, связанные с нарушением личных и демократических прав граждан» была заменена на «Преступления, связанные с нарушением конституционных прав». Затем деяние «задолженность по заработной плате, стипендиям, пенсиям и субсидиям» было включено в данную главу, и это преступление не должно быть отнесено к «преступлению посягательства на собственность».

2. Для совершенствования законодательства РФ предлагается изменение системы наказаний за невыплату зарплаты сотрудникам на основе трудовых и уголовных норм, утвержденных в КНР.

«Поправка (8) к уголовному закону» устанавливает два диапазона наказаний, и одно из них смягчающее или освобождающее от ответственности обстоятельство за преступление, связанное с задержкой выплаты заработной платы: «лица, причинившие тяжкие последствия, наказываются лишением свободы на срок не менее трех лет или арестом, а также или исключительно штрафом, а в случае причинения тяжких последствий – лишением свободы на срок не менее трех лет, но не более семи лет. Налагается также штраф; если действия, предусмотренные двумя предыдущими пунктами, не повлекли тяжких последствий, работнику до предъявления обвинения выплачивается оплата труда и соответствующая компенсация в соответствии с законом. В случае неисполнения ответственности штраф может быть уменьшен или организация будет освобождена от него.

В целом такая система наказания соответствует характеру деяния задержки зарплаты как проступка организации и в то же время уголовного

преступления посягательства на собственность. При сравнении с имеющимися положениями российского уголовного законодательства можно увидеть, что данная система наказаний в дальнейшем также может быть усовершенствована, поскольку задолженность по заработной плате возникает зачастую в связи с тем, что работодатель обладает особыми поведенческими способностями и использует их для нарушения закона, поэтому необходимо учитывать здесь применение штрафа за профессиональную компетентность по отношению к работодателю. «Поправка (8) к уголовному закону» имеет определенные правоприменительные барьеры для смягчения или освобождения от наказания за невыплату зарплаты своевременно, поэтому необходимы дополнительные правила, позволяющие стандартизировать нормативные положения.

Для эффективного предотвращения подобных деяний необходимо предусмотреть соответствующие дисциплинарные меры безопасности для граждан, меры предотвращения и контроля преступлений, связанных со злонамеренной задержкой выплаты заработной платы, что является систематическим процессом в деятельности работодателя, следовательно, необходимо сформировать комплексную систему профилактики и контроля выплаты и начисления оплаты труда.

Безусловно, сравнение норм, отражающих невыплату зарплаты в уголовном и трудовом законодательстве двух стран, показывает, что в законодательстве как РФ, так и КНР имеются противоречия и проблемы, а политическая и общественная значимость законодательных норм по рассматриваемому вопросу весьма выше, чем правовое значение, которое будет напрямую влиять на их применение в судебной практике.

Выводы

На данный момент отечественное законодательство в вопросе регламентации порядка начисления и своевременной выплаты заработной платы сотрудникам нуждается в совершенствовании. Об этом также свидетельствует существующая правоприменительная практика, в рамках которой рассматриваются трудовые споры между сотрудником и организацией-работодателем, касающиеся своевременной невыплаты заработной платы или не в полном объеме. В процессе судебного разбирательства может быть назначена экспертиза бухгалтерского учёта начисления заработной платы организацией-работодателем в целях выявления нарушений в порядке начисления и выплаты заработной платы сотрудникам, утвержденном в трудовом законодательстве РФ. Не всегда имеется возможность наказать организацию, лишь привлекая к административной либо трудовой ответственности, тогда достаточно действенными методами являются уголовные.

При сравнительном анализе правовых норм уголовного права в РФ и КНР были выделены реко-

мендации для каждого государства в сфере совершенствования законодательных норм, регламентирующих невыплату зарплаты сотруднику: для КНР – необходимо отразить в конституционных нормах право на оплату труда граждан, поскольку справедливость является основной ценностью социальных систем, для РФ – изменение системы наказаний за невыплату зарплаты сотрудникам на основе трудовых и уголовных норм, утвержденных в КНР; необходимо учитывать здесь возможность применения штрафа за профессиональную компетентность по отношению к работодателю.

Литература

1. Виноградова М.М., Бондарь Н.Н. Экспертное исследование вопросов, связанных с начислением и выплатой заработной платы и иных установленных законодательством выплат: методические рекомендации // Теория и практика судебной экспертизы. – 2022. – Т. 17. – № 1. – С. 72–95.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 14.02.2024) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 02.03.2024).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 N 2 (ред. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_47257/ (дата обращения: 02.03.2024).
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 14.02.2024) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 02.03.2024).
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 02.03.2024).
6. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (дата обращения: 02.03.2024).
7. Постановление Верховного Совета РСФСР «О Декларации прав и свобод человека и гражданина» (Принята Верховным Советом РСФСР 22.11.1991) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/9005146> (дата обращения: 02.03.2024).
8. Конвенция N 95 Международной организации труда (с изм. от 23.06.1992) «Относительно защиты заработной платы» (принята в г. Женева 01.07.1949) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6739/ (дата обращения: 26.02.2024).
9. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 14.02.2024) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 25.02.2024).
10. Конвенция N 29 Международной организации труда (с изм. от 11.06.2014) «Относительно принудительного или обязательного труда» (принята в г. Женеве 28.06.1930 на 14-ой сессии Генеральной конференции МОТ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120759/ (дата обращения: 02.03.2024).
11. Конвенция от 25.06.1957 N 105 Международной организации труда «Об упразднении принудительного труда» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=27192> (дата обращения: 02.03.2024).
12. Постановление Правительства РФ от 02.01.2015 N 2 «Об условиях оплаты труда руководителей федеральных государственных унитарных предприятий» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70836142/> (дата обращения: 02.03.2024).
13. Постановление Пленума ВАС РФ от 16.05.2014 N 28 (ред. от 26.06.2018) «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163615/ (дата обращения: 02.03.2024).
14. Гоцян Л. Краткий анализ восьмой поправки к Уголовному кодексу КНР, отменяющей смертную казнь как меру наказания за 13 составов преступлений [Электронный ресурс] // Российский юридический журнал. – 2011. – № 4. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/58103201/> (дата обращения: 02.03.2024).
15. Конституция КНР (в редакции 2018 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (дата обращения: 02.03.2024).
16. Закон КНР «О труде» (Принят на 8-м заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей восьмого созыва 5 июля 1994 года, введен в действие с 1 января 1995 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://chinahelp.me/work/zakon-knr-o-trude> (дата обращения: 02.03.2024).
17. Доклад Ху Цзиньтао на 17-м съезде КПК (полный текст) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-10/25/content_9120930_17.htm (дата обращения: 02.03.2024).

PROCEDURE FOR CALCULATION AND PAYMENT OF WAGES ACCORDING TO CURRENT LEGISLATION

Vinyarsky A.Yu.
Moscow Financial and Industrial University «Synergy»

This article is devoted to the current problems of calculating and timely payment of wages to employees in accordance with the current Russian legislation, which consist in the existence of legal conflicts regarding the type of liability to which the employing organization must be held in case of non-payment of wages. In order for the severity of the punishment to be sufficiently high, criminal liability arose for non-payment of wages to an employee. However, at present, the issue of improving the current legislation of the Russian Federation remains significant, since the phenomenon of non-payment of salaries to employees is still widespread. The article presents regulations on labor relations of Russian and Chinese legislation, as well as their comparative analysis to develop recommendations for improving domestic legislation.

Keywords: payment of wages, employer, employee, current legislation, payroll, labor relations, judicial practice.

References

1. Vinogradova M.M., Bondar N.N. Expert study of issues related to the calculation and payment of wages and other payments established by law: methodological recommendations // Theory and practice of forensic examination. – 2022. – Vol. 17. – No. 1. – P. 72–95.
2. Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996 N 63-FZ (as amended on February 14, 2024) [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (date of access: 02.03.2024).
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 17, 2004 N 2 (as amended on November 24, 2015) “On the application by the courts of the Russian Federation of the Labor Code of the Russian Federation” [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_47257/ (date of access: 02.03.2024).
4. Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated December 18, 2001 N 174-FZ (as amended on February 14, 2024) [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (date of access: 02.03.2024).
5. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (date of access: 02.03.2024).
6. Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly on December 10, 1948) [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (date of access: 02.03.2024).
7. Resolution of the Supreme Council of the RSFSR “On the Declaration of Rights and Freedoms of Man and Citizen” (Adopted by the Supreme Council of the RSFSR on November 22, 1991) [Electronic resource]. – Access mode: <https://docs.cntd.ru/document/9005146> (date of access: 02.03.2024).
8. Convention No. 95 of the International Labor Organization (as amended on June 23, 1992) “Regarding the protection of wages” (adopted in Geneva on July 1, 1949) [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6739/ (date of access: 26.02.2024).
9. Labor Code of the Russian Federation dated December 30, 2001 N 197-FZ (as amended on February 14, 2024) [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (date of access: 25.02.2024).
10. Convention No. 29 of the International Labor Organization (as amended on June 11, 2014) “Concerning forced or compulsory labor” (adopted in Geneva on June 28, 1930 at the 14th session of the ILO General Conference) [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120759/ (access date: 02.03.2024).
11. Convention of June 25, 1957 N 105 of the International Labor Organization “On the Abolition of Forced Labor” [Electronic resource]. – Access mode: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=27192> (date of access: 02.03.2024).
12. Decree of the Government of the Russian Federation dated 01/02/2015 N 2 “On the terms of remuneration for managers of federal state unitary enterprises” [Electronic resource]. – Access mode: <https://base.garant.ru/70836142/> (date of access: 02.03.2024).
13. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated May 16, 2014 N 28 (as amended on June 26, 2018) “On some issues related to challenging major transactions and interested party transactions” [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163615/ (date of access: 02.03.2024).
14. Guoqian L. A brief analysis of the eighth amendment to the Criminal Code of the People’s Republic of China, abolishing the death penalty as a punishment for 13 crimes [Electronic resource] // Russian Legal Journal. – 2011. – No. 4. – Access mode: <https://base.garant.ru/58103201/> (date of access: 02.03.2024).
15. Constitution of the People’s Republic of China (as amended in 2018) [Electronic resource]. – Access mode: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (access date: 02.03.2024).
16. Law of the People’s Republic of China “On Labor” (Adopted at the 8th meeting of the Standing Committee of the Eighth National People’s Congress of China on July 5, 1994, put into effect on January 1, 1995) [Electronic resource]. – Access mode: <https://chinahelp.me/work/zakon-knr-o-trude> (access date: 02.03.2024).
17. Report of Hu Jintao at the 17th Congress of the CPC (full text) [Electronic resource]. – Access mode: http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-10/25/content_9120930_17.htm (access date: 02.03.2024).

Правовые последствия применения моратория на возбуждение дел о банкротстве: обобщение практики 2020 и 2022 годов

Врачёва Юлия Сергеевна,

аспирант, кафедра гражданского и корпоративного права,
ФГБОУ ВО «СПбГЭУ»

E-mail: 3702479@mail.ru

В статье рассматриваются последствия применения положений законодательства о банкротстве, регулирующих мораторий на возбуждение дел о банкротстве в 2020 и 2022 годах. Рассмотрены основания для введения моратория как меры чрезвычайного реагирования государства, в ответ на обстоятельства, существенно влияющие на экономическую стабильность. Проведен сравнительный анализ порядка применения норм о моратории на банкротство в 2020 и в 2022 годах, выявлены различия и связанные с этим последствия. Проанализированы проблемы, которые возникали при применении запрета на возбуждение дел о банкротстве в 2020 и в 2022 году. Рассматривая последствия моратория, автор попытался отметить, что введение института моратория как механизма публично-правового регулирования частноправовых отношений вполне оправдано в чрезвычайных ситуациях и применение которого позволило в должной мере минимизировать негативные последствия для экономики.

Ключевые слова: банкротство, возбуждение дел, мораторий, последствия.

Институт моратория, связанный с запретом на возбуждение дел о банкротстве, был введен в 2020 году посредством внесения соответствующих изменений в Федеральный закон № 127-ФЗ от 26.10.2002 г. «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве). Причины, послужившие основанием для введения данной правовой новеллы, были связаны с необходимостью оказания экономической поддержки организациям и индивидуальным предпринимателям, в связи со сложной экономической ситуацией, вызванной новой коронавирусной инфекцией COVID-19. Несмотря на противоречивые мнения специалистов относительно необходимости и целесообразности введения данной правовой нормы, как отметил руководитель Федресурса Алексей Юхнин – завершение моратория не привело к росту числа банкротств.

Повторное применение рассматриваемого института произошло уже в 2022 году: Постановлением Правительства от 28.03.2022 № 497 «О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемым кредиторами» был введен мораторий в отношении юридических и физических лиц на период с 01.04.2022 г. по 01.10.2022 г. Причиной инициации моратория на этот раз стало введение санкционных ограничений. Поскольку в указанный период имел место рост внешнего санкционного давления, указанная мера также была направлена на поддержку отечественных предприятий [2].

В отличие от моратория, который был введен в период распространения коронавирусной инфекции, данный мораторий носил общий характер и распространял свое действие всех юридических и физических лиц (исключение было предусмотрено только в отношении должников-застройщиков, если многоквартирный дом был включен в Единый реестр проблемных объектов).

И в том и в другом случае, российское законодательство, предусматривало применение положений о моратории на возбуждение дел о банкротстве по формальным признакам, без учета того, что именно послужило причиной ухудшения финансового состояния субъекта экономической деятельности. В мировой практике имеются иные подходы к порядку применения норм о моратории на возбуждение дел о банкротстве, так Закон Федеративной Республики Германия о смягчении последствий пандемии COVID-19 в гражданском, банкротном и уголовно-процессуальном законодательстве от 27 марта 2020 года, допускает введение процедуры несостоятельности по заявлению

кредитора если основания для открытия процедуры существовало уже к 1 марта 2020 года. Ограничения по обязанности должника обратиться в суд с заявлением о банкротстве не применяется к тем случаям, если банкротство не связано с последствиями распространения вируса SARS-CoV-2 (пандемия COVID-19) или если не имеется никаких перспектив устранить существующую неплатежеспособность.

Многие отмечают такой формальный подход как несовершенный и не вполне справедливый и высказывают мнение о необходимости при применении правила о моратории определять действительно ли субъект предпринимательской деятельности приобрел признаки неплатежеспособности в результате обстоятельств, послуживших основаниями для введения моратория [3] [4].

Единственным исключением из запрета на возбуждение дел о банкротстве в отношении лиц, подпадающих под действие моратория, является наличие решения юридического лица о ликвидации. Что представляется разумным, так как основная цель моратория – предупреждение банкротства и создания условий для сохранения бизнеса, каковые бессмысленны в условиях решения о прекращении деятельности.

Помимо решения о ликвидации, закон также предусматривает возможность субъекта по собственному волеизъявлению отказаться от применения моратория. Указанное волеизъявление должно быть выражено в форме заявления размещенного в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве (далее – ЕФРСБ). После такого заявления последствия, предусмотренные положениями о моратории не применяются как к заявившему лицу, так и к его кредиторам. Дискуссии, связанные с отказом от применения моратория, были вызваны отсутствием прямого указания в законе на момент наступления последствий отказа (с даты введения моратория или с даты размещения сведений на ЕФРСБ). В связи с чем Верховный суд дал расширительное толкование положений закона: в одном случае отказ от моратория вступает в силу со дня опубликования заявления и влечет неприменение всего комплекса преимуществ и ограничений со дня введения моратория в действие, а не с момента отказа от моратория; во втором случае, когда лицо докажет, что отказ от моратория вызван улучшением его финансового положения, благодаря мерам поддержки, предусмотренным мораторием, то последствия к нему не применяются с момента отказа¹.

На наш взгляд, предоставляя лицу право выбора применять мораторий или нет, было бы логично предоставить и право определять момент, с которого указанные положения не применяются – с даты введения моратория или с даты соответствующей

щего отказа, так как реализация права на отказ от действия моратория не ухудшает прав третьих лиц по сравнению с условиями обычного гражданского оборота.

Ни законодатель, ни Верховный суд не допускают отказ должника от ранее заявленного отказа от действия моратория, что на наш взгляд является разумным, так как препятствует возможным злоупотреблениям. Отказ от действия моратория утрачивает силу только в случае продления Правительством срока действия моратория.

При введении моратория в 2022 году возникли вопросы с порядком заявления отказа от применения моратория физическими лицами, в части раскрытия информации, относящейся к персональным данным, так как действующие электронные ресурсы не предусматривают возможности размещения информации о физических лицах [1].

При применении моратория в 2022 году наиболее дискуссионными оказались вопросы, связанные с приостановлением производства по исполнительным документам. Так как мораторий носил общий характер и распространялся на всех юридических и физических лиц, неизбежно встали вопросы с порядком предъявления исполнительных документов в том числе на исполнение в кредитные организации.

На законодательном уровне вопрос урегулирован не был, поэтому на практике сформировалось два основных подхода: Банк России выразил свою позицию в Письме от 14.06.2022 № 010–31–4/5290, которая сводилась к следующему: «со дня введения в действие моратория на банкротство в силу прямого указания закона исполнительное производство по имущественным взысканиям по требованиям, возникшим до его введения, приостанавливается (пп. 4 п. 3 ст. 9.1 Закона о банкротстве). Исполнительное производство считается приостановленным на основании акта о введении в действие моратория на банкротство до его возобновления». Министерство Юстиции РФ в письме от 07.05.2022 г. № 04–52513/22 выразило иную позицию: о возможности применения норм о приостановлении исполнительных производств только к тем лицам, в отношении которых поданы заявления о признании банкротом, то есть к лицам, у которых имеются признаки банкротства, установленные Законом о банкротстве. В судебной практике не было единства в отношении этого вопроса [1].

Также при применении моратория в 2022 году возникали вопросы в связи с распределением прибыли и выплатой дивидендов участникам юридических лиц, так как в период действия моратория имел место законодательно определенный запрет на указанные действия. Для того, чтобы избежать указанного ограничения, юридическое лицо должно было заявить об отказе от моратория, что является обоснованным, так как распределение прибыли и выплата дивидендов возможна только в отсутствие признаков недостаточности имущества или неплатежеспособности, а, следовательно, у таких компаний отсутствует необходимость

¹ Пункт 4 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 24.12.2020 г. № 44 «О некоторых вопросах применения положений статьи 9.1 федерального Закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

в защитных механизмах, предоставляемых мораторием. Но фактически юридические лица не были ограничены в возможности направления в банк платежных распоряжений о выплате дивидендов и без заявленного отказа, в связи с чем у банков возникали вопросы о возможности исполнения таких распоряжений.

Так как законодательство не связывает применение моратория с обстоятельствами, касающимися возникновения задолженности, то на практике возникали ситуации, когда неплатежеспособные на дату введения моратория должники пользовались законно предоставленной отсрочкой, что неизбежно влекло нарушение баланса интересов кредиторов и должника, так как добросовестные кредиторы не могли воспользоваться правом на принудительное взыскание задолженности с уклоняющегося от исполнения должника. Полагаем, что такой механизм правового регулирования, когда должнику были предоставлены преференции относительно кредиторов, мог на практике быть уравновешен с помощью универсального правового средства, направленного на недопущение злоупотребления правом, предусмотренного пунктом 2 статьи 10 Гражданского кодекса РФ.

На основании вышесказанного следует заключить, что введение моратория повлекло как положительные, так и отрицательные последствия [2]. При этом как мера по предупреждению банкротства мораторий является положительным примером экстренного государственного регулирования в условиях чрезвычайных обстоятельств, а отрицательные последствия вызваны скорее недобросовестным поведением участников гражданского оборота, а не несовершенством правового регулирования.

Мораторий как механизм чрезвычайного реагирования государства направлен на реализацию публичного интереса, выражающегося в поддержке отраслей экономики и предпринимательства, как материальной основы функционирования государства. И в целом несмотря на различные мнения об эффективности и целесообразности вмешательства государства в частноправовое регулирование, в целом нормы о моратории следует рассматривать как эффективную антикризисную меру [7].

Мораторий как комплексное решение в нестабильных экономических обстоятельствах, требует анализа и оценки последствий его применения как для отдельных участников правоотношений, так и для общества в целом, которое должно учитывать потенциальные положительные результаты с его возможными негативными последствиями и предусматривать соответствующие меры для обеспечения устойчивого экономического развития.

Литература

1. Якушева Е.Е. Мораторий на банкротство 2022 года: последствия, противоречия и пути

решения // Журнал высшей школы экономики. 2023. Б. 16. № 1 С. 94–115.

2. Разумов В.И. Последствия отмены моратория на банкротство в 2022 году // Вестник магистратуры. 2022. № 12–1 (135). С. 53–55.
3. Коршунов П.Н. Мораторий на банкротство как мера восстановления платежеспособности должника. Вестник экономической безопасности. 2020;(3):86–90 (С. 88);
4. Улезко А.С., А.Г. Филонович «Мораторий на банкротство: ожидания должников и реальность», Имущественные отношения в РФ № 7 (226) 2020, с. 68–79 (С. 73).
5. Ефремов В., Стешенцев А. и др. Мораторий на банкротство. Семь основных аспектов, которые нужно знать // Банковское обозрение. Приложение. 2020. № 1. С. 59–62.
6. Османова Д.О. Злоупотребления при несостоятельности (банкротстве). М.: Юстицинформ, 2020. 184 с.
7. Шувалов И.И. Институт банкротства и его роль в период социально-экономического кризиса // Журнал российского права 2021. N 12. С. 108–119.

LEGAL CONSEQUENCES OF APPLYING A MORATORIUM ON INITIATING BANKRUPTCY CASES: A SUMMARY OF PRACTICE IN 2020 AND 2022

Vracheva Ju.S.

FGBOU VO «SPBGAV»

This article examines the consequences of applying the provisions of bankruptcy law governing the moratorium on bankruptcy proceedings in 2020 and 2022. The reasons for the introduction of a moratorium as a state emergency response measure in response to circumstances that significantly affect economic stability are considered. A comparative analysis of the procedure for applying the rules on the moratorium on bankruptcy in 2020 and 2022 was carried out, differences and related consequences were identified. The problems that arose during the application of the ban on the initiation of bankruptcy cases in 2020 and 2022 are analyzed. Considering the consequences of the moratorium, the author tried to note that the introduction of the institution of a moratorium as a mechanism for public law regulation of private law relations is fully justified in emergency situations and the use of which allowed to minimize the negative consequences for the economy to the appropriate extent.

Keywords: bankruptcy, initiation of cases, moratorium, consequences.

References

1. Yakusheva E.E. The moratorium on bankruptcy in 2022: consequences, contradictions and solutions // Journal of the Higher School of Economics. 2023. B. 16. No. 1 pp. 94–115.
2. Razumov V.I. Consequences of lifting the moratorium on bankruptcy in 2022 // Bulletin of the Magistracy. 2022. No. 12–1 (135). pp. 53–55.
3. Korshunov P.N. Moratorium on bankruptcy as a measure to restore the debtor's solvency. Bulletin of Economic Security. 2020;(3):86–90 (p. 88);
4. Ulezko A.S., A.G. Filonovich "Moratorium on bankruptcy: expectations of debtors and reality", Property relations in the Russian Federation No. 7 (226) 2020, pp. 68–79 (p. 73).
5. Efremov V., Steshentsev A. et al. A moratorium on bankruptcy. Seven main aspects that you need to know // Banking Review. Application. 2020. No. 1. pp.59–62.
6. Osmanova D.O. Abuse in insolvency (bankruptcy). M.: Justicinform, 2020. 184 p.
7. Shuvalov I.I. Institute of bankruptcy and its role in the period of socio-economic crisis // Journal of Russian Law 2021. N 12. pp. 108–119.

Формы процессуального бездействия лиц, участвующих в деле, в современном цивилистическом процессе России

Гаврюсов Александр Владимирович,

аспирант кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета
E-mail: gavryusov@mail.ru

В работе исследуется явление процессуальное бездействие лица, участвующего в деле, в цивилистическом процессе России в разрезе потенциальных форм его существования в гражданском процессуальном правоотношении и вне его. Актуальность исследования подтверждается отсутствием в доктрине современного гражданского процессуального права интегративных (комплексных) исследований, посвященных процессуальному бездействию, а также большого количества юридических фактов процессуального бездействия в реальных гражданских процессуальных правоотношениях. *Результаты:* выявлены две устойчивые формы процессуального бездействия лиц, участвующих в деле, в цивилистическом процессе современной России – допроцессуальное бездействие и собственно процессуальное бездействие. *Выводы:* наряду с ранее выявленной учеными формой процессуального бездействия, собственно процессуальным бездействием, являющимся юридическим фактом гражданского процессуального правоотношения, выявлено также и допроцессуальное бездействие, которое может быть юридическим фактом вне гражданского процессуального правоотношения, а также являться непосредственно процессуальным фактом, который определенным образом влияет на течение гражданского процессуального правоотношения.

Ключевые слова: процессуальное бездействие, допроцессуальное бездействие, гражданский процесс, арбитражный процесс, лица, участвующие в деле, формы поведения.

Введение

В юридической литературе правовое бездействие, будучи объектом научных исследований, активно исследуется в различных аспектах (см., например, обзорную статью об общеправовом бездействии [19, с. 46]). Процессуальное бездействие как явление в обществе, связанное с цивилистическим процессом, в целом, представляет из себя правовую пассивность субъекта права в цивилистическом процессе или в связи с ним, выраженную в неосуществлении права на защиту (субъект права, будучи имея возможность его реализации, не осуществляет последнее). Как указывает С.В. Третьяков: «реализация права на защиту всегда предполагает активность самого управомоченного» [14, с. 396]. Дореволюционные процессуалисты указывали, что абстрактное право на иск сводится к процессуальной правоспособности лица [4, с. 615–619]. Это означает, что любые процессуальные права, включаемые в процессуальную правоспособность лица, имеют способность быть неосуществленными их обладателями, будь то право на иск или права лиц, участвующих в деле, на совершение процессуальных действий.

Какой-либо научной или практической пользы в детерминации понятия процессуального бездействия, результатом которой будет являться строго-определенная мысль об общем и особенном в этом явлении, что можно обнаружить в иных работах, посвященных бездействию [8; 11], автором не выявлено, в связи с чем, процессуальное бездействие, исчерпывающим образом указанным выше, будет раскрываться с точки зрения разработанных наукой и практикой юридических конструкций, описывающих, в данном случае, многообразие явления гражданского процессуального права.

Процессуальное бездействие есть явление, описывающее поведение субъекта права, всегда выраженное вовне и также способное быть объектом исследования суда в гражданском процессе, что означает возможность суда индивидуализировать (объективировать) факт конкретного бездействия среди прочих действий и бездействий субъекта права при рассмотрении дела и придать ему правовое значение, а равно возможность ученому проследить образование такого юридического факта и выявить его последствия.

Индивидуализация бездействия, рассматриваемого автором в разрезе его процессуальности, то есть, в связи с цивилистическим процессом, среди поведения субъекта права строится, таким образом, на теории придания такому поведению

правовых последствий, наступающих вне зависимости от желания субъекта права в результате объективизации юридического факта, то есть, его наступления. А. Тор (A. Tor) в работе «Методология поведенческого анализа права» указывает, что с учетом того, что одной из основных функций права является регулирование человеческого поведения, школы права и законодатель действуют во многом интуитивно при исследовании и регулировании такого поведения путем решений, правил и предложений различного рода, что приводит к тому, что право, во многом, содержит интуитивное регулирование, на основе которого субъекты права действуют и бездействуют; такое происходит, в частности, из-за недостаточно четкой эксплицитной поведенческой законодательной модели [2, с. 238]. Такие исследования, чаще всего, построены на поведенческом праве, в основе которого лежит предположение о рациональности субъекта права [10, с. 3–4]. Отечественная теория цивилистического процесса обращает внимание к поведенческому праву, в том его смысле, в каком он существует в экономическом анализе права, не свойственно. Тем не менее, российскому гражданскому процессуальному праву характерно выявление у поведения субъекта правового характера, в котором выражается способность вызывать правовые последствия [см. 20], и выделение определенных критериев у такого поведения для того, чтобы поведение субъекта являлось правомерным, а равно предъявление к поведению субъекта определенных требований закона и права в целом.

В отсутствие единой законодательной модели процессуального бездействия в России, последнему ситуативное регулирование судебной практикой придает значение правового поведения в цивилистическом процессе далеко не всегда, что может влиять на субъективное восприятие закона субъектами права негативным для них образом.

Например, процессуальным бездействием лица, участвующего в деле, будет несовершение действий по обжалованию решения суда первой инстанции, что приведет к вступлению последнего в законную силу. Так, определенное процессуальное бездействие субъекта права в цивилистическом процессе имеет определенные правовые последствия его реализации, но в каких случаях в цивилистическом процессе может быть исследовано поведение субъекта в виде незаявления иска в суд современные процессуальные кодексы ответить затрудняются. При этом выявлению отдельных правовых последствий процессуального бездействия посвящено достаточно много юридической литературы в России [6; 7; 13; 17; 18 и пр.], в связи с чем, следует признать, что собственно процессуальное бездействие лица, участвующего в деле, является широко признаваемой учеными формой поведения (в данном исследовании под формой поведения понимается устойчивая возможная модель поведения в определенной внешней среде под влиянием определенных факторов (условий пространства, времени, причинности) [1]).

Устойчивой эта форма поведения признается и судебной практикой (см., например, Определение Верховного Суда РФ от 11.03.2021 № 308-ЭС20–18927 по делу № А25–755/2019). На основании теории о существовании устойчивых форм правового поведения, становится возможным выявление, соответственно, форм правовых последствий такого поведения [1, с. 202] в цивилистическом процессе, исследуемой учеными в различных аспектах [см., например, 7].

Однако процессуальное бездействие, невзирая на наличие в поведении лица указателя на процессуальность, то есть, наличие возбужденного цивилистического процесса, вероятно, может являться юридическим фактом безотносительно факта наличия возбужденного процесса, а равно объективироваться в качестве юридического факта уже до возбуждения дела, в связи с чем, требуется разделять явления бездействия субъекта права при наличии возбужденного гражданского процесса и вне наличия такого в силу различия в механизме образования этих фактов и последствий, которые наступают в результате такого образования.

Оправдывается необходимость разделения определенных моделей поведения субъекта права по нереализации своих прав еще и тем, что в современной науке гражданского процесса собственно процессуальному бездействию лица, участвующего в деле, посвящено достаточно много исследований по сравнению с бездействием, которое можно выявить до возбуждения дела.

Материалы и методы

Методами исследования являются системно-логическое и индуктивное вычленение форм процессуального бездействия в цивилистическом процессе современной России из форм поведения, описанных в судебной практике, с применением формально-юридического метода.

Литературный обзор

Бездействие вне процесса (невозбуждение гражданского спора в суде) не может иметь тех последствий, которые свойственны бездействию лица в цивилистическом процессе, соответственно, необходимо различать не только сами формы такого бездействия, но и их правовые последствия. Последнее явствует тому, что основой метода выявления последствий (а равно форм поведения) должна стать юридический факт, сущность которого заключается в наступлении правовых последствий в результате его объективизации в реальной действительности [12, с. 8].

Собственно процессуальное бездействие лица, участвующего в гражданском деле, признается учеными, с достаточной степенью очевидности, процессуальным (юридическим) фактом [5, с. 579], хотя имеются научные исследования, в которых бездействие рассматривается безотносительно абстрактных научных конструкций системы юри-

спруденции, таких как юридический факт, акты реализации права и обязанности [3, с. 27–28] и пр., *i.e.*, вне системы юриспруденции, например, в том числе, с точки зрения сфер психологии [15], социологии [11; 15;] и пр.

Бездействие субъекта права в виде невозбуждения гражданского дела и влияние его на гражданское процессуальное правоотношении до сих пор не было предметом научных исследований.

Приведем выявленные в судебной практике случаи процессуального бездействия вне имеющегося цивилистического процесса в целях индуктивного воспроизведения конечного результата исследования, а именно выявления формы процессуального бездействия, отличной от собственно процессуального бездействия в условиях имеющегося гражданского процессуального правоотношения:

1. Верховный суд России, рассматривая один обособленный спор о признании недействительным договора цессии в деле о банкротстве должника, исследовал выводы суда апелляционной инстанции о непринятии должником мер по процессуальной замене должника в реестре требований кредиторов дебитора. Верховный суд *obiter dictum* указал, что для рассматриваемого спора эти юридические факты не имели правового значения, однако такое процессуальное бездействие должника в лице его контролирующих лиц может быть предметом отдельного судебного спора (Определение Верховного Суда РФ от 25.07.2022 № 310-ЭС22–7258 по делу № А09–12768/2018). Процессуальное бездействие в виде отсутствия судебного процесса (в рассматриваемом деле – о процессуальном правопреемстве) не имело места в гражданском процессуальном правоотношении, однако является юридическим фактом, в понимании Верховного суда, который может исследоваться в отдельном судебном процессе. Выработанное, попутно сказанное, судом правило подтверждает практику рассмотрения судами дел, связанных с допроцессуальным бездействием как основным предметом исследования (см., например, Определение Верховного Суда РФ от 07.04.2016 № 302-ЭС15–18574 по делу № А33–4900/2010).

2. Не является исключением при разрешении судами банкротных дел о включении в реестр требований кредиторов должника исследование процессуального поведения кредитора, имевшего место до возбуждения дела о включении в реестр. Например, в одном из таких банкротных дел суды установили, что поведение кредитора, включающегося в реестр с требованиями из договора поставки за несколько лет исполненного должником в части оплат менее чем на 1%, может свидетельствовать об экономически необоснованном и подозрительном поведении сторон, в связи с чем суды исследовали поведение кредитора в разрезе фактов принудительного истребования суммы долга. Суды сделали выводы, что кредитор длительное время не обращался в суд за принудительным взысканием задолженности, указанной в его требовании (как указали суды такое поведение явля-

ется «пассивностью кредитора»), поэтому данный факт не отвечает критериям разумного экономического поведения, так как в то же время кредитор предъявлял иски к другим должникам на гораздо меньшие суммы (Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.06.2022 № Ф05–21583/2021 по делу № А40–184527/2020). Процессуальному бездействию, также не имевшему места в реальном имеющемся гражданском процессуальном правоотношении, суд придает силу реального юридического факта, но в ином аспекте, нежели ему причисляет Верховный суд в вышерассмотренном деле.

3. В еще одном судебном споре один из кассационных судов общей юрисдикции устанавливал обстоятельство соответствия неустойки по кредитному договору критериям соразмерности последствиям нарушения обязательства, в частности путем соотнесения процессуального поведения кредитора в условиях осведомленности о смерти наследодателя-должника по кредитному договору последствиям нарушения обязательства в виде невозврата долга; суд установил, что кредитор злоупотребляет правом, поскольку он, зная о смерти наследодателя, длительное время не обращался в суд с иском, что с учетом разъяснений Верховного суда России в абзаце 3 пункта 61 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании» означало наличие у суда обязанности отказать кредитору во взыскании процентов по статье 395 ГК РФ за весь период со дня открытия наследства, поскольку наследники не должны отвечать за неблагоприятные последствия, наступившие вследствие недобросовестных действий со стороны кредитора (Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 10.08.2023 № 88–16033/2023). В данном случае длительное бездействие кредитора имело место быть в качестве юридического факта в более сокращенном формате, нежели чем в предыдущем рассмотренном деле, так как кредитор по истечении времени все же обратился с иском в суд, но длительность бездействия дала повод суду расценивать это как злоупотребление уже материальным правом – правом на проценты по статье 395 ГК РФ.

Во всех рассмотренных случаях процессуальное бездействие, факт которого исследовали суды, качественно отличается от процессуального бездействия как процессуального факта, имеющего место в гражданском процессуальном правоотношении, которое возникает только после обращения истца или заявителя в суд и которое связано с неосуществлением процессуальных действий. Такое процессуальное бездействие является процессуальным не в силу того, что не совершается какое-либо процессуальное действие, а в силу того, что сам процесс отсутствует из-за такого действия, но при этом бездействие по необращению в суд определенным образом влияет на цивилистический процесс, именно поэтому его можно охарактеризовать как процессуальное явление.

В настоящее время, в науке назрела необходимость расширения содержания привычной формы поведения в виде бездействия процессуального (непосредственно в гражданском процессе) на дополнительную допроцессуальную стадию в целях выявления правовых последствий объективизации исследуемого юридического факта. Такую стадию следует считать самостоятельной формой процессуального бездействия. Общность рассматриваемых явлений, допроцессуального и процессуального бездействия, объясняется тем, что обе формы представляют собой нереализацию права на судебную защиту – первая форма характеризуется отсутствием защиты права как таковой, вторая представляет из себя реализацию права на судебную защиту не в полном объеме.

Допроцессуальное бездействие как форма поведения характеризуется особой внешней средой, в которой субъект права его совершает, связанной с отсутствием гражданского процессуального правоотношения, что и отличает такую форму бездействия от собственно процессуального бездействия.

Профессор Е.В. Васьковский указывал, что «если обладатель гражданского права волен совершенно отказаться от него, то тем более он может переносить нарушение своего права другим лицом. Иначе говоря, от самого обладателя права должно зависеть разрешение вопроса, обратиться ли к суду за защитой своего права или молча терпеть его нарушение» [5, с. 344]. С учетом действия тех же принципов гражданского процесса и в настоящую эпоху, утверждение профессора сохраняет свою актуальность.

Внешняя среда для субъекта при нарушении его права характеризуется возможностью принятия решения о его защите, о выборе способов защиты, включая внесудебные способы защиты права, а также варианты выбора момента защиты права.

Таким образом, допроцессуальное бездействие не всегда связано с гражданским процессом (гражданский процесс, в конечном итоге, может быть так и не возбужден истцом, а субъективное материальное право может остаться нарушенным и не восстановленным либо же оказаться восстановленным внесудебным образом), но всегда означает потенциально только временное отсутствие гражданского процессуального правоотношения, которое может возникнуть в любой момент в зависимости от поведения истца.

Разветвление процессуального бездействия на две формы и, соответственно, исследование правовых последствий реализации содержания каждой формы, является продолжением развития учения о материальной и формальной диспозитивности, разработанной еще зарубежными и российскими дореволюционными учеными-процессуалистами [4, с. 347]. Учитывая то, что нарушенное право возможно восстановить внесудебными способами, допроцессуальное бездействие возможно связать с категорией материальной диспозитивности, а собственно процессуальное бездействие с формальной диспозитивностью.

Говоря о юридических фактах в целом, стоит отметить, что безотносительно процессуальной природы их части, допроцессуальное бездействие является, с одной стороны исследованием этого явления, юридическим фактом материального права, так как закон связывает с ним течение исковой давности, ссылка на которую в процессе может исключить реализацию права на удовлетворение иска. Как указывал И.Е. Энгельман: «давность исковая есть способ погашения иска, положительно возникшего вследствие непредъявления его в течение определенного срока» [16].

В свою очередь, указание на истечение исковой давности в случае возбуждения гражданского процесса является одним из векторов влияния процессуального бездействия на гражданский процесс (например, суд вправе не исследовать иные доказательства по делу, кроме как доказательства пропуска исковой давности, то есть происходит преобразование предмета доказывания по делу). Н.С. Звягина в диссертационном исследовании, посвященном процессуальным рискам, прямо выявляет отдельную категорию допроцессуальных рисков, в том числе, связанных с пропуском срока исковой давности [9, с. 45–46]. С другой стороны, в связи с процессом, допроцессуальное бездействие, как юридический факт, вызывает также и иные правовые последствия, различным образом трансформируя гражданское процессуальное правоотношение.

Между двумя формами процессуального бездействия и последствиями их реализации есть существенные различия диаметрального типа (последствия необращения в суд сущностно отличаются от процедурных последствий нереализации процессуальных прав лиц, участвующих в деле), однако в механизме правового регулирования [3, с. 27–28] для целей определения исполнения лицом обязанности обеспечить представляемому участие в гражданском процессе различия формируются иным образом – по степени активности лица. В случае если у лица есть обязанность обеспечить представляемому участие в гражданском процессе, то одного юридического факта в виде возбуждения гражданского дела может быть недостаточно для констатации исполнения лицом такой обязанности в силу того, что право на судебную защиту представляет собой не только право на обращение в суд, но и гарантию возможности получения реальной судебной защиты в виде обеспечения восстановления в правах посредством правосудия (см. пункт 4 Постановления Конституционного Суда РФ от 18.05.2015 № 10-П // Российская газета, № 112, 22.05.2015). Учитывая также стандарты процессуального поведения, которые сейчас формируются в науке гражданского процесса, указанное означает, что последствия собственно процессуального бездействия в этом случае поглощают последствия допроцессуального бездействия. В судебной практике возможно обнаружить следы формирования этой правовой позиции (см., например, Постановление Девятого

арбитражного апелляционного суда от 04.04.2011 № 09АП-742/2011-ГК по делу № А40–105763/10–22–962).

Результаты

Выделены две устойчивые формы процессуального бездействия: 1) *собственно процессуальное бездействие*, имеющее место в гражданском процессуальном правоотношении, представляющее из себя процессуальный факт в виде несовершения лицом, участвующим в деле, какого-либо процессуального действия; 2) *допроцессуальное бездействие*, при котором потенциальное лицо, участвующее в деле (будущий потенциальный истец), не возбуждает гражданский процесс в суде.

Обсуждение

Наряду с устойчивой формой процессуального бездействия, собственно процессуальным бездействием, являющимся юридическим фактом гражданского процессуального правоотношения, допроцессуальное бездействие может быть юридическим фактом вне гражданского процессуального правоотношения, а также являться непосредственно процессуальным фактом, который определенным образом влияет на течение гражданского процессуального правоотношения.

Заключение

С учетом выделения допроцессуального бездействия в качестве самостоятельной формы поведения субъекта цивилистического процесса становится возможным выявить формы влияния такого юридического факта на гражданское процессуальное правоотношение, что вынесено за рамки исследования. С помощью выявления такой формы процессуального бездействия как допроцессуальное бездействие становится возможным достичь правовой определенности в вопросе наделения права лица на процессуальное бездействие свойствами законности или незаконности.

Литература

1. Oleinykov S.N., Shestopal S.S., et al. Nature of legal behavior: The concepts of definition and their evolution // *Humanities & Social Sciences Review*, Vol 7, No 6, 2019, pp 201–205.
2. Tor A. The Methodology of the Behavioral Analysis of Law: *Haifa Law Review*, Vol. 4, 2008. Pp. 237–327.
3. Алексеев С.С. Общая теория права. В двух томах. Т. II–М.: Юрид. лит. 1982. – 360 с.
4. Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса. Том I. Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Издание Бр. Башмаковых, 1913. 691 с.
5. Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Статут, 2016. 624 с.
6. Глащенко В.Д. Институт молчаливого признания обстоятельств в арбитражном процессе (ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ): результаты правоприменительной практики // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2022. № 3. С. 21–27.
7. Горелов М.В. К вопросу о сущности гражданского процессуального бездействия как формы гражданского процессуального поведения // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2024. № 1. С. 13–15.
8. Есипова И.А. Правовое бездействие: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Есипова И.А. – Волгоград, 1998. – 159 с.
9. Звягина Н.С. Процессуальный риск в гражданском и арбитражном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.3 / Звягина Н.С. – М., 2023. – 185 с.
10. Познер Р.А. Экономический анализ права. СПб. Экономическая школа. / Пер. с англ. под ред. В.Л. Тамбовцева, 2004, в 2-х т., Т. 1. XX + 524 с.
11. Прусаков А.Д. Действие и бездействие как формы юридически значимого поведения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Прусаков А.Д. – Саратов, 2008. – 238 с.
12. Рожкова М.А. Юридические факты в гражданском праве. 78 с. URL: https://rozhkova.com/books_text/2006-07-p.pdf (дата обращения: 03.05.2023).
13. Соловых С.Ж. Процессуальная ответственность в арбитражном процессе и некоторые вопросы ее эффективности // *Вестник гражданского процесса*. 2022. № 6. С. 65–87.
14. Третьяков С.В. Развитие учения о субъективном частном праве в зарубежной цивилистике: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Третьяков С.В. – М., 2022. – 495 с.
15. Харитонов А.А. Бездействие в гражданском праве: определение понятия // *Пролог: журнал о праве*. 2021. № 4. С. 37–38.
16. Энгельман И.Е. О давности по русскому гражданскому праву: Историко-догматическое исследование. М.: Статут, 2003. 511 с. URL: <https://civil.consultant.ru/elib/books/2/> (дата обращения: 04.05.2023).
17. Юдин А.В. «Улики поведения» в гражданском и арбитражном процессе (к вопросу о доказательственном значении фактов процессуального поведения лиц, участвующих в деле) // *Вестник гражданского процесса*. 2016. № 4. С. 12–32.
18. Юдин А.В. Разграничение злоупотреблений процессуальными правами в цивилистическом процессе со смежными правовыми явлениями // *Закон*. 2022. № 7. С. 30–38.
19. Янова Л.В. Правовая оценка и анализ бездействия // *Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова*. 2021. № 5. С. 46–48.
20. Ярков В.В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального

ного права: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Янков В.В. – Екатеринбург, 1992. – 523 с.

FORMS OF PARTY'S PROCEDURAL INACTION IN CIVIL TRIALS IN RUSSIA

Gavryusov A.V.

Perm State National Research University

The paper examines the procedural inaction of a person participating in a case in the civil procedures of Russia in the context of potential forms of its existence in a civil procedural legal relationship and out of it. The relevance of the study is confirmed by the absence of integrative (complex) studies on procedural inaction in the doctrine of modern civil procedure law, as well as a large amount of legal facts of procedural inaction in actual civil procedural legal relations. *Findings*: two forms of procedural inaction of civil trial's parties in the civil proceedings of Russia has been identified – the pre-procedural inaction and procedural inaction itself. *Conclusion*: along with the form of procedural inaction previously identified by scientists, the procedural inaction itself, which is legally a fact of a civil procedural legal relationship, pre-procedural inaction has also been revealed, which can be a legal fact outside of a civil procedural legal relationship, as well as be a directly procedural fact that in a certain way affects the course of a civil procedural legal relationship.

Keywords: procedural inaction, pre-procedural inaction, civil trials, civil trial's parties, form of behavior.

References

1. Oleinykov S.N., Shestopal S.S., et al. Nature of legal behavior: The concepts of definition and their evolution // Humanities & Social Sciences Review, Vol 7, No 6, 2019, pp 201–205.
2. Tor A. The Methodology of the Behavioral Analysis of Law: Haifa Law Review, Vol. 4, 2008. Pp. 237–327.
3. Alekseev S.S. General theory of law. In two volumes. T. II–M.: Legal. lit. 1982. – 360 p.
4. Vaskovsky E.V. Civil procedure course. Volume I. Subjects and objects of the process, procedural relations and actions. M.: Publishing house Br. Bashmakov, 1913. 691 p.
5. Vaskovsky E.V. Civil procedure course: Subjects and objects of the process, procedural relations and actions. M.: Statute. 2016. 624 p.
6. Glashchenko V.D. Institute of tacit recognition of circumstances in the arbitration process (Part 3.1 of Article 70 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation): results of law enforcement practice // Arbitration and civil process. 2022. No. 3. pp. 21–27.
7. Gorelov M.V. On the question of the essence of civil procedural inaction as a form of civil procedural behavior // Arbitration and civil process. 2024. No. 1. P. 13–15.
8. Esipova I.A. Legal inaction: dis. ...cand. legal Sciences: 12.00.01 / Esipova I.A. – Volgograd, 1998. – 159 p.
9. Zvyagina N.S. Procedural risk in civil and arbitration proceedings: dis. ...cand. legal Sciences: 5.1.3 / Zvyagina N.S. – M., 2023. – 185 p.
10. Posner R.A. Economic analysis of law. St. Petersburg. Economic school. / Per. from English edited by V.L. Tambovtseva, 2004, in 2 volumes, T. 1. XX + 524 p.
11. Prusakov A.D. Action and inaction as forms of legally significant behavior: dis. ...cand. legal Sciences: 12.00.01 / Prusakov A.D. – Saratov, 2008. – 238 p.
12. Rozhkova M.A. Legal facts in civil law. 78 p. URL: https://rozhkova.com/books_text/2006-07-p.pdf (access date: 05/03/2023).
13. Solovykh S. Zh. Procedural responsibility in the arbitration process and some issues of its effectiveness // Bulletin of Civil Procedure. 2022. No. 6. P. 65–87.
14. Tretyakov S.V. Development of the doctrine of subjective private law in foreign civil law: dis. ... Doctor of Law. Sciences: 12.00.03 / Tretyakov S.V. – M., 2022. – 495 p.
15. Kharitonova A.A. Inaction in civil law: definition of the concept // Prologue: magazine about law. 2021. No. 4. pp. 37–38.
16. Engelman I.E. On prescription under Russian civil law: Historical and dogmatic study. M.: Statute, 2003. 511 p. URL: <https://civil.consultant.ru/elib/books/2/> (access date: 05/04/2023).
17. Yudin A.V. "Evidence of conduct" in civil and arbitration proceedings (on the issue of the evidentiary value of facts of procedural conduct of persons participating in the case) // Bulletin of Civil Procedure. 2016. No. 4. P. 12–32.
18. Yudin A.V. Distinguishing between abuses of procedural rights in the civil process and related legal phenomena // Law. 2022. No. 7. P. 30–38.
19. Yanova L.V. Legal assessment and analysis of inaction // Bulletin of KSU named after. ON THE. Nekrasova. 2021. No. 5. P. 46–48.
20. Yarkov V.V. Legal facts in the mechanism for implementing the norms of civil procedural law: dis. ... Doctor of Law. Sciences: 12.00.03 / Yarkov V.V. – Ekaterinburg, 1992. – 523 p.

Дегтярев Дмитрий Дмитриевич,

магистрант, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
E-mail: degtyarevdd@inbox.ru

В статье рассматривается феномен спортивной правопреемственности в условиях ликвидации футбольного клуба и необходимости поиска баланса для защиты прав кредиторов. Исследуется эволюция становления, роль и развитие данного явления на основании решений CAS и FIFA с отражением актуальных подходов. В ходе анализа знаковых прецедентов признается тенденция выхода понятия «спортивный преемник» за рамки общепринятого понятия «правопреемник» с точки зрения гражданского и корпоративного права. В этом же контексте рассматриваются вопросы соотношения футбольного клуба и юридического лица. Автор анализирует категории критериев признания правопреемственности и элементы спортивной идентичности футбольного клуба, выраженные через его спортивные достижения, игроков, тренерский штаб, цвета, эмблему, болельщиков и др. В заключение делается вывод о *sui generis* характере института правопреемства футбольного клуба, отвечающей потребностям и специфики современной *lex sportiva*, формировании единой правовой базы и избежания злоупотреблений от надлежащего исполнения обязательств.

Ключевые слова: банкротство; футбол; ликвидация; правопреемство; спортивные организации; средства индивидуализации; *lex sportiva*.

Вопрос правопреемства в контексте спортивного законодательства становится все более актуальным, особенно в эпоху экономического кризиса. В условиях финансовой нестабильности наблюдается учащение случаев мошеннических манипуляций в процессе процедуры банкротства, в ходе которой происходит «замена» футбольного клуба на новое юридическое лицо с целью уклонения от исполнения долговых обязательств перед кредиторами. Все это вызывает цепочку сложных последствий, которые затрагивают юридический, экономический, спортивный, а также – *sensu lato* – социальный уровень, поскольку обанкротившиеся клубы зачастую выходят за рамки представления об индивидуальности субъекта в правовом смысле, обладая укоренившимися средствами индивидуализации. Слабой категорией, подпадающей под воздействие таких негативных последствий, являются кредиторы спортивного клуба, признанного банкротом. К ним относятся, прежде всего, работники по контракту, менеджеры и игроки, а также государственные органы, внешние поставщики, консультанты и агенты. Настоящая статья призвана исследовать феномен «правопреемства» в *lex sportiva*, его эволюцию и современные подходы¹.

В некоторых государствах, например, в Греции, правопреемство футбольных клубов регулируется законодательством, согласно которому закон о национальном спорте предусматривает юридическую обязанность клубов прекращать свою деятельность при переходе в любительские лиги. В этих ситуациях их место автоматически занимает спортивная ассоциация, которая замещает предшествующую юридическую структуру клуба. Если клуб, управляемый ассоциацией, впоследствии возвращается в профессиональные лиги, он обязан вернуться к прежней юридической форме.

Специфика правосубъектности футбольного клуба определяется уставом ФИФА, который включает определение понятия «клуб», признаваемого членами национальных футбольных ассоциаций, а также регулирование «статуса клубов» в соответствии со статьей 20, требующей от национальных ассоциаций обеспечивать их автономию, независимо от выбранной ими корпоративной структуры. Уставы ФИФА учитывают разнообразие правовых систем членом ассоциаций и определяют футбольные клубы как отдельные субъекты, независимо от их юридической формы.

Вопрос спортивного правопреемства был введен ФИФА в версии Дисциплинарного регламен-

¹ Dan Mihai. Transfer of a football club – debts and regulations, 2018 [Электронный ресурс], URL: <https://www.legalmondo.com/2018/10/transfer-football-club-debts-regulations/> (дата доступа: 06.02.2024).

та от 2019 года¹. Статья 15.4 Регламента говорит о спортивных правопреемниках следующее: «Спортивный правопреемник стороны, нарушающей решение ФИФА, также считается субъектом, нарушающим подобное решение и, таким образом, несет ответственность в соответствии с этим положением. Критериями оценки того, может ли организация считаться спортивным правопреемником другой организации, являются, среди прочего, ее штаб-квартира, название, юридическая форма, цвета команды, игроки, акционеры или заинтересованные стороны или структура собственников и категория соответствующего соревнования». Таким образом, закрепив неисчерпывающий список критериев, по которым можно определить, является тот или иной клуб правопреемником прошлого юридического лица. Коррелирующее положение было также включено в Регламент ФИФА о статусе и трансфере игроков согласно положению которого включена норма о спортивного преемника должника, как нового должника².

Указанное положение породило ряд вопросов юридического характера:

- 1) Происходит ли автоматическое признание правопреемства при наличии соответствующих признаков?
- 2) Являются ли данные критерии равнозначны и какой параметр достаточности необходим для признания?
- 3) Какие дополнительные элементы могут служить основанием для признания правопреемства?
- 4) Могут ли кредиторы клуба-банкрота иметь претензии к новому клубу, который был создан впоследствии правопреемства?
- 5) Возможно ли чтобы футбольный клуб с другой формой собственности и корпоративной структурой, чем у обанкротившегося клуба, был защищен от кредиторов в ходе ликвидации правопреемства старого клуба?

Ответы на указанные вопросы рассредоточены по разноюрисдикционным спорам о преемственности. Согласно регламентам ФИФА правом рассмотрения соответствующих категорий споров и решений о наличии признаков правопреемства наделены юрисдикционные органы ФИФА, например Палата по разрешению споров (Dispute Resolution Chamber) и Спортивный арбитражный суд (CAS). С целью выявления формирования комплексной палитры применяемых подходов и выявления некоторых ключевых аспектов для понимания сути юридического института «правопреемства клубов», разработанного в рамках *lex sportiva*, рассмотрим обширный сформированный за последние годы спектр прецедентного права, выходящий за рамки основ корпоративного законодательства, законодательства об интеллектуальной собственности, банкротстве и в целом понятия общества с ограниченной ответственностью;

Ниже представлен хронологический обзор наиболее актуальных дел по данной теме в попытке проследить его эволюцию во времени и выявить общие черты, которые помогут определить потенциальные случаи преемственности клубов на практике.

Одним из первых дел о правопреемстве клубов стало решение Палаты 2004 года³, в рамках которого вопрос о преемственности пусть и не анализируется глубоко, хотя позволяет понять подход ФИФА по данному вопросу. Дело касалось досрочного расторжения контракта футболиста со своим клубом по его инициативе после истечения срока действия его разрешения на пребывание и работу. Впоследствии того, как игрок покинул клуб, тот был признан несостоятельным. В следующем сезоне, в ожидании рассмотрения дела в ДРК, клуб был захвачен новой компанией. Об этом футболист сообщил в ФИФА. Палата сочла, что новая организация должна рассматриваться в качестве того же клуба, что и банкротный клуб, и поэтому должна нести ответственность за действия предыдущего клуба. В глазах Палаты тот факт, что клуб продолжал играть в том же дивизионе, что и старый обанкротившийся клуб, а не в самом низком дивизионе национального чемпионата, был фактором, определяющим ответственность нового клуба. Из этого решения можно также сделать вывод, что оба клуба имели одинаковое название и по существу могли быть идентифицированы как один и тот же клуб.

Следующим прецедентом является решение CAS от 2007 года по иску FC Politehnica Timisoara SA к клубу Politehnica Stinta⁴. Апеллянт подал иск против футбольного клуба за незаконное использование прав интеллектуальной собственности (т.е. использование названия, цветов, гимна, послужного списка и т.д.) и получил совет требования, признанное в CAS (CAS 2006/A/1109). Однако в ходе судебного разбирательства ответчик передал право на участие в национальном чемпионате третьему клубу, который был новой компанией, предположительно зарегистрированной, чтобы избежать последствий первого решения CAS. Таким образом, в данном случае речь идет о возможности принудительного исполнения предыдущего решения CAS в отношении юридического лица, имеющего отдельную правосубъектность, чем клуб, изначально связанный этим решением.

Ключевым элементом для ответа на вышеуказанный вопрос был вопрос о том, может ли новый орган, управляющий клубом, рассматриваться в качестве правопреемника «по всем практическим вопросам». Группа приняла апелляцию и посчитала, что третий клуб охватывается решением CAS. Позиция аргументирована тем, что несмотря на то, что данные юридические лица имеют отдельные идентичности и разные организационно-правовые формы собственности (одно – акционерное обще-

¹ Art. 15.4, FIFA Disciplinary Code 2019

² Art. 24ter, FIFA Regulations on the Status and Transfer of Players 2021

³ Decision DRC FIFA ref. № 04152285, 15.01.2004.

⁴ CAS 2007/A/1355 FC Politehnica Timisoara SA V. FIFA & Politehnica Stinta 1921 Timisoara Invest SA

ство, а другое – зарегистрированное некоммерческое объединение) из этого не следует отсутствие связи с первоначальным решением CAS, предусматривающим, что оно может подлежать исполнению в отношении правопреемника FC Politehnica Timisoara SA.

В третьем деле¹ дисциплинарный комитет ФИФА принял решение о продлении дисциплинарного производства и наложения санкций на новое юридическое лицо, которое ранее приобрело футбольный клуб из его прежней обанкротившейся собственности. Компания, первоначально управляющая клубом, была свернута и продала свои активы (хозяйственную единицу) на публичных торгах вновь созданному юридическому лицу, целью которого было развитие спортивных начинаний, связанных с клубом (т.е. участие в профессиональной спортивной деятельности).

Важнейшие элементы для принятия дисциплинарным комитетом ФИФА решения по вопросу о правопреемстве клубов могут быть обобщены в вопросах, которые были представлены ФИФА чилийской футбольной федерацией (см.п. 8 решения) в ходе дисциплинарного разбирательства: 1) остается ли новая организация в том же чемпионате, что и обанкротившаяся организация, и 2) сохраняла ли новая организация то же самое название, цвета и спортивные права в отношении игроков, которые ранее принадлежали обанкротившейся организации.

В последующей апелляции на решение ФИФА новое юридическое лицо отрицало существование преемственности клубов на основании национального законодательства о несостоятельности и корпоративного права, утверждая по существу, что все обязательства предыдущего юридического лица, управляющего клубом, были урегулированы в рамках процедуры банкротства и что с прежним юридическим лицом не было никаких корпоративных, экономических, спортивных или дисциплинарных отношений.

Для принятия решения по вопросу о правопреемстве судебная коллегия уточнила критерии предыдущих присуждений и сосредоточила внимание на следующих аспектах:

- Целью создания нового субъекта рассматривалось руководство клуба;
- Новый субъект приобрел хозяйственную единицу, которая включала в себя федеративные права на Национальную Ассоциацию, трансферы игроков, трофеи, спортивное оборудование, и она обязалась поддерживать неизменными название, гимн, эмблему, футболки и цвета клуба.
- Клуб остался в том же городе.
- В национальном законодательстве и в условиях приобретения было сделано прямое упоминание о новом субъекте в качестве спортивного преемника.

На основании вышеизложенного, судебная коллегия пришла к выводу о том, что «новый клуб»

¹ CAS 2011/A/2646 Club Rangers de Talca V. FIFA

на практике занял позицию и осуществлял деятельность прежнего клуба с согласия и одобрения чилийской федерации футбола и что такие обстоятельства дают ФИФА право на законное продолжение дисциплинарного разбирательства в отношении нового субъекта. В итоговом документе решения уточняется: «если организация приобретает на публичном аукционе активы обанкротившегося клуба, продолжает деятельность, ранее осуществляющуюся обанкротившимся клубом, с тем же гимном, представительными цветами, эмблемами и размещениями и на основании приобретенных на аукционе федеративных прав участвует в национальных соревнованиях, заменяя прежний клуб, с согласия и одобрения Национальной федерации следует признавать правопреемником обанкротившегося клуба»².

Следующее важное для эволюции правопреемства судебное дело было рассмотрено в январе 2009 года. Колумбийский футбольный клуб Club Santa Fe CD и мексиканский клуб Tiburones Rojos de Veracruz заключили трансферное соглашение, в соответствии с которым футболист осуществил трансфер в мексиканский клуб после уплаты значительного гонорара³. Однако мексиканский клуб не совершил один из платежей колумбийскому клубу, который в свою очередь подал иск к ФИФА с требованием выплатить полную сумму за счет оговорки об ускорении, и стороны согласились на несвоевременную оплату.

В ходе разбирательства FIFA мексиканская федерация футбола (FMF) сообщила, что компания, владеющая клубом Tiburones Rojos de Veracruz, была неудовлетворена невыполнением своих платежных обязательств перед FMF и другими аффилированными членами. Параллельно с этим новое юридическое лицо (заявитель) получило сертификат об аффилиации Tiburones Rojos de Veracruz и должно было занять вакантное место в национальном чемпионате.

Единственный судья Комитета по статусу игроков опирался на цитируемое решение CAS 2011/A/2646 Club Rangers de Talca V.FIFA и четко определил футбольный клуб как спортивное образование, идентифицируемое само по себе, выходящее за рамки юридических лиц, которые им управляют, и по этой причине обязательства, принятые любой из его управляющих компаний, должны соблюдаться, и таким образом, иск Santa Fe CD против Tiburones Rojos de Veracruz был принят.

С этой целью единоличный судья выделил следующие «существенные элементы»:

- Клубы носили одно и то же спортивное название (т.е. клуб Tiburones Rojos de Veracruz);

² Josep F. Vandellos Alamilla. Who Is Competent To Decide Upon The “Sporting Successor” Of A Football Club? 2021, [Электронный доступ], URL: <https://www.lawinsport.com/topics/item/who-is-competent-to-decide-upon-the-sporting-successor-of-a-football-club#:~:text=In%20a%20nutshell%2C%20this%20means,the%20position%20of%20the%20former> (дата доступа: 05.02.2024);

³ CAS 2013/A /3425 Adelante Tiburones A.C. v. Club Santa Fe CD

- У них обоих был один и тот же основополагающий год на веб-сайте клубов;
- У них были одинаковые герб и комплект одежды;
- Они играли на одном стадионе;
- Одинаковые заявленные спортивные заслуги и титулы;
- Их штаб-квартира также находилась в том же здании.

В свою защиту ответчик утверждал, что он не подменял права и обязанности бывшего субъекта, опираясь на систему принадлежности и на тот факт, что название и другие идентификационные символы принадлежат муниципалитету Веракрус со ссылкой на национальное законодательство, а не бывшему субъекту, который использовал их в силу соглашения о передаче бренда.

В противовес этому колумбийский клуб утверждал, что заявитель в первую очередь подпадает под действие *lex sportiva* и что юридическое лицо на самом деле принадлежит клубу, а не юридическому лицу, управляющему им. Комиссия отклонила апелляцию и утвердила решение ФИФА, рассматривая клуб-ответчик в качестве правопреемника *Tiburones Rojos de Veracruz* и подчеркивая, что клуб как спортивная организация, узнаваемая по себе, выходит за рамки понятия юридических лиц, дополнительно включая такие элементы, как наименование, цвета, историю, спортивные достижения, герб, гимн, трофеи, стадион, состав и т.д., которые позволяют отличить его от другого клуба. Таким образом, было признано преобладание преемственности и постоянства во времени спортивного учреждения перед фактом формальной смены юридического лица, даже если речь идет о чередовании в управлении обществами, совершенно отличными друг от друга.

Подобное разбирательство произошло между корейским клубом *Seoul FC* и австралийским клубом *Newcastle Jets FC*¹, причем спор разворачивался вокруг прав на материальную компенсацию за потраченные усилия на развитие игрока, переведенным из первого клуба во второй. Палата о разрешении споров ФИФА отклонила исковое заявление, поскольку он был прописан в соответствии с Уставом об исковой давности сроком на два года в Положении о статусе и трансферах игроков. Корейский клуб, неудовлетворенный результатом, обжаловал это решение в CAS.

Австралийский клуб возражал против процедуры CAS, главным образом утверждая, что он управляется новым юридическим лицом, действующим по новой лицензии, и, таким образом, он не несет ответственности за долги предыдущего владельца, который проходит процедуру банкротства.

Единоличный арбитр признал иск корейского клуба приемлемым с точки зрения давности, отменил решение ФИФА и передал дело обратно в Палату. Следуя инструкциям CAS, Палата возобновила разбирательство и при вынесении решения придерживалась подходов, сформулированных

¹ Decision DRC FIFA ref. № 04152285, 10.04.2015.

в вышеупомянутом решении CAS 2013/A/3425, анализируя спортивную преемственность клубов с юридической точки зрения. Было признано преобладание преемственности и постоянства во времени спортивного учреждения перед лицом субъекта, управляющего им, даже когда управляющие компании меняются и полностью отличаются от самих себя. Палата пришла к выводу, что существуют достаточные элементы для установления того, что клуб был одним и тем же субъектом на протяжении всей его истории, несмотря на изменение управляющей компании, стоящей за функционированием команды. По мнению Палаты, сохраняя одно и то же имя, один и тот же герб, один и тот же стадион и одних и тех же игроков, существовала четкая воля к сохранению идентичности и имиджа клуба, с тем чтобы любая третья сторона воспринимала его как один и тот же клуб (*Newcastle Jets FC*).

Наконец, в деле о правопреемстве венгерского клуба *Ujpest*². В контексте расторжения контракта без уважительной причины игроком коллегия судей должна была решить, продлевает ли она санкцию, состоящую из запрета на регистрацию новых игроков новому юридическому лицу под названием *Ujpest 1885*, которое заменило первоначальный клуб *UJPEST FC*, с которым игрок подписал контракт и который вступил в процедуру ликвидации. Судебная коллегия по этому делу вновь сослалась на доводы в решении CAS 2013/A/3245 (par. 139) и сделала вывод, что *Ujpest 1885* был спортивным преемником *UJPEST FC*, независимо от каких-либо изменений в руководстве или юридическом лице, управляющем клубом, уделяя особое внимание таким сохранившимся элементам индивидуализации как: 1) единое название *UJPEST FC*; 2) идентичные логотип и цвета *UJPEST FC*; 3) регистрация по одному и тому же адресу; 4) наличие одного и того же спортивного директора.

В контексте банкротства можно констатировать, что, если перечисленные элементы сохраняются, «новый» клуб и его новое юридическое лицо будут обязаны погасить долги, связанные с обязательствами, взятыми на себя предыдущим клубом и соответствующей компанией, даже в случае банкротства³.

Стоит также отметить, что не все элементы должны присутствовать в совокупности, чтобы клуб считался спортивным преемником, но необходимо сбалансировать их в соответствии с конкретной значимостью, и достаточного существования некоторых из наиболее важных⁴. Детальнее данный аспект раскрывается в более позднем решении CAS по делу *Panathinaikos FC v. Club Parma Calcio 1913* проводит комплексный анализ элементов для целей определения того, является ли

² CAS 2016 / A / 4550 Darwin Zamfir Andrade Marmolejo v. Club Deportivo La Equidad Seguros SA & FIFA-CAS 2016/A / 4576 FC Ujpest 1885 V. FIFA

³ CAS 2020/A/7290 Aris FC v. Lozano Farrán & FIFA

⁴ CAS 2020/A/6884 Soukeyna Ba Bengelloun v. FIFA & PFC CSKA-Sofia

новый клуб Парма 1913 правопреемником старого клуба¹. Обобщая более ранние прецеденты суд установил, что все критерии можно подразделить на три категории:

1) **не являющиеся значительными** (*minor importance*), к которым отнесены: а) *офис клуба*, так как смена юридического адреса клуба не представляется сложным процессом; б) *академия и молодежный состав* (фактор оценивается в совокупности – чем больше игроков из старого клуба выступает за новый, тем более вероятно признать его правопреемником); в) *стадион и база*, так как данные объекты новый клуб может приобрести или арендовать; г) *серийный номер в Ассоциации футбола*.

2) **критерии, которые носят учитываемый критерий** (*relevant element*): а) *наименование клуба* – оценивается попытка ассоциировать себя со старым клубом. б) *юридическая форма*; в) *клубные цвета* – возможность обоснования связи цветов команды с историей города была расценена судом как необязательная; г) *эмблема и логотип клуба* – схожие черты эмблемы; д) *социальные сети и аккаунты* – в контексте возможности переадресовывать на сайт нового клуба при упоминании названия старого клуба.

3) **критерии, отличающиеся особой важностью** (*important*): а) *игроки в составе основной команды* – критерий наличия тех же самых игроков в новой команде, что и в старом клубе, был признан критерием особой важности; б) *тренерский штаб* – рассматривается в совокупности с критерием игроков; в) *собственники, менеджмент* – анализ структуры собственников, правления клуба и менеджмента; г) *категория спортивного соревнования* – участие в том же дивизионе национального чемпионата; д) *упоминание в своей истории достижений прошлого клуба* – факт упоминания достижений прошлого клуба в глазах публики может создать впечатление ассоциации с прошлым клубом; е) *приобретение спортивного имущества* – в рамках дела речь шла о том, что новый клуб приобрел трофеи старого клуба на аукционе. Этот критерий рассматривался в совокупности с критерием упоминания в своей истории достижений прошлого клуба; ё) *Требования компенсаций от имени прошлого клуба* – новый клуб не требовал никаких компенсаций, которые причитались старому клубу (например, компенсаций за подготовку молодых игроков и т.д.).

В дополнение можно заключить, что перечень не является исчерпывающим, однако устанавливает правовые категории и создает важнейший прецедент для правоприменения в будущем. Как итог, CAS после анализа всех критериев пришел к выводу, что новый клуб Парма не может считаться правопреемником прошлого клуба и отказал Panathinaikos FC в удовлетворении требований.

Изучение судебной практики CAS позволяет сделать вывод о том, что специфика спорта

и спортивного права вышла за рамки формальных критериев, установив более широкий круг обстоятельств, критериев индивидуализации, которые также могут указывать на существование «преемственности клубов». Действительно, могут быть ситуации, в которых клуб фактически заменяется для всех практических целей новым юридическим лицом и все равно начинается с самого низкого спортивного дивизиона, ввиду того, что: клуб был отправлен добровольно, из-за дисциплинарных вопросов или после неудачных спортивных результатов, или потому, что он вновь создается *de novo*, используя то же имя, поддерживаемое теми же болельщиками, играя на том же стадионе и т.д. Отсюда следует, что специфика спорта и спортивного права превосходит принципы преемственности, заложенные гражданским правом в отношении юридических лиц, поскольку сам факт того, что две стороны выступили как два отдельных юридических лица, не является решающим фактором для исключить спортивную преемственность².

Хотя квалификация «спортивного правопреемника» имеет решающее значение для передачи долга, возникшего у предыдущей организации, на новую, этого самого по себе недостаточно для того, чтобы кредитор добился удовлетворения своих требований. Кроме того, субъективный элемент, такой как намерение обмануть кредиторов, особенно в отношении сотрудников (футболистов), должен играть преобладающую роль при принятии решения о привлечении замещающего клуба к ответственности за обязательства, принятые предыдущим субъектом. Действительно, когда устанавливается «спортивное правопреемство», поведение кредитора и особенно критерий добросовестности отдельно учитываются ФИФА и CAS. Кредитор должен был проявлять инициативу и, в частности, должен был предпринять соответствующие юридические действия для защиты своих прав, заявив, например, о своих требованиях в ходе процедуры банкротства бывшего клуба, при условии, что он/он знал или, по крайней мере, должен был знать об этом по ходу процедуры банкротства.

Учитывая вышеизложенное, понятие «спортивной преемственности» и, следовательно, ответственность нового клуба по выплате долга бывшего клуба, исчезнувшего в результате банкротства (а также ответственность за выполнение любого решения, принимаемого ФИФА и CAS и в противном случае подвергнуться дисциплинарным санкциям) в высшей степени основан на реальных обстоятельствах конкретного дела и требует индивидуальной оценки наличия определенных соответствующих критериев. Очевидно, что, следование такому подходу в судебной практике спортивного права и ФИФА в своих правилах свидетельствует об отходе от общих принципов, применимых в за-

² Smacchia Luca. The Relevant Elements in Assessing the “Sporting Succession” between Clubs // Football Legal #15, 2021 [Электронный доступ], URL: <https://www.football-legal.com/content/the-relevant-elements-in-assessing-the-sporting-succession-between-clubs> (дата доступа: 06.02.2024).

¹ CAS 2020/A/7092 Panathinaikos FC v. Fédération Internationale de Football Association (FIFA) & Club Parma Calcio 1913

конодательстве о компаниях, гражданском праве и банкротстве. В целом можно констатировать, что создание этого *sui generis* или гибридного правового режима, безусловно, приветствуется, поскольку оно отвечает потребностям и особенностям спорта, специфики *lex sportiva* в целом и, в частности, потребности в единой правовой базе, способной избежать любых искажений или злоупотреблений со стороны субъектов, пытающихся уклониться от надлежащего исполнения обязательств.

Литература

1. FIFA Regulations on the Status and Transfer of Players (2021), [Электронный доступ], URL: <https://resources.fifa.com/image/upload/regulations-on-the-status-and-transfer-of-players-january-2021.pdf?cloudid=g1ohngu7qdbxyo7kc38e> (дата доступа: 04.02.2024);
2. FIFA Disciplinary Code (2019), [Электронный доступ], URL: <https://resources.fifa.com/image/upload/fifa-disciplinary-code-2019.pdf?cloudid=twc8yxh6fn0kjkxhe9e> (дата доступа: 04.02.2024);
3. Благой Д.С. Банкротство футбольных клубов как инструмент вывода активов // Образование. Наука. Научные кадры, 2020 [Электронный доступ], URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bankrotstvo-futbolnyh-klubov-kak-instrument-vyvoda-aktivov> (дата доступа: 03.02.2024);
4. Tiran Gunawardena, Rustam Sethna, 'An Overview Of The New FIFA Disciplinary Code', lawinsport.com, 2019, [Электронный доступ], URL: <https://www.lawinsport.com/topics/item/an-overview-of-the-new-fifa-disciplinary-code> (дата доступа: 03.02.2024);
5. Josep F. Vandellos Alamilla. Who Is Competent To Decide Upon The "Sporting Successor" Of A Football Club? 2021, [Электронный доступ], URL: <https://www.lawinsport.com/topics/item/who-is-competent-to-decide-upon-the-sporting-successor-of-a-football-club#:~:text=In%20a%20nutshell%2C%20this%20means,the%20position%20of%20the%20former> (дата доступа: 05.02.2024);
6. Smacchia Luca. The Relevant Elements in Assessing the "Sporting Succession" between Clubs // Football Legal #15, 2021 [Электронный доступ], URL: <https://www.football-legal.com/content/the-relevant-elements-in-assessing-the-sporting-succession-between-clubs> (дата доступа: 06.02.2024);
7. Dan Mihai. Transfer of a football club – debts and regulations, 2018 [Электронный доступ], URL: <https://www.legalmondo.com/2018/10/transfer-football-club-debts-regulations/> (дата доступа: 06.02.2024);
8. CAS award 2020/A/6884 Soukeyna Ba Bengeloun v. FIFA & PFC CSKA-Sofia;
9. CAS award 2020/A/7092 Panathinaikos FC v. Fédération Internationale de Football Association (FIFA) & Club Parma Calcio 1913;

10. CAS award 2020/A/7290 Aris FC v. Lozano Farrán & FIFA;
11. CAS award 2016 / A / 4550 Darwin Zamfir Andrade Marmolejo v. Club Deportivo La Equidad Seguros SA & FIFA-CAS 2016/A / 4576 FC Ujpest 1885 V. FIFA;
12. CAS award 2013/A /3425 Adelante Tiburones A.C. v. Club Santa Fe CD;
13. CAS award 2011/A/2646 Club Rangers de Talca v. FIFA;
14. CAS award 2007/A/1355 FC Politehnica Timisoara SA V. FIFA & Politehnica Stinta 1921 Timisoara Invest SA;
15. Decision DRC FIFA ref. № 04152285, 15.01.2004.
16. Decision DRC FIFA ref. № 04152285, 10.04.2015.

LEGAL REGULATION OF LIQUIDATION AND SUCCESSION OF A FOOTBALL CLUB

Degtyarev D.D.

National Research University Higher School of Economics

The article examines the phenomenon of sports succession in the context of the liquidation of a football club and the need to find a balance to protect the rights of creditors. The evolution of the formation, role and development of this phenomenon is explored based on decisions of CAS and FIFA, reflecting current approaches. In the course of the analysis of landmark precedents, the tendency of the concept of "sports successor" to go beyond the generally accepted concept of "successor" from the point of view of civil and corporate law is recognized. In the same context, issues of the relationship between a football club and a legal entity are considered. The author analyzes the categories of succession recognition criteria and elements of the sports identity of a football club, expressed through its sporting achievements, players, coaching staff, colors, emblem, fans, etc. In conclusion, a conclusion is made about the *sui generis* nature of the institution of succession of a football club, meeting the needs and specifics of modern *lex sportiva*, the formation of a unified legal framework and the avoidance of abuses from the proper fulfillment of obligations.

Keywords: bankruptcy; football; liquidation; succession; sports organizations; means of individualization; *lex sportiva*

References

1. FIFA Regulations on the Status and Transfer of Players (2021), [Electronic access], URL: <https://resources.fifa.com/image/upload/regulations-on-the-status-and-transfer-of-players-january-2021.pdf?cloudid=g1ohngu7qdbxyo7kc38e> (accessed 02/04/2024);
2. FIFA Disciplinary Code (2019), [Electronic access], URL: <https://resources.fifa.com/image/upload/fifa-disciplinary-code-2019.pdf?cloudid=twc8yxh6fn0kjkxhe9e> (access date: 02/04/2024);
3. Blagoy D.S. Bankruptcy of football clubs as a tool for withdrawing assets // Education. The science. Scientific personnel, 2020 [Electronic access], URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bankrotstvo-futbolnyh-klubov-kak-instrument-vyvoda-aktivov> (access date: 02/03/2024);
4. Tiran Gunawardena, Rustam Sethna, 'An Overview Of The New FIFA Disciplinary Code', lawinsport.com, 2019, [Electronic access], URL: <https://www.lawinsport.com/topics/item/an-overview-of-the-new-fifa-disciplinary-code> (access date: 02/03/2024);
5. Josep F. Vandellos Alamilla. Who Is Competent To Decide Upon The "Sporting Successor" Of A Football Club? 2021, [Electronic access], URL: <https://www.lawinsport.com/topics/item/who-is-competent-to-decide-upon-the-sporting-successor-of-a-football-club#:~:text=In%20a%20nutshell%2C%20this%20means,the%20position%20of%20the%20former> (accessed 02/05/2024);
6. Smacchia Luca. The Relevant Elements in Assessing the "Sporting Succession" between Clubs // Football Legal #15, 2021 [Electronic access], URL: <https://www.football-legal.com/content/the-relevant-elements-in-assessing-the-sporting-succession-between-clubs>

com/content/the-relevant-elements-in-assessing -the-sporting-succession-between-clubs (accessed 02/06/2024);

7. Dan Mihai. Transfer of a football club – debts and regulations, 2018 [Electronic access], URL: <https://www.legalmondo.com/2018/10/transfer-football-club-debts-regulations/> (access date: 02/06/2024);
8. CAS award 2020/A/6884 Soukeyna Ba Bengelloun v. FIFA & PFC CSKA-Sofia;
9. CAS award 2020/A/7092 Panathinaikos FC v. Fédération Internationale de Football Association (FIFA) & Club Parma Calcio 1913;
10. CAS award 2020/A/7290 Aris FC v. Lozano Farrán & FIFA;
11. CAS award 2016 / A / 4550 Darwin Zamfir Andrade Marmolejo v. Club Deportivo La Equidad Seguros SA & FIFA-CAS 2016/A / 4576 FC Ujpest 1885 V. FIFA;
12. CAS award 2013/A /3425 Adelante Tiburones A.C. v. Club Santa Fe CD;
13. CAS award 2011/A/2646 Club Rangers de Talca v. FIFA;
14. CAS award 2007/A/1355 FC Politehnica Timisoara SA V. FIFA & Politehnica Stinta 1921 Timisoara Invest SA;
15. Decision DRC FIFA ref. No. 04152285, 01/15/2004.
16. Decision DRC FIFA ref. No. 04152285, 04/10/2015.

Правовая природа договора оказания телемедицинских услуг: аспекты определения обязательных условий

Джикия Михаил Давидович,

младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Правовое регулирование в условиях цифровизации» Волгоградского государственного университета
E-mail: dzhickiamd@volsu.ru

Колтырин Вадим Игоревич,

младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Правовое регулирование в условиях цифровизации» Волгоградского государственного университета
E-mail: koltyrin_vi@volsu.ru

Использование телемедицинских технологий в значительной степени облегчает установление и поддержание связи между пациентами и врачами в условиях географического или вынужденного социального (по показаниям) дистанцирования. Учитывая, что в России сфера телемедицины находится на начальных этапах своего развития, ее юридическая регламентация пока носит фрагментарный и местами коллизионный характер. Одним из обязательных условий оказания платных медицинских услуг в нашей стране является наличие договора, подписанного пациентом и медицинской организацией. В этой связи возникают вопросы содержания и идентичности требований к содержанию договоров оказания платных медицинских и телемедицинских услуг, а также необходимости обозначения их обязательных условий, а также определения правовой природы. Ответы на эти вопросы в контексте обеспечения соблюдения баланса прав и законных интересов врачей и пациентов в процессе телемедицинской деятельности ищут авторы данной статьи.

Ключевые слова: телемедицина, медицинские услуги, договор, врач, пациент, обязательные условия договора, права, обязанности, риски.

Современное состояние развития российского государства, всех без исключения сфер его жизнедеятельности невозможно представить без комплексного и поэтапного развития сферы здравоохранения, в том числе без внедрения в медицину информационных – коммуникационных технологий.

Особую важность эта сфера приобретает с учетом географического положения России и ее территориальных размеров, когда даже в самой отдаленной точке пациент должен иметь возможность получить квалифицированную помощь в той же мере, что и гражданин проживающий в мегаполисе, однако, этот вопрос сталкивается помимо отсутствия должного административно-правового регулирования с пока еще слабым уровнем развития первичного звена здравоохранения, которое проходит в настоящий момент программу модернизации особое место в которой отводится сельской местности.

Вопросам правовой природы договоров оказания медицинских услуг, а также определению их обязательных условий посвящены работы многих современных авторов, таких как О.Н. Кудашева, Е.С. Крюкова [1], О.И. Шмидт [2], И.Н. Яхновец [3], А.Э. Яковлева [4], И.А. Басманова [5], В.А. Егупов, В.Р. Камзина [6], С.А. Ватутина [7], Л.И. Попова [8]. Ряд авторов, а именно Ю.В. Мосина [9], А.И. Биленко [10], Г.А. Вакулина [11], Е.И. Царгородцева [12], И.М. Змановская [13], Я.В. Матрюк, Н.В. Каменева [14], посвятили свои исследования вопросам защиты прав пациентов и врачей. В современных условиях распространения оказания медицинских услуг с применением информационных технологий, ученые стали исследовать в своих работах правовую природу таких услуг, так, работы таких ученых, как Е.Б. Лупарев [15], Ю.С. Сергеева [16], В.С. Буланова [17], Е.А. Милашевич [18], Ф.У. Юсупова [19], М.А. Винокурова, Т.В. Пашнина [20], М.Л. Давыдова [21], посвящены различным аспектам правового регулирования, в том числе федерального законодательства, при этом работы, освещающие договорные аспекты оказания телемедицинских услуг, встречаются в недостаточном количестве.

Авторами использованы общенаучные методы логического познания, в частности при помощи анализа и синтеза проанализированы нормативно-правовые акты, регулирующие платные медицинские и телемедицинские услуги. Системный метод анализа конкретных договоров на оказание медицинских услуг с использованием телемедицинских технологий, размещенных в открытом доступе, позволил дать оценку сложившейся договорной

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 23–78–10175, <https://rscf.ru/project/23-78-10175/>. The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation № 23–78–10175, <https://rscf.ru/project/23-78-10175/>.

практике, а также выработать рекомендации по ее совершенствованию.

Формально-юридический метод и метод юридической герменевтики были использованы при анализе научной литературы, охватывающей основные блоки исследований по заявленной тематике, сравнительно-правовой метод позволил выявить подводные камни, препятствующие соблюдению баланса прав и законных и интересов врачей и пациентов в процессе телемедицинской деятельности. Исследование подкреплено изучением статистических данных, характеризующих объемы оказания телемедицинских консультаций в России за 2017–2022 годы посредством количественных методов анализа.

Телемедицинские услуги становятся все более популярными, так с 2017 по 2021 годы численность пользователей телемедицинских сервисов в России увеличилась с 2,6 до 20,1 млн человек [22]. За 2023 год только в рамках ОМС в России проведено 9 млн. врачебных приемов в режиме онлайн, что на 25% больше чем в 2022 году [23]. Наиболее популярными специалистами в режиме телемедицинского общения стали терапевт, психолог, акушер-гинеколог и аллерголог иммунолог [24].

Учитывая рост интереса россиян к телемедицинским услугам актуализируется задача государственного регулирования рассматриваемой сферы, причем такое регулирование должно осуществляться не путем создания лишних административных барьеров, а с использованием инструментов, не мешающих эволюционному развитию, но гарантирующих соблюдение прав пациентов на получение квалифицированной медицинской помощи.

Одним из таких «инструментов» регулирования должны стать общеобязательные требования к договору на оказание медицинских услуг с использованием телемедицинских технологий.

Базовым законом, регулирующим в том числе основные начала в сфере организации оказания медицинских услуг в Российской Федерации с применением информационно-коммуникационных ресурсов – является Федеральный Закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (п. 22 ч. 1 ст. 2, ст. 36.2 указанного Закона) [25]. В развитие его положений принят Приказ Минздрава России от 30.11.2017 № 965н «Об утверждении порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий» [26] который определил основные направления и правила при взаимодействии в дистанционном формате при оказании медицинской помощи как в формате: «медицинский работник (врач) – медицинский работник (врач)», так и в формате: «медицинский работник (врач) – пациент – потребитель (получатель) услуги».

Однако наиболее примечательным является Постановление Правительства РФ от 18 июля 2023 года № 1164 (далее Постановление № 1164) [27], которое помимо дальнейшей конкретизации базовых положений (сведения о применяемых цифровых технологиях, оценки и минимизации

рисков при оказании телемедицинской помощи, территории и сроках действия экспериментального правового режима), содержит некоторые требования к такому важному способу организации взаимодействия при оказании дистанционной медицинской помощи с использованием коммуникационных сетей связи – как непосредственно сам договор, заключаемые пациентом – получателем медицинской услуги и медицинской организацией – исполнителем требуемой услуги.

Для определения существенных условий договора оказания медицинских услуг с применением информационно-коммуникационных технологий, следует выделить базовые признаки и определить: является ли такой договор в прямом смысле договором оказания услуг и тогда он всецело регулируется положениями главы 39 ГК РФ [28] или же данный договор является смешанным и как следствие регулируется как общими положениями гражданского законодательства, так и специальными отраслевыми нормативными актами.

Как следует из положений ч. 3 ст. 421 ГК РФ [28], стороны могут заключить договор, в котором содержатся элементы различных договоров, предусмотренных законом или иными правовыми актами (смешанный договор). К отношениям сторон по смешанному договору применяются в соответствующих частях правила о договорах, элементы которых содержатся в смешанном договоре, если иное не вытекает из соглашения сторон или существа смешанного договора. Следовательно, для понимания положений настоящего договора следует принимать во внимание «буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений».

Однако ч. 2 статьи 779 ГК РФ [28], в свою очередь свидетельствует о том, что действующее законодательство говоря о договоре возмездного оказания услуг, включает в сферу правового регулирования данной главы и договор оказания медицинских услуг. Таким образом, важное значение для ответа на поставленный вопрос имеет возможность установления тождества между понятиями «договор оказания медицинских услуг» и «договор оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий».

В самом общем виде договор возмездного оказания медицинских услуг представляет собой соглашение, по которому медицинская организация обязуется оказывать пациенту медицинские услуги в соответствии с имеющейся у нее лицензией, а пациент берет на себя обязательство данные услуги оплатить. При этом, пациенту гарантируется квалифицированная медицинская помощь, а также полное информирование относительно диагноза и методов лечения.

Понятие медицинской услуги закреплено в ст. 2 ФЗ № 323-ФЗ «Об основах здоровья граждан в Российской Федерации» [25] и включает в себя медицинское вмешательство, направленное на профилактические или диагностические цели, а также на лечение пациентов и их реабилитацию.

Согласно Приказу Минздравоохранения РФ от 30.11.2017 № 965 (далее Приказ) [26], регулирующему порядок оказания медицинских услуг с использованием телемедицинских технологий, медицинская организация обязана предоставлять пациентам помимо прочей информации и информацию о существенных условиях договора оказания услуг (п. 46 Приказа). Исходя из данной нормы можно сделать вывод о том, что оказание медицинских услуг с использованием телемедицинских технологий также подразумевает наличие специализированного договора. В то же время непонятно каково должно быть содержание такого рода соглашений между пациентом и медицинской организацией.

По мнению авторов, в отсутствии прямого нормативного указания на перечень обязательных условия договора на оказание телемедицинских услуг (Постановление № 1164 [27] содержит лишь некоторые из них и распространяется только на участников экспериментального правового режима), есть два варианта трактовки действующего законодательства:

1. Договор на оказание телемедицинских услуг должен быть полностью идентичен стандартному договору на оказание платных медицинских услуг, содержание которого подробно регламентировано правилами предоставления платных медицинских услуг, утвержденными Постановлением Правительства России от 11.05.2023 № 736 [29]. Данная трактовка соответствует требованию, в соответствии с которым организации оказывающие телемедицинские услуги обязаны иметь соответствующую лицензию на осуществление медицинской деятельности. Очевидно, что такой подход гарантирует соблюдение баланса прав и законных интересов пациентов и докторов при оказании услуги. Анализ договорной практики, в частности размещенных в открытом доступе оферт подтверждает, что ряд организаций идет по такому пути [30].

2. Другой подход подразумевает отсутствие особых требований к содержанию договора на оказание телемедицинских услуг, кроме общих требований, закреплённых к такому виду договоров ГК РФ. Такая трактовка также нередко встречается на рынке оказания услуг, в частности некоторые медицинские организации используют формулировку «договор на проведение консультаций с применением телемедицинских технологий» [31], что по смыслу и содержанию видимо отличается от «договора на оказание медицинских услуг с применением телемедицинских технологий».

Рассматривая различные аспекты содержания договоров оказания платных медицинских услуг и договоров, регулирующих оказание телемедицинских услуг, авторы приходят к следующим выводам:

1. Необходимо нормативно закрепить обязанность соблюдения медицинскими организациями всех требований к договорам на оказание телемедицинских услуг по аналогии с договорами на оказание платных медицинских услуг.

2. Законодателю следует акцентировать внимание на обязательности наличия у организации, оказывающей телемедицинские услуги лицензии на ведение медицинской деятельности, а также на соблюдении операторами информационных сервисов требований к наличию добровольного информированного согласия пациентов на все виды медицинских вмешательств.
3. Было бы логично внести в юридические акты норму о том, что оказанию телемедицинских услуг должно предшествовать письменное информирование пациентов и их представителей об особенностях, содержании и правовых последствиях телемедицинских услуг, а самое главное о невозможности постановки первичных медицинских диагнозов без очных врачебных осмотров.
4. Авторы считают необходимым отдельно регламентировать порядок соблюдения требований об обработке персональных данных пациентов при оказании телемедицинских услуг (например, закрепить в качестве обязательного приложения к договору согласие на обработку персональных данных и данных отнесенных к врачебной тайне).

Внедрение в практику указанных мер будет способствовать более полной реализации прав и гарантий пациентов на охрану здоровья в процессе оказания медицинских услуг с использованием телемедицинских технологий.

Литература

1. Кудашева, О.Н. Договор оказания медицинских услуг: понятие и правовая природа / О.Н. Кудашева, Е.С. Крюкова // XVII Королёвские чтения: Материалы Всероссийской молодёжной научной конференции с международным участием, посвящённой 35-летию со дня первого полёта МТКС «Энергия -Буран». В 2-х томах, Самара, 03–05 октября 2023 года. – Самара: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 2023. – С. 352–353.
2. Мосина, Ю.В. Договор оказания медицинских услуг как правовая основа безопасности врача и пациента / Ю.В. Мосина // Наука молодых – будущее России: сборник научных статей 7-й Международной научной конференции перспективных разработок молодых ученых, Курск, 12–13 декабря 2022 года. Том 3. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. – С. 183–186.
3. Шмидт, О.И. Договор оказания платных медицинских услуг в российском гражданском праве / О.И. Шмидт // Актуальные проблемы современной науки: Сборник научных работ (статей) обучающихся / Ред. А.В. Жебо. – Хабаровск: Хабаровский государственный университет экономики и права, 2023. – С. 128–131.

4. Яхновец, И.Н. Договор возмездного оказания медицинских услуг: понятие и пути совершенствования правового регулирования / И.Н. Яхновец // Третьи цивилистические чтения памяти профессора М.Г. Прониной: Сборник материалов, Минск, 18 марта 2021 года / Под редакцией Н.Л. Бондаренко [и др.]. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2021. – С. 270–273.
5. Яковлева, А.Э. Договор возмездного оказания медицинских услуг в гражданском праве Российской Федерации / А.Э. Яковлева // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сборник материалов XI Международной научно-практической конференции, посвященной 30-летию юридического факультета, Чебоксары, 03 декабря 2021 года / Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова. – Чебоксары: Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, 2021. – С. 512–517.
6. Басманова, И.А. Проблемы правового регулирования договора возмездного оказания медицинских услуг / И.А. Басманова // Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако: МАТЕРИАЛЫ V МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ: В 2 Т., Тамбов, 28–29 мая 2021 года. Том 2. – Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021. – С. 27–30.
7. Егупов, В.А. Специфика правового регулирования договора возмездного оказания медицинских услуг / В.А. Егупов, В.Р. Камзина // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Юриспруденция. – 2021. – № 18. – С. 24–26.
8. Ватутина, С.А. Понятие и особенности договора возмездного оказания платных медицинских услуг / С.А. Ватутина // IV Международный форум цивилистов: сборник научных статей международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 23 апреля 2021 года. – Ростов-на-Дону: Индивидуальный предприниматель Беспамятных Сергей Владимирович, 2021. – С. 113–118.
9. Попова, Л. И. К вопросу об определении правовой природы договора на оказание платных медицинских услуг / Л.И. Попова // Ермен. Global. – 2023. – № 33. – С. 245–249.
10. Биленко, А.И. Правовое положение заказчика и пациента (потребителя) в отношениях, возникающих из договора возмездного оказания медицинских услуг / А.И. Биленко // Законодательство. – 2021. – № 8. – С. 23–30.
11. Вакулина, Г.А. Права пациентов по договору возмездного оказания медицинских услуг: некоторые аспекты / Г.А. Вакулина // Медицинское право. – 2021. – № 5. – С. 24–29.
12. Царегородцева, Е.И. Проблемы соблюдения прав пациентов при даче согласия на медицинское вмешательство и объему предоставляемой врачом информации перед медицинским вмешательством / Е.И. Царегородцева // Проблемы современных интеграционных процессов и пути их решения: Сборник статей Международной научно-практической конференции, Уфа, 17 октября 2022 года. – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «ОМЕГА САЙНС», 2022. – С. 42–45.
13. Змановская, И.М. Проблемы, возникающие при защите прав потребителей, в процессе оказания медицинских услуг / И.М. Змановская // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – Т. 1, № 44. – С. 373–382.
14. Матрюк, Я.В. Особенности осуществления и защиты прав потребителя в сфере медицинских услуг / Я.В. Матрюк, Н.В. Каменева // Universitas: экономика и юриспруденция. – 2023. – № 11(109). – С. 38–40.
15. Лупарев, Е.Б. Правовое регулирование экспорта телемедицинских услуг: российский и европейский опыт / Е.Б. Лупарев // Кубанское агентство судебной информации PRO-SUD-123.RU: Юридический сетевой электронный научный журнал. – 2020. – № 1(11). – С. 69–78.
16. Сергеева, Ю.С. Ответственность участников телемедицинских услуг / Ю.С. Сергеева // Наука XXI века: актуальные направления развития. – 2020. – № 1–2. – С. 618–623.
17. Буланова, В.С. Правовое обеспечение телемедицинских услуг и цифровая трансформация: теоретико-методологические вопросы / В.С. Буланова // Мониторинг правоприменения. – 2021. – № 2(39). – С. 59–64.
18. Милашевич, Е.А. Телемедицинское консультирование и стандартизация телемедицинских услуг: мировой опыт / Е.А. Милашевич // Вопросы организации и информатизации здравоохранения. – 2022. – № S1. – С. 326–331.
19. Юсупова, Ф.У. Информационно-правовое обеспечение оказания телемедицинских услуг / Ф.У. Юсупова // Экономика и социум. – 2023. – № 8(111). – С. 378–381.
20. Винокурова, М. А. О применении системного подхода в правовом регулировании телемедицинских технологий / М.А. Винокурова, Т.В. Пашнина // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26, № 6. – С. 126–139.
21. Давыдова, М.Л. Телемедицина и экспериментальные правовые режимы в области здравоохранения: проблемы и перспективы внедрения / М.Л. Давыдова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2023. – Т. 27, № 3. – С. 564–582.
22. Анализ рынка телемедицины в России в 2017–2021 гг., прогноз на 2022–2026 гг. Перспективы рынка в условиях санкций [Электронный ресурс] // URL: https://businessstat.ru/images/demo/telemedicine_russia_demo_businessstat.pdf (Дата обращения 06.01.2024).
23. В России набирает популярность телемедицина [Электронный ресурс] // URL: <https://on24>.

media/2023/12/30/v-rossii-nabiraet-populyarnost-telemeditsina/ (Дата обращения 06.01.2024).

24. Спрос россиян на онлайн-медицину вырос на 50% [Электронный ресурс] // URL: <https://www.sogaz.ru/sogaz/pressroom/release/852246/> (Дата обращения 06.01.2024).
25. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 N 323-ФЗ: принят Гос. Думой 1 ноября 2011 г.: одобрен Советом Федерации 9 ноября 2011 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
26. Приказ Минздрава РФ от 30.11.2017 N 965н «Об утверждении порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 09.01.2018 N 49577). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
27. Постановление Правительства РФ от 18.07.2023 N 1164 (ред. от 18.07.2023) «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по направлению медицинской деятельности, в том числе с применением телемедицинских технологий и технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозах граждан». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
28. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ: принят Гос. Думой 21 октября 1994 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
29. Постановление Правительства РФ от 11.05.2023 N 736 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 4 октября 2012 г. N 1006». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
30. Оферта на заключение Договора на оказание платных медицинских услуг с применением телемедицинских технологий ООО «Мать и дитя» [Электронный ресурс] // URL: https://zn48.ru/upload/online_doctor_contract.docx (Дата обращения 09.01.2024).
31. Договор на проведение консультаций с применением телемедицинских технологий ФГБНУ НЦН [Электронный ресурс] // URL: https://neurology.ru/upload/medialibrary/3b6/b6fdqr4yhr0kae924tt13fryb0u1xspl/forma_dogovora_telemedicina_12.01.2023.docx?ysclid=lr6e7c9g2s168435462 (Дата обращения 09.01.2024).

LEGAL NATURE OF THE CONTRACT FOR THE PROVISION OF TELEMEDICINE SERVICES: ASPECTS OF DETERMINING MANDATORY CONDITIONS

Dzhikiya M.D., Koltyrin V.I.

Volgograd State University

The use of telemedicine technologies greatly facilitates the establishment and maintenance of communication between patients and doctors in conditions of geographic or forced social (as indicated) distancing. Considering that in Russia the field of telemedicine is at the initial stages of its development, its legal regulation is still fragmentary and conflicting in nature. One of the mandatory conditions for the provision of paid medical services in our country is the existence of an agreement signed by the patient. In this regard, questions arise about the content and the identity of the requirements for the content of contracts for the provision of paid medical and telemedicine services, as well as the need to indicate their mandatory conditions and determine the legal nature. The authors of this article are looking for answers to these questions in the context of ensuring compliance with the balance of rights and legitimate interests of doctors and patients in the process of telemedicine activities.

Keywords: telemedicine, medical services, contract, doctor, patient, mandatory terms of the contract, rights, responsibilities, risks.

References

1. Kudasheva, O.N. Agreement for the provision of medical services: concept and legal nature / O.N. Kudasheva, E.S. Kryukova // XVII Royal Readings: Materials of the All-Russian Youth Scientific Conference with international participation, dedicated to the 35th anniversary of first flight of the MTKS Energia-Buran. In 2 volumes, Samara, October 03–05, 2023. – Samara: Samara National Research University named after Academician S.P. Queen, 2023. – pp. 352–353.
2. Mosina, Yu.V. Agreement for the provision of medical services as a legal basis for the safety of the doctor and the patient / Yu.V. Mosina // Science of the young – the future of Russia: a collection of scientific articles of the 7th International scientific conference of promising developments of young scientists, Kursk, 12–December 13, 2022. Volume 3. – Kursk: Southwestern State University, 2022. – P. 183–186.
3. Shmidt, O.I. Agreement for the provision of paid medical services in Russian civil law / O.I. Shmidt // Current problems of modern science: Collection of scientific works (articles) of students / Ed. A.V. Zhebo. – Khabarovsk: Khabarovsk State University of Economics and Law, 2023. – P. 128–131.
4. Yakhnovets, I.N. Agreement for the provision of medical services for a fee: the concept and ways to improve legal regulation / I.N. Yakhnovets // Third civil readings in memory of Professor M.G. Pronina: Collection of materials, Minsk, March 18, 2021 / Edited by N.L. Bondarenko [and others]. – Minsk: Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, 2021. – P. 270–273.
5. Yakovleva, A.E. Agreement for the provision of medical services for a fee in the civil law of the Russian Federation / A.E. Yakovleva // Current problems of legal science and law enforcement practice: collection of materials of the XI International scientific and practical conference dedicated to the 30th anniversary of the Faculty of Law, Cheboksary, December 03, 2021 / Chuvash State University named after I.N. Ulyanov. – Cheboksary: Chuvash State University named after I.N. Ulyanova, 2021. – P. 512–517.
6. Basmanova, I.A. Problems of legal regulation of the contract for the provision of medical services for a fee / I.A. Basmanova // Tambov legal readings named after F.N. Plevako: MATERIALS OF THE V INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE: In 2 Vol., Tambov, 28–May 29, 2021. Volume 2. – Tambov: Publishing House “Derzhavinsky”, 2021. – P. 27–30.
7. Egupov, V.A. Specifics of legal regulation of the contract for the provision of medical services for a fee / V.A. Egupov, V.R. Kamzina // Bulletin of the educational consortium Central Russian University. Series: Jurisprudence. – 2021. – No. 18. – P. 24–26.
8. Vatutina, S.A. Concept and features of the contract for the provision of paid medical services / S.A. Vatutina // IV International

- Forum of Civilists: collection of scientific articles of the international scientific and practical conference, Rostov-on-Don, April 23, 2021. – Rostov-on-Don: Individual entrepreneur Sergey Vladimirovich Bepamyatnov, 2021. – P. 113–118.
9. Popova, L.I. On the issue of determining the legal nature of the contract for the provision of paid medical services / L.I. Popova // *Epomen. Global.* – 2023. – No. 33. – P. 245–249.
 10. Bilenko, A.I. Legal status of the customer and the patient (consumer) in relations arising from an agreement for the provision of medical services for a fee / A.I. Bilenko // *Legislation.* – 2021. – No. 8. – P. 23–30.
 11. Vakulina, G.A. Rights of patients under an agreement for the provision of medical services for a fee: some aspects / G.A. Vakulina // *Medical law.* – 2021. – No. 5. – P. 24–29.
 12. Tsaregorodtseva, E.I. Problems of observing the rights of patients when giving consent to medical intervention and the amount of information provided by the doctor before medical intervention / E.I. Tsaregorodtseva // *Problems of modern integration processes and ways to solve them: Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference, Ufa, October 17, 2022.* – Ufa: Limited Liability Company “OMEGA SCIENCE”, 2022. – pp. 42–45.
 13. Zmanovskaya, I.M. Problems arising in the protection of consumer rights in the process of providing medical services / I.M. Zmanovskaya // *Innovations. The science. Education.* – 2021. – T. 1, No. 44. – P. 373–382.
 14. Matryuk, Ya.V. Features of the implementation and protection of consumer rights in the field of medical services / Ya.V. Matryuk, N.V. Kameneva // *Universum: economics and jurisprudence.* – 2023. – No. 11(109). – P. 38–40.
 15. Luparev, E.B. Legal regulation of the export of telemedicine services: Russian and European experience / E.B. Luparev // *Kuban Judicial Information Agency PRO-SUD-123.RU: Legal network electronic scientific journal.* – 2020. – No. 1(11). – pp. 69–78.
 16. Sergeeva, Yu.S. Responsibility of participants in telemedicine services / Yu.S. Sergeeva // *Science of the XXI century: current directions of development.* – 2020. – No. 1–2. – pp. 618–623.
 17. Bulanova, V.S. Legal support of telemedicine services and digital transformation: theoretical and methodological issues / V.S. Bulanova // *Monitoring of law enforcement.* – 2021. – No. 2(39). – pp. 59–64.
 18. Milashevich, E.A. Telemedicine consulting and standardization of telemedicine services: world experience / E.A. Milashevich // *Issues of organization and informatization of healthcare.* – 2022. – No. S1. – pp. 326–331.
 19. Yusupova, F.U. Information and legal support for the provision of telemedicine services / F.U. Yusupova // *Economics and society.* – 2023. – No. 8(111). – pp. 378–381.
 20. Vinokurova, M.A. On the application of a systematic approach in the legal regulation of telemedicine technologies / M.A. Vinokurova, T.V. Pashnina // *Journal of Russian Law.* – 2022. – T. 26, No. 6. – P. 126–139.
 21. Davydova, M.L. Telemedicine and experimental legal regimes in the field of healthcare: problems and prospects for implementation / M.L. Davydova // *Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: Legal sciences.* – 2023. – T. 27, No. 3. – P. 564–582.
 22. Analysis of the telemedicine market in Russia in 2017–2021, forecast for 2022–2026. Market prospects under sanctions [Electronic resource] // URL: https://businessstat.ru/images/demo/telemedicine_russia_demo_businessstat.pdf (Access date 01/06/2024).
 23. Telemedicine is gaining popularity in Russia [Electronic resource] // URL: <https://on24.media/2023/12/30/v-rossii-nabiraet-populyarnost-telemeditsina/> (Access date 01/06/2024).
 24. Russians' demand for online medicine has increased by 50% [Electronic resource] // URL: <https://www.sogaz.ru/sogaz/press-room/release/852246/> (Access date 01/06/2024).
 25. Federal Law “On the fundamentals of protecting the health of citizens in the Russian Federation” dated November 21, 2011 N 323-FZ: adopted by the State. Duma November 1, 2011: approved. Federation Council November 9, 2011 Access from the legal reference system “ConsultantPlus”.
 26. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated November 30, 2017 N 965n “On approval of the procedure for organizing and providing medical care using telemedicine technologies” (Registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on January 9, 2018 N 49577). Access from the reference legal system “ConsultantPlus”.
 27. Decree of the Government of the Russian Federation dated July 18, 2023 N 1164 (as amended on July 18, 2023) “On the establishment of an experimental legal regime in the field of digital innovations and approval of the Program for an experimental legal regime in the field of digital innovations in the field of medical activities, including the use of telemedicine technologies and technologies for collecting and processing information about the health status and diagnoses of citizens.” Access from the reference legal system “ConsultantPlus”.
 28. Civil Code of the Russian Federation (Civil Code of the Russian Federation) November 30, 1994 N 51-FZ: adopted by the State. Duma on October 21, 1994. Access from the legal reference system “ConsultantPlus”.
 29. Decree of the Government of the Russian Federation dated May 11, 2023 N 736 “On approval of the Rules for the provision of paid medical services by medical organizations, amendments to certain acts of the Government of the Russian Federation and invalidation of Decree of the Government of the Russian Federation dated October 4, 2012 N 1006.” Access from the reference legal system “ConsultantPlus”.
 30. Offer to conclude an Agreement for the provision of paid medical services using telemedicine technologies of Mother and Child LLC [Electronic resource] // URL: https://zn48.ru/upload/online_doctor_contract.docx (Access date 01/09/2024).
 31. Agreement for consultations using telemedicine technologies of the Federal State Budgetary Scientific Institution NCN [Electronic resource] // URL: https://neurology.ru/upload/medialibrary/3b6/b6fdqr4yhr0kae924tt13fryb0u1xspl/forma_dogovora_telemedicina_12.01.2023.docx?ysclid=lr6e7cjj2s168435462 (Access date 09.01. 2024).

Правовые инструменты предотвращения коррупции в сфере государственных закупок

Дроздов Роман Викторович,

магистр юридических наук, АНО «Московский гуманитарный университет»

E-mail: roman.drozдов.767@inbox.ru

Бедрин Виталий Сергеевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры информатики и математики ФГКОУ ВО «Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

E-mail: bedrinvs@rambler.ru

В статье рассмотрено влияние коррупционной деятельности на на сферу государственных закупок. Предметом исследования является механизм влияния коррупционных схем на эффективное функционирование закупочной деятельности. Объектом работы являются меры, предпринятые государством для предотвращения совершения актов коррупции со стороны участников закупочной деятельности. Цель работы – анализ актов, сдерживающих коррупцию в сфере государственных закупок и разработка предложений по «профилактике» актов коррупции. В данной статье ставится задача по детальному рассмотрению коррупционных схем, применяемых в рамках закупочных процедур. Методологической основой послужили общенаучный метод анализа, а также частно-научные методы формально-юридического анализа и толкования. По результатам научного исследования автор приходит к умозаключению о пагубном влиянии коррупции на удовлетворение нужд государственных заказчиков и деятельность предпринимательства, а также анализирует способы сдерживания коррупции в сфере государственных закупок.

Ключевые слова: государственные закупки, Закон о контрактной системе, коррупция, сговор, единая информационная система закупок, реестр недобросовестных поставщиков.

Коррупция в Российской Федерации в отрасли государственных закупок на протяжении многих лет остается распространенной проблемой. Коррупционные схемы, к которым прибегают недобросовестные участники государственных закупок разнообразны, к ним относятся взяточничество, проведение манипуляций с аукционами, аукционной документацией, фальсификация документов закупочных процедур и другие противоправные действия, цель которых заключается в получении незаконной выгоды от участия в исполнении государственных контрактов.

Президент Российской Федерации назвал сферу государственных закупок «настоящей «питательной зоной» для коррупционеров [1].

Использование коррупционных механизмов в сфере государственных закупок пагубно влияет на развитие экономики страны в связи с тем, что затраты, направленные на реализацию государственных закупок, подвергшихся коррупционным воздействиям, увеличиваются, происходит искажение здоровой конкуренции, способствующей росту количества квалифицированных в той или иной области кадров, также в связи с подрывом доверия граждан не только к процессу осуществления закупочной деятельности, но и к государственным институтам в целом [2].

Государственные закупки играют ключевую роль в экономическом развитии России, определяя направления инвестиций, стимулируя конкуренцию на рынке и обеспечивая реализацию стратегических целей государства. Закупки имеют несколько основных целей, которые направлены на поддержку экономического роста, повышение эффективности государственных расходов и обеспечение социальной стабильности [3].

Важно отметить, что цель государственных закупок заключается в реализации условий контракта путём создания условий для конкурентной борьбы среди поставщиков товаров, подрядных работ и услуг. Для обеспечения числа участников торгов необходимо постоянное поддержание прозрачности процедуры закупок и открытость для общественности и информации о закупочных механизмах. Эффективное осуществление государственных закупок в свою очередь приводит к снижению цен и повышению качества предоставляемой продукции, услуг, проведению подрядных работ, создавая среду для здоровой конкуренции, привлекая к участию в закупочной деятельности квалифицированных, конкурентноспособных подрядчиков [4].

Система государственных закупок также направлена на оптимизацию использования государственных средств, обеспечение эффективно-

сти и снижения бюджетных расходов [5]. Данная цель достигается благодаря возможности выбора наиболее выгодных предложений участников государственных закупок и обеспечением контроля за исполнением условий по контрактам со стороны заказчика и подрядчика.

Осуществление закупочной деятельности также способствует развитию отечественного производства, росту числа квалифицированных кадров в той или иной области [6]. Отрасль государственных закупок оказывает влияние на модернизацию предприятий разных отраслей, развитие науки, осуществление технологического прогресса, а также благодаря эффективной реализации закупочных процедур, результатами которых является поставка качественной продукции, осуществление подрядных работ, происходит улучшение качества жизни граждан страны.

В целом, государственные закупки в России имеют множество целей, которые ориентированы на поддержку экономического развития, обеспечение эффективности государственных расходов и достижение стратегических целей развития страны. Эффективная реализация этих целей требует постоянного совершенствования законодательства, повышения прозрачности и конкуренции на рынке государственных закупок. Среди целей данной сферы невозможно не выделить искоренение коррупции. Важно отметить, что в условиях отсутствия специалистов, добросовестно подходящих к своей работе, обнаружение качественных товаров по самым приемлемым ценам для эффективного использования государственных средств, становится невозможным. Коррупционные схемы в данной отрасли приводят к цепной реакции – к ряду проблем – которая начинается с того, что, заключив контракт с теми участниками, которые вышли на закупочную процедуру посредством коррупционных действий, и которые не ставят цель добросовестного исполнения условий контракта, заказчики в лице государства не могут выполнить основных задач, которым служат государственные закупки, а именно – эффективное удовлетворение потребностей граждан товарами и услугами надлежащего качества, выполнением качественных подрядных работ, что впоследствии ведёт к невозможности эффективного использования средств бюджета. В рамках честной конкуренции среди добросовестных поставщиков данные цели были бы легко достигаемы.

Дефиниция понятия «коррупция» представлено в ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции» (далее – Закон № 273-ФЗ) [7]. В Законе перечислены виды актов коррупции, к которым относятся получение взяток, злоупотребление полномочиями, использование своего положения в собственных интересах с целью получения личной выгоды, подкуп и другие неправомерные действия, направленные не на удовлетворение общественных потребностей, а на получение личной выгоды.

Количество и способы коррупционных схем, применяемых в области государственных закупок,

весьма разнообразны. Одной из схем является выход на закупочную процедуру самих специалистов по государственным закупкам или приближенных к ним лиц. Здесь возникает ситуация конфликта интересов, которая недопустима в данной области. Личная заинтересованность лиц может сказаться на добросовестном исполнении условий по контракту, а также надлежащее исполнение должностных обязанностей этого лица, которое не будет являться объективным и беспристрастным. Также, заинтересованность в результатах проведения закупочной процедуры может повлиять на сам алгоритм её проведения. Зачастую бывает так, что такой конфликт интересов неочевиден и может проявиться на любом из этапов организации и осуществления закупочной деятельности. Беспристрастное выполнение обязанностей лиц, принимающих участие в закупочной деятельности, будет затруднено в ситуации, когда имеются личные интересы в выборе победителя той или иной закупки, в заключения контракта с конкретной организацией.

Нормы, описанные в Законе № 273-ФЗ направлены на предотвращение, а впоследствии искоренение коррупционного поведения, на возможность обнаружения актов коррупции в короткие сроки.

Среди коррупционных схем, применяемых в области государственных закупок, многие строятся на сговоре непосредственно между самими заказчиками и участниками этих закупочных процедур. Часто добросовестные поставщики не могут участвовать в государственных закупках в связи с тем, что данные в ЕИС были внесены некорректным способом. Например, с помощью намеренного использования в описании, названии той или иной продукции символов из кириллицы и латиницы, либо же в искажении составов той или иной продукции. Таким образом, при использовании такого метода описания товара, в закупочной процедуре могут принимать участие только те поставщики, которые имеют именно такой товар, другими словами, закупка сформирована именно под определенного участника, исход закупки предопределён.

Часто заказчики при объявлении закупки устанавливают короткие сроки, в которые тот поставщик, подрядчик, который походит к своей деятельности добросовестно, не может выполнить условия контракта. Однако, такие закупки легко отследить и усомниться в их честности. Например, на практике уже была ситуация, получившая широкий резонанс в СМИ, связанная с созданием федеральной электронной библиотеки для Минздравсоцразвития, на которую по контракту было выделено всего 16 дней, что сделать в рамках данной закупочной процедуры нереально. Также при объявлении закупки коррумпированный заказчик может поставить слишком низкую цену за исполнение условий по контракту, для того чтобы сделать закупку перспективной для потенциальных участников, тем самым открывая возможность для желаемого поставщика стать единственным участником закупки, а, следовательно, и её победителем.

Ещё одним способом коррупционной схемы в государственных закупках является так называемый ложный, обманный запрос котировок [8]. Сначала заказчик осуществляет запрос котировок, проводит государственную закупку в которой принимают участие добросовестные поставщики и после этого объявляет закупку несостоявшейся, после чего передает желаемому победителю – подрядчику информацию о полученных ценовых предложениях. Далее вновь объявляет закупочную процедуру представляет данные по запросам котировок, но при этом рассчитывая на победу того исполнителя, который осведомлён о стоимости материалов и может поставить более низкую цену контракта и как следствие оказаться победителем в данной закупочной процедуре.

Зачастую «устранить» нежелаемых участников государственных закупок заказчиком «помогает» внесение в закупочную документацию детальных требований, выполнить которые под силу только конкретному поставщику.

Важно отметить, что применение таких схем может происходить и с благой целью, для того чтобы обеспечить качественное выполнение условий контракта или же эффективное использование бюджетных средств.

Так как коррупционные схемы могут присутствовать на любой стадии закупочной процедуры, их сложно обнаружить, однако, существует ряд актов в законодательстве, которые способствуют предотвращению их реализации:

№ 273-ФЗ:

Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ);

Федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»;

Национальный план противодействия коррупции на 2016–2017 годы (утвержден Указом Президента РФ от 1 апреля 2016 г. № 147);

Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции».

Также существуют общественные движения, цель которых – искоренение коррупции в сфере государственных закупок. К таким движениям относится проект «За честные закупки», который был сформирован Общероссийским народным фронтом. В рамках данного проекта граждане имеют возможность сообщить о закупках, которые, по их мнению, являются неправомерными, подать жалобу на действия участников закупок, а также получить информацию о возможных коррупционных схемах, к которым прибегают в данной отрасли.

Однако, необходимо обратить внимание на то, что при общественном контроле за осуществлением закупочной деятельности, возникает вопрос соотношения штрафов в размере нескольких десятков тысяч рублей и стоимостью многомиллионных закупок. Было бы правомерно увеличить размер

штрафов до определенного процента от цены контракта с целью избежания применения коррупционных сговоров.

Среди путей решения, которые могут послужить искоренению данной проблемы можно выделить повышение прозрачности закупочных процедур. Общественный мониторинг закупочной деятельности может позволить предотвратить использование коррупционных схем на каждом этапе формирования, проведения и исполнения государственной закупки.

Важно отметить, что многие силы направлены на регулирование последствий уже совершенных актов коррупции, в то время как недостаточно внимания уделяется «профилактике» коррупции. Для того чтобы выявить возможность применения коррупционных схем на этапах планирования и проведения закупочной процедуры, необходимо обеспечить функционирование сдерживающих механизмов, к которым в том числе можно отнести запрет на разглашение условий закупочной процедуры, допуск к участию в закупке только квалифицированных в данной области лиц.

Необходимо усилить законодательство, предусматривающее более строгие меры наказания для коррумпированных деятелей в сфере государственных закупок.

Также важно обеспечить прозрачность в сфере государственных закупок. Помимо внедрения электронных систем закупок, важно обеспечение доступа к информации о процессе закупочной деятельности для общественности, усиление контроля со стороны граждан и независимых наблюдателей.

Необходимо выделить актуальность обучающих программ и кампаний по борьбе с коррупцией для государственных служащих, а также создание механизмов поддержки лиц, желающих сообщить о случаях коррупции.

Для того чтобы обеспечить прозрачность государственных закупок и предотвратить применение в ней коррупционных схем со стороны государства было предложено использование типовой документации, а также необходимость обоснования проведения той или иной закупочной процедуры, а также их цены. Были разработаны рабочие группы, которые занимаются данным вопросом – реализовывают анализ стоимости контрактов, также проводят мониторинг «потолка» цен, который государственный заказчик готов предложить за выполнение той или иной услуги, за поставку продукции. Работа таких мониторинговых групп помогает искоренять коррупцию, а также экономить бюджетные средства во времена санкционного давления [9].

Для того чтобы оперативно провести закупочную процедуру в настоящих реалиях начал своё активное функционирование Портал Поставщиков, с помощью которого объявляют и проводят закупки заказчики более чем из 40 субъектов РФ. [10] Такая автоматизация закупочного процесса во многом упрощает участие в ней для представителей малого и среднего бизнеса. Потенциальные

участники государственных закупок, поставщики и подрядчики могут зарегистрироваться на данном портале и отслеживать объявления закупок по их специализации. Более тысячи контрактов заключается посредством данного портала ежедневно.

Предотвращение применения коррупционных схем в сфере государственных закупок в России требует применения комплексного подхода. Во избежание выполнения условий контракта с целью удовлетворения личных интересов участников закупок, а не потребностей общества, государственных нужд, необходим пересмотр мер, принимаемых в отношении недобросовестных участников закупочной деятельности, публикация актов совершения коррупции в сфере государственных закупок в СМИ.

Литература

1. Бурмистров, И.А. Международная коррупция, как она есть: учебное пособие / И.А. Бурмистров, И.Ю. Никодимов. – Москва: Дашков и К, 2022. – 116 с. – С. 82.
2. Симаева Е.П. Актуальные проблемы трансформации процедуры государственных закупок в условиях цифровизации / Е.П. Симаева, М.В. Демченко // Безопасность бизнеса. – 2022. – № 1. – С. 8–13.
3. Гурьева С.Р. Обеспечение конкуренции при заключении государственных контрактов // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 3. С. 136–146. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-136-146>
4. Парамонов Д.И. Последствия изменения цен в уже исполненных договорах: гражданско-правовой, налоговый, таможенный и валютный аспекты // Журнал “Финансовые и бухгалтерские консультации (электронный журнал)” № 9–2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://journal.fbk.ru/page6923092.html> (дата обращения: 20.03.2024)
5. Овчаров А.О. Правовые механизмы формирования эффективной контрактной системы в сфере государственных закупок / Овчаров А.О., Игнатиева Ю.И. // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – С. 138–145.
6. Ершова И.В., Трофимова Е.В. Специальный правовой режим малого и среднего бизнеса в контексте поиска перспективных направлений поддержки иных сегментов отечественной экономики // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – Т. 18 № 2 – С.:103–115. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.147.2.103-115> (дата обращения: 20.03.2024).
7. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ: редакция от 26.07.2019: принят Государственной Думой 19 декабря 2008 года: одобрен Советом Федерации 22 декабря 2008 года. – Текст: электронный // КонсультантПлюс – студенту и преподавателю.

8. Противодействие коррупции: учебное пособие / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В.Ю. Голубовского. – 5-е изд. – Москва: Дашков и К, 2022. – 88 с. – С. 21–23.
9. Корреляция мер по противодействию коррупции с причинами и условиями ее возникновения: научно-методическое пособие / Е.И. Добролюбова, А.В. Павлушкин, Э.Л. Сидоренко [и др.]; под ред. В.Н. Южакова, А.М. Цирина. – Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2023. – 156 с. – С. 144.
10. Правовое регулирование новых видов предпринимательской деятельности: практическое пособие» /Абрамов В.Ю., Абрамов Ю.В. // «Юстицинформ», 2023. – 320 с. – С. 11.

LEGAL INSTRUMENTS FOR PREVENTING CORRUPTION IN PUBLIC PROCUREMENT

Drozdov R.V., Bedrin V.S.

Moscow University for the Humanities; Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

The article examines the impact of corruption activities on the sphere of public procurement. The subject of the study is the mechanism of influence of corruption schemes on the effective functioning of procurement activities. The object of the work is measures taken by the state to prevent acts of corruption by participants in procurement activities. The purpose of the work is to analyze acts that curb corruption in the field of public procurement and develop proposals for the “prevention” of acts of corruption. This article aims to provide a detailed examination of corruption schemes used within procurement procedures. The methodological basis was the general scientific method of analysis, as well as private scientific methods of formal legal analysis and interpretation. Based on the results of scientific research, the author comes to the conclusion about the harmful impact of corruption on meeting the needs of government customers and business activities, and also analyzes ways to curb corruption in the field of public procurement.

Keywords: public procurement, Law on the contract system, corruption, collusion, unified procurement information system, register of unscrupulous suppliers.

References

1. Burmistrov, I.A. International corruption as it is: a textbook / I.A. Burmistrov, I. Yu. Nikodimov. – Moscow: Dashkov and K, 2022. – 116 p. – P. 82.
2. Simaeva E.P. Current problems of transformation of the public procurement procedure in the context of digitalization / E.P. Simaeva, M.V. Demchenko // Business Security. – 2022. – No. 1. – P. 8–13.
3. Guryeva S.R. Ensuring competition when concluding government contracts // Bulletin of the Russian Legal Academy. 2023. No. 3. pp. 136–146. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-136-146>
4. Paramonov D.I. Consequences of price changes in already executed contracts: civil, tax, customs and currency aspects // Journal “Financial and accounting consultations (electronic journal)” No. 9–2019 [Electronic resource]. Access mode: <http://journal.fbk.ru/page6923092.html> (access date: 03/20/2024)
5. Ovcharov A.O. Legal mechanisms for the formation of an effective contract system in the field of public procurement / Ovcharov A.O., Ignatieva Yu.I. // Current problems of Russian law. – 2018. – P. 138–145.
6. Ershova I.V., Trofimova E.V. Special legal regime for small and medium-sized businesses in the context of searching for promising areas of support for other segments of the domestic economy // Current problems of Russian law. – 2023. – T. 18 No. 2 – P.: 103–115. [Electronic resource]. Access mode: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.147.2.103-115>

- org/10.17803/1994–1471.2023.147.2.103–115 (access date: 03/20/2024).
7. Federal Law No. 273-FZ dated December 25, 2008: as amended on July 26, 2019: adopted by the State Duma on December 19, 2008: approved by the Federation Council on December 22, 2008. – Text: electronic // ConsultantPlus – for students and teachers.
 8. Anti-corruption: textbook / ed. Doctor of Law sciences, prof. V. Yu. Golubovsko. – 5th ed. – Moscow: Dashkov and K, 2022. – 88 p. – P. 21–23.
 9. Correlation of measures to combat corruption with the causes and conditions of its occurrence: scientific and methodological manual / E.I. Dobrolyubova, A.V. Pavlushkin, E.L. Sidorenko [and others]; edited by V.N. Yuzhakova, A.M. Cirina. – Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: INFRA-M, 2023. – 156 p. – P. 144.
 10. Legal regulation of new types of entrepreneurial activities: a practical guide” / Abramov V.Yu., Abramov Yu.V. // “Yustitsinform”, 2023. – 320 pp. – P. 11.

Квалификация понятия потребителя в законодательстве Российской Федерации, Европейского союза и Китая

Зарубина Эльвира Анатольевна,
аспирант кафедры международного частного права
Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: elvirazarubina1@gmail.com

В статье рассматривается проблема квалификаций юридического понятия потребителя, закрепленного в законодательстве Российской Федерации, праве Европейского союза и в праве Китая. На основе анализа норм российского и зарубежного законодательства и судебной практики, установлено, что квалификация понятия в указанных странах осуществляется по закону страны суда, в связи с чем, судами игнорируются положения иностранного права. Автором также установлена тенденция игнорирования российскими судами процедуры первичной квалификации, при применении коллизионных норм. В настоящей статье предлагается привести в соответствие норму специального закона о защите прав потребителей с общими нормами Гражданского кодекса РФ, во избежание двусмысленного толкования понятия потребителя.

Ключевые слова: Потребитель; конфликт квалификаций; физическое лицо; гражданин; Закон о защите прав потребителей; право Европейского союза; преюдициальный запрос; квалификация по закону страны суда; Регламент Рим I; Регламент Брюссель I Bis, применимое право.

Одной из основных проблем в международном частном праве является конфликт квалификаций юридических понятий, составляющих объем коллизионной нормы. Она обусловлена тем, что суду необходимо осуществлять толкование юридических понятий, которые являются лишь близкими с определениями, используемых в правовых порядках разных стран, но не тождественными. Трудность правильной квалификации имеет место и в трактовке понятия потребитель, так как подход законодателей к определению этого понятия неодинаков в различных странах.

В науке международного частного права выделяются три способа решения проблемы конфликта квалификаций: 1) квалификация по закону страны суда (*lex fori*), 2) квалификация по праву, регулирующему существо отношений (*lex cause*) 3) автономная квалификация [1, с. 146–147].

В соответствии с п. 1. ст. 1187 ГК РФ толкование юридических понятий осуществляется по российскому праву, если иное не предусмотрено законом. Если же, юридические понятия неизвестны российскому праву или известны в ином словесном обозначении, либо с другим содержанием и не могут быть определены в соответствии с российским правом, то при их квалификации может применяться иностранное право (п. 2. ст. 1187 ГК РФ).

Понятие потребителя закреплено в преамбуле специального Закона РФ «О защите прав потребителей» (далее – ЗоЗПП РФ). В данном законе, под потребителем понимается «гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности». Данная формулировка по мнению М.А. Астаховой является неудачной, поскольку, потребителем может являться лицо, как имеющее гражданство, так и не обладающее им (апатрид) [2]. Кроме того, в данном понятии не определено, может ли лицо в статусе беженца признаваться потребителем. Определение потребителя только как гражданина также не сочетается с понятиями, закрепленными в Руководящих Принципах Организации Объединенных Наций для защиты потребителей [3], а также в праве Европейского союза.

Более широкое понимание потребителя закреплено в специальной коллизионной норме п. 1. ст. 1212 ГК РФ, где потребитель определяется как физическое лицо, без привязки к признаку наличия или отсутствия гражданства, что полностью соответствует абз. 4 ч. 1 ст. 2 ГК РФ.

По мнению В. А. Белова, закрепленное понятие потребителя в ЗоЗПП РФ носит двойственную интерпретацию [4]. Данный вывод следует из п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», где указывается, что лицо, зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя вправе как потребитель обратиться за защитой своих прав в суды общей юрисдикции. Такая двойственная интерпретация обуславливается подходом российского законодателя к разновидностям статуса физического лица, кем может быть и индивидуальный предприниматель.

При рассмотрении российскими судами трансграничных потребительских споров, вопросы квалификации понятия потребителя в судебных решениях игнорируются, либо толкование потребителя носит двусмысленный характер.

Например, в деле № 33–8489/2018, суды при применении ст. 1212 ГК РФ не указали можно ли считать истцов потребителями в соответствии с российским правом, исходя из установленного судом нижестоящей инстанции факта приобретения языковых курсов не только в личных целях, но и в целях открытия бизнеса и/или поиска работы на территории Ирландии [5].

В решении Четвертого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 88–7861/2022 [6] суд, применяя норму ст. 1212 ГК РФ и ссылаясь на п. 45 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 09.07.2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации», отменил решения нижестоящих инстанций по причине не установления факта, являлось ли лицо гражданином Российской Федерации для целей его квалификации в качестве потребителя. Таким образом, суд осуществил толкование понятия потребителя в соответствии с ЗоЗПП РФ, что противоречит понятию потребителя, составляющего объем коллизионной нормы ст. 1212 ГК РФ.

В деле № 2–5331/2014 [7] несмотря на доводы ответчика о невозможности квалификации истцов в качестве потребителей по российскому праву, при применении ст. 1212 ГК РФ, суд указал, что истцы, заключая договор купли-продажи, действовали с целью организации своего отдыха, а использование апартаментов в комплексе отпускного жилья осуществлялось исключительно для личных, семейных нужд, не связанных с предпринимательскими целями. Несмотря на наличие оговорки о выборе применимого права в пользу острова Мэн, суд применил право страны места жительства потребителя и осуществил толкование понятия потребителя по закону страны суда (*lex fori*).

Законодательство Европейского союза

Применительно к наднациональному законодательству Европейского союза (далее – «ЕС») понятие потребителя закреплено в актах вторичного права. В ст. 2 Директивы 93/13/ЕЕС от «05» апреля 1993 го-

да «О несправедливых условиях потребительских договоров» потребителем является физическое лицо, которое в договорах, охватываемых настоящей Директивой, действует не в целях торговли, ведения бизнеса или профессиональной деятельности». Тожественные определения содержатся в ст. 3 (1) Директивы 2020/1828 «О представительских действиях по защите коллективных интересов потребителей и отмене Директивы 2009/22/ЕС», в ст. 2(d) Директивы 2002/65/ЕС о дистанционном маркетинге потребительских финансовых услуг, в ст. 2 (2) Директивы о некоторых аспектах купли-продажи потребительских товаров и связанных с ними гарантиях.

В ст. 6 Регламента ЕС № 593/2008 о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам (Рим I) (далее – «Регламент Рим 1») [8] и ст. 17 Регламента ЕС № 1215/2012 «О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам» (далее – «Регламент Брюссель I Bis») [9] проблема квалификации понятия потребителя в судебной практике ЕС, зачастую возникает при применении специальных норм о предоставлении коллизионной и юрисдикционной защиты потребителям. Содержание понятие потребителя в вышеуказанных документах трактуется следующим образом: потребитель – физическое лицо, действующее с целью, которая может рассматриваться в качестве, не имеющей отношения к его предпринимательской деятельности.

Как отмечается в Европейской правовой доктрине [10] оценка цели действий потребителя носит субъективный характер и определяется в каждом случае судом отдельно. В деле *JA v. Wurth Automotive GmbH* [11] гражданка Австрии JA (далее – «Заявитель») подала иск в суд в соответствии с п. 1 ст. 18 Регламента Брюсселя I bis по месту жительства потребителя. Компания *Wurth Automotive GmbH* возразила против международной юрисдикции на основании того, что потребителя в сделке не было. Австрийский суд направил преюдициальный запрос в суд ЕС с вопросом, можно ли квалифицировать Заявителя как потребителя. Суд ЕС указал, что для оценки цели в качестве предпринимательской, судами должны оцениваться субъективные или психологические признаки, чтобы оценить поведение потребителя, действовавшего в коммерческих целях. Несмотря на то, что «потребитель» в значении статьи 17 Регламента Брюсселя I bis является автономным понятием для права ЕС, оценка национального суда должна основываться на законе страны суда *lex fori* (в пределах принципов эквивалентности и эффективности).

В отличие от российского законодательства, в праве ЕС допускается заключение договоров с потребителем со смешанной целью (частично в пределах профессиональной и/или торговой деятельности). В деле *J. Gruber v. BayWa AG*. [12] австрийский фермер Дж. Грубер приобрел черепицу у немецкого продавца *BayWa AG*. При доставке

товара Дж. Грубер обнаружил недостатки товара, а именно несоответствие цвета черепицы, которую он заказал. В последствии Дж. Грубер обратился в австрийский суд с иском по месту своего жительства в соответствии со ст. 13 – в старой редакции, в новой редакции – п. 1. ст. 18 Регламента Брюссель I Bis. Немецкий продавец-компания BauWa подал апелляцию в Высший земельный суд Линца оспорил юрисдикцию австрийского суда. Дж. Грубер подал жалобу в Верховный суд, который в свою очередь обратился в суд ЕС с вопросами: можно ли рассматривать потребителя в качестве такового, когда цель договора является смешанной? Каковы критерии определения цели осуществления предпринимательской / профессиональной деятельности потребителя? Суд ЕС постановил что, когда договор является частично потребительским, а частично профессиональным, физическое лицо не будет рассматриваться как потребитель, за исключением случаев, когда предпринимательская или профессиональная цель отсутствует или является незначительной. При этом, судом ЕС в данном деле не раскрывался перечень критериев, по которым можно было бы оценить наличие или отсутствие профессиональных целей у потребителя.

В одном из дел [13] пользователь социальной сети помимо личных публикаций размещал материалы лекций по праву и учебные пособия, некоторые из которых были платными, а также собирал пожертвования. Позже пользователь, посчитав нарушенными права на обработку своих персональных данных компанией – социальной сетью обратился в суд Австрии как потребитель на основании ст. 16 (1) ранее действовавшего Регламента ЕС № 44/2001 «О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам». Суды первой и второй инстанций отклонили иск ввиду наличия профессиональных целей для использования социальной сети и как следствие отсутствия потребительской юрисдикции. Суд ЕС в рамках преюдициального запроса указал, что чтение лекций, сбор средств не являются основанием для утраты статуса потребителя.

Понятие потребителя в праве КНР и его квалификация

В нормах китайского законодательства, понятие потребителя не содержится. В то же время, в ст. 2 Закона о защите прав и интересов потребителей в КНР [14] содержится следующая формулировка: «Права и интересы потребителей, которые покупают или используют товары в целях ежедневного потребления или те, кто получает услуги, защищены этим законом». В указанной норме отсутствует субъективный критерий, т.е. указание на круг лиц, кто может считаться потребителем. Определение цели также является весьма неопределенным. В китайской правовой доктрине, отмечается, что формулировка данного определения является нечеткой и порождает вопросы о том, кто является

потребителем и каков материальный объем правовых норм, касающихся выбора применимого права с участием потребителя в международном частном праве Китая [15]. Для определения цели ежедневного потребления из судебной практики Китая следует, что она имеет место, когда лицо использует товары, услуги для нужд личной и семейной жизни, не связанных с профессиональной или хозяйственной деятельностью [16].

Представляет интерес статья 62 рассматриваемого закона, которая распространяется при приобретении и использовании крестьянами сырья и материалов, напрямую предназначенных для сельскохозяйственного производства. Таким образом, китайский законодатель рассматривает сельскохозяйственных субъектов в качестве потребителей. В деле *Chen Zhongdong v. Poettinger Landtechnik GmbH, et al.* [17] китайский фермер обратился в народный суд Китая к Австрийской компании ввиду обнаружения дефекта у купленного им сельскохозяйственного оборудования. Народный суд Китая в соответствии со ст. 8 Закона Китайской Народной Республики о применении права к транснациональным гражданско-правовым отношениям [18] осуществил квалификацию по *lex fori*, тем самым китайский истец был защищен как потребитель. В этой связи, определение потребителя в китайском праве является более широким по кругу субъектов, по сравнению с понятиями в российском и европейском праве.

В заключение следует отметить, что вопросы квалификации имеют первостепенное значение в определении права, подлежащего применению к договорам с участием потребителей.

Несмотря на наличие гармонизированного подхода к определению понятия потребителя в национальном законодательстве ЕС, зачастую суды государств-членов ЕС первого и второго звена сталкиваются с необходимостью обращаться в суд ЕС в рамках преюдициального запроса по вопросам толкования понятия потребителя для целей применения специальных норм коллизионной и юрисдикционной защиты прав потребителей. Как следствие, данное обстоятельство налагает издержки для сторон как временного, так и финансового характера.

Китайское законодательство фокусируется исключительно на «повседневных» сделках, которые потенциально могут исключить более эксклюзивные или роскошные покупки, такие как автомобили или недвижимость, которые явно не совершались бы ежедневно. Непонятно, можно ли отнести приобретение таких услуг, как образовательные, финансовые или услуги по медицинскому обслуживанию, к «повседневным потребительским потребностям»? Формулировка ст. 2 Закона о защите прав и интересов потребителей в КНР предполагает, что решающее значение систематичность потребления, а не конечная цель использования. В тоже время широкая формулировка понятия потребителя, используемая в китайском праве, может повлечь за собой неблагоприятные последствия

для профессиональной стороны из иностранного государства в виде предоставления коллизионной защиты китайским потребителям, которые приобретают товары для целей ведения сельского хозяйства.

В российской практике суды при рассмотрении указанных споров не осуществляют первичную квалификацию юридических понятий, где сразу же переходят к применению коллизионной нормы. В результате чего, формируется устойчивая судебная практика, где за основу при рассмотрении споров, судами берутся решения, содержащие ошибки. При осуществлении первичной квалификации на основании норм российского права, суд руководствуется положениями ЗоЗПП РФ. В связи с этим, во избежание двусмысленного толкования понятия потребителя, содержащегося в преамбуле ЗоЗПП РФ и обеспечения правовой защиты лицам без гражданства, являющихся потребителями, необходимо изменить определение в части «гражданин» на «физическое лицо» тем самым привести специальную норму ЗоЗПП РФ в соответствие с нормами общего законодательства, в частности с абз. 4 ч. 1 ст. 2 ГК РФ и п. 1. ст. 1212 ГК РФ.

Литература

1. Международное частное право: учебник / отв. ред Г.К. Дмитриева – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2016. – С. 146–147.
2. Астахова М.А. Потребительский договор: понятие и признаки // Юрист. 2015. № 16.
3. Руководящие принципы составляют краткий обзор для защиты интересов потребителей, утв. Резолюция конфликта ООН от 22.12.2015 № 70/186
4. Белов В.А. Правовая сущность понимания «потребителя» и «слабой стороны» в гражданских правоотношениях // Lex russica. 2018. № 6.
5. Апелляционное определение Саратовского областного суда по делу № 33–8489/2018 от 20.11.2018 // <https://stgkrf.ru/apellyacionnoe-opredelenie-33-8489-ot-20-11-2018-saratovskogo-oblastnogo-suda-saratovskaya-oblast> (дата обращения 10.02.2024)
6. Решение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 88–7861/2022 от 03.02.2022 // <https://судебныерешения.рф/693944967>. Решение Мытищинского городского суда Московской области по делу № 2–5331/2014 от 19.06.2014 // СПС Консультант Плюс (дата обращения 10.02.2024)
7. Регламент № 593/2008 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам («Рим I»)» [рус., англ.] (Принят в г. Страсбурге 17.06.2008) // <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/040001> (дата обращения 10.02.2024)
8. Регламент № 1215/2012 Европейского Парламента и Совета Европейского Союза «О юрис-

дикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам (в новой редакции)» [рус., англ.] // СПС Консультант Плюс <https://base.garant.ru/70475048/> (дата обращения 10.02.2024)

9. Понятие потребителя в праве ЕС Ярмила Лазикова, Любица Румановская.
10. JA против Wurth Automotive Gmb H. Дело C-177/22. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62022CJ0177&qid=1700984855457> (Дата обращения: 25.11.2023)
11. Дж. Грубер против Бэй Ва АГ (Дело C-464/01), Решение. URL: <https://curia.europa.eu/juris/showPdf.jsf;jsessionid=7E9D71F-2D1C130141421963F093145E7?text=&docid=49857&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=2641962> (Дата доступа: 25.11.2023)
12. Дело C-498/16, Решение. URL: eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:62016CJ0498 (Дата обращения: 25.12.2023)
13. Закон Китайской Народной Республики о защите прав и интересов потребителей. URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/englishnpc/Law/2007-12/12/content_1383812.htm (Дата обращения: 25.11.2023)
14. Чжэнь Чен Потребительская юрисдикция и нормы выбора права в европейском и китайском международном частном праве Китайский журнал транснационального права OnlineFirst
15. SUN Yinshan против Nanjing Auchan Supermarket Co, Ltd Jiangning Store, Народный суд района Цзяннин муниципалитета Нанкин, провинция Цзянсу, (2012) Цзян Нин Кай Мин Чу Цзы, № 646.
16. Чэнь Чжундун против Poettinger Landtechnik GmbH и др. Народный суд района Хуандао провинции Шаньдун, муниципалитет Циндао, [2019] Лу 0211 Мин Чу № 8186.
17. Закон Китайской Народной Республики о применении прав в транснациональных гражданско-правовых отношениях Закон Китайской Народной Республики о применении законов в гражданских правоотношениях за рубежом (Указ Президента № 36) (www.gov.cn) (Дата обращения: 25.12.2023)

THE CONCEPT OF THE CONSUMER AND ITS QUALIFICATION IN THE LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION, THE EU AND CHINA

Zarubina E.A.
O.E. Kutafin University (MGUA)

This article examines the problem of qualifications of the legal concept of the consumer, enshrined in the legislation of the Russian Federation, the law of the European Union and the law of China. Based on the analysis of the norms of Russian and foreign legislation and judicial practice, it is established that the qualification of the concept in these countries is carried out according to the law of the country of the court, in connection with which the courts ignore the provisions of foreign law. The author also established a tendency for Russian courts to ignore the primary qualification procedure when applying conflict of laws rules. In this article, it is proposed to bring

the norm of the special law on consumer protection into line with the general norms of the Civil Code of the Russian Federation, in order to avoid an ambiguous interpretation of the concept of consumer.

Keywords: Consumer; conflict of qualifications; individual; citizen; Consumer Protection Law; European Union law; pre-trial inquiry; qualification under the law of the country of the court; Rome I Regulation; Brussels I Bis Regulation, applicable law.

References

1. International private law: textbook / rep. edited by G.K. Dmitrieva – 4th ed., revised. and additional – Moscow: Prospekt, 2016. – P. 146–147.
2. Astakhova M.A. Consumer contract: concept and signs // *Lawyer*. 2015.No. 16.
3. The Guidelines provide an overview of consumer protection, approved. UN conflict resolution of December 22, 2015 No. 70/186
4. Belov V.A. The legal essence of the understanding of “consumer” and “weak party” in civil legal relations // *Lex russica*. 2018. No. 6.
5. The appeal ruling of the Saratov Regional Court in case No. 33–8489/2018 dated 11/20/2018 // <https://stgkrf.ru/apellyacionnoe-opredelenie-33-8489-ot-20-11-2018-saratovskogo-oblastnogo-suda-saratovskaya-oblast> (accessed 02/10/2024)
6. The decision of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction in case No.88–7861/2022 dated 02/03/2022 // https://судебные_решения.RF/693944967. The decision of the Mytishchi City Court of the Moscow region in case No. 2–5331/2014 dated 06/19/2014 // SPS Consultant Plus (date of application 02/10/2024)
7. Regulation No. 593/2008 of the European Parliament and of the Council of the European Union on the Law applicable to Contractual Obligations (“Rome I”) [Russian, English] (Adopted in Strasbourg on 17.06.2008) // <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/040001> (accessed 02/10/2024)
8. Regulation No. 1215/2012 of the European Parliament and of the Council of the European Union “On Jurisdiction, recognition and Enforcement of Judgments in Civil and Commercial matters (as amended)” [rus., eng.] // SPS Consultant Plus <https://base.garant.ru/70475048/> / (accessed 02/10/2024)
9. The concept of consumer in EU law Jarmila Lazikova, Ljubica Rumanovska.
10. JA v. Wurth Automotive Gmb H. Case S-177/22. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62022CJ0177&qid=1700984855457> (Access date: 11/25/2023)
11. J. Gruber v Bay Wa AG (Case C-464/01), Judgment. URL: <https://curia.europa.eu/juris/showPdf.jsf?jsessionid=7E9D71F2D1C130141421963F093145E7?text=&docid=49857&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=2641962> (Access date: 2 5.11.2023)
12. Case C-498/16, Judgment. URL: eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:62016CJ0498 (Date of access: 12/25/2023)
13. Law of the People’s Republic of China on the Protection of Consumer Rights and Interests. URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/englishnpc/Law/2007-12/12/content_1383812.htm (Date of access: 11/25/2023)
14. Zhen Chen Consumer jurisdiction and choice of rights rules in European and Chinese open private law Chinese Journal of Transnational LawOnlineFirst
15. SAN Yinshan v. Nanjing Auchan Supermarket Co., Ltd Jiangning Store, Jiangning District People’s Court of Nanjing, Jiangsu Province, (2012) Jiang Ning Kai Ming Chu Zi, No. 646.
16. Chen Zhongdong v. Poettinger Landtechnik GmbH et al. Huangdao District People’s Court, Shandong City, Qingdao Municipality, [2019] Lu 0211 Ming Chu No. 8186.
17. Law of the People’s Republic of China on the Application of Rights in Transnational Civil Relations Law of the People’s Republic of China on the Use of Force in Civil Relations Abroad (Presidential Decree No. 36) (www.gov.cn) (Date of access: 12/25/2023)

Проблемы и перспективы развития ипотечной системы в Российской Федерации

Каринский Курбан Газиевич,

аспирант, Российский государственный социальный университет
E-mail: kkarinskiy@mail.ru

Статья рассматривает историю и развитие ипотечных систем, сосредотачиваясь на уникальном пути России. Она отслеживает происхождение ипотечного кредитования к римским и западноевропейским правовым системам, сопоставляя их с отличительным подходом России. В анализе подчеркивается роль поручительства в ранних российских ипотечных практиках и влияние советских попыток регулирования сектора. В статье также рассматривается современное значение ипотеки для облегчения доступа к жилью и формирования жилищной политики. Кроме того, рассматриваются проблемы, стоящие перед российским ипотечным рынком, такие как низкая платежеспособность заемщиков, высокий уровень инфляции и стоимости ипотечных кредитов, экономическая нестабильность. В целом, статья предоставляет всесторонний обзор эволюции и текущего состояния ипотечного кредитования в России.

Ключевые слова: ипотечное кредитование, ипотечное жилищное кредитование, денежные доходы граждан, показатель долговой нагрузки.

На сегодняшний день одной из важнейших проблем не только в российском обществе, но и в законодательстве, является ипотечное кредитование. Для решения этой проблемы нужно обратиться к истории становления и образования института ипотеки. Данная форма залога появилась благодаря римским юристам. Дополнительный, не менее значимый вклад в развитие указанного института внесло право Западной Европы. Однако в России ипотечное кредитование формировалось по-другому сценарию. Изначально факт того, что заемщик будет исполнять обязанности по кредиту, обеспечивался личностью должника. Существовал институт закупничества, при котором свобода заемщика являлась ручательством для кредитора. Весомый вклад в формирование и развитие ипотечного кредитования был внесен западноевропейскими юристами, а также римскими. В России ипотека развивалась по своей стратегии. В советское время был предпринят ряд попыток для упорядочения отношений в данной сфере, но в полном объеме они были воплощены в ФЗ.

Ипотечное кредитование – одна из основных возможностей приобретения жилья, а также одно из основных направлений государственной жилищной политики. Если сравнивать со странами Запада, рынок ипотечного кредитования в России еще достаточно молод.

Ипотека (в переводе с греческого языка – залог («*hypothekē*»)) – это своеобразный вид залога, который обусловлен тем, что заложенное имущество (а именно – недвижимость, в большинстве случаев закладывают землю и строения, которые расположены на ней) не уходит из владения того, кто заложил имущество, до того момента, пока он платит кредит в срок. Существует две формы залога. Первая – заключается в следующем: вы выбираете банк, заключаете договор об ипотеке, получаете деньги, которые нужны для покупки квартиры (или другого недвижимого имущества). Вторая форма выражается в том, что по ипотечному договору в залог передается не вновь приобретаемая квартира, а старая, которая находилась в вашей собственности до того момента, как вы решили заключить договор. Банк получает от вас проценты, которые указаны в кредитном договоре, за то, что вы пользуетесь заемными средствами, вы вносите ежемесячные платежи, которые также указаны в договоре, возвращая деньги банку. Но если ваше финансовое положение претерпит изменения, например, вы больше не сможете вносить платежи по кредиту, то банком ваша квартира будет продана, и он получит обратно свои деньги.

Если в ипотечном договоре не указано другое, вещь, которая является предметом ипотеки, со всеми принадлежностями считается единым целым, поэтому и закладывается полностью.

В качестве самостоятельного объекта ипотеки не может выступать часть имущества, которое разделить в натуре невозможно, не поменяв его назначение (неделимая вещь).

В начале XX века в юридической сфере России сформировалось небольшое количество параллельно действующих на тот момент теорий сущности древнерусского залога.

Залог является важнейшей частью не только теории цивилистики, но и ее истории. В первую очередь, у залога сложная правовая природа, его сущность граничит между обязательственными правами и правами на вещь. Во вторую очередь, институт залога имеет практическое значение.

Достаточно краткого анализа истории для того, чтобы прийти к выводу о том, какой вектор развития был у залога не только в европейских странах, но и в России. Залоговые взаимоотношения прошли длинный путь, который начался со столба. В земельные угодья должника зарывали такой столб, что означало: данные угодья являются обеспечением прав кредитора. Еще в 6 веке до нашей эры применялся именно этот способ. Далее ипотечное кредитование перешло в ту стадию, когда стало способным оказывать помощь в решении проблем большинства стран в мировом масштабе.

Историю существования залога (минимальные ставки по процентам государственных кредитов, которые выдаются на долгий период и т.п.) можно считать примером того, как в настоящее время ипотека используется для решения задачи государства, выраженной в том, чтобы любой человек мог приобрести жилье.

Общим является тот факт, что залог недвижимости (независимо от того, здание ли это, земельный ли участок, предприятие, квартира или просто сооружение) предназначен для того, чтобы получить денежные средства (кредит, ссуду).

Однако, несмотря на то, что ипотечные кредиты хорошо поддерживаются государством и их количество растет с каждым годом, в последнее время в этом секторе появился ряд проблем. Эксперты полагают, что данное явление обусловлено некоторыми причинами, среди которых можно выделить следующие.

1. Низкий уровень платежеспособности людей. Основным недостатком медленного роста ипотечного кредитования в РФ являются низкие доходы населения, что, соответственно, предполагает низкую платежеспособность. «Серые» зарплаты оказывают существенное влияние на обострение ситуации, но не являются ключевым фактором. В настоящее время кредиты населению предоставляются таким образом, что банки учитывают скрытые способы заработка и, соответственно, доходы граждан. Но даже при таких условиях кредит будет выдан только в том случае, если сумма ежемесячного платежа не превысит порог в 40% дохода за-

емщика. Более 60% граждан РФ нуждаются в улучшении жилищных условий, но лишь немногие могут купить недвижимость без кредита. При оформлении ипотечного кредита многие заемщики отражают доходы, не соответствующие действительности, в результате чего они не могут производить дальнейшие выплаты по кредиту.

2. Высокий уровень инфляции. В последнее время уровень инфляции в РФ существенно снизился, но он по-прежнему находится на высоком уровне и не позволяет людям желать многого. Нашей стране еще предстоит пройти долгий путь к достижению стабильности не только в экономическом плане, но и в сфере залога недвижимости. Поддержание инфляции на высоком уровне означает, что банки привлекают деньги населения, не снижая процентных ставок по кредитам. Однако у финансовых организаций, испытывающих ряд проблем, вызванных инфляционными процессами, возникают и другие сложности.

1) нестабильность экономической ситуации приводит к тому, что люди не хотят вкладывать свои деньги в банки и держат их на депозитах с низкими процентными ставками (в таких ситуациях процентные ставки не превышают уровень инфляции);

2) заработная плата и другие доходы, получаемые людьми (будущими должниками или вкладчиками), растут очень медленно, не превышают темпов инфляции;

3) малый объем средств, вкладываемых населением, приводит к тому, что уменьшается объем выдаваемых ссудных средств и, соответственно, ипотечных кредитов.

Исходя из вышеизложенного, возникает ситуация, когда ипотека не развивается на уровне доступности для всех граждан, а служит лишь предложением для немногих людей, имеющих достаточный доход для покрытия кредита и, следовательно, стабильной работы. Поэтому, чтобы получить ипотечный кредит, необходимо учитывать следующие факторы:

3. Высокая стоимость ипотечных кредитов. Также актуальной проблемой жилищного сектора Российской Федерации являются высокие процентные ставки по ипотечным кредитам. Банки не могут снижать стоимость кредита или иным образом «снижать ставки по кредитам» в связи с тем, что стоимость привлечения ресурсов остается на высоком уровне¹. Ипотека недвижимости развивается в Российской Федерации, но она еще далека от того уровня, на котором люди смогут решить жилищные проблемы, когда она станет реальным и эффективным способом получения жилья. В странах с развитой экономикой, где уровень инфляции остается на низком уровне, получить ипотеку может каждый гражданин, ведь проценты составляют не более 4% в год. Например, процентная ставка в Германии равна 2,73%, в США – 3%, в Великобритании – 3,12%.

¹ Голикова А.М. Развитие ипотечного кредитования в России // Образование и наука без границ: социально-гуманитарные науки, 2016, № 5, 122 с. 39

4. Проблемы, связанные со стабилизацией экономической ситуации Ипотечный кредит под залог недвижимости – это долгосрочный кредит, который измеряется не месяцами или годами, а целыми десятилетиями. Банки, выдающие ипотечные кредиты, используют для предоставления денег собственные средства, вкладывая их на срок до 20 лет. Для предоставления таких долгосрочных кредитов кредитным организациям необходимы определенные гарантии финансовой стабильности, а также заемщики хотели бы быть уверенными, что смогут погасить кредит в течение длительного периода времени.

Одной из ключевых проблем в современном российском обществе по-прежнему остается жилищная проблема. Отсутствие у российских граждан жилищных условий напрямую отражается на всех сферах жизни каждого человека – социальную, личную и профессиональную. Ипотека является самым эффективным и реальным решением жилищного вопроса. Довольно сложно накопить на собственное жилье обычному человеку из рабочего класса, потому как систематические кризисы, касающиеся экономики и финансов лишают граждан возможности накопить капитал для такой дорогостоящей покупки. Ипотека для большей части населения представляется практически единственной возможностью приобрести свое собственное жилье¹.

Необходимо учитывать тенденции развития ипотечного жилищного кредитования в России. Мировой финансовый кризис обострил проблемы совершенствования ипотечного кредитования и выявил основные проблемы российского финансового сектора. Анализ текущей ситуации на рынке ипотечного кредитования позволяет выделить ее особенности. Развитие фундаментальной тенденции увеличения просроченной задолженности и ее доли в общей задолженности по ипотечным кредитам является важной особенностью формирования рынка ипотечного кредитования. Основными направлениями формирования рынка ипотечного кредитования являются следующие.

Еще одной важной особенностью развития ипотечной программы российского общества в условиях мирового финансового кризиса является формирование системы рефинансирования ипотеки. Система рефинансирования ипотечных кредитов включает в себя: Внезапное сокращение возможностей заимствования финансовых ресурсов на мировых рынках капитала стало результатом финансового кризиса. Опыт зарубежных стран показывает, что появление долгосрочных ресурсов обеспечивается, прежде всего, средствами страховых компаний, накопительными пенсионными фондами и паевыми инвестиционными фондами².

¹ Якимова Л.В. Тенденция развития рынка ипотечного кредитования в России на перспективу // Наука через призму времени, 2018, № 1 (10), 118–120 с. 41

² Самсуни А.Ю. Ипотечное жилищное кредитование и тенденции его развития в России // Экономика и социология, 2014, № 22, 38–41 с.

Зачастую в законодательстве имеются определенные ограничения, связанные с ипотечным кредитованием. К ним можно отнести: ограничение в субъектах правоотношения; появление дополнительных условий для передачи в залог имущества (ГУП и МУП могут передать недвижимость в залог, только получив согласие собственника).

Специалисты утверждают, что проведенной работы недостаточно. Так, в действующем законе об ипотеке не предусмотрена регистрация прав собственника в случае приобретения им нежилых помещений с одновременным получением ипотечного кредита. В совершенствовании нуждается не только закон об ипотеке, но и другие разделы законодательства, например, налоговое законодательство в рассматриваемой сфере.

Выявленные проблемы говорят о том, что в законодательстве, которое регламентирует кредит под залог недвижимости, необходимо учесть следующее:

- создать стандарты и процедуры, которые позволят банкам наиболее «безболезненно» выдавать долгосрочные кредиты;
- разработать и внедрить проекты длительных целевых жилищных накопительных схем.

Литература

1. Федеральный закон от 16.07.1998 года № 102 «Об ипотеке (залоге недвижимости) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – N 29. – Ст. 3400;
2. Стратегия развития ипотечного жилищного кредитования в Российской Федерации до 2030 года. Принята распоряжением Правительства Российской Федерации от 19 июля 2010 г. № 1201.
3. Голикова А.М. Развитие ипотечного кредитования в России // Образование и наука без границ: социально-гуманитарные науки, 2016, № 5, 122 с. 39
4. Еременко А.А., Трифонов Д.А. Проблемы развития ипотечного кредитования в России // Вектор экономики, 2018, № 2 (20), 25–27 с.
5. Корень А.В., Доброва В.С. Проблемы и перспективы развития рынка ипотечного кредитования в России // Азимут научных исследований: экономика и управление, 2017, Т. 6, № 1 (18), 77–78 с. 43
6. Кошель Е.В. Современное состояние рынка ипотечного кредитования и перспективы его развития // Инновационная наука, 2017, Т. 1, № 4, 117–118 с. 42
7. Самсуни А.Ю. Ипотечное жилищное кредитование и тенденции его развития в России // Экономика и социология, 2014, № 22, 36 с.
8. Якимова Л.В. Тенденция развития рынка ипотечного кредитования в России на перспективу // Наука через призму времени, 2018, № 1 (10), 118–120 с. 41.

PROBLEMS AND DEVELOPMENT PERSPECTIVE OF THE MORTGAGE SYSTEM IN RUSSIAN FEDERATION

Karinskiy K.G.

Russian University of State for Social

The article delves into the history and development of mortgage systems, focusing on Russia's unique trajectory. It traces the origins of mortgage lending to Roman and Western European legal systems, contrasting them with Russia's distinct approach. The analysis highlights the role of suretyship in early Russian mortgage practices and the influence of Soviet era attempts to regulate the sector. The article also discusses the modern significance of mortgages in facilitating home ownership and shaping housing policies. Moreover, it examines challenges facing the Russian mortgage market, such as low borrower solvency, high inflation and mortgage lending rates, economic instability. Overall, the article provides a comprehensive overview of the evolution and current state of mortgage lending in Russia.

Keywords: mortgage lending, housing mortgage lending, cash income of the population, debt burden indicator.

References

1. Federal Law of July 16, 1998 No. 102 "On Mortgage (Pledge of Real Estate) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1998. – N 29. – Art. 3400;
2. Strategy for the development of mortgage housing lending in the Russian Federation until 2030. Adopted by order of the Government of the Russian Federation of July 19, 2010 No. 1201.
3. Golikova A.M. Development of mortgage lending in Russia // Education and science without borders: social sciences and humanities, 2016, No. 5, 122 p. 39
4. Eremenko A.A., Trifonov D.A. Problems of development of mortgage lending in Russia // Vector of Economics, 2018, No. 2 (20), 25–27 p.
5. Koren A.V., Dobrova V.S. Problems and prospects for the development of the mortgage lending market in Russia // Azimuth of scientific research: economics and management, 2017, Vol. 6, No. 1 (18), 77–78 p. 43
6. Koshel E.V. Current state of the mortgage lending market and prospects for its development // Innovative Science, 2017, Vol. 1, No. 4, 117–118 p. 42
7. Samsuni A. Yu. Housing mortgage lending and trends in its development in Russia // Economics and Sociology, 2014, No. 22, 36 p.
8. Yakimova L.V. Development trend of the mortgage lending market in Russia for the future // Science through the prism of time, 2018, No. 1 (10), 118–120 p. 41.

Данные как объект гражданских прав: условия признания и передачи (предоставления)

Климко Евгений Игоревич,

аспирант института права, экономики и управления
Псковского государственного университета
E-mail: EKlimko26@gmail.com

Статья посвящена изучению участия данных в гражданском обороте, а также правовым тенденциям регулирования порядка предоставления доступ к данным. В рамках настоящей статьи автором обосновано предложение о рассмотрении данных в качестве объекта гражданских прав через призму квалификации данных в качестве объекта интеллектуальной собственности или услуг. Исходя из предложенной квалификации данных автором проведен анализ возможных договорных конструкций, используемых для предоставления данных между субъектами гражданских правоотношений. Осуществлен сравнительно-правовой анализ норм российского права и положений нового свода нормативно-правовых актов Европейского союза «Data Governance Act». Автором выделены основные нововведения, предложенные европейским законодателем в «Data Governance Act», а также обоснована необходимость заимствования концепции альтруизма данных в целях научно-технологического развития страны.

Ключевые слова: правовое регулирование данных, рынок данных, промышленные данные, Data Governance Act, большие данные, информационные технологии.

Информационные технологии стали неотъемлемой частью повседневной жизни нашего общества. Мы можем наблюдать цифровизацию процессов взаимодействия между субъектами, начиная от обычного общения и обмена информацией между гражданами в мессенджерах и социальных сетях и заканчивая персональным контролем своего здоровья за счет «умных» гаджетов и интернет-вещей, а также получения государственных услуг на онлайн сервисах и цифровых платформах. При этом каждое взаимодействие субъекта с «умными» гаджетами, интернет-вещами, а также онлайн-сервисами генерирует данные о таком взаимодействии. По оценкам аналитиков к 2025 году объём данных в мире составит 175 зеттабайт. Для сравнения в 2018 году объём данных в мире составлял 33 зеттабайта [6].

Корректное и правильное использование данных, а также их аналитика в целях получения новых знаний способствуют созданию инновационных продуктов, улучшению качества оказываемых услуг, в том числе государственных услуг [11]. М.В. Мишустин сравнивает данные с новой нефтью, платиной и золотом современности [9]. Данные о цифровом взаимодействии сами становятся объектом гражданско-правовых отношений с целью предоставления их, обработки и иного полезного использованию. По оценкам экспертов рынок данных в составе технологии «Большие данные» в Российской Федерации к концу 2024 года составит 319 млрд рублей [8].

Несмотря на безусловность признания факта вовлечения больших данных в гражданский оборот, правовая природа последних вызывает дискуссии. Кроме того, требует дополнительного анализа и изучения используемые договорные конструкции, позволяющие субъектам предоставлять данные и вводить их в оборот. Согласно статье 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон об информации) данные являются одним из видов информации, которая с 2008 года была исключена из открытого перечня объектов гражданского права, предусмотренного ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [15]. М.А. Рожкова считает, что исключение информации из перечня объектов гражданских прав может быть вызвано принятием части четвертой Гражданского кодекса РФ, регулирующей интеллектуальную собственность [13, с. 31]. Мы разделяем позицию М.А. Рожковой. В том числе, считаем, что это обусловлено и тем, что ст. 5 Закона об ин-

формации сохраняет «пространство для маневра» по перекалфикации информации в объект гражданского права, прямо закрепляя, что «информация может являться объектом публичных, гражданских и иных правовых отношений». Соответственно, информация приобретает свойства объекта гражданских правоотношений с момента ее квалификации в качестве одного из вида результатов интеллектуальной деятельности, предусмотренных ст. 1225 ГК РФ. Ряд зарубежных и российских компаний используют данные о клиентах, их предпочтениях для ведения своей коммерческой деятельности и организации внутренних организационных и операционных процессов в организации, которые в условиях высокой конкуренции могут быть защищены правовым режимом секрета производства (ноу-хау), предусмотренного ст. 1465 ГК РФ. Обязательным условием при этом является соблюдение критериев коммерческой ценности этих данных, их недоступности для третьих лиц и осуществлении разумных мер по защите их конфиденциальности. Систематизация больших данных может защищаться как объект прав через квалификацию в качестве базы данных (ст. 1304 ГК РФ). Необходимые критерии закреплены ст. 1334 ГК РФ – наличие объективной форме систематизированной совокупности данных, возможность найти и обработать данные посредством программы для ЭВМ, выполнение условия, что для систематизации данных потребовались существенные затраты или наличие в базе данных более 10 000 самостоятельных элементов.

В случае квалификации данных в качестве одного из вышеуказанных результатов интеллектуальной деятельности объектом гражданского оборота станут не сами данные, а права на результаты интеллектуальной деятельности, в которых они выражены, как это прямо предусмотрено п. 4 ст. 129 ГК РФ.

Определив особенности легализации данных в качестве объекта гражданских прав, требует также дополнительного анализа и особенности договорного режима передачи данных субъектами экономических отношений. Традиционный подход связан с использованием конструкции лицензионного договора или договора отчуждения исключительных прав, предметом которых является передача (предоставление) исключительных прав на объект интеллектуальной собственности в том или ином объеме. Однако на практике подучают распространение и иные договорные формы.

В 2019 году ГК РФ был дополнен статьей 783.1, в которой определен особый вид договора оказания услуг – договор об оказании услуг по предоставлению информации. В случае заключения между субъектами указанного договора сами по себе данные не приобретают юридических свойств объекта прав в смысле ст. 128 ГК РФ. Формой обособления данных в гражданском обороте как необходимой ценности для обмена между участниками отношений становится квалификация передачи данных как услуги.

Несмотря на существование различных правовых форм и механизмов передачи данных в гражданских правоотношениях, на практике существует проблема доступа к данным, обусловленная рисками монополизации соответствующего рынка и аккумуляции данных у крупных компаний, имеющих прямой доступ к ним (например, операторы связи). Сбор данных частными организациями с фактическим установлением ограничений по их дальнейшему использованию объясняется также отсутствием у органов государственной власти и государственных учреждений информационных технологий для полезного использования генерируемых и накапливаемых ими данными. В Российской Федерации устранение данного дисбаланса между участниками формируемого рынка больших данных осуществляется за счет проведения цифровой трансформации государственных услуг и внедрения Суперсервисов в рамках национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации» [14].

Но проблема повышения эффективности использования данных всеми участниками экономических отношений активно обсуждается и в зарубежных странах. В Европейском союзе 80% создаваемых промышленных данных не используются, что сдерживает огромный потенциал роста инноваций в сфере информационных технологий [1]. В целях развития рынка данных, а также его правового регулирования в Европейском союзе была принята «Европейская стратегия обработки данных» [4]. Одним из результатов указанной стратегии стал новый регламент (свод нормативных правовых актов), принятый в сентябре 2023 года – «Data Governance Act» (англ. «Закон об управлении данными») [3]. Данный акт регулирует вопросы предоставления данных и обмена (включения в оборот) субъектами гражданско-правовых отношений.

Европейский законодатель установил диспозитивное право государственных учреждений предоставлять данные физическим и юридическим лицам на коммерческой основе или на безвозмездной основе в некоммерческих целях (в научных целях и целях развития инновационных стартапов). Введен императивный запрет на заключение эксклюзивных договоров (ст. 4 «Закона об управлении данными»).

Проблема использования данных, генерируемых государственными органами, в Российской Федерации решается с 2019 года. Правительством Российской Федерации была утверждена «Концепция создания и функционирования национальной системы управления данными и план мероприятий по созданию национальной системы управления данными» [12]. В рамках реализации указанной концепции создается федеральная государственная информационная система «Единая информационная платформа Национальной системы управления данными». Цель данной ЕИС связана с централизацией данных, генерируемых уполномоченными органами и подведомственными государственными учреждениями. Указанная платфор-

ма должна обеспечить свободный доступ к данным для физических и юридических лиц на возмездной основе [10]. Таким образом, отечественный подход к разрешению вопроса использования данных, генерируемых государственными органами, сконцентрирован на технической возможности использования данных.

Наиболее важным, на наш взгляд, нововведением европейского законодателя в рамках «Закона об управлении данными» является введение нового вида услуг – «услуги информационного посредника по предоставлению данных». Под указанными услугами европейский законодатель понимает действия исполнителя по предоставлению заказчику данных, полученных исполнителем от иного физического или юридического лица (обладатель информации). В буквальном смысле указанные услуги являются услугами информационного посредника, который не осуществляет создание материалов (данных), а осуществляет исключительно передачу материалов (данных) посредством сети «Интернет». В отличие от принятой в России квалификации субъекта в качестве информационного посредника, указанный информационный посредник является инициатором передачи данных и определяет получателя данных. Экспертами предлагается провести имплементацию нового термина «дата-посредник». Так, АНО «Цифровая экономика» совместно с «Ассоциацией больших данных» планируют апробировать введение этой правовой дефиниции, определяющей новый вид субъектов гражданско-правовых отношений (дата-посредник), а также апробировать элементы правового регулирования услуг «дата-посредников» в рамках «цифровой песочницы» [7] (экспериментальный правовой режим). Данная апробация, по мнению указанных организаций, позволит выработать оптимальные правовые механизмы регулирования услуг по предоставлению данных. Указанное регулирование в том числе может быть обеспечено за счет имплементации положений «Закона об управлении данными», предусматривающих требования к услугам указанных субъектов: 1. оказание услуг должно осуществляться посредством использования цифровой платформы в сети «Интернет»; 2. для предоставления данных необходимо получить согласие субъекта данных; 3. субъект не должен использовать данные в своих целях; 4. стоимость оказания услуг должна быть равной для всех; 5. субъект обязан уведомлять компетентный орган об оказании услуг; 6. субъект обязан использовать логотип, подтверждающий право оказывать услуги.

Рассматриваемое предложение может быть введено в отечественную правовую систему путем включения в положения об услугах по предоставлению информации, предусмотренных в ст. 783.1 ГК РФ.

Наиболее интересным, на наш взгляд, нововведением, изложенным в «Законе об управлении данными», является концепция альтруизма данных. Согласно статье 2 «Закона об управлении

данными» под альтруизмом данных понимается добровольное предоставление данных, в отношении которых имеется общественный интерес, без получения обладателями данных вознаграждения, кроме компенсаций расходов, связанных с предоставлением данных. В качестве общественного интереса выделяются: здравоохранение, борьба с изменением климата, улучшение мобильности, работы с официальной статистикой, государственные услуги, политика, научные исследования в общественных интересах. В качестве примера концепции альтруизма указывается платформа «Smart Citizen», которая позволяет обмениваться данными об уровнях шума и загрязнения в домах, собранных с помощью датчиков. Указанная информация позволяет составлять карты шума и качества воздуха, на основании которых органы власти Европейского союза могут принимать решения по устранению социальных проблем [2].

Мы считаем, что имплементация и развитие концепции альтруизма данных в отечественном законодательстве может способствовать развитию исследовательского потенциала высшей школы. Согласно статистике, цитирование специалистов, представляющих коммерческие организации осуществляется в два раза чаще, чем цитирование специалистов, представляющих научно-исследовательские университеты, спонсируемые государством [5]. В первую очередь это может быть вызвано тем, что специалисты коммерческих организаций имеют прямой доступ к данным, позволяющих провести анализ эмпирического опыта. Как следствие, возможность доступа к данным на безвозмездных началах может способствовать развитию научных проектов, прямо не связанных с коммерческими организациями.

Таким образом, мы можем наблюдать близость позиций отечественного законодателя и регуляторной практики зарубежных стран по определению требований и особенностей участия данных в гражданском обороте. Положения Закон об управлении данными Евросоюза заслуживают внимания, прежде всего, в части имплементации идей, сформулированных в рамках концепция альтруизма данных. Представляется необходимым проработка вопросов возможности создания правовых механизмов, позволяющих осуществлять безвозмездное предоставление данных в общественных целях, в том числе в научных целях, а также обеспечения механизмов, мотивирующих субъектов, владеющих данными, предоставлять их в общественных интересах.

Литература

1. Bahrke J., Manoury C. Data Act: Commission proposes measures for a fair and innovative data economy // European Commission. 2022. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_1113 (дата обращения: 02.11.2023).

2. Data Governance Act explained // European Commission. 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/data-governance-act-explained> (дата обращения: 09.11.2023).
3. European data governance and amending Regulation (EU) 2018/1724 (Data Governance Act). Regulation (eu) 2022/868 of the European Parliament and of the council of 30 may 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32022R0868> (дата обращения: 02.11.2023).
4. European strategy for data. Communication from the commission to the European parliament, the council, the European economic and social committee and the committee of the regions // WIPO. 2022. [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/wipo_magazine_digital/ru/2022/article_0002.html (дата обращения: 02.11.2023).
5. Jurowetzki R., Hain D.S., Mateos-Garcia J., Stathoulopoulos K. The Privatization of AI Research(–ers): Causes and Potential Consequences // Aalborg Universitet. 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://vbn.aau.dk/ws/portalfiles/portal/487198060/2102.01648v2.pdf> (дата обращения: 13.11.2023).
6. Reinsel D., Gantz J., Rydning J. The digitization of the World, From Edge to Core. Data age 2025 // Seagate. 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.seagate.com/files/www-content/our-story/trends/files/idc-seagate-data-age-whitepaper.pdf> (дата обращения: 01.02.2024).
7. Дата-посредники: организации по управлению персональными данными // АНО «Цифровая экономика». 2022. [Электронный ресурс]. URL: https://files.data-economy.ru/Docs/Otchet_6_data%20trusts.pdf (дата обращения: 09.12.2023).
8. Литвиненко Ю. Большие данные прошли переоценку // Коммерсантъ. 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5939856> (дата обращения: 14.02.2024).
9. Мишустин считает, что данные – новые нефть, платина и золото XXI века // Тасс. 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11444531> (дата обращения: 14.02.2024).
10. Национальная система управления данными // Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/1061/> (дата обращения: 05.11.2023).
11. Нёртон Д. Данные: движущая сила, преобразующая мировую экономику. Журнал ВОИС. 2022. [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/wipo_magazine_digital/ru/2022/article_0002.html (дата обращения: 01.02.2024).
12. Об утверждении Концепции создания и функционирования национальной системы управления данными и плана мероприятий («дорожной карты») по созданию национальной системы управления данными на 2019–2021 г.г. Распо-

ряжение Правительства РФ от 3 июня 2019 г. № 1189-р. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

13. Рожкова М.А. Имущественные права на новые нематериальные объекты в системе абсолютных прав // Право цифровой экономики – 2020 (16): Ежегодник-антология. Статут, 2020. С. 5–78.
14. Суперсервисы и цифровая трансформация госуслуг // Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/854/> (дата обращения: 01.03.2024).
15. Федеральный закон Российской Федерации «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 19 декабря 2006 г. № 231-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006 г. № 52 (часть 1). Ст. 5497.

DATA AS AN OBJECT OF CIVIL LAW: CONDITIONS OF RECOGNITION AND TRANSFER (PROVISION)

Klimko E.I.
Pskov State University

The article is devoted to the study of data participation in civil turnover, as well as legal trends in the regulation of data provision. Within the framework of this article the author substantiates the proposal to consider data as an object of civil rights through the prism of qualification of data as an object of intellectual property or services. Based on the proposed qualification of data, the author analyzed possible contractual constructions used for the provision of data between the subjects of civil legal relations. A comparative legal analysis of the norms of the Russian law and provisions of the new set of regulations of the European Union “Data Governance Act” has been carried out. The author identifies the main innovations proposed by the European legislator in the “Data Governance Act”, and also substantiates the need to borrow the concept of data altruism for the purposes of scientific and technological development of the country.

Keywords: data legal regulation, data market, industrial data, Data Governance Act, big data, information technology.

References

1. Bahrke J., Manoury C. Data Act: Commission proposes measures for a fair and innovative data economy // European Commission. 2022. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_1113 (date of reference: 02.11.2023).
2. Data Governance Act explained // European Commission. 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/data-governance-act-explained> (date of reference: 09.11.2023).
3. European data governance and amending Regulation (EU) 2018/1724 (Data Governance Act). Regulation (eu) 2022/868 of the European Parliament and of the council of 30 may 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32022R0868> (date of reference: 02.11.2023).
4. European strategy for data. Communication from the commission to the European parliament, the council, the European economic and social committee and the committee of the regions // WIPO. 2022. [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/wipo_magazine_digital/ru/2022/article_0002.html (date of reference: 02.11.2023).
5. Jurowetzki R., Hain D.S., Mateos-Garcia J., Stathoulopoulos K. The Privatization of AI Research(–ers): Causes and Potential Consequences // Aalborg Universitet. 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://vbn.aau.dk/ws/portal>

- files/portal/487198060/2102.01648v2.pdf (date of reference: 13.11.2023).
6. Reinsel D., Gantz J., Rydning J. The digitization of the World, From Edge to Core. Data age 2025 // Seagate. 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.seagate.com/files/www-content/our-story/trends/files/idc-seagate-dataage-whitepaper.pdf> (date of reference: 01.02.2024).
 7. Data management organizations // ANO "Digital Economy". 2022. [Electronic resource]. URL: https://files.data-economy.ru/Docs/Otchet_6_data%20trusts.pdf (date of reference: 09.12.2023).
 8. Litvinenko Y. Big Data has been reevaluated // Kommersant. 2023. [Electronic resource]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5939856> (date of reference: 14.02.2024).
 9. Mishustin believes that data is the new oil, platinum and gold of the XXI century // Tass. 2021. [Electronic resource]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11444531> (date of address: 14.02.2024).
 10. National data management system // Official website of the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Communications of the Russian Federation. 2021. [Electronic resource]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/1061/> (date of reference: 05.11.2023).
 11. Nurton D. Data: a driving force transforming the world economy. WIPO Magazine. 2022. [Electronic resource]. URL: https://www.wipo.int/wipo_magazine_digital/ru/2022/article_0002.html (date of reference: 01.02.2024).
 12. On Approval of the Concept for the Creation and Functioning of the National Data Management System and the Action Plan (Roadmap) for the Creation of the National Data Management System for 2019–2021. Order of the Government of the Russian Federation from June 3, 2019 № 1189-r. Accessed from the reference-legal system «Garant».
 13. Rozhkova M.A. Property rights to new intangible objects in the system of absolute rights // The Law of Digital Economy – 2020 (16): Yearbook-anthology. Statute, 2020. С. 5–78.
 14. Superservices and digital transformation of public services // Official website of the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Communications of the Russian Federation. 2023. [Electronic resource]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/854/> (date of reference: 01.03.2024).
 15. Federal Law of the Russian Federation "On Enactment of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation" of December 19, 2006 № 231-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006 № 52 (part 1). Art. 5497.

Благоприятная окружающая среда как конституционная ценность и объект конституционно-правового регулирования

Козырева Дарья Алексеевна,

студентка магистратуры, кафедра государственно-правовых дисциплин, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

E-mail: dasutka2000@yandex.ru

В статье освещён вопрос о благополучной окружающей среде в контексте РФ, подчеркивая значимость эффективного применения законодательных инициатив, которые были направлены на защиту конституционного права. Также анализируются проблемы, которые лежат на пути обеспечения экологического благополучия, и методы их разрешения.

Акцентируется важность исследования правовых норм в данной сфере, которые служат основой для стандартов, обязательных к исполнению государством, которые обеспечивают благоприятное состояние окружающей среды, и включают в себя здоровье природных экосистем и контроль над природными и смешанными факторами.

С каждым годом растёт количество новых заводов и фабрик, что способствует удовлетворению потребностей населения, однако не стоит забывать о экологической устойчивости государства и защите природы в данном процессе.

Ключевым моментом анализа станет оценка действующего законодательства, и тем самым определяет концепцию благоприятной для жизни среды, и рассмотрение алгоритмов по улучшению экологической обстановки.

Ключевые слова: право, благоприятная, среда, конституция, регулирование.

Обеспечение экологического благополучия – одна из основных задач российской правовой системы, поскольку оно стало одной из главных проблем современного общества. Требования к ответственности предприятий и государственному контролю растут по мере того, как люди все больше осознают, какое влияние оказывают развитие и бизнес на окружающую среду. Для того чтобы трансформировать эти ожидания в принудительные системы, требующие устойчивости, подотчетности и защиты, необходимо законодательство.

В России установлены высокие стандарты по снижению загрязнения и уничтожению среды обитания при одновременном развитии экономики. В связи с этим сложные потребности заинтересованных сторон должны быть уравновешены тонко продуманным законодательством. Также необходимо, чтобы процедуры разработки политики были комплексными и опирались на более широкий круг знаний. Не менее важны прагматичные системы правоприменения, предусматривающие стимулы и санкции. Если мы хотим, чтобы Россия достигла своих экологических целей, нам придется приложить трудные, но необходимые усилия для того, чтобы все эти многочисленные компоненты были правильно подобраны. [2].

Как на местном, так и на глобальном уровне в обеспечении экологической устойчивости участвует несколько общественных сил. Политическая и экономическая стабильность необходимы для роста, но также необходимо информированное и вовлеченное гражданское общество.

Решение правительства уделять первостепенное внимание охране здоровья населения и сохранению окружающей среды является частью более широкого понимания прав человека в двадцать первом веке. Конституционные меры, защищающие общее право на здоровую окружающую среду, являются примером того, как правовые системы развиваются в этическом плане. Государства по всему миру принимают законы и правила, направленные на обеспечение открытости экологических данных, борьбу с загрязнением и сохранение окружающей среды.

Тем не менее, сложные экологические проблемы не могут быть адекватно решены только путем принятия политических решений сверху вниз. Способность требовать ответственности от лиц, принимающих решения в государственном и корпоративном секторах, и повышать осведомленность на низовом уровне одинаково важны для успеха. Доступ к точной информации позволяет людям понять состояние окружающей среды как

на местном, так и на глобальном уровне. Широкая гражданская активность позволяет находить индивидуальные решения, которые отражают потребности и ценности местного сообщества, повышая при этом демократическую легитимность процесса формирования политики.

Следует отметить, что надежная защита окружающей среды является результатом как участия общественности, так и обязательств правительства. Хотя достижение устойчивости сопряжено со значительными экономическими и социальными препятствиями, сохранение экосистем является синонимом сохранения человеческого достоинства и благосостояния для нынешнего и будущих поколений. Правовые гарантии и общественный дискурс могут продвинуть общество к более справедливым и устойчивым результатам развития, которые принесут пользу каждому, благодаря включению экологических соображений.

В соответствии с 11-й статьей федерального закона «Об охране окружающей среды», посвящённого вопросам экологии, граждане имеют законное право запрашивать и получать информацию от государственных и муниципальных органов.

Данная информация должна быть актуальной, полной и верной и касаться как текущего состояния окружающей среды в районе их жительства, так и осуществляемых действий по её защите и улучшению.

Закон призван привлечь жителей к более активному участию в мониторинге воздействия промышленных предприятий, снижении уровня загрязнения и поддержании здорового экологического баланса в своих районах, сделав экологические данные доступными для общественности. Если возникнут проблемы, педагогическая общественность поможет привлечь к ответственности власти и компании. В целом, открытое экологическое управление способствует укреплению демократических принципов и гражданского общества.

Граждане, обладающие знаниями это граждане, обладающие властью. Решения по защите общественного и индивидуального благосостояния могут приниматься сообществами и людьми, имеющими доступ к данным о здоровье. Обеспечение этичного управления основано на своевременных и надежных коммуникационных сетях в сфере здравоохранения. Однако из-за институциональной инерции, экономических интересов или неуместного патернализма многие правительства накладывают ограничения на поток информации. Обеспечение доступа общественности к важным данным в области здравоохранения позволяет поддерживать баланс сил в формировании политики между людьми, которым они служат, и властями.

Статья 8 Закона РФ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» позволяет жителям России запрашивать и получать данные о состоянии здоровья от государственных организаций. Это касается предупреждений о безопасности продуктов, отслеживания инфекционных заболеваний, сообщений о токсинах в окружа-

ющей среде, предостережений о вредных факторах на рабочем месте и т.д. Несмотря на то что этот закон является важнейшим инструментом обеспечения открытости, его формулировки неоднозначны, что затрудняет доступ к нему в реальной жизни. Положения о раскрытии информации применяются непоследовательно органами власти в различных областях и секторах. Многие люди не обладают достаточной технологической грамотностью, чтобы найти данные или сделать осмысленные выводы из сложных статистических анализов и исследований. Неопределенность усиливается из-за отсутствия установленных сроков реагирования или организованных маршрутов распространения.

С помощью информационных панелей для общественности, информационных акций и сотрудничества с сообществами можно обеспечить быструю и единообразную публикацию легко усваиваемых фактов о состоянии здоровья на основе четких законодательных инструкций. Однако для того, чтобы правильно расширить доступ общественности, необходимо сначала устранить типичные возражения правительства. Информационную прозрачность иногда путают с отказом авторитарных режимов от контроля над коммуникациями и выбором политики. С другой стороны, технократические правительства могут недооценивать способность неспециалистов правильно интерпретировать технические идеи. Более того, даже благонамеренные взгляды на управление могут склоняться скорее к патернализму, чем к расширению прав и возможностей. Недобросовестные аргументы будут смягчены, если дать понять, что открытая, прозрачная отчетность способствует подотчетности и инклюзивному дискурсу, а не препятствует выработке суверенной политики или реагированию на кризис.

По этическим соображениям необходимо обеспечить общественности легкий доступ к соответствующей информации о безопасности. Принятие педагогически обоснованных решений улучшает состояние здоровья как отдельных людей, так и общества в целом. Однако для создания взаимовыгодных открытых информационных систем необходимо устранить неравенство в полномочиях между государством и обществом. Для того, чтобы осуществлять эффективное управление, суверенные власти должны продолжать выполнять свои обязательства по социальному мандату, одновременно предоставляя общественности необходимые сведения. Утверждение общих интересов в реализации потенциала жизнестойких сообществ в полной мере необходимо для конструктивного расширения коммуникации в области общественного здравоохранения. Точная конфигурация этих систем определяется региональными целями и ценностями. Однако основополагающие идеи расширения прав и возможностей с помощью информации, управления для народа, а не над ним, и инклюзивности могут направлять глобальное развитие. Оглядываясь на правила этого века, мы, возможно, сочтем их дальновидными.

Право на компенсацию ущерба, нанесенного здоровью и жизни из-за экологического загрязнения, является одним из ключевых элементов конституционных прав, обеспечивающих благополучие в окружающей среде.

В соответствии с нормами Гражданского кодекса, в частности статьями 15 и 1064, для получения возмещения важно подтвердить факт ущерба, неправомерность действий виновника, а также наличие прямой связи между его поступками и вредом, а также установить степень его вины[5].

Исследование роли государственных институтов в защите конституционного права на благоприятную среду обитания подчеркивает важность их вклада в реализацию и защиту этого права. Это поднимает вопрос об оценке эффективности работы правоохранительных структур России в данной сфере.

В числе упомянутых структур, как определено Счетной палатой РФ, находятся МВД РФ, МЧС РФ, ФСИН, ФСКН, ФМС, ФССП, ГФС РФ и СК РФ. В свете этого стоит уделить внимание анализу их действий по охране права на благоприятную окружающую среду[7].

В рамках своей работы по защите природной среды, ООН на сегодняшний день разработала и ввела в действие 50 международных соглашений и конвенций, а также приняла три ключевые декларации, в числе которых знаковые документы: Рио-де-Жанейрская декларация 1992 года, Всемирная хартия природы, датируемая 1982 годом, и Стокгольмская декларация, уходящая корнями в 1972 год.

Данные акты устанавливают международные нормы, которые способствуют реализации основного права человека на наличие благоприятной среды обитания.

Исследование международных и отдельных национальных законодательных систем показало недостатки в законодательном обеспечении права на чистую среду обитания, а также предложило методы для устранения этих недостатков.

Общепринятое определение благоприятной окружающей среды отсутствует на глобальном уровне, что ведет к разночтениям в интерпретации права людей на такую среду.

В различиях подходов к этому вопросу можно увидеть, насколько они варьируются: Стокгольмская декларация косвенно признает это право через концепцию благоприятных условий для жизни, Конституция Российской Федерации включает в эту категорию обеспечение равновесия между природными, экологическими и антропогенными факторами, что подразумевает создание удобной жизненной среды, а Конституция Бельгии рассматривает это как право на здоровую окружающую среду.

В связи с трудностями формулирования универсального определения права на благоприятную окружающую среду, которое бы учитывало разнообразие социальных, политических и государственных систем, предлагается избрать стратегию, ос-

нованную на использовании более абстрактного определения. Такой подход предусматривает делегирование ответственности за трактовку данного права соответствующим органам власти, вместо попыток детализировать его через узкоспециализированные формулировки. Это предложение выглядит предпочтительным, учитывая сложности, связанные с разработкой стандартизированного определения, приемлемого для стран с различными характеристиками.

Для того чтобы удостовериться в следовании юридическими организациями установленным экологическим регуляциям, проводятся независимые экологические проверки, известные как экологический аудит. Эти аудиты оценивают соответствие действий компаний международным и национальным экологическим стандартам и законам. В контексте России существует Федеральный закон «Об аудиторской деятельности», который регулирует аудиторскую деятельность, однако его положения ограничиваются финансовыми проверками и не охватывают экологический аудит.

Важной функцией экологического аудита является стимулирование соблюдения законодательства и ответственности бизнеса. Аудиторы оценивают системные элементы, такие как распределение ресурсов, контроль отходов и природоохранные инициативы, чтобы выяснить, не нарушают ли предприятия экологические нормы ради прибыли. В ходе аудита также проверяются технические элементы, такие как загрязнение почвы, сброс воды и загрязнение воздуха. В ходе таких тщательных проверок нарушения становятся достоянием общественности, что оказывает внешнее давление на предприятия, заставляя их привести свою деятельность в соответствие с требованиями законодательства. В отсутствие экологического аудита предприятия, ориентированные только на получение прибыли, могут нанести непоправимый вред природным системам, занимаясь чрезмерным загрязнением окружающей среды или незаконным вывозом мусора.

Конечная цель экологического аудита – формирование нравственной атмосферы в компании, при которой руководители регулярно задумываются о влиянии своей деятельности на окружающую среду. Они заставляют предприятия использовать стандартные для отрасли, экологически безопасные процедуры. Кроме того, благодаря аудиту правительства могут найти лазейки в нормативных актах и последовательно наказывать компании, не соблюдающие требования. Все эти эффекты способствуют конструктивным организационным изменениям и повышают осведомленность об экологических проблемах в корпоративной деятельности.

Чтобы адекватно проводить экологические аудиты, недостаточно оценивать только финансовые аспекты – важно также анализировать производственные методы. В связи с этим, кажется разумным предложить модификации в существующий Федеральный закон «Об аудиторской деятельности».

Необходимо расширить сферу действия федеральных законов об аудите в России, включив в нее экологический аудит. Закон «Об аудиторской деятельности», ориентированный только на финансовую прозрачность, недостаточен для решения проблем, связанных с современной устойчивостью. Россия должна сделать больше, поскольку экологические проблемы становятся все более актуальными во всем мире. Более совершенные нормативные акты, требующие проведения экологического аудита, могут решить проблему врожденного конфликта интересов, который позволяет компаниям действовать незаконно и безразлично относиться к окружающей среде.

Идея состоит в том, чтобы законодательно ограничить общие принципы аудиторских проверок и ввести конкретные разделы для финансового и экологического аудиторирования. Это потребует интеграции с положениями Федерального закона «Об охране окружающей среды», чтобы устранить правовой вакуум в данной области[2].

Изменение законодательства предусматривает внедрение новых критериев для экологической проверки предприятий, которые будут зависеть от таких факторов, как доходы предприятия, его влияние на окружающую среду через выбросы и общий экологический отпечаток на всех этапах его деятельности.

Все это означает, что ответственность за соблюдение экологических норм будет распространяться на предприятия всех размеров – от малых до крупных промышленных гигантов. Введение значительных штрафов для тех, кто серьезно нарушает данные правила, предполагается как мера, привязанная к масштабу нарушений и финансовому положению нарушителя.

Таким образом, планируется преобразовать экологический аудит из добровольной меры в строгое требование, обеспечивающее защиту окружающей среды на всех уровнях бизнес-процессов.

Введение юридической обязанности для ведущих компаний РФ по выполнению экологического аудита и следованию экологическим стандартам предотвратит серьезные экологические проблемы. Данное действие направлено на уменьшение отрицательных последствий для окружающей среды, таких как глобальное изменение климата и истощение природных ресурсов. РФ имеет возможность выступить в роли пионера этих критически важных изменений до того, как будет достигнуто всемирное политическое единодушие.

Для защиты права каждого человека на благоприятную окружающую среду актуализация как национального, так и международного экологического законодательства становится основной задачей.

Предложение ввести обязательные экологические проверки для некоторых секторов экономики привлекает особое внимание. Это касается предприятий, работающих в областях добычи полезных ископаемых, нефтегазовой отрасли, химического производства и лесного хозяйства, которые теперь

будут нести ответственность за регулярную оценку влияния своей деятельности на окружающую среду.

Основной фокус таких аудитов будет направлен на анализ выбросов парниковых газов, управление отходами, использование и загрязнение воды, а также на мониторинг загрязнения воздуха и сокращение биоразнообразия. Дополнительно, предусматривается предложение льгот для компаний, которые присоединятся к этой инициативе, несмотря на освобождение от некоторых из этих регламентированных обязательств.

Профессионалы играют ключевую роль в выявлении угроз и слабых мест, предлагая при этом наилучшие стратегии и инструменты для минимизации вреда. В случае обязательности таких проверок это заставило бы большинство компаний принять на себя ответственность за сокращение экологического ущерба, вместо того чтобы сосредотачиваться исключительно на повышении своих доходов. Внедрение системы, которая стимулирует добровольные оценки, в сочетании с обязательными экологическими аудитами для основных источников загрязнения, предоставит возможность для значительного и устойчивого улучшения экологических стандартов ведения бизнеса.

Для сохранения благоприятной окружающей среды и природных богатств важен вклад каждого участника общества. Чтобы стимулировать бизнес к осознанному подходу, используются как мотивирующие, так и регулирующие механизмы. Компании, сталкиваясь с возможностью получения штрафов, стараются обновлять свои процессы, внедряя экологичные технологии и уменьшая количество отходов. С другой стороны, введение привилегий, таких как налоговые льготы, специальные условия финансирования, улучшенные условия для закупок и возможности для добровольного аудита, служит дополнительным толчком к устойчивому развитию.

Подход, основанный на двойном аудите, направлен на повышение ответственности и внесение положительных изменений в экосистему бизнеса, принимая во внимание разнообразие потребностей и возможностей разных участников рынка.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Определение Конституционного Суда РФ от 15.07.2010 N 931-О-О // Вестник Конституционного Суда РФ, № 2, 2011.
3. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Российская газета, № 6, 12.01.2002.
4. Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» // Российская газета, № 64–65, 06.04.1999.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета, № 238–239, 08.12.1994.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) // Российская газета, № 23, 06.02.1996, № 24, 07.02.1996, № 25, 08.02.1996, № 27, 10.02.1996.
7. СОД 17. Проведение Счетной палатой Российской Федерации контрольных мероприятий с участием правоохранительных и иных государственных органов Российской Федерации. Стандарт организации деятельности // СПС: КонсультантПлюс.

A FAVORABLE ENVIRONMENT AS A CONSTITUTIONAL VALUE AND AN OBJECT OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL REGULATION

Kozyreva D.A.

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The article highlights the issue of a safe environment in the context of the Russian Federation, emphasizing the importance of effective application of legislative initiatives aimed at protecting constitutional law. The problems that lie in the way of ensuring environmental well-being and methods of their resolution are also analyzed.

The importance of studying legal norms in this area is emphasized, which serve as the basis for standards that are binding on the state, which ensure a favorable state of the environment, and include the health of natural ecosystems and control over natural and mixed factors.

The number of new factories is growing every year, which contributes to meeting the needs of the population, but do not forget about the environmental sustainability of the state and the protection of nature in this process.

The key point of the analysis will be the assessment of the current legislation, and thus defines the concept of a life-friendly environment, and consideration of algorithms to improve the environmental situation.

Keywords: law, favorable environment, constitution, regulation.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 07/15/2010 N 931-O-O // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation, No. 2, 2011.
3. Federal Law No. 7-FZ dated 01/10/2002 "On Environmental Protection" // Rossiyskaya Gazeta, No. 6, 01/12/2002.
4. Federal Law No. 52-FZ dated 30.03.1999 "On sanitary and epidemiological welfare of the population" // Rossiyskaya Gazeta, No. 64–65, 04/06/1999.
5. The Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 11/30/1994 No. 51-FZ // Rossiyskaya Gazeta, No. 238–239, 08.12.1994.
6. The Civil Code of the Russian Federation (part two) // Rossiyskaya Gazeta, № 23, 06.02.1996, № 24, 07.02.1996, № 25, 08.02.1996, № 27, 10.02.1996.
7. CELL 17. The Audit Chamber of the Russian Federation conducts control measures with the participation of law enforcement and other state bodies of the Russian Federation. The standard of organization of activities // SPS: ConsultantPlus.

Судебные споры при продаже невостребованных земельных долей и земельных участков сельскохозяйственного назначения: проблемы и пути решения

Косынкин Александр Александрович,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Средне-Волжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России)
E-mail: kosynkinaa@yandex.ru

Актуальность приобретения в собственность земельных участков сельскохозяйственного назначения с каждым годом все возрастает.

С одной стороны это обусловлено стремлением государства «узаконить» максимальное количество недвижимого имущества для увеличения налоговой базы, с другой – уменьшением количества свободных земельных участков.

Учитывая то обстоятельство, что сельскохозяйственная земля принадлежит к особо ценной категории, российский законодатель передал право преимущественной покупки данной земли лицам, которые ее используют.

Однако отношения между органами местного самоуправления и лицами, претендующими на преимущественное и льготное приобретение земли в ряде случаев переходят в судебную плоскость, в результате чего возникает множество казусов, требующих разрешения.

В данной статье рассмотрены особенности приобретения в собственность (аренду) невостребованных земельных долей или участков, сформированных в счет невостребованных земельных долей, из земель сельскохозяйственного назначения. Кроме того, при написании статьи, автором были проанализированы судебные акты по делам, указанной категории и сделаны выводы, отраженные в статье.

Ключевые слова: земельная доля, участок сельскохозяйственного назначения, администрация, арбитражные споры.

Процедура признания права собственности на невостребованную земельную долю из земельного участка сельскохозяйственного назначения и дальнейшее распоряжение ей регулируется Федеральным законом «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» № 101-ФЗ от 24.07.2002 г. [1]

Институт невостребованной земельной доли был внесен в ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» в 2010 году Федеральным законом от 29.12.2010 № 435-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования оборота земель сельскохозяйственного назначения».

Появления вышеуказанного института, на наш взгляд, было обусловлено стремлением государства ввести в сельскохозяйственный оборот значительные массивы участков, собственники которых не желают распоряжаться предоставленными им в 1994 году земельными долями (паями), а также желанием крупных агрохолдингов пополнить свой земельный банк.

В настоящее время идет дискуссия о том, что государству не нужно было делить колхозные земли на паи, которые раздавались не только работникам колхозов и их детям, но и муниципальным служащим в местности расположения земельного участка. По мнению некоторых ученых, необходимо землю вернуть в государственную собственность и предоставлять ее только в аренду.

Согласно статье 12.1. ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» невостребованной земельной долей может быть признана земельная доля, принадлежащая на праве собственности гражданину, который не передал эту земельную долю в аренду или не распорядился ею иным образом в течение трех и более лет подряд, а также земельная доля, сведения о собственнике которой не содержатся в принятых до дня вступления в силу Федерального закона от 13 июля 2015 года № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» решениях органов местного самоуправления о приватизации сельскохозяйственных угодий.

Орган местного самоуправления (муниципальное образование) на территории которого расположен земельный участок сельскохозяйственного назначения имеет право обратиться в суд общей юрисдикции с заявлением о признании права собственности за собой на невостребованную земельную долю (доли).[2] Однако, в ряде случаев, в де-

лах данной категории в интересах муниципального образования участвует прокуратура.[3] Хотя на наш взгляд, участие прокурора обусловлено не столько защитой интересов неопределенного круга лиц, сколько увеличением показателей работы, так как данная категория дел не представляет особой сложности для суда и ее участников.

После оформления права собственности на невостребованную земельную долю, орган местного самоуправления обязан распорядиться ей. В течение шести месяцев со дня возникновения права муниципальной собственности на земельную долю он вправе продать эту земельную долю сельскохозяйственной организации или крестьянскому (фермерскому) хозяйству, использующим земельный участок, находящийся в долевой собственности. Данные категории лиц имеют право приобрести земельную долю по льготной стоимости (ч. 4 ст. 12 ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»). В случае отсутствия покупателей, орган местного самоуправления должен сформировать земельный участок в счет земельных долей и предложить его в аренду или в собственность все тем же категориям лиц по льготной стоимости.

Законодательно закрепленный механизм реализации на первоначальном этапе земельной доли, а в последующем земельного участка позволяет на наш взгляд максимально обеспечить интересы лиц, участвующих в сельскохозяйственной деятельности.

Реализация земельной доли или земельного участника указанной категории по льготной стоимости обусловлено стимулированием государства к первоочередному приобретению сельскохозяйственной земли, именно лицами, занимающимися сельскохозяйственной деятельностью для ее использования по прямому назначению, а в случае отсутствия данных лиц, всеми остальными участниками гражданского оборота.

Однако, хотя действующее законодательство и определяет порядок продажи невостребованной земли сельхозназначения, проблема ее приобретения реальными категориями лиц является актуальной.

На наш взгляд, это обусловлено различными причинами:

1. Желанием органа местного самоуправления максимально пополнить свой бюджет, не продавать землю по льготной стоимости, а выставить ее в последующем на аукцион. [4] При конкуренции предложений, как правило, продаваемая стоимость имущества значительно возрастает. Однако, в данном случае возникает другая проблема – не всегда такую землю может купить сельхозтоваропроизводитель, который на ней работает. Учитывая то обстоятельство, что в последнее время торги проводятся в электронной форме, то в них могут участвовать любые лица, где бы они не находились. Иногда земля приобретается, так называемыми спекулянтами, для ее последующей пе-

репродажи или сдачи в аренду. На наш взгляд муниципалитету внимательнее следует относиться с данной форме продажи земли, так как ее приобретение лицами, не занимающимися сельскохозяйственной деятельностью может в последующем привести к простаиванию и зарастанию земель.

2. Желанием органа местного самоуправления продать земельные доли определенному юридическому лицу. При изучении арбитражной практики нами были выявлены споры, в которых муниципалитет, фактически, напрямую, без проверки преимущественного права, заключает договор купли-продажи с юридическим лицом. [5] С одной стороны, хотя земля и продается лицу ее использующему, однако нарушается нормативный порядок такой продажи, тем самым на первой стадии отсекаются потенциальные претенденты, имеющие такое же право льготного приобретения земли.
3. Трансформацией права льготного приобретения в право преимущественного приобретения имущества, находящегося в общей долевой собственности. [8] Такая ситуация возможна когда и муниципалитет и лица, претендующие на льготное приобретение земли, не только обрабатывают земельный участок, но и одновременно являются его сособственниками. Хотя такая ситуация возникает не часто, но тем самым отсутствует конкуренция при приобретении земли.
4. Формированием судебной практики, предъявляющей повышенные требования к лицам, претендующим на льготное приобретение имущества. Если проанализировать судебную практику по оспариванию решений органов местного самоуправления об отказе в продаже невостребованных земельных долей или земельных участков, то можно сделать вывод о том, что с каждым годом наблюдается тенденция необходимости повышенного стандарта доказывания своих прав, лицам, претендующим приобретение земельных участков сельхозназначения. Это выражается в подтверждении статуса сельхозтоваропроизводителя, [9] подтверждении факта обработки земельного участка, непосредственно лицом, желающим его приобрести [10] и т.д.

На наш взгляд многочисленные судебные споры, связанные с продажей земли сельскохозяйственного назначения, обусловлены непониманием муниципалитетов главной цели законодателя, заключающейся в преимущественной продаже земли, лицам, которые ее используют, даже, если такая продажа происходит по льготной стоимости.

Таким образом, для того, чтобы органы местного самоуправления, а также лица, использующие земельные участки сельскохозяйственного назначения, в которых находятся земельные доли (паи) соблюдали ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» при приобретении невостребованных невостребованных земельных до-

лей и земельных участков сельскохозяйственного назначения необходима единообразная судебная практика, сформированная, в первую очередь, на основании норм права.

Литература

1. Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» от 24.07.2002 № 101-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».
2. Решение Чамзинского районного суда Республики Мордовия по делу № 2–428/2023 от 24.08.2023 г. // СПС «Консультант Плюс».
3. Решение Большеберезниковского районного суда Республики Мордовия по делу № 2–15/2019 от 15.01.2019 г. // СПС «Консультант Плюс».
4. Решение Арбитражного суда Республики Мордовия по делу № А39–7468/2023 от 23.10.2023 г. // СПС «Консультант Плюс».
5. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа по делу № А39–7459/2022 от 28.11.2023 г. // СПС «Консультант Плюс».
6. Решение Арбитражного суда Республики Мордовия по делу № А39–7459/2022 от 03.03.2023 г. // СПС «Консультант Плюс».
7. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда по делу № А39–7459/2022 от 11.08.2023 г. // СПС «Консультант Плюс».
8. Решение Арбитражного суда Республики Башкортостан по делу № А07–40042/2022 от 09.10.2023 г. // СПС «Консультант Плюс».
9. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 23.05.2022 № Ф06–17513/2022 по делу № А12–17719/2021 // СПС «Консультант Плюс».
10. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 17.08.2023 № Ф06–6395/2023 по делу № А12–20964/2022 // СПС «Консультант Плюс».

LEGAL DISPUTES IN THE SALE OF UNCLAIMED LAND SHARES AND AGRICULTURAL LAND PLOTS: PROBLEMS AND WAYS OF SOLUTION

Kosynkin A.A.

Middle Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

The relevance of acquiring ownership of agricultural land plots is increasing every year.

On the one hand, this is due to the state's desire to "legalize" the maximum amount of real estate to increase the tax base, on the other hand, due to the decreasing number of available land plots.

Taking into account the fact that agricultural land belongs to a particularly valuable category, the Russian legislator transferred the right of pre-emptive purchase of this land to the persons who use it. However, the relations between local self-government bodies and persons claiming for preferential and privileged acquisition of land in a number of cases turn to the judicial plane, resulting in a number of mishaps that require resolution.

This article considers the peculiarities of acquisition in ownership (lease) of unclaimed land shares or plots formed at the expense of unclaimed land shares from agricultural lands.

In addition, when writing the article, the author analyzed judicial acts on cases of the above category and made conclusions reflected in the article.

Keywords: land share, agricultural land, administration, arbitration disputes.

References

1. Federal Law "On the turnover of agricultural land" from 24.07.2002 № 101-FZ // JPS "Consultant Plus".
2. The decision of the Chamzinsky district court of the Republic of Mordovia on the case № 2–428/2023 from 24.08.2023 // JPS "Consultant Plus".
3. The decision of the Bolshebereznikovsky district court of the Republic of Mordovia on the case № 2–15/2019 from 15.01.2019 // JPS "Consultant Plus".
4. The decision of the Arbitration Court of the Republic of Mordovia on the case № А39–7468/2023 from 23.10.2023 // JPS "Consultant Plus".
5. The decision of the Arbitration court of Volgo-Vyatsky district on business № А39–7459/2022 from 28.11.2023 // JPS "Consultant Plus".
6. The decision of the Arbitration court of the Republic of Mordovia on the case № А39–7459/2022 from 03.03.2023 // JPS "Consultant Plus".
7. The decision of the First Arbitration Court of Appeal on the case № А39–7459/2022 from 11.08.2023 // JPS "Consultant Plus".
8. The decision of the Arbitration court of the Republic of Bashkortostan on case No. А07–40042/2022 from 09.10.2023 // JPS "Consultant Plus".
9. The decision of the Arbitration court of the Volga district from 23.05.2022 № F06–17513/2022 on the case № А12–17719/2021 // JPS "Consultant Plus".
10. Resolution of the Arbitration Court of the Volga District from 17.08.2023 № F06–6395/2023 on the case № А12–20964/2022 // JPS "Consultant Plus".

Правовые способы определения статуса занятых посредством платформ: аспекты предоставления социально-трудовых гарантий

Чаштанова Диана Петровна,

магистрант, кафедра гражданского права Института философии и права, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
E-mail: diana_2000_2806@mail.ru

В статье рассматриваются предлагаемые в отечественной доктрине трудового права способы распространения на платформенных занятых социально-трудовых гарантий. Выделяются такие признаки платформенной занятости, как личная зависимость, экономическая зависимость и алгоритмический контроль, которые сближают данную форму занятости с традиционным наемным трудом. Особое внимание уделяется анализу алгоритмического контроля, который, по мнению автора, является ключевым признаком платформенной занятости для целей предоставления лицам, занятым посредством платформ, социально-трудовых гарантий. Делается вывод, что императивное включение платформенного труда в систему классических трудовых отношений не подходит для рассматриваемой формы занятости. Предлагается наделить платформенного занятого статусом «самозанятый, работающий посредством платформ», закрепив указанную категорию в Федеральном законе «О занятости населения в Российской Федерации» от 12.12.2023 № 565-ФЗ. Формулируется и раскрывается авторский подход к предоставлению лицам, занятым посредством платформ, социально-трудовых гарантий, который должен носить гибкий частно-добровольный характер.

Ключевые слова: платформенная занятость, трудовые отношения, самозанятость, социально-трудовые гарантии, алгоритмический контроль.

В платформенной занятости тенденция стирания границ между трудовыми и гражданско-правовыми отношениями наблюдается особенно ярко. Обладая смешанной правовой природой, сочетающей в себе как гражданско-правовой, так и трудовую характер, платформенная занятость требует особой правовой регламентации, учитывающей специфику труда в данном сегменте занятости. Во избежание окончательного ухода в «тень» трудящихся посредством платформ следует разработать механизм, открывающий таким занятым доступ к основным социально-трудовым гарантиям. Необходимость в предоставлении гарантий переносит платформенную занятость в сферу действия трудового законодательства, которое, на первый взгляд, в вопросе квалификации отношений, связанных с применением личного труда, не может существовать в одной плоскости с гражданским законодательством. Однако отличительные черты, присущие платформенной занятости, к которым относятся большая самостоятельность, направленность на повышение гибкости, многосторонний характер отношений и др., все же не позволяют уравнивать ее с традиционным наемным трудом с целью императивного наделения хотя бы минимальными гарантиями.

Н.Л. Лютов и И.В. Войтковская полагают, что для решения обозначенной проблемы необходимо разработать детальные критерии наличия трудовых отношений в рамках платформенной занятости, что будет способствовать установлению адекватного баланса прав и законных интересов исполнителей, платформ и заказчиков и позволить разграничить трудовую и гражданско-правовую статусы. Такие критерии должны быть связаны со степенью вовлечения платформы в ценообразование и процесс оказания услуг или выполнения трудовой функции. Обобщение и опубликование данных критериев можно представить в рамках постановления Пленума Верховного Суда РФ, а вопрос о предоставлении платформенным занятым социально-трудовых прав и гарантий наравне с работниками должен быть закреплен на уровне трудового законодательства [2, с. 158].

Л.В. Зайцева и А.С. Митрясова выдвигают предложения относительно правового регулирования труда лиц, работающих на платформах-агрегаторах такси. Так, предлагается разработать отдельный нормативный правовой акт либо модернизировать действующие нормативные правовые акты с целью закрепления четких правил для регистрации водителей на платформе; соблюдения установленной трудовым законодательством

нормальной продолжительности рабочего времени; субсидиарной имущественной ответственности платформы в случае причинения вреда жизни и здоровью пассажира такси, пешехода или других участников дорожного движения [1, с. 243].

О.В. Чесалина предлагает несколько подходов для решения поставленного вопроса. Во-первых, следует закрепить за такими платформами, как «Яндекс.Такси», статус работодателей, предоставляющих транспортные услуги. Приведенный подход можно применить и в отношениях с платформой по доставке еды. Во-вторых, необходимо расширить понятие «работник». В-третьих, имеет место установление категории экономически зависимых самозанятых посредством включения в Трудовой кодекс РФ (далее – ТК РФ) новой главы «Особенности регулирования труда лиц, работающих по требованию через мобильные приложения». При этом важно урегулировать максимальную продолжительность рабочего времени работника; вопросы, связанные с охраной труда; право на ведение коллективных переговоров; «право на отключение» от платформы [4, с. 113–114].

М.В. Чудиновских рассматривает несколько возможных вариантов определения правового статуса лиц, занятых посредством платформ. Так, первый вариант предусматривает четырехстороннюю модель, при которой трудовой договор заключается между работником и организацией – партнером платформы. В этом случае исполнитель получает статус наемного работника, право на отпуск, пособие по нетрудоспособности. В свою очередь, второй вариант отражает трехстороннюю модель, в рамках которой исполнитель имеет статус либо самозанятого, либо индивидуального предпринимателя. В этом случае отсутствуют трудовые отношения, однако исполнитель получает определенные конкурентные преимущества за счет сокращения количества звеньев в цепи между ним и заказчиком [5, с. 151–152].

По мнению А.А. Сапфиновой, платформенная занятость является разновидностью дистанционного труда, что позволяет распространить на нее действие трудового законодательства [3, с. 44]. Стоит отметить, что указанная позиция не нашла должной поддержки в доктрине.

Все рассмотренные способы решения поставленной проблемы направлены, прежде всего, на предоставление государством социально-трудовых гарантий.

Анализируя критерии, сближающие платформенную занятость с трудовыми отношениями, стоит заметить, что они представляют собой трансформацию классической триады признаков трудовых отношений: 1) личная зависимость (подчиненное положение платформенных занятых по отношению к платформам /партнерам платформы/клиентам); 2) экономическая зависимость (отсутствие влияния платформенных занятых на размер вознаграждения); 3) алгоритмический контроль (аналогичный контролю работодателя). Алгоритмический контроль, нередко именуемый алгоритмическим

управлением [6], с точки зрения его соответствия контролю в трудовых отношениях уникален в большей степени, нежели остальные критерии.

Во-первых, алгоритмический контроль может осуществляться либо платформой, либо партнером платформы (например, таксопарком в такой форме платформенной занятости, как работа по запросу через приложения), либо клиентом платформы. В трудовых отношениях, в свою очередь, контроль осуществляется непосредственно работодателем, что характерно для несамостоятельного зависимого труда. Тем самым в платформенной занятости возникает множественность лиц на стороне субъекта, осуществляющего контроль, которую нельзя отождествлять со множественностью лиц на стороне работодателя.

Во-вторых, степень алгоритмического контроля может быть различной в зависимости от той или иной формы платформенной занятости. Так, в краудворке (от англ. crowdwork: crowd – толпа, work – работа), где работа на платформах выполняется преимущественно в режиме «онлайн», благодаря чему появляется возможность сотрудничества вне территориальных рамок, контроль со стороны платформы выражен не так явно, как в работе по запросу через приложения (от англ. work on demand via apps), которая касается использования онлайн-платформы для направления определенных заданий, выполняющихся в режиме «офлайн». В первом случае контроль ограничивается возможностью сервиса следить за сообщениями пользователей, которые он может редактировать и дополнять, и информацией, на размещение которой может быть установлен запрет при условии ее противоречия целям создания сервиса. Во втором случае спектр контроля более широкий: от использования системы геолокации, позволяющей платформе и клиентам платформы отслеживать передвижения курьеров и таксистов, до определения того, сколько километров они проехали и с какой скоростью. Кроме того, после обработки результатов контроля платформа вправе поощрить платформенных занятых или применить к ним различные санкции с помощью автоматических программ, формируя рейтинговые системы. В обоих случаях алгоритмический контроль начинается с момента регистрации на платформе/активизации мобильного приложения и заканчивается выполнением работы.

Можно сделать вывод, что алгоритмический контроль в платформенной занятости предоставляет больше возможностей для реализации, чем контроль работодателя в трудовых отношениях. Как минимум алгоритмический контроль, в отличие от контроля работодателя, выходит за пределы наделения правом его осуществления только лицом, дающим работу.

Установление алгоритмического контроля наряду с личной зависимостью и экономической зависимостью сближает, но не отождествляет платформенную занятость с классическими трудовыми отношениями. Следует отметить, что уравнивание

платформенной занятости с традиционным наемным трудом лишит новую форму занятости преимуществ как для работающих на платформах, так и для самих платформ, поэтому необходимо сохранить ее существование в рамках самозанятости, являющейся специальным налоговым режимом с упрощенной процедурой регистрации и льготной уплатой налога на профессиональный доход, но со своими особенностями при соблюдении некоторых условий. На сегодняшний день у стандартных самозанятых есть только легализация, но нет надлежащего обеспечения в силу особого статуса.

В соответствии со ст. 29 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» от 15.12.2001 № 167-ФЗ самозанятые вправе добровольно вступить в правоотношения по обязательному пенсионному страхованию, в результате чего у них может формироваться страховой стаж для назначения страховой пенсии по старости. Кроме того, ст. 10 Федерального закона «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» от 29.11.2010 № 326-ФЗ относит самозанятых к участникам системы обязательного медицинского страхования. Однако согласно ст. 5 Федерального закона «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» от 24.07.1998 № 125-ФЗ самозанятые не являются лицами, подлежащими обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, поскольку специфика организации их трудовой деятельности предполагает возложение ответственности за соблюдение требований охраны труда на самих самозанятых. Более того, самозанятые не поименованы в ст. 2 Федерального закона «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» от 29.12.2006 № 255-ФЗ в составе лиц, которые имеют право на добровольной основе вступать в правоотношения по обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством и уплачивать за себя страховые взносы. Тем не менее подобное решение не является обоснованным и объективно необходимым, в связи с чем следует внести соответствующие изменения в действующее законодательство, дополнив перечень лиц, подлежащих обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, самозанятыми для того, чтобы не ограничивать право последних добровольно вступать в обозначенные правоотношения.

Оптимальным вариантом для полноценной легализации правового положения платформенного занятого может стать наделение его статусом «самозанятый, работающий посредством платформ», что позволит выделить платформенного занятого из числа всех самозанятых в целях предоставления базовых социально-трудовых гарантий. На данный момент у стандартных самозанятых есть только легализация, но нет надлежащего обеспечения в си-

лу особого статуса, но, поскольку для самозанятых, работающих посредством платформ, в большей мере характерно сближение с классическими трудовыми отношениями, вопрос предоставления гарантий стоит особенно остро.

Статус самозанятого, работающего посредством платформ, будет являться пограничной категорией занятых, сочетающей в себе признаки работника с минимальными гарантиями и признаки самозанятого без формального статуса. Тем самым удастся избежать уравнивания платформенной занятости с традиционным наемным трудом, сохранив преимущества новой формы занятости как для работающих на платформах, так и для самих платформ, и расширить возможности платформенной занятости путем разработки механизмов предоставления отдельных социально-трудовых гарантий, в которых нуждается не только классический работник, но и занятый посредством платформ.

Закрепление правового статуса самозанятого, работающего посредством платформ, возможно в Федеральном законе «О занятости населения в Российской Федерации» от 12.12.2023 № 565-ФЗ, где помимо установления легального определения платформенной занятости необходимо урегулировать некоторые другие вопросы. Во-первых, требуется внести изменения в ст. 3 указанного закона, включив самозанятых, работающих посредством платформ, в круг лиц, которых законодатель относит к занятым гражданам. Во-вторых, необходимо раскрыть содержание категории «самозанятый, работающий посредством платформ» через указание критериев, принципиально отделяющих его от самозанятых в целом. Такими критериями могут стать упомянутые ранее личная зависимость, экономическая зависимость и алгоритмический контроль. Перечисленные критерии должны применяться в совокупности: отсутствие хотя бы одного из них является препятствием для придания соответствующего статуса. Примечательно, что в Проекте Федерального закона № 275599–8 «О занятости населения в Российской Федерации» предлагалось закрепить определение платформенной занятости, однако в принятой редакции законодатель отказался от данной инициативы.

Представляется, что легализованный статус самозанятого, работающего посредством платформ, будет являться пограничной категорией занятых, сочетающей в себе признаки самозанятого без формального статуса и работника с отдельными базовыми гарантиями, финансирование которых следует осуществлять платформой и трудящимся на платформе совместно и в равном объеме. Данный подход можно назвать гибким частно-добровольным.

Гибкий частно-добровольный подход означает взаимодействие платформ и платформенных занятых в вопросе наделения гарантиями при соблюдении ряда условий. Платформа осуществляет сотрудничество с частными страховыми организациями, предлагая платформенным занятым неко-

торые трудовые гарантии и в определенной части финансируя их предоставление. Тем самым можно ввести программу софинансирования, согласно которой все расходы, возникающие в связи с предоставлением частных страховых продуктов, платформа и платформенный занятый будут нести совместно: 50% денежных средств будут поступать от платформы, остальные 50% – от платформенного занятого.

К частным страховым продуктам следует отнести, прежде всего, получение вознаграждения при соблюдении месячной нормы рабочего времени в размере не менее МРОТ, сверх которого начисляются районный коэффициент и процентная надбавка за стаж работы в особых климатических условиях; ежегодный оплачиваемый отпуск, а также выплаты в связи с травматизмом. Указанный состав гарантий может меняться в зависимости от потребностей самих платформенных занятых и готовности обеих сторон оказывать финансовое содействие. При этом их предоставление возможно как в случае, когда платформенная занятость выступает в качестве основной занятости, так и в случае, когда речь идет о получении дополнительного источника дохода.

Занятые посредством платформ, которые помимо трудовой деятельности на платформе имеют основную работу по трудовому договору, обеспечивают предусмотренными в рамках этих отношений гарантиями, поэтому для них анализируемая проблема стоит не так серьезно, как для тех, кто выбирает в качестве источника заработка исключительно платформенную занятость. В первом случае должен превалировать добровольный характер, поскольку возможные риски не являются значительными. Вместе с тем в случае, когда лицо включено только в платформенную занятость, элементы обязательности имеют место, поскольку и платформы, и занятые посредством платформ будут находиться в уязвимом положении. Для платформенного занятого отказ от финансирования собственных гарантий может в дальнейшем привести к неблагоприятным социальным последствиям, в то время как для платформы нежелание оказывать необходимую информационную и материальную поддержку занятым актуализирует вопрос признания фактических трудовых отношений в соответствии с трудовым законодательством РФ, что связано с еще большими затратами.

Предлагаемый подход не связан с императивным включением платформенной занятости в сферу действия трудового законодательства посредством внесения в него соответствующих изменений. В связи с трансформацией ключевых признаков трудовых отношений, главным образом контроля, такие изменения объективно необходимы. Однако выбор в пользу сохранения платформенными занятыми статуса самозанятых, а не искусственное отнесение их к работникам, представляется оптимальной моделью регулирования данной формы занятости, учитывающей интересы всех участников обозначенных отношений и тре-

бующей взаимного вовлечения в процесс реализации. При этом в части, касающейся предоставления гарантий, распространение трудового законодательства на рассматриваемые отношения, которые хоть и связаны с использованием личного труда, но строго к трудовым не относятся, допустимо лишь в частно-добровольном порядке. Важно отметить, что часть 2 статьи 11 ТК РФ, ограничивающая экспансию трудового законодательства предусмотренными законом случаями, в приведенной ситуации не применима. Тем самым можно говорить о диспозитивном расширении сферы действия трудового законодательства способами, не противоречащими закону.

Таким образом, предлагаемый подход позволяет наделить самозанятого, работающего посредством платформ, правовым статусом, сочетающим в себе модель работника с базовыми гарантиями и гибкую модель самозанятого. Представляется, что дальнейшее развитие платформенной занятости следует осуществлять в гибком частно-добровольном направлении, учитывающем интересы всех участников обозначенных отношений и требующем взаимного вовлечения в процесс реализации.

Литература

1. Зайцева Л.В., Митрясова А.С. Труд водителей такси на основе интернет-платформ: отдельные вопросы правового регулирования // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 239–245.
2. Лютов Н.Л., Войтковская И.В. Водители такси, выполняющие работу через онлайн-платформы: каковы правовые последствия «уберизации» труда? // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6. С. 149–159.
3. Сапфинова А.А. Правовое регулирование самозанятости и работы на платформах в условиях цифровой экономики: трудовой и (или) гражданско-правовой аспекты? // Гражданское право. 2021. № 5. С. 41–45.
4. Чесалина О.В. Трудоправовые гарантии для лиц, занятых посредством онлайн-платформ // Herald of the Euro-Asian Law Congress. 2020. № 1. С. 108–117.
5. Чудиновских М.В. Организация занятости через интернет-платформы: возможности и угрозы для нового индустриального // Новая индустриализация России: экономика – наука – человек – природопользование: сборник научных трудов VII Уральских научных чтений профессоров и докторантов. Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет. 2020. С. 147–152.
6. Eurofound (2018c) Employment and Working Conditions of Selected Types of Platform Work. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/219377081.pdf> (дата обращения: 11.03.2024).

LEGAL METHODS FOR DETERMINING THE STATUS OF EMPLOYEES THROUGH PLATFORMS: ASPECTS OF PROVIDING SOCIAL AND LABOR GUARANTEES

Chashtanova D.P.

Novosibirsk National Research State University

The article discusses the methods proposed in the domestic labor law doctrine for extending social and labor guarantees to platform employees. Features of platform employment such as personal dependence, economic dependence and algorithmic management are identified, which bring this form of employment closer to traditional wage labor. Particular attention is paid to the analysis of algorithmic management, which, according to the author, is a key feature of platform employment for the purpose of providing persons employed through platforms with social and labor guarantees. It is concluded that the imperative inclusion of platform labor in the system of classical labor relations is not suitable for the form of employment under consideration. It is proposed to give platform employees the status of «self-employed, working through platforms», securing this category in the Federal Law «On Employment in the Russian Federation» dated December 12, 2023 No. 565-FZ. The author's approach to providing persons employed through platforms with social and labor guarantees, which should be of a flexible private-voluntary nature, is formulated and disclosed.

Keywords: platform employment, labor relations, self-employment, social and labor guarantees, algorithmic management.

References

1. Zaitseva L.V., Mitryasova A.S. Labor of taxi drivers on the basis of Internet platforms: selected issues of legal regulation // Bulletin of Tomsk State University. 2018. No. 435. pp. 239–245.
2. Lyutov N.L., Voitkovskaya I.V. Taxi drivers performing work through online platforms: what are the legal consequences of the “Uberization” of work? // Current problems of Russian law. 2020. T. 15. No. 6. P. 149–159.
3. Sapphirova A.A. Legal regulation of self-employment and work on platforms in the digital economy: labor and (or) civil law aspects? // Civil law. 2021. No. 5. P. 41–45.
4. Chesalina O.V. Labor guarantees for persons employed through online platforms // Herald of the Euro-Asian Law Congress. 2020. No. 1. P. 108–117.
5. Chudinovskikh M.V. Organization of employment through Internet platforms: opportunities and threats for the new industrial // New industrialization of Russia: economics – science – people – environmental management: collection of scientific works of the VII Ural scientific readings of professors and doctoral students. Ekaterinburg: Ural State Economic University. 2020. pp. 147–152.
6. Eurofound (2018c) Employment and Working Conditions of Selected Types of Platform Work. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/219377081.pdf> (accessed on March 11, 2024).

Возможности нормативного определения статуса заключения соглашения о санации в законодательстве о банкротстве

Минимулин Никита Владимирович,

аспирант кафедры частноправовых дисциплин Федерального государственного научно-исследовательского учреждения «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: minimulin.nikita@yandex.ru

Проблема рассмотрения банкротства и управления данной процедурой в отечественном и международном праве как никогда является актуальной. В настоящей статье рассматривается проблема применения соглашений о санации в рамках предупреждения банкротства. Автор приходит к выводу, что в текущем виде соглашение о санации не соответствует потребностям экономического оборота. Автор оценивает сущность соглашений о санации, а также основные недостатки: отсутствие защиты прав третьих лиц и низкий стимул к их заключению. Автор приводит анализ опыта зарубежных стран, из которого следует, что соглашения о санации может стать эффективной мерой, если предусмотреть четкие правила ее применения: период запрета на подачу заявления о банкротстве, отсутствие рисков субординации / оспаривания соглашений.

Ключевые слова: банкротство, меры по предупреждению банкротства, реабилитационный механизм, соглашение о санации, предоставление финансовой помощи учредителями.

Генеральной общей мерой по предупреждению банкротства, закрепленной в Законе о банкротстве, является предоставление финансовой помощи должнику по соглашению о санации. При этом само по себе соглашение мерой по предупреждению банкротства не является. Соглашение – это инструмент, правовое средство установления связей между субъектами отношений несостоятельности. В рамках этих связей между субъектами осуществляются определенные меры, которые направлены на предупреждение несостоятельности (банкротства). То есть, если соглашение (в том числе о санации) – это форма, то содержание этого соглашения (финансовая помощь в различных вариациях отсрочки, рассрочки, кредитования и т.п.) – это и есть меры по предупреждению банкротства.

Следовательно, соглашение между сторонами отношений несостоятельности является совместным волеизъявлением, направленным на восстановление платежеспособности должника. Из этого следует обоснованный вывод о том, что соглашение о санации – это одна из форм возможного предоставления финансовой помощи как меры по предупреждению банкротства. Несмотря на отсутствие законодательного регулирования, до момента подачи заявления о признании должника банкротом между субъектами отношений несостоятельности могут быть заключены различные соглашения, направленные на предупреждение банкротства (не только соглашение о санации). При этом предупреждение банкротства может быть осуществлено и односторонними волеизъявлениями. К примеру, погашение требований должника его учредителями участника или иными третьими лицами (статьи 71.1, 85.1, 113, 129.1 Закона о банкротстве [11]) Указанное погашение требований должника осуществляется не на основании соглашения, а на основании одностороннего волеизъявления третьего лица [3, с. 28].

Третьи лица могут иметь экономическую заинтересованность в погашении требований должника. Поскольку в таком случае, прекращают действовать все ограничения, установленные Законом о банкротстве, и Должник может продолжить свою деятельность. Следует согласиться с мнением С.В. Сарбаша о том, что третьи лица в этом случае рассчитывают получить от этого большую выгоду [7, с. 92]. При этом в судебной практике нет четкой позиции по вопросу возможности применения статей Закона о банкротстве о возможности погашения требований к правоотношениям на других стадиях процесса несостоятельности (банкротства), в частности, на стадии предупреждения

банкротства [6, с. 126–136]. Так, в Постановлении Десятого арбитражного апелляционного суда от 26 декабря 2019 года сделан вывод о том, что несмотря на то что нормы статьи 30 и статьи 31 Закона о банкротстве не содержат прямого указания на возможность исполнения обязательств должника, не относящихся к обязательным платежам, третьим лицом, нормы статьи 30 и статьи 31 Закона о банкротстве также не содержат и запрета на исполнение денежной обязанности должника третьим лицом, а положения статьи 313 ГК РФ позволяют исполнять обязательства должника третьим лицом [12].

В то же время некоторые суды занимают позицию о том, что нормы статьи 313 ГК РФ не могут быть применены к правоотношениям должника, конкурсного кредитора и третьего лица, сложившимся в рамках дела о банкротстве, поскольку закон устанавливает особый правовой статус должника и его взаимоотношений с кредиторами, при этом ни должник, ни арбитражный управляющий, ни третье лицо не вправе удовлетворять требования конкурсных кредиторов в индивидуальном порядке, поскольку названным Законом такой порядок удовлетворения требований кредиторов и погашения задолженности должника третьим лицом не предусмотрен [13]. Указанную позицию поддержал и Верховный Суд.

По нашему мнению, указанная позиция не отражает требований практики, так как выводя действия третьих лиц из-под регулирования Закона о банкротстве, мы лишаем их соответствующих гарантий и прав, например, связанных с соглашением о санации. Следовательно, действующее законодательство совершенно не учитывает и не защищает права и интересы третьих лиц в процессе предупреждения банкротства, а без их должной защиты у них не будет заинтересованности в погашении требований должника [5].

Одной из проблем соглашений о санации является вопрос возможности их заключения без участия должника. Особенно актуально это становится при корпоративном конфликте в организации, когда часть учредителей (участников) не хотят принимать участие в санации должника. Рассмотрим следующую ситуацию. Кредиторы компании А заключили между собой соглашение о санации компании А. В соглашении кредиторы предусмотрели следующие меры:

1. предоставление финансовой помощи компании А;
2. назначение управляющей компании для администрирования бизнес-процессов компании А;
3. уступка прав требования к компании А одному кредитору – компании Б;
4. погашение задолженности других кредиторов перед компанией А.

Предоставление финансовой помощи, как правило, осуществляется путем заключения гражданско-правовых сделок, которые скорее всего будут подпадать под категорию крупных сделок [14], требующих особого порядка одобре-

ния органами управления должника, что еще раз подтверждает необходимость получения согласия должника на осуществление досудебной санации.

Для назначения стороннего менеджера необходимо согласие общего собрания участников должника или совета директоров, если им передана соответствующая компетенция.

Уступка прав требования одному кредитору возможна без согласия компании А. Если в договоре установлен запрет на уступку, то в силу пункта 3 статьи 388 ГК РФ это не лишает ее силу, но не освобождает кредитора от ответственности за нарушение обязательства. Тем не менее, ВС РФ указал, что уступка денежного требования может быть признана недействительной, если кредиторы действовали с целью причинения вреда должнику [15]. Согласие должника на погашение его дебиторской задолженности в силу правил статьи 313 Гражданского кодекса РФ не требуется.

Таким образом, Закон о банкротстве в целом исключает возможность осуществления мер по восстановлению платежеспособности должника без его согласия.

Более того, Закон о банкротстве не содержит положений о необходимости приостановления возможности подачи заявления о банкротстве должника в период исполнения соглашения о санации. Это открывает пространство для кредиторов, которые считают, что соглашение о санации не в полной мере учитывает их интересы в любой момент обратиться с заявлением о банкротстве должника, что в целом снижает эффективность санации. Также и кредиторы, не участвующие в соглашении, не лишены возможности инициировать процедуру. Поэтому в практике очень редки случаи, когда кредиторам удается заключить соглашение о санации и не доводить дело до подачи заявления о банкротстве должника [16].

Указанные отрицательные черты соглашений о санации (отсутствие защиты прав третьих лиц, отсутствие законодательного регулирования условий соглашения, невозможность заключения соглашений о санации без участия должника) возможно преодолеть грамотным структурированием условий соглашений о санации. Между тем, анализ судебной практики позволил выделить две острые проблемы, которые делают соглашение о санации неэффективным инструментом как для учредителей (участников) должника, так и для кредиторов должника.

Во-первых, учредителям (участникам) должника и собственникам имущества унитарного предприятия невыгодно оказывать финансовую помощь должнику из-за возможности субординации их требований, если план по восстановлению платежеспособности должника не увенчается успехом. Действительно, в настоящий момент судебная практика выбрала «мягкий подход» к субординации, т.к. требования контролирующего должника не могут быть понижены только на основе одной аффилированности [17]. Однако сложно отрицать, что финансовая помощь должнику по соглашению

о санации осуществляется в ситуации кризиса, поэтому практически в любой ситуации, если меры не приведут к восстановлению платежеспособности, требование контролирующего должника лица будет понижено. Указанное существенно снижает экономическую заинтересованность учредителей компании в оказании финансовой помощи организации, им выгоднее «бросить» компанию, чтобы избежать дополнительных финансовых потерь [4].

Единственная возможность для учредителей (участников) должника для предоставления финансирования – это согласование предоставления финансирования с мажоритарными кредиторами должника, которое согласно п. 10 Обзора, не подлежит понижению при отсутствии нарушений прав и законных интересов миноритарных кредиторов. Однако анализ судебной практики также показывает, что суды неохотно принимают данные обстоятельства как возможность включения требований контролирующего должника в третью очередь реестра требований кредиторов и это действительно обоснованно, так как правило требования миноритарных кредиторов (а Обзор никак не ограничивает размер их требования) будут нарушаться в любом случае.

Во-вторых, кредиторы, предоставляя финансовую помощь должнику, должны принимать риск оспаривания возврата указанной помощи по абзацу 5 пункта 1 статьи 61.3 Закона о банкротстве. При этом весь предмет доказывания для оспаривания сделки, совершенной в виде возврата финансирования по соглашению о санации с Должником, будет соблюден:

- срок – возврат финансирования как правило осуществляется в ближайшие до банкротства дни, то есть срок пункта 2 статьи 61.3 Закона о банкротстве в 1 месяц будет соблюден, более того и срок пункта 3 статьи 61.3 Закона о банкротстве в 6 месяцев также будет соблюден, так как принимая возврат финансирования по соглашению о санации, кредитору будет известно о признаке неплатежеспособности или недостаточности имущества;
- наличие иных кредиторов – это условие также будет соблюдено, так как в условиях кризисной ситуации у должника как правило всегда есть более одного кредитора.

Следовательно, предоставление финансовой помощи Должнику со стороны кредиторов влечет риск оспаривания сделки, совершенной в виде возврата указанного финансирования.

В судебной практике разработан механизм, который может исправить ситуацию с риском возможного оспаривания сделок по возврату финансирования. Так, в Постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 26.12.2019 сделан вывод, о том, что платеж в пользу первого заявителя по делу о банкротстве будет оказывать ему предпочтение перед последующему заявителем и иными кредиторами должника. Поэтому признание такого платежа недействительной сделкой нарушает баланс интересов сторон и приведет к сни-

жению интереса как должника, так и кредиторов гасить задолженность. Необходимо распространить указанный подход и на возврат финансирования, полученного по соглашениям о санации, так как добросовестный кредитор, разумно пытающийся помочь должнику выйти из кризисной ситуации, не должен нести риски потенциального оспаривания сделки с должником.

Таким образом, на настоящий момент соглашение о санации и меры по предупреждению несостоятельности (банкротства), которые включаются в указанное соглашение, не отвечают потребностям экономического оборота и являются неэффективной мерой, так как не защищает права третьих лиц и никак не стимулирует заинтересованность учредителей (участников) должника и кредиторов должника оказать финансовую помощь несостоятельному субъекту.

Для предложения путей разрешения сложившихся проблем обратимся к зарубежному опыту.

В западноевропейской практике соглашения, аналогичные российскому соглашению о санации, принято именовать соглашения «workout». В соответствии с докладом Института европейского права, посвященного спасению бизнеса, workout – контракт между должником и его кредиторами (иными заинтересованными лицами), который способствует разрешению трудностей в бизнесе должника. Трудности возникают из-за финансовых обязательств, которые необходимо обслуживать [2, с. 225].

В принципах INSOL содержатся положения о так называемом «периоде ожидания» – то есть необходимости предоставления кредиторами должнику определенного периода времени для формулирования и оценки предложений по разрешению финансовых трудностей. В рамках этого периода кредиторы должны воздерживаться от активных действий, направленных на исполнение своего требования [1]. В законодательстве Франции и Испании содержатся положения об отсрочке платежей для переговоров о плане санации [2, с. 364–365].

Отдельно стоит отметить использование в законодательстве Англии так называемого «Лондонского подхода» [9, с. 82]. «Лондонский подход» представляет собой набор рекомендаций (кодекс поведения) для внесудебного урегулирования проблемных долгов, в первой своей версии предложенный Банком Англии в ответ на ухудшение качества кредитных портфелей в середине 70-х годов. Опасаясь волны банкротств в нефинансовом секторе, неизбежно замедляющей развитие производства, денежные власти проводили политику, стимулирующую заключение соглашений между банками и компаниями-должниками о реструктуризации имеющейся задолженности. Кроме этого, Банк Англии поддерживал договоренности о дополнительном финансировании, моратории на выплату долга, субординации различных элементов задолженности, изменения в структуре руководства компании-заемщика. Однако суть указанного кодекса поведения сводится к недопущению си-

туации, когда действия одного кредитора приводят к невозможности внесудебного урегулирования спора и банкротству должника. Следовательно, основной мерой лондонского подхода является добровольный мораторий и отказ от действий по взысканию задолженности на определенный период времени [8, с. 34].

В докладе INSOL также содержится очень важная рекомендация о невозможности оспаривания соглашений о санации, что может разрешить проблему с эффективностью соглашений в России. В докладе Института европейского права не рекомендуется представлять возможности по оспариванию в рамках внесудебной реструктуризации, имея в виду ее договорный характер [1].

В законодательстве о несостоятельности Германии также прослеживаются возможные пути решения проблем соглашений о санации. В разделе VI Insolvenzordnung (§ 217–269) раскрыто детальное регулирование о Insolvenzplan (план санации). Указанная процедура, хоть и не является собственно мерой по предупреждению банкротства в российском понимании, но отражает аналогичное регулирование механизма по предупреждению несостоятельности или конкурсной процедуры Regelverfahren. Указанная процедура по смыслу Insolvenzordnung должна вести к финансовой и хозяйственной санации предприятия должника [18, с. 282].

Insolvenzplan определяется как договор особого вида об отсрочке (освобождении) от требований и (или) продолжении деятельности предприятия [26]. При этом, сам договор квалифицируется как договор между кредиторами, специфический инструмент института несостоятельности, который нельзя рассматривать в качестве обычного договора [20]. Кроме того, немецкий законодатель не предусмотрел участия должника в плане санации, а именно в абз. 2 § 247 InsO указано, что при оспаривании плана должником его несогласие не принимается во внимание, если планом он не поставлен в худшее положение, а его кредиторы не получают имущественных ценностей более чем имеющиеся у них притязания к должнику [10, с. 283]. Таким образом, законодатель разрешил проблему заключения соглашений о санации без участия должника.

Также в немецком законодательстве подробно урегулирован вопрос содержания плана санации. Согласно § 219 InsO план санации состоит из двух частей: констатирующей части (der darstellende Teil) и преобразующей части (der gestaltende Teil). Констатирующая часть плана содержит информацию о целях плана, способах достижения этой цели, а также о возможности должника восстановить свою платежеспособность. В преобразующей части указывается, как будет изменяться правовое положение участников плана [10, с. 283]. Преобразующая часть плана служит инструментом защиты третьих лиц, которые являются участниками плана – так как отражение их правового положения в плане позволит в дальнейшем защитить свои требования в суде.

Кроме того, немецким законодателем решен и вопрос контроля за исполнением плана санации. В плане санации может быть предусмотрено осуществление контроля за исполнением плана за счет должника (§ 260 InsO). Такой контроль особенно необходим, если предприятие должника продолжает функционировать, а кредиторы должны получать удовлетворение из прибыли. О предстоящем контроле должно быть публично извещено одновременно с решением о прекращении процедуры несостоятельности (§ 267 InsO) [10, с. 283].

На основании изложенного мы приходим к выводу, что на настоящий момент соглашение о санации, закрепленное в российском законодательстве, не соответствует потребностям экономического оборота. Для того чтобы соглашения о санации использовались в обороте, необходимо стимулировать участников соглашений к его заключению. Это можно сделать, если предусмотреть детальное регулирование содержания соглашений о санации, защищать права третьих лиц и снизить риск субординации требований учредителей (участников) и последующего оспаривания соглашений о санации. При этом, чтобы меры, предусматриваемые в соглашении о санации, действительно вели к восстановлению платежеспособности должника, необходимо предусмотреть механизмы, устанавливающие период, в ходе которого кредиторы не могут инициировать дело о банкротстве должника при осуществлении им санации и механизмы, которые позволят кредиторам контролировать проведение санации должником.

Литература

1. INSOL international. STATEMENT OF PRINCIPLES FOR A GLOBAL APPROACH TO MULTICREDITOR WORKOUTS II. P. 6. // URL: https://www.insol.org/_files/Publications/StatementOfPrinciples/Statement%20of%20Principles%20II%2018%20April%202017%20BML.pdf (дата обращения: 12.10.2023).
2. Rescue of Business in Insolvency Law // European Law Institute. 400 P.
3. Ватлин Л.А. Институт исполнения обязательства третьим лицом в законодательстве о несостоятельности (банкротстве) // Вестник арбитражной практики. 2020. № 6
4. Галкин С.С. Защита прав российским банкротным законодательством в условиях экономического кризиса, вызванного эпидемией COVID-19: вчера, сегодня, завтра // СПС Консультант Плюс
5. Карелина С.А. Соглашение о досудебной санации // Предпринимательское право. 2007. № 1.
6. Петров Д.А. Проблемы исполнения обязательств должника-банкрота третьим лицом или учредителем // Информационно-аналитический журнал «Арбитражные споры». 2018. № 4. С. 126–136.
7. Сарбаш С.В. Исполнение договорного обязательства третьим лицом. М.: Статут, 2003. 92 с.

8. Хоуман М. Роль режима несостоятельности в рыночной экономике // Вестник ВАС РФ. 2001. № 3. Специальное приложение к № 3.
9. Чумаченко А. Банкротство по-английски // Прямые инвестиции. 2009. № 10(90).
10. Шишмарева Т.П. Институт несостоятельности в России и Германии. М.: Статут, 2015. 332 С.
11. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ
12. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 26.12.2019 № 10АП-23418/2019 по делу № А41-46870/2017 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс»
13. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 03.07.2017 № Ф01-2229/2017 по делу № А43-6772/2014; Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 12.12.2017 по делу № А43-6772/2014 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс»
14. Статья 46 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785, статья 78 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.
15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 N 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки».
16. Положительным примером можно считать дело ООО «Самохвал», в котором кредиторам-банкам удалось договориться о реорганизации Должника. См. подробнее: Бусько К., Плешакова О. «Самохвал» остался с долгами // Коммерсантъ. 2009. N 42(4097)
17. «Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц» (далее – Обзор). (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020 // «Бюллетень Верховного Суда РФ». 2020. № 7
18. Schmidt K. Wege zum Insolvenzrecht der Unternehmen. Köln, 1990. S. 169, 259. Цитата по Шишмарева Т.П. Институт несостоятельности в России и Германии. М.: Статут, 2015. С. 282
19. Kubler B.M., Prutting H., Bork R. (Hrsg.) Ins O. Kommentar zur Insolvenzordnung. Bd.I. Köln, 2012. § 217
20. Insolvenzrechts-Handbuch / Hrsg. von P. Gotwald. 3, völlig neu bearb. Aufl. S. 1044

POSSIBILITIES OF REGULATORY DETERMINATION OF THE STATUS OF CONCLUDING A RESOLUTION AGREEMENT IN BANKRUPTCY LEGISLATION

Minimulin N.V.

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

The problem of considering bankruptcy and managing this procedure in domestic and international law is more relevant than ever.

This article considers the problem of application of bailout agreements in the framework of bankruptcy prevention. The author concludes that in its current form the bailout agreement does not meet the needs of economic turnover. The author evaluates the essence of rehabilitation agreements, as well as the main disadvantages: the lack of protection of third party rights and low incentive to conclude them. The author analyzes the experience of foreign countries, from which it follows that bailout agreements can become an effective measure if clear rules of their application are provided: the period of prohibition to file a bankruptcy petition, the absence of risks of subordination / contestation of agreements.

Keywords: bankruptcy, bankruptcy prevention measures, rehabilitation mechanism, rehabilitation agreement, financial assistance provided by founders.

References

1. INSOL international. STATEMENT OF PRINCIPLES FOR A GLOBAL APPROACH TO MULTI-CREDITOR WORK-OUTS II. P. 6. // URL: https://www.insol.org/_files/Publications/StatementOfPrinciples/Statement%20of%20Principles%20II%2018%20April%202017%20BML.pdf (accessed date: 12.10.2023).
2. Rescue of Business in Insolvency Law // European Law Institute. 400 P.
3. Watlin L.A. The institution of fulfillment of obligations by a third party in the legislation on insolvency (bankruptcy) // Bulletin of Arbitration Practice. 2020. № 6
4. Galkin S.S. Protection of rights by Russian bankruptcy legislation in the context of the economic crisis caused by the COVID-19 epidemic: yesterday, today, tomorrow // SPS Consultant Plus
5. Karelina S.A. Agreement on pre-trial rehabilitation // Entrepreneurial law. 2007. № 1.
6. Petrov D.A. Problems of fulfillment of obligations of a bankrupt debtor by a third party or founder // Information and analytical journal "Arbitration disputes". 2018. No. 4. pp. 126–136.
7. Sarbash S.V. Fulfillment of a contractual obligation by a third party. М.: Statute, 2003. 92 p.
8. Houman M. The role of the insolvency regime in the market economy // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2001. No. 3. Special appendix to No. 3.
9. Chumachenko A. Bankruptcy in English // Direct investments. 2009. № 10(90).
10. Shishmareva T.P. Institute of Insolvency in Russia and Germany. М.: Statute, 2015. 332 p.
11. Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" dated 26.10.2002 No. 127-FZ
12. Resolution of the Tenth Arbitration Court of Appeal dated 12/26/2019 No. 10AP-23418/2019 in case No. A41-46870/2017 // The document was not published. SPS "ConsultantPlus"
13. Resolution of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District dated 03.07.2017 No. F01-2229/2017 in case No. A43-6772/2014; Resolution of the First Arbitration Court of Appeal dated 12.12.2017 in case No. A43-6772/2014 // The documents were not published. SPS "ConsultantPlus"
14. Article 46 of Federal Law No. 14-FZ dated 08.02.1998 "On Limited Liability Companies" // Federal Law of the Russian Federation. 1998. No. 7. Art. 785, Article 78 of Federal Law No. 208-FZ dated 26.12.1995 "On Joint Stock Companies" // Federal Law of the Russian Federation. 1996. No. 1. Art. 1.
15. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12/21/2017 No. 54 "On certain issues of application of the provisions of Chapter 24 of the Civil Code of the Russian Federation on the change of persons in an obligation on the basis of a transaction".
16. A positive example is the case of Samokhval LLC, in which creditors-banks managed to agree on the reorganization of the Debtor. See in more detail: Busko K., Pleshakova O. Samokhval remained in debt // Kommersant. 2009. N 42(4097)
17. "Review of judicial practice in resolving disputes related to the establishment of claims of controlling debtors and affiliated persons in bankruptcy proceedings" (hereinafter – the Review). (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 01/29/2020 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2020. No. 7

18. Schmidt K. Wege zum Insolvenzrecht der Unternehmen. Köln, 1990. S. 169, 259. Quote by Shishmareva T.P. Institute of Insolvency in Russia and Germany. M.: Statute, 2015. p. 282

19. Kubler B.M., Prutting H., Bork R. (Hrsg.) Ins O. Kommentar zur Insolvenzordnung. Bd.I. Köln, 2012. § 217

20. Insolvenzrechts-Handbuch / Hrsg. von P. Gottwald. 3, völlig neu bearb. Aufl. S. 1044

Применение принципа добросовестности при возложении трудовых обязанностей на работника

Смолина Юлия Васильевна,

Уральский государственный юридический университет
им. В.Ф. Яковлева
E-mail: julias.uzts@mail.ru

В настоящее время при регулировании трудовых правоотношений становится очевидным тот факт, что в отношении сторон трудового договора необходимо применять принцип добросовестности по аналогии с гражданским правом. В отношении работодателя его самостоятельное использование (с обоснованием статьи 10 ГК РФ) скорее исключение, чем правило. Обусловлено это тем, что недобросовестное «априори» поведение со стороны работодателя чаще всего тем или иным образом можно связать с нарушением трудового законодательства. Однако все чаще в судебной практике отражаются примеры недобросовестного поведения работника, и как следствие, вынужденное последующее «недобросовестное» поведение работодателя. В пункте 27 Постановления Пленума ВС РФ от 17.03.2004 № 2 отражен пример недобросовестного поведения работника – сокрытие факта беременности. В данном случае – работодатель, в случае, если бы он был уведомлен о статусе работницы как беременной, либо не уволил сотрудницу. То есть работодатель из-за бездействия работницы (в части информирования о своём статусе) формально нарушил требования трудового законодательства. Суд объяснил, что в данном случае наличие признаков нарушения трудового законодательства не является основанием для восстановления на работе, поскольку причиной такого нарушения стало бездействие истца. Но, поскольку вопрос недобросовестности был рассмотрен только в контексте споров о восстановлении на работе, суды не спешат применять его в иных ситуациях. В статье рассмотрен вопрос о необходимости применения конструкции принципа добросовестности по аналогии с гражданскими правоотношениями и в трудовых правоотношениях. Также автором в данной статье рассмотрен вопрос о необходимости введения презумпции добросовестности работодателя в некоторых случаях по аналогии с презумпцией добросовестности работника.

Ключевые слова: трудовые обязанности, принцип добросовестности, презумпция, трудовой договор.

Наиболее «уязвимым» субъектом правоотношений по установлению, изменению и прекращению трудовых прав и обязанностей по причинам, независящим от воли сторон является работодатель. Так как именно работодатель зачастую находится в неведении об обстоятельствах, произошедших с работником, и вследствие которых он не может расторгнуть трудовой договор с данным работником. Именно по данной причине полагается необходимым перенести конструкцию «принципа добросовестности» из гражданского права в трудовое право. Данную позицию уже разделяют и многие суды, указывая на «принцип добросовестности» в своих решениях.

Для оценивания целесообразности введения данной конструкции необходимо рассмотреть ее исторические предпосылки. Одним из самых первых проектов нормативных актов, регулирующих трудовые правоотношения, и вводящих принцип добросовестности был Проект Единого закона о трудовом договоре 1923г (Германия)¹. Обязанности наемного работника, закрепленные в разделе II, базировались на следующих основных принципах: «добросовестности», «подчинения» и «верности». В параграфе 15 было четко указано, что «степень добросовестности, которая может требоваться от наемного работника, определяется спецификой трудового правоотношения, возможностями и способностями наемного работника, о которых работодателю известно или должно быть известно»². В параграфе 17 данного Проекта были подробно указаны обстоятельства возмещения наемным работником всех расходов, связанных с произошедшим по его вине причинением вреда материалам, машинам и оборудованию. В параграфе 66 Проекта на основании принципа «добросовестности» регулировалась выплата вознаграждения работнику в случае, если определенный в договоре результат работ так и не был достигнут, хотя наемный работник добросовестно трудился. Инновационным для данного Проекта и того времени стало введение параграфа 156, который вводил понятие «чрезвычайное увольнение». Под данным понятием понималось увольнение без предварительного уведомления. Подобное увольнение по инициативе любой из сторон трудового договора становилось

¹ Лысенко О.Л. Первые попытки кодификации трудового права в Германии: Проект Единого закона о трудовом договоре 1923 г. N. 5 Октябрь /2011 Изд-во Московского университета (МГУ) С. 93–109.

² Лысенко О.Л. Первые попытки кодификации трудового права в Германии: Проект Единого закона о трудовом договоре 1923 г. N. 5 Октябрь /2011 Изд-во Московского университета (МГУ) С. 93–109.

возможным лишь при наличии серьезной уважительной причины с учетом целей договора, а также требований «доброй совести». Данный параграф свидетельствует о тесной взаимосвязи трудового и гражданского законодательства того времени, так как данное положение о «доброй совести» как одного из принципов договорного права Германии было закреплено в Германском Гражданском Уложении 1896 года¹. В Гражданском Германском Уложении 1896 года принципу «добросовестности» посвящен всего один параграф – 242. Данный параграф носит название «Добросовестное исполнение» и его смысл его содержания заключается в указании на то, что должник обязан осуществлять исполнение добросовестно, как этого требуют обычаи оборота. Данное положение легло в основу судебной практики, которая в последствие сформировала правовую культуру разграничения «добросовестного» и «недобросовестного» поведения.

Если рассматривать законодательства разных стран на предмет закрепления «принципа добросовестности» в нормативных актах относительно трудового правоотношения, то становится понятным, что в большинстве стран не существует четкого разделения на гражданское и трудовое законодательство, следовательно, «принцип добросовестности» закреплен как общеправовой.

Презумпция рассматривается в юридической литературе как вероятностное предположение о наличии или отсутствии определенных обстоятельств, имеющих юридическое значение. Правовая норма, содержащая презумпцию, обязывает правоприменителей считать определенный факт установленным до тех пор, пока в установленном порядке не будет доказано иное.

В.К. Бабаев определял презумпцию как закрепленное в нормах права предположение о наличии или отсутствии юридических фактов, основанное на связи между ними и фактами наличными и подтвержденное предшествующим опытом². В данном определении важно указание на то, что презумпции обусловлены предшествующим человеческим опытом, который собственно и выявил обычное поведение субъектов, характерное для конкретной правовой ситуации, которое можно с высокой степенью вероятности предположить применительно к множеству аналогичных ситуаций. Однако не только высокая степень вероятности может быть положена в основу презумпций, зачастую презумпции играют иную роль, нежели обобщение³.

Возвращаясь к трудовому законодательству Российской Федерации стоит отметить, что в науке трудового права существует проблема правовых

¹ Германское Гражданское Уложение (18 августа 1896 года) https://e-ecolog.ru/docs/GbdwBrdMc339HAETf_y?ysclid=ls67atd8hg598402569&utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F (дата обращения 03.02.2024)

² В.К. Бабаев Презумпции в советском праве.-Горький, 1974. С. 14.

³ С.Ю. Головина Презумпции в трудовом праве//Юридическая техника, № 4/2010 стр. 114–118

презумпций. Зачастую используются отраслевые презумпции, которые вытекают из официальных разъяснений Верховного Суда РФ. Однако правовые презумпции играют существенную роль в правовом регулировании трудовых и непосредственно связанных с ними отношений, в том числе в рамках института защиты прав работника.

Значительная часть презумпций трудового права закреплены в источниках трудового права с целью установления определенных гарантий для работников от произвольных, недобросовестных действий со стороны работодателей, что обуславливается социальной направленностью трудового права. «В трудовом праве правовые презумпции, в значительной своей части, должны отражать социальное значение этой отрасли, обеспечивать защиту интересов работника, работодателя и государства при сохранении основного предназначения отрасли – охраны труда в широком смысле»⁴.

При более детальном изучении правовых презумпций становится очевидным тот факт, что большинство из них направлены на защиту трудовых прав работника, в то время как защите прав работодателя от злоупотреблений работниками своих прав, не уделено должного внимания. К примеру, если рассматривать институт трудового договора, то можно выделить следующие правовые презумпции:

- презумпция незаконности расторжения трудового договора по инициативе работодателя. В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 года № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового Кодекса Российской Федерации»⁵ при рассмотрении дела о восстановлении на работе лица, трудовой договор с которым расторгнут по инициативе работодателя, обязанность доказать наличие законного основания увольнения и соблюдения установленного порядка увольнения возлагается на работодателя. Непредставление со стороны работодателя необходимых доказательств законности увольнения будет являться основанием для восстановления работника на работе. Подобная практика также широко распространена и в международной практике по рассмотрению трудовых споров⁶.
- Презумпция законности временного перевода работника на другую работу без его согласия в соответствии с частями 2,3 ст. 72.2 Трудового

⁴ Лушников М.В., Лушников А.М. Очерки теории трудового права. – СПб: «Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. С. 514

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 (ред. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_47257/ (дата обращения 05.02.2024)

⁶ Подп «а» п. 2 ст. 9 Конвенции № 158 МОТ «О прекращении трудовых отношений по инициативе предпринимателя» (принята в г. Женеве на 68-ой сессии Генеральной Конференции МОТ 22.06.1982 г.)// Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1957–1990. ТII- Женеве: Международное бюро труда, 1991. С. 1986.

Кодекса РФ. Пункт 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 года № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового Кодекса Российской Федерации»¹ устанавливает, что обязанность доказать наличие обстоятельств, с которыми закон связывает возможность временного перевода работника на другую работу без его согласия в порядке части 2,3 ст. 72.2 Трудового Кодекса РФ, возлагается на работодателя.

- Презумпция незаконности прекращения трудового договора по п. 7ч.1 ст. 77 Трудового Кодекса Российской Федерации, а также изменения сторонами уже определенных условий трудового договора в порядке ст. 74 Трудового Кодекса РФ. В соответствии с п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 года № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового Кодекса Российской Федерации» «...работодатель обязан, в частности, представить доказательства, подтверждающие, что изменение определенных сторонами условий трудового договора явилось следствием изменений организационных или технологических условий труда... и не ухудшило положений работника по сравнению с условиями коллективного договора, соглашения. При отсутствии таких доказательств прекращение трудового договора по пункту 7 части 1 статьи 77 Трудового Кодекса РФ или изменение определенных сторонами условий трудового договора не может быть признано законным»².
- Презумпция незаконности привлечения работника к материальной ответственности за ущерб, причиненный работодателю. В соответствии с п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 52 от 16 ноября 2006 года³ при рассмотрении дел по возмещению ущерба на работодателя возложена обязанность по доказыванию таких фактов, как отсутствие обязательств, исключających материальную ответственность работника, противоправность поведения причинителя вреда. Вина работника в причинении ущерба, причинная связь между поведением работника и наступившим ущербом, наличие прямого действительного ущерба, размер понесенного ущерба, соблюдение правил заключения договора о полной материальной ответственности. В случае, если работодатель не сможет доказать даже одно из вышеперечисленных обязательств, привлечение работника к материаль-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 года № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового Кодекса Российской Федерации»// СПС Консультант Плюс https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_47257/?ysclid=ltm89lx7ll949069639

² Там же.

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами законодательства, регулирующего материальную ответственность работников за ущерб, причиненный работодателю» № 52 от 16 ноября 2006 года https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64066/ (дата обращения 05.02.2024)

ной ответственности за ущерб, причиненный работодателю, будет признано незаконным.

- Презумпция ограниченной материальной ответственности работника в соответствии с п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 52 от 16 ноября 2006 года заключается в том, что у работодателя возникает обязанность доказывать факт того, что в соответствии с Трудовым Кодексом РФ либо иными федеральными законами работник может быть привлечен к материальной ответственности в полном объеме причиненного ущерба и на время его причинения достиг восемнадцатилетнего возраста, за исключением случаев, указанных в ч. 3 ст. 242 Трудового Кодекса РФ. Однако по общему правилу в соответствии со статьей 241 Трудового Кодекса РФ работник несет материальную ответственность за причиненный ущерб в пределах своего среднего месячного заработка, если иное не установлено Трудовым Кодексом РФ или иными федеральными законами.
- Презумпция заключения трудового договора на неопределенный срок, установленная в интересах работника, в соответствии с ч. 3 ст. 58 Трудового Кодекса РФ позволяет считать трудовой договор заключенным на неопределенный срок в случае, если трудовым договором не оговорен срок его действия.
- Презумпция заключения трудового договора без условий об испытании в соответствии с ч. 2 ст. 70 Трудового Кодекса РФ позволяет в случае отсутствия такого условия в трудовом договоре считать работника принятым на работу без испытания. Следовательно, работодатель в дальнейшем теряет возможность права на расторжение трудового договора с таким работником в связи с неудовлетворительным результатом испытания.
- Презумпция отсутствия препятствий для расторжения трудового договора по инициативе работодателя в соответствии с п. 27 Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 2 от 17.03.2004 г. в случае, если работник, злоупотребляя правом, скрывает от работодателя факты и обстоятельства, в зависимости от которых работодатель устанавливает специальные запреты или дополнительные требования к процедуре расторжения трудового договора/ опровержение презумпции добросовестности работника
- Презумпция полной материальной ответственности работодателя перед работником. В соответствии с действующим законодательством у работодателя отсутствует возможность снижения размера ущерба, подлежащего возмещению работнику. Предусматривается лишь возможность увеличения размера данного ущерба в порядке ч. 2 ст. 232 Трудового Кодекса РФ. Также в данном случае у работника в соответствии со ст. 237 Трудового Кодекса РФ имеется возможность взыскания морального

вреда в размерах, определяемых соглашением сторон, а в случае возникновения спора – судом.

Подводя итог сказанному, следует обратить внимание на соотношение количества правовых презумпций, защищающих права работника и работодателя.

Таким образом, становится очевидным, что принцип «добросовестности» следует вводить в отношении как защиты прав работника, так и работодателя. Самым уязвимым моментом в трудовых правоотношениях для работодателя являются охрана труда и случаи расторжения трудового договора. Также принцип «добросовестности» достаточно необходим при установлении, изменении и прекращении трудовых прав и обязанностей по причинам, независящих от воли сторон. Но так как данный принцип не закреплен в Трудовом Кодексе Российской Федерации, то полагается возможным решить проблему отсутствия нормативного закрепления данного принципа через закрепление принципа «добросовестности действий работодателя в подобных ситуациях» в правовых презумпциях. Для подобного закрепления данной правовой презумпции необходимо официальное разъяснение Верховного Суда РФ. Верховный Суд РФ дал разъяснение о том, в чем состоит содержание принципа добросовестности относительно гражданских правоотношений. Суд подчеркнул, что добросовестным следует считать такое поведение, когда сторона сделки принимает во внимание интересы второй стороны и оказывает содействие, в том числе информационное (п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25¹). Но и в судебной практике по рассмотрению трудовых споров Верховный Суд также уже ссылается на принцип добросовестности. Ярким примером служил дело № 26-КГ22-4-К5, в тексте которого указано, что « В пункте 27 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» даны разъяснения о том, что при рассмотрении дел о восстановлении на работе следует иметь в виду, что при реализации гарантий, предоставляемых Трудовым Кодексом РФ работникам в случае расторжения с ними трудового договора, должен соблюдаться общеправовой принцип недопустимости злоупотребления правом, в том числе и со стороны работников. Указанный конституционный принцип запрета злоупотребления правом в трудовых отношениях проявляется в соблюдении сторонами трудового договора действующего законодательства, добросовестности их поведения, в том числе и со стороны работника»².

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»//СПС Консультант Плюс https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/?ysclid=ltn8bge8yt116656322

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 13.02.2023 № 26-КГ22-4-К5 <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-13022023-n-26-kg22-4-k5/?ysclid=ls69b5ov4s149661-168> (дата обращения 03.02.2024г)

Литература

1. Бабаев В.К. Презумпции в советском праве- Горький, 1974. С. 14.
2. Головина С.Ю. Презумпции в трудовом праве// Юридическая техника, № 4/2010 стр. 114–118
3. Лушников М.В., Лушников А.М. Очерки теории трудового права. – СПб: «Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. С. 514
4. Лысенко О.Л. Первые попытки кодификации трудового права в Германии: Проект Единого закона о трудовом договоре 1923 г. N. 5 Октябрь /2011 Изд-во Московского университета (МГУ) С. 93–109.
5. Германское Гражданское Уложение (18 августа 1896 года)
6. Подп. «а» п. 2 ст. 9 Конвенции № 158 МОТ «О прекращении трудовых отношений по инициативе предпринимателя» (принята в г. Женеве на 68-ой сессии Генеральной Конференции МОТ 22.06.1982 г.)// Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1957–1990. ТII- Женева: Международное бюро труда, 1991. С. 1986.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 (ред. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»
9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 13.02.2023 № 26-КГ22-4-К5
10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами законодательства, регулирующего материальную ответственность работников за ущерб, причиненный работодателю» № 52 от 16 ноября 2006 года

APPLICATION OF THE PRINCIPLE OF GOOD FAITH IN ASSIGNING WORK RESPONSIBILITIES TO AN EMPLOYEE

Smolina Yu.V.

V.F. Yakovlev Ural State Law University

Currently, when regulating labor relations, it becomes obvious that the principle of good faith must be applied to the parties to an employment contract by analogy with civil law. In relation to the employer, its independent use (with the justification of Article 10 of the Civil Code of the Russian Federation) is rather an exception than a rule. This is due to the fact that unfair “a priori” behavior on the part of the employer can most often be associated in one way or another with a violation of labor legislation. However, increasingly, examples of unfair employee behavior are reflected in judicial practice, and as a result, the forced subsequent “unfair” behavior of the employer. Paragraph 27 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 03/17/2004 No. 2 reflects an example of unfair employee behavior – concealing the fact of pregnancy.

kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-13022023-n-26-kg22-4-k5/?ysclid=ls69b5ov4s149661-168 (дата обращения 03.02.2024г)

In this case, the employer, if he had been notified of the employee's status as pregnant, or had not fired the employee. That is, the employer, due to the inaction of the employee (in terms of informing about her status), formally violated the requirements of labor legislation. The Supreme Court explained that in this case, the presence of signs of violation of labor legislation is not a reason for reinstatement, since the reason for such a violation was the plaintiff's inaction. But, since the issue of dishonesty was considered only in the context of disputes about reinstatement, the courts are in no hurry to apply it in other situations. In this article, the question of the need to apply the construction of the principle of good faith by analogy with civil law relations and in labor relations is considered. The author also considers in this article the need to introduce the presumption of good faith of the employer in some cases, by analogy with the presumption of good faith of the employee.

Keywords: labor obligations, the principle of good faith, presumption, employment contract.

References

1. Babaev V.K. Presumptions in Soviet law – Gorky, 1974. P. 14.
2. Golovina S. Yu. Presumptions in labor law // Legal technology, No. 4/2010 pp. 114–118
3. Lushnikova M.V., Lushnikov A.M. Essays on the theory of labor law. – St. Petersburg: Publishing House of R. Aslanov "Legal Center Press", 2006. P. 514
4. Lysenko O.L. First attempts to codify labor law in Germany: Draft of the Uniform Labor Contract Law of 1923 N. 5 October /2011 Moscow University Publishing House (MSU) pp. 93–109.
5. German Civil Code (August 18, 1896)
6. Sub-clause "a", paragraph 2, article 9 of ILO Convention No. 158 "On termination of employment relations at the initiative of the entrepreneur" (adopted in Geneva at the 68th session of the ILO General Conference on June 22, 1982) // Conventions and recommendations, adopted by the International Labor Conference. 1957–1990. TII-Geneva: International Labor Office, 1991. P. 1986.
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 17, 2004 № 2 (as amended on November 24, 2015) "On the application by the courts of the Russian Federation of the Labor Code of the Russian Federation"
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 23, 2015 № 25 "On the application by courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation"
9. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 13, 2023 № 26-KG22–4-K5
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation "On the application by courts of legislation regulating the financial liability of employees for damage caused to the employer" No. 52 of November 16, 2006

Лицензионный договор о предоставлении права использования программы для ЭВМ: основания и последствия расторжения

Стебаев Александр Александрович,

аспирант, кафедра интеллектуальных прав, МГЮА
им. О.Е. Кутафина
E-mail: tvoyiurist@mail.ru

Основной целью статьи является анализ и обобщение существующей судебной практики по вопросам, связанным с расторжением лицензионных договоров о предоставлении права использования программы для ЭВМ. Исследование темы приобретает актуальность в связи с развитием отношений по предоставлению удаленного доступа к программному обеспечению (также известному как соглашение «Software as a Service»). Соглашение SaaS характеризуется тем, что доступ лицензиата к программе может быть прекращен лицензиаром в любой момент, поскольку программа не устанавливается на устройство пользователя, а находится в «облаке». Так, в 2023 году многие иностранные компании заблокировали доступ российских лицензиатов к программам. Подобные действия привели к рассмотрению нескольких достаточно интересных судебных дел, в которых были сформулированы правовые позиции судов Российской Федерации по вопросам, связанным с расторжением лицензионных договоров и его последствиями. По результатам изучения современной судебной практики по данным вопросам автор приходит к выводу, что одностороннее прекращение лицензиаром доступа к программам является случаем неправомерного расторжения лицензионного договора, следствием которого является обязанность лицензиара возместить лицензиату его убытки.

Ключевые слова: лицензионные отношения, лицензионный договор, договор оказания услуг, расторжение договора, отказ от договора, убытки лицензиата.

Гражданским кодексом Российской Федерации установлено три основания для расторжения любого договора, независимо от его вида: по соглашению сторон, по требованию одной из сторон при существенном нарушении договора другой стороной, а также по требованию одной из сторон вследствие существенно изменившихся обстоятельств (статьи 450 и 451 ГК РФ). Соответственно, лицензионный договор также может быть расторгнут по обозначенным основаниям.

Кроме того, для лицензионного договора, заключенного в упрощенном порядке, пунктом 2 статьи 428 ГК РФ предусмотрены дополнительные основания его расторжения, которые установлены в отношении договоров присоединения:

1) в связи с лишением присоединившейся к договору стороне прав, обычно предоставляемых по договорам такого вида;

2) в связи с исключением или ограничением ответственности другой стороны за нарушение обязательства;

3) в связи с наличием в договоре явно обременительных условий.

С формулировки пункта 3 статьи 428 ГК РФ, по указанным основаниям, может быть расторгнут не только договор присоединения, но и обычный договор (в случае если одной из сторон такого договора является «слабая» сторона) и, соответственно, обозначенные основания могут быть применимы и к лицензионному договору, заключенному в общем порядке.

Особое место среди оснований прекращения договора занимает конструкция одностороннего отказа от договора во внесудебном порядке, которая представляет собой простое уведомление стороной, которой такое право предоставлено, другой стороны об отказе от исполнения договор. При этом реализация такого права возможна лишь в ситуации, когда такое право прямо предоставлено стороне нормой закона или условиями договора. В частности, право одностороннего отказа предоставлено лицензиару в случае существенного нарушения лицензиатом своей обязанности по выплате лицензиару вознаграждения за предоставление лицензиату прав использования программы (пункт 4 статьи 1237 ГК РФ).

Нормами ГК РФ не предусмотрено право одностороннего отказа лицензиата от исполнения договора, соответственно, лицензиатом такое право может быть реализовано лишь в случае, если такое право ему предоставлено в соответствии с условиями договора. Существенно отличается модель договора возмездного оказания услуг, для ко-

торой, в отличие от лицензионного договора, право на односторонний отказ от договора предусмотрено статьей 782 ГК РФ, которая является императивной, а потому заказчик не может быть в любом случае лишен такого права.

Примечательно также то, что право одностороннего отказа от договора может быть реализовано заказчиком в отсутствие каких-либо виновных действий (бездействий) исполнителя, заказчик не обязан раскрывать и обосновывать исполнителю мотивы, по которым он принял такое решение. Единственное, что должен сделать заказчик – компенсировать исполнителю фактически понесенные им расходы, что вполне разумно и справедливо.

Несмотря на то, что право одностороннего отказа от лицензионного договора законом лицензиату не предоставлено, на практике зачастую в ситуации неудовлетворенности лицензиатом функционалом программы для ЭВМ, лицензиат направляет лицензиару отказ от договора с требованием о возврате части суммы лицензионного вознаграждения пропорционально фактическому сроку использования программы. В случае если требования лицензиата лицензиаром не удовлетворяются, лицензиат обращается в суд соответствующим иском. Походы судов при рассмотрении подобных исков зависят от фактических обстоятельств дела.

В целом, суды придерживаются подхода, в соответствии с которым в ситуации, когда обязательство лицензиара по предоставлению права использования программы было исполнено надлежащим образом, возврат части вознаграждения пропорционально сроку использования не представляется возможным, поскольку ГК РФ не предусмотрено право лицензиата на односторонний отказ от договора [6].

Судами также отмечалось, что несовместимость предоставленной лицензиату программы для ЭВМ с иными программными продуктами, установленными на его устройстве, не является как основанием для расторжения договора, так и основанием для возврата лицензионного вознаграждения [8].

Вместе с тем, основанием для возврата лицензионного вознаграждения является ситуация, когда доступ лицензиата к программе для ЭВМ был прекращен в одностороннем порядке в отсутствие на то каких-либо оснований. При этом в случае, когда прекращение доступа к функционалу программы для ЭВМ произошло вследствие нарушения лицензиатом условий договора, основания для возврата лицензионного вознаграждения, в соответствии со сложившейся судебной практикой, отсутствуют [5].

В случае же если прекращение доступа лицензиата к функционалу программы для ЭВМ было неправомерным, суды констатируют нарушение лицензиаром условий договора и право лицензиата на возврат лицензионного вознаграждения. Так судами, при рассмотрении иска лицензиата к правообладателю о взыскании убытков вследствие одностороннего прекращения лицензиаром доступа лицензиата к обновлениям программы для ЭВМ

было констатировано нарушение лицензиаром условий соглашения с конечным пользователем, что стало основанием для удовлетворения исковых требований лицензиата о взыскании убытков. При этом убытки лицензиата были рассчитаны пропорционально сроку фактического доступа лицензиата к обновлениям программы для ЭВМ [9].

Таким образом, в ситуации, когда лицензионный договор был неправомерно приостановлен или прекращен лицензиаром в одностороннем порядке, лицензиату принадлежит право на возмещение убытков, которые связаны с таким прекращением, в частности, сумм неизрасходованного аванса пропорционально сроку фактического использования программы. Вместе с тем, реализация права на взыскание убытков возможна независимо от наличия у лицензиата право на односторонний отказ от договора или его расторжение, поскольку такой механизм представляет собой защиту прав лицензиата в ситуации, когда договор уже был неправомерно приостановлен или прекращен лицензиаром в одностороннем порядке.

Примечательны подходы судов при рассмотрении исков потребителей, участие которых в гражданско-правовых отношениях, по умолчанию, обуславливает применение к таким отношениям законодательства о защите прав потребителей, которое отличается своей определенной спецификой.

Так судом кассационной инстанции были признаны обоснованными выводы нижестоящих судов о том, что в связи с тем, что лицензионный договор был заключен между потребителем и коммерческой организацией, потребитель вправе согласно статье 32 Закона о защите прав потребителей отказать от лицензионного договора до его исполнения и, соответственно – вернуть сумму, которая была в уплачена в счет выплаты лицензионного вознаграждения в полном размере, поскольку доказательств несения лицензиаром каких-либо расходов, суду представлено не было [10].

Обозначенный подход вступает в полное противоречие с правилом о том, что законное право одностороннего отказа от договора возмездного оказания услуг (статья 782 ГК РФ) не применимо по отношению к лицензионному договору. Однако стоит отметить, что в приведенном выше примере отказ потребителя от договора произошел до момента исполнения договора со стороны лицензиара, то есть до предоставления потребителю права использования программы для ЭВМ. В ситуации же, когда договор со стороны лицензиара был исполнен, подход судов, рассматривающих спор с потребителем, аналогичен ранее описанному подходу.

Так, суды, при рассмотрении спора о расторжении лицензионного договора о предоставлении права использовании программы, пришли к выводу о том, что в ситуации, когда со стороны лицензиара договор был исполнен (программа предоставлена), потребитель не вправе расторгнуть такой договор и вернуть вознаграждение. При этом

особое внимание судов было привлечено к тому, что Закон о защите прав потребителей регулирует отношения, которые связаны с продажей товаров, выполнением работ и оказанием услуг и, соответственно, лицензионный договор о предоставлении права использования программы для ЭВМ не охватывается положениями соответствующего законодательства [11].

Обозначенный выше вывод представляется особо важным, поскольку на таком выводе судов можно прийти к выводу о том, что лицензионные отношения независимо от статуса субъектов таких отношений, регулируются нормами ГК РФ и, в первую очередь, нормами части 4 ГК РФ. Между тем, отношения между продавцом экземпляра программы и потребителем регулируются законодательством о защите прав потребителя, точно также как и отношения по продаже любого другого товара.

Следует понимать, что в гражданском обороте выступает, с одной стороны экземпляр программы, как вещь, а с другой – права на экземпляр программы. Смещение этих двух категорий представляется не допустимым и влечет определенные проблемы при разрешении споров, нарушение прав и законных интересов субъектов гражданских правоотношений. Тем не менее, нельзя не отметить непоследовательность логики судов при рассмотрении споров с потребителями, выражающейся в том, что суды то применяют к таким отношениям законодательство о защите прав потребителей, то исключают его применение. Указанная непоследовательность, безусловно, должна быть устранена в целях единообразия судебной практики.

Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на то, что по лицензионному договору, по умолчанию, лицензиату не предоставлено право на отказ от договора, в случае ненадлежащего исполнения договора лицензиаром, лицензиатом может быть реализовано право на взыскание убытков, в форме частичного возврата лицензионного вознаграждения соразмерно фактическому сроку использования программы.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 30 ноября 1994 г., № 51-ФЗ: принят Гос. Думой 21 октября 1994 г.: подписан Президентом России 30 ноября 1994 г.: в ред. от 24 июля 2023 года // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 18.03.2024);
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 26 января 1996 г., № 14-ФЗ: принят Гос. Думой 22 декабря 1995 г.: подписан Президентом России 26 января 1996 г.: в ред. от 24 июля 2023 года // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 18.03.2024);
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 18 декабря 2006 г., № 230-ФЗ: принят Гос. Думой 24 ноября 2006 г.: подписан Президентом России 18 декабря 2006 г.: в ред. от 30 января 2024 года // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 18.03.2024);
4. Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» [Электронный ресурс]: Закон РФ от 7 февраля 1992 г., № 2300–1: подписан Президентом России 7 февраля 1992 г.: в ред. от 4 августа 2023 года // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 18.03.2024);
5. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16.04.2021 N C01–199/2021 по делу N A40–2379/2020 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 18.03.2024);
6. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 22.04.2022 N C01–471/2022 по делу N A40–140884/2021 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 18.03.2024);
7. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 11.12.2022 N C01–2178/2022 по делу N A56–23252/2022 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 18.03.2024);
8. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 06.12.2023 N C01–2293/2023 по делу N A40–255727/2022 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 18.03.2024);
9. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 22.01.2024 N C01–2841/2023 по делу N A40–294471/2022 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 18.03.2024);
10. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 09.11.2023 N 88–35622/2023 по делу N 2–145/2023 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 18.03.2024);
11. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13.07.2023 N 88–12326/2023 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 18.03.2024).

SOFTWARE LICENSE AGREEMENTS IN THE RUSSIAN FEDERATION: GROUNDS AND CONSEQUENCES OF TERMINATION

Stebaev A.A.

Kutafin Moscow State Law University

The main purpose of this article is to analyze and generalize current judicial practice on issues related to the termination of software license agreements. Investigation of the subject is gaining relevance due to the development of relations for providing remote access to software (also known as the “Software as a Service” agreement). The SaaS agreement is characterized by the fact that the licensee’s access to the program can be terminated by the licensor at any time, since the program is not installed on the user’s device, but is located in the cloud. Thus, in 2023, many foreign companies blocked the access of Russian licensees to programs. Such actions have led to the consideration of several rather interesting court cases, which the legal positions of the Russian Federation courts on issues related to the termination of license agreements and its consequences was formulated. Based on the results of current judicial practice studying of on these issues, the author concludes that the licensor’s unilateral termination of access to programs is a case of unlawful termination of the license agreement, the consequence of which is the licensor’s obligation to compensate the licensee for his damages.

Keywords: license relations, license agreement, service agreement, termination of the contract, withdrawal from the contract, licensee’s losses.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part One) [Electronic resource]: Federal Law of November 30, 1994, N 51-FZ: adopted by the State Duma on October 21, 1994: signed by the President of Russia on November 30, 1994: as amended. dated July 24, 2023 // SPS "ConsultantPlus" (accessed: 18/03/2024);
2. The Civil Code of the Russian Federation (Part Two) [Electronic resource]: Federal Law of January 26, 1996, N 14-FZ: adopted by the State Duma on December 22, 1995: signed by the President of Russia on January 26, 1996: as amended. dated July 24, 2023 // SPS "ConsultantPlus" (accessed: 18/03/2024);
3. The Civil Code of the Russian Federation (Part Four) [Electronic resource]: Federal Law of December 18, 2006, N 230-FZ: adopted by the State Duma on November 24, 2006: signed by the President of Russia on December 18, 2006: as amended. dated January 13, 2023 // SPS "ConsultantPlus" (accessed: 18/03/2024);
4. Law of the Russian Federation "On the Protection of Consumer Rights" [Electronic resource]: Law of the Russian Federation of February 7, 1992, N 2300-1: signed by the President of Russia on February 7, 1992: as amended. dated August 4, 2023 // SPS "ConsultantPlus" (accessed: 03/18/2024);
5. The decision of the Intellectual Property Rights Court dated 04/16/2021 N C01-199/2021 in the case N A40-2379/2020 // SPS "ConsultantPlus" (accessed: 03/18/2024);
6. The decision of the Intellectual Property Rights Court dated 04/22/2022 N C01-471/2022 in the case N A40-140884/2021 // SPS "ConsultantPlus" (accessed: 03/18/2024);
7. The decision of the Intellectual Property Rights Court dated 11.12.2022 N C01-2178/2022 in the case N A56-23252/2022 // SPS "ConsultantPlus" (accessed: 03/18/2024);
8. The decision of the Intellectual Property Rights Court dated 06.12.2023 N C01-2293/2023 in the case N A40-255727/2022 // SPS "ConsultantPlus" (accessed: 03/18/2024);
9. The decision of the Intellectual Property Rights Court dated 01/22/2024 N C01-2841/2023 in the case N A40-294471/2022 // SPS "ConsultantPlus" (accessed: 03/18/2024);
10. The ruling of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction dated 09.11.2023 N 88-35622/2023 in the case N 2-145/2023 // SPS "ConsultantPlus" (accessed: 03/18/2024);
11. The ruling of the Seventh Cassation Court of General Jurisdiction dated 07/13/2023 N 88-12326/2023 // SPS "ConsultantPlus" (accessed: 03/18/2024).

Возможности проверки правовых конструкций с помощью эксперимента в российском и международном законодательстве

Филатов Кирилл Сергеевич,

магистрант, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
E-mail: fks17@yandex.ru

Целью исследования является анализ понятия эксперимента с разных позиций, эволюции применения эксперимента в науке права и правовой регуляции и развития экспериментальной юриспруденции. Данные вопросы рассматривались в рамках научных исследований, однако изучение экспериментальной юриспруденции не рассматривалось широко в рамках исследований. Данная тема имеет важное как теоретическое, так и прикладное значение, поскольку ставит задачей выявить эволюцию и общие тенденции развития эксперимента в праве. Предметом исследования являются нормативно-правовые акты, доктринальные источники в области применения эксперимента в праве. В исследовании применялись следующие методы: толкования нормативных актов, сбора и анализа правовых и научных источников, сравнительно-правовой и метод выявления закономерностей развития. В результате выявлены и определены общие тенденции развития экспериментальной юриспруденции и эксперимента как части правового регулирования

Ключевые слова: эксперимент, экспериментальный правовой режим, экспериментальная юриспруденция, цифровое право, правотворчество.

Право характеризуется стабильностью принятых нормативно-правовых актов, а качество их проработки позволяет точно изменять и применять их спустя десятилетия после принятия. Тем не менее, одновременно с этим существует объективная необходимость изменять акты под меняющуюся реальность вследствие экономических, социальных и технологических и других изменений. Отсутствие своевременных изменений влечет отставание правового регулирования. Среди причин этого отмечают время, которое уходит на выработку подходов к регулированию, периодом процесса законотворчества[5], также причиной отставания может быть отсутствие единообразного регулирования. Вместе с этим есть причина социальная: общественные отношения не могут быть неизменными, постольку баланс интересов общества постоянно меняется, появляются новые виды правоотношений, благодаря цифровизации общества, том числе и виртуальном мире. Множества веков правоотношения между людьми стремительно не менялись, а фундаментальные изменения, которые мы переживаем – результат начавшейся промышленной революции в 19 веке и последовавшей за ней изменениями на рубеже 20 и 21 веков, которые были определены как промышленная революция 4.0 или цифровая революция. Одновременно с революцией в экономических и общественных отношениях происходит и научная революция, которые в трудах ученых также была названа 4 научной революцией, среди ее черт называется тенденция к междисциплинарным исследованиям, взаимодействие фундаментальных и экспериментальных исследований [11]. Однако стремление к изменению не только связано с быстрым прогрессом, оно также связано с постоянным поиском истины и постановкой под сомнение существующего положения вещей. Благодаря этому свойству рождаются новые научные теории и изыскания, объясняющие существование права и его положения в системе наук.

Одним из методов проверки новых теорий и технологий является эксперимент, который может способствовать совершенствованию права как с научной, так и практической точки зрения. Стоит отметить, что эксперименты в праве существуют продолжительное время. Как и в естественных науках, наука, которая занимается изучением общественных отношений и социальной жизни, право не может не развиваться без экспериментов для проверки эффективности существования правовых конструкций. Идея того, что для науки права возможно использование научных методов из других сфер появилась в 19–20 веках со стремлением к междисци-

плинарной и расширением применения методологии за пределы первоначальной научной дисциплины [3,]. Стоит отметить, что появление экспериментов в праве находит отражение в истории. Как отмечается, аналоги экспериментов уже были тысячи лет назад в Риме, на это указывает ряд современных авторов [4]. Однако действительное широкое развитие происходит в новое время и 19 веке и совпадает с общим развитием научных идей о возможности эксперимента как метода научного познания. Сначала идея эксперимента перешла на социальные науки и после она пришла в юриспруденцию, на которую методы и идеи социальных наук оказывают все большее влияние [17,]. Возможность междисциплинарных исследований растет по мере роста доступа информации и положительного влияния на правовое регулирование. Взаимодействие с другими науками позволяет смотреть на различные проблемные вопросы под разными углами. Отмечается, что для развития правовой науки весьма актуальными могут быть исследования в эволюционной биологии, и эволюционной и когнитивной психологии [6, с. 41–51], в которых широко применяются экспериментальный метод исследования.

На данный момент сложилось несколько пониманий использования эксперимента в юриспруденции, их можно разделить на эксперимент как научный метод и эксперимент как часть правового регулирования. Можно представить их в следующем виде:

Существуют различные точки зрения на определение правового эксперимента и его соотношение с применением эксперимента в правотворчестве [10]. Однако следует разделять данные категорий. Современное научное развитие науки в сторону использования экспериментального метода приводит к появлению части науки, которая полностью посвящена применению эксперимента. В праве она получила название экспериментальная юриспруденция. Стоит отметить, что данный тренд присутствует не только в юриспруденции, но и в других науках. Например, также развивается экспериментальная экономика, которая начала свое развитие примерно в тоже время, что и экспериментальная юриспруденция.

Цель экспериментальной юриспруденции заключается в создании мысленного эксперимента на основе проблемного вопроса. Как следует из доктринальных определений это часть юридической науки, рассматривающей решение юридических вопросов с использованием эмпирических данных, в основной части в виде экспериментов [19]. Развитие и научное обоснование данного направления происходит с 1930-ых годов прошлого века [14]. К примеру, как указывалось, что в экспериментальной юриспруденции юристы признают, что их предварительные предположения основаны на частичном и неизбежном невежестве, используя скептицизм не как самоцель, а средством для достижения цели. В 1960-ых возможно встретить статьи, рассуждающие о взаимодействии права и поведенческих наук [20].

Основной характеристикой данного направления является то, что под ней понимается часть науки, где рассматриваются юридические концепции с точки зрения непрофессионалов и идет сравнение обыденного понимания права с непосредственно с законодательством. Отмечается, что это и является основным отличием классической юриспруденции от экспериментальной. Однако этим направление не ограничивается. В целом выделяют несколько направлений исследований в экспериментальной юриспруденции: общие концепции философии права, концепции теории права и практики, юридическая экспертиза (исследование концепций теорий юристов) [16]. При этом при анализе могут быть использованы знания на стыке других науки. Например, касаясь вопроса концепции теории права и практики исследовался вопрос на стыке с когнитивной науки для генезиса определения цели физических объектов и правовых норм у людей в обыденном понимании. Как следует из исследования, в обоих случаях понимание цели определяется текущей практикой, а не первоначальным намерением или с точки зрения морали. Также в исследовании рассматривался вопрос вынесения суждений интерпретаций определений с разных точек зрения, например, интерпретация словосочетания «транспортного средства» в контексте закона и в целом предметной области транспорта.

Она также может использовать и более широкий набор научных методов, затрагивая инновационные методы как нейровизуализация, компьютерная лингвистика, одним из средств для развития этого направления могут стать технологии больших данных. Необходимыми также являются кросс-культурные исследования, поскольку важно, чтобы исследование не ограничивалось в рамках одной страны. Например, в данном исследовании проводились наблюдения в Польше и Бразилии, где исследовался вопрос поведения судей и интерпретации судебных дел, в частности, оценки формализма над партикуляризмом в каждой судебной системе вследствие их поведения [15].

2) Использование эксперимента как часть правотворчества. В науке используется термин «правотворческий эксперимент» [12], регулятивный «эксперимент» [2]. В правотворческом процессе данный инструмент используется как дополнение к существующей законодательной логике. Отмечается, что он может применяться, когда формируется мнение, что изменение даст положительной или прорывной эффект [10]. Инициаторами в данном случае может быть как общество, так и государство. На данный момент с середины прошлого десятилетия активно внедряются регуляторные песочницы, в некоторых случаях используют термин экспериментальной правовой режим. Суть его заключается в том, что создается режим на определенной территории и с ограниченным временным промежутком для анализа эффективности существования измененных общественных отношений. Также такой экспериментом называют исключени-

ем из права алеаторного характера [13]. Вопрос теоретического и практического применения экспериментов в правовом регулировании научно прорабатывались также с 20 века. Стоит отметить, что в нашей стране теоретическими проблемами эксперимента занимались и в советское время, рассматривая теоретические аспекты организации правового эксперимента [7, с. 34–40]. Необходимо отличать реальный эксперимент от квазиэксперимента, который имеет иные цели.

Эксперименты применяются и применялись в разнообразных сферах в мире. В исторической ретроспективе однако из первых было применение экспериментов в финансовой сфере. Например, налоговые эксперименты проводились в начале 20 века в США, например, в 1913 году в штате Висконсин [8]. В нашей стране они применялись в советское время в финансовом секторе и в трудовых отношениях и сейчас продолжают свое активное развитие [1]. Также развиваются экологические эксперименты. На современном этапе указывается, что важным этапом для этого вида стало принятие Федерального закона от 26 июля 2019 г. N 195-ФЗ «О проведении эксперимента по квотированию выбросов загрязняющих веществ и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части снижения загрязнения атмосферного воздуха» [9].

На данный момент эксперимент используется в рамках специальных правовых режимов, например, использование экспериментальных правовых режимов и регуляторных песочниц. Стоит отметить, что данный механизм активно развивается как в России, так и зарубежом. Данный механизм рассматривается как возможность технологических прорывов, так и повышения инвестиционной привлекательности стран, предлагая доступ к регуляторной песочнице для иностранных компаний. В связи с этим эксперименты проводятся во многих сферах права, постепенно расширяя свое применение. Цифровая революция способствовала расширению применения экспериментальных режимов, так как именно в этой сфере государству необходимо проверка и совершенствования закона. Цифровые инструменты тестируются в различных отраслях экономики. В России проведение экспериментальных правовых режимов был урегулировано в 2020 году с принятием профильного закона. В сфере цифровых инноваций могут проходить эксперименты в соответствии с Федеральным законом от 31.07.2020 N 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» в медицинской, транспортной, градостроительной, финансовой сфере, сельском хозяйстве, промышленности, продажа товаров, работ, услуг дистанционным способом; предоставление государственных и муниципальных услуг и осуществление государственного контроля (надзора) и муниципального контроля, осуществление иных полномочий и функций государственными органами и органами местного самоуправления. На распространение практики экспе-

риментов будет влиять и научно-технический прогресс. Отмечается, что эксперимент в праве может быть связан и с переходом к иному развитию права в целом в связи с квантовой революцией, предполагается, что экспериментальный правовой режим может стать важным этапом в переходе к стратегии правового регулирования в вероятностном подходе, а не в детерминированном как было ранее.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что эксперимент как часть научного метода и как часть правотворческого процесса переживает бурный рост. Развитие наук и применение междисциплинарного подхода одновременно с бурным научно-техническим прогрессом стало драйвером развития эксперимента, который открывает возможности для более объективной оценки поведения людей, разных правоотношений при внедрении инновации. С точки зрения развития экспериментальной юриспруденции ее развитию может поспособствовать научные открытия в других сферах, в том числе в сфере нейро наук, технологий больших данных и виртуальной реальности, где могут проводиться эксперименты. Однако несмотря на важность междисциплинарного подхода при изучении права тем не менее стоит согласиться с мнением, что эксперимент не является решением всех проблемных вопросов, он не может разрешить глубокие и спорные вопросы о том каким должен быть закон [18].

Вместе с этим развитие эксперимента как часть правотворческого процесса может стать важным фактором для быстрого внедрения результатов научно-технического прогресса, благодаря развитию техники взаимодействия между государством и инноваторами, выработки механизма учета реально полезных и неопасных для общества изменений. В конечном, счете технологии сами по себе вне человеческого поведения безопасны.

Литература

1. Анисимов А.П. Актуальные проблемы теории земельного права России: монография//Юстицинформ. 2020// СПС КонсультантПлюс
2. Аристов Е.В. Парадигма «эксперимент» в зарубежных конституциях и в теоретическом конституционализме//Философия. Социология. Право. 2021. Том 46, № 3.С.499–505
3. Гаврилина Е.А. Эксперимент в социально-гуманитарном познании: становление и трансформация/ Философия науки и техники 2017. Т. 22. № 1. С. 30–45
4. Дегтярев М.В. К вопросу об истории и перспективах экспериментальных правовых режимов// Право и государство: теория и практика. 2020. № 12(192). С.169–172
5. Дмитрик Н.А. Статья: Экспериментальные правовые режимы: теоретико-правовой аспект// Закон.2020.N 6. С. 64–72.
6. Кирдяшова Е.В. К вопросу о междисциплинарном подходе в государственно-правовых исследованиях//Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023;(4). С. 41–51.

7. Новикова Е.В. О практике эколого-правовых экспериментов//Экологическое право.2021. N 5. С. 34–40
8. Порывкин С.М. История развития налоговых экспериментов и современные тенденции//Финансовое право.2021. N 1. С. 40–45
9. Санченко И.Д. Современные тенденции использования правовых экспериментов в сфере защиты окружающей среды// Безопасность бизнеса. 2023. N 2. С.39–42
10. Соколов Д.В. Правовой эксперимент как средство обеспечения безопасности дорожного движения// СПС КонсультантПлюс
11. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 744
12. Фатьянов И.В. Понятие и признаки правотворческого эксперимента. Вестник Кемеровского государственного университета. 2013;(2–1). С. 334–337.
13. Чагин И.Б. К вопросу о понимании правового эксперимента как исключения в праве // Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. – 2020. – № 2.С.54–59
14. Bone Homer T. Experimental Jurisprudence and the” New Deal”. Extension of remarks hon. homer t. bone of washington in the senate of the United States Monday, June 18 (legislative day of Wednesday, June 6).1934
15. Guilherme da Franca Couto Fernandes de Almeida, Noel Struchiner, Piotr Bystranowski, Bartosz Janik, Maciej Próchnicki, Ivar Rodriguez Hannikainen. Do Formalist Judges Abide By Their Abstract Principles? A Two-Country Study in Adjudication. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11196-021-09846-6#Sec6>
16. Karolina Magdalena Prochownik. The experimental philosophy of law: New ways, old questions, and how not to get lost// Philosophy compass. Volume16, Issue 12. 2021. URL: <https://compass.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/phc3.12791>
17. Lawrence B. Solum. The Positive Foundations of Formalism: False Necessity and American Legal Realism. Harvard Law Review, Vol. 127, No. 8, p. 2464, 2014
18. Roseanna Sommers. Experimental jurisprudence// Science. 2021. 373(6553). P. 394–395. URL: <https://doi.org/10.1126/science.abf0711>
19. Tobia, Kevin. Experimental Jurisprudence, University of Chicago Law Review: Vol. 89: Iss. 3, Article 3.p.734–802
20. Walter Berns. Law and Behavioral Science. Law and Contemporary Problems 185–212 (Winter 1963). URL: <https://core.ac.uk/works/34149563>

POSSIBILITIES OF TESTING LEGAL CONSTRUCTS USING EXPERIMENT IN RUSSIAN AND INTERNATIONAL LEGISLATION

Filatov K.S.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The purpose of the study is to analyze the concept of experiment from different perspectives, the evolution of the application of experiment in the science of law and legal regulation and the develop-

ment of experimental jurisprudence. These issues have been considered within the framework of scientific research, but the study of experimental jurisprudence has not been widely considered within the framework of research. This topic has important both theoretical and applied significance, since it aims to identify the evolution and general trends in the development of experiment in law. The subject of the study is normative legal acts, doctrinal sources in the field of application of experiment in law. The following methods were used in the study: interpretation of normative acts, collection and analysis of legal and scientific sources, comparative law and the method of identifying patterns of development. As a result, general trends in the development of experimental jurisprudence and experiment as part of legal regulation have been identified and determined

Keywords: experiment, experimental legal regime, experimental jurisprudence, digital law, lawmaking.

References

1. Anisimov A.P. Actual problems of the theory of land law in Russia: monograph//Justicinform. 2020// // SPS ConsultantPlus
2. Aristov E.V. The paradigm of “experiment” in foreign constitutions and in theoretical constitutionalism//Philosophy. Sociology. Right. 2021. Volume 46, No. 3.pp.499–505
3. Gavrilina E.A. Experiment in social and humanitarian cognition: formation and transformation/ Philosophy of Science and technology 2017. Vol. 22. No. 1. pp. 30–45
4. Degtyarev M.V. On the question of the history and prospects of experimental legal regimes// Law and the State: theory and practice. 2020. № 12(192). С.169–172
5. Dmitrik N.A. Article: Experimental legal regimes: theoretical and legal aspect//Law.2020.N 6. pp. 64–72.
6. Kirdyashova E.V. On the issue of an interdisciplinary approach in public law research//Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA). 2023;(4). pp.41–51.
7. Novikova E.V. On the practice of ecological and legal experiments//Environmental law.2021. N 5. pp.34–40
8. Poryvkin S.M. The history of the development of tax experiments and modern trends//Financial law.2021. N 1. pp.40–45
9. Sanchenko I.D. Modern trends in the use of legal experiments in the field of environmental protection// Business security. 2023. N 2. С.39–42
10. Sokolov D.V. Legal experiment as a means of ensuring road safety// // SPS ConsultantPlus
11. Stepin V.S. Theoretical knowledge. М.: Progress-Tradition, 2003. p.744
12. Fatyanov I.V. The concept and signs of a law-making experiment. Bulletin of Kemerovo State University. 2013;(2–1). С. 334–337.
13. Chagin I.B. On the question of understanding legal experiment as an exception in law // Prologue: Journal of law / Prologue: Law Journal. – 2020. – No. 2. pp.54–59
14. Bone Homer T. Experimental Jurisprudence and the” New Deal”. Extension of remarks hon. homer t. bone of washington in the senate of the United States Monday, June 18 (legislative day of Wednesday, June 6).1934
15. Guilherme da Franca Couto Fernandes de Almeida, Noel Struchiner, Piotr Bystranowski, Bartosz Janik, Maciej Próchnicki, Ivar Rodriguez Hannikainen. Do Formalist Judges Abide By Their Abstract Principles? A Two-Country Study in Adjudication. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11196-021-09846-6#Sec6>
16. Karolina Magdalena Prochownik. The experimental philosophy of law: New ways, old questions, and how not to get lost// Philosophy compass. Volume16, Issue 12. 2021. URL: <https://compass.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/phc3.12791>
17. Lawrence B. Solum. The Positive Foundations of Formalism: False Necessity and American Legal Realism. Harvard Law Review, Vol. 127, No. 8, p. 2464, 2014
18. Roseanna Sommers. Experimental jurisprudence//Science. 2021. 373(6553). P. 394–395. URL: <https://doi.org/10.1126/science.abf0711>
19. Tobia, Kevin. Experimental Jurisprudence, University of Chicago Law Review: Vol. 89: Iss. 3, Article 3.p.734–802
20. Walter Berns. Law and Behavioral Science. Law and Contemporary Problems 185–212 (Winter 1963). URL: <https://core.ac.uk/works/34149563>

Развитие правового регулирования компенсаций дистанционным работникам на оборудование рабочего места

Чаштанова Диана Петровна,

магистрант, кафедра гражданского права Института философии и права, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
E-mail: diana_2000_2806@mail.ru

В статье исследуются проблемы правового регулирования компенсаций, предоставляемых дистанционным работникам. Отмечается, что в предыдущей редакции главы 49.1 ТК РФ регулирование данного вопроса приводило к злоупотреблениям со стороны работодателей ввиду законодательных пробелов по важным аспектам. Рассматривается обновленная редакция указанной главы, которая, с одной стороны, устранила ряд недостатков предыдущей редакции, а с другой – выявила новые проблемы правовой регламентации дистанционного труда. Анализируется судебная практика, которая после внесения изменений в главу 49.1 ТК РФ не отличается устоявшимися подходами по обозначенному вопросу. Делается вывод о потенциальном закреплении определенных тенденций в правоприменительной практике. Предлагаются альтернативные варианты законодательных конструкций в целях более эффективного правового регулирования дистанционной работы и решения поставленных проблем.

Ключевые слова: дистанционная работа, компенсация, оборудование рабочего места, организация труда дистанционных работников, трудовые отношения.

В условиях развития информационных технологий организация трудового процесса все чаще обретает новые формы, которые существенно изменяют представления о классическом наемном труде. Дистанционная работа представляет собой одну из правовых форм занятости, появившихся в ответ на вызов цифровой среды. Необходимость правовой регламентации дистанционной работы назрела в большинстве стран мира, в том числе и в России. В первом десятилетии XXI века дистанционная занятость начала развиваться на отечественном рынке труда. Востребованность новой формы занятости была очевидна и для законодателя, который в 2013 году легализовал дистанционную работу посредством внесения изменений в Трудовой кодекс РФ (далее – ТК РФ), в котором появилась глава 49.1 «Особенности регулирования труда дистанционных работников». В данной главе были предусмотрены специальные нормы, которые наделяли как работодателей, так и дистанционных работников особыми правами и обязанностями в целях осуществления защиты сторон трудовых отношений. Регламентация труда дистанционных работников, включенного в поле трудового законодательства, стала еще одним шагом в сторону расширения дифференциации правового регулирования трудовых отношений. С одной стороны, дистанционная работа получила закрепление на законодательном уровне, что стало закономерным этапом в контексте назревших перемен, а с другой – недостатки правового регулирования не позволяли организовать новую форму труда беспрепятственно. Следует отметить, что поначалу актуальность введенных норм не оправдала себя в полной мере, поскольку нередко дистанционная занятость с формальной точки зрения игнорировалась правоприменителями в связи с законодательными пробелами по ряду вопросов. Пандемия показала неэффективность действовавших норм, которые в 2020 году получили обновленную редакцию.

Действительно, внесенные изменения положительно повлияли на дальнейшее правовое регулирование дистанционной работы, но совершенными их назвать нельзя. Особого внимания заслуживают нормы, посвященные особенностям организации труда дистанционных работников. Сравнительный анализ действующей и предыдущей редакций соответствующих статей главы 49.1 ТК РФ позволит обозначить решенные проблемы и выявить проблемы, требующие более эффективных механизмов решения.

Особенности организации труда дистанционных работников связаны, прежде всего, с предоставле-

нием компенсаций, необходимость которых обусловлена использованием в процессе осуществления трудовой функции оборудования, программно-технических средств, средств защиты информации и иных средств. Ранее действовавшая норма предусматривала право работодателя предоставлять или рекомендовать дистанционному работнику для выполнения трудовых обязанностей оборудование, программно-технические средства, средства защиты информации и иные средства (ст. 312.2 ТК РФ в недействующей редакции). Примечательно, что это право было закреплено в статье, устанавливающей особенности заключения и изменения условий трудового договора, в то время как порядок реализации этого права раскрывался в статье, посвященной особенностям организации и охраны труда дистанционных работников (ст. 312.3 ТК РФ в недействующей редакции). Вероятно, подобное решение законодателя связано с тем, что данное право работодателя выступало в качестве дополнительного условия трудового договора с дистанционным работником.

Иными словами, работодатель мог закрепить в трудовом договоре с дистанционным работником дополнительное условие об обязанности последнего использовать при исполнении своих трудовых обязанностей предоставленные или рекомендованные работодателем оборудование, программно-технические средства, средства защиты информации и иные средства, порядок и сроки предоставления которых, а также размер, порядок и сроки выплаты компенсации за их использование, определялись трудовым договором. Необходимо заметить, что рассматриваемое условие устанавливалось только по соглашению сторон. В литературе неоднократно отмечалось, что, закрепив за работодателем по указанному вопросу право, а не обязанность, законодатель поставил дистанционного работника в неблагоприятное положение, поскольку зачастую на практике это право работодатель не использовал [11, с. 47]. В результате работнику либо не компенсировались расходы по оборудованию рабочего места, либо ввиду отсутствия возможности самостоятельно его оборудовать работник не мог выполнять свои трудовые обязанности, что приводило к соответствующим санкциям со стороны работодателя. Как показывает судебная практика, работодатель в таком случае мог привлечь работника к дисциплинарной ответственности [3]. При этом, если в трудовом договоре отсутствовали анализируемое право работодателя и корреспондирующая ему обязанность работника, суд вставал на защиту работодателя, что снижало уровень правовой защиты работника [2]. Опыт зарубежных стран свидетельствует о том, что российское законодательство в этой части отставало от европейского и американского законодательства, где оборудование рабочего места и компенсация расходов дистанционных работников выступают обязанностью работодателя [6, с. 576].

В новой редакции, вступившей в силу с 1 января 2021 года, вопросы предоставления дистанционным работникам компенсаций регулируются более подробно. Так, появились два варианта закрепления обязанности работодателя оборудовать рабочее место дистанционного работника: 1) по соглашению сторон (ст. 312.6 ТК РФ); 2) по инициативе работодателя (ст. 312.9 ТК РФ). Установление данной обязанности представляет собой меру, направленную на повышенную защиту работников. В соответствии со ст. 312.6 ТК РФ работодатель обязан либо самостоятельно оборудовать рабочее место работника, либо компенсировать расходы, связанные с использованием работником личного или арендованного имущества и специальных программ, при условии, что такое использование будет осуществлено с согласия или ведома работодателя и в его интересах. Судебная практика свидетельствует о том, что, если работник не согласовал с работодателем использование личного имущества, а затем потребовал компенсацию, суд встанет на защиту работодателя [9]. Вместе с тем имеется и иная судебная практика, в которой суд взыскал с работодателя указанную компенсацию, несмотря на отсутствие соглашения сторон об использовании работником собственного оборудования [1].

Помимо этого, возникает вопрос, должен ли работодатель компенсировать расходы, которые работник несет в связи с работой, если работник пользуется имуществом работодателя? В рассматриваемой статье такая обязанность напрямую не установлена. Вместе с тем Роструд утвердительно отвечает на поставленный вопрос, отмечая, что «работодатель обязан возмещать дистанционному работнику все затраты, произведенные им при выполнении трудовых обязанностей» [4]. К указанным затратам могут относиться расходы на использование и износ оборудования, на Интернет и мобильную связь, на электроэнергию и т.д. Во избежание возникновения спорных ситуаций следует дополнить ч. 1 ст. 312.6 ТК РФ указанием на обязанность работодателя не только предоставить работнику имущество и специальные программы для работы, но и возместить расходы, связанные с их использованием.

Кроме того, в соответствии с ч. 2 ст. 312.9 ТК РФ в исключительных случаях работодатель по своей инициативе осуществляет временный перевод работника на дистанционную работу без его согласия, обеспечивая работника необходимыми для работы оборудованием, программно-техническими средствами, средствами защиты информации и иными средствами либо выплачивает компенсацию за их использованием, возмещает расходы, связанные с их использованием, а также возмещает дистанционному работнику другие расходы, связанные с выполнением трудовой функции дистанционно. Последнее положение дополнительно обременяет работодателя по сравнению с общими правилами, установленными ст. 312.6 ТК РФ, где не идет речи о компенсации сопутствующих расходах, кото-

рые работник может нести в связи с выполнением трудовой функции дистанционно. Более того, в ч. 2 ст. 312.9 ТК РФ отсутствует условие о том, что работник с согласия или ведома работодателя и в его интересах самостоятельно оборудует свое рабочее место. Такое использование возможно без согласования с работодателем.

Стоит отметить, что в отличие от предыдущей редакции гл. 49.1 ТК РФ основанием для выплаты компенсации за использование дистанционными работниками своего имущества являются коллективный договор, локальный нормативный акт, принятый с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации, трудовой договор, дополнительное соглашение к трудовому договору. Однако стороны не всегда документально оформляют соглашение о компенсации затрат, ограничиваясь лишь устными договоренностями. Имеет ли право работник требовать компенсацию расходов в приведенном случае? Несмотря на то что компенсация расходов дистанционному работнику стала обязанностью работодателя, при отсутствии соответствующего соглашения судебная практика остается неоднозначной. В одном из дел суд не удовлетворил требования работника о компенсации за использование оборудования и возмещении расходов на Интернет и электроэнергию, на ремонт оргтехники, аргументируя свою позицию тем, что трудовым договором данное условие не было установлено [6]. Напротив, в другом деле суд встал на защиту работника, указав, что даже при отсутствии оформленного соглашения работник не должен быть ограничен в праве на компенсацию за использование личного оборудования, услуг связи, средств защиты информации [7].

Важно обратить внимание на то, что размер компенсации законодательно не установлен. Как правило, стороны самостоятельно договариваются либо о какой-либо фиксированной сумме, либо определяют порядок предоставления работником документов, подтверждающих расходы, что приводит к спорным ситуациям в судебной практике, которую еще нельзя назвать устойчивой по рассматриваемому вопросу, поскольку суд может поддерживать работодателя, который ссылается на зафиксированный в трудовом договоре или локальном нормативном правовом акте размер компенсации, даже если реальные затраты превышают согласованную сумму [8]. В этой связи можно обратиться к позиции Минфина России, согласно которой размер возмещения должен быть экономически обоснованным и связанным с выполнением дистанционным работником трудовой функции [10].

Также данный вопрос регулируется и налоговым законодательством. С 1 января 2024 года вступили в силу поправки в п. 1 ст. 217 и пп. 2 п. 1 ст. 422 Налогового кодекса РФ, которыми устанавливается максимальный размер компенсации, не подлежащий налогообложению. Указанный размер составляет не более 35 рублей за каждый день выполнения трудовой функции дистанционно либо в сумме документально подтвержденных расходов

работника. Так или иначе, закрепление минимального размера компенсации расходов дистанционного работника во всех случаях объективно необходимо. Иное позволит работодателю устанавливать неоправданно заниженный размер, который работнику затруднительно будет оспорить.

Таким образом, проблемы правового регулирования компенсаций, предоставляемых дистанционным работникам, как в предыдущей, так и в обновленной редакции гл. 49.1 ТК РФ сохранились. Безусловно, поправки устранили некоторые из проблем, но вместе с тем появились и другие неоднозначные положения, которые требуют корректировок, одновременно с этим формируя новую судебную практику.

Литература

1. Апелляционное определение Воронежского областного суда от 14.03.2023 по делу № 2–3559/22 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.02.2024).
2. Апелляционное определение Иркутского областного суда от 15.02.2021 по делу № 33–1105/2021 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.01.2024).
3. Апелляционное определение Московского городского суда от 12.05.2021 по делу № 33–18352/2021 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.01.2024).
4. Дистанционная работа – компенсация расходов: [Электронный ресурс]. URL: <https://онлайн-инспекция.рф/questions/view/149733> (дата обращения: 10.02.2024).
5. Кожевников О.А., Чудиновских М.В. Регулирование труда дистанционных работников в России и за рубежом // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т. 11. № 3. С. 563–583.
6. Решение Калужского районного суда Калужской области от 26.04.2022 по делу № 2–1–2871/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.01.2024).
7. Решение Коминтерновского районного суда г. Воронежа от 30.08.2022 по делу № 2–3559/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.02.2024).
8. Решение Ленинского районного суда города Владивостока от 16.11.2021 по делу № 2–4580/2021 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.02.2024).
9. Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 29.06.2023 по делу № 88–5749/2023 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.02.2024).
10. Письмо Минфина России от 31.03.2021 № 03–03–06/1/23415 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2024).
11. Потапов Д.В., Потапова Л.В. Проблемные вопросы защиты трудовых прав дистанционных работников // The Scientific Heritage. 2021. № 74–4(74). С. 45–48.

DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF COMPENSATION FOR REMOTE WORKERS FOR WORKPLACE EQUIPMENT

Chashtanova D.P.

Novosibirsk National Research State University

The article explores the problems of legal regulation of compensation provided to remote workers. It is noted that in the previous edition of Chapter 49.1 of the Labor Code of the Russian Federation, the regulation of this issue led to abuses on the part of employers due to legislative gaps in important aspects. The updated edition of this chapter is considered, which, on the one hand, eliminated a number of shortcomings of the previous edition, and on the other, revealed new problems in the legal regulation of remote work. The judicial practice is analyzed, which, after amendments were made to Chapter 49.1 of the Labor Code of the Russian Federation, does not differ in established approaches to this issue. A conclusion is made about the potential consolidation of certain trends in law enforcement practice. Alternative options for legislative structures are proposed for the purpose of more effective legal regulation of remote work and solving the problems posed.

Keywords: remote work, compensation, workplace equipment, labor organization for remote workers, labor relations.

References

1. Appeal ruling of the Voronezh Regional Court dated 03/14/2023 in case No. 2–3559/22 // Consultant Plus SPS (accessed on February 7, 2024).
2. Appeal ruling of the Irkutsk Regional Court dated 02/15/2021 in case No. 33–1105/2021 // Consultant Plus SPS (accessed on January 15, 2024).
3. Appeal ruling of the Moscow City Court dated 05/12/2021 in case No. 33–18352/2021// Consultant Plus SPS (accessed on January 15, 2024).
4. Remote work – reimbursement of expenses: [Electronic resource]. URL: <https://onlineinspektsiya.rf/questions/view/149733> (accessed on February 10, 2024).
5. Kozhevnikov O.A., Chudinovskikh M.V. Regulation of the labor of remote workers in Russia and abroad // Bulletin of St. Petersburg University. Right. 2020. T. 11. No. 3. P. 563–583.
6. Decision of the Kaluga District Court of the Kaluga Region dated 04/26/2022 in case No. 2–1–2871/2022 // Consultant Plus SPS (accessed on January 15, 2024).
7. Decision of the Kominternovskiy District Court of Voronezh dated August 30, 2022 in case No. 2–3559/2022 // Consultant Plus SPS (accessed on February 7, 2024).
8. Decision of the Leninsky District Court of the city of Vladivostok dated November 16, 2021 in case No. 2–4580/2021 // Consultant Plus SPS (accessed on February 5, 2024).
9. Determination of the Fifth Court of Cassation of General Jurisdiction dated June 29, 2023 in case No. 88–5749/2023 // Consultant Plus SPS (accessed on February 5, 2024).
10. Letter of the Ministry of Finance of Russia dated March 31, 2021 No. 03–03–06/1/23415 // Consultant Plus SPS (accessed on February 10, 2024).
11. Potapov D.V., Potapova L.V. Problematic issues of protecting the labor rights of remote workers // The Scientific Heritage. 2021. No. 74–4(74). pp. 45–48.

Чжао Лэ,

аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: le.zhao@yandex.ru

Закон о компаниях КНР в редакции 2023 г. был одобрен и принят на седьмом заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 14-го созыва 29 декабря 2023 г. и вступит в силу с 1 июля 2024 г. Указом № 15 Президента КНР. С 2013 г. в Китае применяется подписанный уставный капитал, который принес замечательное процветание предпринимательской деятельности китайских компаний, но за десять лет его применения возник ряд проблем, требующих срочного решения. Закон о компаниях КНР N 5 от 29 декабря 2023 г. значительно изменяет правила о подписанном уставном капитале компаний и предусматривает определенные условия его применения. Данная статья как одна из первых статей посвящена выявлению преимуществ и недостатков уставного капитала в Законе о компаниях в новой редакции, что представляет интерес для российского читателя

Ключевые слова: компания КНР, уставный капитал компаний, предпринимательская деятельность, китайские компании

Учреждение компаний в Китае и их предпринимательская деятельность основываются на определенном имуществе, а уставный капитал компаний является непосредственным отражением чистых активов компаний, которые выступают в качестве минимального размера имущества компаний, подлежащих ответственности перед кредиторами. По п. 2 ст. 58 Гражданского кодекса КНР (далее – ГК КНР) компания как юридическое лицо должна иметь собственное имущество или денежные средства. Ст. 3 Закона о компаниях КНР в редакции 29 декабря 2023 г. (далее – Закон о компаниях 2023 г.) тоже предусматривает, что компания относится к корпоративным юридическим лицам, которые имеют самостоятельное имущество юридического лица и обладают имуществом правом юридического лица. Компания отвечает по своим долгам всем своим имуществом. (ст. 3 «Закона о компаниях КНР 2023 г.») Уставный капитал компании непрерывно развивается с момента принятия Закона о компаниях КНР 1993 г. до внесения изменений и дополнений в Закон о компаниях КНР в 2023 году, что способствует изменению предпринимательской деятельности китайских компаний в Китае, повышению их активности.

Правовая природа уставного капитала компаний

Уставный капитал – общая сумма капитала, зарегистрированная компанией [9, С. 167]. Согласно Закону о компаниях КНР 2023 г., капитал компании имеется в виду уставный капитал, означает, что капитал компании должен быть не только зарегистрирован органом регистрации компаний, но и отражен в уставе, лицензии на ведение деятельности компании и сертификате о внесении вклада в уставный капитал компании с ограниченной ответственностью [7, С. 175–176.]. Уставный капитал компании с ограниченной ответственностью представляет собой сумму вклада в уставный капитал всех акционеров, к нему относится денежное средство и неденежное имущество, которое может быть оценено в денежном средстве и может быть передано в соответствии с законом, в том числе физические предметы, право на интеллектуальную собственность, право на землепользование, акции, долги и так далее. (П. 1 ст. 48 Закона о компаниях КНР). После внесения акционерами вклада в уставный капитал имущество акционеров переходит в собственность компании. Закон о компаниях КНР предусматривает разные положения для уставного капитала компаний с ограниченной ответственностью и уставного капитала акционерных компаний с ограниченной ответственностью соответственно. Компания с ограниченной ответственностью применяет подписанный устав-

ный капитал, то есть акционеры компании с ограниченной ответственностью до учреждения компании могут определить сумму вклада в уставный капитал и обязательство оплатить вклад в течение определенного периода времени после учреждения компании в учредительном договоре. Акционерная компания с ограниченной ответственностью применяет фактический внесенный уставный капитал, при которой учредители акционерной компании обязаны полностью оплатить акции, на которые они подписались до учреждения компании, а размер уставного капитала акционерной компании составляет общую сумму внесенного вклада в выпущенные и размещенные акции [7, С. 176].

Китайские ученые по-разному понимают правовую природу уставного капитала компании. По мнению китайского ученого Ши Тяньтао, в юридическом смысле существует разница между широким и узким пониманием капитала компании, капитал компании в широком смысле включает акционерный капитал, заемный капитал и самогенерируемый капитал. Среди них акционерный капитал – капитал, сформированный на основе акционерного финансирования, заемный капитал – капитал, сформированный на основе долгового финансирования, а самогенерируемый капитал – капитал, накопленный на основе операционного дохода, полученного от первоначальных инвестиций после создания компании, такие как удержание прибыли и изъятые резервные фонды, а также фонды общественного благосостояния, доходы от продажи активов и т.д. Капитал компании в узком смысле имеет в виду акционерный капитал, который относится к общей сумме имущества компании, состоящей из вкладов акционеров, которые определены уставом компании на момент ее создания. Это общая сумма инвестиций в собственность, сделанная акционерами для достижения целей компании [9, С. 166]. По мнению Ван Цзюня, термин «капитал» в Законе о компаниях КНР является сокращением от «уставного капитала». Значение уставного капитала различается в зависимости от того, учреждается ли компания на фактически внесённой или подписанной внесённой основе [10, С. 106]. По мнению Ли Цзяньвэя, узкое понятие уставного капитала – акционерный капитал, то есть уставный капитал, который образуется на основе акционерного финансирования [3, С. 154]. По мнению Чжао Сюдуна, в соответствии с Законом о компаниях 2023 г., капитал компании – зарегистрированный капитал компании с ограниченной ответственностью, который представляет собой сумму вкладов в капитал, подписанных всеми акционерами; зарегистрированный капитал акционерной компании – общая сумма выпущенного акционерного капитала [7, С. 176]. По мнению авторов, уставный капитал компании в Китае является основой, на которой компания осуществляет свою предпринимательскую деятельность и по форме организации компании подразделяется на фактически внесенный и подписанный уставный капитал.

История и развития уставного капитала в Китае

Закон о компаниях КНР был введен в действие в Китае с 29 декабря 1993 г. и предусматривал строгий фактический внесенный уставный капитал компании. Так, уставный капитал компании с ограниченной ответственностью должен быть оплаченным вкладом всех акционеров, зарегистрированных органом регистрации компании. Минимальный размер уставного капитала компании с ограниченной ответственностью составляет пятьсот тысяч юаней для компании, занимающейся в основном производством и оптовой торговлей товарами, триста тысяч юаней для компании, занимающейся в основном розничной торговлей и сто тысяч юаней для компании, занимающейся научно-техническими работами, консультациями и услугами. Минимальный размер уставного капитала акционерной компании с ограниченной ответственностью составляет десять миллионов юаней. (Ст. 23 Закона о компаниях КНР 1993 г.) Китайский ученый Гуо Фуцин считает, что уставный капитал данного периода представляет собой несоответствие между фантазией и реальностью и трудно сбалансировать конфликт правовых интересов разных сторон [1, С. 7–10]. Это имеет в виду, что за данный период Закон о компаниях КНР предусматривал крупный размер уставного капитала, а для предпринимателей в этот период создание компаний было очень трудным действием из-за нехватки денежного средства, что не способствовало развитию предпринимательской деятельности.

В связи с чрезмерной жесткостью уставного капитала в Законе о компаниях КНР 1993 г. в 2005 г. в Закон о компаниях были внесены изменения с учетом иностранного опыта. Вклад всех акционеров компании должен составлять не менее двадцать процентов от уставного капитала и не менее установленного законом минимального уставного капитала, а оставшаяся часть должна быть оплачена акционерами в течение двух лет с момента учреждения компании. Минимальный уставный капитал компании с ограниченной ответственностью составляет тридцать тысяч юаней, минимальный уставный капитал акционерной компании с ограниченной ответственностью составляет пять миллионов юаней. Пэн Чуньянь считает, что уставный капитал компании, предусмотренный Законом о компаниях 2005 г. заимствовал в себя преимущества из англосаксонского права, что позволяет обеспечивать его реальность и надежность, а также предотвращая мошенничество и притворство вкладов при учреждении компании [11, С. 66].

Для развития экономики и поддержания предпринимательской деятельности китайских компаний в 2013 г. была принята новая редакция Закона о компаниях КНР, в котором предусматривает совершенно новые положения о уставном капитале компаний и заменяет фактически внесенный уставный капитал на подписанный внесенный уставный капитал и отменяет минимальный размер уставного капитала. Подписанный уставный капитал озна-

чает, что акционерам компании нужно только определить размер вкладов в уставный капитал до учреждения компании и пообещать выплатить его в течение определенного периода времени после учреждения компании [7, С. 176]. Уставный капитал компаний, предусмотренный в Законе о компаниях КНР 2013 г. устанавливает новый баланс между самостоятельным развитием компаний и защитой интересов кредиторов, снимая расходы на учреждение компании и дальнейшее улучшение рыночную экономическую среду Китая. Уставный капитал компаний данного периода в значительной степени способствовал развитию предпринимательской деятельности Китайских компаний. По статистике количество компаний в Китае выросло с 13,03 миллиона в 2014 г. до 48,39 миллиона в конце ноября 2023 года, увеличившись на 2,7 раза, девяносто девять процентов из которых относятся к малым и микропредприятиям. В тоже время в результате введения подписанного уставного капитала в Китае в последнее десятилетие породили такие проблемы, как нерациональное установление размера уставного капитала в уставе при учреждении компаний, злостное удлинение срока внесения вклада акционеров, отсутствие механизма контроля за исполнением обязательств акционеров по внесению вклада, что объективно наносит ущерб интересам кредиторов. Например, появление ряда компаний, которые вносят вклады на срок более 50 лет, сумма уставного капитала составляет десятки миллиардов долларов, что вызывает серьезный кредитный риск, в определенной степени ущемляет интересы кредиторов.

Для решения вышеуказанных проблем Закон о компаниях КНР 2023 г. заново пересматривает и усовершенствует подписанный уставный капитал компании. Ст. 47 и ст. 266 Закона о компаниях КНР предусматривает, что уставный капитал компании с ограниченной ответственностью представляет собой сумму вкладов в уставный капитал, внесенных всеми акционерами, зарегистрированными органом регистрации компании. Сумма вклада, внесенная всеми акционерами, должна быть полностью оплачена акционерами в течение пяти лет с даты учреждения компании в соответствии с положениями устава. Касательно уставного капитала акционерной компании с ограниченной ответственностью представляет собой общую сумму выпущенных акций, зарегистрированных органом регистрации компаний. (Ст. 47 и ст. 266 «Закона о компаниях КНР»). Минимальный размер уставного капитала тоже не предусматривается, но вклады всех акционеров компании с ограниченной ответственностью должны быть оплачены в течение пяти лет с момента учреждения компании и вклады акционерной компании должны быть оплачены до учреждения компании, вклады привлеченные подлежат проверке на вклад после внесения всех вкладов акционерами. Помимо поправок, касающихся минимального размера уставного капитала компании и сроков внесения акционерами вкладов в уставный капитал, Закон о компаниях КНР

2023 г. также усиливает надзорные ответственности были изменены слова директоров компаний за исполнением обязательств акционеров по внесению вкладов в уставный капитал, а также административную обязанность за ложные вклады акционеров.

Как применяется обязанность «внести вклады за пять лет» к компании, которая была зарегистрирована до введения в действие нового Закона о компаниях КНР, если срок внесения вклада, который предусматривает в уставе, превышает пять лет? Закон о компаниях КНР 2023 г. предусматривает «переходные» правила, что отражается в следующем:

во-первых, Закон о компаниях КНР 2023 г. вступит в силу с 1 июля 2024 года, до этого времени компания можно внести изменения в устав компании в соответствии с положениями нового закона, изменив порядок и срок внесения вклада;

во-вторых, для акционерных компаний с явными отклонениями в сроке внесения вклада в капитал и сумме вклада в капитал, орган регистрации компании потребует им корректировки в соответствии с законом, если срок внесения вклада в капитал компании превышает срок, установленный новым законом о компаниях.

Если срок внесения капитала акционерных компаний превышает срок, предусмотренный новым Законом о компаниях КНР, срок должен быть постепенно скорректирован в пределах срока, предусмотренного Законом.

Большинство цивилистов рассматривают уставный капитал как имущество юридического лица, т.е. объект гражданских прав [2, С. 324]. Уставный капитал общества определяет минимальный размер его имущества, гарантирующего интересы его кредиторов. (Абз. 4 п. 1 ст. 14) В российском корпоративном законодательстве действует институт твердого капитала. Суть этой системы состоит в том, что в законодательстве всегда есть нормы о минимальном уставном капитале, об оплате капитала, его сохранения, порядке его увеличения и уменьшения. Система твердого капитала является системой предварительного контроля, поскольку контроль за обеспечением акционеров (участников) и кредиторов осуществляется уже на стадии создания общества [4, С. 155]. Законодательство стран англосаксонского права не содержало требований к минимальной сумме уставного капитала, что отличается от твердого капитала европейской системы, что называется системой последующего контроля.

И китайское корпоративное право, и российское корпоративное право предусматривают институт твердого капитала. Как российское, так и китайское корпоративное право предусматривает порядок формирования, увеличения или уменьшения уставного капитала. Касательно различий уставного капитала компаний в Китае с уставным капиталом хозяйственного общества в России, в отличие от уставного капитала хозяйственного общества в России, Закон о компаниях КНР 2013 г. заимство-

вал некоторые положения, связанные с уставным капиталом из права англосаксонского и отменяет минимальный размер уставного капитала компании, чтобы не создавался барьеров для учреждения компании и содействия их деятельности. Но риск банкротства компании сильно повышается, что не способствует защите интересов кредиторов. Кроме этого, уставный капитал хозяйственного общества в России считается фактически внесенным, хотя Закон о компаниях КНР предусматривает пятилетний срок для внесения уставного капитала, но, по сути, уставный капитал компаний в Китае все еще действует подписанный уставный капитал на определенных условиях, чтобы сбалансировать противоречие между поддержанием учреждения компаний и защитой интересов кредиторов.

Касательно структуры уставного капитала между российскими хозяйственными обществами и китайскими компаниями, как в Китае, так и в России, акционеры могут вносить вклад в уставный капитал денежными средствами и неденежными средствами. Компания как юридическое лицо обладает собственным имуществом или средствами. Юридическое лицо несет гражданско-правовую ответственность самостоятельно всем своим имуществом (Ст. 58–60 ГК КНР) Акционеры компании обязаны в полном объеме и своевременно вносить соответствующие вклады в уставный капитал, как это предусмотрено уставом компании. Если акционер не полностью и не в срок внес свой вклад в уставный капитал, должен также нести ответственность за ущерб, причиненный компании.

А по различиям при оплате уставного капитала хозяйственного общества должны быть внесены денежные средства в сумме не ниже минимального размера, установленного законом. В отличие от этого, акционеры китайской компании могут вносить капитал в денежной или неденежной форме, права на интеллектуальную собственность, права на землепользование, акции, долги и другое неденежное имущество, которое может быть оценено в деньгах и может быть передано. По Закону о компаниях КНР уставным капиталом считается общая сумма вкладов акционеров в уставный капитал. После внесения вклада акционерами их собственность переходит в собственность компании. А по корпоративному праву РФ уставный капитал общества – это деньги или имущество, которые вносятся учредителями организации на её нужды после государственной регистрации. Разница заключается в том, что вклады акционеров в уставный капитал китайской компании зачастую вносятся до государственной регистрации компании, за исключением случаев, когда в корпоративном договоре предусмотрена рассрочка платежа, в то время как в случае с российской хозяйственным обществом вклады акционеров должны быть внесены после завершения государственной регистрации хозяйственного общества.

А касательно срока оплаты уставного капитала между российскими хозяйственными обществами и китайскими компаниями различается, при учреж-

дении АО акции при учреждении компании должны быть полностью оплачены в течение года с момента регистрации общества и не менее пятьдесят процентов акций должно быть внесено в течение трех месяцев с момента регистрации общества. А срок внесения вкладов участниками ООО не может превышать четыре месяца с момента регистрации. Касательно срока оплаты вкладов, согласно Закону о компаниях КНР акционеры компании с ограниченной ответственностью должны оплатить свой вклад в уставный капитал в течение пяти лет, а акционеры акционерной компании с ограниченной ответственностью должны оплатить все свои вклады в уставный капитал до регистрации.

Выводы

Закон о компаниях КНР в редакции 2023 г. вносит изменения и усовершенствования в уставном капитале китайских компаний и решает проблемы, возникшие в связи с введением подписанного уставного капитала за последнее десятилетие. В Законе о компаниях обеспечивается баланс между подписанным уставным капиталом и защитой интересов кредиторов, но также вызывает некоторые проблемы, которые необходимо решать в законодательстве и на практике.

Анализ внесенных изменений и дополнений в Закон о компаниях КНР 2023 г. позволяет сделать следующие выводы:

во-первых, до введения Закона о компаниях КНР 2023 г. некоторые акционеры компании подписали чрезмерный размер уставного капитала и согласовали в уставе слишком длительный срок внесения вклада. А по Закону о компаниях КНР 2023 г. уставный капитал, согласованный в уставе при учреждении компании, должен быть полностью оплачен в течение пяти лет, что создает трудности многим компаниям, которые в своем уставе согласились на размер уставного капитала, значительно превышающий способность акционерами внесения вкладов. А если в компании принято общим собранием об уменьшении уставного капитала, кредиторы имеют право потребовать от компании погашения долгов или предоставления соответствующей гарантии, а при этом что создает определенные трудности для уменьшения уставного капитала компании;

во-вторых, ограничение срока внесения вкладов до пяти лет ляжет тяжелым бременем на орган регистрации компаний. Поскольку подавляющее большинство средних и малых компаний в Китае в настоящее время принимают подписанный уставный капитал, конкретные надзорные ответственности субъектов за их исполнение в Законе о компаниях 2023 г. до тех пор не ясно предусматривается, при таких случаях необходимо принять новые правовые акты для его регулирования.

в-третьих, в отношении уставного капитала китайской компании можно было бы заимствовать из уставного капитала российской модели, восстановить минимальный размер уставного капитала

для акционерной компании в качестве обеспечения корпоративной ответственности кредиторов. В случае создания компании с ограниченной ответственностью процент вклада в уставный капитал на момент создания компании должен быть увеличен.

Литература

1. Гуо Фуцин. Система корпоративного капитала: реформа в концепции и функции – Изменения в законодательной концепции и выборе пути системы корпоративного капитала Китая, Исследование права и бизнеса, № 1, 2004, с. 7–10.
2. Гутников О.В. Юридические лица в гражданском праве: Юридические лица в российском гражданском праве (коммерческие и некоммерческие организации) / Отв. ред.: Гутников О.В., Литовкин В.Н. – М.: Институт закона и сравнит. правовед. при Правительстве РФ, 2011. 1004 с.
3. Ли Цзяньвэй. Корпоративное право, четвертое издание, Пекин, Издательство Китайского народного университета, 2018 г., 393 с.
4. Макарова О.А. Корпоративное право: учебник и практикум для вузов / О.А. Макарова, В.Ф. Попондопуло. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2022, 484 с.
5. Сяо Бин. О законодательном совершенствовании института уставного капитала компаний в Китае, Вестник Нанкинского университета, № 3, 1998, с. 161–162.
6. Фу Жао. Исследование судебного процесса по капиталу компании, кандидатская диссертация Цзилиньского университета, 2017 г., 208 с.
7. Чжао Сюдун. Конспект нового Закона о компаниях, издательство Law Press, Пекин, 2024 г., 475 с.
8. Чжу Цзиньцин, Корпоративное право, Пекин, Издательство Университета Цинхуа, 2019 г., 935 с.
9. Ши Тянтао, Теория по корпоративному праву, четвертое издание, издательство Law Press, Пекин, 2018, 625 с.
10. Ван Цзюнь. Китайское корпоративное право, второе издание, Издательство Высшее образование, 2017, С. 106.

11. Пэн Чуньянь и Фу Бин. «Комментарий к нескольким прорывам в новом законе о компаниях КНР», Журнал права, № 3, 2006 г., С. 66.

NEW PROVISIONS ON REGISTERED CAPITAL UNDER THE COMPANY LAW OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Zhao Le

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The 2023 version of the PRC Company Law was approved and adopted at the seventh meeting of the Standing Committee of the 14th National People's Congress on December 29, 2023 and will take effect from July 1, 2024 by Decree No. 15 of the President of the People's Republic of China. Since 2013, China has applied subscribed registered capital, which has brought remarkable prosperity to the business activities of Chinese companies, but in the ten years of its application, a number of problems have arisen that need urgent solutions. The PRC Company Law No. 5 of December 29, 2023 significantly changes the rules on subscribed registered capital of companies and provides certain conditions for its application. This article, as one of the first articles, is devoted to identifying the advantages and disadvantages of authorized capital in the new version of the Company Law, which is of interest to the Russian reader.

Keywords: PRC company, authorized capital of companies, business activities, Chinese companies.

References

1. Guo Fuqing. Corporate Capital System: Reform in Concept and Function – Changes in the Legislative Concept and Path Choice of China's Corporate Capital System, Law and Business Research, No. 1, 2004, p. 7–10.
2. Gutnikov O.V. Legal entities in civil law: Legal entities in Russian civil law (commercial and non-profit organizations) / Responsible. ed.: Gutnikov O.V., Litovkin V.N. – M.: Institute of Law and Compare. lawyer under the Government of the Russian Federation, 2011. 1004 p.
3. Li Jianwei. Corporate Law, fourth edition, Beijing, China People's University Press, 2018, 393 p.
4. Makarova O.A. Corporate law: textbook and workshop for universities / O.A. Makarova, V.F. Popondopulo. – 4th ed., revised. and additional – Moscow: Yurayt Publishing House, 2022, 484 p.
5. Xiao Bing. On the legislative improvement of the institution of authorized capital of companies in China, Bulletin of Nanjing University, No. 3, 1998, p. 161–162.
6. Fu Zhao. A Study on Company Capital Litigation, PhD Thesis, Jilin University, 2017, 208 pp.
7. Zhao Xudong. Outline of the New Company Law, Law Press, Beijing, 2024, 475 pp.
8. Zhu Jinqing, Corporate Law, Beijing, Tsinghua University Press, 2019, 935 p.
9. Shi Tiantao, Theory of Corporate Law, fourth edition, Law Press, Beijing, 2018, 625 pp.
10. Wang Jun. Chinese Corporate Law, second edition, Higher Education Publishing House, 2017, p.106.
11. Peng Chunlian and Fu Bing. "Commentary on Several Breakthroughs in the New Company Law of the People's Republic of China," Journal of Law, No. 3, 2006, p. 66.

Определение критериев охраноспособности программ для ЭВМ: авторско-правовое регулирование использования методов low-code/no-code разработки

Шевелев Иван Витальевич,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ)

E-mail: mail.shevelev@gmail.com

В статье исследуется вопрос определения критериев охраноспособности программ для ЭВМ, созданных с использованием методов low-code/no-code разработки. Анализируются предпосылки к формированию правового подхода к результатам применения данной методики разработки в российском правовом порядке. В результате подчеркивается, что low-code/no-code платформы располагают языками программирования шестого поколения, которые следует приравнивать к другим высокоуровневым языкам программирования в контексте определения охраноспособности создаваемых программ для ЭВМ, несмотря на более ограниченный объем решаемых при помощи low-code/no-code задач. Данное сравнение в статье происходит путем рассмотрения вопроса квалификации программы для ЭВМ как составного произведения, состоящего абстрактных элементов языков программирования шестого поколения. Результаты исследования могут быть использованы в последующих научных исследованиях в сфере авторско-правового регулирования отношений, возникающих при использовании технологий low-code/no-code для создания программ для ЭВМ, в правоприменительной практике, а также учтены в процессе законотворческой деятельности при совершенствовании нормативно-правовой базы Российской Федерации.

Ключевые слова: авторское право; программа для ЭВМ; low-code; no-code.

Введение

Разработка программного обеспечения является одним из наиболее важных аспектов научно-технического прогресса общества. Доминирующим методом создания программ для ЭВМ является стандартное программирование или full-code («с нуля»), требующий достаточно времени для создания ИТ-продукта и внушительных технических навыков для написания исходного кода. До недавнего времени таким образом создавались практически все компьютерные программы.

По мере осмысления достигнутых новыми технологиями результатов становится очевидным, что мировой ИТ-индустрией актуализируются проблемы, нуждающиеся в применении новых подходов в формировании механизмов правового регулирования. Л.Ю. Василевская отмечает, что современное законодательство в сфере интеллектуальной собственности нуждается в урегулировании такого инновационного продукта, как искусственный интеллект: эта потребность вызвана не только ускорением темпов цифровизации, но и наличием концептуальных недостатков в положениях части четвертой Гражданского кодекса РФ [16]. Действительно, одной из новых технологий стала LCNC-разработка.

Low-code/no-code (LCNC) – технология разработки программного обеспечения, заключающаяся в конструировании итогового решения из встроенных («готовых») функциональных компонентов при помощи адаптированного пользовательского интерфейса. Этот метод является противоположностью full-code разработки и снижает профессиональные требования к разработке, что делает процесс доступным для широкого круга лиц.

Платформы для low-code разработки предполагают наличие определенных базовых знаний для интеграции усложненных структурных элементов, в то время, как no-code разработка не требует навыков написания кода.

Мировой рынок разработки при помощи инновационного подхода стремительно растет. По подсчетам Gartner, к 2024 году более 65% приложений в мире будут разрабатываться на платформах LCNC. В 2022 году объем мировой отрасли технологий low code разработки достиг \$22,5 млрд. Это приблизительно на 21% больше результата за 2021-й, когда расходы равнялись \$18,5 млрд. В 2023 году рост составил 19,6% или \$26,9 млрд. Нельзя не отметить показатели развития технологии в России: в 2022 году объем рынка low-

code в России составлял около 8 млрд рублей, а в 2028 году этот показатель составит примерно 30 млрд рублей.

В соответствии со ст. 1261 Гражданского кодекса РФ под программой для ЭВМ понимается представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств, с целью получения определенного результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения.

Из приведенных определений следует вывод: компьютерная программа без компьютера не имеет ценности. Ценность имеется в том результате, к которому приводит реализация инструкций, заложенных в программе для ЭВМ. Раскрыть правовую природу программы для ЭВМ представляется возможным через его существенные признаки.

Так, например, Н.В. Щербак отмечает, что конститутивными признаками произведения литературы как объекта авторского права являются творческий характер деятельности и объективная форма выражения. При этом в структуре произведения традиционно выделяются юридически значимые (форма произведения) и юридически безразличные (содержание произведения) элементов [13, с. 43–61].

Проанализировав существующие легальные определения программы для ЭВМ, можно выделить еще один ее неотъемлемый признак. Достаточно уместной является классификация таких признаков, приведенная в научных трудах А.И. Савельева [13]:

- 1) Наличие совокупности данных и инструкций;
- 2) Их предназначение для функционирования ЭВМ или иных компьютерных устройств;
- 3) Направленность на достижение определенного результата.

Вышесказанное убеждает нас в том, что ключевой особенностью компьютерной программы является ее технический, прикладной характер. Именно это играет ключевую роль в определении нюансов правового режима программ для ЭВМ и способов ее охраны. Творческий процесс по своей сути индивидуален, и, несмотря на утилитарность компьютерной программы как объекта права, правовая природа рассматриваемого явления выясняется через его ключевые признаки и особенности, лежащие в призме авторского права.

Также специалисты могут пользоваться различными способами написания программ для ЭВМ, в двоичном коде, на языках мнемокодов (ассемблерах), языках программирования высокого уровня и т.д. Ведь таким образом формируется исходный код программы – набор команд языка программирования, написанный по определенному алгоритму в форме, доступной для понимания человеком. Объектный код в свою очередь – это подлежащая исполнению форма представления одного или более процессов, которая компилируется программирующей системой. В связи с тем,

что авторско-правовой режим обеспечивает охрану формы, а не содержания данного объекта, закономерным является вывод о возможности обличения компьютерной программы в любую форму, позволяющую достичь конкретного результата.

При этом одним из ключевых вопросов, возникающих при оценке влияния такого новшества, как LCNC, на общество в целом, является определение правового режима программ для ЭВМ, разработанных при помощи рассматриваемой технологии.

Функциональность low-code позволяет достигать результатов не только путем формулирования команд, но и при помощи API, шаблонов кода и «перетаскивания шаблонов». No-code же предполагает использование преимущественно визуальных средств, исключая необходимость оперирования языком программирования.

В данных обстоятельствах очевидны различия в юридически значимых аспектах процесса создания ИТ-решения, в то время, как технически достижение того или иного результата при помощи совокупностей данных и команд происходит и в full-code, и low-code/no-code разработке.

LCNC-методы в большей степени используются в коммерческой разработке, и правообладатели LCNC-платформ ограничивают принадлежность прав на LCNC-разработку пользователю, который ее разработал.

Так, например, условия лицензирования платформы «1С: Предприятие 8», признают за разработчиком право только на полностью оригинальную (то есть не заимствующую фрагменты типовых конфигураций или конфигураций третьих лиц, в том числе не использующую стандартные библиотеки системы «1С: Предприятие 8») конфигурацию, не упоминая при этом пользовательские решения, в которых используются компоненты третьих лиц [20].

В таком случае соглашение обретает признаки договора об отчуждении исключительных прав, но безвозмездно отчуждать исключительные права запрещается в отношениях между коммерческими организациями. Согласно положениям пункта 3.1 статьи 1234 Гражданского кодекса РФ исключения могут составлять только случаи, прямо предусмотренные Гражданским кодексом РФ. В условиях принадлежности прав на вновь созданное охраноспособное решение пользователю иное чревато признанием судом данного договора ничтожным.

В российской доктрине вопросы охраноспособности программ для ЭВМ, созданных при помощи LCNC-методов, не рассматриваются. С одной стороны, может показаться, что результат LCNC-разработки является «юридической химерой» – юридической конструкцией, обладающей эстетической привлекательностью и ценностью, не имеющей никаких реальных оснований для своего существования, словно плод рационалистических построений, не имеющий онтологической бытийной основы [11]. Однако, с другой стороны, опреде-

ление юридической судьбы LCNC-разработок правообладателями платформ для разработки, равно как и избегание такого упоминания, свидетельствует о формальной неопределенности норм о программах для ЭВМ, приводящей к негативным экономическим последствиям применения этих норм к исследуемым в работе обстоятельствам. В связи с этим результаты разработки при помощи LCNC-платформ заслуживают исследования на предмет определения их правовой природы через критерии охраноспособности таких наиболее тесно связанных юридических конструкций, как программа для ЭВМ, составное произведение.

В настоящей статье подлежит изучению соответствие программ для ЭВМ, созданных на базе LCNC-платформ, критериям программы для ЭВМ и составного произведения в действующем законодательстве Российской Федерации.

Охраноспособность программ для ЭВМ, созданных методом low-code/no-code разработки

Единственное нормативное закрепление LCNC-технология нашла в Концепции развития государственной информационной системы промышленности, утв. Приказом Минпромторга России от 23.06.2016 № 2091:

«Low-code – программное обеспечение, которое обеспечивает среду разработки, используемую для создания прикладного программного обеспечения через графический пользовательский интерфейс и конфигурацию вместо традиционного компьютерного программирования, написанного вручную»

«Zero-code – программное обеспечение, которое обеспечивает среду разработки, используемую для создания прикладного программного обеспечения; предназначено для непрофессиональных разработчиков и не требует ни написания кода вручную, ни знаний и опыта в области программирования»

Согласно документу, предполагается, что создаваемая государственная информационная система промышленности (ГИСП) подлежит прототипированию с применением low-code или zero-code обеспечения. Таким образом термины, описывающие новую технологию, закреплены в нормативно-правовом акте федерального органа исполнительной власти, что не может не указывать на попытку удовлетворить потребность конкретного министерства в описании способа создания информационной системы. Однако контекст внедрения указанных терминов не охватывает регулирование в сфере интеллектуальной собственности.

Тем не менее, по мнению автора, на данный момент целесообразно исследовать нюансы охраноспособности программ для ЭВМ, созданных методами LCNC-разработки, через призму терминологии, закрепленной в приказе Минпромторга России.

Очевидно, LCNC-платформы сами по себе являются программами для ЭВМ, будь они выраже-

ны в экземпляре программного обеспечения или части функционала сайта в сети Интернет. Охраноспособность средств разработки программного обеспечения не вызывает сомнений.

Ключевым нормативно-правовым требованием для охраноспособности произведения является творческий характер его создания. Исключительно техническая работа не может повлечь за собой создание программы для ЭВМ. При этом охраноспособностью обладает лишь та идея, что имеет внешнюю форму выражения. Напрашивается солидарный с позицией В.А. Корнеева вывод по данному вопросу: если параметры введены пользователем (в исследуемых обстоятельствах пользователем LCNC-платформы), то он должен быть признан автором как лицо, совершившее необходимые действия, приведшие к созданию соответствующего результата [10].

Из этого следует, что проявление творчества автор программы для ЭВМ находит в реализации возможностей, предоставленных избранными языками программирования.

В деле *Whelan Assocs., Inc. v. Jaslow Dental Lab., Inc.* (США) суд постановил, что охраноспособен весь программный код, за исключением исключительно функциональных элементов, кроме случаев, если автором был придуман единственный возможный способ создания таких функциональных элементов [16]. Разделяя логику иностранного суда, по мнению автора, в противном случае произошло бы слияние идеи и выражения идеи, что исключает охраноспособность таких элементов кода программы.

В силу пункта 5 статьи 1259 ГК РФ языки программирования не охраняются авторским правом. Разработчики программного обеспечения могут пользоваться различными способами написания программ для ЭВМ, в двоичном коде, на языках мнемокодов (ассемблерах), языках программирования высокого уровня и т.д. Таким образом формируется исходный код программы – набор команд языка программирования, написанный по определенному алгоритму в форме, доступной для понимания человеком. Объектный код в свою очередь – это подлежащая исполнению форма представления одного или более процессов, которая компилируется программирующей системой. В связи с тем, что авторско-правовой режим обеспечивает охрану формы, а не содержания данного объекта, охраноспособная компьютерная программа может быть обличена в любую форму, позволяющую достичь конкретного результата.

Природа языка программирования обусловлена потребностью в функционировании ЭВМ, при помощи которой запускается компьютерная программа. Закономерным является гипотеза: если в условиях ограниченных технических возможностей для проявления творчества лицо вынуждено вносить изменения в исходный код, не продиктовано ли это ограниченностью используемого языка программирования? Следует определить это, опираясь на конкретные примеры.

В условиях цифровизации все большее распространение приобретает шестое поколение языков программирования, использующее способы визуализации элементов разработки, «интерфейсы перетаскивания». Так называемое блочное программирование в первую очередь ассоциируется с обучающими языками программирования: Alice, Kodu, Blockly, Snap!. Язык Scratch предназначен для обучения детей программированию и предназначен в первую очередь для создания анимированных игр, презентаций и клипов.

Национальным стандартом ГОСТ Р МЭК 61131–3–2016 определены пять основных языков для программируемых логических контроллеров (ПЛК): ST, SFC, FBD, LD, IL [1]. Интуитивно понятная структура и логика этих языков заключается в расположении функциональных и логических блоков и задании им определенного порядка их исполнения. Несмотря на технологическую примитивность ПЛК, языки остаются актуальными в отдельных отраслях промышленности.

Ярким примером современных языков программирования выступает App Inventor, созданный Массачусетским технологическим институтом (MIT) для разработки мобильных приложений [18]. Готовые программы для ЭВМ, буквально состоящие из блочных команд, являются самостоятельно исполняемыми без сочетания с другими высшими языками программирования.

О.А. Городов справедливо отмечает, что в современных реалиях «правообладателю становится практически невозможно не столько юридически, сколько технологически обеспечить функционирование негативной стороны исключительного права, то есть практически реализовать правомочие на запрет, предоставленное ему по закону» [7]. Набирающей популярность формой проявления инициативы со стороны разработчиков является появление множества проприетарных языков программирования: они предназначены для разработки в системах, требующих приобретения прав на их использование.

Наиболее распространённым в России представителем подобного рода языков шестого поколения является 1С: с его помощью создаются алгоритмы по систематизации и автоматизации бизнес-процессов в таком программном обеспечении, как, например, 1С: Предприятие. По отношению к разрабатываемому («прикладному») решению 1С: Предприятие является базовой платформой, обеспечивающей исполнение новой программы для ЭВМ. Разработка может осуществляться как в классической форме (путем построения блоков и других элементов), так и при помощи predetermined системой или пользовательских визуально настраиваемых блоков: вычислительные механизмы, механизмы бизнес-процессов, документы, регистры и т.д. Во втором случае создатели платформ, поощряющих разработку на проприетарных языках программирования, разделяют парадигму low-code/no-code, тем самым развивая ме-

тоды программирования со сравнительно низкими требованиями к знаниям технического характера.

В.О. Калятин подчеркивает, что «в настоящее время необходимость информационного обмена обуславливает требование расширения возможностей использования чужих РИД, пусть и в ограниченных масштабах» [8]. Действительно, в обстоятельствах использования проприетарных языков программирования и тиражирования написанных на нем собственных IT-решений сложно переоценить роль эффекта сетевой выгоды, охватывающего вслед за разрабатываемым решением саму платформу, в том числе LCNC: ведь уровень ее распространённости будет определяться в том числе привлекательностью реализованного на ее базе решения.

При этом следует учитывать нацеленность LCNC-платформ на решение ограниченного перечня задач: этот фактор неизбежно влияет на вариативность получаемого разработчиком результата на данном этапе развития инструментов LCNC-разработки, не умаляя, по мнению автора, других факторов, влияющих на установление охраноспособности нового программного продукта.

В результате анализа природы и условий использования языков программирования шестого поколения усматривается тенденция к визуализации в ущерб господству абстрактных переменных в объектно-ориентированном кодировании языков более ранних поколений. Несмотря на технологическое развитие языков программирования, ведущее к упрощению процессов достижения результата разработки, они остаются средствами выражения идей автора. Законодатель и судебная система на текущий момент не ограничиваются теми или иными категориями языков программирования при квалификации программы для ЭВМ в качестве таковой. Однако для устранения сомнений на этот счет следует рассмотреть наиболее близкую квалификацию программы для ЭВМ, созданной из абстрактных элементов – как составное произведение.

Результаты low-code/no-code разработки как составное произведение

Согласно абзацу первому пункта 2 статьи 1260 ГК Российской Федерации составителю сборника и автору иного составного произведения (антологии, энциклопедии, базы данных, интернет-сайта, атласа или другого подобного произведения) принадлежат авторские права на осуществленные ими подбор или расположение материалов (составительство).

Отправной точкой в актуализации данного вопроса является Постановление Конституционного Суда от 16 июня 2022 года № 25-П по делу о проверке конституционности п. 3 ст. 1260 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Е. Мамичева. Указанное решение содержит в себе квалификацию программы для ЭВМ в качестве составного произведения, ослепляющая и без того разнообразную судебную прак-

тику относительно определения критериев модификации [19].

Так, А.Е. Мамичев обратился в суд с рядом требований относительно программы для ЭВМ «eLearning Metadata Manager». Суд кассационной инстанции признал спорное ПО составным производением, поскольку оно содержит в себе файлы библиотек, являющихся частью веб-приложения и используемых для выполнения важнейших его функций, а также что без этих библиотек веб-приложение не будет работать [6].

Так, арбитражный суд в своем постановлении квалифицирует программный комплекс «An-key SIEM», состоящий из собственной разработки и неизменной интегрированной с ней сторонней программы для ЭВМ HPE ArcSight как составное произведение, но не модификацию [4].

Аналогичные суждения приводятся в постановлении по делу, где программный комплекс FlipCat состоит из трех элементов: «конструктор разработчика приложений (Продукт 1), мобильное приложение FlipCat-каталог магазинов (Продукт 2), серверная часть (Продукт 3)» [5]. Суд признал, что спорный программный комплекс является сборником произведений, часть из которых была создана при помощи библиотек и путем модификации готовых решений.

Арбитражные суды, равно как и Конституционный Суд РФ, не привели достаточных обоснований квалификации рассматриваемого произведения в качестве составного. При этом из законодательных норм следует, что результат творческого труда автора заключается в подборе и составительстве материалов. Допустим, что такими материалами являются элементы библиотеки программ для ЭВМ.

Под библиотекой программ понимается совокупность определенным образом связанных между собой программных модулей, содержание и местоположение которых идентифицируется по имени в справочнике [12].

Тот факт, что творческой составляющей компьютерной программы являются не сами данные и команды, а их определенная совокупность, позволяющая достичь конкретного результата, наталкивает на вопрос о квалификации рассматриваемого объекта авторских прав в качестве составного произведения. В таком случае, прежде всего, следует обратить внимание на объективную форму выражения программы для ЭВМ.

Согласно контексту статьи 1260 Гражданского кодекса РФ в составном произведении охраняется подбор и составительство материалов, образующих содержание программы для ЭВМ. Неотъемлемой особенностью составного произведения также является наличие минимум двух явных элементов. Законодатель не предъявляет требований к охраноспособности составных материалов.

В таком случае наименьшим элементом языка программирования считается токен – индивидуальная форма знака, конкретный реальный символ. Токены используются для представления ин-

формации о языке программирования и являются основными блоками, из которых состоят программы для ЭВМ.

Токены могут быть различных типов, например:

- 1) Ключевые слова – это слова, которые имеют специальное значение в языке программирования и используются для определения синтаксиса, таких как «if», «else», «while», «return», «class», «def» и т.д.
- 2) Идентификаторы – это присвоенные имена переменных, функций, классов и т.д.
- 3) Операторы – это символы или группы символов, которые используются для выражения операций, таких как +, -, *, /, ==, !=, <, >, and, or и т.д.
- 4) Числа – целые числа и числа с плавающей запятой, которые используются для хранения и выполнения арифметических операций.
- 5) Символы табуляции – это пробелы, переносы строк и другие символы, которые используются для разделения токенов и структурирования кода.

Каждый токен представляет определенную информацию или действие в языке программирования и используется для построения синтаксической структуры программы.

В случае с языками программирования шестого поколения минимальными доступными элементами разработки могут стать абстрактные элементы, содержащие в себе некую функциональность.

В таком случае токены, как и абстрактные элементы, образуют собой совокупности данных и команд, которые и представляют собой программу для ЭВМ в выражении статьи 1261 Гражданского кодекса РФ. В связи с тем, что данному объекту авторского права предоставлена самостоятельная правовая охрана, причисление его одновременно к составному произведению представляется парадоксальным.

Расширение толкования подбора и составительства до уровня системных приложений приводит к тому, что составным производением следовало бы считать и сборку операционной системы, творческий элемент которой выражен в нацеленности совокупности программ для ЭВМ на решение тех или иных обобщенных спектров задач, таких, как разработка программного обеспечения, обработка музыкальных или видеофайлов и т.д.

Применение правовых норм к таким полярным случаям обусловлено отсутствием единой трактовки понятия «материал», относящегося законодателем к элементу составного произведения.

Что касается характера творческого труда автора, вопрос относительно творческого характера процесса подбора и составительства является спорным, и ответ на него лежит в технических особенностях процесса создания программного обеспечения.

Подбор предполагает под собой избрание наиболее подходящих вариантов для включения в составное произведение, в то время, как расположение предусматривает последовательное размещение объектов.

Расположение отдельных элементов программы для ЭВМ тяжело квалифицировать как творческий труд в контексте охраноспособности программы для ЭВМ. Подход к выраженному в ПО творчеству носит преимущественно утилитарный характер и, скорее, призван оценивать оригинальность реализации той или иной функциональности и способа достижения определенного результата.

При этом стоит отметить, что не всякие подбор и составительство отвечают критерию наличия творческого характера. Так, размещение материалов интернет-сайта в строго хронологическом порядке не дает оснований считать себя творческим трудом.

Согласно пункту 5 статьи 1260 Гражданского кодекса РФ, авторские права на составное произведение не препятствуют созданию иных составных произведений «иного подбора или расположения тех же материалов». Стоит рассмотреть данный вопрос через призму форм выражения программы для ЭВМ – исходного/объектного кода – и их природы.

Во-первых, некоторые части исходного кода не могут быть перемещены без последствий в виде ошибок компиляции или рабочих нарушений. К таким частям относятся, например, функции и методы, которые зависят от порядка выполнения, импортируемые модули, если они используются в других частях кода, классы, структуры или переменные, которые используются в других частях кода, без изменения импорта или включения заголовочных файлов.

Однако во многих случаях расположение частей исходного кода в средстве разработки, скорее, может повлиять на эффективность работы разработчика, чем на функциональность программы для ЭВМ. Разработчик может организовывать исходный код по своему усмотрению, чтобы сделать его более понятным и удобным для работы.

Во-вторых, существует множество компонентов, обладающих схожей функциональностью, причем достигающих идентичного результата. Так, допустима замена системы управления базами данных (СУБД) MySQL на PostgreSQL, MariaDB, MongoDB и другие без изменений функциональности, влияющих на конечный результат.

Из этого следует, что допустимы случаи, при которых функциональность программы для ЭВМ может остаться неизменной. При этом, если, к примеру, изменить в исторической энциклопедии раздел «история США» на «история Канады» или изменить хронологию этапов истории России, претерпит изменение свойство всего произведения, а не только форма одного из его элементов.

В силу вышеизложенного подход, согласно которому программа для ЭВМ квалифицируется в качестве составного произведения, не выдерживает критики в связи с широтой имеющихся технических возможностей иного подбора или составительства компонентов программы для ЭВМ, в том числе порождающих идентичные по функциональности произведения. Причисление программы для

ЭВМ к разряду составных произведений некорректно: в противном случае любой обладатель персонального компьютера или мобильного устройства является правообладателем, осуществившим собственный подбор или составительство.

Необходимые элементы для полноценной работы решений, созданных на базе LCNC-технологий, в совокупности могут образовывать библиотеки готовых визуальных шаблонов, представляющих собой программные компоненты. Ряд авторов справедливо отмечает, что «объем готовых заимствованных компонентов ... делает большинство компьютерных программ составными произведениями» [15]. Библиотеки заимствованных компонентов регулярно используются разработчиками при создании программного обеспечения. Например, в споре между А.Е. Мамичевым (истец) и ООО «Интервим» вместе с компанией «Виам Софтваре Групп ГмбХ» (ответчики) истец использовал библиотечные компоненты, которые сами по себе являются программами для ЭВМ [3].

В действительности стоит признать, что LCNC-платформы располагают большим количеством программных компонентов, что позволяет квалифицировать в качестве составных произведений именно подборки такого рода элементов, несмотря на то, что составляющие библиотек, вне зависимости от их охраноспособности, и образуют результат LCNC-разработки.

Произведения, не предназначенные для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств, могут обладать признаками составного произведения, но их сравнение с результатами LCNC-разработки в контексте данной работы нецелесообразно.

В исследуемых обстоятельствах понимание элементов программы для ЭВМ, созданной при помощи LCNC-платформы, целесообразно экстраполировать на данные и команды соответствующего языка программирования, оперирование которым и определяет творческий характер данного произведения. В анализируемом случае потенциальными составными элементами программы для ЭВМ являются те самые неохранные данные и команды. Охраноспособность ПО, созданного при помощи последних, рассматривалась в предыдущем разделе.

Заключение

Таким образом, с точки зрения определения критериев охраноспособности функциональность, реализация которой осмотрительно обеспечена равнообразиями методов LCNC-разработки и, в случае с low-code, способами их доработки и усложненной интеграции между собой, едва ли чем уступает возможностям классической разработки, кроме объема и сложности структурирования массивов данных. В обоих случаях используется язык программирования, позволяющий создать ПО не только в условиях ограниченности языка программирования, но и проявляя творческое начало.

В условиях цифровизации LCNC-разработка дает обширные возможности для обеспечения гибкости процессов достижения определенного результата и требуют меньше времени на создание программного решения, чем классические подходы к разработке. На сегодняшний день LCNC-платформы успешно встраиваются в системы управления процессами организаций.

Литература

1. Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 13 мая 2016 г. № 313-ст // URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=275271> (дата обращения: 25 марта 2024 г.).
2. Определение Верховного Суда РФ от 22.11.2022 по делу № А56–10049/2019 // URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=737850> (дата обращения: 25 марта 2024 г.).
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2022 № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1260 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Е. Мамичева» // URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=419677> (дата обращения: 25 марта 2024 г.).
4. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20.09.2018 № Ф05–15194/2018 по делу № А40–233720/2017 // URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=SMS&n=303245> (дата обращения: 25 марта 2024 г.).
5. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 22.05.2018 № 09АП-16311/2018-ГК по делу № А40–105687/2017 // URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=MAPS&n=1452120> (дата обращения: 25 марта 2024 г.).
6. Решение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 31.08.2020 по делу № 88–10803/2020 // URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=KSOJ003&n=18762> (дата обращения: 25 марта 2024 г.).
7. Авхадеев В.Р., Асташова В.С., Андриченко Л.В. и др. Договор как общеправовая ценность: Монография. М.: ИЗиСП, Статут, 2018. 381 с.
8. Калятин В.О. О некоторых тенденциях в развитии системы ограничений исключительных прав в эпоху развития цифровых форм использования результатов интеллектуальной деятельности // Вестник ФИПС. М. 2022. Том 1, № 1. С. 30–35.
9. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов // ЭКСМО-Пресс. М. 2006.
10. Корнеев В.А. Программы для ЭВМ, базы данных и топологии интегральных микросхем как объекты интеллектуальных прав. М., 2010. 165 с.
11. Мурунова А.В. Ментальный подход к классификации правовых систем // Проблемы экономики и юридической практики. 2016. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mentalnyy-podhod-k-klassifikatsii-pravovyh-sistem> (дата обращения: 25.03.2024).
12. Невдяев Л.М. Телекоммуникационные технологии. Англо-русский толковый словарь-справочник. Под редакцией Ю.М. Горностаева. Москва, 2002.
13. Савельев А.И. Лицензирование программного обеспечения в России: законодательство и практика. «Инфотропик Медиа», 2013 г.
14. Щербак Н.В. Digital art в условиях электронной коммерции // ИС. Авторское право и смежные права. 2022. № 7. С. 43–61.
15. Янковский Р.М., Бардов И.А., Никифоров А.А. Три взгляда на компьютерную программу: исходный текст, производное и служебное произведение // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 10. С. 100–137.
16. Graham, Lawrence D. Legal Battles That Shaped the Computer Industry // Greenwood Publishing Group. 1999.
17. Vasilevskaya L.J. «Artificial Intelligence»: Problems of Civil Law Qualification. Legal Issues in the Digital Age. 2023. Vol. 4. No. 3.
18. URL: <https://clck.ru/39eYNV> (дата обращения: 25 марта 2024 г.).
19. URL: <https://clck.ru/39eYPP> (дата обращения: 25 марта 2024 г.).
20. URL: <https://clck.ru/39eYQZ> (дата обращения: 25 марта 2024 г.).

DETERMINATION OF CRITERIA FOR THE PROTECTION OF COMPUTER PROGRAMS: COPYRIGHT REGULATION OF USING LOW-CODE/NO-CODE DEVELOPMENT METHODS

Shevelev I.V.

St. Petersburg State University (SPbSU)

This article examines the issue of determining the criteria for the protection of computer programs created using low-code/no-code development methods. The prerequisites for the formation of a legal approach to the results of applying this development methodology in the Russian legal order are analyzed. As a result, it is emphasized that low-code/no-code platforms have sixth-generation programming languages, which should be equated with other high-level programming languages in the context of determining the copyrightability of created computer programs, despite the more limited scope of solutions solved using low-code/no-code code of tasks. This comparison in the article occurs by considering the issue of qualifying a computer program as a composite work consisting of abstract elements of sixth-generation programming languages. The results of the study can be used in subsequent scientific research in the field of copyright regulation of relations that arise when using low-code/no-code technologies to create computer programs, in law enforcement practice, and also taken into account in the process of legislative activity when improving the regulatory framework bases of the Russian Federation.

Keywords: copyright; computer program; low-code; no-code.

References

1. Order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology dated May 13, 2016 № 313-st // URL: <https://login.con->

- sultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=275271 (date of access: March 25, 2024).
2. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 22, 2022 in case No. A56–10049/2019 // URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=737850> (date of access: March 25, 2024).
 3. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 16, 2022 № 25-P “In the case of verifying the constitutionality of paragraph 3 of Article 1260 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen A.E. Mamicheva” // URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=419677> (date of access: March 25, 2024).
 4. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated September 20, 2018 № F05–15194/2018 in case № A40–233720/2017 // URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=SMS&n=303245> (date of access: March 25, 2024).
 5. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated May 22, 2018 № 09AP-16311/2018-GK in case № A40–105687/2017 // URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=MAPS&n=1452120> (date of access: March 25, 2024).
 6. Decision of the Third Cassation Court of General Jurisdiction dated August 31, 2020 in case No. 88–10803/2020 // URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=KSOJ003&n=18762> (date of access: March 25, 2024).
 7. Avkhadeev V.R., Astashova V.S., Andrichenko L.V. and others. Agreement as a general legal value: Monograph. M.: IZISP, Statute, 2018. 381 p.
 8. Kalyatin V.O. On some trends in the development of the system of restrictions on exclusive rights in the era of the development of digital forms of using the results of intellectual activity // FIPS Bulletin. M. 2022. Volume 1, No. 1. P. 30–35.
 9. Komlev N.G. Dictionary of foreign words // EKSMO-Press. M. 2006.
 10. Korneev V.A. Computer programs, databases and topologies of integrated circuits as objects of intellectual property rights. M., 2010. 165 p.
 11. Murunova A.V. Mental approach to the classification of legal systems // Problems of economics and legal practice. 2016. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mentalnyy-podhod-k-klassifikatsii-pravovyh-sistem> (access date: 02/19/2024).
 12. Nevdyayev L.M. Telecommunication technologies. English-Russian explanatory dictionary-reference book. Edited by Yu.M. Gornostaeva. Moscow, 2002.
 13. Savelyev A.I. Software licensing in Russia: legislation and practice. “Infotropic Media”, 2013
 14. Shcherbak N.V. Digital art in the conditions of e-commerce // IS. Copyright and related rights. 2022. № 7. P. 43–61.
 15. Yankovsky R.M., Bardov I.A., Nikiforov A.A. Three views on a computer program: source text, derivative and service work // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2022. № 10. P. 100–137.
 16. Graham, Lawrence D. Legal Battles That Shaped the Computer Industry // Greenwood Publishing Group. 1999.
 17. Vasilevskaya L.J. “Artificial Intelligence”: Problems of Civil Law Qualification. Legal Issues in the Digital Age. 2023. Vol. 4.No. 3. URL: <https://clck.ru/39eYNNV> (date of access: March 25, 2024).
 18. URL: <https://clck.ru/39eYPP> (date of access: March 25, 2024).
 19. URL: <https://clck.ru/39eYQZ> (date of access: March 25, 2024).
 20. URL: <https://clck.ru/39eYQZ> (date of access: March 25, 2024).

Обязательные признаки субъективной стороны преступлений против собственности, как основа их дальнейшей классификации и идентификации

Агафонов Александр Владимирович,

кандидат юридических наук, Сибирский юридический институт МВД России
E-mail: aleksandravagafonov@yandex.ru

Куричков Дмитрий Олегович

старший преподаватель, Сибирский юридический институт МВД России
E-mail: kurichkov_do@mail.ru

С целью подготовки, настоящей статьи авторами были ранее изучены и в дальнейшем проанализированы ряд уголовно-правовых и научно-предопределенных категориальных понятий, таких как основное содержание, виды и критерии классификаций преступлений против собственности, а также и особенности критерии образующих признаков последних.

При этом исследователи ставили своей целью стремление выявить наиболее существенные особенности этих признаков. Особое внимание при этом было уделено именно обязательным признакам субъективной стороны составов имущественных преступных деяний.

При этом в качестве первоначальных задач перед авторами настоящей статьи выступила необходимость:

1. изучить, проанализировать и попытаться сгруппировать имеющиеся на настоящий момент различные точки зрения по поднятому исследователями вопросу среди современных российских правоведов;
2. выявить как определенные достоинства, так и существенные недостатки проанализированных доктринально обусловленных позиций;
3. на базе полученных результатов предложить и собственное видение разрешения настоящего вопроса;
4. учитывая полученные результаты внести свои вполне конкретные предложения, направленные на совершенствование применения ряда современных уголовно-правовых норм.

Ключевые слова: состав преступления, субъективная сторона состава преступления, обязательные и факультативные признаки субъективной стороны состава преступления, вина, мотив, цель, собственность, преступления против собственности, классификация преступлений.

В качестве одной из наиболее существенных проблем в доктрине современного российского уголовного права выступает вопрос как о содержании самого доктринально-правового понятия «классификация преступлений», так и ее наиболее социально обусловленных значимых признаках, а значит научно обоснованных видах и способах.

Свое научное обоснование такого понятия как «классификация (классифицирование)» нашло в научных трудах, подготовленных на базе анализа проблем возникающих при изучении не только современных материалистической философии, но и формальной логике. [34, 35, 36]

Причем само формальное содержание настоящего понятия в указанных нами источниках претерпело определенные изменения. Однако содержательный анализ этих изменений явно не входит в сам предмет нашего исследования. В связи, с чем перейдем сразу же к анализу их наиболее общих выводов.

Так, во всех определениях, как вполне обоснованно, на наш взгляд, подчеркивал несколько ранее С.В. Микони, сама классификация изначально выступает в качестве некой системы взаимосвязанных между собой классов. В качестве основополагающих слов системы классов явно будут выступать термины «класс» и «связь».

Классификация как явление научного и иного познания отражает сам процесс образования классов. Следовательно, как процесс его необходимо именовать классифицированием, а его конечный результат – классификацией, что, в свою очередь, полностью соответствует паре аналогичных терминов, в качестве которых выступают: систематизация (процесс) и система (результат настоящего процесса).

Классификации вполне традиционно делятся на естественные и искусственные, а также на содержательные и формальные.

К естественным классификациям относятся те, которые основаны на объективных законах окружающей среды человеческого обитания, ко вторым – классификации, полученные в результате логического деления понятий. Естественные классификации в некоторых источниках именуются также как научные.

Определение классификации и пояснения к ним явно не охватывают все методы, что, в свою очередь, находит свое отражение на используемой отдельными авторами терминологии. [14, с. 67–68]

В ходе систематизирования объекта научного исследования все исследователи вполне традиционно задействуют такие общепринятые в их среде понятия как «признак классификации» и «значение классификационного признака», прямое использование которых и позволяют любому систематизатору зафиксировать определенное соотношение различного рода объектов, т.е. как их генезис.

Признак классификации или основа разграничения – это есть заранее определенная сущностная характеристика настоящего основания, наличие которой и используется для обоснования самого процесса спецификации исследуемого явления материального мира.

Настоящие признаки изначально обладают либо качественными, либо количественными характеристиками, которые иногда в научном обиходе именуется значением признака классификации.

Таким образом, в качестве классификации всегда выступает логически обоснованный процесс систематизации, т.е. расчленение множества объектов научного познания на вполне определенные их подмножества. Однако этот процесс обязан протекать в полном соответствии с общепринятыми методами научно обусловленного познания окружающей среды.

Следовательно, сама классификация крайне необходима для осуществления автоматизированной обработки любого массива информации имеющей место быть в любой сфере человеческого бытия.

Так, как именно процесс систематизирования и помогает систематизатору вычленить наиболее существенные видовые характеристики систематизирующих им объектов.

Процесс подобного рода бонитирования изначально обязан подчиняться вполне определенным и изначально установленным научным сообществом требованиям или правилам.

Так, например:

1. Первоосновой любого рода типизации должен выступать критерий, который признан исследователем в данном качестве по каким либо присутствующим только ему основаниям, при этом он имеет существенное значение для последующего осуществления настоящего процесса. В качестве цели систематизации обязана, в свою очередь, солировать явная необходимость решения, какой либо профессионально значимой задачи обладающей, при этом и существенным социально значимым наполнением.

2. Критерии настоящего деления обязаны соблюдать принцип взаимного исключения.

3. На определенном этапе процесса типизации группирование видовых объектов должно осуществляться только согласно одному индивидуально определенному основанию.

4. Объемы соразмерного группирования должны быть при этом и явно соразмерными.

5. Каждое вновь полученное в результате систематизации научное понятие и его признаки должны

быть индивидуально четко определены и прямо зафиксированы как составная часть результата.[14, с. 67–68]

Материальный мир, общеизвестно, делится на два его проявления, а именно: на физический и социальный, следовательно, и сущностные процессы первого крайне характерны и для функционирования второго.

Безусловно, именно и только классификация отдельных проявлений материального мира, осуществляемая конкретными исследователями с точки зрения процесса познания последнего, всегда вынуждена протекать как во времени, так и в пространстве, заранее, имеет и некую заложенную в нее информационную базу, а также и, руководствуется при этом вполне определенными закономерностями любой систематизации.[29, с. 13]

В результате чего и сам процесс типизации криминально обусловленных деликтов может и должен выступать как основа получения в дальнейшем объективно верного и практически значимого социального результата.

В качестве которого в нашем случае выступает явная необходимость совершенствования правоприменительной практики.

Понятие и признаки преступления, в свою очередь, по нашему мнению, довольно четко и однозначно зафиксированы в ч. 1 ст. 14 действующего ныне Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ).[32]

В доктрине современного уголовного права России приняты различные модели группирования уголовно наказуемых деяний.

В настоящий момент В.Н. Кудрявцев предлагает своим оппонентам под классификацией преступлений понимать: «...объединение, приведение в систему преступных деяний по какому-либо критерию (объекту или субъекту посягательства, форме вины или деяния, длительности и непрерывности осуществления преступного намерения и т.д.)».[11, с. 43]

Предложенная указанным автором определение в целом, как мы видим, явно не противоречит нашей первоначальной попытке определить содержание «классификации преступлений» исходя из общеправовых категориальных понятий.

В связи с чем, согласимся и мы с предложенным В.Н. Кудрявцевым доктринально-правовым определением.

Согласно мнению, высказанной в свое время.Ф. Кузнецовой, на базе действующего УК РФ следует вычленять три основные группы преступлений, а именно:

- категории (категоризацию) преступлений (ст. 15 УК РФ);
- преступления, группируемые исключительно на базе родового и т.д. объекта;
- преступления, систематизируемые на базе характера общественной опасности, и подразделяющиеся при этом на простые, квалифицирующие, особо квалифицирующие и привилегированные. [12, с. 195]

Впрочем, как считают такие российские исследователи, как например Н.Г. Кадников, группировать все ныне известные уголовно наказуемые деликты вполне можно и в целом явно необходимо используя при этом особенности либо:

- самого объекта преступного посягательства, т.е. объекта состава соответствующего уголовно наказуемого деяния;
- содержания деяния, как изначально обязательного признака объективной стороны составов некоторых видов преступлений, т.е. преступлений обладающих материальным, формальным и усеченным составом;
- самого содержания отдельных признаков субъективной стороны составов отдельных групп криминально обусловленных деяний;
- критериев характеризующих субъект состава индивидуально определенных групп преступлений (общий или специальный);
- степени и характера социальной опасности (категоризация преступных деяний). [31. с. 83]

При этом дилемма о необходимости систематизации уголовно наказуемых деликтов посягающих на собственность обладает изначально определенным налетом крайней дискуссионности.

Впрочем, при этом имеют место быть и некоторые отдельные типизации, наличие которых, особых прений в среде научной общественности не вызывают.

Например, учитывая характер и степень общественной опасности имущественных преступлений, А.Г. Безверховым предложена следующая их систематизация: преступления небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие.[2. с. 123]

В свою очередь и И.Я. Козаченко считает, что вполне могут иметь место быть следующие группировки преступных посягательств на собственность:

- а) имущественные криминальные деликты при наличии в них признаков хищения;
- б) имущественные криминальные деликты при отсутствии в последних признаков хищения;
- в) иные имущественные криминальные деликты. [9. с. 103]

Впрочем, по какому именно основанию группируется третья группа деликтов, не совсем становится понятным. Видимо в этом случае екатеринбургским автором подразумеваются именно некорыстные преступные посягательства. Однако это всего лишь наши предположения, носящие при этом явно субъективный характер.

Принимая во внимание формы вины, преступления против собственности вполне традиционно группируются на умышленные (ст. 158–167 УК РФ) и неосторожные (ст. 168 УК РФ).

Не выходит за рамки общепринятого и систематизирование всех имущественных криминальных деликтов на базе мотивационной направленности виновного лица. Так ряд исследователей выделяют корыстные и не корыстные подобного рода преступные деяния.

Продолжая настоящую систематизацию, А.И. Парог, в свою очередь, предлагает разделять корыстные уголовно наказуемые проступки на два вида, а именно он выделяет: хищения (ст. 158–162, 164 УК РФ) и другие корыстные преступные посягательства на собственность (ст. 163, 165 УК РФ).

К числу некорыстных, последний относил преступления предусмотренные совокупностью двух составов – ст. 167 и 168 УК РФ.[28. с. 115]

А.Н. Игнатов, явно солидаризуясь с И.Я. Козаченко, также разделяет преступления против собственности на два основных вида, используя для этой цели такой критерий как корысть. Причем корыстные он далее пытается группировать уже на базе такого основания как (физическое) насилие.

Так А.Н. Игнатов явно выделяет в отдельную группу грабеж и разбой, а на основе всех остальных преступлений создает вторую. [8. с. 95]

Фактически подобную систематизацию имущественных преступлений предлагает, в свою очередь и Г.Н. Борзенков. [4. с. 15]

Не используя напрямую такие общеправовые понятия как «корыстные» или «некорыстные» С.А. Елисеев вычленяет:

а) уголовно наказуемые проступки, «...влекущие за собой уменьшение сферы имущественного обладания потерпевшего, но не сопровождающиеся соответствующим увеличением обладания виновного (умышленное и неосторожное уничтожение имущества)» [6. с. 89];

2) криминальные деликты, «...влекущие за собой уменьшение сферы имущественного обладания потерпевшего, сопровождающиеся соответствующим увеличением обладания виновного (все остальные преступления)» [6. с. 89]». [47]

В качестве основополагающей классификация преступлений против собственности выступают, как считают, в том числе и авторы настоящей статьи, именно особенности их субъективной стороны, т.е., на базе анализа содержания таких ее обязательных признаков, как: вина, мотив и цель.

При этом наиболее часто в качестве критерий образующего момента систематизации имущественных преступлений выступает именно мотив, конкретизируемый российским законодателем как корыстный.

В данном случае, как мы считаем, возникает один весьма принципиальный вопрос о том, что необходимо конкретному правоприменителю понимать под этим термином, т.е. под «корыстью», и какой именно признак субъективной стороны имущественных уголовно наказуемых проступков она характеризует, т.е. выступает она именно в качестве мотива или ее все-таки необходимо конкретизировать через цель.

Поднятый нами вопрос российские правоведы ныне считают весьма существенным и, более того, крайне принципиальным, так как именно его разумное разрешение, безусловно, повлияет в дальнейшем на правоприменительную практику правоохранительных органов России в це-

лом, так как именно квалификация преступлений и выступает в качестве составной части этой практики.

В связи, с чем перед индивидуально определенным российским правоприменителем, по мнению ряда современных исследователей, неизбежно должен вставать один, но явно не разрешимый в условиях современной российской правоприменительной практики вопрос, что, же следует правоприменителю вкладывать в содержание настоящего явно категориального уголовно правового понятия.

Таким образом, из всего вышеизложенного изложенного напрямую вытекает наш вывод о том, что такое общеправовое понятие как «корысть» изначально относится именно к оценочным признакам состава преступления.

Под которыми в свою очередь следует понимать: «...такое описание преступного деяния, которое определяется не только нормативным правовым актом, судебной практикой, но и в процессе квалификации преступления – правосознанием лица, исходя из конкретных обстоятельств дела». [49]

Более того, по поводу самой сути и содержания понятия корысти в современной российской уголовно правовой доктрине авторами настоящей статьи отмечается и весьма определенная и довольно существенная и противоречивая амплитуда научно обусловленных точек зрения.

Приступая к рассмотрению последних, вначале отметим, что они разделяются на три основные группы. Критерием разграничения в этом случае выступает сам объем определения понятия корысти.

Современными российскими исследователями выделяются два объема толкования понятия корысти, а, именно: широкий и узкий (ограничительный). [19, с. 287]

Где первые из группы наших коллег считают, что именно материальная выгода во всех ее возможных проявлениях, как то завладение денежными средствами, каким либо имуществом, в том числе и имущественными правами и т.д. и составляют саму содержательную сущность корысти.

Сюда же последние относят, и стремление виновного лица, избежать при совершении имущественных преступлений каких либо материальных затрат, т.е. сэкономить в дальнейшем вполне конкретные денежные средства.[23, 1, с. 87, 5, с. 98, 7, с. 79, 16, с. 78]

Вторые, наоборот, явно пытаются обратить внимание первых на то, что подобное толкование корысти прямо противоречит предлагаемому современными психологами и правоведами определению настоящего понятия.

Так, современные российские психологи под термином «корысть» (англ. advantage, profit) понимают исключительно личную выгоду, наживу. [27]

Таким образом, приверженцы более «узкого» понимания корысти, в свою очередь настаивают на том, что именно незаконное завладение вино-

вым лицом какой либо материальной ценности в целом, и необходимо признавать корыстью.[33, с. 125]

Впрочем, существуют и представители третьей группы российских правоведов, которые в свою очередь предлагают материальную заинтересованность во всех ее возможных проявлениях определять именно как корысть. [37, с. 116]

При этом, как прямо указывает на это А.И. Рагог, наиболее признаваемой в современной доктринальной науке необходимо признавать корысть именно как стремление к приобретению материальной выгоды, причем как для виновного лица лично, так и для иных лиц, в судьбе которых он имеет изначально какую-либо личную заинтересованность. [40, с. 757]

В свою очередь, следует, видимо, с ним полностью согласиться, заручившись, в том числе поддержкой верховного правоприменителя отечественной судебной системы.

Так в п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» прямо и однозначно подчеркивается, что согласно «... п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство из корыстных побуждений) следует квалифицировать убийство, совершенное в целях получения материальной выгоды для виновного или других лиц (денег, имущества или прав на его получение, прав на жилплощадь и т.п.) или избавления от материальных затрат (возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнения имущественных обязательств, уплаты алиментов и др.)».

Рассматривая далее поднятый нами вопрос, следует признать, что большинство российских авторов корысть относят именно к мотиву как вполне обязательному, т.е. закрепленному именно на уровне закона, признаку субъективной стороны отдельных составов преступлений против собственности. [38, с. 35]

Однако не всё так однозначно, как вполне обоснованно считают некоторые российские исследователи, к числу которых относят себя и авторы настоящей статьи.

При определении содержания такого уголовно правового понятия как «мотив преступления», как мы это считаем, необходимо использовать данные современной российской психологии.

Где, мотив есть – «... одно из ключевых понятий психологической теории деятельности, разрабатывавшейся ведущими советскими психологами А.Н. Леонтьевым и С.Л. Рубинштейном.

Наиболее простое определение мотива в рамках этой теории: «Мотив – это опредмеченная потребность».

Мотив часто путают с потребностью и целью, однако потребность – это, по сути, неосознаваемое желание устранить имеющийся дискомфорт, а цель – результат сознательного целеполагания». [43]

В качестве мотива преступления всегда выступает некое побуждение, которым и руководство-

валось виновное лицо при совершении уголовно наказуемого деяния. Именно эта категория изначально, определяясь конкретными потребностями человека и должна предопределять направленность умысла, а значит, и выступать криминообразующим признаком общественно опасных деяний.

В настоящий момент имеют место различные подходы к классификации человеческих потребностей. Весьма традиционно большинство авторов делят их на биологические, физиологические, психологические и социальные. В свою очередь между ними фиксируется и определенная эволюционно-иерархическая взаимосвязь. Безусловно, в качестве первичных, выступают именно биологические потребности. [39, с. 75]

Эти человеческие потребности в дальнейшем и эволюционируют в интересы, наличие которых и обуславливают у индивидуально определенного преступника решимость совершить в дальнейшем преступление. [44]

Где, в свою очередь, интерес – **это есть вполне осознанное и, в целом весьма целенаправленное отношение субъекта социальных отношений к объекту его индивидуально обусловленной потребности.** [48]

В свою очередь, под целью преступления, многие отечественные авторы понимают представление субъекта преступного деяния о конечном результате этого деяния. В отличие от мотива оно имеет заранее обусловленное четко определенное и, как правило, материально закрепленное проявление своего бытия.

Мотив и цель преступного деяния всегда четко взаимосвязаны и взаимно определяемы, но при этом далеко не всегда совпадают. Мотив возникает в сознании преступника первым, на его базе, в дальнейшем у субъекта преступления и конкретизируется сама цель его преступного поведения. [45]

Соответственно неизбежно возникает вопрос о уголовно правовой характеристике корысти, в качестве чего она выступает, в качестве мотива или цели.

Вначале наших рассуждений постараемся определиться с самим семантическим понятием «корысть». В уголовном праве Российской Федерации ее традиционно синонимизируют с термином «корыстные побуждения». Последние изначально характеризуют стремление виновного лица извлечь из совершаемого им уголовно наказуемого деяния либо материальную выгоду, либо иную выгоду имущественного характера, либо налицо намерение преступника избавиться в дальнейшем от определенного рода материальных затрат. [3, с. 96]

Такие побуждения являются типичными для имущественных преступлений (краж, грабежей, мошенничеств и других).

Анализ судебной практики показывает, что, несмотря на закрепленную законодателем в качестве признака хищения корыстную цель, правоприменители всё же используют термин «корыстные

побуждения» [24,25,26], который видится нам как более корректные.

В целях познания самой сущности корыстных побуждений, возникает явная потребность обратиться с самим смысловым содержанием таких, безусловно, категориальных понятий как: материальная выгода, иная выгода имущественного характера, материальные затраты.

Материальная выгода есть такая выгода, которую виновное лицо при совершении преступления напрямую получает либо в денежном заменителе, либо в натуральной форме. [42]

В свое время, как прямо отмечал П. Яни «Пленум Верховного Суда РФ в п. 9 Постановления от 10 февраля 2000 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» разъяснил, что по смыслу закона под выгодами имущественного характера, оказываемые безвозмездно, следует признавать выгоды, подлежащие в дальнейшем денежной оплате (предоставление туристических путевок, ремонт квартиры, строительство дачи и т.п.).

Под такими выгодами Пленум понимал, в частности, и занижение стоимости передаваемого имущества, приватизируемых объектов, уменьшение арендных платежей, процентных ставок за пользование банковскими ссудами. [21,41]

В настоящий момент указанное Постановление лишено своей юридической силы, однако использовать последнее именно в качестве доктринального источника, как считают авторы настоящей статьи, последние вполне вправе. Вдобавок ко всему действующее постановление Пленума ВС РФ по делам указанной группы коррупционных преступлений содержит схожее положение. [22]

К материальным затратам необходимо отнести часть средств посредством которых предприятия приобретают сырье и ресурсы для организации в последующем производственного процесса. [50]

Рассматривая материальные затраты с точки зрения их обще бытового смыслового наполнения следует сделать вывод, что в качестве последних выступают все те же денежные средства, но уже из личных средств виновного, который обязан потратить последние в интересах иных лиц, в судьбе которых он имеет какую либо личную заинтересованность.

Следовательно, в качестве самой сути такого социально правового явления как корысть выступает стремление виновного лица либо получить, либо сэкономить заранее определенные денежные средства, либо получить имущество в натуральной его форме.

Имуществом в натуральной форме или вещами в российской цивилистике вполне традиционно признаются предметы материального мира, способные удовлетворять потребности субъектов гражданских правоотношений, т.е. выступать в качестве предмета товарообмена. [45]

В результате чего, предмет товарооборота всегда предметно определен, то же самое в целом,

следует сказать и про деньги, причем выраженные в любой валюте, которые всегда, в том числе и форме криптовалюты имеют свой вполне конкретные причем не только объем, но и количество.

Из чего в свою очередь следует, что корыстные побуждения необходимо признавать именно в качестве цели преступного деяния, так как последние всегда будут изначально конкретизированы.

В завершении всех наших рассуждений видится вполне логичным сделать следующие выводы:

1. Понятие «корысти» целесообразно закрепить в законодательно обусловленном порядке, приемлемо в словосочетании с побуждениями (мотивом).

2. Настоящее понятие должно носить как ссылочный, так и явно бланкетный характер.

3. Продолжить научную дискуссию с целью конкретизировать уголовно-правовую сущность корыстных побуждений, как конститутивного и (или) квалифицирующего признака составов преступлений, в том числе, против собственности, и одновременно критерием классификации последних.

Пока мы в целом признаем за корыстью именно тягу к имущественному удовлетворению потребностей, а в понимании корыстных побуждений полагаем верным придерживаться позиции Верховного Суда РФ.

В свою очередь считаем, что на основе корыстного мотива преступления против собственности необходимо классифицировать на две группы:

1) корыстные: 1.1. – хищения (статьи 153–161, 164 УК РФ), 1.2. – корыстные преступления против собственности, не содержащие признаков хищения (ст. ст. 162, 163 и 165 УК РФ);

2) некорыстные преступления против собственности: 2.1. – угон, 2.2. – уничтожение или повреждение чужого имущества (ст. ст. 167 и 168 УК РФ). [13, с. 68, 15, с. 71]

Литература

- Акиянц, М.К. Ответственность за преступления против жизни / М.К. Акиянц. М. 1964.
- Безверхов, А.Г. Имущественные преступления. Самара, 2002. 359 с.
- Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских, А.Я. Сухаревой. М.: Инфра-М. 2003.
- Борзенков, Г.Н. Преступления против собственности (о главе в проекте УК Российской Федерации) / Г.Н. Борзенков // Вестник Московского университета. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992, № 6. С. 12–21.
- Волков, Б.С. Мотив и квалификация преступления / Б.С. Волков. Казань, 1968.
- Елисеев, С.А. Преступления против собственности: курс лекций / С.А. Елисеев. Томск: Издательский Дом ТГУ. 2018. 194 с.
- Загородников, Н.И. Преступления против жизни / Н.И. Загородников. М., 1961.
- Игнатов, А.Н. Курс российского уголовного права: В 2-х т. Т. 1. Общая часть / А.Н. Игнатов, Ю.А. Красиков. М., 2001.
- Козаченко, И.Я. Уголовное право. Особенная часть в 2 т. Т. 1: учебник для вузов / И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. М.: Юрайт, 2024. 352 с.
- Кочои, С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности / С.М. Кочои. М. 2000.
- Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений / В.Н. Кудрявцев. – М.: Юристь, 1999.
- Кузнецова, Н.Ю. Проблемы квалификации преступлений. Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений»/ Н.Ф. Кузнецова. М.: 2007.
- Лопашенко, Н.А. Преступления против собственности: теорет.приклад. исслед. / Н.А. Лопашенко. М.: ЛексЭст, 2005.
- Микони, С.В. О классе, классификации и систематизации / С.В. Микони // Онтология проектирования. Т. 6. № 1 (19) 2016. С. 67–80.
- Назаренко, Г.В., Ситникова, А.И. Преступления против собственности: науч.-практ. пособие. М.: Юрлитинформ, 2020.
- Наумов, А.В. Мотивы убийств / А.В. Наумов. Волгоград, 1969.
- Никифоров, Б.С. Борьба с мошенническими посягательствами на социалистическую и личную собственность по советскому уголовному праву / Б.С. Никифоров. М. 1962.
- Новая философская энциклопедия / под ред. В.С. Степина. В 4 т.; т. 3. М.: Мысль. 2001.
- Оганесян, Б.Л. Понятие мотива корысти в теории уголовного права и его отражение в УК РФ / Б.Л. Оганесян // Молодой ученый. 2013. № 7(54) С. 287–289.
- О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) // КонсультантПлюс.
- О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2000 № 6 (ред. от 22.05.2012) // КонсультантПлюс.
- О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) // КонсультантПлюс.
- Побегайло, Э.Ф. Умышленные убийства и борьба с ними./ Э.Ф. Побегайло. Воронеж, 1965. // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 14.03.2024).
- Приговор № 1–309/2023 от 30 августа 2023 г. Читинского районного суда (Забайкальский край) // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 14.03.2024)
- Постановление № 1–121/2023 от 30 августа 2023 г. Ярославского районного суда (Ярославская область) // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 14.03.2024).
- Приговор № 1–263/2023 от 30 августа 2023 г. Metallургического районного суда г. Челябинска

- бинска (Челябинская область) // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 14.03.2024).
27. Психологическая энциклопедия. // https://gufo.me/dict/psychology_encyclopedia
 28. Парог, А.И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам. М.: Проспект, 2015. 232 с.
 29. Парог А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений: практ. пособие / А.И. Парог. – М.: ТК Велби: Проспект, 2016 с.
 30. Сахаров, А.В. Ответственность за должностные злоупотребления по советскому уголовному праву / А.В. Сахаров. Казань, 1968.
 31. Тулякова, А.А. Классификация преступлений и её значение / А.А. Тулякова // Актуальные исследования. № 47 (177), ноябрь. 2023.
 32. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2023) // КонсультантПлюс
 33. Филановский, Н.Г. Социально психологическое отношение субъекта к преступлению / Н.Г. Филановский. Л., 1970.
 34. Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004.
 35. Философская энциклопедия / под ред. Ф.В. Константинова. В 5 т. М.: Советская энциклопедия. 1960–1970.
 36. Философский энциклопедический словарь / гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М.: Советская энциклопедия. 1983.
 37. Харазишвили, Б.В. Вопросы мотива поведения преступника в советском уголовном праве / Б.В. Харазишвили. Тбилиси. 1963.
 38. Чхивимиани, Э.Ж. Уголовно-правовая характеристика корыстного мотива преступления и его значение в содержании субъективной стороны состава вымогательства / Э.Ж. Чхивимиани // Российский следователь. 2011. № 6.
 39. Шостак, В.И. Психофизиология поведения / В.И. Шостак // Вестник СПб ГУ. Сер. 12. 2009. Вып. 4.
 40. Энциклопедия уголовного права: в 35 т. Т. 4. СПб. 2005.
 41. Яни, П. Выгоды имущественного характера как предмет взятки / П. Яни // wiselawyer.ru.
 42. b-kontur.ru.
 43. dic.academic.ru.
 44. consultant.ru.
 45. ru.wikipedia.org.
 46. studfile.net.
 47. studopedia.ru.
 48. skysmart.ru.
 49. journals.tsu.ru.
 50. fd.ru.

MANDATORY SIGNS OF THE SUBJECTIVE SIDE OF CRIMES AGAINST PROPERTY, AS THE BASIS OF THEIR FURTHER CLASSIFICATION AND IDENTIFICATION.

Agafonov A.V., Kurichkov D.O.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

In order to prepare this article, the authors previously studied and further analyzed a number of criminal legal and scientifically pre-determined categorical concepts, such as the main content, types and criteria for classification of crimes against property, as well as the features of the criterion-forming features of the latter.

At the same time, the researchers set as their goal the desire to identify the most essential features of these signs. Particular attention was paid to the mandatory features of the subjective side of property criminal acts.

At the same time, the initial tasks for the authors of this article were the need to:

1. study, analyze and try to group the currently available different points of view on the issue raised by the researchers among modern Russian legal scholars;
2. identify both certain advantages and essential shortcomings of the analyzed doctrinally determined positions;
3. Based on the results obtained, offer your own vision of resolving this issue.
4. taking into account the results obtained, make your very specific proposals aimed at improving the application of a number of modern criminal legal norms.

Keywords: corpus delicti, subjective side of the crime, mandatory and optional signs of the subjective side of the crime, guilt, motive, purpose, property, crimes against property, classification of crimes

References

1. Akiyants, M.K. Responsibility for crimes against life / M.K. Akiyants. M. 1964.
2. Bezverkhov, A.G. Property crimes. Samara, 2002. 359 p.
3. Large legal dictionary / Ed. AND I. Sukhareva, V.E. Krutskikh, A. Ya. Sukhareva. M.: Infra- M. 2003.
4. Borzenkov, G.N. Crimes against property (about the chapter in the draft Criminal Code of the Russian Federation) / G.N. Borzenkov // Bulletin of Moscow University. M.: Publishing house Mosk. Univ., 1992, No. 6. P. 12–21.
5. Volkov, B.S. Motive and qualification of the crime / B.S. Volkov. Kazan, 1968.
6. Eliseev, S.A. Crimes against property: a course of lectures / S.A. Eliseev. Tomsk: TSU Publishing House. 2018. 194 p.
7. Zagorodnikov, N.I. Crimes against life / N.I. Zagorodnikov. M., 1961.
8. Ignatov, A.N. Course of Russian criminal law: In 2 volumes. T. 1. General part / A.N. Ignatov, Yu.A. Krasikov. M., 2001.
9. Kozachenko, I. Ya. Criminal law. Special part in 2 volumes. T. 1: textbook for universities / I. Ya. Kozachenko, G.P. Novoselov. M.: Yurayt, 2024. 352 p.
10. Kochoi, S.M. Responsibility for selfish crimes against property / S.M. Kochoi. M. 2000.
11. Kudryavtsev V.N. General theory of qualification of crimes / V.N. Kudryavtsev. – M.: Yurist, 1999.
12. Kuznetsova, N. Yu. Problems of classification of crimes. Lectures on the special course "Fundamentals of qualification of crimes" / N.F. Kuznetsova. M.: 2007.
13. Lopashenko, N.A. Crimes against property: theoretical application. research / ON THE. Lopashenko. M.: LexEst, 2005.
14. Mikoni, S.V. About class, classification and systematization / S.V. Mikoni // Design ontology. T. 6. No. 1 (19) 2016. P. 67–80.
15. Nazarenko, G.V., Sitnikova, A.I. Crimes against property: scientific and practical. allowance. M.: Yurlitinform, 2020.
16. Naumov, A.V. Motives for murders / A.V. Naumov. Volgograd, 1969.
17. Nikiforov, B.S. The fight against fraudulent attacks on socialist and personal property under Soviet criminal law / B.S. Nikiforov. M. 1962.
18. New philosophical encyclopedia / ed. V.S. Stepina. In 4 volumes; vol. 3. M.: Thought. 2001.
19. Oganessian, B.L. The concept of the motive of self-interest in the theory of criminal law and its reflection in the Criminal Code of the Russian Federation / B.L. Oganessian // Young scientist. 2013. No. 7(54) pp. 287–289.
20. On judicial practice in murder cases (Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation): Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 27, 1999 No. 1 (as amended on March 3, 2015) // ConsultantPlus.
21. On judicial practice in cases of bribery and commercial bribery: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian

- Federation dated February 10, 2000 No. 6 (as amended on May 22, 2012) // ConsultantPlus.
22. On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 9, 2013 No. 24 (as amended on December 24, 2019) // ConsultantPlus.
 23. Pobegailo, E.F. Intentional murders and the fight against them. / E.F. I ran around. Voronezh, 1965. // URL: <https://sudact.ru/> (access date: 03/14/2024).
 24. Verdict No. 1–309/2023 of August 30, 2023 of the Chita District Court (Trans-Baikal Territory) // URL: <https://sudact.ru/> (date of access: 03/14/2024)
 25. Resolution No. 1–121/2023 of August 30, 2023 of the Yaroslavl District Court (Yaroslavl Region) // URL: <https://sudact.ru/> (date of access: 03/14/2024).
 26. Verdict No. 1–263/2023 of August 30, 2023 of the Metallurgical District Court of Chelyabinsk (Chelyabinsk region) // URL: <https://sudact.ru/> (date of access: 03/14/2024).
 27. Psychological encyclopedia. // https://gufo.me/dict/psychology_encyclopedia
 28. Rarog, A.I. Problems of qualifying crimes based on subjective characteristics. M.: Prospekt, 2015. 232 p.
 29. Rarog A.I. A judge's handbook on the qualification of crimes: practical work. allowance / A.I. Rarog. – M.: TK Welby: Prospekt, 2016 p.
 30. Sakharov, A.V. Responsibility for abuse of office under Soviet criminal law / A.V. Sakharov. Kazan, 1968.
 31. Tulyakova, A.A. Classification of crimes and its significance / A.A. Tulyakova // Current research. No. 47 (177), November. 2023.
 32. Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on December 25, 2023) (as amended and supplemented, entered into force on December 30, 2023) // ConsultantPlus
 33. Filanovsky, N.G. Social psychological attitude of the subject to crime / N.G. Filanovsky. L., 1970.
 34. Philosophy: Encyclopedic Dictionary / ed. A.A. Ivina. M.: Gardariki, 2004.
 35. Philosophical Encyclopedia / edited by F.V. Konstantinov. In 5 volumes. M.: Soviet Encyclopedia. 1960–1970.
 36. Philosophical Encyclopedic Dictionary / Ch. editor: L.F. Ilyichev, P.N. Fedoseev, S.M. Kovalev, V.G. Panov. M.: Soviet Encyclopedia. 1983.
 37. Kharazishvili, B.V. Questions of the motive of a criminal's behavior in Soviet criminal law / B.V. Kharazishvili. Tbilisi. 1963.
 38. Chkhvimiani, E. Zh. Criminal law characteristics of the selfish motive of a crime and its significance in the content of the subjective side of extortion / E. Zh. Chkhvimiani // Russian investigator. 2011. No. 6.
 39. Shostak, V.I. Psychophysiology of behavior / V.I. Shostak // Bulletin of St. Petersburg State University. Ser. 12. 2009. Issue. 4.
 40. Encyclopedia of criminal law: in 35 volumes. T. 4. St. Petersburg. 2005.
 41. Yani, P. Property benefits as the subject of a bribe / P. Yani // wiselawyer.ru.
 42. b-kontur.ru.
 43. dic.academic.ru.
 44. consultant.ru.
 45. ru.wikipedia.org.
 46. studfile.net.
 47. studopedia.ru.
 48. skysmart.ru.
 49. journals.tsu.ru.
 50. fd.ru.

Правовые условия интеграции результатов обследования в оперативно-розыскной деятельности в доказательственный материал судебных разбирательств

Бережнова Наталья Александровна,
аспирант, Юридический институт, Красноярский
государственный аграрный университет
E-mail: natik02295@mail.ru

Данное исследование направлено на глубокий анализ оперативно-розыскного мероприятия (ОРМ), специфицированного в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности», акцентируя внимание на процедуре обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств. Центральная цель исследования заключается в изучении нюансов, возникающих при внедрении результатов данного ОРМ в качестве доказательственной базы в рамках уголовного процесса. В работе применены различные методологические подходы, включая формально-юридический, сравнительно-правовой и системный анализ, что позволило всесторонне рассмотреть тему. Осуществлен тщательный сравнительный анализ между обследованием как ОРМ и процедурой обыска, являющейся следственным действием. Автор исследования предлагает конкретные рекомендации по совершенствованию нормативно-правовой базы, регламентирующей применение обследования в оперативно-розыскной деятельности, с целью облегчения интеграции его результатов в доказательственный материал судебных разбирательств. Это направлено на укрепление эффективности и справедливости уголовного судопроизводства, а также на повышение качества и доступности юридической защиты для всех участников процесса.

Ключевые слова: оперативно-розыскные мероприятия, следственные действия, обыск, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, изъятие предметов и документов, понятие, протокол изъятия.

Уголовно-процессуальное законодательство четко определяет, какие доказательства могут быть использованы в рамках расследования уголовного дела, согласно установленным законом основаниям и порядку, для того чтобы полно и объективно установить факты по расследуемому делу. [6, с. 110] Однако деятельность следователей и дознавателей, которая по своей природе является открытой и гласной для всех участников уголовного процесса, включая обвиняемых, иногда оказывается недостаточной для выяснения всех необходимых обстоятельств. Здесь важную роль играет оперативно-розыскная работа, осуществляемая в соответствии с Федеральным законом от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Эта деятельность позволяет получить доказательства, недоступные через обычные следственные процедуры или другие методы, предусмотренные статьей 74 УПК РФ. Иногда, проведение оперативно-розыскных мероприятий становится единственным способом установить факты по уголовному делу, когда использование следственных методов невозможно или нецелесообразно.

Ключевым критерием допустимости доказательств, собранных в ходе оперативно-розыскной деятельности, является их получение исключительно в рамках законных ОРМ. [9, с. 140] Решение задач уголовного процесса, таких как раскрытие преступлений и установление их исполнителей, может осуществляться разными методами, включая как оперативно-розыскные, так и следственные пути.

Оперативно-розыскные мероприятия (ОРМ), как определяет их В.Г. Бобров, представляют собой систему действий, организованных в соответствии с нормативными правовыми актами, направленных на сбор и использование оперативно-розыскной информации, а также предметов и документов, содержащих данные, необходимые для обнаружения, предотвращения, прекращения и раскрытия незаконных действий, поиска преступников и без вести пропавших лиц, а также для выполнения других оперативно-тактических задач в сфере борьбы с преступностью. [5, с. 4]

С.А. Шейфер описывает следственные действия как комплекс действий, регламентированных уголовно-процессуальным законом и выполняемых следователем (судом), включающих поисковые, познавательные и достоверительные операции. Эти операции адаптированы к особенностям следов конкретного вида и нацелены на эффективное обнаружение, восприятие и закрепление

содержащейся в них информации в качестве доказательств. [10, с. 231]

В соответствии с законодательством РФ, обследование объектов как метод ОРД включает проверку помещений, зданий, конструкций, территорий и транспортных средств. Данная процедура предполагает как визуальный осмотр, так и детальное исследование вышеупомянутых мест с использованием различных технологий и устройств для выявления личностей, событий и ситуаций, важных для реализации целей оперативно-розыскных операций. [1, ст. 7]

Основная цель проведения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), на наш взгляд, заключается в сборе информации, необходимой для выявления, предупреждения или расследования преступлений, путем изучения документов, предметов и обстановки, имеющих значение для оперативного расследования.

Оперативно-розыскные мероприятия (ОРМ) представляют собой комплекс действий, осуществляемых уполномоченными государственными органами, с целью обеспечения безопасности граждан и государства путем борьбы с преступностью. Основная цель ОРМ заключается в сборе, анализе и оценке информации, которая может быть использована для выявления, предупреждения, пресечения и расследования преступлений, а также для поиска лиц, скрывающихся от правосудия, или пропавших без вести.

ОРМ включают в себя различные методы и техники сбора информации, такие как наблюдение, подслушивание, проверка документов, изучение коммуникаций и контактов подозреваемых, а также анализ финансовых операций, которые могут указывать на преступную деятельность. Эти мероприятия позволяют собрать доказательственную базу, необходимую для возбуждения уголовного дела и последующего привлечения виновных к ответственности.

Особое внимание в процессе проведения ОРМ уделяется изучению документов, предметов и обстановки, имеющих значение для оперативного расследования. Это включает анализ материальных улик, изъятых в ходе обысков или полученных другим путем, оценку обстоятельств совершения преступления, а также выявление связей между различными элементами уголовного дела.

Важным аспектом ОРМ является соблюдение прав и свобод человека и гражданина. Несмотря на то что целью ОРМ является борьба с преступностью, необходимо строго следовать нормам закона и избегать нарушений конституционных прав граждан. Это обеспечивает не только эффективность расследования, но и поддержание доверия общества к правоохранительным органам.

В научной литературе и практике часто возникают дискуссии о соотношении между ОРМ, таким как обследование помещений и транспортных средств, и обыском, предусмотренным Уголовно-процессуальным кодексом (УПК). Проблематика этих вопросов делает тему актуальной. Основное

различие между ними заключается в том, что обыск невозможно провести до возбуждения уголовного дела, в то время как ОРМ можно осуществлять до этого момента. Согласно статье 182 УПК РФ, [2, ст. 182] основанием для обыска является наличие данных о возможном нахождении предметов, имеющих значение для уголовного дела. Аналогичные основания для проведения ОРМ предусмотрены в статье 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Решение о проведении обыска принимает следователь или суд, а о проведении ОРМ – руководитель соответствующего органа, что оформляется распоряжением. Исследуя порядок принятия решений о «обследовании», мы приходим к выводу о необходимости законодательного урегулирования порядка получения разрешения на проведение ОРМ в жилых помещениях, поскольку в настоящее время этот вопрос остается неразрешенным на законодательном уровне. [7, с. 26]

Тактика проведения обыска предполагает, что у следователей есть право вскрывать двери, замки и сейфы, но в отношении оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) такая возможность не урегулирована. Это вызывает неопределенность в использовании собранных в ходе таких действий доказательств при расследовании уголовных дел. [4, с. 100]

Существует также вопрос реализации конституционного права на защиту в контексте ОРМ. [8, с. 345] При следственных действиях участие защитника гарантировано для защиты прав и свобод человека, однако нет ясности относительно участия адвоката в процессе ОРМ из-за отсутствия нормативного закрепления этого права. Неясно, является ли отказ оперативного сотрудника в участии защитника основанием для признания доказательств недопустимыми.

Во время обыска, аналогично ОРМ, могут изыматься предметы и документы. По итогам обыска составляется протокол, в котором детально фиксируются все изъятия. Согласно Инструкции МВД РФ от 1 апреля 2014 года № 199, обследование должно оформляться протоколом изъятия, в соответствии с требованиями УПК РФ. Однако анализ материалов уголовных дел показывает, что часто изъятие в рамках ОРМ оформляется актом изъятия, не предусмотренным в УПК как отдельный вид документа или результат следственного действия. Это указывает на необходимость законодательного решения вопроса оформления результатов обследования и права на участие защитника.

Проблематика отсутствия в Уголовно-процессуальном кодексе РФ специализированной формы для документирования изъятия как самостоятельной процедуры или в рамках иного следственного действия вызывает вопросы. Представляется, что результаты проведения обследования целесообразно зафиксировать в протоколе осмотра, который бы содержал данные о изъятых объектах и документах. Отмечается, что в соответствии со статьей 144 УПК РФ, осмотр может осуществляться еще до начала уголовного производства, при этом выводы и материалы, полученные в ходе осмотра,

должны быть оформлены в официальном протоколе осмотра и изъятия.

Целесообразно внести поправки в статью 144 УПК РФ, предусмотрев право на изъятие предметов и документов при осмотре с составлением соответствующего протокола. Также важно закрепить в Законе «Об оперативно-розыскной деятельности» форму протокола изъятия для обследования различных объектов, таких как участки местности, помещения, транспортные средства и другие. Это необходимо для обеспечения возможности эффективного использования изъятых материалов в качестве доказательств в уголовном процессе, как указано в статье 89 УПК РФ.

Такие изменения также помогут устранить противоречия в различных ведомственных инструкциях, регулирующих проведение обследований разными субъектами оперативно-розыскной деятельности.

Параграф 14 Инструкции уточняет, что при обследовании изъятия должны подтверждаться лицами, соответствующими критериям, аналогичным тем, что предъявляются к понятиям по статье 60 УПК РФ, включая не менее двух совершеннолетних лиц, не имеющих личной заинтересованности и т.д. [3, п. 14] Исходя из анализа, становится ясно, что необходимо внести изменения в УПК, в частности в статью 60, дополнив её положениями о праве органов дознания привлекать понятых и включить оперативно-розыскные мероприятия как основание для их привлечения. Это позволит лицам, участвующим в изъятии во время обследования, иметь права и обязанности понятых, в том числе делать заявления, знакомиться с протоколом и подавать жалобы.

Подводя итог, можно утверждать, что:

1. Судебный порядок получения разрешения на обследование требует законодательного урегулирования.

2. Вопрос о правомочности вскрытия дверей, замков и сейфов в ходе ОРМ также должен найти своё отражение в нормативных актах.

3. Необходимо внести изменения в уголовно-процессуальное законодательство, закрепив протокол изъятия как процессуальный документ или, предпочтительнее, оформлять изъятие в рамках обследования протоколом осмотра.

4. В УПК РФ следует предусмотреть участие понятых при ОРМ, наделяя их соответствующими правами и обязанностями.

5. Для соблюдения права на юридическую помощь необходимо законодательно закрепить возможность участия защитника при обследовании.

Выполнение этих условий позволит эффективно использовать данные, полученные в ходе ОРМ, в качестве допустимых доказательств в уголовном процессе.

Литература

1. Федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об оперативно-розыскной деятельности» // «Российская газета», N 160, 18.08.1995.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // «Российская газета», N 249, 22.12.2001.
3. Приказ МВД РФ от 1.04.2014 г. № 199 «Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел РФ гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и перечня должностных лиц ОВД РФ, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» (ред. от 13.10.2023) // «Российская газета», N 118, 28.05.2014.
4. Бакланов Л.А. Гласное обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: монография. – Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2015. – С. 126.
5. Бобров В.Г. Понятие оперативно-розыскного мероприятия. Основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий. М., 2003. С. 4.
6. Джурук Д.С., Томилина А.С. Проблемы изъятия документов, предметов, материалов и сообщений при проведении обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств // Современность в творчестве начинающего исследователя: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД РФ, 2017. – С. 109–113.
7. Железняк Н.С., Леонтьева Ю.В. Обследование и обыск – единство или борьба противоположностей? // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2019. – № 3 (36). – С. 24–32.
8. Смолина М.М., Доросинская А.М. Актуальные проблемы способов собирания доказательств в уголовном судопроизводстве. // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 10 (125). – С. 344–346.
9. Чечетин А.Е., Каунов А.В. О правовом регулировании гласного обследования в оперативно-розыскной деятельности. // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 4(80). – С. 140–150.
10. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 2001. – С. 614.

LEGAL CONDITIONS FOR THE INTEGRATION OF SURVEY RESULTS IN OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES INTO THE EVIDENTIARY MATERIAL OF LEGAL PROCEEDINGS

Berezhnova N.A.

Krasnoyarsk State Agrarian University

This study is aimed at an in-depth analysis of the operational-search activity (ORM), specified in the Federal Law "On Operational-Investigative Activities," focusing on the procedure for examining premises, buildings, structures, areas of terrain and vehicles. The central goal of the study is to study the nuances that arise when implementing the results of this operational investigation as an evidence base in the framework of criminal proceedings. The work used various methodological approaches, including formal legal, comparative legal and systemic analysis, which made it possible to comprehensively consider the topic. A thorough comparative analysis was carried out between the examination as an operational operation and the search procedure, which is an investigative action. The author of the study offers specific recommendations for improving the legal framework governing the use of surveys in operational investigative activities, in order to facilitate the integration of its results into the evidentiary material of legal proceedings. This is aimed at strengthening the efficiency and fairness of criminal proceedings, as well as improving the quality and accessibility of legal protection for all participants in the process.

Keywords: operational search activities, investigative actions, search, inspection of premises, buildings, structures, areas of terrain and vehicles, seizure of objects and documents, witnesses, seizure protocol.

References

1. Federal Law of August 12, 1995 N 144-FZ (as amended on December 29, 2022) "On operational investigative activities" // "Rossiyskaya Gazeta", N 160, 08/18/1995.
2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended on December 25, 2023) // «Rossiyskaya Gazeta», No. 249, December 22, 2001.
3. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation dated April 1, 2014 No. 199 "On approval of the Instruction on the procedure for employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation to carry out public operational investigative activities, inspection of premises, buildings, structures, areas of terrain and vehicles and the list of officials of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation authorized issue orders to conduct public operational-search activities, inspection of premises, buildings, structures, areas and vehicles» (as amended on 10/13/2023) // «Rossiyskaya Gazeta», N 118, 05/28/2014.
4. Baklanov L.A. Public inspection of premises, buildings, structures, areas of terrain and vehicles in the operational investigative activities of internal affairs bodies: monograph. – Tyumen: Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015. – P. 126.
5. Bobrov V.G. The concept of operational-search activities. Grounds and conditions for conducting operational-search activities. M., 2003. P. 4.
6. Dzhuruk D.S., Tomilina A.S. Problems of seizure of documents, objects, materials and messages during the inspection of premises, buildings, structures, areas and vehicles // Modernity in the work of a novice researcher: a collection of materials from the All-Russian Scientific and Practical Conference of Young Scientists. – Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2017. – P. 109–113.
7. Zheleznyak N.S., Leontyeva Yu.V. Examination and search – unity or struggle of opposites? // Bulletin of the Siberian Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – No. 3 (36). – P. 24–32.
8. Smolina M.M., Dorosinskaya A.M. Current problems of methods of collecting evidence in criminal proceedings. // Eurasian legal journal. – 2018. – No. 10 (125). – P. 344–346.
9. Chechetin A.E., Kaunov A.V. On the legal regulation of public examination in operational investigative activities. // Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. – No. 4 (80). – P. 140–150.
10. Shafer S.A. Investigative actions. System and procedural form. M., 2001. – P. 614.

Применение положений законодательства о необходимой обороне к ситуации применения огнестрельного оружия

Боев Дмитрий Вячеславович,

ассистент кафедры уголовного права и процесса,
Юридический институт Белгородского государственного
национального исследовательского университета
E-mail: Aval31@mail.ru

Статья посвящена юридическому анализу и соотнесения законодательства о необходимой обороне с применением огнестрельного оружия посредством детализации общих положений и условий легитимной обороны применительно к положениям о правомерном применении огнестрельного оружия при пресечении социально опасного посягательства. Освящены некоторые противоречия в нормативно-правовом регламентировании, которые, создают определенные затруднения в использовании легитимного права на необходимую оборону и критически отражаются на правоприменительной практике, предложены способы их решения. В науке уголовного права и правоохранительной деятельности проблема легитимного причинения вреда защищаемым уголовным законом интересам стоит особенно остро. Эффективность существующих методов в отношении легитимного применения норм необходимой обороны недостаточна, и автором предлагаются методы решения этих проблем, в том числе путем предложений о внесении изменений в действующее законодательство об институте необходимой обороны с целью повышения эффективности их практической реализации.

Ключевые слова: необходимая оборона, превышение пределов, оружие, уголовная ответственность, обороняющийся, посягательство, защита права собственности.

Введение

Необходимая оборона является естественным правом человека на самооборону от посягательства. Использование своего легитимного права на оборону нередко происходит с использованием огнестрельного оружия, что влечет критические последствия для злоумышленника. В Уголовном Кодексе Российской Федерации и Федеральном законе «Об оружии» закреплены основные положения необходимой обороны, осуществляемой гражданами с помощью огнестрельного оружия. Но граждане порой не используют свои права на применение необходимой обороны, опасаясь впоследствии уголовного преследования. По этой причине необходимо законодательному органу более тщательно подходить к изложению критериев легитимности и пределов необходимой обороны.

Актуальность

Вопросы использования оружия гражданами при необходимой обороне при пресечении посягательства, являются особенно сложными для правоприменителей. Слабая инициатива россиян в поисках действенных средств самообороны, недостаточность квалифицированных юридических сведений о легитимных средствах необходимой обороны, частая «трансформация» самообороны в преступное деяние, существование целого ряда «дефектов» в правосознании граждан относительно целей и пределов необходимой обороны. Судебные решения, принятые не в пользу обороняющихся лиц. Следовательно, актуальность исследования заключается в поиске путей совершенствования законодательства о применении института необходимой обороны гражданами с использованием оружия.

Изученность проблемы

Ученые правоведы такие как Газаева А.А. [4], Ляпин Д.О.[12], Меркурьев В.В.[], Милюков С.В.[3], Наумов А.В.[15], Никуленко А.В.[5], Смирнов М.А. [13], Тараканов И.А.[17], Щепельков В.Ф.[16]. посвятили институту необходимой обороны свои научные трактаты. Институту необходимой обороны посвящены разделы таких учебных дисциплин как «Уголовное право» и «Криминология». Поиски решения проблем, вызывающих определенные трудности у правоприменителей, связанных с институтом необходимой обороны, продолжают по настоящее время.

Целесообразность разработки темы

Исследования условий легитимности причинения вреда законопослушным гражданином нападающему лицу, заключается в поиске вариантов дальнейшего развития действующего уголовного законодательства об институте необходимой обороны и его правоприменительной практике. Шаблоны, предложенные учеными правоведами, не позволяют урегулировать всех проблем, поставленных правоприменителями перед учеными теоретиками, поскольку из-за вариативности методов правовой оценки причинения вреда, не позволяют достичь консенсуса и предложить внаиболее действенное решение об использовании необходимой обороны.

Научная новизна

В научной статье рассмотрены меры и пути решения проблемы причинения вреда законопослушными гражданами посягавшему лицу, с помощью огнестрельного оружия. Автор, рекомендует решения дилеммы с учетом теорий ученых -теоретиков и правоприменителей. Целью данного исследования является критическое осмысление положений Уголовного Кодекса Российской Федерации [1], и Закона «Об оружии» [2], относящихся к необходимой обороне с применением огнестрельного оружия, на предмет их соответствия друг с другом.

Практическая значимость

Увеличение юридической информации об институте необходимой обороны, устранение в правосознании рядовых законопослушных граждан пробелов в отношении целей и пределов необходимой обороны, выработка единого подхода у правоприменителей к институту необходимой обороны позволит сократить количество несправедливо осужденных лиц.

Методология

В данном исследовании был применены правовой анализ, положения дедуктивного, общенаучного, и диалектического метода. Были применены частно научные методы: сравнительно-правовой, формально- логический, системный методы.

Основная часть

Реализация права на необходимую оборону населением Российской Федерации способствует предотвращению и пресечению общественно опасных посягательств. Но граждане не всегда пользуются этим правом, испытывая страх перед уголовным законодательством РФ. Но проблема заключается не в Уголовном кодексе Российской Федерации, а в его реализации. Типичными ошибками, допущенными правоприменителями уголовного законодательства о необходимой обороне, на стадии предварительного следствия и судебного разбирательства являются решения по делу принимаемые

не в пользу защищаемого лица, а в пользу нападавшего. Вышеназванные ошибки приводят к вынесению обвинительных приговоров защищаемых лиц и несправедливому их осуждению, за использование своих законных прав на необходимую оборону. О данном свидетельствуют обзоры судебной практики. В то же время, очевидно, представляется необоснованным утверждение, что положения о необходимой обороне настолько недоскональные, что вызывают проблемы в их применение.

Милюков В.В. говорит о том, что, в статью 37 Уголовного кодекса Российской Федерации включены все самые лучшие идеи из зарубежного уголовного законодательства [3].

Газаева А.А. в своем исследовании отмечает, что в практике национальных судов отсутствует единый подход к толкованию правовой основы права на самооборону в отраслевом его представлении и в конституционном трактовании, что влечет за собой разнообразные методы в правоприменении. При принятии решения суды руководствуются отраслевой нормой права, определяющей один из возможных способов применения самообороны, и иногда не учитывают конституционное значение права на самооборону. Этот подход служит причиной уменьшения действительности применения гражданами права на необходимую оборону, и может быть истолкован как незаконное ограничение и нарушение конституционных прав граждан [4, с. 11].

Следует отметить, что для действенной защиты личности, социума и страны от социально опасных преступлений необходимо не только сформулировать соответствующие уголовные законы и запреты, но и предотвращать социально опасные правонарушения путем регулирования правовых последствий, задерживать людей, совершивших социально опасное поведение, и устранять опасности.

А.В. Никуленко: «необходимо отметить, что действенная оборона личности, социума и государства от социально опасного посягательства создается не только введением конкретных уголовно-правовых запретов, но и посредством регулирования легитимного причинения вреда при защите от социально опасных преступления, задержании нарушителя, совершившего социально опасное деяние, и при ликвидации опасности. Тем самым обеспечивается реализация положений ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, согласно которой «каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом» [5].

В.В. Меркурьев говорит о том что: уголовный закон необходимо трактовать так, чтобы вся ответственность за негативные последствия лежала на зачинщике конфликта, а не на обороняющимся лице использующим право на необходимую оборону [6].

Такое юридическое трактование будет отвечать бытовому восприятию и моральным взглядам социума на нормы института необходимой обороны.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил в п. 4 постановления от 31.05.2022 № 11 «О внесении изменений в постановление

Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»: «...все сомнения в наличии состояния необходимой обороны и (или) виновности лица, обвиняемого в превышении ее пределов, которые не могут быть устранены в порядке, предусмотренном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, толкуются в пользу подсудимого» [7]. Тем не менее судами это разъяснение пленума не всегда применяется должным образом. В контексте вопрос о дальнейшем совершенствовании тезисов института необходимой обороны в целях единообразия применения правоприменителями не теряет своей важности.

Д. признан виновным в умышленном причинении ФИО9 тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны, совершенном 12 ноября 2020 года в г. Орехово-Зуево Московской области при обстоятельствах. 12 ноября 2020 года в период с 18 часов 46 минут до 19 часов 51 минуту Д. и несовершеннолетний ФИО12 проходили по участку местности между домами, где ранее незнакомые им ФИО13, ФИО10 и неустановленное лицо, будучи все в состоянии алкогольного опьянения, спровоцировали ссору, в ходе которой с лица Д. сняли очки, а затем начали драку: неустановленное лицо стало наносить удары несовершеннолетнему ФИО12, повалив его на землю, ФИО13 пытался нанести удары Д. руками в голову, а ФИО10, угрожая применить насилие, демонстрировал имеющийся у него пистолет и передергивал затвор, направляя его в сторону Д. Видя угрожающие действия по отношению к себе и несовершеннолетнему ФИО12, обороняясь от неправомерных действий со стороны ФИО10, ФИО9, и неустановленного лица, действуя с целью необходимой обороны однако, неверно определив соразмерность способа обороны с характером и степенью угрозы социально опасного нападения, не связанного с насилием, угрожающим жизни и здоровью защищающегося, не стремясь использовать другие средства и способы обороны от нападавших, явно выходя за рамки законной необходимой обороны, понимая социально опасный характер своих действий в виде нанесения тяжкого вреда здоровью ФИО9 и желая этого, вынул из кармана своих брюк неустановленный следствием колюще-режущий предмет, и держа его в правой руке, целенаправленно нанес им ФИО9 один удар в шею, повлекший повреждение внутренней яремной вены, тем самым причинив тяжкий вред здоровью. При этом суд установил, что будучи в состоянии алкогольного опьянения ФИО13, ФИО10 и неустановленное лицо беспричинно, из хулиганских побуждений, совершили в отношении проходивших мимо них Д. и несовершеннолетнего ФИО12 противоправные действия, проявили в отношении них беспричинную агрессию, неустановленное лицо нанесло удары несовершеннолетнему ФИО12, повалив его на землю, ФИО13 и ФИО10 пытались нанести уда-

ры в голову Д., а когда ФИО10 достал пистолет и, угрожая насилием, направил его в сторону Д., передернув затвор, осужденный, опасаясь за свою жизнь и здоровье, а также здоровье несовершеннолетнего ФИО15, находившимся при нем неустановленным ножом умышленно нанес удар ФИО9 в область шеи, причинив тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни. Суд кассационной инстанции отменяя приговор, прекратил уголовное дело руководствуясь п. 2 ч. 1 ст. 24 УК РФ [8].

Российский Федеральный закон «Об оружии» (далее-Закон) в ст. 24 закрепляет право граждан на использование огнестрельного оружия в целях самообороны. В целях соблюдения положений, закрепленных в Законе, гражданин намеревающийся использовать огнестрельное оружие в целях самообороны, перед его использованием, должен предупредить лицо, против которого будет его применять, при этом Закон исключает применения оружия против женщин, несовершеннолетних детей и инвалидов, исключение составляют вооруженные и групповые нападения.[9]. Закон разрешает применять гражданам в целях самообороны только огнестрельное гладкоствольное оружие, которое храниться в металлическом сейфе отдельно от патронов. Предусмотренный способ хранения делает невозможным применением указанного огнестрельного оружия в ситуации с неожиданным посягательством. Однако за нарушение правил хранения оружия, последует лишение лицензии собственника оружия. Данные ограничения представляют собой парадокс. В настоящее время для совершения преступления злоумышленники имеют все необходимое вооружение. При проникновении, злоумышленника в дом, законопослушный гражданин должен удостовериться в намерениях проникшего преступника, затем сходить и достать из сейфа ружье, взять патроны, зарядить ружье и применить его в целях самозащиты против проникшего в дом преступника. Что, в это время будет делать преступник? Таким образом, преступник, проникший в жилье и законопослушный гражданин поставлен в неравные условия.

А.В. Наумов, В.В. Меркурьев и И.А. Тараканов обращают внимание на озвученное в СМИ предложение, о разграничении ответственности за нарушение легитимных границ необходимой обороны аналогичных положения о необходимой обороне существующих в уголовном праве некоторых штатов США [10]. Иначе говоря, пределов необходимой обороны не должно существовать при обороне владельцем жилища от проникшего в него преступника и угрожающего расправой над проживающими. На основании этого и предлагается расширить права на владение оружием.

Ю.Н. Жданов поясняет, что влечет за собой послабление и отсутствие государственного контроля за оружием, для гражданского населения, а именно: владельцы огнестрельного оружия, приобретенного якобы в целях самообороны, сами становятся агрессорами [11].

Кроме того, 4,5 миллиона российских граждан имеют огнестрельное оружие, это более 6 миллионов различных огнестрельных оружий. Государство беспокоиться не за себя, а за своих граждан, чтобы они не начали убивать друг друга.

Выводы и предложения

Слабая инициатива россиян в поисках действенных средств самообороны, недостаточность квалифицированных юридических сведений о легитимных средствах необходимой обороны, частая «трансформация» самообороны в преступное деяние, судебные решения, принятые не в пользу обороняющихся лиц, существование целого ряда «дефектов» в правосознании граждан относительно целей и пределов необходимой обороны все это влияет на правоприменение института необходимой обороны.

Следовательно, прежде всего необходимо изменить юридический взгляд законопослушных граждан на институт необходимой обороны, а затем обсуждать реформирование Закона «Об оружии».

Следует отметить, что что уголовно-правовые нормы института необходимой обороны следует трактовать таким образом, чтобы вся ответственность за негативные последствия лежала на зачинщике конфликта, а не на обороняющимся лице. Это трактование будет соответствовать обывательскому восприятию и моральным взглядам социума, на нормы института необходимой обороны.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 14.02.2024) //«КонсультантПлюс» [Электронный ресурс].-URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=469788&dst=0&edition=etD&rnd=kqJFiQ#mHGHZ7UO1KjqcaFm> (дата обращения 10.03.2024).
2. Федеральный закон от 13.12.1996 N 150-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об оружии» (с изм. и доп., вступ. в силу с 07.01.2024) //«КонсультантПлюс» [Электронный ресурс].-URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=451855&dst=1000000001&cacheid=7F-BC6955581D1AF4072D6178B912AE94&mode=splus&rnd=kqJFiQ#OXIHZ7UwvLbgBzcm> (дата обращения 10.03.2024).
3. Милюков С.Ф., Никуленко А.В. Девиантное поведение сотрудников органов внутренних дел: опыт диалектической оценки // Российский девиантологический журнал. – 2021. – № 1 (1). – С. 151–163.
4. Газаева А.А. Конституционное право на самозащиту в Российской Федерации: теория и практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 27 с.
5. Никуленко А.В. Обстоятельства, исключющие преступность деяния: перспективы развития // Журнал правовых и экономических исследований. Journal of Legal and Economic Studies, 2021, 2: 111–117 © А.В. Никуленко, 2021
6. Наумов А.В., Меркурьев В.В., Тараканов И.А. Нуждается ли статья 37 УК РФ в кардинальном изменении: судебная практика и законотворческие перспективы //Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации № 2(94) 2023.С.46
7. Постановление Пленума ВС РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»// СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс].-URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=418064&cacheid=554D5A5C34828A5A6F903E0132326EF6&mode=splus&rnd=1QeHA#jQzS65UY5ukcT8rn> (дата обращения:02.02.2024).
8. Определение Первого Кассационного суда общей юрисдикции от 21.12.2023 по делу № 77–5869/2023 URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=34538405&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения:02.02.2024).
9. Тиханова Н.Е. Проблемные аспекты применения оружия в состоянии необходимой обороны // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2018. № 1 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-aspekty-primeneniya-oruzhiya-v-sostoyanii-neobhodimoy-oborony> (дата обращения: 18.03.2024).
10. Наумов А.В., Меркурьев В.В., Тараканов И.А. Нуждается ли статья 37 УК РФ в кардинальном изменении: судебная практика и законотворческие перспективы //Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации № 2(94) 2023.С.46.
11. Ружье – в хорошие руки // Рос. газ. 2021. 4 авг.
12. Ляпин Д.О. Соотношение норм главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации и предписаний иноотраслевого законодательства о применении оружия // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2022. – № 10 (303). – С. 73–84.
13. Смирнов М.А. Актуальные вопросы назначения наказания при нарушении условий правомерности необходимой обороны // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 2 (68). – С. 48–52
14. Меркурьев В.В. Уголовное право: необходимая оборона: учеб. пособие для вузов. – 2-е изд. – Москва: Юрайт, 2019. (Сер.: Авторский учебник).
15. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. – 6-е изд. – Москва: Проспект, 2019.

16. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. В.В. Лукьянова, В.С. Прохорова, В.Ф. Щепелькова. – 3-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2018. – 628 с.
17. Тараканов И.А. Пределы необходимой обороны: понятие, сущность и признаки // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. – 2022. – № 3 (33). – С. 96–100.

APPLICATION OF THE LAW ON NECESSARY DEFENSE TO THE SITUATION OF THE USE OF FIREARMS

Boev D.V.

Belgorod State National Research University

The article is devoted to the legal analysis and correlation of legislation on necessary defense with the use of firearms by detailing the general provisions and conditions of legitimate defense in relation to the provisions on the lawful use of firearms in the suppression of socially dangerous encroachment. Certain contradictions in the legal regulation are sanctified, which cause certain difficulties in using the legitimate right to necessary defense and critically affect law enforcement practice, and ways to solve them are proposed. In the science of criminal law and law enforcement, the problem of legitimate harm to interests protected by criminal law is particularly acute. The effectiveness of existing methods in relation to the legitimate application of the norms of necessary defense is insufficient, and the author suggests methods to solve these problems, including through proposals to amend the current legislation on the institute of necessary defense in order to increase the effectiveness of their practical implementation.

Keywords: necessary defense, exceeding limits, weapons, criminal liability, defender, encroachment, protection of property rights.

References

1. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 02/14/2024) // "Consultantplus" [Electronic resource].-URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=469788&dst=0&edition=et-D&rnd=kqJFiQ#mHGZH7UO1KjqcaFm> (accessed 03/10/2024).
2. Federal Law No. 150-FZ of 12/13/1996 (as amended on 12/25/2023) "On Weapons" (with amendments and additions, intro. effective from 07.01.2024) // "Consultantplus" [Electronic resource].-URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=451855&dst=1000000001&cacheid=7FBC6955581D1AF4072D6178B912AE94&mode=splus&rnd=kqJFiQ#OXIHZ7UwvLbgBzcm> (date of appeal 03/10/2024).
3. Milyukov S.F., Nikulenko A.V. Deviant behavior of law enforcement officers: experience of dialectical assessment // Russian Deviantological Journal. – 2021. – № 1 (1). – Pp. 151–163.
4. Gazaeva A.A. The constitutional right to self-defense in the Russian Federation: theory and practice: abstract. ... cand. Jurid. M., 2018. 27 p.
5. Nikulenko A.V. Circumstances excluding criminality of an act: prospects for development // Journal of Legal and Economic Research. Journal of Legal and Economic Studies, 2021, 2: 111–117 © A.V. Nikulenko, 2021
6. Naumov A.V., Merkuryev V.V., Tarakanov I.A. Does Article 37 of the Criminal Code of the Russian Federation need to be radically changed: judicial practice and legislative prospects // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation No.2(94) 2023.P.46
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09/27/2012 No. 19 "On the application by courts of legislation on necessary defense and causing harm when detaining a person who committed a crime" // SPS "ConsultantPlus" [Electronic resource].-URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=418064&cacheid=554D5A5C34828A5A6F903E0132326EF6&mode=splus&rnd=1QeHA#QzS65UY5ukcT8rn> (date of application:02.02.2024).
8. The ruling of the First Court of Cassation of General Jurisdiction dated 12/21/2023 in case No. 77–5869/2023 URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&sv_num=1&name_op=doc&number=34538405&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (date of application:02.02.2024).
9. Tikhanova N.E. Problematic aspects of the use of weapons in a state of necessary defense // Bulletin of the VSU. Series: Law. 2018. No.1 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-aspekty-primeneniya-oruzhiya-v-sostoyanii-neobhodimoy-oborony> (date of application: 03/18/2024).
10. Naumov A.V., Merkuryev V.V., Tarakanov I.A. Does Article 37 of the Criminal Code of the Russian Federation need to be radically changed: judicial practice and legislative prospects // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation No.2(94) 2023.P.46.
11. The gun is in good hands // Russian Gas. 2021. 4 Aug.
12. Lyapin D.O. Correlation of the norms of Chapter 8 of the Criminal Code of the Russian Federation and the prescriptions of foreign industry legislation on the use of weapons // Law in the Armed Forces – Military Law Review. – 2022. – № 10 (303). – Pp. 73–84.
13. Smirnov M.A. Topical issues of sentencing in violation of the conditions of legality of necessary defense // Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 2 (68). – Pp. 48–52
14. Merkuryev V.V. Criminal law: necessary defense: textbook. handbook for universities. – 2nd ed. – Moscow: Yurayt, 2019. (Ser.: Author's textbook).
15. Naumov A.V. Russian criminal law. General part: a course of lectures. – 6th ed. – Moscow: Prospekt, 2019.
16. Criminal law of Russia. General part: textbook / edited by V.V. Lukyanov, V.S. Prokhorov, V.F. Shchepelkov. – 3rd ed., ispr. and add. – St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2018. – 628 p.
17. Tarakanov I.A. Limits of necessary defense: concept, essence and signs // Penitentiary law: legal theory and law enforcement practice. – 2022. – № 3 (33). – Pp. 96–100.

Характерология правопослушного и делинквентного поведения: лингвокультурологический и концептологический подходы

Труш Владимир Михайлович,

кандидат психологических наук, психолог психологической лаборатории ФКУ ИК-16 УФСИН России по Мурманской области
E-mail: krist56@mail.ru

Гомонов Николай Дмитриевич,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры юриспруденции Мурманского арктического университета
E-mail: Gomonov_Nikolay@mail.ru

Тимохов Виктор Петрович,

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: tvp1986@yandex.ru

В представленной публикации авторы проводят сравнительную характеристику правопослушного и делинквентного поведения. Целью исследования является выявление общих, устойчиво сформированных и постоянно проявляющихся характерологических особенностей, обуславливающих делинквентность. Анализируются возможности использования лингвокультурологического подхода с целью диагностического выявления устойчивых характерологических личностных особенностей. С помощью метода «Концепт-Золотое сечение» определены концепты рассматриваемых текстов. Проведен сравнительный анализ экзистенциальных пространств осужденных и законопослушных граждан. Определена позиция авторов применительно к понятию «характер». Отражены варианты индивидуализации личностных особенностей. Авторы приходят к выводу о том, что представленная методика позволяет дистантно оценить статику и динамику изменения особенностей мышления исследуемых субъектов при решении самого широкого круга социально значимых задач, а комбинирование различных методов в проводимых исследованиях открывает широкие перспективы в изучении криминологического феномена личности преступника.

Ключевые слова: личностные особенности, характер, делинквентность, мышление, концепт, экзистенциалы бытия, структура характерологии.

Одним из наиболее часто исследуемых феноменов криминологии является личность преступника. Несомненная сложность этого явления порождает ряд неоднозначных подходов к его изучению, которые иногда противоречат друг другу. Однако дальнейшие поиски психологических детерминант преступного поведения, с использованием понятия делинквентности, открывают горизонты познания движущих механизмов поведенческих реакций. Сравнение характерологии правопослушного и делинквентного поведения дает возможность выявления устойчивых конструктов, в первую очередь обуславливающих выбор варианта противоправного поведения.

Рассматривая развитие российской государственности, представляется возможным воочию лицезреть восхождение по спирали, представленной великим немецким философом Georg Wilhelm Friedrich Hegel – от предшествующего, через отрицание отрицания, на виток выше, к последующему. Все новое повторяет уже бывшее, но в ином качестве. Налицо предтеча очередного «революционного» процесса поиска / переориентации – экономической, как внешней, так и внутренней политики, диаметральной смены перспективной политической предпочтительности, идеологического песнопения во славу Отечества, в котором очень сложно услышать отдельные здравые голоса.

В подобных скоротечных социально-организационных процессах повышенной неопределенности и конкурентного примата победоносной отчетности существенно возрастает роль и значимость личностного фактора. В данной работе мы оцениваем делинквентность личности не только с позиции психологической структуры личности, но и с позиции когнитивной лингвистики, исследующей познаваемость мира человеком, систематизирующей знания с использованием категории языка и реализуемой им системы вербализации полученных знаний.

Мы представили методолого-теоретические обоснование применения лингвокультурологического и концептологического подходов для оценки уровня возможной делинквентности в предыдущей нашей публикации «Анализ характерологии делинквентного поведения: лингвокультурологический и концептологический подходы». Тема заявленного исследования диктует необходимость определения базовых понятий. Это, прежде всего, понятие «характер». Данная категория, как и понятие «личность» трактуется в психологии далеко не однозначно. Еще больше спорных вопросов возникает при попытке разграничить понятия

«характер» и «личность» [2, с. 168]. Учитывая, что в фокусе исследования находится, прежде всего, делинквентная личность, мы отдаем предпочтение мнению А.В. Батаршева, который определил характер как совокупность устойчивых индивидуальных особенностей личности, складывающихся и проявляющихся в процессе деятельности, общения. Именно характер обуславливает типичные для данного человека способы поведения [1, с. 7]. Методологически мы солидарны с позицией, высказанной Karl Jaspers о том, что задачей характерологии являются понимание существующих абстрактных типов и с их помощью упорядочивание и переводение в понятную форму всего широчайшего спектра человеческих характеров [3, с. 524].

Анализ, основывающийся на сравнительной оценке количественных показателей гуманитарно-структурологического и лингвокультурологического подходов в исследовании оценки личности, а также, перспективно, социальных страт различной смысловой наполненности на предмет выявления уров-

ня криминогенной зараженности, уже был нами проведен [5, с. 225–235]. В настоящем исследовании осуществляется выявление качественного различия личностных особенностей, их сравнительного анализа на основе представленных текстов – письменных образцов презентации мышления, без использования тестового психодиагностического инструментария. Следует отметить, что мы трактуем понятие «текст» более широко – **мир как текст**.

На основании сравнения 45 писем с законченным смысловым содержанием лиц, содержащихся в ИК особого режима и аналогичного количества отчетов сотрудников МВД, проходящих подготовку в Рязанском филиале Московского университета МВД им. В.Я. Кикотя (описание проблемной ситуации) был проведен концептуальный анализ с использованием метода «Концепт-Золотое сечение», сущность которого – нахождение концепта как смыслообразующей единицы в тексте. Полученные результаты представлены в таблице (см. Табл. 1)

Таблица 1. Распределение полярности экзистенциалов в текстах рассматриваемых групп осужденных и сотрудников

N	ЭКЗИСТЕНЦИАЛЫ						Σ
	+БЛ	-БЛ	+ЦН	-ЦН	+ПТР	-ПТР	
«Осужденные»	7	11	1	16	3	7	45
«Сотрудники МВД»	7	3	13	10	7	5	45

Размещение представленных данных в поле проявленности указанных экзистенциалов [5 с. 230] позволяет обнаружить приоритеты характерологических особенностей согласно заявленной типологии [4] (см. Рис. 1, 2). Представленные рисунки не отображают количественные расхождения, а представляют общую направленность тенденций.

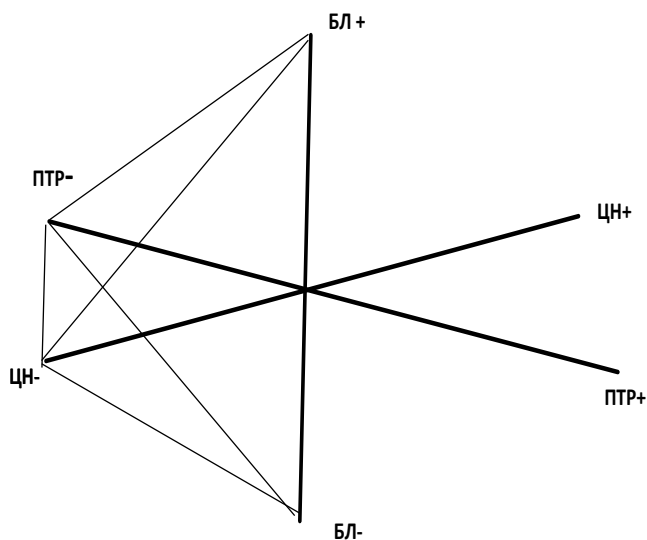

Рис. 1. Структурная организация заявленного интегрального экзистенциального пространства в группе осужденных

В группе осужденные манифестируют сочетание – (БЛ) = –7, (ЦН) = –16, (ПТР) = –7, что соответствует **шизоидной** структуре организации лично-

сти. Наличие проявленности экзистенциала (БЛ) = +7 дает основание допускать вариант смешанного типа – (БЛ) = +7, (ЦН) = –16, (ПТР) = –7 – структуры **оральной** организации структуры личностных особенностей.

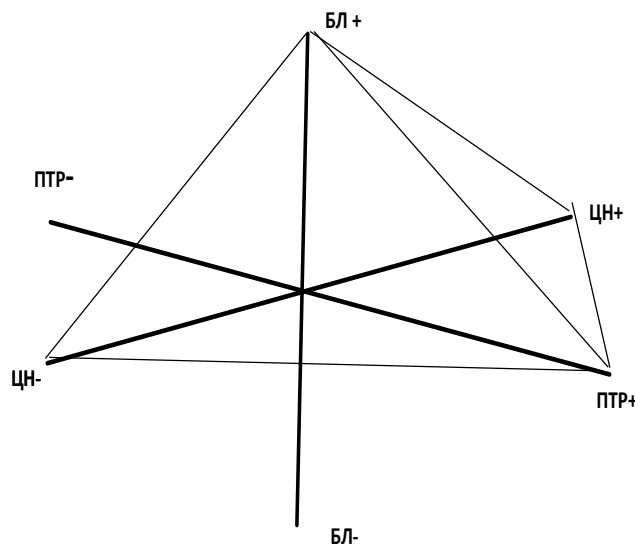

Рис. 2. Структурная организация заявленного интегрального экзистенциального пространства в группе сотрудники МВД

В группе сотрудники МВД манифестируют сочетание – (БЛ) = +7, (ЦН) = +13, (ПТР) = +7, что соответствует **нормативной** структуре организации личности. Наличие проявленности экзистенциала (ЦН) = –10 дает основание допускать вариант смешанного типа – (БЛ) = +7, (ЦН) = –10, (ПТР) = +7 –

структуры **симбиотической** организации структуры личностных особенностей.

Полученный результат дает возможность предварительной оценки индивида / группы по следующим критериям [4, с. 42–43; 6]:

- особенности типа характера;
- этиология;
- базовая феноменология проявления;
- особенности мышления;
- ведущие механизмы психологических защит;
- основные патологические убеждения;
- характеристики репрезентации «Я»;
- отношения с объектами окружающей среды;
- эмоциональная характеристика.

В частности, по представленным рассматриваемым группам:

1. «Осужденные»:

- **особенности типа характера** – смешанный тип шизоидно – оральной структуры;
- **этиология** – характеристика среды пребывания – черствость, холодность, отстраненность, завышенные требования, низкая удовлетворенность потребностей;
- **базовая феноменология** – хронический страх, избегающее поведение, аутодеструкция, снижение заботы о себе, не предъявляет своей нуждаемости, склонность удовлетворять других;
- **особенности мышления** – изоляция мышления от чувств, выраженность абстрактного компонента, слабые социальные навыки, склонность к переходу от выраженной активности к скудности;
- **ведущие механизмы психологической защиты** – проекция, отрицание, уход, изолированность от чувств, интеллектуализация, инверсия, компенсация, депрессивная оборона;
- **основные патологические убеждения** – мир опасен, со мной что-то не так, я все достигну сам, мои потребности слишком велики, успех в отдаче себя другим;
- **характеристики репрезентации «Я»** – слабость, повреждение, снижение права на существование, мистическая и интеллектуальная интоксикация, различные виды расщепления;
- **отношения с объектами окружающей среды** – другие – угрожающие, отторгающие, обладают большим ресурсом, варианты зависимости и созависимости;
- **эмоциональная характеристика** – изолированность от чувств и потребностей, как следствие выраженной страх/тревожной составляющей, эмоциональная амбивалентность, проблема выражения чувств.

2. «Сотрудники МВД»:

- **особенности типа характера** – нормативно-конструктивный тип с элементами симбиотической структуры;
- **этиология** – возможность открыто проявлять себя в отношениях, поддержка возможности экспериментировать в ситуации неопределенности; формирование способности гибкой коммуникационной границы с объектами и процес-

сами окружающей среды; возможные сложности формирования идентичности, как следствие увеличения тревожного компонента при дистанцировании;

- **базовая феноменология** – формирование первичного потенциала активности, способность совладения с тревогой, формирование внешней и внутренней феноменологии, выход на позитивное и адекватное отношение к себе. Конфликт амбивалентности – при подчинении страх утраты себя, при сепарации страх отвержения;
- **особенности мышления** – адекватное, ответственное, реалистическое отношение к участию в происходящих отношениях организм/среда. Умение разделять реальное от фантазийного. Ответственность за других и внешние факторы;
- **ведущие механизмы психологической защиты** – осознанное использование механизмов защиты адекватно ситуации не покидая почву реальности. Возможны проявления слияния, ухода, проекции, манипулирование, обращение против себя;
- **основные патологические убеждения** – самоуничтожение при сепарации, страх выделенности, успех других меня ранит;
- **характеристики репрезентации «Я»** – зрелое и самодостаточное сближение «Я для себя» и «Я для других». Возможность постепенно выстраивать «здоровую» самодостаточность. Зависимость от значимой связи, размытые внешние границы – я/другой, мое/чужое;
- **отношения с объектами окружающей среды** – способность удовлетворения своих значимых потребностей с учетом конкурентной ситуации и потребностей других. Другие (–ое), как существенная часть меня;
- **эмоциональная характеристика** – способность принимать и проживать свои чувства с принятием ответственности за их происхождение, возможность открыто проявлять свои переживания. Дефицит заботы о себе, вина за других, страх сепараций.

Представленные обобщенные характеристики в сочетании с ранее заявленными коэффициентами [5, с. 232–233]:

- коэффициент экзистенциальной удовлетворенности – **Кэкз «+» М**;
- коэффициент самооценности проживания экзистенциала **N – Ксц.прж N**, позволяют прогностически описать личность вне применения стандартного применяемой процедуры психодиагностического обследования. При необходимости и сформированном психодиагностическом альянсе возможна индивидуализация и уточнение иными методиками, исходя из класса поставленных задач.

Таким образом, применение новых методик дает возможность конкретизировать показатели личностных деформаций, обуславливающих проявления преступного поведения. Появляется возмож-

ность диагностического выявления устойчивых характерологических личностных особенностей уровня социальной делинквентности. Представленная методика, по нашему мнению, при вдумчивом и системном подходе позволяет дистантно оценить статику и динамику изменения особенностей мышления исследуемых субъектов при решении самого широкого круга социально значимых задач. Мы считаем, что дальнейшая исследовательская перспектива диктует комплексное использование методов лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и математического анализа эмпирических данных. Это позволит выявить общие, устойчиво сформированные и постоянно проявляющиеся характерологические особенности, обуславливающие делинквентность. Комбинирование различных методик в проводимых исследованиях открывает широкие перспективы в изучении криминологического феномена личности преступника.

Литература

1. Батаршев, А.В. Темперамент и характер: психологическая диагностика / А.В. Батрашев. – М.: Владос-пресс, 2001. – 336 с.
2. Гиппенрейтер, Ю.Б. Введение в общую психологию. Курс лекций / Ю.Б. Гиппенрейтер. – «Издательство АСТ», 1996. – 209 с.
3. Карл Ясперс. Общая психопатология. Пер. с нем. – М., Практика 1997. – 1056 с.
4. Стивен М. Джонсон. Психотерапия характера – М. Корвет, 2013–352 с.
5. Труш, В.М. Криминогенная зараженность личности: монография / В.М. Труш, Н.Д. Гомонов. – М: Юстицинформ, 2023. – 284 с.
6. Я-структурный тест Г. Аммона. Опросник для оценки центральных личностных функций на структурном уровне: Пособие для психологов и врачей / Авт. Сост.: Ю.Я. Тупицин, В.В. Бочаров, Т.В. Алмазов и др. – СПб., 1998. – 70с.

CHARACTEROLOGY OF LAW-ABIDING AND DELINQUENT BEHAVIOR: LINGUOCULTURAL AND CONCEPTUAL APPROACHES

Trush V.M., Gomonov N.D., Timokhov V.P.

Psychological Laboratory of the Russian Federal Penitentiary Service in Murmansk region; Murmansk Arctic University; Ryazan branch of the Moscow Ministry of Internal Affairs University named after V.Y. Kikot

In this publication, the authors provide a comparative description of law-abiding and delinquent behavior. The purpose of the study is to identify common, steadily formed and constantly manifested characterological features that cause delinquency. The possibilities of using the linguoculturological approach for the purpose of diagnostic identification of stable characterological personal characteristics are analyzed. Using the “Concept-Golden Section” method, the concepts of the texts under consideration are determined. A comparative analysis of the existential spaces of convicted and law-abiding citizens was carried out. The position of the authors in relation to the concept of “character” is determined. Options for individualizing personal characteristics are reflected. The authors come to the conclusion that the presented methodology makes it possible to remotely assess the statics and dynamics of changes in the thinking characteristics of the subjects under study when solving a wide range of socially significant problems, and the combination of various methods in the conducted research opens up broad prospects in the study of the criminological phenomenon of the criminal's personality.

Keywords: personal characteristics, character, delinquency, thinking, concept, existentials of being, structure of characterology.

References

1. Batarshchev, A.V. Temperament and character: psychological diagnostics / A.V. Batrashev. – M.: Vlados-press, 2001. – 336 p.
2. Gippenreiter, Yu.B. Introduction to general psychology. Course of lectures / Yu.B. Gippenreiter. – “AST Publishing House”, 1996. – 209 p.
3. Karl Jaspers. General psychopathology. Per. with him. – M., Practice 1997. – 1056 p.
4. Stephen M. Johnson. Character psychotherapy – M. Korvet, 2013–352 p.
5. Trush, V.M. Criminal contamination of personality: monograph / V.M. Trush, N.D. Gomonov. – M: Justitsinform, 2023. – 284 p.
6. I-structural test by G. Ammon. Questionnaire for assessing central personal functions at the structural level: A manual for psychologists and doctors / Author. Comp.: Yu.Ya. Tupitsin, V.V. Bocharov, T.V. Almazov et al. – St. Petersburg, 1998. – 70 p.

Некоторые актуальные аспекты использования технических средств и специальных знаний при осмотре места происшествия, связанного с пожаром

Антонов Александр Олегович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики и инженерно-технических экспертиз, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации Е.Н. Зиничева
E-mail: antonov.a@igps.ru

Бруевич Марина Юрьевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры переподготовки и повышения квалификации специалистов, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации Е.Н. Зиничева
E-mail: bruevich1709@mail.ru

Губанова Ольга Александровна,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры переподготовки и повышения квалификации специалистов, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева
E-mail: gubanova-olga@mail.ru

В статье рассматриваются важные проблемные вопросы использования технических средств и специальных знаний при осмотре места происшествия, связанного с пожаром. Отмечены специфические особенности места пожара, как места происшествия, указано на сложность его следовой картины. Дана оценка сложившейся практики оформления протокола осмотра с применением компьютера и принтера вне места производства следственного действия. Рассмотрены юридические аспекты фотофиксации материальной обстановки и приобщения электронных носителей фотоизображений. Приведены примеры некорректных выводов и формулировок в протоколах осмотра. Указано на необходимость использования, при описании следовой картины места пожара, общепринятых и рекомендованных для дознавателей терминов и формулировок, которые должны быть понятны широкому кругу лиц. Предложены пути решения обозначенных проблем, в том числе, путём внесения изменений в УПК РФ, а также практические рекомендации сотрудникам, производящим осмотр места пожара.

Ключевые слова: особенности места пожара, специфика осмотра места пожара, технические средства, специальные знания, фотофиксация, электронные носители, выводы в протоколе осмотра, описание термических повреждений.

Рассмотрение вопросов расследования преступлений, связанных с пожарами, не теряет своей актуальности, ввиду того, что они причиняют значительный вред гражданам, обществу и государству в целом. К тому же производство по делам, связанным с пожарами, представляет определённую сложность, имеет свою специфику. Различные вопросы, в том числе проблемные, в этой области нашли свое отражение в работах авторов и других трудах [1–8].

Особенности производства по делам, связанным с пожарами, во многом определяются особенностями места пожара, как места происшествия, которые в свою очередь, следует учитывать при проведении следственного осмотра.

Место пожара имеет некоторые характерные черты, заключаются в следующем. Следовая картина места происшествия (пожара) весьма сложна. Помимо следов непосредственно горения, на месте пожара, как правило, присутствуют следы его ликвидации – следы тушения, разборки конструкций и т.п. Они накладывают своё отпечаток на характер видимых после ликвидации пожара повреждений, с которыми имеет дело лицо, производящее следственный осмотр. Могут присутствовать на местах пожарах и традиционные криминалистические следы, антропогенного и техногенного происхождения. Эти следы не менее важны, чем следы горения, т.к. могут позволить установить, кроме особенностей механизма возникновения горения, личность, причастную к деянию. Однако, в отличие от следов горения, далеко не всегда есть возможность обнаружить традиционные криминалистические следы, и целенаправленная работа по их поиску на месте пожара проводится преимущественно в случаях подозрения на совершение умышленного поджога, что вполне оправданно.

Отметим, что даже только лишь одна следовая картина непосредственно термических повреждений сама по себе достаточно сложна для фиксации и анализа, ввиду разнообразия видов и характера термических повреждений конструкций и предметов из различных материалов, а также, зачастую, значительной площади места происшествия (пожара). Кроме этого, на месте пожара может иметься довольно большое количество потенциальных объектов, которые можно исследовать при помощи широкого спектра научно-технических средств и методов, в том числе, непосредственно на месте (однако нужно правильно оценивать необходимость проведения исследований тех или иных объектов в каждом конкретном случае). И уже на эта-

пе осмотра, для правильной фиксации термических повреждений, которая позволит провести дальнейший анализ в целях установления очага пожара, а также для грамотного изъятия объектов исследования, лица, производящие осмотр, должны обладать соответствующими знаниями, умениями, навыками.

Основными субъектами, осуществляющими осмотр места пожара, в системе ФПС МЧС России являются дознаватели и другие сотрудники органов государственного пожарного надзора. В дальнейшем, для краткости, будем называть их дознавателями, подразумевая всех указанных сотрудников. В качестве специалистов по наиболее крупным и сложным пожарам для участия в проведении следственного осмотра, по возможности, привлекаются, сотрудники судебно-экспертных учреждений федеральной противопожарной службы «Испытательная пожарная лаборатория» (СЭУ ФПС ИПЛ).

Результаты осмотра места пожара имеют крайне важное значение для всей дальнейшей работы по делу, так как служат основой для планирования последующих процессуальных и организационных действий, в частности, назначения судебной экспертизы, проведения допросов, истребования документов, а также, при необходимости, осуществления оперативно-розыскных мероприятий.

Важнейшими характерными моментами при производстве осмотра места пожара являются следующие. Во-первых, это – необходимость использования технических средств (начиная от средств фотофиксации, средств измерений и простейших инструментов, до специальных приборов). Во-вторых, это – владение лицами, осуществляющими осмотр, специфическими знаниями, приобретёнными в результате соответствующей подготовки, как минимум, в рамках самостоятельного изучения методической литературы [3–5,7,8]. В настоящей статье такие специфические знания мы будем называть специальными (специальными в широком смысле, т.е. знаниями технического характера, которыми владеют не только специалисты и эксперты, как процессуальные лица, но в определённом объёме должны обладать и дознаватели).

Следует отметить, что методические аспекты, связанные с осмотром места пожара, достаточно широко и давно освещены в указанных источниках, а также многих других работах. Однако некоторые важные юридические аспекты остаются не достаточно освещены, а практика показывает, что производимые при осмотре действия сотрудников федеральной противопожарной службы (ФПС) МЧС России не всегда выверены с правовой точки зрения. Кроме того, в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ) [9], по нашему мнению, имеются некоторые упущения в области регулирования вопросов, связанных с производством следственного осмотра.

Указанные особенности места происшествия, связанного с пожаром, а также его осмотра, требования, предъявляемые к лицам, осуществляющим

осмотр, и анализ практики проведения данного вида осмотра, высвечивают некоторые проблемные правовые аспекты в области использования технических средств и специальных знаний при производстве соответствующего следственного действия.

В первую очередь укажем на более общие проблемные вопросы, связанные с применением технических средств при осмотре, которые обнаруживаются в работе дознавателей ФПС МЧС России и, возможно, имеют место в деятельности сотрудников других министерств.

В частности, нередко наблюдается практика изготовления дознавателями протоколов осмотра при помощи технических средств – компьютера, принтера, что предусмотрено статьёй 166 УПК РФ. Казалось бы, это положительное явление, учитывая, что протоколы, написанные от руки, зачастую трудно читаемы, сложны для восприятия, а иногда вообще частично не подлежат прочтению. Однако выяснилось, что в большинстве таких случаев протоколы составлялись и оформлялись (печатались) не на месте осмотра, а в рабочем кабинете, находящемся иногда за десятки или даже сотни километров от места производства осмотра. Часть 1 статьи 166 УПК РФ гласит, что протокол следственного действия составляется в ходе следственного действия или непосредственно после его окончания. Во-первых, очевидно, составление протокола после таких перемещения никак нельзя трактовать как «непосредственно после» окончания осмотра. А во-вторых, представляется, что протокол следственного действия должен составляться на месте его производства. Прямые указания на место составления протокола в УПК РФ не содержатся, на это логично предположить, исходя из духа уголовно-процессуального законодательства. Исключение могут составлять ситуации, когда реальная возможность этого отсутствует по различным объективным причинам.

Не совсем ясно и содержание понятия «составление» протокола, в случае использования для его подготовки компьютера и распечатывания протокола при помощи принтера, а также, что является началом и окончанием процесса составления. Возможно, следует вводить дополнительно и другие понятия – оформление, изготовление и т.п. Таким образом, проблема здесь заключается в том, что формулировка «непосредственно после окончания», применяемая законодателем, слишком неконкретна, и о месте составления, оформления (изготовления) протокола УПК РФ ничего не поясняет.

Отметим, что указанная практика возникла после внесения изменений в статью 170 УПК РФ Федеральным законом от 4 марта 2013 г. N 23-ФЗ. В соответствии с частью 1.1, которой было дополнена данная статья, проведение некоторых следственных действий, в том числе осмотра, возможно без понятых, при условии применения технических средств фиксации хода и результатов следственного действия. На этом основании дознаватели,

выехав на место пожара, осуществив фотосъёмку, в отсутствие понятых, убывают по месту службы, где оформляют протокол и фототаблицу (или иллюстрационную таблицу, в зависимости от того, кто как называет соответствующий документ).

Причём проявились эти факты очевидным образом лишь ввиду изготовления протоколов с использованием компьютера и принтера. В действительности, дознаватели таким же образом могут оформлять и, вероятно, оформляют, протоколы, написанные от руки. Считаем, что эти моменты необходимо законодательно конкретизировать, для того, чтобы не было разночтений в понимании относительно времени и места оформления (изготовления) протокола осмотра.

Укажем и на другие актуальные вопросы, связанные с оформлением результатов использования технических средств, применительно к осмотру места происшествия (пожара).

Возвращаясь к требованию части 1.1 статьи 170 УПК РФ, о том, что в случае принятия решения о производстве осмотра без участия понятых, применение технических средств фиксации хода и результатов следственного действия является обязательным, отметим следующее. Очевидно, что фиксация хода и результатов осмотра, в случае применения фотосъёмки, подразумевает фиксацию материальной обстановки в полном объёме, на соответствующем современному состоянию техники уровне качества, с учётом общепринятых правил криминалистической съёмки (в частности, с достаточным количеством ориентирующих, обзорных, узловых и детальных снимков). В отношении осмотра места пожара, кроме того, естественно, обязательна фиксация всех термических повреждений, а не выборочно, а также фиксация изымаемых предметов.

Однако нередки ситуации, когда ни количество, ни качество фотоснимков не удовлетворяют этим требованиям. Зачастую дознаватели ограничиваются несколькими снимками, не позволяющими адекватно оценить обстановку, объект пожара и термические повреждения остаются запечатлёнными не в полном объёме. Полагаем, что три–четыре фотоснимка повреждённого пожаром дома, да ещё в чёрно-белом исполнении, как это нередко бывает, не только не являются достаточным основанием для отсутствия понятых, но не приемлемы в принципе, исходя из общепринятых положений криминалистической съёмки.

Ещё одним важным аспектом, связанным с использованием технических средств при осмотре и оформлением результатов этих действий, является вопрос о приобщении носителей выполненных фотоснимков и видеозаписей. Так, часть 8 статьи 166 УПК РФ гласит, что к протоколу осмотра прилагаются фотографические негативы и снимки, киноленты, диапозитивы, фонограммы допроса, кассеты видеозаписи, чертежи, планы, схемы, слепки и оттиски следов, выполненные при производстве следственного действия, а также электронные носители информации, полученной или

скопированной с других электронных носителей информации в ходе производства следственного действия. Оставив за рамками рассмотрения такие, устаревшие на сегодня, носители, как негативы, киноленты и кассеты, отметим, что на практике, помимо распечатанных фотографий, выполненных с использованием цифровой техники (об их качестве и количестве сказано ранее) носители с исходными файлами-изображениями приобщаются крайне редко. Между тем, необходимость этого действия следует из толкования по аналогии с указанным в части 8 статьи 166 УПК РФ требованием о приобщении негативов (т.е. исходных носителей изображений). В свою очередь возможность приобщения электронных носителей, на которые записаны (скопированы) исходные файлы-изображения, прямо предусмотрена этой же правовой нормой.

Таким образом, хорошим способом приобщить к протоколу материальный носитель с цифровыми изображениями, полученными в результате фотосъёмки или видеосъёмки при производстве следственного осмотра, является запись исходных файлов на носитель непосредственно на месте производства осмотра, например, при помощи ноутбука. Использование флэш-карт требует определённых финансовых затрат, а также накладывает требования по сохранности информации, во избежание возможности порчи, подмены и т.п. (их необходимо опечатывать). Идеальным вариантом является запись на компакт-диск однократной записи, что к тому же финансово не обременительно. Подобные рекомендации в методической литературе давались уже достаточно давно, а затем и напоминались [6, 7, 8], однако до сих пор реализуются редко.

По делам, связанным с пожарами, наличие таких электронных носителей крайне важно. Приобщённые к материалам ещё на стадии процессуальной проверки, выполняемой дознавателем, в дальнейшем они приобретают большую ценность, особенно в случаях возбуждения уголовного дела или гражданского судопроизводства. Наибольшую значимость такие электронные носители приобретают в ситуациях, когда протокол осмотра выполнен некачественно и (или) некачественен распечатанный фотоматериал, что не позволяет пожарно-техническим экспертам проанализировать по ним характер и степень термических повреждений в целях определения очага пожара. В этих случаях изучение цифровых изображений с электронных носителей, при условии их достаточного количества и качества, может восполнить недостатки протокола и помочь в установлении необходимых обстоятельств по делу.

Далее отметим важные моменты, связанные с недопустимостью употребления в протоколе осмотра выводов, для которых требуется проведение дальнейших исследований, а также некоторые вопросы использования специальных знаний (специальных в широком смысле, как нами оговорено в начале статьи) при осмотре места пожара.

Довольно часто в протоколах дознавателей наблюдаются фразы с выводами о причинах тех или иных явлений, фактов, для формулирования которых необходимо проведение соответствующих исследований. В первую очередь отметим на недопустимость выводов об очаге пожара непосредственно в протоколе осмотра, что достаточно очевидно, но иногда имеет место на практике.

Также это относится, например, к выводам о наличии на электропроводах следов аварийных режимов работы. Иногда вместо того, чтобы фиксировать лишь наличие тех или иных видимых повреждений электропроводов, в частности, локальных шарообразных оплавлений, делается вывод о том, что они являются следами аварийных режимов работы, например, короткого замыкания. Более часто в протоколе, указывается, что следов аварийных режимов работы не обнаружено, что также некорректно. Отметим, что на месте пожара, на глаз, весьма затруднительно, а иногда и вовсе невозможно, даже сотруднику СЭУ ФПС ИПЛ, обладающему соответствующими специальными знаниями, трактовать оплавление, как след именно короткого замыкания, а не термического воздействия. Для точной дифференциации природы оплавления необходимо проведение лабораторных исследований.

Похожая ситуация имеет место и с отражением в протоколе осмотра факта отсутствия легковоспламеняющихся жидкостей (ЛВЖ) и горючих жидкостей (ГЖ) или их паров. Очень часто в протоколах осмотра места пожара пишется общий вывод об отсутствии ЛВЖ и ГЖ, при этом для их поиска не использовались специальные приборы – газоанализаторы. Если же данные приборы используются, то необходимо указывать конкретные точки и условия измерений, сравнивать с фоновыми значениями вне площади пожара и заносить все эти сведения в протокол, что также выполняется не всегда.

Кроме того, что такие выводы технически и юридически некорректны, ввиду того, что они зафиксированы в протоколе, они могут трактоваться лицами, не знакомыми с этой спецификой, как имеющие доказательственное значение, т.е. вводить в заблуждение участников судопроизводства, включая суд. В таких случаях пожарнотехническому эксперту приходится разъяснять эти моменты при производстве экспертизы или последующем допросе в суде. Крайне необходимым это становится, когда его мнение по результатам анализа совокупности всех материалов (при объективном и всестороннем изучении) противоречит тем выводам, которые можно сделать из указанных выше некорректных формулировок в протоколе осмотра.

В частности, эксперту приходится прилагать дополнительные усилия для доказывания своего убеждения о том, что причиной пожара явился всё-таки поджог, причём вероятно, с применением ЛВЖ и ГЖ, несмотря на указание в протоколе осмотра, что «ЛВЖ и ГЖ не обнаружены». Также это

относится, например, и к случаям, когда в протоколе осмотра указано, что «следов аварийных режимов работы электропроводки и электрооборудования не обнаружено», а эксперт по совокупности всех данных, методом исключения, приходит к выводу о единственно возможной в данной ситуации причине пожара, связанной именно с аварийными режимами работы электропроводки или электрооборудования.

Другим важным проблемным аспектом, связанным с описанием материальной обстановки при производстве осмотра места пожара, является использование при описании термических повреждений, наоборот, упрощённых, слишком общих формулировок, без учёта общеизвестного для дознавателей массива информации, изложенного в доступной методической литературе, например, в [3–5] и множестве других источников.

Повсеместно в протоколах осмотра используются фразы типа «термические повреждения в большей степени выражены в «таком-то месте»», без указания на определённые конструкции, предметы и конкретные характеристики повреждений, свойственных соответствующим материалам, из которых они выполнены. Следует указывать, какие именно конструкции, предметы имеют повреждения, и каков характер этих повреждений. Для основных видов конструкций, предметов, составляющих вещную обстановку на пожаре, исходя из материалов, из которого они выполнены, имеются общепринятые термины и характеристики, используемые в соответствующей методической литературе [3–5,7,8], которые должны быть известны и экспертам, и дознавателям.

Например, в отношении деревянных изделий это – выгорание краски, поверхностное обугливание, обугливание с появлением трещин, глубокое обугливание (глубину можно измерить в миллиметрах), прогары, потеря сечения конструкции, полное выгорание. Для металлических изделий такими характеристиками, в частности, являются деформации (с соответствующими направлением и величиной), оплавления, расплавления, окалина.

Таким образом, в тексте протокола осмотра места пожара, помимо грамотной деловой лексики, следует использовать и общепринятые в среде дознавателей и экспертов ФПС термины и формулировки, которые, однако, должны быть понятны широкому кругу лиц. Это обеспечит, с одной стороны – возможность дальнейшего исследования пожарнотехническим экспертом результатов фиксации термических повреждений на научной основе в соответствии с определёнными методическими принципами, с другой стороны – понимание обычными людьми смысла тех или иных важных фраз и формулировок как в протоколе осмотра, так и в заключении эксперта.

Поясним это на примере описания термически повреждённых металлических изделий. Полагаем, что использование в протоколе осмотра места пожара таких терминов, как «окалина» (оксидный слой на металле, образующийся в результате вы-

сокотемпературного воздействия), с указанием её цвета (например, рыжевато-коричневого или черного), является вполне допустимым. Некоторые дознаватели перестраховываются, указывая на наличие на металлической поверхности «слоя» какого-то определённого цвета, не называя его окалиной. Здесь главный акцент мы делаем на том, что нельзя ограничиться указанием просто на наличие окалины, как таковой (или слоя на металле), без указания её цвета, т.к. именно цвет окалины свидетельствует о степени температурного воздействия – рыжевато-коричневый характерен для температуры 700–750 °С, чёрный характерен для температуры 900–1000 °С. Данная информация является крайне важной при анализе характера и степени термических повреждений при определении очага пожара, независимо от того, кто будет осуществлять эти действия – эксперт в рамках производства судебной экспертизы, специалист в рамках подготовки заключения или сам дознаватель в ходе проверки, направленной на принятие процессуального решения.

В заключение отметим, что рассмотренные специфические особенности осмотра места пожара требуют от лиц, производящих осмотр, кроме чисто профессиональных качеств (знаний, умений, навыков), довольно значительных затрат времени, сил, концентрации внимания. При этом к необходимым профессиональным качествам следует отнести как знание юридических аспектов производства следственного осмотра, так и умение технически грамотно описывать и протоколировать термические повреждения, умело применять соответствующие технические средства. Причём указанные действия необходимо производить таким образом, чтобы они не только соответствовали известным методическим принципам и рекомендациям, но и имели доказательственное значение с юридической точки зрения.

Для решения обозначенных проблемных вопросов необходим комплексный подход, включающий и некоторые изменения в УПК РФ, и совершенствование деятельности должностных лиц, осуществляющих производство по делам, связанным с пожарами, прежде всего, повышение уровня их профессиональной подготовки.

Литература

1. Бруевич М.Ю., Антонов А.О., Губанова О.А. Актуальные вопросы производства предварительной проверки по преступлениям, связанным с пожарами. Закон и Власть. 2023. № 1 С. 85–89.
2. М. Е. Пахомов, Актуальные проблемы криминалистического исследования объектов, подвергшихся изменениям в условиях пожара. Судебная экспертиза. № 4. 2020. С. 115–123.
3. Осмотр места пожара: Методическое пособие / И.Д. Чешко, Н.В. Юн, В.Г. Плотников и др. – М.: ВНИИПО, 2004. – 503 с.

4. Чешко И.Д. Технические основы расследования пожаров: Методическое пособие. – М.: ВНИИПО, 2002. – 330 с.
5. Расследование и экспертиза пожаров: учебник / Галишев М.А., Бельшина Ю.Н., Дементьев Ф.А. и др. / под общ. ред. Б.В. Гавкалюка–СПб.: Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2021. – 440 с.
6. Организация работы судебно-экспертных учреждений федеральной противопожарной службы «Испытательная пожарная лаборатория» по исследованию пожаров и экспертному сопровождению деятельности органов государственного пожарного надзора: Метод. рекомендации / И.Д. Чешко, А.О. Антонов, С.П. Воронов, А.В. Попов – М.: ВНИИПО, 2009. – 28 с.
7. Оформление фототаблицы при осмотре места пожара: метод. рекомендации / Зезюля И.М., Антонов А.О. – М.: ВНИИПО, 2013. – 44 с.
8. Антонов А.О., Булатов В.О. Фотосъёмка в исследовании пожаров: учебное пособие / под общ. ред. Б.В. Гавкалюка – СПб.: Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2021. – 100 с.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 14.02.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.02.2024).

SOME RELEVANT ASPECTS OF THE USE OF TECHNICAL MEANS AND SPECIAL KNOWLEDGE WHEN EXAMINING THE SCENE OF A FIRE-RELATED INCIDENT

Antonov A.O., Bruevich M.Yu., Gubanova O.A.

St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero of the Russian Federation, Army General E.N. Zinicheva

The article discusses important problematic issues of the use of technical means and special knowledge when examining the scene of a fire-related incident. The specific features of the fire site as an accident site are noted, and the complexity of its trace pattern is indicated. The assessment of the established practice of registration of the inspection protocol using a computer and printer outside the place of production of the investigative action is given. The legal aspects of photofixation of the material environment and the introduction of electronic media of photographic images are considered. Examples of incorrect conclusions and formulations in the inspection protocols are given. It is indicated that it is necessary to use, when describing the trace picture of the fire site, generally accepted and recommended terms and formulations for investigators, which should be understandable to a wide range of people. The ways of solving these problems are proposed, including by making changes to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, as well as practical recommendations to employees who inspect the fire site.

Keywords: features of the fire site, specifics of the fire site inspection, technical means, special knowledge, photo fixation, electronic media, conclusions in the inspection protocol, description of thermal damage.

References

1. Bruevich M.Yu., Antonov A.O., Gubanova O.A. Actual issues of conducting a preliminary check on crimes related to fires. Law and Power. 2023. No.1 pp.85–89.
2. M. E. Pakhomov, Actual problems of forensic investigation of objects that have undergone changes in fire conditions. Forensic examination. No.4. 2020. pp. 115–123.

3. Inspection of the fire site: A methodological guide / I.D. Cheshko, N.V. Yun, V.G. Plotnikov, etc. – M.: VNIPO, 2004. – 503 p.
4. Cheshko I.D. Technical foundations of fire investigation: A methodological guide. – M.: VNIPO, 2002. – 330 p.
5. Investigation and examination of fires: textbook / Galishev M.A., Belshina Yu.N., Dementiev F.A. et al. / under the general editorship of B.V. Gavkalyuk– St. Petersburg: St. Petersburg University of GPS of the Ministry of Emergency Situations of Russia, 2021. – 440 p.
6. Organization of the work of forensic institutions of the federal fire service “Fire Testing Laboratory” for the study of fires and expert support of the activities of state fire supervision bodies: Method. recommendations / I.D. Cheshko, A.O. Antonov, S.P. Voronov, A.V. Popov – M.: VNIPO, 2009. – 28 p.
7. Design of the photo table during the inspection of the fire site: method. recommendations / Zezyulya I.M., Antonov A.O. – Moscow: VNIPO, 2013. – 44 p.
8. Antonov A.O., Bulatov V.O. Photography in the study of fires: textbook / under the general editorship of B.V. Gavkalyuk – St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia, 2021. – 100 p/
9. Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated 12/18/2001 No. 174-FZ (ed. dated 02/14/2024) (with amendments and additions, introduction. effective from 02/25/2024).

Развитие института защиты прав предпринимателей при проведении оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств»

Бережнова Наталья Александровна,
аспирант, Юридический институт, Красноярский
государственный аграрный университет
E-mail: natik02295@mail.ru

Исследование фокусируется на законодательном аспекте открытых оперативно-розыскных мероприятий в бизнес-среде, включая «Обследование» по ФЗ № 144-ФЗ и УПК РФ. Выделены моменты, касающиеся обжалования действий оперативников предпринимателями и нарушения их прав в процессе. Обозначены основные сложности, с которыми сталкиваются оперативные сотрудники, следуя приказу МВД № 199, особенно при изъятии данных и предметов. Освещены подходы к решению проблем и защите прав бизнесменов при проведении ОРМ. В дополнение, анализируется влияние этих действий на общую атмосферу доверия между государственными органами и предпринимательским сообществом, подчеркивается необходимость сбалансированного подхода к проведению оперативно-розыскных действий, чтобы обеспечивать безопасность без ненужного вмешательства в деловую активность. Обсуждаются предложения по оптимизации процедур и усовершенствованию правовой базы для минимизации негативного воздействия на бизнес-среду.

Ключевые слова: оперативно-розыскное мероприятие, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, коммерческие организации, предпринимательство.

Сегодняшняя государственная стратегия в сфере бизнеса выделяется своей двойственностью: с одной стороны, она нацелена на обеспечение свободы и защиты прав предпринимателей, с другой – на активное противодействие преступлениям в области бизнеса со стороны правоохранительных структур. Через модификации в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве РФ государство внедрило комплексные подходы к защите прав бизнесменов, направленные на предотвращение незаконных вмешательств в их деятельность.

Важным шагом стало создание и развитие должности уполномоченного по правам предпринимателей в регионах страны, задачей которой является обработка жалоб от бизнес-сообщества на правовые акты, решения и действия (или их отсутствие) со стороны государственных и муниципальных органов власти, а также отдельных чиновников, когда те нарушают права и законные интересы предпринимателей.

Несмотря на предпринимаемые усилия, включая изменения в законодательстве, определенные аспекты бизнес-деятельности остаются подверженными риску. Одними из наиболее распространенных проблем, идентифицированных представителями по защите прав предпринимателей в различных регионах, являются нарушения, возникающие в ходе проведения оперативно-розыскных действий по изучению объектов, таких как помещения, здания, сооружения, территории и транспортные средства (далее – оперативно-розыскное действие «обследование»).

Примером нарушения может служить приговор, вынесенный Кемеровским районным судом в отношении сотрудника подразделения по борьбе с коррупционными преступлениями. Сотрудник, зная, что против гражданина З. не было оснований для возбуждения уголовного дела, поскольку по результатам предварительного расследования уже было принято решение об отказе в его возбуждении, и осознавая, что спор между гражданами З. и В. по поводу определенных материальных ценностей должен решаться в рамках гражданского судопроизводства, все же составил докладную записку о необходимости проведения оперативно-розыскного мероприятия «Обследование» в бизнес-помещении З. без наличия законных оснований. Он обманул руководство относительно законности и целесообразности проведения мероприятия, скрыв факт уже сделанного им вывода

по аналогичному случаю, и добился утверждения плана операции.

В результате, проведя обследование в торговом помещении З., он незаконно изъял имущество, которое затем, действуя в интересах В., передал последнему под расписку, фактически выполняя роль, принадлежащую судебной власти. Такие действия сотрудника привели к значительному нарушению прав и интересов граждан, защищаемых законом, а также интересов общества и государства. [6, с. 36]

Приведенный пример отчетливо демонстрирует нарушения прав бизнесменов, происходящие со стороны оперативных служб в ходе оперативно-розыскных действий «обследование».

Из анализа судебных дел следует, что при проведении таких обследований часто встречаются следующие виды нарушений:

- осуществление данных ОРМ без достаточных для этого правовых оснований;
- неправомерное ограничение прав сотрудников бизнес-структур;
- выполнение изъятий в ходе ОРМ, игнорируя установленную законодательством процедуру.

Большая часть нарушений связана с проведением обследований без необходимых юридических предпосылок, как того требует статья 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», при этом оперативные сотрудники зачастую предоставляют отчеты, основанные на неподтвержденной информации. [2, ст. 7] Более того, действия «изучения» могут основываться на данных, не указывающих на преступления, или проводиться при отсутствии подтвержденных данных о необходимости такого обследования.

Часто оперативно-розыскные действия по изучению помещений, зданий, инфраструктурных объектов, земельных участков и транспортных средств иницируются на основе анонимных сообщений, данных от секретных источников без их предварительной проверки или же по заявлениям, которые больше напоминают вопросы, относящиеся к сфере гражданских правоотношений. В результате такие действия обычно не приводят к подтверждению исходной информации, а выявляют только минорные нарушения административного характера.

В качестве иллюстрации, в ходе судебного разбирательства по жалобе на действия сотрудника экономической безопасности и противодействия коррупции было выявлено, что представленные документы не содержали обоснованного отчета о необходимости проведения такого обследования. Отсутствие аргументированного доклада со стороны сотрудника свидетельствует о неправомерности проведения данного оперативно-розыскного мероприятия.

Иногда такие оперативно-розыскные мероприятия применяются с целью улучшения статистических показателей работы оперативных единиц, особенно когда полицейские занимаются оперативно-профилактическими действиями в об-

ласти экономических преступлений, не имея при этом подлинной информации о планируемых, происходящих или уже совершенных правонарушениях. [3, п. 4]

Одним из часто встречающихся нарушений при выполнении ОРМ «обследование» является неправомерное ограничение прав сотрудников бизнес-структур. По инструкции, до начала процедуры обследования, представителю компании или индивидуальному предпринимателю должно быть предъявлено официальное уведомление о планируемом действии, а также вручена его подписная копия.

Однако на деле, когда оперативные сотрудники прибывают для осуществления обследования, они часто ограничиваются лишь показом распоряжения представителю организации без последующей выдачи копии документа.

Иногда представители компаний встречают правоохранителей с недовольством и могут отказаться подписывать предъявляемые документы при попытке ознакомления и передаче копии распоряжения. В таких ситуациях допускается оформление в протоколе отказа от подписи со стороны представителей проверяемой стороны.

В процессе обследования, сотрудники могут налагать ограничения на сотрудников компании, находящихся в помещении, включая запреты на покидание помещения, общение друг с другом и использование мобильных устройств. Кроме того, неправомерными считаются действия по проведению личного осмотра сотрудников, такие как проверка одежды или требование ее снять, что усиливает психологическое давление и ухудшает атмосферу во время проведения проверки. [5, с. 730]

Требования, выдвигаемые к сотрудникам предприятия во время проведения обследования, не описаны ни в Инструкции, ни в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» и являются законными исключительно при выполнении такой процедуры, как обыск. Особенно когда подобные действия приводят к нарушению конституционных прав граждан на личную свободу и неприкосновенность.

Согласно статье 24 Конституции РФ, проверка личных вещей сотрудников в организации возможна только с их согласия, чтобы не нарушить право на конфиденциальность личной жизни. [1, ст. 24.1] В случаях, когда выявляются нарушения прав и интересов сотрудников, противодействие или оскорбления в адрес полицейских не являются приемлемыми реакциями. Более продуктивным будет документирование всех возражений в протоколе обследования.

В категорию нарушений, происходящих в процессе проведения ОРМ «обследование», входит неправомерное изъятие документов и предметов у юридических лиц. Частыми являются жалобы на оперативников за несоблюдение правил при изъятии.

К примеру, адвокат Н. отмечает случаи, когда представителям компаний не предоставляются копии изъятых документов ни сразу после обследо-

вания, ни позднее по почте. Однако, согласно разделам 15–21 упомянутой Инструкции, исполнители обследования обязаны обеспечить изготовление и передачу копий изъятых документов лицу, у которого они были изъяты, с отражением этого факта в протоколе. Если передача заверенных копий невозможна в пятидневный срок, их следует отправить по почте.

Также фиксируются случаи нарушения процедуры изъятия электронных устройств для хранения информации. В документации обследования ООО отмечено изъятие сервера, двух питающих и сетевых кабелей, документации по финансовой деятельности предприятия, электронного носителя и двух системных блоков. Во время изъятия электронных данных специалист отсутствовал. Упаковка электронных устройств не производилась, оборудование не было опечатано, серийные номера не указывались в протоколе, а копии с документов и электронных носителей не создавались. Все изъятые материалы складировались в один мешок. Согласно нормам Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и Уголовно-процессуального кодекса РФ (статьи 182 и 183), процесс изъятия электронных носителей должен осуществляться при участии квалифицированного специалиста. Отсюда следует, что при изъятии электронных данных были нарушены законодательные требования из-за отсутствия участия необходимого специалиста.

Оперативные сотрудники часто оправдывают свои действия отсутствием требований со стороны предпринимателей и представителей юридических лиц о копировании данных с электронных носителей во время проведения ОРМ. По их мнению, невысказывание таких ходатайств освобождает их от обязанности создавать копии с изъятых электронных устройств.

Таким образом, участникам ОРМ от коммерческих организаций следует уделять больше внимания процедуре проведения мероприятия и выдвигать требования о копировании информации письменно или через включение в протокол обследования.

Замечены также случаи, когда в ходе осуществления такого ОРМ происходит длительное изъятие как бумажных, так и электронных документов, связанных с финансовой и хозяйственной деятельностью организации, без предоставления их копий. [4, с. 32]

Такие мероприятия, в зависимости от метода бухгалтерского учета и объема конфискованных документов, могут серьезно ущемить работу организации, даже до степени приостановки ее операций. Недоступность определенных документов и, соответственно, информации в них может привести к проблемам в создании аккуратных бухгалтерских регистров и налоговой отчетности. Невозможность доступа к некоторым финансовым документам делает учет всех финансово-хозяйственных операций неполным, что в свою очередь препят-

ствует формированию точной налоговой и бухгалтерской отчетности.

Для уменьшения вреда, наносимого деятельности компании и нарушения прав её работников, крайне важно быть подготовленным к таким ситуациям. В этих случаях целесообразно обращаться за помощью к опытным специалистам или самостоятельно изучать законодательные акты, касающиеся проведения ОРМ.

Анализируя законодательство, регулирующее ОРМ «изучение», становится очевидно, что оно не обеспечивает достаточной ясности в действиях оперативных подразделений. Это приводит к нарушениям прав предпринимателей из-за правовой неопределенности. Таким образом, возникает необходимость в более тщательной разработке регламентации, которая бы более полно учитывала права и законные интересы бизнес-сообщества.

Литература

1. Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)// <http://pravo.gov.ru>, (дата обращения: 01.02.2024).
2. Федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об оперативно-розыскной деятельности»// «Российская газета», N 160, 18.08.1995.
3. Приказ МВД РФ от 1.04.2014 г. № 199 «Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел РФ гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и перечня должностных лиц ОВД РФ, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» (ред. от 13.10.2023)// «Российская газета», N 118, 28.05.2014.
4. Багаутдинов Ф. Н., Нуриев Т.М. Актуальные проблемы защиты прав предпринимателей при осуществлении оперативно-розыскной деятельности // Законность. 2017. № 3. С. 31–34.
5. Фадеева В.А. Институт уполномоченного по защите прав предпринимателей в РФ// Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право 2013. Вып. 4 (2). С. 729–733.
6. Шашин Д.Г. Изъятие документов, предметов, материалов и сообщении, содержащих сведения ограниченного распространения, при проведении оперативно-розыскного мероприятия обследование помещения, здании, сооружении, участков местности и транспортных средств // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2017. № 4 (29). С. 35–38.

DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE FOR PROTECTING THE RIGHTS OF ENTREPRENEURS DURING OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES “INSPECTION OF PREMISES, BUILDINGS, STRUCTURES, AREAS AND VEHICLES”

Berezhnova N.A.

Krasnoyarsk State Agrarian University

The study focuses on the legislative aspect of open operational investigative activities in the business environment, including the “Survey” under Federal Law No. 144-FZ and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Points are highlighted regarding the appeal of the actions of operatives by entrepreneurs and the violation of their rights in the process. The main difficulties that operational officers face when following Order No. 199 of the Ministry of Internal Affairs are identified, especially when seizing data and objects. Approaches to solving problems and protecting the rights of businessmen during operational operations are covered.

Keywords: operational search activity, inspection of premises, buildings, structures, areas of terrain and vehicles, commercial organizations, entrepreneurship.

References

1. The Constitution of the Russian Federation” (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved

- during the all-Russian vote on July 1, 2020) // <http://pravo.gov.ru>, (accessed: 01.02.2024).
2. Federal Law of August 12, 1995 N 144-FZ (as amended on December 29, 2022) “On operational investigative activities” // “Rossiyskaya Gazeta”, N 160, 08/18/1995.
3. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation dated April 1, 2014 No. 199 “On approval of the Instruction on the procedure for employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation to carry out public operational investigative activities, inspection of premises, buildings, structures, areas of terrain and vehicles and the list of officials of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation authorized issue orders to conduct public operational-search activities, inspection of premises, buildings, structures, areas and vehicles” (as amended on 10/13/2023) // “Rossiyskaya Gazeta”, N 118, 05/28/2014.
4. Bagautdinov F.N., Nuriev T.M. Current problems of protecting the rights of entrepreneurs in the implementation of operational investigative activities // *Legality*. 2017. No. 3. pp. 31–34.
5. Fadeeva V.A. Institute of the Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the Russian Federation // *News of Saratov University*. New episode. Series: Economics. Control. Law 2013. Issue. 4 (2). pp. 729–733.
6. Shashin D.G. Seizure of documents, objects, materials and messages containing information of limited distribution, during an operational search activity, inspection of premises, buildings, structures, areas of terrain and vehicles // *Bulletin of the Siberian Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2017. No. 4 (29). pp. 35–38.

Рассмотрение уголовных дел в отсутствие подсудимого как дифференцированная форма порядка уголовного судопроизводства и процессуальный институт

Даровских Ольга Игоревна,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации»

E-mail: darovskikhoi@gmail.com

Даровских Светлана Михайловна,

доктор юридических наук, профессор, независимый исследователь

E-mail: darsvet@mail.ru

В статье исследуются некоторые теоретические вопросы, касающиеся рассмотрения уголовного дела в судебном разбирательстве в отсутствие подсудимого. Авторы обосновывают различия понятий «рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого» и «рассмотрение уголовного дела заочно», аргументируют целесообразность появления такой формы, как судебного разбирательства в отсутствие подсудимого, критически оценивают доводы ученых, относящих указанную форму к упрощенным производствам. Авторы приводят аргументы, позволяющие отнести данный порядок к особым производствам.

В статье излагаются доводы по поводу рассмотрения норм уголовно-процессуального закона, регламентирующих судебное разбирательство в отсутствие подсудимого, как процессуального института; определяется предмет и особенности правоотношений возникающих при рассмотрении дел данной категории, выделяются ряд специфических принципов, регулирующих деятельность, связанную с рассмотрением дел в отсутствие подсудимого.

Ключевые слова: судебное разбирательство, отсутствие подсудимого, дифференциация, заочное производство, судопроизводство, процессуальный институт.

Одним из общих условий судебного разбирательства является обязательное участие в нем подсудимого. Данное требование зафиксировано в статье 247 УПК РФ, где также указано, что при неявке подсудимого рассмотрение уголовного дела должно быть отложено, а из этого общего правила есть исключения. Указанная норма была разработана на основании положений Конституции Российской Федерации.

Требование обязательного присутствия в судебном заседании подсудимого оправдано и целесообразно. Анализируя обоснованность рассмотрения уголовных дел в отсутствие подсудимого, исследователи указывали что оно «...нежелательно, но допустимо» [9, с. 138–143; 27]. Более того ученые отмечали, что нарушение обязательного присутствия обвиняемого при рассмотрении его дела судом, не только меняет и усложняет ход судебного разбирательства, но и «...затрагивает реализацию основных начал, принципов уголовного судопроизводства, отступление от которых недопустимо» [15, с. 92–98; 26, с. 152], ссылаясь при этом на принципы состязательности и разумного срока уголовного судопроизводства. Соглашаясь с данными аргументами, мы все-таки полагаем, что необходимо учитывать и то, что по данным статистики, органы внутренних дел, например, на 31 января 2024 года осуществляли розыск 116792 лиц, в том числе около 80 тысяч лиц, скрывшихся от следствия и дознания [10]. Эти лица не были своевременно наказаны, что, в общем-то, порождает у них стремление к совершению новых преступлений, от чего страдает общество, нарушаются государственные интересы, растет негативное отношение граждан к правоохранительным и судебным органам, а потерпевшие не получают не только морального удовлетворения от того, что лицо, совершившее преступление, наказано, но и материального, поскольку материальный ущерб, причиненный преступлением, не возмещается, хоть на него у потерпевших в большинстве случаев, имеется законное право. Кроме этого, следует отметить затягивание сроков расследования и рассмотрения уголовных дел, поскольку принимаются меры для розыска обвиняемых, а в случае, если место их нахождения так и не устанавливается, можно говорить о том, что не работает принцип неотвратимости наказания. Указанные обстоятельства и потребовали от законодателя разработать условия, обеспечивающие реализацию процессуальных гарантий соблюдения прав участвующих в процессе лиц и введения норм, позволяющих рассматривать уголовные дела в отсутствие подсудимого.

Многие ученые рассматривают понятие «заочное производство», означающее «осуществляемый вне непосредственного контакта с кем-нибудь» [13, с. 216], и «рассмотрение уголовных дел в отсутствие подсудимого» синонимами, а выражение «заочное рассмотрение уголовного дела» понимают как рассмотрение уголовного дела в судебном разбирательстве по первой инстанции в отсутствие подсудимого [7; 9; 15; 25].

С данным мнением согласиться нельзя. На наш взгляд, судебное разбирательство в отсутствие подсудимого может осуществляться в двух случаях: во-первых, при неявке подсудимого либо его отказа явиться в суд и участвовать при разбирательстве его уголовного дела, во-вторых, при удалении подсудимого из зала суда в связи с нарушением порядка судебного заседания или исходя из особенностей уголовного дела, например, на период дачи показания взрослым из зала суда может быть удален его несовершеннолетний соучастник. И в том, и в другом случае, все производство по делу или его часть производится в отсутствие подсудимого или подсудимый временно на какой-то период удаляется из зала суда. Таким образом, понятие рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого шире, чем понятие заочное производство. К критериям, позволяющим выделить данное производство, можно также отнести приговор либо иное решение суда, вынесенное в отсутствие подсудимого, что позволяет его отмену в случае если обвиняемый или его защитник, будут ходатайствовать о рассмотрении дела в их присутствии (ч. 7 ст. 247 УПК РФ).

Исследуя природу порядка рассмотрения уголовных дел в отсутствие подсудимого, многие ученые приходили к убеждению, что это одна из дифференцированных уголовно-процессуальных форм судебного разбирательства [8] и мы согласны с данным мнением. В то же время сложно согласиться, например, с точкой зрения ученых о том, что данный порядок судебного разбирательства принадлежит к числу мер, направленных исключительно для ускорения производства [24, с. 496–497] или его упрощения [21, с. 14]. Ускорить и упростить процесс, значит его убыстрить [13, с. 836–837], т.е. предпринять определенные действия быстрее, чем если бы эти же действия происходили в обычном режиме, либо отказаться от совершения каких-либо действий, которые в обычном режиме должны или могли быть произведены. В доктрине можно встретить и мнение, что ч. 4 ст. 247 и часть 5 этой же статьи УПК РФ предполагают различный подход и различную оценку разбирательства уголовного дела при отсутствии подсудимого: ч. 4 ст. 247 УПК РФ позволяет говорить об ускоренном производстве, а ч. 5 – о производстве с усиленными процессуальными гарантиями [1].

Отсутствие подсудимого не ускоряет и не упрощает процесс, а осложняет его, хотя следует признать, что в данном случае отсутствует сопротивление, которое может оказывать обвиняемый, не соглашаясь с предъявленным обвинением и приводя

свои возражения, часто лишённые логики и обоснования, и в этой связи мы разделяем опасения ряда ученых, полагающих что указанный порядок достаточно часто применяется именно с целью упрощения и ускорения судебного разбирательства [22, с. 127–133].

Любая деятельность фактически направлена на достижение каких-то результатов. Если мы специально ускоряем процесс, то очевидно желаем быстрее получения определенного результата, в нашем случае, судебного решения (обвинительного либо оправдательного). Однако, законодатель требует проводить определенную процедуру, обеспечивающую реализацию прав лица, отсутствующего в зале судебного заседания и эта деятельность по уголовным делам может занимать время на несколько порядков дольше, чем сама процедура судебного разбирательства. Это относится, например, к требованию обеспечить доказательствами факт нахождения подсудимого за пределами Российской Федерации, либо факт, что он скрывается и место его нахождения установить нельзя, а эта процедура может занимать не один год. В качестве примера можно привести данные Комсомольского районного суда Ивановской области. В 2020 году в заочном производстве было рассмотрено уголовное дело по обвинению гр. О. скрывавшегося от суда и обвиняемого в совершении тяжкого преступления, совершенного в 2014 году более 5 лет от момента совершения преступления до судебного решения, а это не малый срок [6]. Ускорение процесса не может выступать определяющим фактором еще и потому, что в ч. 5 ст. 247 УПК РФ, речь идет о тяжких и особо тяжких преступлениях, совершенных в условиях неочевидности, расследование которых занимает, как правило, длительное время. Ускорение процесса целесообразно и достаточно эффективно по делам о преступлениях, совершенных в условиях очевидности, когда не требуется длительный сбор доказательств, свидетели – очевидцы, еще в деталях помнят все что они видели, сам обвиняемый не отрицает своей причастности к преступлению, а у правоохранительных органов нет никаких даже малейших сомнений в том, что преступление совершило именно данное лицо. К сокращенному производству мы относим рассмотрение уголовного дела в порядке гл. 40 УПК РФ. Производство по делу может быть ускорено, путем отказа от полноценного судебного разбирательства, поскольку обвиняемый признает себя виновным, и поэтому нет необходимости исследовать все доказательства его вины. Вот тогда и стоит говорить об ускорении процесса.

Отнести заочное разбирательство как форму рассмотрения уголовного дела в отсутствие подсудимого обозначенную законодателем в ч. 4 ст. 247 УПК РФ к упрощенной форме судебного разбирательства [14, с. 195–202], на наш взгляд, оснований нет. Мы, вообще полагаем, что целесообразно отказаться от самого термина «упрощенное производство». Упростить процедуру судебного

го разбирательства можно путем поверхностного, неглубокого совершения обязательных действий, а в уголовном судопроизводстве такие действия непозволительны.

Применимо к рассмотрению уголовных дел при отсутствии подсудимого, процедура судебного разбирательства сохраняется полностью и не ускоряется и тем более не упрощается в связи с тем, что обвиняемый отсутствует. Более того, его отсутствие требует от суда более тщательного подхода к исследованию доказательственной базы, выявлению его позиции, которую обвиняемый занимал на стадии предварительного расследования, если это имело место [16]. На председательствующего, кроме того, возлагается повышенная ответственность по реализации принципа состязательности и равноправия сторон, т.е. обеспечение участия защитника, а при необходимости и переводчика.

Не свидетельствует об ускорении и упрощении данного производства и обязательность повторного судебного разбирательства в случае, если устраняются обстоятельства, позволившие рассмотреть данное дело в заочном формате, а осужденный либо его защитник ходатайствуют о новом судебном разбирательстве уже в их присутствии. Таким образом, можно сделать достаточно аргументированный вывод о том, что отсутствие подсудимого не упрощает и не сокращает ход судебного разбирательства, а скорее усложняет и без того, не простую деятельность по рассмотрению уголовного дела.

Мы полагаем, что поскольку порядок, процедура судебного разбирательства в отсутствие подсудимого существенным образом не меняется, но в ней присутствуют определенные специфические моменты, требующие иного, несколько измененного порядка рассмотрения уголовного дела, производство при рассмотрении уголовных дел в отсутствие подсудимого следует отнести к особым производствам к таким как производства по рассмотрению уголовных дел судом с участием присяжных заседателей, с разбирательством дел о преступлениях несовершеннолетних или о применении принудительных мер медицинского характера [17, с. 312; 24, с. 140].

С данной точкой зрения, уже высказанной рядом ученых и признававшейся ранее законодателем [23] следует согласиться. В любом случае мотивацией выделения данных производств в группу особых, явилась необходимость разработки и закрепления дополнительных гарантий, обеспечивающих права и законные интересы участвующих и (или) отсутствующих лиц.

Системный анализ норм уголовно-процессуального закона позволяет прийти к выводу, что нормы, регламентирующие порядок заочного разбирательства уголовных дел, представляют собой самостоятельный уголовно-процессуальный институт.

Под правовым институтом в теории права понимается «...совокупность норм, обеспечивающих цельное, относительно законченное регули-

рование в пределах своего определенного участка общественных отношений данного вида или рода» [2, с. 120]. Продолжая развивать данную мысль С.С. Алексеева, Д.А. Керимов указывал, что «Правовой институт регулирует не всю совокупность однородных общественных отношений, в лишь различные стороны (признаки, особенности) одного типичного общественного отношения. Вместе с тем институт права, будучи подсистемой системы отрасли права, имеет общие с ней характеристики – объективную обособленность и органическое единство компонентов, специфичность метода, относительную самостоятельность, устойчивость и автономность функционирования» [11, с. 268].

Соглашаясь с таким подходом, полагаем, что признаками уголовно-процессуального института будут являться особый предмет и метод правового регулирования, а также наличие не только общих принципов, регулирующих данную деятельность, но и специфических принципов.

Предметом данного правового института являются отношения, возникающие при рассмотрении в судебном разбирательстве уголовных дел в отсутствие подсудимого: по делам небольшой или средней тяжести в случае если подсудимый сам ходатайствует о рассмотрении дела в его отсутствие и по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях если подсудимый находится за пределами Российской Федерации и (или) уклоняется от явки в суд.

К особенностям правоотношений, возникающих при разбирательстве уголовного дела в отсутствие подсудимого, мы относим как обязанность суда устанавливать основания и условия, позволяющие рассматривать уголовное дело в отсутствие подсудимого, так и его обязанность обеспечивать соблюдение прав и законных интересов лица, в отсутствие которого рассматривается уголовное дело. Следует учитывать также и то, что обстоятельства, вызывающие необходимость заочного судебного разбирательства, возникают по воле обвиняемого, в одном случае как следствие его неправомерных действий, например, сокрытие от суда (ч. 5 ст. 247 УПК РФ), а в другом как проявление волеизъявления на возможность отсутствия в судебном заседании при рассмотрении его уголовного дела. Должностные лица сами не иницируют заочное производство.

Следующим признаком, позволяющим говорить о данном производстве как об уголовно-процессуальном институте, является наличие специфических принципов, регулирующих данную деятельность. В науке уголовно-процессуального права прочно устоялось мнение о целесообразности выделения несколько групп принципов: общеправовые, межотраслевые, отраслевые и принципы отдельных институтов. [18, с. 30–31] Принципы формулируются законодателем как отдельные нормы, либо существуют как «скрытые», спрятанные в конкретных нормах общие нормативные положения [3, с. 103–104], поэтому некоторые ученые, а мы соглашаемся и поддерживаем данную

точку зрения, полагают что количество принципов уголовного судопроизводства намного больше того количества, которое указал законодатель в главе 2 УПК РФ. Такую точку зрения высказывали А.С. Александров [4, с. 162–178], А.А. Тарасов [20, с. 66–69], А.В. Смирнов и К.Б. Калининский [19, с. 471–472] и другие процессуалисты. Поэтому система принципов уголовного судопроизводства не может быть закрытой, ограниченной. С развитием общественных отношений, их изменением и появлением новых, требующих правового регулирования вполне логично, что появляются и новые требования, основополагающие руководящие положения, выражающие сущность этих новых явлений, обеспечивающие как соблюдение процессуальной формы, так и решения, поставленных в настоящий период времени, задач.

Безусловно такая форма судебного разбирательства при отсутствии подсудимого осуществляется на основе общих принципов уголовного судопроизводства. Однако ей присущи и специальные принципы, которые относятся только к данному виду процессуальной деятельности, данному институту. К таким принципам, на наш взгляд, следует отнести принцип обеспечения права на рассмотрение дела в отсутствие подсудимого, принцип обоснованности рассмотрения уголовных дел данной категории и принцип комплексности характера действий и решений, обеспечивающих возможность разбирательства уголовных дел в отсутствие подсудимого.

Принцип обеспечения права на рассмотрение дела в отсутствие подсудимого

Статья 2 Конституции РФ определяет, что «человек, его права и эти права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Эта обязанность реализуется путем создания системы процессуальных гарантий, которые включают различные средства и способы и формы защиты прав, свобод и законных интересов личности.

Обвиняемый (подсудимый) в соответствии с п. 16 ч. 4 ст. 47 УПК РФ вправе участвовать в судебном разбирательстве уголовного дела в судах. Обеспечивая данное право, должностные лица обязаны создавать реальные условия для его реализации, поэтому в уголовно-процессуальном законе разработана система процессуальных гарантий. Однако, поскольку это право лица, то очевидно, что это лицо по своей воле может данным правом и не воспользоваться, так как заставить лицо реализовать свои права, никто не может. Само по себе присутствие лица в зале судебного заседания еще не означает, что лицо будет активно сотрудничать с судом и сторонами, делится своими впечатлениями, воспоминаниями и давать показания, соответствующие обстоятельствам дела, а также активно осуществлять защитительную деятельность. Он может отказаться давать показа-

ния вообще, он может отказаться идти в зал судебного заседания, а все-таки доставленный туда, будет демонстрировать отсутствие своего интереса к процессу. Так по уголовному делу П. обвиняемый, доставленный в зал судебного заседания, демонстративно сидел, закрыв глаза и заткнув уши, не желая ничего слышать и видеть, отказался от дачи показаний и последнего слова. Таким образом, подсудимый выражал протест против, якобы примененного в отношении его насилия при проведении предварительного следствия [5]. Своим поведением он не создавал сложности в ведении процесса, поэтому судья не считал необходимым удалить подсудимого из зала суда в соответствии со ст. 258 УПК РФ. В тоже время сказать с уверенностью, что подсудимый участвовал в процессе, при таком его поведении, сложно.

Принимая решение о предоставлении гражданину возможности реализовать его право на отсутствие в зале судебного заседания при рассмотрении дела о совершении им преступлении небольшой либо средней тяжести, законодатель, на наш взгляд, обеспечивал лицу право выбора возможного поведения.

Одной из процессуальных гарантии реализации прав при судебном разбирательстве уголовного дела является обязательное уведомление подсудимого о назначении судебного разбирательства, поэтому если надлежаще уведомленное лицо обращается с ходатайством, оформленным надлежащим образом, о рассмотрении дела о совершении им преступления небольшой либо средней тяжести в его же отсутствие, такое ходатайство, на наш взгляд, следует рассматривать как реализацию принадлежащего права.

Принцип обоснованности рассмотрения уголовных дел в отсутствие подсудимого

Этимологическое значение слова «обосновать» предполагает «подкрепить доказательствами что-нибудь, привести убедительные доводы для доказательства чего-либо, доказать правильность чего-нибудь» [13, с. 432].

Некоторые авторы указывали, что «...в уголовно-процессуальном смысле обоснованность возможности или необходимости заочного судебного разбирательства предполагает, что должностное лицо, уполномоченное принимать соответствующее решение, обязано подтвердить правильность этого решения совокупностью собранных доказательств. Доказательства должны быть допустимыми и достоверными» [12, с. 51]. Должностные лица должны принимать решения только при наличии определенных оснований. Основания могут быть фактические и юридические. К фактическим основаниям мы можем отнести сведения о том, что обвиняемый не может присутствовать при рассмотрении его уголовного дела в суде (командировка, семейные обстоятельства, состояние здоровья, нежелание присутствовать в судебном разбирательстве). Юридические основания пред-

полагают, во-первых, предусмотренные законом обстоятельства с которыми закон связывает возможность заочного разбирательства, а во-вторых, наличие соответствующих процессуальных документов, позволяющих рассмотреть уголовное дело заочно (ходатайство, доказательства отсутствия лица на территории РФ, информация об уклонении подсудимого от явки в суд и пр.).

Принцип комплексности характера действий и решений, создающих возможность разбирательства уголовных дел в исследуемой форме

Комплексность характера действий и решений должностных лиц, позволяющих в конечном итоге, рассмотреть уголовное дело в отсутствие подсудимого, проявляется в том, что к окончательному решению суда, назначившему уголовное дело к рассмотрению в отсутствие подсудимого, непосредственное касательство имеют органы и должностные лица, которые своими действиями пытались устранить причины и условия, вызвавшие заочное разбирательство.

Это следственные и оперативно-розыскные действия, которые осуществлялись на досудебном этапе органами предварительного следствия и органами дознания по поручению следователя. И только на основании обоснованно принятых ими законных решений, после проведения комплекса мероприятий, позволяющих прийти к однозначному выводу о том, что обвиняемый не находится на территории Российской Федерации, не желает вернуться в Россию, скрывается от суда и (или) уклоняется от явки в суд, может быть принято судом решение о назначении дела в отсутствие подсудимого.

Таким образом, можно прийти к вполне обоснованному выводу, что совокупность уголовно-процессуальных норм, регулирующих разбирательство уголовных дел в отсутствие подсудимого, представляет собой самостоятельный правовой институт, а порядок рассмотрения уголовных дел данной категории позволяет говорить об особом порядке уголовного судопроизводства.

Литература

1. Адвокатура в России: Учебник для вузов / под ред. д.ю.н., проф. В.И. Сергеева. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Юстицинформ, 2019. – 548 с.
2. Алексеев С.С. Структура советского права. – М., 1975. – 264 с.
3. Алексеев С.С. Проблемы теории права: курс лекции в 2-х томах. Т. 1. – Свердловск, 1972. – 396 с.
4. Александров А.С. Принципы уголовного судопроизводства // Правоведение. – 2003. – № 5. – С. 162–178.
5. Архивное уголовное дело Советского районного суда гор. Челябинска.
6. Архивное уголовное дело Комсомольского районного суда Ивановской области.
7. Бендерская Е.Г. Рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Бендерская Екатерина Геннадьевна. – М., 2010. – 209 с.
8. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве: монография / под ред. Л.Н. Масленниковой. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. – 448 с.
9. Ильютченко Н.В. Заочный приговор: понятие и особенности // Судебная власть и уголовный процесс. – 2018. – № 1. – С. 138–143.
10. Информация о розыске лиц, скрывшихся от дознания, следствия и суда уклоняющихся от исполнения уголовного наказания, без вести пропавших, а также об установлении личности граждан и неопознанных трупов. Открытые данные // Официальный сайт МВД России. Режим доступа: https://mvd.ru/opendata/7727739372-MVD_GIAC_3.11 (дата доступа: 03.03.2024 г.).
11. Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). – М., 2001. – 559 с.
12. Кочетова А.В. Актуальные вопросы института приостановления производства по уголовному делу: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Кочетова Алла Валерьевна. – Челябинск, 2006. – 262 с.
13. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1989. – 750 с.
14. Попова И.П., Смирнова И.Г. Заочное судебное разбирательство по уголовным делам: проблемы реализации в контексте сравнительно-правового исследования // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 431. – С. 195–202.
15. Попова И.П. Заочное судебное разбирательство: актуальные проблемы теории и практики // Самарский юридический вестник. – 2016. – Т. 2. – № 2. – С. 92–98.
16. Пупышева Л.А. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, в системе уголовного процесса: дисс. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / Пупышева Любовь Андреевна. – Омск, 2022. – 458 с.
17. Рустамов Х.У. Дифференциация форм уголовного процесса (современные тенденции и проблемы совершенствования): дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / Рустамов Хасплат Умалатович. – М., 1997. – 335 с.
18. Семенов В.М. Конституционные принципы гражданского судопроизводства. – М., 1982. – 152 с.
19. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс. – СПб., 2004. – 697 с.
20. Тарасов А.А. Развитие системы принципов уголовного процесса в новом УПК России // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: год правоприменения и препо-

- давания. Материалы международной научно-практической конференции, 27–28 октября 2003 г. – М.: Изд-во МГЮА, 2004. – С. 66–69.
21. Трубникова Т.В. Упрощенные судебные производства в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Трубникова Татьяна Владимировна. – Томск, 1997. – 264 с.
 22. Трубникова Т.В. Рассмотрение дела в отсутствие подсудимого (заочное производство) в системе упрощенных судебных уголовно-процессуальных производств // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 315. – С. 127–133.
 23. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. // Режим доступа: <https://governmentussr.ru/zakonodatelstvo-sssr/kodeksy/ugolovno-protsessualnyy-kodeks-rsfsr/ugolovno-protsessualnyy-kodeks-rsfsr-1923g/> (дата доступа: 03.03.2024 г.).
 24. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. – СПб., 1996. – 607 с.
 25. Хайдаров А.А. Проблемы заочного участия подсудимого в ходе судебного следствия в уголовном судопроизводстве России // Бизнес в законе. – 2013. – № 1. – С. 104–106.
 26. Хитрова О.В. Судебное разбирательство в отсутствие подсудимого. // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2006. – № 9. – С. 152–154.
 27. Criminal procedure code of the Republic of Armenia // https://legislationline.org/sites/default/files/documents/54/Armenia_CPC_1998_am2016_en.pdf (дата доступа: 03.03.2024 г.).

CONSIDERATION OF CRIMINAL CASES IN THE ABSENCE OF THE DEFENDANT AS A DIFFERENTIATED FORM OF CRIMINAL PROCEEDINGS AND A PROCEDURAL INSTITUTION

Darovskikh O.I., Darovskikh S.M.

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

The article examines some theoretical issues relating to the consideration of a criminal case in court proceedings in the absence of the defendant. The authors substantiate the differences between the concepts of “considering a criminal case in the absence of the defendant” and “considering a criminal case in absentia”, argue for the advisability of the emergence of such a form as a trial in the absence of the defendant, and critically evaluate the arguments of scientists who attribute this form to simplified proceedings. The authors provide arguments that allow this procedure to be classified as special proceedings.

The article sets out arguments regarding the consideration of the norms of criminal procedure law governing trial proceedings in the absence of the defendant, as a procedural institution; the subject and features of legal relations arising during the consideration of cases of this category are determined, a number of specific principles regulating activities related to the consideration of cases in the absence of the defendant are identified.

Keywords: trial, absence of the defendant, absentee proceedings, legal proceedings, procedural institution.

References

1. Advocacy in Russia: Textbook for universities / ed. Doctor of Law, Prof. IN AND. Sergeeva. – 5th ed., revised. and additional – М.: Justitsinform, 2019. – 548 p.

2. Alekseev S.S. The structure of Soviet law. – М., 1975. – 264 p.
3. Alekseev S.S. Problems of the theory of law: a course of lectures in 2 volumes. Т. 1. – Sverdlovsk, 1972. – 396 p.
4. Alexandrov A.S. Principles of criminal proceedings // Jurisprudence. – 2003. – No. 5. – P. 162–178.
5. Archival criminal case of the Sovetsky District Court of the city. Chelyabinsk.
6. Archival criminal case of the Komsomolsky District Court of the Ivanovo Region.
7. Benderskaya E.G. Consideration of a criminal case in the absence of the defendant: dis. ...cand. legal Sciences: 12.00.09 / Benderskaya Ekaterina Gennadevna. – М., 2010. – 209 p.
8. Evidence and decision-making in adversarial criminal proceedings: monograph / ed. L.N. Maslennikova. – М.: Norma: IN-FRA-M, 2023. – 448 p.
9. Ilyutchenko N.V. Sentence in absentia: concept and features // Judicial power and criminal process. – 2018. – No. 1. – P. 138–143.
10. Information on the search for persons who have fled from the inquiry, investigation and court, evading the execution of criminal punishment, missing persons, as well as on identifying citizens and unidentified corpses. Open data // Official website of the Russian Ministry of Internal Affairs. Access mode: https://mvd.ru/opendata/7727739372-MVD_GIAC_3.11 (access date: 03/03/2024).
11. Kerimov D.A. Methodology of law (subject, functions, problems of philosophy of law). – М., 2001. – 559 p.
12. Kochetova A.V. Current issues of the institution of suspension of criminal proceedings: dis. ...cand. legal Sciences: 12.00.09 / Kochetova Alla Valerievna. – Chelyabinsk, 2006. – 262 p.
13. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language / ed. N. Yu. Shvedova. – М., 1989. – 750 p.
14. Popova I.P., Smirnova I.G. Absentee proceedings in criminal cases: problems of implementation in the context of comparative legal research // Bulletin of Tomsk State University. – 2018. – No. 431. – P. 195–202.
15. Popova I.P. Trial in absentia: current problems of theory and practice // Samara Legal Bulletin. – 2016. – Т. 2. – No. 2. – P. 92–98.
16. Pupysheva L.A. Proceedings to consider and resolve issues related to the execution of a sentence in the criminal process system: dissertation. ... doc. legal Sciences: 12.00.09 / Pupysheva Lyubov Andreevna. – Omsk, 2022. – 458 p.
17. Rustamov Kh.U. Differentiation of forms of criminal proceedings (modern trends and problems of improvement): dis. ... doc. legal Sciences: 12.00.09 / Rustamov Khasplat Umalatovich. – М., 1997. – 335 p.
18. Semenov V.M. Constitutional principles of civil proceedings. – М., 1982. – 152 p.
19. Smirnov A.V., Kalinovskiy K.B. Criminal process. – St. Petersburg, 2004. – 697 p.
20. Tarasov A.A. Development of the system of principles of criminal procedure in the new Code of Criminal Procedure of Russia // Criminal Procedure Code of the Russian Federation: a year of law enforcement and teaching. Materials of the international scientific-practical conference, October 27–28, 2003 – М.: Publishing house MGYuA, 2004. – P. 66–69.
21. Trubnikova T.V. Simplified judicial proceedings in the criminal process of Russia: dis. ...cand. legal Sciences: 12.00.09 / Trubnikova Tatyana Vladimirovna. – Tomsk, 1997. – 264 p.
22. Trubnikova T.V. Consideration of a case in the absence of the defendant (absentia proceedings) in the system of simplified judicial criminal proceedings // Bulletin of Tomsk State University. – 2008. – No. 315. – P. 127–133.
23. Criminal Procedure Code of the RSFSR 1923 // Access mode: <https://governmentussr.ru/zakonodatelstvo-sssr/kodeksy/ugolovno-protsessualnyy-kodeks-rsfsr/ugolovno-protsessualnyy-kodeks-rsfsr-1923g/> (access date: 03/03/2024).
24. Foinitsky I. Ya. Criminal Justice Course. Т. 2. – St. Petersburg, 1996. – 607 p.
25. Khaidarov A.A. Problems of the defendant’s participation in absentia during the judicial investigation in criminal proceedings in Russia // Business in Law. – 2013. – No. 1. – P. 104–106.
26. Khitrova O.V. Trial in the absence of the defendant. // Bulletin of Orenburg State University. – 2006. – No. 9. – P. 152–154.
27. Criminal procedure code of the Republic of Armenia // https://legislationline.org/sites/default/files/documents/54/Armenia_CPC_1998_am2016_en.pdf (access date: 03/03/2024).

Систематизация подходов к доктринальному основанию концепции определения разумного срока в уголовно-процессуальной науке

Егорова Раиса Евгеньевна,

старший преподаватель кафедры специальной и автомобильной техники, Санкт-Петербургский университет МВД России
E-mail: egorova461a@yandex.ru

Несмотря на то что термин «разумный срок» введен в уголовно-процессуальное законодательство 14 лет назад, ни легального, ни единого доктринального подхода к его толкованию до сих пор не выработано. Исследование проводилось с использованием эмпирических (описание, сравнение, обобщение) и теоретических (анализ, синтез, дедукция) методов. Выявлены и проанализированы три сложившиеся в уголовно-процессуальной науке концепции определения разумного срока уголовного судопроизводства. Обосновано, что ключевыми причинами, препятствующими формированию целостного подхода к определению данного понятия, являются отсутствие общепризнанного толкования термина «разумный» и принятие во внимание причинно-следственной связи содержания уголовно-процессуальной деятельности и её продолжительности.

Сформулированы авторские определения разумной уголовно-процессуальной деятельности и разумного срока уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: разумный срок уголовного судопроизводства; разумность; полнота, всесторонность, быстрота уголовного судопроизводства; уголовно-процессуальная деятельность.

Федеральным законом от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» были внесены изменения в УПК РФ, в соответствии с которыми уголовное судопроизводство пополнилось новым принципом «Разумный срок уголовного судопроизводства» (ст. 6.1). Практическое применение нового положения сразу же столкнулось с определенными трудностями, обусловленными в первую очередь тем, что ни законодательного, ни доктринального толкования разумного срока применительно к сфере уголовного судопроизводства на тот момент не имелось. Законодатель ограничился обозначением периода времени, который принимался во внимание при определении разумного срока, и перечнем обстоятельств, учитываемых при оценке срока. Категориальный аппарат науки уголовного процесса так же не содержал понятие разумного срока, так как ни в советском, ни в российском уголовном процессе данное положение ранее не использовалось. Высшие судебные инстанции в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 30, Пленума ВАС РФ № 64 от 23.12.2010 и постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 № 11, посвящённых вопросам, возникающим при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок также не смогли предложить официального толкования новой категории.

В сложившейся ситуации остро встал вопрос дефиниции разумного срока в уголовном судопроизводстве. Как писал в 2011 году А.В. Образцов, «правоприменение нуждается в развитии и конкретизации правил о разумных сроках в уголовном судопроизводстве. Для этого, безусловно, надлежит сформулировать понятие разумного срока в уголовном судопроизводстве» [1, с. 33]. Однако, несмотря на многочисленные исследования, проведенные за 14 лет, прошедших со времени принятия закона, единого мнения по данному вопросу в науке уголовного процесса так и не сложилось, и проблема определения разумного срока в уголовном судопроизводстве остается актуальной до сих пор.

Анализ научных публикаций по вопросам разумного срока уголовного судопроизводства позволил выявить несколько сложившихся концепций определения данного понятия.

В основе первой концепции лежит прецедентная практика Европейского Суда, который при рассмотрении жалоб о несоблюдении положений статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) принимал во внимание психологическое состояние обвиняемого, его беспокойство и неуверенность в своем будущем. Данной концепции придерживаются, например, С.Б. Некенова [2], Н.А. Соловьева и В.М. Шинкарук [3], О.В. Качалова [4].

Возражение вызывает то обстоятельство, что имплементация статьи 6 Конвенции в российское уголовное судопроизводство существенно расширила перечень субъектов права на разумный срок. Переживания обвиняемого и переживания потерпевшего относительно продолжительности предварительного расследования имеют, как правило, противоположную направленность. В связи с чем, связывать разумный срок производства по уголовному делу с неимущественным интересом лица в установлении предела его состоянию неопределенности и беспокойства» (С.Б. Некенова), или спокойствием и душевным равновесием лица, его чувством безопасности (Н.А. Соловьева, В.М. Шинкарук, Ю.А. Андриенко) представляется нам не вполне корректным.

Вторая концепция состоит в определении разумного срока как срока, отвечающего назначению уголовного процесса или его обеспечивающего. Сторонниками данной концепции являются И.С. Дикарев и П.С. Гордеев [5], И.В. Малофеев [6], К.В. Волынец [7], М.Н. Зацепина [8] и другие. Бесспорно, разумный срок производства по уголовному делу является одним из условий реализации назначения уголовного процесса. Однако следует признать, что формулировка назначения уголовного процесса вызывает серьезную критику ученых-процессуалистов. В силу неопределенности содержания данной категории, в научных публикациях можно встретить различные варианты толкования её сущности: цель, задача, принцип, функция и сфера применения [9]. Отсутствие единодушия в понимании сути назначения уголовного процесса усложняет практическое применение определений разумного срока, предлагаемых указанными авторами.

Стоит также отметить, что в статье 6 «Назначение уголовного судопроизводства» УПК РФ упоминаются только обвиняемые, потерпевшие и лица, подвергшиеся уголовному преследованию. В то время как Федеральный закон от 30.04.2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» распространяет свое действие на больший круг участников процесса. Данное обстоятельство также не позволяет согласиться с предложенными дефинициями.

Третья концепция состоит в определении разумного срока, как периода времени, в рамках которого решаются определённые цели и задачи уголовного судопроизводства: разрешение уголовно-

правового конфликта (А.Г. Мордвинов, Д.Г. Рожков) [10], осуществление производства по уголовному делу с надлежащей полнотой и объективностью без необоснованных задержек и «упрощенчества» (М.Н. Зацепина) [8], осуществление предусмотренного законом правильного и своевременного рассмотрения и разрешения дела (В.Л. Сокоян) [11], достижение целей уголовного судопроизводства и обеспечение реализации участниками процесса своих прав период (К.В. Волынец) [7].

В целом, данный подход представляется нам более соответствующим сути уголовного судопроизводства, однако отдельные правовые или фактические неточности, допускаемые авторами, не позволяют в полной мере согласиться с вышеприведенными определениями разумного срока. К числу недостатков дефиниций можно отнести:

1) определение разумного срока (понятия, которое само по себе является оценочным), посредством других оценочных терминов, которые, не раскрывая сущности определяемого понятия, только усложняют дефиницию, расширяя границы субъективного толкования;

2) терминологические и логические неточности;

3) односторонний подход к определению, когда авторами, раскрывается только часть признаков, характеризующих разумный срок как период времени производства по уголовному делу.

В этой связи следует упомянуть неоднократно озвученную правовую позицию Конституционного Суда РФ, согласно которой неопределенность содержания правовой нормы может привести к неограниченному усмотрению правоприменителя, что, в свою очередь, будет способствовать нарушению принципов равенства и верховенства закона (Постановление Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2005 года № 10-П). Добавим, что точность, проработанность понятий, закрепленных в нормативных актах, напрямую определяют качество регулирования уголовно-процессуальных отношений.

По нашему мнению, среди причин, препятствующих формированию целостного подхода к определению разумного срока в уголовном судопроизводстве, следует выделить два обстоятельства:

1) отсутствие в юридической литературе общепризнанного толкования термина «разумный», являющегося ключевым для понимания рассматриваемого нами понятия;

2) исследование понятия разумный срок уголовного судопроизводства без учета причинно-следственной связи содержания уголовно-процессуальной деятельности и её продолжительности.

Прилагательное «разумный» имеет в русском языке несколько значений. Применительно к действиям словарные источники определяют понятие «разумный» как «оправдываемый разумом, основанный на разуме, обладающий положительным смыслом» (толковый словарь Ушакова)¹ «логичный, целесообразный», «последовательный»

¹ <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/999842>

(толковый словарь Ожегова. Шведовой)¹ Философский словарь Спонвиля, определяя различия между разумным и рациональным, указывает, что разумное – то, что разум может оправдать, принимая во внимание определенное число желаний или идеалов, заданных чем-то другим, помимо разума [12].

В философии «разумность» и «разум» являются одними из центральных категорий, сущность которых ещё во времена античности раскрывалась философами через такие категории как соотношение, сочетание, мера и смысл [13, с. 37]. В более поздние исторические периоды философия продолжала раскрывать сущность разумности через понятия «соотношение», «сочетание», «мера», оценивая реальность с точки зрения соответствия некоему абсолюту или идеалу [14, с. 8]. При этом мерилем оценки разумности признавалась какая-либо идея, принцип или сам человек. Опираясь на традиционные представления философии о разуме, можно сказать, что разумным является то, что соответствует или отвечает некоему «абсолюту» или «этalonу», в качестве которого могут выступать определенные цели (идеи) или критерии, закрепленные в нормах морали или в законодательных актах.

Следовательно, для того, чтобы оценить продолжительность производства по конкретному уголовному делу, как разумную, у субъекта оценки должно быть представление о том, каким должен быть идеальный срок по данному уголовному делу с учетом правовой или фактической сложности дела, поведением участников и другими обстоятельствами. Другими словами, для оценки действия или решения, с точки зрения разумности, необходимо иметь образец, (этalon, «абсолют»), который будет выступать мерилем оценки, и в сравнении с которым будет происходить оценка объекта.

Данный тезис возвращает нас к вопросу о взаимосвязи содержания уголовно-процессуальной деятельности и её срока.

Как любая деятельность, уголовно-процессуальная деятельность, включает в себя цель, средства, процесс (совокупность последовательных действий) и результат, который в идеальной модели деятельности должен совпадать с поставленной целью. Главным элементом, которому подчинены все остальные является цель, то есть идеальное мысленное предвосхищение результата деятельности. Примечательно, что Современный толковый словарь русского языка Ефремовой рассматривает понятия «разумный» и «целесообразный» как синонимы. Заменяя «разумный» на соответствующий синоним, получаем «целесообразная деятельность», что можно интерпретировать, как деятельность, направленная на достижения целей уголовного судопроизводства.

Вместе с тем, на временные рамки уголовного судопроизводства будет оказывать влияние каждый из элементов деятельности: сложность самой цели, совокупность средств, необходимых для её

достижения, количество и трудоемкость процессуальных действий, организация процесса деятельности. Следовательно, влиять на продолжительность уголовно-процессуальной деятельности возможно посредством изменения элементов, её составляющих (например, изменение цели, ограничение или, наоборот, расширение доступных средств, повышение эффективности организации процесса и т.д.).

Взаимообусловленность содержания деятельности и её продолжительности позволяет выдвинуть тезис о том, что разумный срок может быть только следствием разумной деятельности, логичным её результатом. Для подтверждения данного тезиса необходимо определить признаки разумной уголовно-процессуальной деятельности.

Представление законодателя об идеальном уголовном судопроизводстве отражается в нормах уголовно-процессуального закона, который представляет собой проекцию государственной политики в сфере уголовного судопроизводства на конкретном историческом этапе. Уголовно-процессуальный закон не только формулирует цель уголовного процесса, но и содержит определенные требования к порядку осуществления уголовно-процессуальной деятельности. Традиционно эти требования касались качества уголовного судопроизводства (полнота, всесторонность, объективность) и его быстроты. В УПК РФ законодатель заменил понятие «цель» на «назначение» и отказался от формулировки задач уголовного процесса. Следует заметить, что с таким решением были согласны не все процессуалисты [15, с. 154; 9, с. 8].

Не углубляясь в подробности развернувшейся дискуссии, отметим, что ведущиеся научные дебаты не отменяют цели как обязательного элемента процессуальной деятельности. Стадийность построения уголовного судопроизводства предполагает достижение на каждой стадии уголовного процесса определенного результата (цели), который служит информационным основанием итогового процессуального решения по данной стадии, после чего производство по уголовному делу переходит на следующую стадию или прекращается. Цель каждой стадии подчинена общей цели уголовного судопроизводства.

После достижения цели продолжение доказательственной деятельности будет неразумным, поскольку не будет иметь отношения к цели, которая и так уже достигнута. Следовательно, в случае продолжения деятельности, и сама деятельность и её срок, автоматически становятся нецелесообразными, то есть неразумными.

Достижение цели уголовного судопроизводства (установления истины или реализации назначения) не является единственным признаком идеальной модели уголовно-процессуальной деятельности. Помимо этого, она должна отвечать требованиям, выдвигаемым законодателем к качеству и продолжительности уголовно-процессуальной деятельности.

¹ <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/200686>

В советский период установление истины, обеспечение выполнения задач быстрого и полного раскрытия преступлений, изобличения виновных и обеспечения правильного применения закона (ст. 2 УПК РСФСР 1960 года). Кроме того, всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела, выявление обстоятельств, как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого являлись обязанностью суда, прокурора, следователя и лица, производящего дознание (ст. 20 УПК РСФСР 1960 года).

Отказ современного российского законодателя от закрепления в любой форме требований быстроты, полноты и всесторонности уголовного судопроизводства нарушил историческую преемственность. Исследователи указывают на необходимость возвращения традиционных для российского уголовного процесса требований полноты, всесторонности и объективности расследования [16, с. 132; 17, с. 43; 18, с. 58].

Следует отметить, что, формально отказавшись от задач полного и всестороннего уголовного процесса, УПК РФ, тем не менее, сохранил общую направленность уголовного судопроизводства на соответствие указанным задачам. Однако эта направленность не получила формы ясно выраженного требования. В.Л. Кудрявцев, анализируя проблемы законодательной техники, связанные с формулированием положений ст. 294 УК РФ «Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования», приходит к выводу о том, что требование полного, всестороннего и объективного расследования, несмотря на то, что действующий УПК РФ не содержит подобной формулировки, вытекают из системного анализа таких статей УПК РФ, как ст. 7, 14, 16, 73, ч. 4 ст. 152, ч. 2 ст. 154 [19, с. 95].

В отличие от предписаний полноты и всесторонности, требование быстроты уголовного судопроизводства долгое время не имело своего аналога в УПК РФ. Отказавшись от задачи быстрого расследования, принятый в 2002 году УПК РФ ничего не предложил взамен, сняв, по сути, с должностных лиц обязанность быстрого расследования. И это обстоятельство незамедлительно сказалось на количестве дел, расследуемых с превышением установленных сроков. Спустя два года после вступления в силу УПК РФ Генпрокуратура РФ констатировала: удельный вес дел, расследованных с нарушением установленного УПК РФ срока в отдельных субъектах, (в том числе и в Санкт-Петербурге, Ленинградской области) превысил 50% [20].

С 13 августа 2019 года, в силу императивных требований Федерального закона от 02.08.2019 № 315-ФЗ «О внесении изменений в статьи 108 и 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», суды стали обязаны при рассмотрении ходатайства о продлении срока содержания под стражей оценивать своевременность производства следственных и иных процессуальных действий. На наш взгляд, это важное дополнение УПК РФ позволит судам более объективно оцени-

вать сложившуюся ситуацию по каждому уголовному делу. Вместе с тем законодателю следует пойти дальше и распространить требование своевременности действий на все уголовное судопроизводство.

Подводя итог проведенному анализу, сформулируем определение разумной уголовно-процессуальной деятельности исходя из требований современного законодательства: деятельность, последовательно направленная на достижение цели каждой стадии уголовного процесса, отвечающая требованиям полноты и всесторонности доказательственной деятельности, а также своевременности осуществления всех процессуальных действий и решений. Сочетание целесообразности, своевременности, полноты и всесторонности уголовно-процессуальной деятельности, обеспечивают необходимую и достаточную продолжительность, как отдельной стадии, так и в целом производства по конкретному уголовному делу. Полнота и всесторонность расследования, не ограниченные временными критериями, могут привести к неконтролируемым срокам расследования и рассмотрения уголовных дел. С другой стороны своевременно, но поверхностно или односторонне проведенные процессуальные действия, приведут к нарушению прав и законных интересов участников уголовного процесса.

При соблюдении всех указанных условий производство по уголовному делу следует признать разумным, а, следовательно, разумным будет и его продолжительность, то есть срок.

Сказанное позволяет сформулировать определение разумного срока уголовного судопроизводства. Разумный срок – это обусловленный особенностями конкретного уголовного дела минимум времени, требующийся для получения в ходе производства процессуальных действий информационных оснований итогового процессуального решения, при условии своевременности, полноты и всесторонности уголовно-процессуальной деятельности.

Сущностными признаками, разумной продолжительности уголовного судопроизводства в целом и досудебного производства, в частности, следует признать:

- 1) прекращение уголовно-процессуальной деятельности после достижения результата, на получение которого была направлена уголовно-процессуальная деятельность на определенном этапе и вынесение итогового процессуального решения;
- 2) своевременность осуществления процессуальных действий и решений, обеспечивающая быстроту процессуальной деятельности;
- 3) полнота и всесторонность уголовно-процессуальной деятельности, то есть установление всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания (ст. 73 УПК РФ), с учетом интересов обеих сторон, отражающие надлежащее качество процессуальной деятельности.

Понятия своевременности, полноты и всесторонности являются традиционными для российской уголовно-процессуальной науки, имеют устойчивую практику и их токование не вызывает затруднений у правоприменителя. Каждый из этих признаков может быть объективно установлен при изучении материалов уголовного дела или материалов проверки по заявлению о преступлении.

Литература

1. Образцов А.В. От разумных сроков в уголовном процессе к принципу разумности // Российский следователь. 2011. № 16. С. 32–33.
2. Некенова С.Б. Принцип обеспечения права лица на разумный срок уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.09 / Некенова Светлана Бадняевна. Саратов, 2015. 262 с.
3. Соловьева Н.А., Шинкарук В.М. Взаимосвязь процессуальной истины и разумных сроков ее установления // Вестник ВолГ У. Серия 5: Юриспруденция. 2014. № 4. С. 159–164.
4. Качалова О.В. Право на разумный срок уголовного судопроизводства в российском уголовном процессе // Уголовный процесс как средство обеспечения прав человека в правовом государстве: материалы Международной научно-практической конференции. Минск: Издательство: Издательский центр БГУ. 2017. С. 34–42.
5. Дикарев И.С., Гордеев П.С. Разумность процессуальных сроков – принцип уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5: Юриспруденция. 2012. № 1 (16). С. 115–117.
6. Малофеев И.В. Разумный срок как принцип уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.09 / Малофеев Илья Викторович. Москва, 2015. 217 с.
7. Вольнец К.В. Гарантии реализации принципа «разумный срок уголовного судопроизводства» при производстве в суде первой инстанции: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.09 / Вольнец Кристина Владиславовна. Томск, 2013. 183 с.
8. Зацепина М.Н. Разумный срок судопроизводства в уголовном процессе России: понятие, содержание, правовые средства реализации: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.09 / Зацепина Мария Николаевна. Москва, 2016. 249 с.
9. Михайлов В.А. Проблема целей и задач уголовного судопроизводства // Труды Академии управления МВД России. 2011. № 3 (19) С. 3–9.
10. Мордвинов А.Г. Процессуальные сроки: особенности установления и исчисления при производстве предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.09 / Мордвинов Александр Вадимович. Ульяновск, 2021. 30 с.
11. Согоян В.Л. Критерии оценки разумного срока в российском законодательстве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2016. № 2. С. 127–134.
12. Андре Конт-Спонвиль. Философский словарь. М.: Палимпсест, Издательство «Этерна». 2012. [Электронный ресурс]. URL: https://philosophy_sponville.academic.ru/1674/Паузный (дата обращения: 12.03.2024).
13. Бабина В.Н. Проблема соотношения рационального и иррационального в историко-философской традиции: онтогносеологический аспект // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2012. № 3 (23). С. 36–46
14. Аксиологическая функция философии: учеб. пособие / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. агентство по образованию, Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования «Магнитог. гос. техн. ун-т им. Г.И. Носова»; [Арзамасцев А.М. и др.]; под ред. А.М. Арзамасцева. Магнитогорск: МГТУ, 2005. 108 с.
15. Борова Д.М. К вопросу о соотношении понятия функции уголовного судопроизводства с понятиями целей, задач и принципов уголовного судопроизводства // Общество и право. 2012. № 5 (42). С. 153–158.
16. Манувлец Э.Е., Загуменный К.И. О назначении, целях и задачах уголовного процесса: особенности разграничения и целесообразность законодательного закрепления // Вестник Института экономических исследований. 2018. № 1 (9). 128–133.
17. Герцен П.О. Проблема обеспечения полноты и объективности предварительного расследования в период режима повышенной готовности к чрезвычайной ситуации // Уголовная юстиция. 2020. № 15. С. 41–46.
18. Айвазова О.В. Всесторонность, полнота и объективность расследования преступлений как уголовно-процессуальный и методико-криминалистический принцип // Известия ТулГ У. Экономические и юридические науки. 2021. № 1. С. 51–59.
19. Кудрявцев В.Л. Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования: проблемы законодательной техники и её влияние на теорию и правоприменение // Евразийская адвокатура. 2021. № 6. С. 93–99.
20. Полный текст выступления генпрокурора России Владимира Устинова на коллегии Генеральной прокуратуры 2 июля 2004 г. // [Электронный ресурс] // Сетевое издание IZ.RU. URL: <https://iz.ru/news/291744> (дата обращения: 12.03.2024).

SYSTEMATIZATION OF APPROACHES TO THE DOCTRINAL BASIS OF THE CONCEPT OF DETERMINING A REASONABLE PERIOD IN CRIMINAL PROCEDURE SCIENCE

Egorova R.E.
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Despite the fact that the term “reasonable time” was introduced into criminal procedure legislation 14 years ago, neither a legal nor a single doctrinal approach to its interpretation has yet been developed. The study was conducted using empirical (description, comparison, generalization) and theoretical (analysis, synthesis, deduction) methods. Three concepts prevailing in the science of criminal procedure for determining a reasonable period of criminal proceedings have been identified and analyzed. It is substantiated that the key reasons preventing the formation of a holistic approach to the definition of this concept are the lack of a generally accepted interpretation of the term “reasonable” and failure to take into account the cause-and-effect relationship of the content of criminal procedural activity and its duration.

The author’s definitions of reasonable criminal procedural activity and a reasonable period of criminal proceedings are formulated.

Keywords: reasonable period of criminal proceedings; reasonableness; completeness, comprehensiveness, speed of criminal proceedings; criminal procedural activity.

References

1. Obratsov A.V. From reasonable time limits in criminal proceedings to the principle of reasonableness // Russian investigator. 2011. No. 16. P. 32–33.
2. Nekenova S.B. The principle of ensuring a person’s right to a reasonable period of criminal proceedings: dis. ...cand. legal Sciences: 12.00.09 / Nekenova Svetlana Badnyaevna. Saratov, 2015. 262 p.
3. Solovyova N.A., Shinkaruk V.M. The relationship between procedural truth and reasonable terms for its establishment // Bulletin of VolS U. Episode 5: Jurisprudence. 2014. No. 4. P. 159–164.
4. Kachalova O.V. The right to a reasonable period of criminal proceedings in Russian criminal proceedings // Criminal proceedings as a means of ensuring human rights in a rule-of-law state: materials of the International Scientific and Practical Conference. Minsk: Publishing house: Publishing center of BSU. 2017. pp. 34–42.
5. Dikarev I.S., Gordeev P.S. Reasonableness of procedural deadlines – the principle of criminal proceedings // Bulletin of Volgograd State University. Ser. 5: Jurisprudence. 2012. No. 1 (16). pp. 115–117.
6. Malofeev I.V. Reasonable time as a principle of criminal proceedings: dis. ...cand. legal Sciences: 12.00.09 / Malofeev Ilya Viktorovich. Moscow, 2015. 217 p.
7. Volynets K.V. Guarantees for the implementation of the principle of “reasonable time for criminal proceedings” in proceedings in the court of first instance: dis. ...cand. legal Sciences: 12.00.09 / Volynets Kristina Vladislavovna. Tomsk, 2013. 183 p.
8. Zatsepina M.N. Reasonable term of legal proceedings in the criminal process of Russia: concept, content, legal means of implementation: dis. ...cand. legal Sciences: 12.00.09 / Zatsepina Maria Nikolaevna. Moscow, 2016. 249 p.
9. Mikhailov V.A. The problem of goals and objectives of criminal proceedings // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. No. 3 (19) P. 3–9.
10. Mordvinov A.G. Procedural terms: features of establishing and calculating during a preliminary investigation: abstract of thesis. dis. ...cand. legal Sciences: 12.00.09 / Mordvinov Alexander Vadimovich. Ulyanovsk, 2021. 30 p.
11. Sogoyan V.L. Criteria for assessing a reasonable period in Russian legislation // North Caucasian Legal Bulletin. 2016. No. 2. P. 127–134.
12. Andre Comte-Sponville. Philosophical Dictionary. M.: Palimpsest, Eterna Publishing House. 2012. [Electronic resource]. URL: https://philosophy_sponville.academic.ru/1674/Reasonable (date of access: 03/12/2024).
13. Babina V.N. The problem of the relationship between the rational and the irrational in the historical and philosophical tradition: ontogenological aspect // News of higher educational institutions. Volga region. Humanitarian sciences. 2012. No. 3 (23). pp. 36–46
14. Axiological function of philosophy: textbook. allowance / Ministry of Education and Science of Russia. Federation, Feder. Education Agency, State education institution of higher education prof. education “Magnitog. state tech. University named after G.I. Nosova”; [Arzamastsev A.M. et al.]; edited by A.M. Arzamastseva. Magnitogorsk: MSTU, 2005. 108 p.
15. Berova D.M. On the issue of the relationship between the concept of the function of criminal proceedings and the concepts of goals, objectives and principles of criminal proceedings // Society and Law. 2012. No. 5 (42). pp. 153–158.
16. Manivlets E.E., Zagumenny K.I. On the purpose, goals and objectives of the criminal process: features of delimitation and expediency of legislative reinforcement // Bulletin of the Institute of Economic Research. 2018. No. 1 (9). 128–133.
17. Herzen P.O. The problem of ensuring the completeness and objectivity of the preliminary investigation during the period of high alert for an emergency // Criminal justice. 2020. No. 15. pp. 41–46.
18. Aivazova O.V. Comprehensiveness, completeness and objectivity of crime investigation as a criminal procedural and methodological and forensic principle // News of Tula State University. Economic and legal sciences. 2021. No. 1. pp. 51–59.
19. Kudryavtsev V.L. Obstruction of justice and preliminary investigation: problems of legislative technology and its impact on theory and law enforcement // Eurasian Advocacy. 2021. No. 6. P. 93–99.
20. Full text of the speech of the Prosecutor General of Russia Vladimir Ustinov at the board of the Prosecutor General’s Office on July 2, 2004 // [Electronic resource] // Network publication IZ. RU. URL: <https://iz.ru/news/291744> (access date: 03/12/2024).

Методологические формы связи криминологии с социологией и психологией

Зацепин Михаил Николаевич,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, аналитик управления научных исследований и международного сотрудничества УрГЮ У.
E-mail: mnz-1958@mail.ru

Зацепин Александр Михайлович,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права УрГЮУ, профессор кафедры предпринимательского права УрГЭУ, член Российской криминологической ассоциации, старший прокурор отдела по надзору за оперативно-розыскной деятельностью прокуратуры Свердловской области
E-mail: tp0507@ya.ru

С точки зрения уяснения сферы исследования и методов, используемых в криминологии, не меньшее значение имеет вопрос о ее связях с отраслями наук, находящимися за пределами уголовно-правового комплекса.

Сама природа преступности указывает на связь криминологии с самыми различными общественными явлениями. Эта связь имеет двусторонний характер, поскольку, с одной стороны различные общественные явления влияют на преступность, а с другой – преступность оказывает на них обратное влияние. В соответствии с этим различные науки, во-первых, предоставляют исходный материал для исследования преступности, во-вторых, возникает необходимость в применении методов различных наук при исследовании явлений, относящихся к области их компетенции. При этом исследования в области изучения преступности могут привести к познанию таких явлений, которые в силу своего характера вопреки соответствующей компетентной науке требуют, чтобы круг проблем, ставших предметом исследования, изучался с особой точки зрения и особыми методами¹.

Почти все области общественной жизни находятся во взаимосвязи, и почти все они обнаруживают также связь с негативными явлениями общественной жизни, с преступностью. С этой точки зрения имеют равное значение семейные, культурные, профессиональные, жилищные, экономические, социальные и другие отношения, воспитательное воздействие и влияние окружающей среды. Их изучением занимаются различные общественные науки, главным же образом и на уровне обобщения – социология или же ее специальные отрасли. Остальные науки занимаются упомянутыми проблемами, используя социологические аспекты и методы. Та часть их исследований, которая указывает на связь с преступностью, представляет материал, необходимый при изучении преступности. Путем раскрытия связей преступности с иными общественными явлениями на уровне социологического обобщения можно установить, с одной стороны, какую количественную и качественную роль в формировании преступности играют те или иные общественные явления, с другой – какое влияние оказывает преступность на различные общественные явления².

Ключевые слова: преступность, социология, общественная жизнь, уголовное наказание, криминология, психофизиология.

Преступность – это явление, порожденное условиями общественной жизни. Из характера преступности следует, что социология тоже включает ее в сферу своего исследования. По определению К. Кульчара, предмет социологии «составляет жизнь общества и общественные явления, выражающие взаимозависимости общественного сознания, а также те закономерности, которые в качестве объективных явлений, проявляющихся в поведении людей, в отношениях между людьми, исследуются специально, исходя из их свойств общественных явлений»³. В преступности можно обнаружить все эти признаки, следовательно, она представляет собой одно из тех общественных явлений, которые социология относит к явлениям, выражающим поведение, отклоняющееся от требований общества, и в отношении которых она исследует социальные факторы, играющие роль в их формировании.

К таким явлениям относятся алкоголизм, наркотизм, проституция, самоубийство, бродяжничество, преступность, однако вследствие различий в их характере они подлежат самостоятельному изучению. Специфика преступности состоит в том, что описание преступных деяний и их последствий дается в нормах уголовного права.

По мнению Кальмана Кульчара, социология «исследует социальные причины и условия преступности, формы ее проявления, в то время как криминологию интересуют эти социальные условия и явления с точки зрения процесса становления личности, индивидуального процесса формирования преступника»⁴. Вряд ли можно согласиться с таким разделением процесса на обобщенном и индивидуальном уровнях, их тесная связь очевидна. В процессе познания и объяснения преступности результаты исследования на обоих уровнях в силу необходимости дополняют друг друга.

Все сказанное выше дает основание заключить, что изучение преступности как круга социальных проблем целиком и полностью относится к сфере криминологии как самостоятельной дисциплины. Естественно, что в процессе раскрытия социальных причин и условий преступности криминология обращается к использованию соответствующего исследовательского материала и методов социологии, но это не представляет никакой специфики, так как всякая наука опирается на знания других отраслей науки и использует их методы. Из ком-

¹ Верховный суд опубликовал третий обзор практики за 2023 год. // 01.12.2023 г. <https://pravo.ru/story/250186/>

² ВС объяснил, можно ли признать взятки ничтожными сделками. 22.08.2023 г. rapsinews.ru/publication/20230822/3091/

³ Kulcsar K. Bevezetes a szociologiaba. – «Egyetemi jegyzet». Brest, 1965, 6 old. (К. Кульчар. Введение в социологию).

⁴ Kulcsar K. Bevezetes a szociologiaba. – «Egyetemi jegyzet». Brest, 1965, 6 old. (К. Кульчар. Введение в социологию), с. 171

плексного характера преступности следует, что к изучению ее различных сторон можно подойти с различных точек зрения. Так социологи, психологи, педагоги, врачи при исследовании преступности исходят из своих профессиональных позиций, то же самое делает и криминология, потому что, несмотря на то что каждая отрасль науки делает свои собственные выводы, характер научной деятельности определяется предметом и целью исследования. В то же время криминология представляет собой такую дисциплину, которая способна синтезировать результаты различных исследований, посвященных преступности¹.

Когда криминология в ходе изучения преступности для раскрытия ее социальных факторов в силу необходимости пользуется социологическими приемами и методами, она, по-видимому, обогащает социологический материал своими результатами, она генерирующим образом влияет на используемые ею методы. Следовательно, центр тяжести находится не в вопросе о различиях между криминологией и социологией, а, напротив, в связи этих наук, так как цель заключается в том, чтобы дать в распоряжение соответствующих отраслей науки наиболее богатый и многообразный материал, а также наиболее безукоризненные методы, пригодные для более полного познания природы преступности.

Естественно, изучение связей преступности как массового явления производится социологическими методами. Посредством криминал-социологического анализа, учитывающего специфику преступности, на уровне социологического обобщения можно показать те явления и факторы, которые играют роль в формировании преступности. Однако эти явления и связи проявляются на уровне статистической вероятности и выражают закономерности тенденций. Следовательно, факторы, установленные таким путем, выражают вероятность, подкрепленную цифровыми данными, возможную преступность, но не дают такого объяснения уже имеющейся преступности, которое отвечало бы требованию полноты. Ибо установленные явления иногда в отдельных случаях и не вызывают преступность. Объясняется это тем, что преступность складывается из поступков людей, отдельных человеческих существ, которые в соответствии с их индивидуальными, личными особенностями самым различным образом реагируют на воздействие объективных общественных явлений. В этом состоит вторая сторона проблемы преступности, проявляющаяся на индивидуальном уровне, и вопрос может быть сформулирован так: каким образом формируется преступное поведение отдельных лиц? Это психологическая постановка вопроса, ответ на который может быть дан на основе анализа форм человеческого поведения².

¹ Суддеп опубликовал статистику по уголовным делам за полгода. 17.10.2023 г. pravo.ru/news/249343/.

² Пленум ВС объяснит, как применять отсрочку отбывания наказания. 21.11.2023 г. <https://pravo.ru/story/249961/>.

Психология занимается проблемой формирования человеческих поступков, формами их проявления, она стремится установить процессы, происходящие в психике и выражающиеся в индивидуальных поступках. Следовательно, при изучении преступности необходимо руководствоваться также и криминал-психологической точкой зрения. Вопрос о связи и разграничении криминологии с психологией решается, в сущности, так же, как ее отношение с социологией. Ибо в ходе криминально-психологического анализа нужно пользоваться соответствующим исследовательским материалом и методами психологии.

Путем применения социологических методов могут быть выяснены взаимосвязи общих социальных факторов с преступностью, в то время как путем психологического анализа можно показать всю совокупность внешних и внутренних условий, выражающихся в индивидуальном поведении. Естественно, что на уровне обобщения тоже проявляются психологические, а именно групповые и массово-психологические явления подобно тому, как на индивидуальном уровне проявляются социологические явления, связанные с личностью и играющие роль в ее формировании. Этот вывод не приводит нас, однако, еще к познанию взаимного влияния социологических и психологических явлений, так как мы имеем в своем распоряжении факторы различных уровней, расположение которых по отношению друг к другу не дает объяснения формированию преступности.

Следует признать, что индивидуальные факторы в массовом явлении, также как, и общие явления на уровне одной личности, проявляются через очень сложную систему передач. Поэтому только путем синтезирующей деятельности, осуществляющей глубокий анализ на обоих уровнях, может открыться возможность для объяснения преступности. Здесь имеет место так называемый криминологический синтез, когда мы стремимся дать объяснение взаимодействиям факторов, имеющих значение в различных плоскостях, не путем простого перечисления, механического сопоставления различных явлений, а путем применения динамического синтеза, то есть путем анализа движения и взаимного влияния различных явлений. Так мы приходим к объяснению конечного итога их диалектического движения, проявляющегося в преступности³.

Вследствие сложной системы передач очень трудно показать движение массового явления в одной личности, и наоборот – проявление индивидуальных факторов в общих явлениях. Хорошо развивающиеся и все более широко применяемые математические методы, дают возможность перевести в более удобное обращение массу факторов, не поддающихся тщательному логическому анализу, и их связи. Это не означает, будто математиче-

³ A. Szabo. A kriminológiai alapkutatások elvi kárdszel. – "Alklam – Jogtudomány", V1 köt., № 3, 328 old. (A. Сабо. Принципиальные вопросы фундаментальных криминологических исследований)

скими методами может быть заменена тщательно анализирующая деятельность, инверсия, необходимая в синтезировании, или применение теоретического воображения. Но большое число показателей количественного характера и связи, также выраженные количественно, открывают путь для теоретической деятельности, направленной к объяснению общественных явлений.

Изучая развитие криминологических исследований, можно с несомненностью констатировать, что сегодня уже вряд ли можно говорить об односторонности разных криминологических направлений, действительно существовавшей прежде, о социологической или психологической разобщенности, так как, в сущности, каждое направление признает достоинства позиции иного теоретического направления, которые следует учесть. Наблюдается определенная тенденция к интеграции различных направлений, хотя еще и теперь встречается некоторая односторонность, которая проявляется не только в подходе к теме, но также в применяемых методах и в том, что некоторые исследователи придают чрезмерное, иногда вовсе не отвечающее действительности значение вскрытым ими явлениям.

Применительно к методам исследования упомянутая выше тенденция к интеграции проявляется в том, что преступность исследуется комплексными группами ученых, созданными из лиц различных специальностей. Исследования такого характера, несомненно, дают возможность проверить на практике теоретические позиции, принципы и методы специалистов различных отраслей науки, обеспечить многосторонний подход к анализу преступности, соответствующий сложности самого этого явления. Однако при простом перечислении фактов, обнаруженных различными специалистами, мы можем говорить лишь о сумме разнородных фактов, в частности социологических и психологических явлениях, в то время как задача заключается в определении связи и взаимного влияния этих фактов друг на друга, ибо только так можно вскрыть динамику преступности. Только таким образом можно преодолеть эмпирические барьеры, которые пригодны для установления отдельных фактов, но которые не выводят на уровень анализа их движения, механизма взаимного воздействия¹.

Эти требования особенно очевидны при исследовании рецидивной преступности, в отношении которой едва ли верно говорить об ошибочности примененной ранее меры наказания, о влиянии случайной обстановки, волнении и т.д. Здесь мы сталкиваемся с глубокими и проявляющимися с определенной последовательностью негативными свойствами личности исполнителя, которые выражаются в его антиобщественных поступках. Это обстоятельство порождает требование углу-

¹ A. Szabo. A kriminologiai alapkutatasok elvi kerdesei, 324 old.; T. Wurtenberger. Die geistige Situation der deutschen Strafrechtswissenschaft. Karlsruhe, 1959, S. 49; M. Lopez – Rey. Some Misconceptions in Contemporary Criminology. New Jersey, 1961, p. 10.

бленного анализа, изучения личности виновного при проведении криминологических исследований этой категории преступников. Наш опыт свидетельствует о том, что путем статистической обработки данных об отдельных преступлениях и их исполнителях мы приходим к установлению общественных явлений, численное выражение которых дает возможность для определенного обобщения, но их движение, связи, взаимное воздействие в индивидуальном процессе становления преступника можно проследить только в ходе исследований, проведенных на уровне одной личности. Мы смогли указать на такие факторы, объясняющие преступное поведение, как дефекты воспитания, формирование ошибочной системы мотивов, неучастия в общественном разделении труда, приспособление к принуждению, проблематика расслоения, формирование системы взглядов, оправдывающих преступность из которых можно сделать выводы относительно обращения с преступниками в той мере, в какой нуждается в преобразовании структура их личности, и о том, какие государственные и общественные мероприятия необходимы для нейтрализации упомянутых выше явлений².

Следовательно, задача криминологии состоит и в том, чтобы вскрыть эту своеобразную сторону преступности, то есть показать движение различных факторов, ее формирование на основе взаимного воздействия их друг на друга и таким образом объяснить существование преступности.

Применительно к методологии исследования упомянутое выше требование проявляется в необходимости изучать явления как макро, так и микро-среды, используя для этого методы, применяемые для исследования массовых, групповых и индивидуальных явлений. Эти методы обнаруживают тесную связь друг с другом и требуют совместного их применения.

Совместное применение двух методов – статистического и индивидуального анализа – открывает такие возможности, которых нельзя добиться применением только одного из этих методов. Статистический метод дает возможность показать динамику преступности, ее структуру по категориям преступлений, территориальное распределение, ее состояние с точки зрения общественной безопасности, рост или уменьшение тяжких категорий преступлений, роль общих социальных явлений, эффективность борьбы с преступностью, результативность предупредительной работы и т.д. Все это явления, которые не могут быть выявлены методом индивидуального анализа. В то же время в рамках статистического исследования нельзя установить специфические обстоятельства, раскрыть которые можно только при индивидуальном анализе, нельзя показать практического влияния различных общественных явлений на микросреду,

² КС не увидел неопределенности в норме, регламентирующей понятие совокупности преступлений. 20.10.2023 г. www.avdgazeta.ru/novosti/ks-ne-unidel-n.

также как нельзя выявить субъективных свойств исполнителей преступлений¹.

Следовательно, криминология использует методы различных отраслей науки, ее собственный же метод состоит в том, что она стремится синтезировать явления, происходящие в различных областях. То есть установить те их переходные формы. Которые реализуются в преступности и не охватываются ни социологическим, ни психологическим анализом. Из сказанного выше ясно, что участие различных факторов в явлении преступности требует мульти дисциплинарного подхода, научное объяснение преступности возможно лишь путем криминологического синтеза знаний, полученных таким путем².

Мульти дисциплинарный характер криминологии вытекает из ее предмета, поскольку преступность представляет собой многостороннее явление, формирующееся на основе взаимодействия разнообразных факторов. Поскольку факторы, играющие роль в ее возникновении, являются предметом изучения различных отраслей науки, то очевидно, что в ходе криминологических исследований, имеющих своей целью познание преступности, нужно использовать различные подходы, разнообразные точки зрения, опираясь на исследовательский материал соответствующих отраслей науки и используя их методы³.

Весьма убедительно подтверждает это требование обращение к истории становления криминологии, которая свидетельствует о том, что сначала в различных отраслях науки сформировались школы со своими собственными исходными позициями и методами и только в результате конфронтации их после второй мировой войны можно было говорить о проявлении так называемых тенденций к интеграции.

В наши дни многосторонний анализ преступности признается и проводится в еще большем объеме, хотя все еще встречается как одностороннее выделение отдельных факторов, так и механическое соединение различных явлений⁴.

Логическим следствием мульти дисциплинарного характера криминологии является необходимость криминологического синтеза, посредством которого после установления факторов, относящихся к различным отраслям науки и выявленных разными методами, можно выяснить их общее движение, реализованное в преступности. Таким образом, криминологический синтез представляет собой, с одной стороны, общий принцип, а с другой – основной метод⁵.

При этом конкретный оперативный метод, незаменимый при анализе преступности как массового, так и индивидуального явления, осуществляется на уровне клинического исследования. К этому вопросу мы еще вернемся в связи с проблемами методологии.

Единство криминологии определяется предметом исследования, специфическим характером преступности, представляющей собой такое общественное явление, которое образуется из виновных поступков людей, объявленных законом общественно опасными. Рамки преступления образуют все те факторы, которые участвуют в формировании этого явления. Следовательно, деятельность, направленная на раскрытие этих факторов и механизма их взаимодействия, должна отправляться от преступления, которое представляет собой внешнее выражение личности исполнителя. Личность есть понятие динамическое, поскольку она является объектом беспрестанного воздействия социальных условий, в соответствии с которыми меняется и ее характер. Личность, проявившую себя в преступном деянии, нужно брать в состоянии данной определенности, то есть в тесной связи с совершенным преступлением. В то же время нужно учитывать и ее общую, предшествующую данному событию направленность, отраженную в ее характере. Поскольку само совершенное преступление определенным образом влияет и на его исполнителя, а сточки зрения борьбы с преступностью существенным является вопрос относительно дальнейшего формирования личности, то важной фазой научного анализа является также наблюдение за последствиями преступления в смысле их влияния на дальнейший жизненный путь виновного. Следовательно, преступление представляет собой центральное событие, ибо является исходной и возвратной точкой анализа, направленного на познание проявленной в этом преступлении личности. Это познание складывается из трех фаз, относящихся к периодам до, во время и после совершения преступления. В эти периоды средоточием внешних обстоятельств является личность, применительно к которой учитываются микро и макросреда⁶.

В преступлении играют роль также факторы, находящиеся вне личности и не зависящие от нее, факторы, которые обнаруживаются на уровне макросреды и проявляются в экономических, социальных, культурных и других противоречиях. Хотя эти противоречия проявляются в индивидуальном явлении через сложный передаточный механизм, тем не менее они играют значительную роль в формировании конфликта между личностью и обществом, конфликта, реализуемого в преступлении⁷.

⁶ А.И. Долгова «Криминологические проблемы отдельных видов преступности». Причины отдельных видов преступности и проблемы борьбы с ними. Москва 1989 г. Сборник научных трудов. С. 4–11.

⁷ Стручков Н.А. Курс «Криминологические проблемы преступности и организация предупреждения преступлений». Тема 1 Научные основы изучения преступности, ее причин и профилактики преступлений. Лекция. Академия МВД СССР Кафе-

¹ Е.М. Юзбашева «Статистические методы в уголовно-правовом исследовании». Правоведение № 2 1964 г. С. 51–58.

² Госдума приняла закон о предпринимательских преступлениях. 19.10.2023 г. <https://pravo.ru/news/249402/>.

³ В МВД рассказали о снижении числа экономических преступлений. 21.12.2023 г. <https://pravo.ru/news/250605/>.

⁴ ФНС оценила ущерб от дробления бизнеса в 500 млрд руб. 25.10.2023 г. <https://pravo.ru/news/249507/>.

⁵ J. Pinatel. Synthèse criminologique. – «Criminologie en action». Monreal, 1968, p.142.

Все эти факторы, то есть психические явления и явления микро и макросреды, вследствие их связей, реализуемых в преступности, то есть со специальной точки зрения и на основе единой научной позиции, изучаются в ходе криминологических исследований. При всем своем мульти дисциплинарном характере криминология является и единой, так как обращает внимание только на ту сторону явлений, которые относятся к различным отраслям науки, и учитывает их движение только в таком направлении, которое реализуется в преступности, и это обстоятельство гарантирует существование единой научной позиции.

Литература

1. J. Pinatel. Synthèse criminologique. – “Criminologie en action”. Montreal, 1968, p.142.
2. Kulcsar K. Bevezetes a szociologiaba. – “Egyetemi jegyzet”. Brest, 1965, 6 old. (К. Кульчар. Введение в социологию).
3. M. Lopez – Rey. Some. Misconceptions in Contemporary Criminology. New Jersey, 1961, p. 10.
4. T. Wurttenberger. Die geistige Situation der deutschen Strafrechtswissenschaft. Karlsruhe, 1959, S. 49
5. A. Szabo. A kriminologiai alapkutatasok elvi kardasel. – “Allam – Jogtudomany”, V1 kot., № 3, 328 old. (А. Сабо. Принципиальные вопросы фундаментальных криминологических исследований)
6. А.И. Долгова «Криминологические проблемы отдельных видов преступности». Причины отдельных видов преступности и проблемы борьбы с ними. Москва 1989 г. Сборник научных трудов. С. 4–11.
7. В МВД рассказали о снижении числа экономических преступлений. 21.12.2023 г. <https://pravo.ru/news/250605/>.
8. Верховный суд опубликовал третий обзор практики за 2023 год. // 01.12.2023 г. <https://pravo.ru/story/250186/>
9. ВС объяснил, можно ли признать взятки ничтожными сделками. 22.08.2023 г. rapsinews.ru/publication/20230822/3091/
10. Госдума приняла закон о предпринимательских преступлениях. 19 10.2023 г. <https://pravo.ru/news/249402/>.
11. Е.М. Юзбашева «Статистические методы в уголовно-правовом исследовании». Правоведение № 2 1964 г. С. 51–58.
12. КС не увидел неопределенности в норме, регламентирующей понятие совокупности преступлений. 20.10.2023 г. www.advgazeta.ru/novosti/ks-ne-unidel-n.
13. Пленум ВС объяснит, как применять отсрочку отбывания наказания. 21.11.2023 г. <https://pravo.ru/story/249961/>.
14. Стручков Н.А. Курс «Криминологические проблемы преступности и организация преду-

дра криминологии и управления профилактическими службами органов внутренних дел. Москва. 1975 г.

ждения преступлений». Тема 1 Научные основы изучения преступности, ее причин и профилактики преступлений. Лекция. Академия МВД СССР Кафедра криминологии и управления профилактическими службами органов внутренних дел. Москва. 1975 г.

15. Суддеп опубликовал статистику по уголовным делам за полгода. 17.10.2023 г. pravo.ru/news/249343/.

16. ФНС оценила ущерб от дробления бизнеса в 500 млрд руб. 25.10.2023 г. <https://pravo.ru/news/249507/>.

METHODOLOGICAL FORMS OF THE CONNECTION OF CRIMINOLOGY WITH SOCIOLOGY AND PSYCHOLOGY

Zatsepin M.N., Zatsepin A.M.
USUE

From the point of view of understanding the scope of research and methods used in criminology, the question of its links with branches of science outside the criminal law complex is no less important. The very nature of crime indicates the connection of criminology with a wide variety of social phenomena. This relationship has a two-way character, since, on the one hand, various social phenomena affect crime, and on the other, crime has the opposite effect on them. In accordance with this, various sciences, firstly, provide the source material for the study of crime, and secondly, there is a need to apply the methods of various sciences in the study of phenomena related to their area of competence. At the same time, research in the field of crime research can lead to the knowledge of such phenomena, which, by their nature, contrary to the relevant competent science, require that the range of problems that have become the subject of research be studied from a special point of view and by special methods.

Almost all areas of public life are interconnected, and almost all of them also reveal a connection with negative phenomena of public life, with crime. From this point of view, family, cultural, professional, housing, economic, social and other relationships, educational impact and environmental impact are equally important. Various social sciences are engaged in their study, mainly at the level of generalization – sociology or its special branches. The rest of the sciences deal with these problems using sociological aspects and methods. The part of their investigations that indicates a link to crime provides the material needed in the study of crime. By revealing the links of crime with other social phenomena at the level of sociological generalization, it is possible to establish, on the one hand, what quantitative and qualitative role certain social phenomena play in the formation of crime, on the other hand, what influence crime has on various social phenomena.

Keywords: crime, sociology, public life, criminal punishment, criminology, psychophysiology.

References

1. J. Pinatel. Synthèse criminologique. – “Criminologie en action”. Montreal, 1968, p.142.
2. Kulcsar K. Bevezetes a szociologiaba. – “Egyetemi jegyzet”. Brest, 1965, 6 years old. (K. Kulchar. Introduction to sociology).
3. M. Lopez – Rey. Some. Misconceptions in Contemporary Criminology. New Jersey, 1961, p. 10.
4. T. Wurttenberger. Die geistige Situation der deutschen Strafrechtswissenschaft. Karlsruhe, 1959, S. 49
5. A. Szabo. A kriminologiai alapkutatasok elvi kardasel. – “Allam – Jogtudomany”, V1 kot., No. 3, 328 old. (A. Szabo. Fundamental issues of fundamental criminological research)
6. А.И. Долгов “Криминологические проблемы отдельных видов преступности». Причины отдельных видов преступности и проблемы борьбы с ними. Moscow 1989. Collection of scientific works. pp. 4–11.
7. The Ministry of Internal Affairs spoke about a decrease in the number of economic crimes. 12/21/2023 <https://pravo.ru/news/250605/>.
8. The Supreme Court has published its third practice review for 2023. // 01.12.2023 <https://pravo.ru/story/250186/>

9. The Supreme Court explained whether bribes can be recognized as void transactions. 08/22/2023 rapsinews.ru/publication/20230822/3091/
10. The State Duma adopted a law on business crimes. 19 10.2023 <https://pravo.ru/news/249402/>.
11. E.M. Yuzbashev "Statistical methods in criminal law research." Jurisprudence No. 2 1964, pp. 51–58.
12. The Constitutional Court did not see any uncertainty in the rule regulating the concept of aggregation of crimes. 10/20/2023 www.advgazeta.ru/novosti/ks-ne-unidel-n.
13. The Plenum of the Supreme Court will explain how to apply a deferment of serving a sentence. November 21, 2023 <https://pravo.ru/story/249961/>.
14. Struchkov N.A. Course "Criminological problems of crime and organization of crime prevention." Topic 1 Scientific basis for the study of crime, its causes and crime prevention. Lecture. Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR Department of Criminology and Management of Preventive Services of Internal Affairs Bodies. Moscow. 1975
15. The Judiciary published statistics on criminal cases for six months. 10/17/2023 pravo.ru/news/249343/.
16. The Federal Tax Service estimated the damage from business fragmentation at 500 billion rubles. October 25, 2023 <https://pravo.ru/news/249507/>.

Иванова Марианна Игоревна,

соискатель, Правовое управление Главного управления
Министерства внутренних дел Российской Федерации
E-mail: dana2805@yandex.ru

В рассматриваемой статье автор предлагает рассмотреть правоотношения дознавателя (лица, производящего дознание) и субъектов процессуального контроля за его деятельностью как систему, раскрывая их через определенный порядок действий, классифицируя данные правоотношения как отношения, связанные с подчиненностью между вышестоящими и нижестоящими субъектами (начальником органа дознания (лицом, наделенным его правами), начальником подразделения дознания и дознавателем), и, как правоотношения между субъектами процессуального контроля и дознавателем, не связанными отношениями подчиненности (между прокурором и дознавателем, между судом и дознавателем). Конкретизируется круг лиц и правоотношений, подпадающих под нормативное регулирование в ходе производства дознания. Автор анализирует нормы уголовно-процессуального законодательства России, а также определения (постановления) Конституционного Суда Российской Федерации, Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации, которые дознаватель (лицо, производящее дознание) и специальный субъект, осуществляющий контроль его деятельность, должны исполнять или в соответствии с которыми осуществлять свою деятельность при производстве дознания и делает вывод о необходимости дальнейшего изучения и обсуждения рассматриваемых в статье вопросов, предлагая закрепить порядок проведения процессуального контроля за производством дознания на законодательном уровне.

Ключевые слова: дознание, процессуальный контроль в органах внутренних дел, уголовное судопроизводство, суд, прокурор, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания, дознаватель, система.

Рассматривая дознание в органах внутренних дел как предмет процессуального контроля, для ответа на вопрос о том какое правовое воздействие сопряжено с возможностью правомерного ограничения действий дознавателя, акцентируем внимание на управленческих отношениях, подпадающих под нормативное регулирование при производстве дознания. С учетом специфики предмета процессуального контроля целесообразно конкретизировать круг общественных отношений.

Дознание в органах внутренних дел как предмет процессуального контроля – это, на наш взгляд, правоотношения, урегулированные уголовно-процессуальным законодательством, в которых участники данных правоотношений являются носители определенных прав и обязанностей, урегулированных и обеспеченных соответствующими правовыми нормами (Конституцией Российской Федерации, Федеральными законами, Постановлениями Правительства Российской Федерации), а также определениями (постановлениями) Конституционного Суда Российской Федерации, Постановлениями Пленума Верховного суда Российской Федерации, которые дознаватель (лицо, производящее дознание) и субъект, контролирующий его деятельность, обязаны исполнять или в соответствии с которыми осуществляют свою деятельность при производстве дознания.

По нашему мнению, обозначенные правоотношения являются системой, со своим построением.

В соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства, контролем за производством дознания наделен исчерпывающий круг субъектов: начальник органа дознания или лицо, наделенное его полномочиями; начальник подразделения дознания, прокурор и суд.

Исходя из установления круга лиц, осуществляющих процессуальный контроль за деятельностью дознавателя, отношения между субъектом контроля и дознавателем можно классифицировать следующим образом:

- 1) отношения, связанные с подчиненностью между вышестоящими и нижестоящими субъектами, то есть, между начальником органа дознания (лицом, наделенным его правами), начальником подразделения дознания и дознавателем;
- 2) между субъектами контроля и дознавателем, не связанными отношениями подчиненности (между прокурором и дознавателем, между судом и дознавателем).

Раскрывая отношения подчиненности между начальником органа дознания (лицом, наделенным его правами), начальником подразделения дознания и дознавателем, мы видим их регулирование

не только нормами УПК РФ, в которых решение дознавателя в той или иной мере проходит проверку указанными субъектами (например, ст. 40¹, 40², часть третья статьи 144, 155, часть девятая статьи 166, часть третья³ ст. 223, часть четвертая ст. 225 УПК РФ), но и ведомственными нормативными актами.

Например, контроль в территориальном органе (то есть непосредственно в подразделении, в штате которого состоит дознаватель) за проводимыми дознавателями органов внутренних дел Российской Федерации проверками сообщений о преступлении и расследовании ими преступлений (постоянно проверяет материалы уголовных дел, контролирует выполнение запланированных процессуальных действий и сроки принятия по ним решений) [5].

Отношения между дознавателем и прокурором строятся похожим образом.

Прокурор, в пределах реализации своих полномочий, установленных частью второй ст. 37 УПК РФ, дает дознавателю как письменные указания о расследовании, так и является лицом, согласовывающим ряд принимаемых дознавателем решений (таких, как например, об избрании, отмене или изменении меры пресечения, решений о производстве выемки и иное). Ведомственными нормативными актами на прокурора также возложена обязанность контроля хода расследования путем проверки исполнения органами предварительного расследования законов при принятии решений, влияющих на длительность уголовного судопроизводства [7].

Отношения дознавателя и суда, на наш взгляд, носят эпизодический характер, то есть они основаны не на системном, фактически не прекращающемся, процессуальном контроле за процессуальной деятельностью дознавателя, а возникают в двух конкретных случаях.

Исходя из УПК РФ, суд вступает в правоотношения на досудебной стадии уголовного судопроизводства случае:

потребности получения по конкретному уголовному делу судебного решения в пределах полномочий, установленных нормами УПК РФ, о производстве процессуального действия, (например, об избрании меры пресечения, о производстве осмотра жилища, обыска (выемки) в жилище, о наложении ареста на имущество и иное);

обжалования решения, действий (бездействия) дознавателя, в порядке, определенном ст. 125 УПК РФ.

Реализуют свою функцию субъекты процессуального контроля прежде всего через организационные и правовые формы, то есть через юридически оформленное действие, совершенное в пределах компетенции с последующими юридическими последствиями.

Полагаем, что таким образом субъект процессуального контроля воздействует на дознавателя, путем использования средств распорядительного типа, то есть предписания. Правоотношения явля-

ются соподчиненными, где дознаватель подчинен соответствующему субъекту контроля.

Выражаются данные отношения в следующем:

одной стороне этих отношений представлен определенный объем юридически властных полномочий (субъекту контроля), направленных в адрес другой стороне (дознавателю). Дознаватель не может не подчиниться тем указаниям, которые исходят от носителя властных прав;

волевой акт носителя права является односторонним, то есть волеизъявление одного из участников отношений юридически властно, что указывает на его решающее значение. Таким образом вытекают неравнозначные отношения;

управляющая сторона наделена юридически властными полномочиями, которые отсутствуют у управляемой стороны, или же их объем у управляющей стороны больше, чем у управляемой. При этом дознаватель, в соответствии с частью 4 статьи 40¹, частью четвертой статьи 41 УПК РФ имеет право обжаловать указания своего непосредственного и прямого руководителей (начальника органа дознания и начальника подразделения дознания);

в данных правоотношениях не исключено равенство сторон «за счет» дозвоительных средств. Дозволения оформляются определенными правовыми нормами (в виде соответствующих разрешений, в рассматриваемом случае, например, согласие начальника органа дознания на обжалование решения прокурора о возвращении уголовного дела для производства дополнительного дознания либо пересоставления обвинительного акта (обвинительного постановления) (п. 1² части третьей ст. 41 УПК РФ), согласие прокурора на возбуждение определенной категории уголовных дел (часть четвертая статьи 20 УПК РФ), на направление ходатайства в суд об избрании меры пресечения (часть вторая ст. 91 УПК РФ).

Исходя из изложенного полагаем возможным сделать вывод, что вышеописанные отношения являются единой системой и характеризуются нижеследующим:

- 1) определенный порядок действий – предписание к действию надлежащим образом в соответствующих условиях, предусмотренных уголовно-процессуальным законом;
- 2) запрещение конкретных действий, в случае выполнения которых могут быть применены определенные юридические средства воздействия (например, отмена принятого решения, привлечение к дисциплинарной ответственности);
- 3) возможность самостоятельного выбора одного из решений, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, например, право выбора одной из мер пресечения;
- 4) принятие самостоятельных решений, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством. Например, принятие дознавателем решения о необходимости обжалования действий начальника органа (подразделения) дознания, которое, по его мнению, необоснованное.

Таким образом мы видим юридическое неравенство субъектов, закрепленное в нормах УПК РФ, но при этом субъекты данных отношений состоят по отношению друг другу в подчинении, и в ходе данных отношений, уполномоченными субъектами осуществляется процессуальный контроль за деятельностью дознавателя, как подчиненного субъекта.

Но процессуальный контроль, как указано выше, реализуется не только субъектами, в чьем подчинении находится дознаватель, но и прокурором и судом.

Данный контроль можно охарактеризовать как внешний. Фактически из норм, закрепленных в уголовно-процессуальном законодательстве, мы видим, что у прокурора те же полномочия, что и у начальника органа (подразделения) дознания. Так, УПК РФ в п. 4, 14, 15 части первой ст. 37, п. 4, 9, 10 части первой ст. 40² УПК РФ закрепляет полномочия в части дачи письменных указаний о направлении расследования, производстве процессуальных действий, утверждения обвинительного акта (обвинительного постановления) по уголовным делам, возвращения уголовного дела для производства дополнительного дознания.

Полагаем уместным сделать вывод, что субъекты процессуального контроля действуют, на фоне четко регламентированных условий. Отношения субъектов процессуального контроля и дознавателя при производстве им дознания «вертикальны», то есть являются ассиметричными отношениями подчиненности и подчинения непосредственно в органе внутренних дел; эти отношения всегда двусторонние и регламентированные; имеют приказной характер.

Отличительной чертой является то обстоятельство, что процессуальный контроль конкретных должностных лиц органа дознания, в том числе в силу должностных обязанностей, носит постоянный, непрерывный характер (уполномоченные должностные лица непрерывно, постоянно контролируют выполнение подчиненными дознавателями обязанностей по соблюдению сроков разрешения сообщений о преступлениях, сроков производства дознания, производства процессуальных действий и т.п.), то есть контролирующее должностное лицо органа дознания организывает правоотношения, возникающие в ходе уголовного судопроизводства, тогда как прокурор и суд вступают в контрольные правоотношения [3, с. 32]. после учета юридически значимого факта (после принятия процессуального решения дознавателем).

Вышеизложенное и анализ норм уголовно-процессуального законодательства позволяет выделить три формы процессуального контроля за производством дознания в органах внутренних дел: к первой форме следует отнести процессуальный контроль конкретных должностных лиц органа дознания: начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, иного, кроме дознавателя, должностного лица органа дознания в силу должности (к числу таковых относятся заместите-

ли начальника органа дознания, заместители начальника полиции, заместитель начальника подразделения дознания); ко второй форме относится процессуальный контроль прокурора; к третьей форме относится судебный контроль.

Процессуальный контроль за производством дознания в органах внутренних дел конкретных должностных лиц органа дознания является первичным по отношению к последующим двум (процессуальному контролю прокурора и судебному контролю).

На наш взгляд необходимо законодательно закрепить четкое определение всех элементов форм процессуального контроля за производством дознания с целью последующего исключения в практике смешивания рассматриваемых форм.

На законодательном уровне необходимо закрепить порядок проведения процессуального контроля за производством дознания, определив четкие правила поведения участников контрольных правоотношений.

Литература

1. Бахта А.С. О соотношении понятий «участники уголовного судопроизводства» и «субъекты уголовно-процессуального права». Вестник Московского университета МВД России № 12. 2008. С. 45–46
2. Братановский С.Н. Административное право. Общ. Часть. Учебник. М.: 2013. 389 с.
3. Грачева Е.Ю. Проблемы правового регулирования финансового контроля. М.: Юриспруденция, 2000. С. 135; Быля А.Б., Горбунова О.Н., Грачева Е.Ю. и др. Указ. соч. С. 32.
4. Олимпиев А.Ю., Мышко Ф.Г., Участники уголовного процесса: состояние теории и нормативное регулирование. Вестник Московского университета МВД России № 6. 2012. С. 105–107.
5. Приказ Генпрокуратуры России № 147, МВД России № 209, ФСБ России № 187, СК России № 23, ФСКН России № 119, ФТС России № 596, ФСИН России № 149, Минобороны России № 196, ФССП России № 110, МЧС России № 154 от 26.03.2014 (ред. от 22.10.2020) «Об усилении прокурорского надзора и ведомственного контроля за законностью процессуальных действий и принимаемых решений об отказе в возбуждении уголовного дела при разрешении сообщений о преступлениях» (Зарегистрировано в Минюсте России 04.08.2014 № 33432);
6. Приказ МВД России от 29.08.2014 № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» (Зарегистрирован в Минюсте России 06.11.2014 № 34570) (ред. 09.10.2019).

- Указание Генпрокуратуры России № 275/36, СК России 1/206, МВД России № 2/5443, МЧС России № 195, ФССП России № 1-у, ФСБ России N 21, ФСКН России № 4, ФТС России № 1081 от 03.06.2015 «Об организации прокурорского надзора и ведомственного контроля за исполнением требований закона о соблюдении разумного срока на досудебных стадиях уголовного судопроизводства».

INQUIRY IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES AS A SUBJECT OF PROCEDURAL CONTROL

Ivanova M.I.

Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of Moscow

In the article under consideration, the author proposes to consider the legal relations of the inquirer (the person conducting the inquiry) and the subjects of procedural control over his activities as a system, revealing them through a certain procedure, classifying these legal relations as relations related to subordination between higher and lower subjects (the head of the body of inquiry (the person endowed with his rights), the chief departments of inquiry and the inquirer), and as a legal relationship between the subjects of procedural control and the inquirer, unrelated subordination relationships (between the prosecutor and the investigator, between the court and the investigator). The circle of persons and legal relations that fall under regulatory regulation during the investigation is specified. The author analyzes the norms of the criminal procedure legislation of Russia, as well as the definitions (resolutions) of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, which the inquirer (the person conducting the inquiry) and the special entity monitoring his activities must comply with or in accordance with which to carry out their activities during the investigation and concludes on the need for further study and discussion of the issues discussed in the article, proposing to consolidate the procedure for conducting procedural control over the production of an inquiry at the legislative level.

Keywords: inquiry, procedural control in internal affairs bodies, criminal proceedings, court, prosecutor, head of the body of inquiry, head of the department of inquiry, inquirer, system.

References

- Bakhta A.S. On the relationship between the concepts of «participants in criminal proceedings» and «subjects of criminal procedure law». Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 12. 2008. pp. 45–46
- Bratanovsky S.N. Administrative law. General. Part. Textbook. Moscow: 2013. 389 p.
- Gracheva E. Yu. Problems of legal regulation of financial control. M.: Jurisprudence, 2000. p. 135; Bylya A.B., Gorbunova O.N., Gracheva E.Yu. et al. Decree. op.p. 32.
- Olympiev A.Yu., Myshko F.G., Participants in the criminal process: the state of theory and regulatory regulation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 6. 2012. pp. 105–107.
- Order of the Prosecutor General's Office of Russia No. 147, the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 209, the FSB of Russia No. 187, the IC of Russia No. 23, the Federal Drug Control Service of Russia No. 119, the Federal Customs Service of Russia No. 596, the Federal Penitentiary Service of Russia No. 149, the Ministry of Defense of Russia No. 196, the FSSP of Russia No. 110, the Ministry of Emergency Situations of Russia No. 154 dated 03/26/2014 (ed. from 10/22/2020) «On strengthening prosecutor's supervision and departmental control over the legality of procedural actions and decisions taken to refuse to initiate criminal proceedings when resolving reports of crimes» (Registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on 08/04/2014 No. 33432);
- Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation dated 08/29/2014 No. 736 «On Approval of Instructions on the Procedure for Receiving, Registering and Authorizing Statements and Reports on Crimes, Administrative Offenses, and Incidents in the Territorial Bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation» (Registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on 11/06/2014 No. 34570) (ed. 09.10.2019).
- Instruction of the Prosecutor General's Office of Russia No. 275/36, IC of Russia 1/206, Ministry of Internal Affairs of Russia No. 2/5443, Ministry of Emergency Situations of Russia No. 195, FSSP of Russia No. 1-у, FSB of Russia No. 21, Federal Drug Control Service of Russia No. 4, FCS of Russia No. 1081 dated 06/03/2015 «On the organization of prosecutorial supervision and departmental control over the fulfillment of the requirements of the Law on Compliance with Reasonable the term at the pre-trial stages of criminal proceedings.»

Правовое обоснование возможности отнесения руководителей дознавателя к субъектам контроля за его процессуальной деятельностью

Коротаева Юлия Алексеевна,

старший преподаватель Восточно-Сибирского института МВД России
E-mail: 123j89@mail.ru

Статья содержит позицию автора о возможности отнесения начальника подразделения дознания, начальника органа дознания и заместителей начальника полиции в органах внутренних дел к субъектам контроля за процессуальной деятельностью дознавателя. С учетом проведенного исследования автор приходит к выводам, которые позволяют отнести начальника подразделения дознания, а также начальника органа дознания к указанным субъектам. Несмотря на имеющуюся служебную нагрузку начальника органа дознания, как начальника территориального органа.

Кроме того, иначе представляется отнесение заместителей начальника полиции к исследуемым субъектам, а именно такое возможно лишь в случае выполнения названным должностным лицом процессуальных полномочий начальника органа дознания в период его отсутствия на службе. При этом, такой заместитель должен иметь статус «временного исполняющего обязанности» начальника территориального органа.

Ключевые слова: подразделение дознания, органы внутренних дел, начальник органа (подразделения) дознания, процессуальная деятельность, дознаватель.

Современное развитие уголовного судопроизводства свидетельствует, что статус начальника органа дознания в органах внутренних дел (далее – ОВД) предполагает за собой должность начальника ОВД. Данное подтверждается п. 17 ст. 5 УПК РФ, а именно «начальник органа дознания – это должностное лицо, возглавляющее соответствующий орган дознания» [1]. Следовательно, совокупность прав и обязанностей начальника органа дознания, предусмотренных правовыми нормами УПК РФ представляются отождествленными на начальника ОВД.

Стоит отметить, что в соответствии с ч. 3 ст. 40.2 УПК РФ в органах внутренних дел Российской Федерации полномочия начальника органа дознания осуществляют также заместители начальника полиции.

Следуя логике законодателя, указанные лица тем или иным образом вправе осуществлять процессуальный контроль за соответствующей деятельностью дознавателя. В связи с чем, актуальным является вопрос определения субъектов такого контроля в органах дознания ОВД.

Исследуя контроль именно в органах дознания, необходимо проанализировать статистические данные ФКУ «ГИАЦ» МВД России, согласно которым:

- в январе – декабре 2021 года раскрыто 449,5 тыс. преступлений – следствие по которым обязательно и 581,3 тыс. – следствие по которым необязательно;
- в январе – декабре 2022 года раскрыто 464,8 тыс. преступлений – следствие по которым обязательно и 570,7 тыс. – следствие по которым необязательно;
- в январе – ноябре 2023 года раскрыто 424,2 тыс. преступлений – следствие по которым обязательно и 495,2 тыс. – следствие по которым необязательно [2].

Кроме того, согласно упомянутым данным дополнительно важно указать, следующее:

- в январе – декабре 2021 года раскрыто 1030,7 тыс. преступлений при чем сотрудниками органов внутренних дел предварительно расследовано 828,5 тыс. преступлений, что составляет 80,4% всего массива предварительно расследованных преступлений;
- в январе – декабре 2022 года раскрыто 1035,5 тыс. преступлений при чем сотрудниками органов внутренних дел предварительно расследовано 826,7 тыс. преступлений, что составляет 79,8% всего массива предварительно расследованных преступлений;

– в январе – ноябре 2023 года раскрыто 919,4 тыс. преступлений при чем сотрудниками органов внутренних дел предварительно расследовано 734,3 тыс. преступлений, что составляет 79,9% всего массива предварительно расследованных преступлений.

Изложенные показатели позволяют отметить на следующие особенности:

1. Учитывая количество расследуемых преступлений сотрудниками органа дознания и следователями предварительного следствия в ОВД, то можно отметить на их совсем небольшую разницу. Как следствие, орган дознания не уступает предварительному следствию. При этом, орган дознания имеет несколько руководителей, которые уполномочены осуществлять контроль за процессуальной деятельностью дознавателей, чего нет в предварительном следствии.

2. Принимая во внимание количество расследуемых преступлений сотрудниками ОВД, то следует учитывать, что примерно 80% таких преступлений от общего количества преступлений расследуется именно сотрудниками ОВД.

Таким образом, изложенное позволяет констатировать о значительной нагрузке на ОВД в части расследования преступлений. К тому же, орган дознания выполняет схожий объем работы в сравнении с предварительным следствием.

Как следствие, роль руководителей предварительного расследования представляется в виде обеспечения законности в ходе процессуальной деятельности подчиненных сотрудников. Соответственно в случаях недостаточного уровня проведения контроля со стороны руководителей, начиная с периода регистрации преступлений, проведения последующей проверки сообщения о преступлении, расследованием уголовных дел и принятием окончательного процессуального решения, возможны нарушения законных прав и свобод лиц, гарантированных Конституцией РФ.

В ОВД указанными руководителями, осуществляющие контроль за процессуальной деятельностью дознавателей являются: начальник органа дознания и начальник подразделения дознания. При этом, полномочия по реализации контроля таких должностных лиц, предусмотрены правовыми нормами УПК РФ, а также, как ранее было отмечено, законодатель регламентирует в ОВД заместителям начальника полиции полномочия начальника органа дознания.

Тем самым, определяя круг предполагаемых субъектов по осуществлению исследуемого контроля в ОВД, стоит отметить на роль каждого из упомянутых лиц, а также уточнить, кого из них и при каких обстоятельствах можно отнести к таким субъектам.

В доктрине среди ученых, которые исследуют вопросы реализации деятельности в органах дознания имеется мнение о том, что начальник подразделения дознания «наиболее приближен» к непосредственным подчиненным дознавателям,

вследствие чего, он непосредственно выполняет функцию контроля за их процессуальной деятельностью [3, с. 213–215].

Действительно, в сравнении с начальником органа дознания и его заместителями именно начальник подразделения дознания сосредоточен исключительно на осуществлении своих функций, в том числе и по проведению контроля за дознавателями. Однако его деятельность ограничена работой только в пределах подразделения дознания, что нельзя сказать о начальнике органа дознания и его заместителей.

Следовательно, доказательство о том, что начальник подразделения дознания в ОВД – субъект, осуществляющий контроль за процессуальной деятельностью дознавателей является бесспорным.

Иначе представляется отнесение начальника органа дознания и его заместителей к таким субъектам. Возможность такого отнесения, требует указать на различные проблемные аспекты, требующие определенного внимания со стороны законодателя.

Так, анализируя ст. 40.2 УПК РФ можно подчеркнуть на имеющуюся совокупность прав и обязанностей начальника органа дознания в отношении органа дознания. При этом часть полномочий данного должностного лица являются схожими с полномочиями начальника подразделения дознания [4, с. 123–124].

Например, начальник органа дознания уполномочен проверять материалы проверки сообщения о преступлении, находящиеся в производстве органа дознания, дознавателя (п. 3 ч. 1 ст. 402 УПК РФ). Идентичное полномочие имеет начальник подразделения дознания: проверять материалы проверки сообщения о преступлении, находящиеся в производстве дознавателя (п. 1 ч. 3 ст. 401 УПК РФ). Начальник органа дознания уполномочен проверять материалы уголовного дела, находящиеся в производстве органа дознания, дознавателя (п. 3 ч. 1 ст. 402 УПК РФ) и начальник подразделения дознания – проверять материалы уголовного дела, находящиеся в производстве дознавателя (п. 1 ч. 3 ст. 401 УПК РФ).

Учитывая изложенное и тот факт, что начальник подразделения дознания представляется в виде субъекта, осуществляющего контроль за процессуальной деятельностью дознавателей, то и начальника органа дознания можно отнести к таким субъектам.

Однако, как ранее было установлено – статус начальника органа дознания в ОВД предполагает за собой должность начальника территориального органа.

Вследствие этого, начальник органа дознания, как начальник ОВД обладает совокупностью полномочий не только в части деятельности дознания. Начальник ОВД имеет ряд различных полномочий по отношению к вверенному ему органу, осуществляя контроль за разрешительной, административно-правовой, а также оперативно-розыскной и иной деятельностью подчиненных со-

трудников. Такой объем полномочий начальника органа дознания вызывает определенную сложность в их реализации т.к. данный фактор характеризуется значительной служебной нагрузкой.

Кроме того, принимая во внимание тот факт, что часть полномочий начальника органа дознания и начальника подразделения дознания имеют определенную схожесть, то не исключено проявление делегирования таких полномочий со стороны начальника органа дознания соответствующему подчиненному сотруднику указанного органа в ОВД.

Тем не менее, несмотря на изложенное, а исходя от правовых норм УПК РФ, которые закрепляют за начальником органа дознания ряд процессуальных полномочий по реализации контроля за процессуальной деятельностью как органа дознания, так и за дознавателями можно с уверенностью подчеркнуть, что такое должностное лицо является соответствующим субъектом.

Вместе с тем, упоминая о значительной служебной нагрузке начальника органа дознания в ОВД важно указать на наличие предусмотренных должностей – заместители начальника полиции. Задача указанных лиц в ОВД заключается в организации работы и проведения контроля за подчиненными сотрудниками согласно соответствующему направлению деятельности.

Так, например: заместитель по оперативной работе контролирует процессуальную деятельность сотрудников полиции отдела уголовного розыска, отдела по контролю за оборотом наркотиков, отдела экономической безопасности и противодействия коррупции и др.; заместитель по охране общественного порядка контролирует процессуальную деятельность сотрудников полиции отдела по исполнению административного законодательства, отдела участковых уполномоченных полиции и по делам несовершеннолетних и др. [5].

Основываясь на ч. 3 ст. 40.2 УПК РФ указанные должностные лица вправе осуществлять полномочия надлежащего (вышестоящего) начальника, как начальника органа дознания.

Таким образом, следуя буквальному толкованию указанной нормы заместители начальника полиции также как и начальник органа дознания, в том числе и как начальник подразделения дознания имеют полномочия по осуществлению контроля за процессуальной деятельностью дознавателей и иных сотрудников органа дознания.

В связи с этим, выстраивается определенная совокупность должностных лиц, которых можно отнести к субъектам контроля в органах дознания.

При этом, помимо осуществления такого контроля каждый из них реализует свои полномочия в отношении курируемого отделения (подразделения) в ОВД, кроме начальника подразделения дознания. Такой сложный механизм заставляет задуматься о реальности выполнения многочисленных полномочий начальника органа дознания и заместителей начальника полиции, особенно в части осуществления контроля за процессуальной деятельностью дознавателей.

Анализируя изложенное, стоит отметить следующее:

во-первых, как ранее было отмечено, каждый из заместителей начальника полиции в ОВД организует и контролирует работу подчиненного подразделения. При этом такой руководитель вправе осуществлять полномочия начальника органа дознания, в том числе проводить контроль за процессуальной деятельностью дознавателя наряду с начальником подразделения дознания и начальником органа дознания. Реализация такого механизма является сомнительной ввиду наличия иных полномочий такого лица, которые являются «первостепенными» т.е. на прямую связаны с направленностью его подразделения. Дополнительно учитывая, что к органу дознания в ОВД относятся не только дознаватели, но и иные оперативные сотрудники, за деятельностью которых, как раз должен осуществлять соответствующий руководитель. В нашем случае, например, таким руководителем будет заместитель начальника полиции по оперативной работе.

В связи с чем, на практике возможно проявление определенного делегирования полномочий заместителей начальника полиции по реализации контроля за процессуальной деятельностью дознавателей в ОВД на начальника подразделения дознания. Такие действия указанных должностных лиц могут способствовать эффективности выполнения такого контроля.

во-вторых, выполнение полномочий начальника органа дознания заместителями начальника полиции уместно в тех случаях, когда такой начальник по официальным причинам отсутствует на службе. Например, когда начальник органа дознания (начальник территориального органа полиции) находится в отпуске либо в командировке. При таких обстоятельствах заместитель назначается как «временно исполняющим обязанности» по должности указанного начальника и как следствие, бесспорно такой заместитель будет являться субъектом контроля за процессуальной деятельностью дознавателя.

Таким образом, исследование соответствующих руководителей органа (подразделения) дознания в ОВД позволило отнести к субъектам контроля за процессуальной деятельностью дознавателей – начальника органа дознания и начальника подразделения дознания. При этом значительную роль выполнения такого контроля отнесена именно начальнику подразделения дознания, как лицу непосредственно выполняющему функцию организации и контроля работы дознавателей. Начальник органа дознания, как указанный субъект имеет второстепенную роль из-за наличия служебной нагрузки в ОВД, однако данный факт не умаляет его как соответствующего начальника.

Кроме того, заместители начальника полиции являются субъектами контроля за процессуальной деятельностью дознавателя в ОВД лишь в тех случаях, когда такой заместитель выполняет полномочия начальника органа дознания в статусе «вре-

менно исполняющего обязанности» начальника территориального органа.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 14 февраля 2024 г.) // Российская газета. – 2001. – 22 дек.; 2022. – 11 июн.
2. Результаты работы следователей и органов дознания ОВД за 2021–2023 гг. / Официальный сайт ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России». – URL: <http://10.5.0.16/csi/modules.php?name=SbLong&go=showcat&cid=147> (дата обращения: 04.03.2024).
3. Насонова И.А., Красноруцкая Т.А. Понятийная характеристика начальника подразделения дознания // Вестник Воронежского института МВД России. – 2019. – № 2. – С. 211–216.
4. Зырянова Е.Е. Место и роль начальника подразделения дознания среди должностных лиц органа дознания // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2017. – № 17–1. – С. 123–125.
5. Официальный сайт МВД России. – URL: <http://www.mvd.ru> (дата обращения: 04.03.2024).

LEGAL JUSTIFICATION FOR THE POSSIBILITY OF CLASSIFYING THE HEADS OF THE INVESTIGATOR AS SUBJECTS OF CONTROL OVER HIS PROCEDURAL ACTIVITIES

Korotaeva Yu.A.

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article contains the author's position on the possibility of classifying the head of the inquiry unit, the head of the inquiry body and deputy chiefs of police in internal affairs bodies as subjects of control over the procedural activities of the investigator. Taking into account the conducted research, the author comes to conclusions that allow us to classify the head of the inquiry unit, as well as the head of the inquiry body, as the specified subject. Despite the existing workload of the head of the inquiry body, as the head of the territorial body.

In addition, the classification of deputy chiefs of police as subjects under study seems different, and this is only possible if the named official fulfills the procedural powers of the head of the inquiry agency during his absence from service. At the same time, such a deputy must have the status of "temporarily acting" head of the territorial body.

Keywords: inquiry unit, internal affairs bodies, head of the inquiry body (unit), procedural activity, investigator.

References

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended on February 14, 2024) // Russian newspaper. – 2001. – December 22; 2022 – June 11.
2. Results of the work of investigators and department of internal affairs investigation bodies for 2021–2023. / Official website of the Center for Contemporary Art of the Federal State Institution "GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia". – URL: <http://10.5.0.16/csi/modules.php?name=SbLong&go=showcat&cid=147> (access date: 03/04/2024).
3. Nasonova I.A., Krasnorutskaya T.A. Conceptual characteristics of the head of the investigation unit // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – No. 2. – P. 211–216.
4. Zyryanova E.E. The place and role of the head of the inquiry unit among officials of the inquiry body // Current problems in the fight against crimes and other offenses. – 2017. – No. 17–1. – pp. 123–125.
5. Official website of the Russian Ministry of Internal Affairs. – URL: <http://www.mvd.ru> (date of access: 03/04/2024).

Допустимость доказательств как фактор формирования внутреннего убеждения субъекта доказывания по уголовным делам

Косарева Береника Павловна,

аспирант, Кубанский государственный университет

E-mail: berenika01@yandex.ru

Оценка доказательств является неотъемлемым элементом процесса доказывания в любом виде судопроизводства: уголовном, гражданском, административном. В представленной статье процесс оценки доказательств рассматривается сквозь призму формирования внутреннего убеждения субъекта доказывания по уголовным делам с учетом амбивалентности такого свойства доказательств как допустимость. Принцип состязательности, закрепленный в ст. 15 Уголовно-процессуального кодекса РФ, предполагает активное процессуальное участие стороны обвинения и стороны защиты. Внутреннее убеждение судьи при оценке доказательств формируется в условиях реализации принципа состязательности сторон судопроизводства. Важным элементом оценки доказательств является проверка доказательства на соответствие критериям допустимости. При этом неоднозначной представляется роль доказательств, признанных недопустимыми, в формировании внутреннего убеждения субъекта доказывания. Автор статьи исследует свойство допустимости доказательства как фактора влияющего на формирование внутреннего убеждения субъекта доказывания, его уверенности в доказанности тех или иных обстоятельств, имеющих значение для дела, сравнивая роль допустимых и недопустимых доказательств.

Ключевые слова: доказывание, допустимость доказательств, оценка доказательств, внутреннее убеждение, расследование.

Принцип свободной оценки доказательств предполагает, что доказательства оцениваются субъектом доказывания по внутреннему убеждению.

Представляет интерес с научной и практической точек зрения исследование степени влияния на формирование внутреннего убеждения доказательств, признанных недопустимыми и исключенных из перечня, а равно доказательств, которые судом по ходатайству стороны признаны допустимыми, хотя ранее такие доказательства были исключены (ч. 7 ст. 235 УПК РФ). Конституционный Суд РФ в определении от 25.09.2014 № 1903-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Струженкова Александра Егоровича на нарушение его конституционных прав частью седьмой статьи 235 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» указал на то, что вопрос о признании исключенного доказательства допустимым в соответствии со ст. 235 УПК РФ, не содержит каких-либо изъятий из установленного Уголовно-процессуальным кодексом РФ порядка доказывания по уголовным делам, в соответствии с которым в основу обвинительного приговора могут быть положены лишь доказательства, не вызывающие сомнения в их достоверности и допустимости [1].

Доказательство – особая логическая форма, посредством которой обосновывается истинность того или другого положения. Может ли недопустимое доказательство выступать в качестве доказательства, в контексте его влияния на оценку других доказательств и их совокупности или утрачивает полностью свое доказательственное значение. Если бы оценка доказательств осуществлялась исключительно автоматизированными алгоритмами, безусловно субъективный фактор влияния недопустимых доказательств на оценку всей системы доказательств по делу был бы исключен путем исключения недопустимого доказательства из алгоритма. Однако оценка доказательств осуществляется людьми, следовательно, такая оценка всегда обусловлена психологическими аспектами восприятия информации конкретным субъектом доказывания. Степень такой субъективной обусловленности варьируется и во многом зависит от уровня правосознания.

Исследование роли недопустимых доказательств в процессе формирования убежденности субъекта доказывания в достоверности тех или иных обстоятельств, невозможно в отрыве от исследования понятия и критериев допустимости доказательств.

Если рассматривать допустимость в узком, формализованном смысле, как категорию, исклю-

чительно связанную с «буквой закона», а не с его «духом», то допустимость доказательства обеспечивается формальным соблюдением процессуальных норм, регламентирующих порядок получения доказательств. Представляется, что такой подход не отвечает целям уголовного судопроизводства, закрепленным Уголовно-процессуальным кодексом РФ в статье 6, согласно которой, уголовное судопроизводство имеет своим назначением одновременно защиту прав и законных интересов потерпевших от преступлений лиц и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Сохранять баланс позволяет реализация принципа состязательности (ст. 15 УПК РФ), проявлением которой является процессуальная активность сторон в вопросах формирования доказательственной базы по делу. Процессуальная позиция стороны обвинения всегда более активна, поскольку именно сторона обвинения в стадии досудебного производства дает квалификацию совершенного деяния и, в силу наличия полномочий на проведение следственных действий, направленных на получение доказательств, формирует доказательственную базу по делу. Действия защиты на стадии предварительного следствия могут быть активными, а могут сводиться к отказу от дачи показаний в силу права, предусмотренного ст. 51 Конституции РФ. Наиболее полно принцип состязательности реализуется в ходе судебного разбирательства.

Поскольку свойство допустимости доказательство может приобретать либо утрачивать в процессе доказывания (ст. 235 УПК РФ), недопустимые доказательства хоть и не могут быть положены в основу приговора суда, однако создают фон для восприятия и оценки допустимых доказательств. В таком контексте недопустимые доказательства участвуют в формировании внутреннего убеждения субъекта доказывания и это участие может даже не осознаваться субъектом доказывания.

Кириллов В.И. отмечает, что убеждающее воздействие суждений в коммуникативном процессе зависит не только от стройности и логичности обоснования. Важная роль в обосновании принадлежит внелогическим факторам: лингвистическому, риторическому, психологическому и другим. [2, с. 195]. В этой связи соотношение роли и значения допустимых и недопустимых доказательств в формировании внутреннего убеждения субъекта доказывания зависит от целей доказывания: объективное установление обстоятельств дела или может и неосознанное, но подсознательное стремление субъекта доказывания подтвердить собственное убеждение, сформированное под влиянием внелогических факторов. Точнее говоря, в процессе доказывания состязательность проявляется не только в противопоставлении стороны защиты стороне обвинения, а противопоставление объективного, достоверного знания субъективному предубеждению.

В соответствии с пунктом 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» доказательства признаются недопустимыми, в частности, если были допущены существенные нарушения установленного уголовно-процессуальным законодательством порядка их собирания и закрепления, а также если собирание и закрепление доказательств осуществлено ненадлежащим лицом или органом либо в результате действий, не предусмотренных процессуальными нормами [3]. Основываясь на указанных разъяснениях, можно сделать вывод о том, что не любое нарушение уголовно-процессуального регламента получения доказательств может являться основанием для признания доказательства недопустимым. Оценка допустимости и признание доказательства недопустимым также обусловлена формированием внутреннего убеждения относительно значимости допущенного нарушения.

Формирование убеждения обусловлено не только формально-логическими категориями, но и в немалой степени – нравственными, этическими категориями, такими как например «совесть» и «доверие». Совесть характеризуется способностью личности осуществлять моральный самоконтроль, самостоятельно формулировать для себя нравственные обязанности, производить самооценку совершаемых поступков. Человек судит о своих поступках как бы от своего собственного имени, исходя из своих собственных представлений о справедливости, долге, правом или неправом [4, с. 325–326]. Доверие же представляет собой отношение к действиям другого лица или к самому такому лицу, основанное на убежденности в его правоте, добросовестности, честности [4, с. 80]. В связи с чем стоит проводить различие между понятиями доказательности и убедительности [5, с. 19]. Наличие доверия к источнику полученной и оцениваемой информации или отсутствие такого доверия влияет на убедительность самой информации как таковой. Доверие не должно подменяться слепой верой, не основанной на разуме, доверие должно быть рациональным.

Рассматривать внутреннее убеждение необходимо как сложное многоаспектное явление, неразрывно связанное с принципами и законами логического мышления и обусловленное ими. В противном случае внутреннее убеждение как основной принцип оценки доказательств приведет к ошибочному результату, к недостоверным выводам, противоречащим фактам. Обоснованность и аргументированность принятого решения в процессуальных актах могут быть достигнуты только при условии соблюдения последовательности изложения в них всей системы доказательств, включая этическую компоненту, но не подменяя логические выводы этическими оценками. Логическая основа процесса оценки доказательств в судопроизводстве

должна преобладать над этической в том смысле, в котором стремление к объективной оценке доказательств выступает основой процесса доказывания.

Резюмируя изложенное, рассматривать категорию допустимости доказательств следует в более широком смысле, нежели как формальное соблюдение текста процессуального закона. Допустимость доказательства формируется в условиях оценки места этого доказательства в системе доказательств, степени допущенного нарушения закона при его получении (если факт такого нарушения достоверно установлен) и оценивается по внутреннему убеждению, которое само по себе формируется под влиянием как объективных так и субъективных факторов.

Внутреннее убеждение субъекта доказывания всегда основано на его личном восприятии каждого доказательства в отдельности и всей доказательственной системы в её совокупной полноте с учетом причинно-следственных связей и логически выстроенных суждений на основе исследованных доказательств. Убеждение может изменяться в процессе доказывания под влиянием формирующейся системы доказательств.

Добиться стерильности восприятия информации субъектом оценки доказательств невозможно, хотя на это были направлены отдельные процессуальные механизмы, в частности, отсутствующий в настоящее время принцип непрерывности судебного разбирательства. Стоит отметить, что непрерывность судебного разбирательства играла важную роль в комплексной и, что особенно важно, последовательной оценке каждого элемента системы доказательств в отдельности и всей системы в ее целостном виде. В таких условиях внутреннее убеждение формировалась прогрессивно по мере накопления доказательственной информации.

Нужно стремиться к критической оценке собственной субъективности при восприятии и оценке информации, получаемой в процессе доказывания, воздерживаться от формирования предубеждения в условиях неполного исследования всей системы доказательств по делу. Сомнение не должно покидать субъекта доказывания до момента окончания процесса оценки системы доказательств. Процессуальное доказывание имеет длящийся характер, в следствие чего процесс оценки доказательств осуществляется непрерывно и одновременно с их исследованием, а точнее, восприятием. Факты, которые казались бесспорными на начальном этапе оценки доказательств, при анализе всей системы доказательств в целом могут быть опровергнуты, и наоборот. Только проанализировав и структурировав все полученные доказательства в их взаимозависимости и взаимосвязи, можно отбросить сомнения. А если сомнение сохраняется, то собранные доказательства нельзя признать достаточными для установления обстоятельств дела. Система доказательств должна обеспечивать достоверность установленных по делу фактов, в случаях, когда полностью устранить сомнения полно-

стью невозможно, руководствоваться надлежит презумпцией невиновности.

Литература

1. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Струженкова Александра Егоровича на нарушение его конституционных прав частью седьмой статьи 235 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 25.09.2014 № 1903-О // СПС Гарант
2. Кириллов В.И. Логика: Учебник для юридических вузов. М., 2001. С. 195–196.
3. О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 // СПС Гарант.
4. Словарь по этике / Под ред. И.С. Кона. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1983. – 445 с.
5. Уемов А.И. Логические ошибки: как они мешают правильно мыслить / А.И. Уемов – М.: Госполитиздат, 1958. – 119 с.
6. Руденко, А.В. Содержательная логика доказательства: монография. – 2-е изд., переработанное и доп. – Москва: Проспект, 2021. – 208 с.

ADMISSIBILITY OF EVIDENCE AS A FACTOR IN THE FORMATION OF INNER CONVICTION OF THE SUBJECT OF PROOF IN CRIMINAL CASES

Kosareva B.P.

Kuban State University

Evaluation of evidence is an integral element of the process of proving in any type of legal proceedings: criminal, civil, administrative. In the presented article the process of evaluation of evidence is considered through the prism of formation of internal conviction of the subject of proof in criminal cases, taking into account the ambivalence of such property of evidence as admissibility. The principle of adversarial nature, enshrined in article 15 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, assumes active procedural participation of the prosecution and the defense. Internal conviction of the judge in the evaluation of evidence is formed in the conditions of realization of the principle of adversarial nature of the parties to the proceedings. An important element of the evaluation of evidence is the verification of evidence for compliance with the criteria of admissibility. The role of evidence recognized as inadmissible in the formation of internal conviction of the subject of proof is ambiguous. The author of the article investigates the property of admissibility of evidence as a factor affecting the formation of internal conviction of the subject of proof, his confidence in the proof of certain circumstances relevant to the case, comparing the role of admissible and inadmissible evidence.

Keywords: proving, admissibility of evidence, evaluation of evidence, inner conviction, investigation.

References

1. On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Aleksandr Egorovich Struzhenkov about violation of his constitutional rights by part seven of Article 235 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 25.09.2014 № 1903-O // JPS Garant
2. Kirillov V.I. Logic: Textbook for law schools. M., 2001. C. 195–196.
3. On the practice of application of legislation in the consideration of criminal cases in the court of first instance (general procedure of legal proceedings): Resolution of the Plenum of the Supreme

- Court of the Russian Federation of 19.12.2017 № 51 // SPS Garant.
4. Dictionary of ethics / Edited by I. I.C. Kon. – 5th ed. – M.: Politizdat, 1983. – 445 c.
 5. Uemov, A.I. Logical errors: how they prevent correct thinking / A.I. Uemov – M.: Gospolitizdat, 1958. – 119 c.
 6. Rudenko, A.V. Content-based logic of proof: a monograph. – 2nd ed., revised and additional – Moscow: Prospekt, 2021. – 208 c.

Обоснованность назначения наказания соучастника в совершении преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ

Крюков Антон Владимирович,

старший преподаватель кафедры уголовного права, Санкт-Петербургский университет МВД России, судья в отставке
E-mail: krukovanton293@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы правильности квалификации и обоснованности назначения наказания соучастника в совершении преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ – «Убийство матерью новорожденного ребенка». По мнению автора, действия соучастников подобных преступлений следует квалифицировать по ст. 105 ч. 2 п. «в» УК РФ – «Убийство малолетнего». Автор полагает, что правила ч. 4 ст. 34 УК РФ, согласно которым лицо, не являющееся субъектом преступления, специально указанным в соответствующей статье Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, участвовавшее в совершении преступления, предусмотренного этой статьей, несет уголовную ответственность за данное преступление в качестве его организатора, подстрекателя либо пособника, в данном случае неприменимы. Согласно данной статье, мать, убившая своего новорожденного ребенка, вследствие особенностей своей физиологии является уникальным субъектом, аналога которому в российском уголовном праве не имеется. Поэтому квалификация действий соучастников данного преступления также по ст. 106 УК РФ со ссылкой на части 3, 4 или 5 УК РФ, как организатора, подстрекателя или пособника преступления, невозможна, поскольку соучастники подобного преступления сами физически участвуют в совершении этого преступления, при этом, не являясь матерью новорожденного, не могут быть субъектом преступления по ст. 106 УК РФ. В статье автором приводятся примеры соответствующих приговоров и их подробный анализ.

Ключевые слова: квалификация преступлений, уголовная ответственность, убийство, новорожденный ребенок, соучастник преступления, организатор, подстрекатель, пособник, уникальный субъект преступления.

В следственной и судебной практике преступления, предусмотренные статьей 106 УК РФ – «Убийство матерью новорожденного ребенка», встречаются достаточно редко. Тем не менее, законная и обоснованная квалификация данного деяния, совершенного в отношении новорожденного ребенка, чрезвычайно важна. Кроме того, с нашей точки зрения, существенный интерес представляет обоснованность данной квалификации с учетом норм Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации.

Статья 106 УК РФ устанавливает ответственность для матери, убившей своего новорожденного ребенка во время или сразу же после родов либо в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости.

Субъект здесь специальный, то есть совершить это преступление может только вменяемая женщина в возрасте старше шестнадцати лет, убившая своего новорожденного ребенка.

Н.В. Добрикова указывает, что точного критерия новорожденности до настоящего времени не установлено. В различных юридических трактовках данный срок устанавливается по – разному. Так, в качестве возраста новорожденности указываются 3–4 недели, 28 или 29 дней, месяц. Согласно медицинским критериям, новорожденностью в акушерстве считается неделя, в педиатрии – месяц, по критериям Всемирной организации здравоохранения – 10 дней, согласно нормативам судебной медицины – 1 сутки. [1] В уголовном праве Российской Федерации единым сроком новорожденности сейчас признается период в 1 месяц после родов. [2]

Практика рассмотрения уголовных дел следственными органами и судами свидетельствует о том, что чаще всего к уголовной ответственности по ст. 106 УК РФ привлекается именно мать, убившая своего недавно родившегося ребенка. Действия же иных лиц, участвовавших в убийстве ребенка, расцениваются как квалифицированное убийство, то есть убийство малолетнего.

Этой точки зрения придерживаются Э.Ф. Побегайло, [3] Г.Н. Борзенков, [4] М.А. Трясоумов, [5] А.И. Коробеев. [6] Этой же практики придерживаются, в основном, и суды различных уровней.

Указанная практика противоречит правилам части 4 статьи 34 УК РФ, устанавливающим, что лицо, не являющееся субъектом преступления, специально указанным в соответствующей статье Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, участвовавшее в совершении престу-

пления, предусмотренного этой статьей, несет уголовную ответственность за данное преступление в качестве его организатора, подстрекателя либо пособника.

То есть наличествует определенная коллизия правовых норм: действия соучастника матери, убившей своего новорожденного ребенка, традиционно квалифицируются как убийство малолетнего. Однако, исходя из правил ч. 4 ст. 34 УК РФ, такие действия надлежит квалифицировать не как убийство малолетнего, а также по ст. 106 УК РФ, ссылаясь при этом на части 3, 4 или 5 статьи 33 УК РФ.

А.Н. Попов в работе «Уголовно-правовая характеристика преступления, предусмотренного ст. 106 Уголовного кодекса Российской Федерации «Убийство матерью новорожденного ребенка»» приводит два вступивших в законную силу приговора различных судов, [7] указывая при этом на противоречивость судебной практики.

Согласно первому примеру, Мурманским областным судом Ш. и К. осуждены за убийство новорожденного ребенка. Установлено, что в марте 2007 года Ш. родила живого ребенка. К. принимала у нее роды. Затем Ш. сказала, что ребенка нужно отправить на помойку, поскольку он ей не нужен. По просьбе Ш., К., завернув новорожденного в кофту, выбросила его в контейнер для сбора мусора.

Приговором суда деяние Ш. квалифицировано по ст.ст. 33 ч. 4, ст. 106 УК РФ, как подстрекательство к убийству матерью новорожденного ребенка, деяние К. – по п. «в» ч. 2 ст. 105 ч. 2 п. «в» УК РФ, как убийство малолетнего. Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам оставила данное решение в силе. [8]

С нашей точки зрения, в данном судебном решении, даже с учетом мнения Верховного Суда Российской Федерации, сомнения вызывает квалификация действий матери, родившей ребенка, то есть Ш. Следует учесть, что сразу после родов она фактически сама передала ребенка К., которая вынесла его на помойку. То есть Ш. сама физически участвовала в совершении убийства новорожденного, явившись исполнителем преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ.

Квалификация Мурманского областного суда выглядит сомнительной в части действий Ш. Согласно ст. 33 ч. 4 УК РФ, подстрекатель – это лицо, склонившее иное лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угроз или иным способом. Поэтому, если буквально следовать квалификации действий Ш., данной судом, то надо допустить, что Ш. склонила К. к совершению преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, путем уговора. Но в этом же приговоре суд указывает, что К. совершила не преступление, предусмотренное ст. 106 УК РФ, а иное, гораздо более тяжкое преступление.

Помимо этого, К. вообще не могла совершить убийство матерью новорожденного, поскольку не была матерью ребенка.

В качестве второго примера приводится приговор Ленинградского областного суда, которым было установлено, что в 2000 году Н. дома родила живого ребенка. Когда домой вернулся ее супруг, Н. упросила его убить ребенка, рождения которого она не хотела. Согласившись, муж убил новорожденного, нанеся ему несколько ударов молотком по голове. Затем супруги скрыли труп ребенка в доме.

Здесь следствие квалифицировало действия супруга по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, то есть умышленное причинение смерти другому человеку, заведомо находящемуся в беспомощном состоянии, а действия Н. – как подстрекательство к этому, т.е. по ст. ст. 33 ч. 4, 105 ч. 2 п. «в» УК РФ. Судебная коллегия Ленинградского областного суда, однако, изменила данное решение, квалифицировав действия Н. по ст. ст. 33 ч. 4, 106 УК РФ, – подстрекательство в убийстве матерью новорожденного ребенка. [9]

Здесь судом справедливо отмечена необоснованность квалификации действий Н. как подстрекательства к совершению убийства лица, находящегося в беспомощном состоянии. Согласно правилам ст. 17 ч. 3 УК РФ, в данном случае имеет место конкуренция уголовно – правовых норм и поэтому следует применить специальную норму, которой является ст. 106 УК РФ, более точно описывающая произошедшее. Следует также учесть, что формулировка «беспомощное состояние» применима к большому количеству различных ситуаций, а состояние новорожденного наиболее точно описывается термином «малолетний». Соответственно, верной будет дефиниция «Убийство малолетнего».

Кроме того, как и в предыдущем приговоре, сомнения вызывает квалификация действий матери, то есть Н. Установлено, что Н. родила ребенка дома одна, а затем передала его пришедшему мужу, чтобы тот убил ребенка. То есть, передавая мужу ребенка, Н. сама непосредственно участвовала в совершении этого убийства, вследствие чего является исполнителем данного преступления.

В двух указанных приговорах, несмотря на требования части 4 статьи 34 УК РФ, квалификация действий лица, которому матери передавали ребенка для его убийства, в качестве соучастника преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, необоснованна. Согласно диспозиции ст. 106 УК РФ, подобное преступление может совершить только мать и только в отношении своего ребенка. Убивая своего ребенка во время или сразу после родов, мать новорожденного не относится к нему как к живому человеку, рассматривая его только как часть себя. Помимо этого, зачастую во время или сразу после родов мать новорожденного не вполне вменяема. Закон, проявляя гуманизм по отношению к женщине – матери новорожденного, предусматривает за подобное деяние наказание в несколько раз меньшее, нежели наказание за убийство малолетнего, относя этот вид убийства к категории привилегированных.

В то же время, второе лицо, убивая новорожденного, находится в адекватном состоянии и воспринимает его именно как новорожденного, то есть живого малолетнего ребенка.

Кроме того, во всех случаях второе лицо, не относясь ни к какому другому виду соучастников преступления, может быть признано только исполнителем, поскольку, по просьбе матери, участвует в совершении преступления непосредственно само.

Таким образом, поскольку второе лицо, убивая новорожденного ребенка, делает это непосредственно само, то есть является исполнителем преступления, не является его матерью и относится к новорожденному как к малолетнему ребенку, то обоснованной является квалификация его действий как убийства малолетнего.

Полагаем, что субъект преступления – мать, убившая своего ребенка, в некотором роде уникален, поскольку от субъектов иных любых преступлений его отличает особая биологическая сущность. Фактически субъектом преступления его делают имеющиеся в его организме временные физиологические особенности, то есть беременность и роды. Аналога подобному субъекту в российском уголовном праве не имеется.

Поэтому можно заключить, что относительно ст. 106 УК РФ, ее уникального субъекта – матери, убившей своего ребенка в период новорожденности, а также соучастников этого преступления, правила ст. 34 ч. 4 УК РФ неприменимы вследствие особенностей физиологии данного субъекта и отсутствия подобных особенностей у прочих лиц.

Литература

1. Добрикова Н.В. Новорожденность как специфическое описание возраста в уголовном праве. *Иновационная наука*. № 10/2018. С. 63–65. Электронный ресурс «Киберленинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novorozhdennost-kak-spetsificheskoe-opisanie-vozrasta-v-ugolovnom-prave/viewer> (дата обращения 06.03.2024 г.)
2. Лебедев В.М. Комментарий к уголовному кодексу РФ. М., 2014. С. 127–128.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Х.М. Ахметшина, О.Л. Дубовик, С.В. Дьяков и др.; под общ. ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. М., 1999. С. 241.
4. Курс уголовного права. В 5 т. Т. 1. Общая часть. Учение о преступлении / Г.Н. Борзенков, В.С. Комиссаров, Н.Е. Крылова [и др.]; под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 2002. 611 с. С. 129.
5. Трясоумов М.А. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с убийствами матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ): специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 15–16.

6. Коробеев А.И. Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека: монография. М., 2012. С. 125.
7. Попов, А.Н. Уголовно-правовая характеристика преступления, предусмотренного статьей 106 Уголовного кодекса Российской Федерации «Убийство матерью новорожденного ребенка»: учебное пособие / А.Н. Попов. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021. – 136 с.
8. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2008 г. по делу № 34-О08–3. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Архив Ленинградского областного суда. Уголовное дело № 2–135.

THE VALIDITY OF IMPOSING PUNISHMENT ON AN ACCOMPLICE IN COMMITTING A CRIME UNDER ART. 106 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Kryukov A.W.

Saint Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia

The article discusses the issues of the correctness of the qualification and justification of the punishment of an accomplice in the commission of a crime under Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation – “Murder by a mother of a newborn child”. According to the author, the actions of accomplices in such crimes should be qualified under Article 105 part 2 of paragraph “b” of the Criminal Code of the Russian Federation – “Murder of a minor”. The author believes that the rules of Part 4 of Article 34 of the Criminal Code of the Russian Federation, according to which a person who is not the subject of a crime specifically specified in the relevant article of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, who participated in the commission of a crime provided for in this article, is criminally responsible for this crime as its organizer, instigator or accomplice, in this case are not applicable. According to this article, a mother who killed her newborn child, due to the peculiarities of her physiology, is a unique subject, which has no analogue in Russian criminal law. Therefore, the qualification of the actions of accomplices in this crime also under Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation with reference to parts 3, 4 or 5 of the Criminal Code of the Russian Federation as an organizer, instigator or accomplice of a crime is impossible, since accomplices of such a crime themselves physically participate in the commission of this crime, while not being the mother of a newborn, they cannot be the subject of a crime according to Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation. In the article, the author provides examples of relevant sentences and their detailed analysis.

Keywords: qualification of crimes, criminal liability, murder, newborn child, accomplice, organizer, instigator, accomplice, unique subject of crime.

References

1. Dobryakova N.V. Newborn as a specific description of age in criminal law. *Innovative science*. No. 10/2018. pp. 63–65. Electronic resource “Cyberleninka”. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novorozhdennost-kak-spetsificheskoe-opisanie-vozrasta-v-ugolovnom-prave/viewer> (date of application 03/06/2024)
2. Lebedev V.M. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation. M., 2014. pp. 127–128.
3. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation / H.M. Akhmetshina, O.L. Dubovik, S.V. Dyakov, etc.; under the general editorship of Yu.I. Skuratov, V.M. Lebedev. M., 1999. p. 241.
4. The course of criminal law. In 5 t.t. 1. The general part. The doctrine of crime / G.N. Borzenkov, V.S. Komissarov, N.E. Krylova [et al.]; edited by N.F. Kuznetsova, I.M. Tyazhkova. M., 2002. 611 p. 129.

5. Tryasoumov M.A. Criminal law and criminological problems of combating murders by the mother of a newborn child (Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation): specialty 12.00.08 "Criminal law and criminology; penal enforcement law": dis. ... Dr. jurid. sciences'. Yekaterinburg, 2000. pp. 15–16.
6. Korobeev A.I. Criminal encroachments on human life and health: monograph. M., 2012. p. 125.
7. Popov, A.N. Criminal and legal characteristics of the crime provided for in Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation "Murder by the mother of a newborn child": textbook / A.N. Popov. – St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2021. – 136 p.
8. Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 17, 2008 in case No. 34-008–3. Access from the ConsultantPlus legal reference system.
9. Archive of the Leningrad Regional Court. Criminal case No. 2–135.

Предмет нарушения правил обращения экологически опасных веществ и отходов

Кузнецов Роман Драгославович,

аспирант, кафедра уголовного права и криминологии Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (Российская правовая академия Минюста России)
E-mail: roman.kuznecov1998@yandex.ru

В современных условиях стремительного развития государства, проблемы сферы охраны окружающей среды приобретает все большие масштабы, решение которых возможно посредством создания эффективной правовой системы, обеспечивающей каждому его право на благоприятную окружающую среду, что соответствует положениям ст. 42 Конституции Российской Федерации. На каждого человека должна быть возложена обязанность по охране окружающей среды и бережного к ней отношения. В Основах государственной политики в сфере экологии до 2030 года [12] обращено внимание, что в России экологическая ситуация характеризуется довольно значительным уровнем антропогенного воздействия и значительными неблагоприятными последствиями, что в совокупности приводит к необходимости охранять окружающую среду, включая и введение в уголовное законодательство соответствующих видов уголовной ответственности. Одной из проблем окружающей среды является нарушение предусмотренных правил в сфере обращения с опасными веществами и отходами, за что законодатель предусмотрел уголовную ответственности в рамках ст. 247 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). В юридической литературе неоднозначно решается вопрос о предмете данного преступления: какие именно вещества входят в категорию опасных веществ и отходов, какие нормативные документы предусматривают оборот таких веществ и отходов. Все это приводит к необходимости проведения анализа предмета преступления, что имеет немаловажное значение для квалификации деяния.

Ключевые слова: предмет преступления посягательства, опасные вещества и отходы; предмет преступления ст. 247 УК РФ; экологические опасные вещества и отходы; безопасность окружающей среды.

В настоящий момент в рамках ст. 247 УК РФ предусмотрено две основные группы, характеризующие предмет преступного деяния. Во-первых, законодатель указывает на запрещенные опасные отходы без указания их качественных характеристик, а во-вторых, на радиоактивные, химические или бактериологические отходы и вещества. Из смысла статьи следует, что предметом данного преступления являются именно такие опасные вещества и отходы. Однако в юридической литературе высказываются и иные позиции по этому вопросу. По мнению Н.А. Лопашенко, предметом рассматриваемого преступного деяния являются правила обращения с опасными отходами и веществами. Правила обращения с такими веществами и отходами составляют основу системы охраны окружающей среды, имеют целевое назначение и сформулированы в законодательстве [17, с. 107].

Иной подход к этому вопросу выразил Э.Н. Жевлаков, считающий, что предметом преступного посягательства в ст. 247 УК РФ является окружающая среда со всеми ее компонентами, к которым необходимо относить недра, землю, воду, атмосферный воздух и пр. [18, с. 730].

Такое понимание предмета преступления не является полным, поскольку оно не конкретизировано, в нем отсутствует характеристика механизма нарушения объекта, поставленного под охрану закона.

Понятие отходов на законодательном уровне предусмотрено в ст. 1 Федерального закона от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» [3]. Отходы это такие вещества или предметы, образованные в ходе производственного процесса или при оказании услуг и выполнении работ, которые по своему характеру в дальнейшем должны быть удалены. Кроме того, по мнению законодателя, это могут быть любые вещи и предметы, появляющиеся в ходе деятельности человека, не подлежащие дальнейшему обращению.

Иной подход к определению отходов приводит в Федеральном законе от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [4]. Данный нормативный акт определяет, что отходы могут возникать и обращаться не только в ходе производственного процесса или потребления, но и в процессе сбора, накопления, утилизации, равно как в ходе транспортировки, хранения или обеззараживания. При этом, данные действия должны производиться таким образом, чтобы не причинить вред окружающей среде.

В Российской Федерации разработан и действует национальный стандарт в сфере обраще-

ния с отходами – ГОСТ Р 53691–2009. Национальный стандарт Российской Федерации. Ресурсосбережение. Обращение с отходами. Паспорт отхода I–IV класса опасности. Основные требования [14]. Указанным нормативным актом отходы определяются как сырьевые остатки, полуфабрикаты, вещества и материалы, которые конечной целью производственного процесса не являются, относится это и к некондиционной продукции, то есть продукции, которая свои свойства утратила. Под отходами понимаются изделия, равно как и иные вещества, появляющиеся при производстве продукции, в ходе ее эксплуатации, при оказании услуг и выполнении работ, а также когда такие вещества в дальнейшем не могут применяться по назначению. Отходами считаются, в том числе бытовые, пищевые и иные отбросы, сор и мусор.

К опасным свойствам отходов Национальный стандарт относит их токсичность, взрывоопасность, способность самовозгораться и иные свойства, несущие окружающей среде, жизни и здоровью человека, определенную угрозу.

В силу приказа Минприроды России от 04.12.2014 № 536 [9] все отходы, которые тем или иным образом могут оказывать на человека или окружающую среду определенное воздействие включены в пять основных классов:

- I класс – чрезвычайно опасные отходы;
- II класс – высокоопасные отходы;
- III класс – умеренно опасные отходы;
- IV класс – малоопасные отходы;
- V класс – практически неопасные отходы.

Следует учитывать, что применительно к ст. 247 УК РФ законодатель указал не просто на отходы, а на опасные виды веществ и отходов, следовательно, это в целом запрещенные к обороту отходы или те вещества и отходы, которые появляются в процессе производства или потребления и к которым применяются определенные правила их обращения. К опасным отходам, с нашей точки зрения, следует отнести все отходы, поименованные в Решении Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21.04.2015 № 30 «О мерах нетарифного регулирования», то есть те, которые в силу данного нормативного акта к ввозу в Россию запрещены [13].

Кроме того, действует Федеральный классификационный каталог отходов [10], вместе с тем, представляется, что классификатор не содержит всех без исключения видов отходов, относящихся к предмету преступного деяния в ст. 247 УК РФ, а это означает, что более правильно использовать Критерии отнесения отходов к соответствующим классам опасности.

В ст. 247 УК РФ указано на бактериологические, химические (сюда могут входить ядовитые и токсические отходы), радиоактивные и иные опасные отходы и вещества.

Токсические отходы, в силу их структуры, как правило, не утилизируются в ходе производства, при этом они причиняют существенный вред окружающей среде и человеку. В состав таких отходов,

чаще всего входят тяжелые металлы, гидроксиды железа и прочие вредные вещества. Уровень токсичности отходов определяют на основании специальных норм, устанавливающих предельные концентрации веществ, и когда такие пределы превышаются, отходы считаются опасными.

Понятие радиоактивных отходов закрепляется в рамках Федерального закона от 21.11.1995 № 170-ФЗ «Об использовании атомной энергии» [5]. Так, радиоактивными необходимо считать отходы или материалы, не используемые в процесс дальнейшего производства, в том числе и оборудование на котором они производились, источники ионизирующего облучения, содержавшие ядерные вещества и иные подобные источники. Как правило, радиоактивные отходы пребывают в трех основных формах: газообразная; жидкая; твердая форма.

Радиоактивные отходы разделены на два основных класса: удаляемые и особо опасные.

Однако в ст. 247 УК РФ законодатель их не разделяет, следовательно, все отходы данного типа являются предметом рассматриваемого преступления.

В соответствии Межгосударственным стандартом обращения с отходами (ГОСТ 30772-2001. Межгосударственный стандарт. Ресурсосбережение. Обращение с отходами. Термины и определения) [15] химическими являются отходы химического производства, равно как и продукция химического производства, сырье, смеси опасные для окружающей среды и человека. Химические отходы могут причинять окружающей среде непоправимый вред. Однако, к примеру, упаковка продукции, содержащая определенные химические элементы может подлежать переработке и обезвреживанию.

В отношении химических веществ предусмотрены строгие правила их складирования в производственных и иных помещениях. Чаще всего данные отходы должны помещаться в специальные резервуары или цистерны, могут храниться и на открытых участках, если это позволяют физико-химические свойства веществ. Однако при открытом хранении над химическими отходами в обязательном порядке должен быть сделан навес, они должны располагаться на твердой бетонной площадке, по периметру места хранения должны быть возведены заградительные сооружения и система ливневых стоков.

В структуру ст. 247 УК РФ включены и бактериологические отходы, то есть вещества, которые содержат в себе патогены, приводящие к заболеванию людей, животных или растений. Патоген по своей сути является микроскопическим организмом, вызывающим или могущим вызывать те или иные болезни.

Считаем, что определяя предмет рассматриваемого преступления, с нашей точки зрения, следует принимать во внимание также саму специфику того или иного вида отходов, особенно не поименованных в ст. 247 УК РФ, но выделяемых в специальных нормативно-правовых актах. В качестве

примера приведем ч. 2 ст. 2 Федерального закона от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления», где выделены биологические и медицинские отходы, а также отходы, которые в силу своих свойств могут разрушить озоновый слой. Относительно медицинских отходов следует принимать во внимание положения Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [6], в котором медицинские – это физиологические, анатомические, микробиологические отходы, то есть все те виды отходов, которые могут быть образованы в ходе осуществления фармацевтической и медицинской деятельности.

Данные отходы также подразделяются по некоторым классам:

- А – отходы, которые с точки зрения эпидемиологии являются безопасными, как правило, говорить следует о твердых бытовых отходах;
- Б – отходы опасные с эпидемиологической точки зрения;
- В – чрезвычайно опасные отходы;
- Г – токсикологические опасные отходы;
- Д – радиоактивные.

Критерии, по которым все медицинские отходы необходимо разделять по соответствующим классам приводятся в постановлении Правительства РФ от 04.07.2012 № 681[8].

Кроме того, следует указать на Закон РФ от 14.05.1993 № 4979–1 «О Ветеринарии» [7], в котором речь идет о биологических отходах, к которым отнесены трупы животных и птиц, абортанный материал, ветеринарный конфискат и иные отходы, не пригодные ни в пищу, ни для корма скота.

В соответствии с Межгосударственным стандартом обращения с отходами (ГОСТ 30772-2001. Межгосударственный стандарт. Ресурсосбережение. Обращение с отходами. Термины и определения) биологические отходы представлены несколько иначе. К ним относят органы и ткани биологического происхождения, образующиеся в процессе осуществления ветеринарной или медицинской практики и иные отходы, получаемые при обработке живого и не живого сырья. С нашей точки зрения, для целей ст. 247 УК РФ правильнее принимать во внимание Ветеринарные правила перемещения, хранения, переработки и утилизации биологических отходов [11], где их перечень является исчерпывающим и не подлежит расширительному толкованию.

В ст. 247 УК РФ законодатель также указывает на запрещенные для производства отходы. По мнению Э.Н. Жевлакова запрещенными необходимо признать отходы, не поддающиеся под утилизацию или обеззараживание, то есть те, которые могут только накапливаться [18, с. 108].

С нашей точки зрения, законодатель указывает на запрещенные виды отходов, при этом для квалификации не имеет значения, подлежит ли такие отходы утилизации или нет.

В части производства запрещенных видов отходов интересной представляется мнение О.Л. Ду-

бовик, которая интерпретирует производство как действие, приводящее к появлению таких запрещенных отходов. Такая интерпретация основана как на правовой, так и на материальной природе самих отходов, как нежелательных и побочных продуктов производства [16, с. 151].

Таким образом, предметом преступления ст. 247 УК РФ не только радиоактивные, химические или бактериологические вещества и отходы, но и иные запрещенные вещества и отходы, прямо в ст. 247 УК РФ не предусмотренные, но поименованные в действующем законодательстве Российской Федерации. Что касается производства запрещенных отходов, то под этим понимается деятельность, приводящая к появлению веществ и отходов, перечень которых предусмотрен действующим законодательством.

Необходимо отметить, что нарушение правил обращения с веществами и отходами, которые не являются радиоактивными, химическими или бактериологическими, остается за рамками уголовного законодательства, к таким веществам можно отнести, например твердые коммунальные отходы.

Вместе с тем, нарушение установленного порядка обращения с твердыми коммунальными отходами, в том числе при их размещении, захоронении вне специально оборудованных мест, несет не меньшую опасность, чем нарушение правил обращения радиоактивных, химических или бактериологических веществ, поскольку любые отходы представляют потенциальную опасность для окружающей среды, а при нарушении правил их обращения указанные действия приводят к загрязнению почвы и попаданию вредных веществ, в том числе, в водоносные горизонты подземных вод.

Для целей совершенствования положений ст. 247 УК РФ, имеется потребность внесения изменений в часть 1 настоящей статьи в следующей редакции: «Производство запрещенных в соответствии с законодательством Российской Федерации опасных отходов, транспортировка, хранение, захоронение, использование или иное обращение радиоактивных, бактериологических, химических веществ и иных опасных отходов с нарушением установленных правил, если эти деяния создали угрозу причинения существенного вреда здоровью человека или окружающей среде».

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 13.06.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2023) //

- Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Федеральный закон от 24.06.1998 N 89-ФЗ (ред. от 19.12.2022, с изм. от 30.05.2023) «Об отходах производства и потребления» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2023) // Собрание законодательства РФ. № 26. 1998. Ст. 3009.
 4. Федеральный закон от 10.01.2002 N 7-ФЗ (ред. от 14.07.2022, с изм. от 30.05.2023) «Об охране окружающей среды» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2023) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.
 5. Федеральный закон от 21.11.1995 N 170-ФЗ (ред. от 28.06.2022) «Об использовании атомной энергии» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 48. Ст. 4552.
 6. Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
 7. Закон РФ от 14.05.1993 N 4979-1 (ред. от 28.04.2023) «О ветеринарии» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 24. Ст. 857.
 8. Постановление Правительства РФ от 04.07.2012 N 681 «Об утверждении критериев разделения медицинских отходов на классы по степени их эпидемиологической, токсикологической, радиационной опасности, а также негативного воздействия на среду обитания» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 28. Ст. 3911.
 9. Приказ Минприроды России от 4 декабря 2014 г. № 536 «Об утверждении Критериев отнесения отходов к I–V классам опасности по степени негативного воздействия на окружающую среду» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 01.07.2023).
 10. Приказ Росприроднадзора от 22.05.2017 N 242 (ред. от 16.05.2022) «Об утверждении Федерального классификационного каталога отходов» (Зарегистрировано в Минюсте России 08.06.2017 N 47008) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 13.06.2017.
 11. Приказ Минсельхоза России от 26.10.2020 N 626 «Об утверждении Ветеринарных правил перемещения, хранения, переработки и утилизации биологических отходов» (Зарегистрировано в Минюсте России 29.10.2020 N 60657) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 30.10.2020.
 12. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Президентом РФ 30.04.2012) // Документ опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
 13. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21.04.2015 N 30 (ред. от 10.01.2023) «О мерах нетарифного регулирования» // Таможенные ведомости. № 12. 2015.
 14. ГОСТ Р 53691–2009. Национальный стандарт Российской Федерации. Ресурсосбережение. Обращение с отходами. Паспорт отхода I–IV класса опасности. Основные требования (утв. и введен в действие Приказом Ростехрегулирования от 15.12.2009 N 1091-ст) // М: Стандартинформ, 2011.
 15. ГОСТ 30772-2001. Межгосударственный стандарт. Ресурсосбережение. Обращение с отходами. Термины и определения (введен постановлением Госстандарта России от 28 декабря 2001 г. № 607-ст). М.: ИПК Издательство стандартов, 2002.
 16. Дубовик О.Л. Экологические преступления. Комментарий к главе 26 Уголовного кодекса Российской Федерации. М., 1998. С. 138, 151.
 17. Лопашенко Н.А. Экологические преступления: уголовно-правовой анализ. М., 2017. С. 207.
 18. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2008. С. 835.

THE SUBJECT OF VIOLATION OF THE RULES OF HANDLING ENVIRONMENTALLY HAZARDOUS SUBSTANCES AND WASTE

Kuznetsov R.D.

Irkutsk Institute (branch) All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia)

In modern conditions of rapid development of the state, the problems of environmental protection are becoming increasingly widespread, the solution of which is possible through the creation of an effective legal system that ensures everyone's right to a favorable environment, which corresponds to the provisions of Article 42 of the Constitution of the Russian Federation. Every person should be charged with the duty to protect the environment and treat it with care. In the Fundamentals of state Policy in the field of Ecology until 2030 [12], attention is drawn to the fact that in Russia the environmental situation is characterized by a fairly significant level of anthropogenic impact and significant adverse consequences, which together leads to the need to protect the environment, including the introduction of appropriate types of criminal liability into criminal legislation. One of the environmental problems is the violation of the stipulated rules in the field of hazardous substances and waste management, for which the legislator provided for criminal liability under Article 247 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter – the Criminal Code of the Russian Federation). The legal literature ambiguously addresses the issue of the subject of this crime: which substances are included in the category of hazardous substances and waste, which regulatory documents provide for the turnover of such substances and waste. All this leads to the need to analyze the subject of the crime, which is of great importance for the qualification of the act.

Keywords: subject of crime, dangerous substances and wastes; subject matter of the crime. 247 of the Criminal Code of the Russian Federation; environmental hazardous substances and waste; environmental safety.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the All-Russian vote on 07/01/2020) // The official text of the Constitution of the Russian Federation as amended on 03/14/2020 is published on the Official Internet portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru>, 07/04/2020.
2. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FZ (as amended on 13.06.2023) (with amendments and

- additions, intro. effective from 06/24/2023) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.
3. Federal Law № 89-FZ of 06/24/1998 (as amended on 12/19/2022, with amendments. dated 30.05.2023) "On production and consumption waste" (with amendments and additions, introduction. effective from 03/01/2023) // Collection of legislation of the Russian Federation. № 26. 1998. Article 3009.
 4. Federal Law № 7-FZ of 10.01.2002 (as amended on 07/14/2022, with amendments. dated 30.05.2023) "On Environmental Protection" (with amendments and additions, introduction. effective from 03/01/2023) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. № 2. Article 133.
 5. Federal Law № 170-FZ of 11/21/1995 (as amended on 06/28/2022) "On the Use of Atomic Energy" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1995. № 48. Article 4552.
 6. Federal Law № 323-FZ of 11/21/2011 (as amended on 06/13/2023) "On the basics of protecting the health of citizens in the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. № 48. Article 6724.7.
 7. The Law of the Russian Federation of 05/14/1993 № 4979–1 (as amended on 04/28/2023) «On veterinary medicine» // Vedomosti SND and the Armed Forces of the Russian Federation. 1993. № 24. Article 857.
 8. Resolution of the Government of the Russian Federation № 681 dated 07/04/2012 "On approval of criteria for dividing medical waste into classes according to the degree of their epidemiological, toxicological, radiation hazard, as well as negative environmental impact" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2012. № 28. St. 3911.
 9. Order of the Ministry of Natural Resources of the Russian Federation № 536 dated December 4, 2014 "On approval of criteria for classifying waste to Hazard Classes I–V according to the degree of negative impact on the environment" // Official Internet portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru> (accessed 01.07.2023).
 10. Rosprirodnadzor Order № 242 dated 05/22/2017 (as amended on 05/16/2022) "On Approval of the Federal Classification Catalog of Waste" (registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on 06/08/2017 № 47008) // Official Internet Portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru>, 06/13/2017.
 11. Order of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation № 626 dated 10/26/2020 "On approval of veterinary rules for the movement, storage, processing and disposal of biological waste" (registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on 10/29/2020 N 60657) // Official Internet portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru>, 10/30/2020.
 12. Fundamentals of state policy in the field of environmental development of the Russian Federation for the period up to 2030 (approved by the President of the Russian Federation on 30.04.2012) // The document has not been published. SPS Consultant Plus.
 13. Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission dated 04/21/2015 № . 30 (as amended on 10/01/2023) "On non-tariff regulation measures" // Customs Vedomosti. № 12. 2015.
 14. GOST R 53691–2009. The national standard of the Russian Federation. Resource conservation. Waste management. Waste passport of hazard class I–IV. Basic requirements (approved and put into effect by Rostec Order № 1091-st dated 12/15/2009) // Moscow: Standartinform, 2011.
 15. GOST 30772–2001. The interstate standard. Resource conservation. Waste management. Terms and definitions (introduced by Resolution № 607-st of the State Standard of Russia dated December 28, 2001). Moscow: Publishing House of IPK Standards, 2002.
 16. Dubovik O.L. Environmental crimes. Commentary to chapter 26 of the Criminal Code of the Russian Federation. M., 1998. pp. 138, 151.
 17. Lopashenko N.A. Environmental crimes: criminal law analysis. M., 2017. p. 207.
 18. Criminal law of Russia. Parts general and special / edited by A.V. Brilliantova. M., 2008. p. 835.

Развитие правового конструкта квалификации преступления, предусмотренного п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ

Лысковский Иван Евгеньевич,

студент магистратуры международного факультета права и бизнеса, Забайкальский государственный университет, секретарь судебного заседания Забайкальского краевого суда
E-mail: lyskovskiy7@gmail.com

Статья посвящена проблемным вопросам, которые могут возникнуть при уголовно-правовой квалификации убийства в целях использования органов или тканей потерпевшего. Существуют некоторые сложности применения пункта «м» части 2 статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации, обусловленные несовершенным развитием законодательной конструкции статьи, а также доказательственной базы. Проанализированы характерные особенности данного преступления (объект, субъект, объективная и субъективные стороны), а также цели и причины совершения убийства в целях использования органов или тканей потерпевшего. Также в процессе подготовки данной статьи была изучена правовая позиция Пленума Верховного Суда Российской Федерации относительно применения статьи 105 Уголовного Кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: убийство, органы и ткани, использование, объективная сторона, квалификация.

Убийство – это преступление, связанное с лишением жизни человека. Органы и ткани убитого человека могут быть использованы для дальнейших исследований или трансплантации. При расследовании убийства необходимо учитывать объективную сторону событий и правильно квалифицировать преступление.

Ответственность за совершение убийства в законодательстве Российской Федерации регулируется разделом VII главы 16 Уголовного кодекса Российской Федерации [8]. Одним из отягчающих обстоятельств для этого преступления является использование органов или тканей потерпевшего. Из-за частого использования прогрессивных методов трансплантологии, в 1996 году был введен квалифицирующий признак в статью 105, часть 2 УК РФ, чтобы более эффективно бороться с такими видами убийств. Это делает расследование и классификацию таких преступлений более сложной задачей.

Реальные последствия уголовного преступления, закрепленного в статье 105 УК РФ, заключаются в лишении жизни другого человека.

У закона нет четкого перечня способов совершения такого преступления, однако можно предположить, что преступник может прибегнуть к различным методам, таким как нанесение удара по голове или другие. причинение значительных травм, которые несовместимы с жизнью, а также возможное бездействие путем осознанного отказа оказать медицинскую помощь, является нарушением законодательства и специальных правил.

При анализе бездействия как метода совершения преступления можно выделить две его формы: бездействие в виде пассивности и создание опасной ситуации.

Пассивность предполагает сознательное отклонение действующего лица, в данном случае врача, от выполнения реанимационных процедур, несмотря на опасность биологической смерти и наличие обязанности их проведения.

Создание опасной ситуации означает, что врач умышленно приводит пациента к критическому состоянию, не выполняя свои обязанности по лечению. Причины ухудшения состояния пациента и его смерти полностью определяются бездействием преступника.

Поскольку данное преступление включает в себя возможное опасное последствие (смерть человека), оно считается завершенным в момент наступления этого последствия, так как это является сутью самого преступления. Намерение преступника не имеет значения для определения завер-

шения деяния. Даже если впоследствии виновный по каким-то причинам не сможет использовать украденный у потерпевшего биологический материал, уголовная ответственность должна быть наложена за совершенное преступление.

В реальной жизни возникают серьезные трудности при установлении умысла, который свидетельствует о преднамеренном причинении смерти с целью последующей трансплантации органов. С.В. Домрачев отмечает, что доказать такой умысел становится сложной задачей, и различие между медицинской ошибкой и умышленными действиями в некоторых случаях (особенно когда операция по извлечению биологического материала не была выполнена по каким-либо причинам) практически невозможно. [4, С. 600]

В статье 105 УК РФ не указано, кто может совершить преступление, описанное в пункте «м». Судя по общим правилам, любой человек, достигший 14 лет и обладающий вменяемостью, может быть субъектом этого преступления. Не существует дополнительных критериев, определяющих преступника, поэтому как врач, проводящий операцию, так и любой человек без специальных знаний в области трансплантологии могут быть причастны к нему.

Субъективный аспект преступления определяется намерением, которое всегда имеется, когда законом предусмотрена цель преступного деяния. В данной статье упоминается цель «использование органов и тканей потерпевшего».

Интересно отметить различие в понятиях, введенных законодателем для характеристики преступлений в области трансплантологии. Различные нормы используют разные термины – «использование» и «изъятие». Если статья 120 УК РФ говорит об изъятии (насильственном лишении донора органов или тканей), то здесь речь идет о конечной цели такого изъятия – использование, то есть извлечение полезных свойств из изъятых органов.

По мнению некоторых ученых, существуют различия в терминологии, применяемой при определении состава преступлений, предусмотренных статьей 120 УК РФ и статьей 111 УК РФ, а также причинения тяжкого вреда здоровью человека с аналогичной целью. Это может вызвать разночтения в толковании способов совершения данных преступлений. Особую значимость представляет точка зрения Л.В. Бакулиной, которая рассматривает содержание пункта «м» части 2 статьи 105 УК РФ как фактор, ухудшающий характеристики объективной стороны убийства [1, С. 30–33].

Некоторые специалисты считают, что необходимо расширить ограничения, установленные в пункте «м» части 2 статьи 105 УК РФ, касающиеся использования трансплантации органов и тканей, добавив другие аналогичные цели. Например, Н.А. Колчина предлагает включить в этот список цель, связанную с «проведением религиозных или других культовых обрядов или каннибализма». [3, С. 25]. Другие религиозные обряды или практика каннибализма могут быть рассмотрены как спосо-

бы использования чего-либо в своих целях. Однако, можно поспорить с этим утверждением, так как термин «использовать» предполагает использование чего-то с пользой для себя[5]. Трансплантация, каннибализм, жертвоприношение – это действия, совершаемые людьми с целью получить какую-то выгоду.

Причины преступления не являются обязательными элементами состава преступления, однако их следует учитывать при расследовании. В большинстве случаев преступления совершаются из эгоистических мотивов. Если удастся доказать, что у виновного лица, совершившего убийство, были корыстные побуждения, это будет квалифицировано согласно пунктам «м» и «з» части 2 статьи 105 Уголовного Кодекса Российской Федерации. Для более подробного понимания эгоистических мотивов можно обратиться к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации под названием «О судебной практике по делам об убийстве (статья 105 Уголовного Кодекса РФ)» [6].

В разделе 11 данного аспекта мотивации преступления объясняется путем указания на возможные цели преступника, такие как получение выгоды для себя или других лиц (деньги, имущество, права на него, право на проживание и т.д.) или избавление от материальных обязательств (возврат имущества, погашение долга, оплата услуг, выполнение обязательств, уплата алиментов и т.д.). При этом для определения действия как незаконного по подпункту «з» части 2 статьи 105 Уголовного Кодекса РФ не имеет значения, удалось ли преступнику действительно достичь своей корыстной цели и получить материальные блага, которых он добивался при совершении убийства.

Эксперты считают, что низкий уровень преступности в данной области не всегда отражает реальную ситуацию, а скорее свидетельствует о том, что преступные действия могут быть трудны для выявления и необычайно хитрыми. сложности возникают при сборе доказательств, необходимых для привлечения виновных к уголовной ответственности[7, С. 125]. По мнению О.А. Кустовой, основной причиной такой ситуации является отсутствие специализированных криминалистических методов, которые позволили бы более детально изучить такие преступления и эффективно провести расследование[4, С. 4].

Литература

1. Бакулина Л.В. Правовой статус и обеспечение личных и социально-экономических прав осужденных к лишению свободы: автореф. дис. канд. юрид. наук. Казань, – 2000. – С. 46.
2. Домрачев С.В. Незаконная трансплантация органов и тканей умершего человека: уголовно-правовые аспекты // LEX RUSSICA. – 2007. Т. LXVI. – № 6. – 1197 с.
3. Колчина Н.А. Организационно-правовой механизм борьбы с убийствами, совершенными в целях использования органов и (или) тканей

потерпевшего: дис. канд. юрид. наук. М., 2011. С. 83–84.

4. Кустова О.А. Методика расследования преступлений, связанных с изъятием органов и (или) тканей человека для трансплантации: дис. канд. юрид. наук. М., 2000. с. 100.
5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – Москва: Азбуковник, 2000. – 940с.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 (ред. от 3 марта 2015 г.) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Рос. газета. – 1999. – № 24.
7. Трусов Л.И. Криминологические и уголовно-правовые аспекты предупреждения преступлений, связанных с использованием биотехнологий: дис. канд. юрид. наук. М. – 2011. – 227 с.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации [13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023)] // Собр. Законодательства Росс. Федерации. – 1996. – № 25. – С. 2954

DEVELOPMENT OF THE LEGAL CONSTRUCT FOR QUALIFYING THE CRIME PROVIDED FOR IN PARAGRAPH “M” OF PART 2 OF ART. 105 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Lyskovsky I.E.

Zabaikalsky State University

This article addresses the challenging issues surrounding the criminal law classification of murder for the purpose of organ or tissue harvesting from the victim. The application of paragraph «m» of part 2 of Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation is complicated due to deficiencies in the legislative framework and ev-

idence base. The unique characteristics of this crime (including the object, subject, objective and subjective aspects), as well as the motives and rationale behind committing murder for organ or tissue extraction, are thoroughly examined. Furthermore, the legal interpretation of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the enforcement of Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation was carefully reviewed during the preparation of this article.

Keywords: murder, organs and tissues, use, objective side, qualification.

References

1. Bakulina L.V. The legal status and ensuring the personal and socio-economic rights of those sentenced to imprisonment: abstract of the dissertation of the candidate. Jurid. sciences'. Kazan, 2000. – p.46.
2. Domrachev S.V. Illegal transplantation of organs and tissues of a deceased person: criminal legal aspects // LEX RUSSICA. – 2007. Т. LXVI. – No. 6. – 1197 p.
3. Kolchina N.A. Organizational and legal mechanism for combating murders committed for the purpose of using organs and (or) tissues of the victim: dis. cand. Jurid. M., 2011. pp.83–84.
4. Kustova O.A. Methods of investigating crimes related to the removal of human organs and (or) tissues for transplantation: dis. cand. Jurid. Sciences. M., 2000. – 100 p.
5. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language / S.I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova. – 4th ed., supplement – Moscow: Azbukovnik, 2000. – 940 p.
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 27, 1999 No. 1 (ed. dated March 3, 2015) «On judicial practice in cases of murder (Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation)» // Russian Newspaper. – 1999. – No.24.
7. Trusov L.I. Criminological and criminal law aspects of the prevention of crimes related to the use of biotechnologies: dis. cand. Jurid. M. – 2011. – 227 p.
8. The Criminal Code of the Russian Federation [June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on 08/04/2023)] // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 25. – A. 2954

Уголовно-правовое значение психического и физического принуждения как обстоятельства, исключающего преступность деяния в российской и международных правовых системах

Милаева Майя Юрьевна,

к.ю.н., доцент, кафедра «Безопасность в цифровом мире»,
Московский государственный технический университет
им. Н.Э. Баумана (Национальный исследовательский
университет)
E-mail: milaeva-bmstu@mail.ru

Печёнов Данила Александрович,

студент, кафедра «Безопасность в цифровом мире»,
Московский государственный технический университет
им. Н.Э. Баумана (Национальный исследовательский
университет)
E-mail: danilpechenov@gmail.com

В данной работе будет рассмотрено уголовно-правовое значение такого обстоятельства, исключающего преступность деяния, как психическое и физическое принуждение, указанного в главе 8 Уголовного кодекса Российской Федерации. Будут проанализированы особенности как данного элемента, так и принуждения в целом. Будет приведена судебная практика по данным видам преступлений для наглядного представления и применения обстоятельства, исключающего преступность деяния, а также примеры квалификации деяний исследуемого института. Кроме того, будут рассмотрены аналогичные обстоятельства в англосаксонской правовой семье для сравнения их с романо-германской правовой семьей. Целью данной работы является изучение вышеупомянутого обстоятельства, исключающего преступность деяния, а также предложение действенных мер по совершенствованию рассматриваемых статей в Уголовном кодексе Российской Федерации.

Ключевые слова: Уголовный кодекс Российской Федерации, принуждение, физическое принуждение, психическое принуждение, правовая семья, принуждение супруга.

Введение

В уголовном законодательстве закреплены обстоятельства, перечисленные в 8 главе Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), которые по законодательству попадают под признаки общественно опасного деяния, но по факту не являются таковыми по причине отсутствия вины нарушителя. Одним из таких является психическое и физическое принуждение.

Отчетный год	Кол-во преступлений
2017 год	1
2018 год	6
2019 год	13
2020 год	10
2021 год	11
2022 год	4

Рис. 1. Данные о количестве уголовных дел, которые имеют обстоятельства, исключающие совершение преступления в 2017–2022 годах

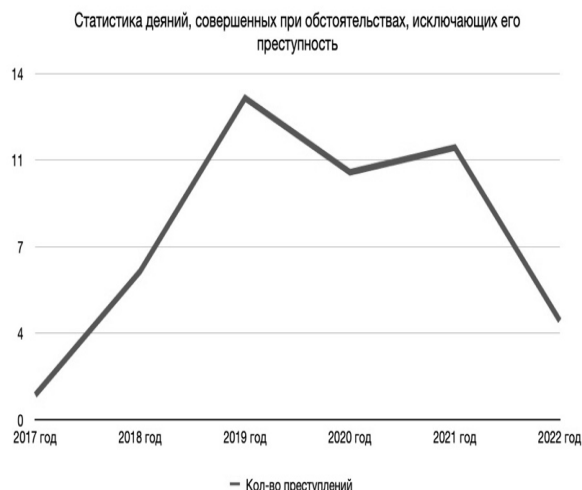

Рис. 2. Статистика уголовных дел с обстоятельствами, исключающими совершение преступления в 2017–2022 годах

Тем не менее, не все действия, которые могут быть внешне похожими на общественно-опасные деяния, являются преступными в соответствии с УК РФ. Именно поэтому в данном нормативно-

правовом акте с 24 мая 1996 года существуют шесть обстоятельств, исключающих преступность деяния, они представляют собой условия, при которых действие, по факту являющееся преступлением, не подлежит уголовной ответственности по причине отсутствия состава преступления. Такие обстоятельства возникают в случаях, когда лицо действовало при условиях, закрепленных в статьях 37, 38, 39, 40, 41, 42 УК РФ, исключающих чью-либо вину. Выявление этих обстоятельств имеет важное значение для обеспечения правильной квалификации содеянного и правовой защиты граждан. Точное определение обстоятельств, исключающих преступность деяния, способствует избранию судами соответствующих норм, чтобы защитить права обвиняемых и обеспечить справедливость внутри системы права, однако проблема применения данных статей Уголовного кодекса все еще является актуальной и трудноразрешимой. В данной статье будет рассмотрена одна из вышеперечисленных статей – ст. 40 УК РФ. Обратимся к официальной статистике сайта sdep.ru по уголовным делам, связанным с освобождением от наказания в связи с наличием обстоятельств, исключающих преступность деяния [11]. Она показывает, что с 2017 года по 2021 наблюдался плавный рост таких преступлений, однако за 2022 год их число резко упало на 63% (см. рис. 1, 2).

Несмотря на благоприятную статистику, в практике такие обстоятельства вызывают большое количество вопросов и разногласий, одно из которых и является темой данной работы.

Психическое и физическое принуждение, как обстоятельство, исключающее преступность деяния по уголовному законодательству Российской Федерации

Статья 40 УК РФ «Физическое или психическое принуждение» гласит, что общественно опасное деяние, причинённое лицом, находящимся в состоянии невозможности руководить своими действиями, не является преступлением, а вопрос об уголовной ответственности за деяния, совершённые в результате психического или физического принуждения, вследствие которого лицо сохранило возможность руководить своими действиями, решается с учётом положений статьи 39 УК РФ «Крайняя необходимость» [12]. Исходя из официальной статистики с сайта sdep.ru за последние шесть лет ни одно дело не квалифицировалось по ст. 40 УК РФ, то есть норма об освобождении от уголовной ответственности при совершении противоправных деяний, связанных с психическим или физическим принуждением, практически не применяется в судебной практике, отсутствуют отдельные виды судебных экспертиз, позволяющих установить наличие или отсутствие принуждения в действиях лица, что говорит о сложности понимания следственными органами содержания данных видов принуждения, однако нужно полагать, что в сложившейся ситуа-

ции лицо не должно брать на себя ответственность за свои действия [5].

Однозначного определения термина «принуждение» в тексте актуального законодательства не содержится, однако именно данный термин используется в целях определения обстоятельств и факторов, исключающих преступность деяния в ст. 40 УК РФ, а также определяет субъективную сторону составов преступлений некоторых статей УК РФ: ст. 120, ст. 142, ст. 163 и т.д. Так или иначе принуждение считается альтернативой насилью, однако понятие первого намного шире, а общим в обоих случаях является отсутствие воли лица на совершаемые в его отношении действия [13]. Целью такого «воздействия» всегда является создание необходимости для другого лица выбрать ту или иную линию поведения в соответствии с волей и желаниями принуждающего лица. Волевой компонент вины, являющийся основой преступления в уголовном праве, состоит из двух важных составляющих: субъективной и объективной. В первом случае речь идёт о том, что человек реализует своё желание и свою волю, а также действия, которые с наибольшей вероятностью могут иметь желаемые последствия. А во втором – о существовании возможности независимого выбора той или иной линии поведения для минимизации или максимизации угрозы обществу. Так или иначе, в каждом обстоятельстве, исключающем преступность деяния, объективная составляющая свободы выбора сводится к следующей мнимой альтернативе по причине наличия фактора принуждения, закреплённом в ст. 40 УК РФ: вред будет причинён либо окружающим лицам, угроза которым исходит от принуждающего лица (преступника), либо принуждаемому (пострадавшему) лицу по причине совершения действий несущих в себе меньший вред и угрозу, что противоречит интересам преступника. Таким образом наличие вреда неизбежно при любом варианте развития событий.

Для начала рассмотрим именно физическое принуждение как обстоятельство, исключающее преступность деяния. Физическое принуждение – это неправомерные действия, которые направлены на причинение вреда некоторому лицу без его согласия или против его воли путём механического, физического, химического и иного воздействия на физиологические ткани организма, нарушая его функции и вызывая шоково-болевы́е ощущения [6]. В современной науке выделяют два вида физического принуждения: безусловного (*vis absoluta*) и условного (*vis compulsiva*). При первом виде насилия, лицо, подвергнутое ему, не имеет физической возможности противостоять свершению деяния, вне зависимости от подсознательного осознания своих действий или бездействия. При условном виде физического принуждения лицо имеет физическую возможность избрать иную, более безопасную для общества линию поведения и минимизировать всевозможные риски, однако, несмотря на осознание предстоящих противоправных деяний, не может этого сделать под страхом

и угрозами применения физической силы к самому себе. Однако при квалификации схожих преступлений физическое принуждение не разделяют на виды и подвиды, и в подавляющем большинстве случаев оно квалифицируется по ст. 61 УК РФ «Обстоятельства, смягчающие наказание».

Стоит отметить, что некоторые правоведы относят угрозы физических расправ в адрес родных и близких принуждаемого лица к физическому условному насилию, однако подавляющее большинство сходится во мнении, что это является настоящим психическим принуждением, аргументируя это тем, что физическая сила в таких случаях будет применена только к людям из окружения принуждаемого лица, но не к самому лицу, и все его дальнейшие противоправные действия основываются лишь на индивидуальной психической составляющей, с чем нельзя не согласиться [3].

Теперь стоит подробно остановиться на психическом принуждении, оно всегда совершается в форме действия, однако сам акт подчинения воли лица не является действием, при этом он считается противозаконным и совершается исключительно с прямым умыслом. Данный вопрос является наиболее сложным и неоднозначным в уголовном праве – неясно, какие именно условия являются обязательными или достаточными для того, чтобы нанесение ущерба охраняемым законом интересам было легитимным и поощряемым. Кроме того, сложности рассматриваемой области уголовного права связаны с самой сущностью данного вида насилия и невозможностью описания его следов при психическом принуждении, так как еще не существует экспертизы такого уровня, который бы позволял подтвердить или опровергнуть наличие факторов принуждения, влияющих на психический фон субъекта [13].

В УК РФ более пристальная регламентация посвящена выявлению признаков психического принуждения, которые определяются специальным порядком, аналогичным правилам о правомерности крайней необходимости, закрепленными в ст. 39 УК РФ, в которой превышением пределов правомерности причинения вреда признается такое причинение, которое явно не соответствует характеру и степени угрожавшей опасности и обстоятельствам, при которых опасность устранялась, когда интересам был причинен вред равный или более значительный, чем предотвращенный. Тем не менее, психическое воздействие на личность, особенно с неокрепшей нервной системой, зависит от множества различных факторов, среди которых объект посягательства, «сила» воздействия различными угрозами и иные, при наложении которых принуждаемое лицо теряет ясность ума и перспективу выбора менее общественно опасной модели поведения – такое состояние является очень близким к гипнотическому и представляет наивысшую степень опасности для общества [4]. Наличие данных обстоятельств говорит, что говорит об отсутствии безоговорочного основания для освобождения от уголовной ответственности лица, в слу-

чае оказания психического влияния или давления на него [1].

Исследователи в области психиатрии выделяют следующие факторы, влияющие на зарождение и усугубление у лица психического состояния, характеризующегося неуправляемым влиянием подсознания: 1) Соматоформные заболевания и соматические дистресс-расстройства, не являющиеся причиной возможной невменяемости лица; 2) угроза причинения непредотвратимых негативных последствий принуждаемому лицу или его окружению; 3) наличие психических заболеваний или социальной дезадаптации принуждаемого лица (наблюдается у людей с душевной или психической травмой, постстрессовый период, несовершеннолетние). В каждом данном случае, при подозрении на наличие признаков принуждения, суд обязан назначать судебно-психиатрическую экспертизу для установления факта на возможность лица управлять своими действиями и осознавать их значение, а также экспертизу на состояние невменяемости [7]. Однако если для определения состояния невменяемости имеется приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 12 января 2017 г. № 3н г. Москва «Об утверждении Порядка проведения судебно-психиатрической экспертизы» с регламентированным порядком проведения исследования, то для определения психического принуждения такого медицинского приказа просто нет, что исключает возможность назначения судом такой экспертизы и предоставления ответа на поставленный вопрос [8].

Следующий спорный момент заключается в содержании статьи 61 УК РФ «Обстоятельства, смягчающие наказание». Пункт е) данной статьи гласит, что признается смягчающим обстоятельством совершение преступления в результате физического или психического принуждения либо в силу материальной, служебной или иной зависимости. Таким образом УК РФ содержит сразу две статьи – 40 и 61, которые регламентируют одно и то же – физическое и психическое принуждение. Только в одном случае лицо совершило деяние, не являющееся общественно опасным, а в другом случае – преступление. Что также ставит в затруднительное положение классификацию преступлений с данным составом.

Все вышеперечисленные пробелы авторы предлагают преодолеть путем официального закрепления следующих дефиниций: «физическое принуждение», «психическое принуждение», «насилие», а также исключением пункта е) (физического и психического принуждения) из смягчающих обстоятельств и более подробная их регламентация в ст. 40 УК РФ «Физическое или психическое принуждение». Кроме того, необходимо издание приказа Министерства здравоохранения Российской Федерации о порядке проведения судебных психиатрических экспертиз с возможностью подробного выяснения степени и характера физического и особенно психического принуждения, что вернёт возможность квалификации деяний по данной статье.

Психическое и физическое принуждение как обстоятельство, исключающее преступность деяния по уголовному законодательству Англии

Для наиболее подробного и исчерпывающего рассмотрения психического и физического принуждения как обстоятельства, исключающего преступность деяния, по уголовному законодательству Российской Федерации, необходимо рассмотреть его и в иной правовой семье – обратимся к такой стране, как Англия, которая относится к англосаксонской правовой семье.

В Английском Королевстве статуты и судебные прецеденты являются основными источниками английского права и своеобразными «трафаретами» для решения тех или иных уголовных дел. Данная особенность в рассматриваемой правовой семье сложилась исторически. Следовательно, отсутствуют и закрепленные в привычных кодексах определения обстоятельств, которые исключают преступность деяния, поэтому о том, какова система этих факторов, можно судить лишь опираясь на положения уголовно-правовой доктрины и судебных прецедентов по конкретным делам.

Самооборона, в привычном для нас виде, появилась с самого начала английского права и считается уникальным легитимным основанием для защиты от уголовной ответственности. Уже в XVII веке английские суды рассматривали случаи причинения вреда или смерти, которые могли быть нанесены лицу, посягающему на безопасность других людей или группы лиц, как оправданные [9].

В перечень обстоятельств, исключающих преступность деяния по статутам Великобритании относятся: публичная\частная оборона; необходимость; согласие потерпевшего; принуждение супруга; физическое\психическое принуждение; исполнение приказа; недобровольная интоксикация алкоголем или наркотическими средствами.

Стоит отметить, что отдельное законодательное закрепление имеет такое вышеупомянутое обстоятельство, исключающее преступность деяния, как принуждение «по брачным узам» или супружеское принуждение. Суть данного обстоятельства сводится к тому, что супруга, совершившая какое-либо противоправное деяние под руководством мужа, по его указанию, или даже просто в его присутствии, вполне может рассчитывать на полное освобождение от уголовного преследования. Данная «привилегия» в Англии сложилась исторически и работает исключительно с женщинами по нижеизложенной причине, однако не распространяется на случаи принуждения супруга со стороны супруги – в таком случае преступность деяния не исключается, а для мужчины предусматривается мера пресечения в виде уголовного наказания.

Так, до 1698 г. существовали «льготы духовенства» (ориг. Benefits of clergy) впервые упомянутые в Галликанстве – направление, включающее в себя политические, правовые, церковные и иные доктрины, было распространено в Средневековье и Новое время. Правом на данную привилегию об-

ладали исключительно мужчины – это легитимное право на уклонение от высшей меры наказания представителя мужского пола, обладающего даже малейшим уровнем грамотности. Считалось, что такое лицо имеет заложенный природой научный и духовный потенциал, который нельзя попросту уничтожать, оставив общество без пользы, поэтому ему давался «второй шанс» на искупление вины. Именно по этой причине, вплоть до XVIII века, при обвинении супружеской пары в совместном тяжком преступлении и избрании высшей меры – мужчины почти всегда избегали наказания, создавая иллюзию минимального уровня грамотности, а женщины, независимо от наличия вины и уровня образования, лишались жизни на эшафоте. Данная предвзятость к представительницам женского пола была устранена по инициативе политической партии Парламента Англии созданием «искусственной» презумпции принуждения со стороны супруга [10].

В 1925 г. данная презумпция, согласно которой совершенное женой преступление в присутствии мужа считалось совершенным исключительно по его принуждению и не являлось основанием для наказания, была упразднена Законом об уголовной юстиции Английского Королевства. Однако данный закон предоставил женщинам право ссылаться на принуждение со стороны супруга при совершении преступления иного, чем государственная измена или тяжкое убийство, что служит хорошим смягчающим обстоятельством и правовой защитой для всех замужних лиц женского пола по сей день.

Однако английский законодатель долго оставлял открытым обсуждение вопроса о применении данного правила для семей с однополым гражданским партнёрством и для семей с мусульманским вероисповеданием, где слово главы семьи – это закон. Если с первой категорией граждан данный вопрос был урегулирован принятием Закона о гражданском партнёрстве от 2004 г. (ориг. Civil Partnership Act 2004), где было указано, что данные браки приравниваются к традиционным, а партнёры в них также имеют право на подобного рода защиту, то вопрос с мусульманскими семьями до сих пор находится на стадии активного обсуждения. Стоит отметить, что популярность указания на супружеское принуждение при защите обвиняемой стороны со временем не угасает, но правоведы всё чаще называют данную норму, действующую уже более 300 лет, устаревшей и выдвигают предложения о её отмене [2].

Физическое и психическое принуждение лица, вне зависимости от пола, является производной от вышеупомянутого принуждения и также является основанием, исключающим преступность деяний по статуту Великобритании, кроме убийства или измены. По причине отсутствия привычных кодексов, определенных дефиниций здесь не содержится, однако, наиболее схожие определения есть в судебных прецедентах. К примеру, в деле P. vs. Martin I-AER652 от 2001 года, ответчик, кото-

рый водил машину без прав, утверждал, что сделал это из-за необходимости отвезти своего сына в школу. В противном случае психически больная жена обещала убить его самого или совершить самоубийство. Суд освободил мужчину от уголовной ответственности и выдвинул следующие аргументы защиты: «... с объективной точки зрения можно сказать, что обвиняемый действует разумно и соразмерно, исходя из степени психического принуждения, чтобы избежать угрозы причинения смерти и серьезного увечья себе или близкому окружению ...». Таким образом, психическое принуждение – избегание лицом угрозы причинения смерти и серьезного увечья себе или своему окружению.

Другое уголовное дело *Dr. vs. Bell Crim-LR176* от 1992 года позволяет нам увидеть определение физического принуждения. Обвиняемый успешно сослался на физическое принуждение в пьяном виде после посещения бара. Там он столкнулся с бандой автоугонщиков, которые сразу приметили мужчину в нетрезвом виде и после непродолжительного физического воздействия в уборной комнате, вынудили его угнать машину на противоположной стороне улицы к ним в гараж. Суд также выдвинул аргументы защиты, среди которых и содержится определение физического принуждения: «... обвиняемый действовал не из своих корыстных побуждений, а по причине принуждения с применением физического воздействия, которое было способно изменить его волю из-за опасений за собственную жизнь и здоровье ...»

Таким образом, если сравнивать физическое и психическое принуждение англосаксонской правовой семьи с принуждением в романо-германской, то в последней исследуемые понятия перечислены и закреплены официально, имеют явные юридические границы. А в первой имеется важное первоначальное обстоятельство, положительное влияющее на проблему домашнего насилия – принуждение женщины со стороны супруга.

Заключение

Подводя итог сказанному, нужно отметить, что законодательству, по отношению к обстоятельствам, исключающим преступность деяния, необходима дальнейшая разработка, в частности в области психического и физического принуждения. В связи с этим авторы предлагают следующие меры по устранению пробелов: официальное закрепление в УК РФ следующих понятий: «физическое принуждение», «психическое принуждение», а также «насилие». Необходимо исключить из ст. 61 УК РФ пункт е), определяющий психическое и физическое принуждение как обстоятельства, смягчающие наказания. Наиболее подробная регламентация данных видов принуждения необходима в ст. 40 УК РФ с выделением условного и безусловного подвидов. Для возможности назначения судом экспертизы на наличие физического или психического принуждения, необходим приказ Министерства здравоохранения, который регламентировал бы порядок проведения

такой процедуры и закреплял основные виды и подвиды принуждения. Кроме того, следует интегрировать положительный опыт в романо-германскую правовую семью, в частности внести в ч. 3 ст. 40 УК РФ положение, о физическом или психическом принуждении супруга со стороны другого супруга со следующим значением: «Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в результате физического или психического принуждения лица, состоящего в браке со стороны супруга этого лица, если вследствие такого принуждения лицо не могло руководить своими действиями (бездействием)».

Выполнение данных мер неизбежно приведёт к устранению противоречий в некоторых обстоятельствах, исключающих преступность деяния по законодательству, а также к возможному росту количества использований судами статей главы 8 УК РФ, что не позволит понести уголовную ответственность лицам, добросовестно стоявшим на защите прав и интересов общества.

Литература

1. Воробьёв С.М., Орлова А.А. Ретроспективный анализ уголовно-правового понятия «Психическое насилие» // *Всероссийский криминологический журнал*. 2017. № 3 (11) С. 531–541.
2. Есаков Г.А. *Англо-Американское уголовное право: эволюция и современное состояние общей части*. – М.: Проспект, 2007. – 736 с.
3. Зарипов В.Г. *Физическое и психическое принуждение в уголовном праве: понятие, виды, ответственность*. – М.: Проспект, 2019. – 240 с.
4. Карасёва М.Ю. Понятие свободы личности как объекта уголовно-правовой охраны // *Юридические науки*. 2006. № 2. С. 187–193.
5. Карасёва М.Ю. Понятие свободы личности как объекта уголовно-правовой охраны // *Гуманитарный вестник*. 2012. № 2 (2). С. 1.
6. Карасёва М.Ю. Проблемы уголовной ответственности за незаконное помещение в психиатрический стационар. // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2016. № 10–4. С. 665–667.
7. Печёнов Д.А. Актуальные проблемы института невменяемости и способы их разрешения. // *Скиф. Вопросы студенческой науки*. 2023. № 11 (87) С. 15–20.
8. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 12 января 2017 г. № 3н г. Москва «Об утверждении Порядка проведения судебно-психиатрической экспертизы». [Электронный ресурс] – URL: <https://rg.ru/documents/2017/03/17/minzdrav-dok.html> (дата обращения: 01.03.2024)
9. Рабаданов А.С. *Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния*. – М.: Перо, 2012. – 188 с.
10. Рабаданов А.С. *Обстоятельства, исключающие преступность деяния, по уголовному за-*

конодательству России и зарубежных стран. – М.: Перо, 2003. – 86 с.

11. Судебная статистика Российской Федерации. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 01.03.2024)
12. Уголовный кодекс Российской Федерации. [Электронный ресурс] – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891> (дата обращения: 01.03.2024)
13. Шаратов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве – С.Пб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 298 с.

THE CRIMINAL LEGAL SIGNIFICANCE OF MENTAL AND PHYSICAL COERCION AS A CIRCUMSTANCE PRECLUDING CRIMINALITY OF AN ACT IN THE RUSSIAN AND INTERNATIONAL LEGAL SYSTEMS

Milaeva M.Yu., Pechenov D.A.

Moscow State Technical University. N.E. Bauman (National Research University)

In this scientific work, the criminal legal significance of such a circumstance, excluding the criminality of an act, as mental and physical coercion, specified in Chapter 8 of the Criminal Code of the Russian Federation, will be considered. The features of both this element and coercion in general will be analyzed. Judicial practice on these types of crimes will be given for visual representation and application of circumstances precluding criminality of the act, as well as examples of the qualification of the acts of the institute under study. In addition, similar circumstances in the Anglo-Saxon legal family will be considered to compare them with the Romano-German legal family. The purpose of this work is to study the above-mentioned circumstance, which excludes the criminality of the act, as well as to propose effective measures to improve the articles under consideration in the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: Criminal Code of the Russian Federation, coercion, physical coercion, mental coercion, legal family, coercion of a spouse.

References

1. Vorobyov S.M., Orlova A.A. Retrospective analysis of the criminal law concept "Mental violence" // All-Russian Criminological Journal. 2017. No. 3 (11) P. 531–541.
2. Esakov G.A. Anglo-American criminal law: evolution and current state of the general part. – М.: Prospekt, 2007. – 736 p.
3. Zariпов V.G. Physical and mental coercion in criminal law: concept, types, responsibility. – М.: Prospekt, 2019. – 240 p.
4. Karaseva M. Yu. The concept of personal freedom as an object of criminal law protection // Legal sciences. 2006. No. 2. pp. 187–193.
5. Karaseva M. Yu. The concept of personal freedom as an object of criminal law protection // Humanitarian Bulletin. 2012. No. 2 (2). S. 1.
6. Karaseva M. Yu. Problems of criminal liability for illegal placement in a psychiatric hospital. // International Journal of Applied and Fundamental Research. 2016. No. 10–4. pp. 665–667.
7. Pechenov D.A. Current problems of the institution of insanity and ways to resolve them. // Skif. Questions of student science. 2023. No. 11 (87) pp. 15–20.
8. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated January 12, 2017. No. 3n, Moscow "On approval of the Procedure for conducting a forensic psychiatric examination." [Electronic resource] – URL: <https://rg.ru/documents/2017/03/17/minzdrav-dok.html> (date of access: 03/01/2024)
9. Rabadanov A.S. Necessary defense and other circumstances excluding the criminality of the act. – М.: Pero, 2012. – 188 p.
10. Rabadanov A.S. Circumstances excluding the criminality of an act, according to the criminal legislation of Russia and foreign countries. – М.: Pero, 2003. – 86 p.
11. Judicial statistics of the Russian Federation. [Electronic resource] – URL: <http://www.cdep.ru> (access date: 03/01/2024)
12. Criminal Code of the Russian Federation. [Electronic resource] – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891> (date of access: 03/01/2024)
13. Sharapov R.D. Physical violence in criminal law – St. Petersburg: Legal. Center Press, 2001. – 298 p.

Формирование криминологического портрета совершившего насильственные действия несовершеннолетнего преступника (по материалам Пермской воспитательной колонии)

Тряев Анатолий Геннадьевич,

адъюнкт ФГКОУ ВО «Казанский юридический институт МВД России»

E-mail: threat0@yandex.ru

Актуальность исследования проблемы разработки современного криминологического портрета совершившего насильственные действия несовершеннолетнего преступника обусловлена необходимостью обновления ключевых признаков лиц, подозреваемых в совершение данных противоправных деяний, с учетом современных реалий. Цель: на основе анализа результатов опроса воспитанников колонии осуществить описание основных биологических (биографических), психологических и социальных обобщенных характеристик совершившего насильственные действия несовершеннолетнего преступника, на основе чего станет возможным более точно проводить оперативно-следственные действия, а также планировать и реализовывать профилактические мероприятия в данной области. Придерживаясь диалектического подхода, изучены фундаментальные научно-теоретические предпосылки, раскрывающие различные аспекты детерминации и профилактики насильственной преступности несовершеннолетних путем составления и дальнейшего применения в деятельности сотрудников правоохранительных органов криминологического портрета подозреваемого. В рамках исследования проанализированы различные точки зрения ученых и приведена авторская трактовка понятия «криминологический портрет», как совокупности развитых в процессе жизнедеятельности асоциальных характеристик несовершеннолетнего преступника, заведомо предопределяющих совершение преступных действий, сопряженных с применением насилия. Данные характеристики послужили основой разработки анкеты для опроса воспитанников Пермской воспитательной колонии, обобщение и анализ результатов которого дают возможность описать черты, присущие современному совершившему насильственные действия несовершеннолетнему преступнику.

Ключевые слова: криминологический портрет, несовершеннолетний преступник, насильственные действия, опрос, личностные характеристики.

В наши дни, при расследовании причин и обстоятельств совершения любого преступления, современные криминалисты подвергают изучению не только различные материальные объекты, раскрывающие ход самого преступного деяния, но и исследуют личностные характеристики подозреваемого лица, часто выступающие основными детерминантами осуществления уголовно наказуемой деятельности. Как показывают результаты исследований, именно личность преступника, а не конкретные обстоятельства, либо условия преступления, во многом является определяющей при установлении важнейших причин совершения преступных действий [2]. Именно поэтому без обстоятельного анализа психологических характеристик личности преступника, с учетом его персональных данных (биографических, социальных и др.), становится невозможным полноценное расследование субъективной стороны каждого без исключения совершенного преступления [6].

Особое значение изучение личностных характеристик подозреваемых приобретает при расследовании насильственной преступности несовершеннолетних, уголовная детерминация которой реже обусловлена сугубо корыстными намерениями, и во многих случаях объясняется именно психологическими аспектами личностного развития, которыми могли явиться длительное пребывание в преступной среде, педагогическая запущенность, склонность к агрессии и т.д. Большинство таких причин уже давно и довольно подробно раскрыты в научных трудах многих ученых-криминалистов, изучавших проблему детерминации и профилактики насильственной преступности несовершеннолетних. Это, прежде всего, работы Ю.М. Антонян, Е.В. Демидовой-Петровой, А.И. Долговой, Е.А. Стабровской, А.П. Тузова, Т.М. Чапурко и других исследователей, опираясь на фундаментальные разработки которых, сегодня представляется возможным определение научно обоснованного криминологического портрета совершившего насильственные действия несовершеннолетнего преступника [1, 5, 7 и др.].

Под криминологическим портретом преступника сегодня чаще всего понимается сложившийся за время его жизни комплекс отрицательных личностных качеств и условия их развития, сочетание которых, при возникновении соответствующих обстоятельств, привело к совершению противоправных действий. Иначе говоря, криминологический портрет преступника есть совокупность характерных черт его личности, выступающих в общем слу-

чае предпосылками дальнейшего антиобщественного поведения, которые в определённых условиях являются наиболее действенным фактором совершения преступления.

Анализ научной литературы показал, что чаще всего основу составления криминологического портрета преступника составляет изучение его демографических данных, психологических особенностей, а также социальных взаимоотношений, позволяющее представить обширную и полную картину детерминации преступности, когда осуществляется активированное внимание на определённых этапах и аспектах жизнедеятельности правонарушителя [10].

Сегодня поиск большей части таких сведений, являющихся объектами обязательного сбора статистических данных о преступности, не является затруднительным, и его наиболее оптимальным вариантом является обращение к разделу «Статистика и аналитика» ГИАЦ МВД России, включающему в себя ежегодные статистические отчеты о преступности в нашей стране.

Другим важным средством сбора необходимой для составления криминологического портрета преступника, как справедливо отмечает профессор Е.В. Демидова-Петрова, используется метод опроса осужденных, позволяющий получить не только объективные, но и субъективные данные о предпосылках совершенного преступления [4]. И если для более возрастных групп преступников применение данного метода осложняется значительной разницей респондентов в возрасте, что неизбежно снижает точность результатов исследования, то в отношении несовершеннолетних преступников опрос является более приемлемым в силу практически их единых возрастных характеристик. Данное утверждение не беспредельно, поскольку невозможно полностью исключить роль индивидуальных причин в феномене криминогенной подверженности и преступного вовлечения. Однако нельзя опровергнуть общую социальную среду формирования и становления характеристик и свойств личности, которые происходят в условиях криминогенного влияния факторов, общих и одинаково испытываемых несовершеннолетними [3].

Опираясь на данные методологические основания, в ходе исследования была разработана анкета, позволяющая определить криминологический портрет совершивших насильственные действия несовершеннолетних преступников. Обобщение результатов проведённого в 2023 году в Пермской воспитательной колонии анкетирования 80 ее воспитанников, позволило определить общие и средние показатели биологического (демографического), психологического и социального аспектов насильственной преступности несовершеннолетних.

Рассматривая биологические показатели, важно отметить, что около 90% несовершеннолетних преступников являются представителями мужского пола в возрасте 16–17 лет. Лишь 10% опрошенных воспитанников колонии совершили насиль-

ственные действия в возрасте 15 лет, а случаи совершения данных деяний в более раннем возрасте вовсе являются единичными. Полученные данные не являются случайными и являются следствием закономерности, согласно которой в общем случае совершение насильственных действий возможно только достаточно физически развитым несовершеннолетним преступником, функциональное состояние организма которого позволяет реализовать различные способы физической агрессии.

Говоря о психологических особенностях совершивших насильственные действия опрошенных нами несовершеннолетних преступников, прежде всего, отметим, что большая их часть (58%) воспитывалась в полных семьях, в которых, по их словам, имела место любовь, привязанность, и духовная близость и более 70% респондентов считают своих родителей добропорядочными и законопослушными гражданами. При этом, поскольку практически у всех совершивших насильственные уголовно наказуемые деяния несовершеннолетних преступников есть брат или сестра, версия детерминации рассматриваемого вида преступности причинами одиночества и попытками самовыражения, либо отсутствием родительской заботы данными проведенного анкетирования не подтверждается. Этот вывод подтверждают почти 50% опрошенных, которые отрицательно ответили на вопрос о том, является ли семейное благополучие надежной гарантией от совершения преступлений. Безусловно, репрезентативность этих полученных в ходе опроса данных может быть подвергнута сомнению, поскольку осужденные колонии осознают тот факт, что после своего освобождения они вернуться в свои семьи, в связи с чем отрицательные высказывания об их членах, могут иметь для них негативные последствия. Однако сравнение полученных в ходе опроса результатов с итогами других исследований позволяет убедиться в истинности сделанных выводов, когда, действительно родители несовершеннолетних преступников не проявляют выраженного асоциального поведения и своем большинстве трудоустроены [9].

Рассматривая социальные аспекты насильственной преступности несовершеннолетних важно выявить полную картину их материального состояния и условий проживания, которые могли бы спровоцировать совершение уголовно наказуемых деяний. В ходе проведённого опроса было выявлено, что 78% респондентов на момент совершения преступления находились в нормальных жилищных условиях, проживая в отдельных квартирах, либо домах. Тем не менее, результаты исследования показали, что большая часть семей, в которых проживали несовершеннолетние преступники, испытывали материальные затруднения и лишь менее 10% опрошенных указали на отсутствие таких проблем. Таким образом, материальный фактор насильственной преступности несовершеннолетних может рассматриваться в качестве одного из ее детерминантов. Недостаток материального обеспечения прослеживается и при сравнительно-

сопоставительном анализе составов совершенных несовершеннолетними насильственных преступлений, где по данным ГИАЦ МВД России за 2017–2022 гг. очень высокие позиции занимают грабеж и разбой [8].

Изучение социального окружения совершивших насильственные действия несовершеннолетних преступников, позволяет уточниться в том, что их круг общения достаточно широк и в него довольно часто (с вероятностью 50%) попадают лица уже имевшие судимость. Тем не менее, лишь 5% опрошенных считают своих друзей (знакомых) однозначно способными совершить преступление, а около 25% респондентов затруднились с ответом на данный вопрос, что косвенно может свидетельствовать об их возможном положительном ответе на него, а также желании скрыть свое мнение. При этом считают своих друзей не способными совершить преступление около 60% опрошенных, что слабо коррелирует с вышеприведенными данными о уже имеющейся у них судимости. Более того, лишь 7% друзей опрошенных несовершеннолетних преступников высказали свое осуждение, узнав о совершении респондентами насильственных действий, а 57% оказали моральную поддержку. Таким образом, можно сделать вывод о том, что социальной средой жизнедеятельности совершивших насильственные действия несовершеннолетних преступников является рефератная группа, куда довольно часто входят лица, уже отбывшие наказание за преступления различной тяжести, высказывающие положительное отношение к противозаконной деятельности. Можно утверждать, что именно представители референтной группы опрошенных воспитанников колонии во многом обусловили становление ряда таких асоциальных качеств несовершеннолетних преступников как неуважение к закону, допустимость физической агрессии, возвеличивание имеющейся судимости и др., явно демонстрируя их в своем поведении.

Несмотря на отрицательное влияние данного социального окружения, практически все опрошенные несовершеннолетние на момент совершения преступлений являлись учащимися в системе общего и начального профессионального образования, и лишь 12% из них вели праздный образ жизни. Данный факт говорит о том, что большинство несовершеннолетних преступников, скорее всего не являются рецидивистами и в определенной степени способны к перевоспитанию, поскольку в обратном случае вряд ли бы ими осуществлялось регулярное посещение образовательных заведений. Они еще не полностью потеряли социальные ориентиры, не утратили понимания необходимости своей общеобразовательной подготовки.

Однако, как показывают результаты опроса, для 60% респондентов учебная деятельность не приносила ощутимых результатов ввиду сложности образовательного процесса, либо возникновения конфликтных отношений с одноклассниками и педагогами. В тоже время, явно составляя груп-

пу неуспевающих учащихся, совершившие насильственные действия несовершеннолетние преступники не считают себя педагогически запущенными и не видят пробелы в своем образовании в качестве основной причины совершения преступных действий. Ключевой среди таких причин, согласно 36% ответов опрошенных, является влияние алкоголя, наркотиков, перманентно принимаемых ими в различных видах и объемах. К сожалению, именно эта причина уверенно занимает лидирующее место в ранжировании детерминантов насильственной преступности несовершеннолетних, где беспризорность, уверенность в безнаказанности и негативное влияние ближайшего окружения занимают соответственно лишь 18%, 11% и 9%.

Принимая во внимание частое желание несовершеннолетних преступников скрыть истинные мотивы своих противозаконных действий, с определенной долей уверенности можно утверждать, что практически каждый второй из них совершил насильственные действия в состоянии алкогольного либо наркотического опьянения.

Наиболее неопределенными в ходе проведения анкетирования оказались ответы на вопрос о профилактике насильственной преступности несовершеннолетних, где респонденты в пределах статистической вероятности в равной мере указали важность влияния и участия в данном процессе уполномоченного по правам ребенка, педагогов и сотрудников полиции. При этом, как ни парадоксально, но, по мнению несовершеннолетних преступников, их родители и члены семьи меньше всех могут дать знания в области предупреждения противоправного поведения, а задача профилактики преступности полностью выводится из области семейного воспитания.

Таким образом, обобщая изученные на основе проведенного опроса свойства личности совершившего насильственные действия несовершеннолетнего преступника, можно составить его следующий криминологический портрет. Это находящийся в пределах возраста совершеннолетия физически развитый, но слабоуспевающий в учебе, часто употребляющий алкоголь (наркотики) склонный к конфликтам подросток, в чье окружение входят имевшие судимость лица, проживающий в полной, не обладающей признаками бедности семье, имеющей более одного ребенка. Опираясь на данные характеристики становится возможным определение состава потенциально склонной группы несовершеннолетних, личностные качества и условия жизни которых соответствуют вышеобозначенным, представители которой могут в дальнейшем выступать объектами индивидуальной профилактики насильственной преступности. Кроме того, использование полученной криминологической информации также может способствовать осуществлению оперативно-розыскных, а также следственных действий, заведомо предоставляя сотрудникам правоохранительных органов объективные данные картины совершенного несовершеннолетним насильственного преступления.

Литература

1. Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника. Криминолого-психологическое исследование: монография. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2021. 368 с.
2. Бадаева, Ю.Р. Криминологический портрет личности преступника, совершившего преступление, предусмотренное статьей 282 УК РФ // Молодой ученый. – 2019. – № 47 (285). – С. 255–257.
3. Винокурова М.А. Виктимологический портрет: понятие, содержание, значение в условиях противодействия преступности // Виктимология. 2019. № 3 (21). С. 12–18.
4. Демидова-Петрова Е.В. Методика создания портрета личности несовершеннолетнего в контексте типологических рисков криминальной подверженности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 3 (29). С. 62–65.
5. Николаев Б.В., Егорихин А.С. Криминологический портрет преступника, совершившего преступление против жизни // Вестник Пензенского государственного университета. 2022. № 1 (37). С. 34–39.
6. Осмоловская С.И. Криминологическая характеристика лица, вовлекающего подростка в совершение преступления // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. Т. 16. № 4. С. 252–255.
7. Фарахiev Д.М. Криминологический портрет личности современного преступника-коррупционера // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 4 (49). С. 220–225.
8. Филиппова Е.О., Журкина О.В. Криминологический портрет и причины преступности несовершеннолетних // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12. № 4А. С. 343–349.
9. Шалагин А.Е., Идиятуллоев А.Д. Криминологический портрет насильственного преступника // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 1 (90). С. 87–94.
10. Янмурзин Д.Р., Усманов А.К. Составление криминологического портрета неустановленного преступника // Право и государство: теория и практика. 2022. № 4 (208). С. 182–184.

FORMATION OF A CRIMINOLOGICAL PORTRAIT OF A JUVENILE OFFENDER WHO COMMITTED VIOLENT ACTS (BASED ON MATERIALS FROM THE PERM EDUCATIONAL COLONY)

Tryaev A.G.

Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The relevance of the study of the problem of developing a modern criminological portrait of a minor criminal who committed violent acts is due to the need to update the key signs of persons suspected of committing these illegal acts, taking into account modern realities. The purpose: based on the analysis of the results of the survey of the inmates of the colony, it will be possible to describe the main biological (biographical), psychological and social generalized characteristics of the perpetrator of violent acts of a minor criminal, on the basis of which it will be possible to more accurately carry out operational and investigative actions, as well as plan and implement preventive measures in this area. On the basis of the dialectical approach, fundamental scientific and theoretical prerequisites have been studied that reveal various aspects of the determination and prevention of violent delinquency of minors by compiling and further applying a criminological portrait of the suspect in the activities of law enforcement officers. As part of the study, various points of view of scientists were analyzed and the author's interpretation of the concept of "criminological portrait" was given as a combination of asocial characteristics of a minor criminal developed in the process of life, deliberately predetermining the commission of criminal acts associated with the use of violence. These characteristics served as the basis for the development of a questionnaire for interviewing pupils of the Perm educational colony, the generalization and analysis of the results of which make it possible to describe the features inherent in a modern criminal who committed violent acts.

Keywords: criminological portrait, juvenile offender, violent acts, survey, personality characteristics.

References

1. Antonyan Y.M., Eminov V.E. Personality of the criminal. Criminol-psychological research: monograph. M.: NORM: INFRA-M, 2021. 368 p.
2. Badaeva, Yu.R. Criminological portrait of the personality of the criminal who committed the crime provided for in Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation//Young scientist. – 2019. – № 47 (285). – P. 255–257.
3. Vinokurova M.A. Victimological portrait: concept, content, meaning in the context of countering crime//Victimology. 2019. № 3 (21). P. 12–18.
4. Demidova-Petrova E.V. Methodology for creating a portrait of the personality of a minor in the context of typological risks of criminogenic exposure//Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 3 (29). P. 62–65.
5. Nikolaev B.V., Yegorikhin A.S. Criminological portrait of a criminal who committed a crime against life//Bulletin of Penza State University. 2022. № 1 (37). P. 34–39.
6. Osmolovskaya S.I. Criminological characterization of a person involving a teenager in the commission of a crime//Problems of economics and legal practice. 2020. Т. 16. № 4. P. 252–255.
7. Farakhiev D.M. Criminological portrait of the personality of a modern criminal-corrupt official//Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 4 (49). P. 220–225.
8. Filippova E.O., Zhurkina O.V. Criminological portrait and causes of juvenile delinquency//Issues of Russian and international law. 2022. Т. 12. № 4А. P. 343–349.
9. Shalagin A.E., Idiyatulloev A.D. Criminological portrait of a violent criminal//Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2022. № 1 (90). P. 87–94.
10. Yanmurzin DR, Usmanov A.K. Compiling a criminological portrait of an unidentified criminal//Law and the state: theory and practice. 2022. № 4 (208). P. 182–184.

Уголовная ответственность за взяточничество по законодательству России и КНР

Хоу Лэй,

магистрант, кафедра уголовного права, Институт философии и права, Новосибирский государственный университет
E-mail: 1240202033@qq.com

В статье рассматриваются вопросы, связанные с уголовной ответственностью за взяточничество по законодательству России и КНР. Автор статьи подчеркивает важность борьбы со взяточничеством в современных условиях. Рассмотрены основные виды взяток. Изучены основные причины, вызывающие данный вид преступления и основные последствия взяточничества. Рассмотрены виды преступлений в России в соответствии с Уголовным кодексом РФ. Изучен опыт борьбы со взяточничеством в обществе Китая. Приведены основные статьи Уголовного кодекса КНР и ответственность вследствие выявленных нарушений. Разработаны эффективные направления по предотвращению количества преступлений в сфере взяточничества. Решение проблемы взяточничества позволит повысить уровень социально-экономического развития в обществе, достичь поставленные цели и задачи в перспективе, снизить риски экономической безопасности и возможные потери.

Ключевые слова: уголовная ответственность; взяточничество; проблема; общество; государство; законодательство; Россия; КНР.

Введение

В настоящее время наблюдается рост преступлений в сфере взяточничества. Данная проблема волнует общество, государство и страну в целом, поскольку данное явление оказывает негативное влияние на все социально-экономические процессы. Коррупция наносит ущерб бизнесу, снижает темпы экономического развития, приводит к падению уровня жизни населения, вызывает финансовые трудности и т.д. Данное явление охватывает производство, здравоохранение, образование, инфраструктуру, экономику. Следовательно, основной задачей на современном этапе развития является поиск эффективных путей борьбы с проблемой взяточничества в обществе и ответственности в случае выявленного нарушения.

Важно отметить, что подходы и методы борьбы с взяточничеством отличаются в различных странах. Одни страны более успешно справляются с данной проблемой, а другие имеют недостаточный опыт в данной области.

В рассматриваемой статье предпринята попытка изучения проблемы взяточничества в России и Китае, а также рассмотрения уголовной ответственности по законодательству.

Материалы и методы

При проведении исследования использовались труды российских и зарубежных ученых. При проведении данного исследования были использованы следующие методы: анализа, сравнения, логического рассуждения.

Литературный обзор

Вопросы, касающиеся уголовной ответственности за взяточничество по законодательству России и КНР, рассматривали многие ученые такие, как Кирпичников А.И., Прохоров Э.Т., Гаврилов С.М. и другие.

Результаты

Проблема взяточничества в современном мире актуальна для различных стран и государств мира. Под взяточничеством понимается незаконное получение материальных ценностей, имущества, денежных средств в следствие превышения своих служебных полномочий. К взяткам можно отнести следующее:

1) передачу денежных средств (непосредственно, бумажных купюр), а также банковских чеков, валюты;

2) различные виды материальных ценностей, включая дорогие подарки, автомобили, камни, драгоценности, недвижимость;

3) различные виды выполняемых услуг, например, строительные, монтажные работы, услуги санаторного и туристического характера;

4) «скрытая» форма взятки в виде оплаты товаров по заниженным ценам, скидкам, заключение фиктивных трудовых контрактов и т.д.

Основными причинами, вызывающими данный вид преступления являются:

1) превышение работниками своих служебных полномочий;

2) высокий уровень бюрократизации процедур, проводимых в организации;

3) неэффективный контроль со стороны уполномоченных органов власти за исполнением работниками своих служебных обязанностей;

4) несовершенство законодательной базы;

5) недобросовестность работников и иных лиц перед исполнением своих служебных обязанностей и т.д.

Рассмотрев основные причины взяточничества считаем необходимым также остановиться на последствиях, к которым следует отнести:

1) подрыв доверия населения к органам государственной власти;

2) снижается имидж и престиж государства (падает рейтинг);

3) растет психологическая напряженность в обществе;

4) возникают проблемы регулирования рынка;

5) усиливается преступность в обществе;

6) уменьшается доходная часть бюджета из-за потери налогов;

7) растет теневая экономика;

8) возникает угроза экономической безопасности государства;

9) усиливается конкуренция на рынке;

10) возникает политическая нестабильность в обществе и т.д.

К другим последствиям можно также отнести возникновение социального неравенства в обществе, поскольку в результате незаконного обогащения и присвоения материальных ценностей появляется класс индивидуальных собственников. Другая часть населения на фоне этого класса беднеет. Поэтому со стороны государства должны быть приняты надлежащие меры по устранению причин, вызывающих дифференциацию населения [9, с. 51].

Ослабление государства также возникает на фоне усиления процессов взяточничества. Теряется часть доходов в виде налогов, которые являются источником пополнения бюджета. Ослабляются экономические, политические связи в обществе, возникают угрозы и риски комплексной безопасности.

Считаем, чтобы бороться с основными последствиями взяточничества необходимо уделить пристальное внимание причинам, которые ее порождают в обществе.

Взяточничество может осуществляться одним лицом или группой лиц. На Рисунке 1 представ-

лена информация о видах преступлений в России, рассматриваемых в рамках Уголовного кодекса.

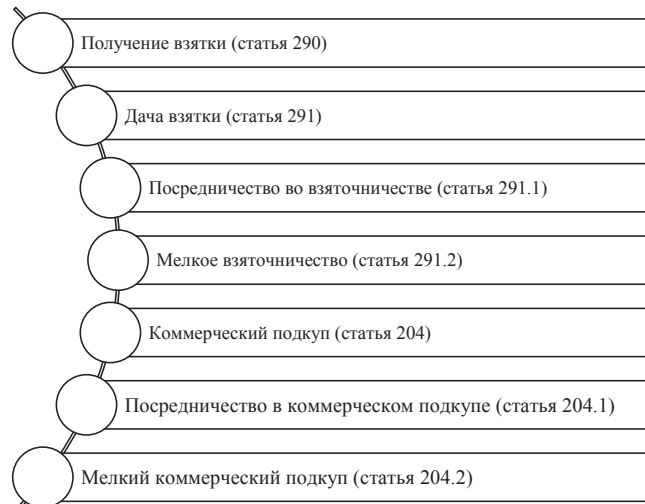

Рис. 1. Виды преступлений в России в соответствии с Уголовным кодексом РФ

Рассмотрим некоторые виды преступлений более подробно и изучим меры наказания за них. Согласно статье 290 УК РФ за совершенное преступление в виде передачи взятки должностным лицом грозит штраф до 1 000 000 руб. и лишением права занимать определенную должность. В случае получения взятки в размере свыше 25 000 руб. назначается штраф в сумме от 200 000–1 000 000 руб., или в размере заработной платы за период от 6 месяцев до 2 лет с исключением права занимать определённую должность [5, с. 80].

Согласно статье 291 УК РФ за дачу взятки должностному лицу через посредника назначается штраф в размере до 500 руб., либо лишением заработной платы за период до одного года, либо лишением свободы на срок до 2-х лет с лишением права занимать определённую должность. За совершение данного преступления по даче взятки в особо крупном размере – свыше 1 000 000 руб. назначается штраф в сумме от 2 000 000 руб. до 4 000 000 руб., либо в размере получаемой заработной платы за период от 2–4 лет, либо лишение свободы на срок от 8–15 лет с правом занимать определенные должности.

Важно отметить, что существующие меры наказания, в том числе уголовная ответственность, не способствуют снижению уровня взяточничества в обществе. Поэтому в современных условиях требуются новые подходы и решения на всех уровнях власти и управления [3, с. 45].

В настоящее время России находится в списке лидеров стран по уровню преступлений в сфере взяточничества. На Рисунке 2 представлены основные виды преступлений, совершаемые в РФ в 2022 году.

Представленный анализ показал, что проблема взяточничества присутствует в обществе (данный показатель составляет 1,1%), что может оказать негативное влияние на социально-экономические процессы в обществе. Поэтому требуется грамот-

ный и эффективный подход к ее решению и профилактике дальнейших правонарушений.

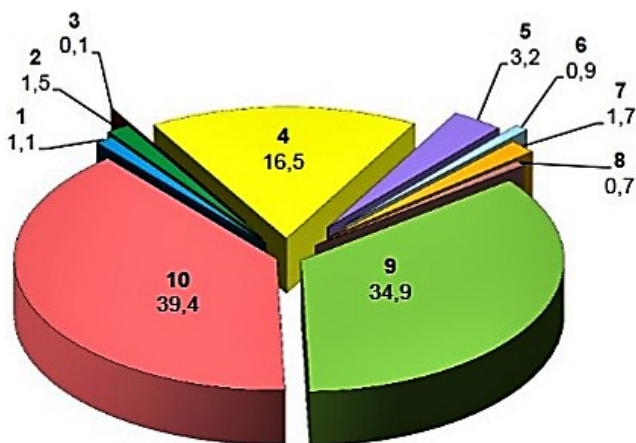

Рис. 2. Основные виды преступлений, совершаемые в РФ в 2022 г.: 1 – взяточничество; 2 – убийство; 3 – хулиганство; 4 – мошенничество; 5, 6 – нарушение ПДД; 7 – грабеж; 8 – присвоение чужого имущества; 9 – кража; 10 – прочие.

В Китае существуют более жесткие меры борьбы со взяточничеством в обществе, которые включают в себя различные меры наказания и ответственности.

Уголовная ответственность за совершенные преступления определяется непосредственно Уголовным кодексом КНР, а также ряде законов и подзаконных актов среди которых можно отметить: Закон «О контроле» от 20.03.2018 г., Закон КНР «О недобросовестной конкуренции» от 02.09.1993 г., Закон КНР «О борьбе с отмыванием денег» от 31.10.2006 г. [8, с. 922].

Опыт борьбы со взяточничеством в Китае основан на жестких мерах ответственности и несения наказания, включая смертную казнь. Уголовная ответственность в Китае наступает в случае вымогательства (получение «взятки» лицом) с учетом конкретных обстоятельств:

1) простое получение взятки предусматривает срок лишения свободы до 5 лет;

2) в случае присутствия отягчающих факторов (например, повторное совершение преступления должностным лицом) срок наказания может быть увеличен в 2 раза и составлять до 10 лет, в отдельных случаях рассматриваются наказания с пожизненным заключением и полной конфискацией имущества;

3) если правонарушителем является юридическое лицо, то руководителю может быть назначен срок лишения свободы до 3-х лет;

4) в случае если правонарушитель по своей инициативе признает совершенное преступление и раскаивается в получении взятки (важным условием является – до момента начала судебного разбирательства), то в данном случае наказание может быть смягчено или полностью аннулировано;

5) самая строгая мера наказания предусмотрена за хищение государственного имущества в особо крупном размере (более миллиона долларов в соответствующем эквиваленте – 10 лет тюремно-

го заключения), в других случаях может быть предусмотрена смертная казнь с конфискацией всего имущества.

Рассмотрим более подробно отдельные статьи Уголовного кодекса КНР и соответствующие меры наказания за нарушения.

Статья 390 устанавливает наказание за дачу взятки (например, передача госслужащему имущества в целях получения незаконной выгоды) сроком до 5 лет, либо наложением ареста и штрафом. В случае причинения ущерба национальным интересам предусматривается срок лишения свободы до 5 лет с одновременным наложением штрафа. В случае нанесения крупного ущерба национальным интересам может быть назначен срок лишения свободы до 10 лет, а в отдельных случаях пожизненный срок лишения свободы.

Статья 390.1 устанавливает ответственность за передачу взятки близким родственникам, а также родным госслужащим и предусматривает срок лишения свободы до 3-х лет, либо арестом и дополнительным штрафом. В случае если нанесен ущерб в особо значительном размере или причинен ущерб национальным интересам, то в данном случае наказание может быть установлено от 3–7 лет со штрафом. Подобное преступление, совершенное при особо тяжких условиях (отягчающих) может повлечь за собой наказание сроком от 7–10 лет с соответствующей суммой штрафа [10, с. 57].

Статья 391 определяет ответственность и наказание за передачу имущества государственным органам, различным предприятиям, организациям и другим хозяйствующим субъектам, а также предусматривает лишение свободы до 3-х лет, либо арестом вместе с назначенным штрафом.

Самой крайней мерой наказания является смертная казнь, которая может наступить за получение взятки (ст. 385 и ст. 386 УК КНР) и хищение государственного имущества (ст. 382и ст. 383 УК КНР).

В данной работе разработаны эффективные направления по предотвращению количества преступлений в сфере взяточничества, наглядно представленные на Рисунке 3.

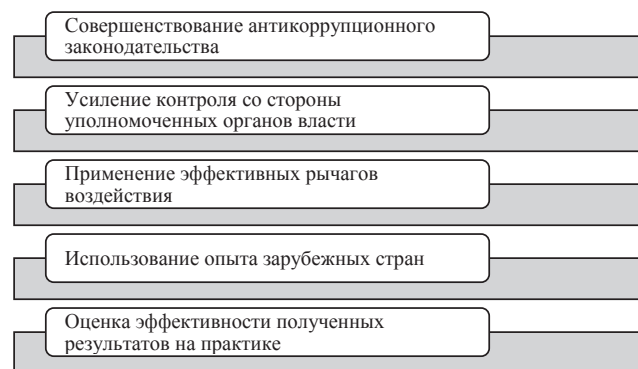

Рис. 3. Направления по предотвращению количества преступлений в сфере взяточничества [Разработано автором]

Считаем, что разработанные направления могут не только предотвратить количество преступлений в сфере коррупции, но и создать благоприятные условия для осуществления деятельности с минимальным уровнем рисков, возможных потерь и ущерба.

Обсуждение

В целом, как в России, так и Китае принимаются всевозможные меры по борьбе со взяточничеством. Эффективность мер определяется количеством совершенных преступлений и динамикой развития данных процессов. В качестве практических рекомендаций можно использовать практику зарубежных стран применительно к российской практике с целью совершенствования мер по борьбе с экономическими преступлениями. Это позволит повысить уровень ответственности лиц, занимающих должностные позиции, снизить риски и потери от взяточничества, совершенствовать антикоррупционное законодательство на государственном уровне и т.д.

Заключение

Решить проблему взяточничества на государственном и мировом уровне можно на основе применения комплексного подхода. Для этого необходимо создать благоприятные условия для развития экономики, производства, отдельных хозяйствующих субъектов. Необходимо также сформировать сильное гражданское общество, с четкой идейной направленностью, способное нести ответственность за свои поступки и принимать решения. В конечном итоге это поможет повысить уровень экономического развития, снизить препятствия и преграды, мешающие дальнейшему развитию, добиться поставленных целей и задач.

Литература

1. Александрова Л.З. Зарубежный опыт противодействия коррупции // Молодой ученый. 2019. № 31. С. 81–83.
2. Гаврилов С.М. Проблемы борьбы с теневой экономикой // Экономика и предпринимательство. 2019. № 6. С. 45–48.
3. Ищук Я.Г. Коррупция // Академическая мысль. 2018. № 1 (2). С. 45–50.
4. Купцова А.А. Зарубежный опыт противодействия коррупции // Интерактивная наука. 2017. № 12. С. 100–102.
5. Кирпичников А.И. Взятка и коррупция в России. М.: Наука. 2020. 156 с.

6. Мочалова Я.В. Стратегия развития малого и среднего бизнеса в регионах РФ // Пространственное развитие территорий. 2018. С. 393–396.
7. Прохоров Э.Т. Противодействие коррупции со стороны государства: опыт Китая // Молодой ученый. 2022. № 13. С. 289–293.
8. Просеков С.А. Борьба с коррупцией в Китае // Манускрипт. 2021. № 14. С. 922–927.
9. Скорюкова М.А. Коррупция – проблема современной России // Проблемы и перспективы экономики и управления. СПб: Заневская площадь. 2020. С. 51–54.
10. Савин П.Т. Противодействие коррупции в Китае // Проблемы современной науки и образования. 2017. № 20 (102). С. 57–59.

CRIMINAL LIABILITY FOR BRIBERY UNDER RUSSIAN AND CHINESE LAW

Hou Lei

Novosibirsk State University

The article discusses issues related to criminal liability for bribery under the laws of Russia and the People's Republic of China. The author of the article emphasizes the importance of combating bribery in modern conditions. The main types of bribes are considered. The main causes of this type of crime and the main consequences of bribery have been studied. The types of crimes in Russia in accordance with the Criminal Code of the Russian Federation are considered. The experience of combating bribery in Chinese society has been studied. The main articles of the Criminal Code of the People's Republic of China and liability as a result of the revealed violations are given. Effective directions have been developed to prevent the number of crimes in the field of bribery. Solving the problem of bribery will increase the level of socio-economic development in society, achieve the set goals and objectives in the long term, reduce the risks of economic security and possible losses.

Keywords: criminal liability; bribery; problem; society; state; legislation; Russia; PRC.

References

1. Alexandrova L.Z. Foreign experience in combating corruption // Young scientist. 2019. No. 31. pp. 81–83.
2. Gavrillov S.M. Problems of combating the shadow economy // Economics and entrepreneurship. 2019. No. 6. pp. 45–48.
3. Ishchuk Ya.G. Corruption // Academic thought. 2018. No. 1 (2). pp. 45–50.
4. Kuptsova A.A. Foreign experience in combating corruption // Interactive science. 2017. No. 12. pp. 100–102.
5. Kirpichnikov A.I. Bribery and corruption in Russia. M.: Nauka. 2020. 156 p.
6. Mochalova Ya.V. Strategy for the development of small and medium-sized businesses in the regions of the Russian Federation // Spatial development of territories. 2018. pp. 393–396.
7. Prokhorov E.T. Countering corruption by the state: the experience of China // Young Scientist. 2022. No. 13. pp. 289–293.
8. Prosekov S.A. The fight against corruption in China // Manuscript. 2021. No. 14. pp. 922–927.
9. Skoryukova M.A. Corruption – a problem of modern Russia // Problems and prospects of economics and management. St. Petersburg: Zanevskaya Square. 2020. pp. 51–54.
10. Savin P.T. Anti-corruption in China // Problems of modern science and education. 2017. No. 20 (102). pp. 57–59.

Выявление исторического процесса возникновения отличий регулирования договорных отношений в романо-германской и англо-саксонской правовых системах

Глазов Дмитрий Владимирович,

доктор юридических наук, преподаватель, ФГАОУ ВО
«Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
E-mail: gdv@rusadvokat.ru

Автором статьи дан анализ истории возникновения отличий и противоречий договорного права романо-германской и англо-саксонской правовых семей. Показан процесс формирования общего и континентального контрактного права. Выделены особенности, повлиявшие на договорное право двух ведущих правовых систем. Указаны противоречия контрактного права двух систем. Во-первых, отмечено, что даже само понимание договора в двух правовых системах разное. В романо-германском праве договор – это соглашение сторон, а в англо-саксонской правовой семье понятие договора трактуется как обещание, которое одна сторона принимает в отношении другой стороны. Во-вторых, сделка в англо-саксонском праве – это правильно оформленный акт, а в романо-германском праве – это волевое действие субъекта. В-третьих, договорное право англо-саксонской правовой семьи более конкретизировано и детально разработано, чего нет в романо-германской правовой семье. Например, чёткая конкретизация понятия «свободы договора». В романо-германском договоре нет классификации на подразумеваемые и явно выраженные договоры, нет практики возмещения убытков.

Ключевые слова: коллизии договорного права, противоречия в праве, романо-германская правовая семья, континентальная система права, англо-саксонская правовая семья, система общего права, сделка, договор, свобода договора.

Романо-германская и англо-саксонская правовые семьи являются ведущими системами в правовом мире. Формировались они практически параллельно, но имеют существенные отличия, что оказывает влияние на договорное право двух правовых систем [8, с.35]. Р. Давид и К. Жоффре-Спинози отмечали: «Английское право не знало... обновления ни на базе римского права, ни в силу кодификации, что характерно для французского права и для других правовых систем романо-германской правовой системы. Оно развивалось автономным путём, контакты с Европейским континентом оказали на него лишь незначительное влияние» [Цит. по: 2, с. 183]. Другими словами, отличия были заложены в самом процессе формирования правовых систем и наглядно представлены в таблице № 1.

Таблица № 1. Отличия романо-германской и англо-саксонской правовых семей*

Критерии отличия	Правовая семья	
	Романо-германская	Англо-саксонская
История возникновения	Формировалась под влиянием римского права и на его основе	Формировалась в процессе судебных решений по конкретным делам в Англии.
Источники права	Нормативный правовой акт – основной источник. Строгая иерархичность системы источников права	Судебный прецедент – основной источник права. Нормативный правовой акт – вспомогательный источник
Структура права	Частное и общее право с чёткой отраслевой структурой. Абстрактный характер нормы права	Отсутствие деления на частное и публичное право. Существует деление на право общее и право справедливости. Казуистический характер нормы права

*Таблица составлена автором на основании источника [9, с. 55–56].

Вполне закономерно возникает вопрос: Как появилось, что две правовые семьи настолько разнятся при общих истоках права? По мнению У. Батлера у романо-германской и англо-саксонской правовых семей имеются общие корни: «Своими

корнями они восходят к римскому праву и к тому порядку, который установился в Европе впоследствии» [2, с. 183].

А.Х. Рамазанов и К.Э. Кахриманова считают, что началом формирования отличий является 1066 год, когда Англия была завоёвана нормандцами [9, с. 56]. До этого периода все законы составлялись и в Англии, и в Европе одинаково, на основе римского права. Главным источником права периода римского владычества были местные обычаи, только после прохода Вильгельма Завоевателя в Англии стало формироваться общее для всей страны право. В континентальной Европе после распада Римской империи правовые обычаи смешиваются «с элементами римского права и церковного права. Очевидно, что германские вожди племён признавали культурные достижения Рима и римской церкви» – отмечает исследователь романо-германской правовой семьи Т.М. Клюканова [4, с. 31].

В Англии Вильгельм Завоеватель хотя и заявил о том, что сохранит англосаксонское право, основанное на римском праве и местных обычаях, но в итоге пошёл по пути формирования абсолютно нового права, хотя и сохранившее наименование «англо-саксонское». Размышляя над причиной данного факта, отечественные и зарубежные учёные приходят к различным выводам. Например, профессор-правовед М.Н. Марченко считает, что римляне как более развитые и более цивилизованные по сравнению с населением Англии, «никогда не ассимилировались с местным населением. Они всегда выступали по отношению к нему не иначе как в роли завоевателей» [6, с. 537]. В связи с этим использовали римское право, как более совершенное. Профессор английского права Э. Дженкс отмечает, что нормандцы также были завоевателями, но «разумными и систематически действующими, грабителями». Для укрепления своей власти и финансового благополучия завоеватели формировали новую правовую систему [2, с. 183]. Именно в период нормандского завоевания шёл процесс формирования централизованной власти и становления феодального общества, что потребовало создания единой правовой системы, которую часто называют «семьёй общего права» [9, с. 55].

Если решающую роль в формировании романо-германской правовой семьи принадлежала средневековым университетам, где обязательно изучалось римское право, то основополагающая роль в становлении англо-саксонской правовой семьи принадлежала судьям. В процессе урегулирования конкретного случая, решения отдельного спора формировался судебный прецедент и ставший основой общего права в Англии. Р. Давид справедливо указывает, что англо-саксонское право формировалось вместе с формированием королевской власти, а «развитие произошло в тот момент, когда общественный порядок находился под угрозой и требовал вмешательства Короны» [9, с. 55]. В том случае, когда граждане считали решение судьи несправедливым, они могли обратиться

в поисках справедливости к королю. Как правило, король передавал дело на рассмотрение лорд-канцлеру. В итоге параллельно с общим правом шло формирование права справедливости, «которое выступало в качестве апелляционного института» [9, с. 56].

Если англо-саксонское право формируется с периода Вильгельма Завоевателя, то романо-германская правовая семья оформляется в период правления Карла Великого. Именно тогда, на рубеже VIII–IX веков была образована мощная империя с сильной властью, опиравшейся на административный аппарат и армию. Потребовались законы, обеспечивающие стабильность огромной империи, регулирования всех сторон жизнедеятельности человека. Карл Великий законодательно закрепил новую государственную модель и в правовых актах узаконил организацию власти и управления в империи на основании римского права [9, с. 56]. Последующий распад империи Карла Великого и формирование «Священной римской империи германской нации» воспринималось не иначе как продолжение Римской империи. Германская империя видела себя преемницей Римской, поэтому полностью восприняла римское право, став родоначальником романо-германской правовой семьи.

Таким образом, совершенно очевидно, что, если королю Англии необходимо было утверждать свою власть с помощью права, император германский использовал уже имеющееся римское право для легитимности своей власти.

Различия двух правовых семей не могли не повлиять на договорное право, и основа этих различий заключается в источниках права: для романо-германского договорного права источником является нормативный правовой акт, а для англо-саксонского – судебный прецедент. Соответственно англо-саксонская правовая доктрина признаёт договор как источник права, «основываясь на правовом характере договорных норм», а романо-германская «в целом отрицает договор как источник права (за исключением нормативных договоров) на основании отсутствия в последнем правовых норм» [3, с. 201–202].

Таким образом, отличается сама правовая природа договора в двух правовых семьях. В романо-германской правовой семье договор рассматривается как документ регулятивного характера, заключаемый между субъектами частного права. В англо-саксонской правовой семье договор имеет более конкретный характер, сформировавшись в процессе судебного прецедента [5, с. 41]. По-разному подходят в правовых семьях и к определению понятия «договор». Классическое определение договора в романо-германском праве дано в ст. 420 ГК РФ – «это соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей, к которому применяются правила о двух- и многосторонних сделках» [1].

В англо-саксонской правовой семье понятие договора трактуется как обещание, которое одна

сторона принимает в отношении другой стороны [5, с. 43]. По мнению американских исследователей, например, Р.А. Хиллмана, «существует тесная связь между обещанием и созданием правовых отношений» [3, с. 200].

В. Бакленд, А. Макнейр в работе «Римское право и общее право» отмечают, что любое соглашение порождает правовые последствия в том случае, если содержание данного соглашения соответствует закону [11, р. 18]. В случае неисполнения договора устанавливаются санкции – возмещение убытков.

Вопрос возмещения убытков в договорном праве англо-саксонской правовой семьи конкретизирован достаточно полно. Во-первых, в договор включается условие об уплате определённой денежной суммы при его нарушении. Во-вторых, существует понятие номинальных убытков – возмещение потерпевшей стороне убытка даже в том случае, когда нет возможности реально оценить размер ущерба [2, с. 186]. В англо-саксонском праве чётко прослеживается социальная функция договора – быть регулятором взаимоотношений на рынке. Не удивительно, что договор в США сравнивают с «локомотивом, который тянет за собой весь рынок» [3, с. 200].

В романо-германском праве договорные права и обязанности формируются самими участниками договорного процесса в рамках существующего законодательства. В англо-саксонском договорном праве всё чётко конкретизировано, особенно это проявляется в понятии «свобода договора». Так, свобода договора в англо-саксонском праве предусматривает [2, с. 185]:

- свобода заключения договора и свобода от договора, то есть отказ от договора на этапе переговоров;
- право свободного выбора предмета, цели договора и контрагента;
- свободный выбор формы договора, способа его заключения и способа обеспечения исполнения договора;
- выбор вида договора, включая смешанный договор, условий договора и срока его действия, а также возможность придать договору обратную силу;
- право указать размер ожидаемых убытков и сумму неустойки, включая ограничения предельного размера выплат за нарушение договора;
- право заключать как указанные в законе договоры, так и не указанные;
- право выбора условий для прекращения или изменения договора и договорных обязательств, уступки права и перевода долга по договору;
- право выбрать механизм для разрешения споров, возникших при выполнении договора;
- право ограничить ответственность за ненадлежащее исполнение или неисполнение договора;
- право ставить выплату гонорара адвокату под условием выигрыша дела.

В романо-германском договорном праве используется понятие принципа свободы, что подразумевает свободу договаривающихся сторон. Но в силу того, что свобода никогда не может быть абсолютной, свобода одной стороны договорного процесса ограничивается свободой другой стороны. В процессе договора каждая из сторон должна и имеет право осознавать как свои потребности, так и потребности другой стороны. Поэтому важнейшим условием свободы договора является согласование индивидуальных волеизъявлений сторон, в которых и раскрывается специфика договора. Суть её состоит в объединении двух основных условий: индивидуальное волеизъявление сторон и согласование индивидуальности [3, с. 196].

Принцип свободы договора дополняется в романо-германском праве принципом равенства, но учёные признают, что говорить можно только о формальном равенстве. Например, Ю.А. Тихомиров предлагает говорить о «равенстве сторон как партнёров», что подразумевает формальное равенство, а не фактическое [10, с. 182].

Как видим понимание свободы договорного права в романо-германской правовой семье значительно скромнее, нежели в англо-саксонском праве. Если в англо-саксонском праве каждая договаривающаяся сторона может просто изменить условия договора, отказаться от выполнения или передать другому, то в романо-германском праве надо обязательно все изменения согласовать с другой стороной.

В романо-германском праве договорные права и обязанности формируются самими участниками договорного процесса в рамках существующего законодательства. В англо-саксонском договорном праве закон не является основным требованием, «любое соглашение, независимо от признания его законом, порождает правовые последствия» [7, с. 115].

Можно заметить противоречия и в определении понятия «сделки» в двух ведущих правовых семьях. Романо-германское договорное право основано на определении сделки в римском праве – волевое действие субъекта, направленное на возникновение правовых последствий. Романо-германское право определяет волеизъявление как факт сделки, в результате которого происходит изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей [7, с. 116]. В англо-саксонском договорном праве соглашение будет признано сделкой только в случае правильного оформления договора, с соблюдением «формализованной процедуры, включающей проверку его содержания» [7, с. 119].

Наконец, следует отметить, что в англо-саксонском праве существует особая классификация договоров, они подразделяются на явно выраженные и подразумеваемые. В романо-германской правовой семье такого деления нет.

Сложившиеся противоречия договорного права романо-германской и англо-саксонской правовых систем, представлены в таблице № 2.

Таблица № 2. Противоречия романо-германского и англо-саксонского договорного права*

Англо-саксонское договорное право	Романо-германское договорное право
Договор является источником права	Договор не является источником права
Договор – это обещание, которое одна сторона принимает в отношении другой стороны	Договор – это соглашение сторон
Свобода договора – это комплекс конкретизированных и прописанных условий заключения договора	Свобода договора – это право договаривающихся сторон учитывать мнения друг друга
Неисполнения договора карается санкциями – возмещение убытков.	Данное положение отсутствует
Договоры подразделяются на явно выраженные и подразумеваемые.	Такой классификации нет
Сделка – это правильно оформленный договор, с соблюдением всех формальных процедур	Сделка – это волевое действие субъекта, направленное на возникновение правовых последствий.

*Таблица составлена автором

Таблица наглядно демонстрирует, что договорное право англо-саксонской правовой семьи было развито намного лучше, более конкретизировано, с учётом всех случаев заключения правовой сделки, что получило понятие прецедента. В романо-германском праве договор имеет регулятивный характер и заключается на основании договорной свободы между субъектами частного права.

Таким образом, в процессе исторического развития Англии и Континентальной Европы, сформировались две ведущие правовые семьи: англо-саксонская и романо-германская. Различия, заложенные в правовых семьях, проявились и в договорном праве.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1. от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301
2. Белых В.С. Особенности и общие тенденции развития англо-саксонской и континентальной правовых систем//Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2015. № 5 (41). С. 182–187.
3. Бухалов А.В. О договоре в англо-саксонской и романо-германской правовых семьях//Ленинградский юридический журнал. – СПб. 2009. № 3 (17). С. 193–205
4. Ключанова Т.М. История формирования романно-германской правовой семьи//Философия права. 2021. № 3 (98). С. 27–32.
5. Колесников В.В. Сравнительный анализ положений о договоре в романо-германской

- и англо-саксонской правовых семьях// Научный журнал «Эпомен». 2020. № 37. С. 41–45
6. Марченко М.Н. Источники права. Учебное пособие. М.: Проспект, ТК Велби. 2005. 760 с.
 7. Подузова Е.Б. Квалификация договора в российской и англосаксонской правовых семьях// Сравнительное правоведение. 2016. № 9 (118). С. 114–128.
 8. Протащик П.И. Соотношение англо-саксонской и романо-германской правовой семьи//Белорусское право во времени и пространстве: сборник тезисов докладов Республиканской научно-теоретической конференции студентов, магистрантов, аспирантов, Минск, 4 декабря 2019 года / [под ред. И.П. Манкевич]; УО «Белорусский государственный экономический университет». – Минск: БГЭУ, 2020. – С. 35–36.
 9. Рамазанов А.Х., Кахриманова К.Э. Тенденция сближения романо-германской и англосаксонской правовых семей// Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. 2022. Том 37. Вып. 3. С. 54–60.
 10. Тихомиров Ю.А. Публичное право: Учебник для юридического факультета и вузов. М.: Бек, 1995. 485 с.
 11. Buckland W., McNair A. Roman Law and Common Law. New York: Cambridge University Press, 1936. P. 18

IDENTIFICATION OF THE HISTORICAL PROCESS OF THE EMERGENCE OF DIFFERENCES IN THE REGULATION OF CONTRACTUAL RELATIONS IN THE ROMAN-GERMANIC AND ANGLO-SAXON LEGAL SYSTEMS

Glazov D.V.

Moscow State Legal University named after O.E. Kutafin (MSAL)

The author of the article gives an analysis of the history of differences and contradictions of the contract law of the Romano-German and Anglo-Saxon legal families. The process of formation of general and continental contract law is shown. The article marks out peculiarities that influenced the contractual law of two leading legal systems. Contradictions of the contract law of two systems are indicated. First, it was noted that even the understanding of a contract was not the same in the two legal systems. In Romano-German law, a contract is an agreement between the parties, and in the Anglo-Saxon legal family, the notion of a contract is understood as a promise that one party accepts against the other. Second, a transaction in Anglo-Saxon law is a proper act, and in Romano-Germanic law it is the will action of the subject. Third, the contractual law of the Anglo-Saxon legal family is more concise and detailed, which is not the case in the Romano-German legal family. For example, a clear specification of the concept of «freedom of contract». The Romano-German treaty does not classify implicit and express contracts, and there is no practice of damages.

Keywords: conflicts of contract law, contradictions in law, Romano-Germanic legal family, continental law system, Anglo-Saxon legal family, common law system, deal, agreement, freedom of contract.

References

1. Civil Code of the Russian Federation. Part 1. dated November 30, 1994 No. 51-FZ. // Collection of legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301
2. Belykh V.S. Features and general trends in the development of Anglo-Saxon and continental legal systems // Bulletin of the

- Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan. 2015. No. 5 (41). P. 182–187.
3. Bukhalov A.V. On the contract in the Anglo-Saxon and Romano-Germanic legal families // Leningrad Legal Journal. – St. Petersburg. 2009. No. 3 (17). P. 193–205
 4. Klyukanova T.M. History of the formation of the Roman-Germanic legal family // Philosophy of Law. 2021. No. 3 (98). pp. 27–32.
 5. Kolesnikov V.V. Comparative analysis of the provisions on the contract in the Romano-Germanic and Anglo-Saxon legal families // Scientific journal “Epomen”. 2020. No. 37. pp. 41–45
 6. Marchenko M.N. Sources of law. Tutorial. M.: Prospekt, TK Velby, 2005. 760 p.
 7. Poduzova E.B. Qualification of a contract in the Russian and Anglo-Saxon legal families // Comparative jurisprudence. 2016. No. 9 (118). pp. 114–128.
 8. Pushman P.I. The relationship between the Anglo-Saxon and Romano-Germanic legal families // Belarusian law in time and space: a collection of abstracts from the Republican Scientific and Theoretical Conference of Students, Masters, and Post-graduates, Minsk, December 4, 2019 / [ed. I.P. Mankiewicz]; EE «Belarusian State Economic University». – Minsk: BSEU, 2020. – pp. 35–36.
 9. Ramazanov A.Kh., Kakhrianova K.E. The trend of rapprochement between the Romano-Germanic and Anglo-Saxon legal families // Bulletin of the Dagestan State University. Series 3. Social Sciences. 2022. Volume 37. Issue. 3. pp. 54–60.
 10. Tikhomirov Yu.A. Public law: Textbook for law faculty and universities. M.: Beck, 1995. 485 p.
 11. Buckland W., McNair A. Roman Law and Common Law. New York: Cambridge University Press, 1936. P. 18

Влияние конкуренции и монополии на экономику РФ. Антимонопольная политика России

Пермяков Максим Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент, Уральский государственный экономический университет, Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева
E-mail: pmv0929@yandex.ru

Банних Станислав Германович,

кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой креативного управления и гуманитарных наук, Уральский государственный экономический университет
620144, Екатеринбург, ул.8 Марта, 62;

Сарапульцева Анастасия Владиславовна,

доцент кафедры истории и философии, кандидат философских наук, Уральский государственный экономический университет
E-mail: vladislavaanastasevna@gmail.com

В статье рассмотрены понятия конкуренции и монополии, их различия. Названы типы монополий, основные нормативно-правовые акты и органы государственной власти, регулирующие их деятельность. Сформулирован вывод о связи антимонопольной политики и конкуренции.

Соперничество участников рыночных отношений за улучшение условий производства и реализации товара называется конкуренцией. Конкурентоспособность предприятия является важным фактором, от которого зависит его дальнейшее существование и позиция на рынке. Это способность фирмы завоевать внимание потребителя и обойти соперников, заработав себе лучшие условия для производства и реализации товаров. Фирмы, проигрывающие другим предприятиям, нуждаются в реорганизации или изменении бизнес-стратегии, а порой отсутствие у фирмы достаточной конкурентоспособности может привести к её ликвидации.

Понимание рассматриваемых явлений субъектами хозяйственной деятельности является основополагающими знаниями, необходимыми для осуществления предпринимательской деятельности в современных условиях, в том числе и в процессе изучения и прогнозирования конъюнктуры рынка.

Ключевые слова: рыночная экономика, предприятие, товар, услуга, фирма, конъюнктура, соперничество, бизнес, потребитель, рынок, продукт, недобросовестное соперничество, реклама, экономический барьер, прогресс, технология, банк, предприниматель, право.

Конкуренция оказывает непосредственное влияние не только на отдельные предприятия на конкретном рынке товаров и услуг, но и на всю экономику в целом, поэтому, несомненно, играет огромную роль для развития и модернизации экономических отношений. Свободная конкуренция на любом рынке является не только гарантией возможности роста для фирм, но и стимулом улучшить свою продукцию и технологии производства, что влияет так же на технологический прогресс страны. Отсутствие или затруднённый рост могут стать для предпринимателей демотивирующим фактором, в последствии снизить общую вовлечённость населения страны в предпринимательскую сферу. Однако полное отсутствие соперничества, то есть монополия, может легко отбить желание стараться на благо своего бизнеса и потребителей у любого, особенно начинающего, предпринимателя. Соперничество предприятий – необходимое условие развития каждого из них.

Существуют разные типы конкуренции, пускай и имеющие некоторые сходства, однако совершенно отличающиеся по структуре и фактическому влиянию на рынок. Таблица 1 указывает на их сравнительные различия и сходства.

Одно из важнейших следствий конкуренции – улучшение качества предпринимательской среды [1]. Честная конкуренция является показателем стремления производителя не просто увеличить свою валовую прибыль, а развить стабильный бизнес и производить качественный продукт. Участники рыночных отношений при вступлении в рынок должны быть осведомлены о мерах наказания за неправомерные действия, однако в некоторых случаях предприниматели всё равно прибегают к методам нездоровой борьбы, пытаясь захватить рынок, то есть монополизировав его и ограничивая возможность роста и развития сторонних фирм, а также выбор потребителей. Нездоровой конкуренцией называют любые действия, направленные на нарушение закона о свободной конкуренции, например, сговоры или картели. В РФ установлена свобода предпринимательства, поэтому любые действия, как-либо негативно влияющие на конкуренцию и ограничивающие её, пресекаются. Подобные действия являются неправомерными и регулируются законом, так как несут негативные последствия для экономического климата страны. Монополии возникают из-за желания предприя-

тия максимизировать свою прибыль и избавиться от конкурентов, не прилагая при этом усилий для развития собственных технологий, а действуя за счет нечестных и, более того, неправомерных методов. Желание предприятия максимизировать прибыль часто приводит к чрезмерному завыше-

нию цен на рынке монополистом, а при отсутствии аналогов у потребителя не останется выбора, кроме как купить товар в несколько раз дороже, чем он стоил изначально. Монополия, как и конкуренция, имеет большое влияние на экономику государства, однако чаще всего – негативное.

Таблица 1

Факторы сравнения	Модель совершенной конкуренции	Модель несовершенной конкуренции		
		Монополистическая	Олигополия	Чистая монополия
Количество фирм	Неограниченное количество	Много мелких предприятий	Несколько крупных фирм	Одна
Тип продукции	Однородная	Неоднородная, но схожая продукция	В основном схожая	Уникальный товар
Возможность ценообразования	Отсутствует	В узких рамках	Ограничена взаимной зависимостью	Целиком принадлежит фирме
Барьеры для входа на рынок	Не существуют	Легкопреодолимые	Труднопреодолимые	Максимальные
Примеры	Сейчас встречается редко, в основном сельское хозяйство	Пищевая промышленность	Автомобилестроение	ЖКХ, Ж/Д перевозки

Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 регулирует конкурентные отношения на рынке. В нём содержатся положения, определяющие правовые и организационные основы защиты прав производителей, а также предупреждения и пресечения недобросовестного соперничества [2]. Одним из главных положений настоящего закона является ограничение искусственных монополий. Монополией называется модель рынка, при которой конкретный рынок подчиняется одному субъекту, имеющему единоличную власть над контролем цен и предложения. Подобный рынок имеет множество барьеров и препятствий, обойти которые предприятиям почти невозможно даже при наличии качественной рекламы и хороших технологий производства: монополист целиком контролирует рынок и предложение.

В экономике монополию так же принято разделять на несколько основных типов. Естественная и искусственная монополии – две противоположности. Первый тип возникает в связи с отсутствием на рынке альтернативы какого-либо товара и не несёт серьёзных экономических последствий. В противовес ему, искусственная монополия создаётся производителем намеренно за счет экономических барьеров с целью избавления от конкурентов. Открытая монополия является следствием технологического прогресса фирмы. Длится она не долго: до момента, когда другие предприятия не получают доступ к новым технологиям, либо не изобретут свои. Государственная монополия возникает при тщательном контроле государством отдельной отрасли экономики на законодательном уровне. В РФ не так много примеров государственной монополии. Из них наиболее наглядным является печать национальной валюты, осуществляемая одним банком – только он имеет на это право.

Так, можно прийти к выводу, что монополия имеет в экономике двойственный характер. С одной стороны – это неотъемлемая часть отдельных рынков, необходимая для их качественного функционирования, с другой – ограничение конкуренции и создание неблагоприятных условий для сторонних производителей. Подобный характер монополии является причиной её регулирования на законодательном уровне. Участие в рыночных отношениях государства в РФ минимальное, однако без должного контроля монополий и вмешательства государства в предпринимательской среде может начаться беспорядок. В законодательстве РФ содержится множество нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность предпринимателей, в том числе конкуренцию и монополию.

В РФ, помимо прочего, осуществляется антимонопольное право, выступающее за защиту прав и интересов производителей. Федеральная Антимонопольная служба осуществляет контроль над предпринимательской деятельностью. Антимонопольное право является гарантией здоровой конкуренции и защищает производителей, выступает главной отраслью права, регулирующей конкуренцию и монополию на различных рынках. Невозможно развивать предпринимательскую сферу без должного контроля за деятельностью предприятий, особенно, когда некоторые из них регулярно пренебрегают принципами честной конкуренции. Как предприниматели не всегда следуют системе норм, закреплённых законодательством, так и антимонопольные нормы по защите конкуренции не могут в полной мере искоренить случаи неправомерного поведения фирм. Предприятий на рынке огромное множество, и уследить за каждым проблематично, к тому же тайные сговоры зачастую отследить бывает достаточно сложно. Соперничество фирм – актуальная тема уже много лет, она до сих пор из-

учается, рыночные отношения меняются, а предприниматели и государство вынуждены подстраиваться под текущую ситуацию в экономической среде. Механизмы регулирования конкуренции в РФ достаточно развиты, однако до сих пор возникают прецеденты, благодаря которым становится ясно – ещё многое предстоит отрегулировать, чтобы довести до совершенства антимонопольную политику.

Здоровое соперничество в условиях современной экономики становится всё более редким явлением: многие предприниматели продолжают искать пути обхода антимонопольной политики, объединяются против конкурентов и действуют не в интересах потребителей, а в собственных эгоистичных целях – максимизировать прибыль, не прилагая при этом усилий и не неся убытки. Подобные ситуации нередки и, без должного надзора за функционированием конкуренции среди предпринимателей, могут привести к действительно серьёзным проблемам с предложением на некоторых рынках товаров и услуг. Правовое регулирование конкуренции обеспечивает эффективную работу рыночных механизмов и защиту предпринимательских интересов. Антимонопольная политика позволяет государству осуществлять надзор за предприятиями без прямого вмешательства органов власти, выполняет функцию сдерживания монополий, сохраняя стабильность рынка, защищает интересы участников экономических отношений и занимается пресечением неправомерных действий в экономической сфере.

В заключение можно сказать, что конкуренция и антимонопольная политика в РФ взаимосвязаны. Конкуренция является важным аспектом развития предпринимательской среды – она напрямую влияет на развитие экономики и рыночных отношений, а антимонопольное право выступает как способ поддержки и сохранения добросовестности экономической борьбы среди производителей. К сожалению, не каждый предприниматель способен следовать принципам здоровой конкуренции, поэтому без вмешательства государства, а именно – регулирования рыночных отношений на уровне законодательства, многие предприятия захотят захватить власть на рынке, монополизировав его. Подобные действия скажутся негативно не только на фирмах-конкурентах данного предприятия, но и на потребителях, лишённых выбора, а иногда и финансовой возможности на приобретение продукции. Антимонопольное право обеспечивает производителям гарантию честного соперничества и возможность развиваться в одинаковых условиях, не ограниченных искусственными барьерами, поэтому высокая развитость антимонопольной по-

литики играет очень важную роль в экономической сфере государства, особенно, гарантирующего каждому возможность свободно заниматься предпринимательством как в РФ.

Литература

1. Архипова, Л.С. Конкуренция как основа экономики: концептуальные подходы к исследованию роли конкуренции: монография / Л.С. Архипова, Г.Ю. Гагарина, А.М. Архипов. – Москва: ИНФРА-М, 2018. – 104 с.
2. Федеральный закон № 135–ФЗ «О защите конкуренции» (в ред. от 28.12.2013)
3. Шмидт.О.А. Что такое монополия в экономике и что регулирует антимонопольное законодательство URL: <https://journal.sovcombank.ru/umnii-potrebitel/chto-takoe-monopoliya-v-ekonomike-i-chto-reguliruet-antimonopolnoe-zakonodatelstvo>

THE IMPACT OF COMPETITION AND MONOPOLY ON THE RUSSIAN ECONOMY. THE ANTIMONOPOLY POLICY OF RUSSIA

Bannykh S.G., Permyakov M.V., Sarapultseva A.V.

Ural State University of Economics; Ural State Law University named after V.F. Yakovlev;

The article discusses the concepts of competition and monopoly, their differences. The types of monopolies, the main regulatory legal acts and public authorities regulating their activities are named. The conclusion on the relationship between antimonopoly policy and competition is formulated.

The competition of market participants for improving the conditions of production and sale of goods is called competition. The competitiveness of an enterprise is an important factor on which its continued existence and position in the market depend. This is the ability of a company to win the attention of the consumer and bypass rivals, earning itself the best conditions for the production and sale of goods. Firms that lose out to other enterprises need to reorganize or change their business strategy, and sometimes the company's lack of sufficient competitiveness can lead to its liquidation.

The understanding of the phenomena under consideration by business entities is the fundamental knowledge necessary for carrying out entrepreneurial activity in modern conditions, including in the process of studying and forecasting market conditions.

Keywords: market economy, enterprise, product, service, firm, conjuncture, competition, business, consumer, market, product, unfair competition, advertising, economic barrier, progress, technology, bank, entrepreneur, law.

References

1. Arkhipova, L.S. Competition as the basis of economics: conceptual approaches to the study of the role of competition: monograph / L.S. Arkhipova, G. Yu. Gagarina, A.M. Arkhipov. – Moscow: INFRA-M, 2018. – 104 p.
2. Federal Law No. 135–FZ “On Protection of Competition” (as amended dated 12/28/2013)
3. Schmidt.O.A. What is monopoly in the economy and what is regulated by antimonopoly legislation: <http://journal.sovcombank.ru/umnii-potrebitel/chto-takoe-monopoliya-v-ekonomike-i-chto-reguliruet-antimonopolnoe-zakonodatelstvo>

Превентивность правонарушений несовершеннолетних – психологические аспекты

Зайко Тамара Михайловна,

кандидат юридических наук, доцент; кафедра судебной деятельности и уголовного процесса, Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева
E-mail: tmzayko@mail.ru

Мингалёв Андрей Дмитриевич

студент, Институт государственного и международного права, Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлев
E-mail: mingalevandre1@yandex.ru

Статья направлена на решение задачи более активного использования воспитательных методов формирования у подростков и детей правомерного поведения. Для достижения данной цели проведен анализ структуры преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Выявлены основные виды и направления преступлений и правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, определена структура и динамика их изменений за последние годы. Основной акцент сделан на ситуации с преступлениями несовершеннолетних в 2022 году. Выявлены причины совершения преступлений несовершеннолетними. На основе анализа определены ключевые направления усиления воспитательной работы с несовершеннолетними для предупреждения наиболее распространенных преступлений. Рассмотрена эффективность методов правового воспитания несовершеннолетних с учетом социально-демографических, этнических, конфессиональных и культурных характеристик личности, особенностей отношения детей и подростков к закону. Сформулированы основные направления профилактики правонарушений среди несовершеннолетних.

Ключевые слова: правопорядок, правовое воспитание, психология правового поведения, преступность несовершеннолетних.

Одним из важных направлений деятельности всей системы отечественной юстиции, а не только комиссий по делам несовершеннолетних и органов государственного контроля в области обеспечения безопасности общества является предупреждение совершения несовершеннолетними правонарушений и антиобщественных действий, а также сокращения безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних [14]. Эффективным, а главное – долгосрочным инструментом такого воздействия является комплекс мер психологического и правового воспитания правомерного поведения у детей, подростков и несовершеннолетних [11]. Однако, прежде чем рекомендовать какие-либо меры воздействия на несовершеннолетнего преступника, на наш взгляд, в первую очередь необходимо изучить личность правонарушителя и мотивы его поведения, а также наиболее распространенные виды правонарушений. Проблема изучения личности несовершеннолетнего преступника приобретает особую актуальность, так как без научного познания психологии тех, кто совершает преступления, нельзя осуществлять борьбу с преступностью в целом [16]. Так, «психология, как наука, по сути начиналась с изучения личности, а криминальная психология – личности преступника» [7, с.57]. Следовательно, личность преступника, в том числе и несовершеннолетнего «всегда является одним из основных звеньев характеристики любого вида преступности» [8, с.40].

Правовое воспитание включает специальные методы психологического и педагогического воздействия на сознание и поведение людей с целью выработки у них устойчивой ориентации на законопослушное поведение [1]. Все методы можно разделить на стимулирующие (поощряющие определенное поведение) и ограничивающие (предусматривающие наказание за правонарушение). Чаще всего в качестве стимулирующих методов воспитания используются убеждение, личный пример, поощрение и др., а в качестве ограничивающих – принуждение, наказание, общественное порицание (остракизм) и т.д., включая уголовно-правовые меры [2–3].

Применение этих методов, а главное достижение результата в значительной степени зависит от демографических характеристик личности, от социальных, этнических, конфессиональных и культурных особенностей общества, от того, насколько хорошо организована воспитательная работа органами юстиции, учебными и образовательными учреждениями, а также каково распространение в обществе отношение к правонарушениям [17].

Применяемые методы воспитания, различаются по отношению к разным группам людей. Так, взрослые люди могут хорошо реагировать на различные методы убеждения, также как и наказания, принуждения, в том числе понимая тяжесть противоправных действий. Однако их поведение может сильно меняться в разной социальной и культурной среде. Это можно четко проследить на примере изменения отношения к законам принимающей страны у переселенцев из других стран в рамках XX–XXI веков. Раньше, вплоть до середины XX века, переселенцы старались ассимилироваться с местным населением, принимая законы страны и стараясь их выполнять. Возникали национальные диаспоры, но прежде всего для того, чтобы сохранять традиции, культуру, обычаи своих стран, поддерживать знания родного языка, помогать в адаптации новым переселенцам. Дети в семьях таких переселенцев воспитывались в уважении к местным законам, не противостояли местному населению, не навязывали им свои традиции и образ жизни.

Совершенно другую ситуацию мы наблюдаем сегодня в странах Европы, США, Канаде и других странах с высоким уровнем иммиграции из регионов с иными культурными, религиозными и ментальными ценностями. В последние десятилетия переселенцы и беженцы пытаются навязать свои законы принимающим странам. Так, в Великобритании принят закон о запрете публичного ношения нательных крестиков, как символа христианской веры, оскорбляющего чувства мусульман (именно их) и разрешено ношение паранджи, как соблюдения требования мусульманской религии¹. Кроме того, статистика отмечает более высокий уровень преступности среди иммигрантов. Это связано как с их более низким уровнем жизни (часто за чертой бедности), так и с незнанием местного законодательства.

Иная ситуация складывается в отношении несовершеннолетних, где основные навыки правомерного поведения только формируются и часто связаны со слабым знанием и пониманием последствий своих поступков. При этом серьезной ошибкой является начало воспитательной работы по формированию правового поведения у детей среднего возраста, в то время как нужно начинать с более раннего возраста, а также использовать те воспитательные приемы, которые лучше подходят разным возрастам [17].

Так, маленькие дети трудно воспринимают логические аргументы и другие методы убеждения, но быстро понимают поощрение и наказание, а также личный пример, перенимают нормы поведения в их ближайшем окружении (семье, детском саду, кружках и секциях). Например, многие российские дети «знакомятся» с ненормативной лексикой уже в детском саду и родители часто ничего не могут сделать, поскольку мат законодательно наказуем только при его использовании в обще-

¹ Христианам Великобритании запретили носить кресты на работе. – URL: <https://www.vesti.ru/article/1960756> (дата обращения: 21.04.2023)

ственных местах в грубой форме (трактуются как мелкое хулиганство с наказанием штрафом от 500 до 1000 рублей или административным арестом до 15 суток, а если его расценят как публичное оскорбление, то денежное взыскание возрастет до 5 тысяч)². Однако объяснять это маленькому ребенку бессмысленно в силу его еще очень слабой социализации, а пример мальчика (или девочки) из группы, которые как правило более активные, более агрессивные и являются неформальными лидерами в детсадовской группе или начальной школе является намного более значимым для сверстников и требует подражания.

Что касается эффективности применения методов правового воспитания у подростков, то здесь самая сложная ситуация. Как показывает статистика, наибольшее число преступлений совершают подростки в возрасте 15–16 лет, когда к ним еще не применимы все меры уголовного наказания, а подростки осознают этот факт и воспринимают его как вседозволенность и безнаказанность. Кроме того, они часто не осознают опасность нарушения закона ни для себя, ни для окружающих их людей, ни для общества в целом, хотя формально знают, каковы могут быть последствия и какое может последовать наказание. С другой стороны, подростки уже могут понимать и воспринимать методы убеждения, личного примера, важности следования закону. Этап взросления, когда подростки «бунтуют» против общепринятых норм поведения и законов, рассматривая их прежде всего как ограничения их «свободы», является самым сложным в области правового воспитания [12; 15]. И здесь крайне важно понимать, по каким направлениям необходимо сосредоточить основные усилия по расширению воспитательной работы с несовершеннолетними [5].

Выявление ключевых направлений развития воспитательной работы с несовершеннолетними в области правомерного поведения проведем на основе анализа структуры подростковой преступности в России по видам преступлений, совершенных несовершеннолетними в 2016–2022 годах. Анализ проведем с учетом определения понятия «несовершеннолетний» в соответствии ст. 87 Уголовного кодекса РФ (далее УК РФ). Согласно УК РФ несовершеннолетним признается лицо на момент совершения преступления достигшее 14-летнего возраста, но не достигшее 18 лет³.

Общая структура совершенных несовершеннолетними преступлений в 2022 году, представлена на рисунке 1⁴.

² Статья 20.1. Мелкое хулиганство. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023). – URL: <https://base.garant.ru/12125267/> (дата обращения: 11.09.2023)

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.04.2023). – URL: <https://base.garant.ru/10108000/> (дата обращения: 11.09.2023)

⁴ Опасный возраст. Александр Бастрыкин – о ситуации с подростковой преступностью в стране и о том, что с этим делать. <https://rg.ru/2023/05/31/opasnyj-vozrast.html> (дата обращения: 01.02.2024)

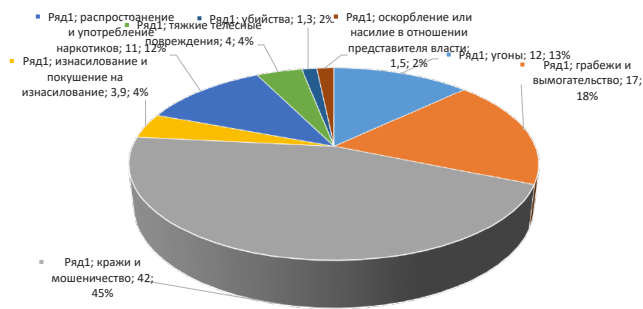

Рис. 1. Структура преступлений, совершенных несовершеннолетними в 2022 году

Источник: составлено по данным Следственного комитета¹.

Как показал анализ, среди преступлений несовершеннолетних в 2022 году преобладали кражи и мошенничество (42% всех зарегистрированных преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их участии).

Вторым по распространенности видом подростковой преступности в 2022 году является грабеж и вымогательство – 17% в 2022 году, что также не вполне объяснимо. Средний уровень преступлений по данной группе составлял суммарно в 2011–2020 годах 25–30% (около 10–12% ежегодно составляли грабежи и около 15–17% – вымогательство). Нужно отметить, что контроль динамики и причины этих преступлений весьма важен. Общая динамика такого правонарушения как вымогательство показывает значительное улучшение ситуации по сравнению с началом 2000-х годов, когда каждое четвертое преступление относилось к этой группе (25,9% в 2008 г.). К сожалению, следует отметить, что данное правонарушение достаточно сильно распространено в школах и часто заключается в том, когда старшеклассники заставляют школьников младших и средних классов, а также одноклассников отдавать им деньги и/или какие-либо вещи. При этом сами пострадавшие про такие действия чаще всего не говорят. Данное преступление носит латентный характер, сложно поддается выявлению и носит явный антиобщественный и антиправовой характер, поскольку формирует у таких детей и подростков неверие в правовой механизм. Высокий уровень латентности характерен для подростково-юношеской преступности [9]. По оценкам психологов, криминологов и иных специалистов преступность несовершеннолетних в несколько раз выше той, что отражается в официальной статистике [6, с.7].

В этой связи очень важным представляется осуществление контроля за недопущением создания условий для совершения данных преступлений со стороны школы, семьи. Вообще, семейное неблагополучие является одной из ключевых причин совершения преступных действий несовершеннолетними [4; 10]. Поэтому самые эффективные меры профилактики видятся в школьном и се-

мейном воспитании и контроле со стороны школьных психологов и классных руководителей [13].

Что касается грабежа, то это преступление, заключающееся в открытом хищении чужого имущества (Статья 161 УК РФ), чаще совершается под воздействием взрослых или группой подростков, в отличие от краж, удельный вес которых немного сократился за анализируемый период, составив 8,2% в 2020 г., хотя до 2016 г. на них приходилось 12,5% и они занимали четвертое место по распространенности преступлений с вовлечением несовершеннолетних.

Третьей по удельному весу группой и достаточно часто совершаемыми преступлениями (12% в 2022 году) являются такие противоправные действия как «неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (угон)». В логике угонщиков-подростков – просто «покататься», покрасоваться перед сверстниками и девушками и т.д. – эти действия являются самими «привлекательным» как с точки зрения легкости совершения преступления, так и «легкости» последствий с точки зрения наказания. Такое психологическое восприятие данного вида преступлений является объяснением того факта, что удельный вес вовлекаемых в такие преступления несовершеннолетних растет из года в год. Поэтому, на наш взгляд, необходимо сосредоточить дальнейшие усилия на профилактике этих преступлений. Ради справедливости нужно отметить, что в начале 2000-х годов удельный вес таких преступлений был выше – каждое четвертое преступление (25,2% в 2008 г., 20,6% в 2020 г. и т.д.). Так что можно отметить, что удельный вес данной группы преступлений сокращается.

Наконец следует отметить тревожный рост такой группы преступлений как преступления, связанные с наркотиками (11% в 2022 году). Участие несовершеннолетних в совершении данных преступлений возрастает и является весьма негативной тенденцией на фоне снижения других видов преступлений.

Важно отметить, что все перечисленные группы преступления связаны с завладением чужой собственностью. Это свидетельствует о низком уровне уважения среди подростков к чужому имуществу, связанным как с правовыми знаниями, так и с недостаточным уровнем социально-психологического развития личности подростка к определенному возрасту. Что касается преступлений против личности и здоровья, среди подростков намного меньше. Исключение составляют изнасилования и покушение на изнасилование с участием несовершеннолетних, количество и удельный вес которых колеблется в пределах 5–6% в год, с резким увеличением в 2020 году. Однако этот «выброс» многие объясняют бесконтрольностью поведения школьников, когда вследствие карантина из-за пандемии COVID-19 подростки остались без присмотра взрослых, с наличием большого числа свободного времени и возможностью собираться группами в жилых помещениях без взрослых.

¹ Следственный комитет Российской Федерации. Официальный сайт. [https://sledcom.ru/press/interview/item/1797141/?tab=images#:~:text=Александр%20Бастрыкин%3A%20В%202022%20году,%20процента%20больше%202021%20года.%20\(дата%20обращения:%2001.02.2024\)](https://sledcom.ru/press/interview/item/1797141/?tab=images#:~:text=Александр%20Бастрыкин%3A%20В%202022%20году,%20процента%20больше%202021%20года.%20(дата%20обращения:%2001.02.2024))

Изучение и сравнительный анализ структуры и динамики преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии, в общей структуре преступности показали, что в отношении подростков и несовершеннолетних очень многое зависит от семьи, от родителей, от социального окружения подростков, от общего социального климата, от принятия обществом тех или иных правонарушений и их общественная трактовка как опасных или неопасных. Недостаточное правовое воспитание приводит к тому, что подростки приобретают либо правовой дилетантизм (вольное обращение с правом, небрежное отношение к юридическим ценностям) либо в правовой нигилизм (девальвация права и законности, осознанное игнорирование требований законов, недооценка их регулирующей социальной роли).

Для профилактики правонарушений среди несовершеннолетних необходимо:

- более активно развивать воспитательную работу среди дошкольников и младших школьников, привлекая для этого в том числе наиболее активных и юридически образованных старшеклассников;
- усилить профилактические действия среди подростков по таким направлениям как угон транспортных средств, вымогательство, грабежи, разбой, кражи;
- усилить работу по направлению «незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов»;
- продолжить работу с несовершеннолетними по таким направлениям как хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств; незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов.

В заключение следует еще раз отметить, что правовое воспитание подростков является основой для профилактики совершения многих преступлений взрослыми людьми.

Литература

1. Бердник А.А., Полянский А.И. Правовое воспитание молодежи // Образование и воспитание дошкольников, школьников, молодежи: теория и практика. 2022. № 2. С. 36–43.
2. Блинова М.В. Уголовно-правовые меры профилактики преступности несовершеннолетних // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2023. № 1. С. 15–18.
3. Вага В.Н. Преступность несовершеннолетних. Аспекты уголовной ответственности несовершеннолетних. // Студенческий. 2023. № 21–7 (233). С. 19–22.
4. Гриненко А.В., Потапов В.Д., Цветкова Е.В. Влияние неблагополучной семьи на формирование личности несовершеннолетнего преступника // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14. № 1. С. 266–279.
5. Демидова-Петрова Е.В. Преступность несовершеннолетних: особенности, причинный комплекс // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 1 (51). С. 51–58.
6. Зайко Т.М. Меры борьбы с преступностью несовершеннолетних и молодежи: правовой и психолого-криминологический аспекты: Монография. М-во образования и науки РФ, Ур-ГЮ У. Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 2017. ISBN: 978–5–4480–0099–7. 85 с.
7. Зайко Т.М., Пантюхина Г.А. Личность несовершеннолетнего преступника: психолого-криминологический аспект // Правоотношения и юридическая ответственность: новое в законодательстве: Сборник материалов научно-теоретической конференции (25–26 марта 2015). Екатеринбург: Уральский Институт коммерции и права, 2015, С. 57–69.
8. Зайко Т.М. Актуальные вопросы предупреждения правонарушений несовершеннолетних / Вопросы образования и науки: по материалам Международной научно-практической конференции (30.12.2016 г.) // Вестник научных конференций. 2016. № 12–3(16). С. 40–41.
9. Кириленко А.А. Криминологическая характеристика преступности несовершеннолетних // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2023. № 1. С. 39–41.
10. Лебедева Ю.Ю. Семейное неблагополучие как один из факторов формирования криминогенного поведения несовершеннолетнего // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2023. № 2. С. 95–100.
11. Лыков Э.Н., Шутова Е.Н. К предупреждению преступности несовершеннолетних // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 2. С. 217–220.
12. Мурзак Е.С. Преступность несовершеннолетних. Психологические аспекты поведения несовершеннолетних преступников // Профессиональное образование и общество. 2017. № 2 (22). С. 285–294.
13. Окутина Н. Н., Забелич Л.В. Преступность несовершеннолетних в России: состояние и меры профилактики // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1 (99). С. 114–121
14. Пашкина К.В. Преступность несовершеннолетних как одна из важнейших проблем современного общества // Студенческий. 2017. № 4–2 (4). С. 73–76.
15. Радченко Е.П., Зорина Н.С. Причины и условия преступности несовершеннолетних // Евразийский юридический журнал. 2023. № 2 (177). С. 267–268.
16. Сошникова И.В. Преступность несовершеннолетних: социально-психологический анализ // Педагогика и психология: актуальные вопросы теории и практики. 2016. № 3 (8). С. 236–238.

17. Хисматуллина Р.Р., Стуколова Л.С. Преступность несовершеннолетних //E-Scio. 2019. № 1 (28). С. 147–152.

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF JUVENILE DELINQUENCY PREVENTION

Zaiko T.M., Mingalev A.D.

Ural State Legal University named after V.F. Yakovleva,

The article is aimed at solving the problem of using educational methods to develop lawful behavior in children and adolescents. To achieve this goal, the structure of crimes committed by minors was analyzed, the main directions of offenses committed by minors and the dynamics of their changes were identified. The main emphasis is on the situation with juvenile crimes in 2022. The reasons for committing crimes by minors have been identified. Based on the analysis, the main directions for strengthening educational work with minors to prevent the most common crimes were identified. The effectiveness of methods of legal education of minors is considered, taking into account the socio-demographic, ethnic, confessional and cultural characteristics of the individual, and the characteristics of the attitude of children and adolescents to the law. The main directions for the prevention of delinquency among minors are formulated.

Keywords: law and order, legal education, psychology of legal behavior, juvenile delinquency.

References

1. Berdnik A.A., Polyansky A.I. Legal education of youth //Education and upbringing of preschoolers, schoolchildren, youth: theory and practice. 2022. No. 2. P. 36–43.
2. Blinova M.V. Criminal legal measures for the prevention of juvenile delinquency // Current issues in the fight against crime. 2023. No. 1. P. 15–18.
3. Vaga V.N. Juvenile delinquency. Aspects of criminal liability of minors. //Student. 2023. No. 21–7 (233). pp. 19–22.
4. Grinenko A.V., Potapov V.D., Tsvetkova E.V. The influence of a dysfunctional family on the formation of the personality of a minor offender // Bulletin of St. Petersburg University. Right. 2023. T. 14. No. 1. P. 266–279.
5. Demidova-Petrova E.V. Juvenile delinquency: features, causal complex // Bulletin of the Kazan Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. T. 14. No. 1 (51). pp. 51–58.
6. Zaiko T.M. Measures to combat juvenile and youth crime: legal and psychological-criminological aspects: Monograph. Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Ural State Law University. Tambov: Ucom Consulting Company LLC, 2017. ISBN: 978–5–4480–0099–7. 85 pp.
7. Zaiko T.M., Pantyukhina G.A. Personality of a minor offender: psychological and criminological aspect / Legal relations and legal responsibility: new in legislation: Collection of materials of a scientific and theoretical conference (March 25–26, 2015). Ekaterinburg: Ural Institute of Commerce and Law, 2015, pp. 57–69.
8. Zaiko T.M. Current issues in the prevention of juvenile delinquency / Issues of education and science: based on the materials of the International Scientific and Practical Conference (December 30, 2016) // Bulletin of Scientific Conferences. 2016. No. 12–3(16). P. 40–41.
9. Kirilenko A.A. Criminological characteristics of juvenile delinquency // Current issues in the fight against crime. 2023. No. 1. P. 39–41.
10. Lebedeva Yu.Yu. Family troubles as one of the factors in the formation of criminal behavior of a minor // Bulletin of the Belgorod Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. 2023. No. 2. P. 95–100.
11. Lykov E.N., Shutova E.N. Toward the prevention of juvenile delinquency // Gaps in Russian legislation. 2023. T. 16. No. 2. P. 217–220.
12. Murzak E.S. Juvenile delinquency. Psychological aspects of the behavior of juvenile offenders //Professional education and society. 2017. No. 2 (22). pp. 285–294.
13. Okutina N.N., Zabelich L.V. Juvenile crime in Russia: status and preventive measures // Bulletin of the Ufa Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1 (99). pp. 114–121
14. Pashkina K.V. Juvenile crime as one of the most important problems of modern society // Student. 2017. No. 4–2 (4). pp. 73–76.
15. Radchenko E.P., Zorina N.S. Causes and conditions of juvenile delinquency //Eurasian Legal Journal. 2023. No. 2 (177). pp. 267–268.
16. Soshnikova I.V. Juvenile delinquency: socio-psychological analysis // Pedagogy and psychology: current issues of theory and practice. 2016. No. 3 (8). pp. 236–238.
17. Khismatullina R.R., Stukolova L.S. Juvenile crime //E-Scio. 2019. No. 1 (28). pp. 147–152.

Силаков Олег Юрьевич,

аспирант, кафедра криминалистики и правовой информатики, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет»
E-mail: osilakov@mail.ru

В работе освещается процесс анализа и восстановления событий, связанных с преступлениями, через призму психологии, автор детально рассматривает, как восприятие, запоминание и воспроизведение информации образуют понимание и реконструкцию преступлений, затем обсуждает влияние эмоционального состояния на процессы памяти и как это воздействие используется для восстановления точных воспоминаний о событиях.

В статье выделяется роль психологических исследований и теорий памяти, например, такие как теории глубины обработки информации, ассоциативного запоминания и реконструктивной природы памяти в реконструкции событий преступлений. Автор освещает работу психологов при реконструкции преступлений фокусируясь на анализе материальных и идеальных следов, использовании криминалистической техники и тактик допроса, на методах активизации памяти и анализа невербального поведения.

В конце статьи автор говорит о проблемах психологического анализа в реконструкции преступлений (ситуационной экспертизы) и применении методов психологического воздействия для обеспечения достоверности получаемой информации.

Ключевые слова: психология восприятия, запоминание, реконструкция памяти, когнитивные исследования, ложные воспоминания, психологический анализ, криминалистическая техника, тактика допроса, ситуационная экспертиза, методы психологического воздействия.

Психология восприятия и восстановления событий

Восприятие информации начинается с обнаружения стимула и переходит к его различению, который позволяет создать перцептивный образ, а идентификация и опознание завершают процесс сравнения воспринимаемого объекта с хранящимися в памяти образами с последующей ее категоризацией и извлечением соответствующих эталонов из памяти. Свойства восприятия, такие как предметность, структурность, апперцептивность, константность, избирательность и осмысленность обеспечивают в данном процессе целостность.

Запоминание информации бывает как произвольным, так и произвольным (целенаправленным): произвольное запоминание не требует усилий воли и часто связано с яркими, эмоциональными впечатлениями или длительно действующими на человека факторами, в отличие от него, произвольное запоминание – запланированный и организованный процесс, требующий использования различных приемов и связанный с мыслительными способностями человека. В то же время запоминание может быть механическим, когда информация фиксируется без осознания ее смысла, или семантическим (осмысленным), при котором человек логически понимает суть материала и выстраивает множество логических связей между его частями.

Когнитивные исследователи, такие как М. Вергеймер и другие представители гештальтпсихологии изучали вопрос понимания целостности восприятия, и выделяли восприятие объектов как устойчивые системные целые, даже если некоторые их части не наблюдаются напрямую или же предварительные знания и опыт в процессе восприятия и запоминания информации [2].

В социальное восприятие входят такие механизмы, как каузальная атрибуция, при которой люди пытаются объяснить поступки других, приписывая им определенные мотивы и причины, и стереотипизация, где индивидам приписываются характеристики на основе групповой принадлежности, которое часто приводит к предвзятости и конфликтам; из-за сложности процессов восприятия и взаимодействия между индивидами вытекают различные эффекты (например, эффект первичности и ореола), которые влияют на создание первого впечатления о людях.

На процессы воспоминания, запоминания и воспроизведения информации влияют также эмоциональное состояние, например, известные психологи, такие как П. Жане и Т. Рибо, высказывали противоположные мнения относительно ро-

ли эмоций в интеллектуальных процессах [4], при этом Л.С. Выготский и С.Л. Рубинштейн выделяли неразрывную связь между аффектами и мышлением, указывая на эмоции как на неотъемлемую часть познавательных потребностей и регуляторы мыслительной деятельности [1].

Современные исследования подтверждают, что эмоциональное состояние воздействует на процессы памяти, в частности на эффекты, связанные с конгруэнтностью и зависимостью памяти от настроения, так, эффект конгруэнтности предполагает, что информация, эмоциональная окраска которой соответствует эмоциональному состоянию человека в момент ее заучивания, запоминается и воспроизводится лучше. Это подтверждается экспериментами, в которых испытуемые воспроизводили больше элементов информации, когда их эмоциональное состояние при воспроизведении совпадало с состоянием при запоминании, такие результаты указывают на то, что память связана с настроением, и эффекты зависимости памяти от настроения могут быть получены преимущественно при свободном воспроизведении информации [7].

С точки зрения теории реконструкции памяти одной из главных идей является понимание того, что память не является простым и точным воспроизведением прошлых событий, а скорее реконструктивным процессом, который подвергается различным воздействиям и искажениям.

Например, теория Крейка и Локхарта утверждает, что уровень глубины обработки информации влияет на её запоминание, то есть воспоминания, прошедшие через глубокую обработку, сохраняются лучше, поскольку при этом человек задумывается над смыслом информации и устанавливает связи с уже имеющимися знаниями. В отличие от поверхностной обработки, когда информация запоминается лишь на короткий период времени, глубокая обработка содействует долговременному сохранению информации [5].

Другая теория памяти – ассоциативная, разработанная Г. Эббингаузом, основывается на идее, что запоминание и воспроизведение информации зависят от формирования ассоциативных связей, ученый провел ряд экспериментов, в ходе которых изучал способность запоминания серии бессмысленных слогов, чтобы исследовать чистые процессы запоминания, не связанные с существующими знаниями или опытом. Он ввел понятие «кривой забывания», которая показывает, что большая часть информации забывается в течение первых нескольких часов после её изучения.

Теория Бартлетта вводит концепцию реконструктивной природы памяти, фокусируясь на том, что воспоминания могут меняться со временем и в зависимости от контекста, так, согласно Бартлетту, память – активный процесс интерпретации прошлого, при котором детали добавляются, изменяются или опускаются в зависимости от текущих знаний, убеждений и ожиданий человека, то есть

здесь речь идет о субъективном опыте и социокультурном фоне в образовании воспоминаний.

Существуют также “ложные воспоминания”, известные также как парамнезия, которые являются расстройством памяти, и при котором человек испытывает вымышленные воспоминания о прошлых событиях или ощущениях, которые он воспринимает как реальные, данные воспоминания образуются на органической почве, когда головной мозг пытается заполнить пробелы в памяти, используя не только личную информацию, но и сведения из различных источников, таких как телевидение, литература или исторические факты. Искажение информации происходит неосознанно, и у человека нет намерения выдавать неправдивые сведения за правдивые.

С точки зрения реконструкции событий преступления, ложные воспоминания могут влиять на правдивость свидетельских показаний и, как следствие, на исход судебного разбирательства, поэтому стоит понимать, что ложные воспоминания возникают по различным причинам, например, в связи с перенесенными черепно-мозговыми травмами, острыми нарушениями мозгового кровообращения, различными психическими и неврологическими расстройствами, и воздействия токсических веществ.

Психологический аспект в процессе реконструкции события преступления

Работа психолога при реконструкции событий преступления предполагает применение как естественнонаучных, так и психологических методов для анализа материальных и идеальных следов – материальные следы содержат объективную информацию о событии и личности преступника, которая может быть исследована с помощью физических доказательств, таких как отпечатки пальцев или ДНК, а идеальные следы относятся к информации, хранящейся в памяти свидетелей и потерпевших, их воспоминаниям о событии, которые психолог должен уметь аккуратно извлечь и интерпретировать.

Для этого психологи используют различные стратегии для реконструкции события преступления, начиная с первичного сбора данных, с информацией об обзоре места преступления и анализа первичных свидетельств, далее идет выдвижение предварительных гипотез на основе наблюдений и доступной информации, которые затем подвергаются проверке через дальнейшее расследование и допросы, то есть задача психолога – создать целостное представление о событии, опираясь на связи между различными элементами собранной информации, выявляя при этом скрытые мотивы и возможные противоречия в показаниях свидетелей.

Следующий этап – это детальный анализ собранных данных, использование специализированных психологических тестов и методик для проверки достоверности информации и установление психологического профиля преступника,

специалисты фокусируются на искажениях памяти, предвзятости в восприятии и других психологических факторах, которые оказывают воздействие на точность показаний свидетелей и потерпевших, еще одной частью работы является анализ межличностных взаимодействий и коммуникаций между всеми участниками процесса, который требует от психолога знаний в области коммуникативных структур и перцепции [3].

Финальный этап работы психолога направлен на синтез полученной информации в единую картину события, который составляет обоснованные выводы о механизмах преступления и личности преступника, в этом смысле психологическая экспертиза может стать главным доказательством вины или невиновности подозреваемых, и в выявлении потенциальных проблем в расследовании, связанных с человеческим фактором.

Для восстановления информации о преступлении в современной практике расследования используются разного рода психологические методы и техники, среди которых выделим криминалистическую технику и тактику допроса. Криминалистическая техника обеспечивает сбор, фиксацию, изъятие и исследование доказательств с помощью различных средств, которые могут быть разработаны специально для нужд криминалистики, заимствованы из других наук или применяться без изменений, например, приборы для создания композиционных портретов, средства дактилоскопирования, специальные установки для фотосъемки, также применяются комплекты и наборы для дактилоскопирования, обнаружения и фиксации микрообъектов, передвижные лаборатории, объединяющие множество наборов для всестороннего исследования мест преступления [6].

В тактике допроса же разрабатывается план допроса, который содержит основные вопросы, которые должны быть заданы для уточнения или дополнения имеющейся информации, активизации памяти через ассоциации или контроль за достоверностью получаемых сведений. То есть вопросы должны быть сформулированы так, чтобы исключить возможность односложных ответов и обеспечить логическую последовательность для эффективного сбора информации, здесь имеет значение момент и место проведения допроса, которые выбираются с учетом процессуального положения допрашиваемого и возможного психологического влияния на него для установления контакта и достоверности получаемых данных.

Другими методами и приемами являются:

- Когнитивное интервью, которое направлено на увеличение объема воспоминаний свидетеля путем использования различных психологических приемов, например, попросить рассказать событие в обратном порядке или изменить перспективу рассказа.
- Работа с воспоминаниями – применение специфических стратегий для помощи свидетелям и потерпевшим восстановить утерянные или

подавленные воспоминания о событии через релаксационные техники и визуализацию.

- Анализ невербального поведения – наблюдение за мимикой, жестами, позами и другими невербальными сигналами, которые указывают на психологическое состояние свидетеля и степень достоверности его показаний.
- Психологическая экспертиза, то есть оценка психического состояния свидетелей и подозреваемых для определения их способности адекватно воспринимать, запоминать и воспроизводить информацию о событиях.
- Техники снижения стресса и тревожности для помощи свидетелям и потерпевшим в преодолении эмоциональных барьеров.
- Полиграф (детектор лжи), хотя результаты полиграфа не всегда допускаются в качестве доказательств в суде, но данный метод иногда используется для оценки достоверности показаний.

Как мы уже определили, в процессе реконструкции события преступления успех работы психолога во многом зависит от его способности установить контакт с участниками, активизировать их память и адекватно интерпретировать полученные данные, и для этого ему нужно найти подход к каждой категории участников – свидетелям, жертвам, подозреваемым. В связи с этим особенности данного взаимодействия зависят от роли участника в событии, например при взаимодействии:

- 1) со свидетелями психологу требуется создать атмосферу доверия и безопасности, чтобы свидетель чувствовал себя комфортно, делясь информацией; использовать когнитивное интервью, которое поможет свидетелям вспомнить больше деталей события через структурированные, но ненавязчивые вопросы, кроме этого, специалист должен учитывать возраст, пол, культурные и личностные особенности свидетелей, которые влияют на их восприятие и воспоминания о событии;
- 2) с подозреваемыми нужно уметь поддерживать нейтральное отношение к подозреваемому, избегая предвзятости и предположений о его виновности или невиновности, анализировать невербальные сигналы подозреваемого и определить наличие психологических расстройств или стрессовых состояний, которые влияют на поведение и показания подозреваемого;
- 3) с жертвами преступления предпочтительна особая эмпатия и психологическая поддержка, чтобы они могли справиться с пережитым стрессом и травмой, для этого специалист может прибегнуть к специальным методам для работы с травматическими воспоминаниями, облегчая их переживание и восстановление информации о преступлении, но также стоит держать в памяти, что травматические события могут исказить воспоминания, поэтому нужно учитывать возможные психологические механизмы защиты.

Проблемы психологического анализа в реконструкции событий преступления

Одна из основных проблем, связанных с проведением ситуационной экспертизы (форма психологического анализа), заключается в сложности реконструкции реального события на основе имеющихся следов, целью данной экспертизы является подтверждение или опровержение версий происшествия, предложенных следствием, через оценку механогенеза телесных повреждений и биологических следов, то есть проблемы возникают из-за неоднородности анализа исходных данных, часто приводящих к ошибкам как при назначении экспертизы, так и при ее проведении. Примерно в половине случаев производство таких экспертиз носит бездоказательный характер, которое связано с отсутствием достаточности в материалах, представленных для анализа [6].

В связи с этим психологический анализ при реконструкции событий преступления становится одним из главных инструментов для выявления истины, которая требует от специалистов правоохранительных органов умение правомерно применять методы психологического воздействия (ПВ). А проблематика ПВ в расследовании заключается в обеспечении его правомерности в поиске и построении действенных практических рекомендаций, учитывая, что многие из имеющихся данных оказываются описательными и не полностью пригодными для реализации успешных методик, далее, актуализируется задача обучения сотрудников методам ПВ, что в текущих условиях часто сводится к самостоятельному накоплению опыта, являясь не всегда успешной стратегией.

Решение задач, связанных с расследованием преступлений, невозможно без психологического взаимодействия между сотрудниками правоохранительных органов и участниками уголовного процесса, где каждая из сторон стремится реализовать свои интересы, действенность такой коммуникации определяется умением правоохранителей использовать ПВ в соответствии с установленными уголовно-процессуальными задачами, наличием доказательственной базы и психологической позицией участников процесса. Здесь ПВ затрагивает не только применение определенных методов и приемов, но и стратегическое планирование в зависимости от конкретных обстоятельств расследования с целью понимания его операциональной структуры через использование тактик и стратегий, приспособленных под специфику расследования.

Литература

1. Андреева И.Н. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и индивидуальных проявлений самоактуализации // Л.С. Выготский и современная культурно-историческая психология: проблемы онтогенеза морального сознания и поведения: Международная науч. конференция. Гомель: ГГУ им. Ф.Скорины, 2006. С. 128–131.
2. Головин С.Ю. Словарь практического психолога. Минск: Харвест, 1998. 301 с. ISBN 985-433-167-9.
3. Крепышев А.М. Психология реконструкции события преступления и особенности памяти человека // Право и государство: теория и практика. 2020. № 9 (189). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologiya-rekonstruktsii-sobytiya-prestupleniya-i-osobennosti-pamyati-cheloveka> (дата обращения: 02.04.2024).
4. Лялина Я.И. Исследование эмоционально-аффективной сферы личности в трудах Теодюля Рибо // Современная психология: материалы II Междунар. науч. конф. Пермь, июль 2014 г. Пермь: Меркурий, 2014. Т. 0. С. 1–6. URL: <https://moluch.ru/conf/psy/archive/111/6001/> (дата обращения: 03.04.2024).
5. Нуркова В.В., Взорин Г.Д., Березанская Н.Б., Подоровская С.А. Иерархическая регуляция произвольной памяти: включенность в деятельность, уровневые эффекты и судьба фоновых стимулов // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ierarhicheskaya-regulyatsiya-neproizvolnoy-pamyati-vklyuchennost-v-deyatelnost-urovnevyeffekty-i-sudba-fonovyh-stimulov> (дата обращения: 01.04.2024).
6. Соколов А.Б., Мерлаков Д.С. К вопросу о ситуационной судебной экспертизе в криминалистике // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 1 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-situatsionnoy-sudebnoy-ekspertize-v-kriminalistike> (дата обращения: 02.04.2024).
7. Сысоева Т.А. Влияние эмоционального состояния на мнемические процессы: эффект конгруэнтности // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования. М.: Институт психологии РАН, 2004. С. 89–108.

PSYCHOLOGICAL ASPECT OF RECONSTRUCTION OF A CRIME EVENT

Silakov O.Yu.
Kuban State University

The work highlights the process of analysis and reconstruction of events related to crimes through the prism of psychology, the author examines in detail how the perception, memorization and reproduction of information form the understanding and reconstruction of crimes, then discusses the influence of the emotional state on memory processes and how this influence is used to restoring accurate memories of events.

The article highlights the role of psychological research and memory theories, such as theories of depth of information processing, associative memory and the reconstructive nature of memory in the reconstruction of crime events. The author covers the work of psychologists in the reconstruction of crimes, focusing on the analysis of material and ideal traces, the use of forensic techniques and interrogation tactics, on methods of activating memory and analyzing non-verbal behavior.

At the end of the article, the author talks about the problems of psychological analysis in the reconstruction of crimes (situational examination) and the use of methods of psychological influence to ensure the reliability of the information received.

Keywords: psychology of perception, memorization, memory reconstruction, cognitive research, false memories, psychological analysis, forensic techniques, interrogation tactics, situational examination, methods of psychological influence.

References

1. Andreeva I.N. The relationship between emotional intelligence and individual manifestations of self-actualization // L.S. Vygotsky and modern cultural-historical psychology: problems of ontogenesis of moral consciousness and behavior: International scientific conference. Gomel: GGU im. F.Skorina, 2006. pp. 128–131.
2. Golovin S. Yu. Dictionary of a practical psychologist. Minsk: Harvest, 1998. 301 p. ISBN 985-433-167-9.
3. Krepyshev A.M. Psychology of reconstruction of a crime event and features of human memory // Law and State: Theory and Practice. 2020. No. 9 (189). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologiya-rekonstruktsii-sobytiya-prestupleniya-i-osobennosti-pamyati-cheloveka> (date of access: 04/02/2024).
4. Lyalina Ya.I. Study of the emotional-affective sphere of personality in the works of Théodule Ribot // Modern psychology: materials of the II International. scientific conf. Perm, July 2014. Perm: Mercury, 2014. T. 0. P. 1–6. URL: <https://moluch.ru/conf/psy/archive/111/6001/> (access date: 04/03/2024).
5. Nurkova V.V., Vzorin G.D., Berezanskaya N.B., Podorovskaya S.A. Hierarchical regulation of involuntary memory: involvement in activity, level effects and the fate of background stimuli // Bulletin of Moscow University. Episode 14. Psychology. 2023. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ierarhicheskaya-regulyatsiya-neproizvolnoy-pamyativklyuchennost-v-deyatelnost-urovnevye-effekty-i-sudbafonovyh-stimulov> (date of access: 04/01/2024).
6. Sokolov A.B., Merlakov D.S. On the issue of situational forensic examination in forensic science // Forensic science: yesterday, today, tomorrow. 2019. No. 1 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-situatsionnoy-sudebnoy-ekspertize-v-criminalistike> (date of access: 04/02/2024).
7. Sysoeva T.A. The influence of the emotional state on mnemonic processes: the effect of congruence // Social intelligence: Theory, measurement, research. M.: Institute of Psychology RAS, 2004. pp. 89–108.